

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ



БЛУДА И МУДО

Плутовской
роман
о нестоличном
сексе, о душах
живых и мёртвых,
об инопланетянах
и мерцоидах

18+

Алексей Иванов

Звезда КВН

Алексей Иванов — участник команды КВН «Спартак» из города Казань. Он известен своим остроумием и юмором. В составе команды он участвовал в нескольких сезонах соревнований. Его выступления всегда вызывают бурю эмоций у зрителей. Он является одним из ведущих игроков команды и часто отвечает за самые смешные моменты на сцене. Его талант и харизма делают его любимцем публики. В настоящее время он продолжает развиваться как артист и участвует в различных творческих проектах.

Алексей Иванов

Блуда и МУДО

Роман



**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

Художник Андрей Фerez

Иванов, Алексей Викторович.

И20 Блуда и МУДО : роман / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 571, [5] с.

ISBN 978-5-17-091280-3 (Новый Алексей Иванов)

ISBN 978-5-17-114201-8 (Проза Алексея Иванова)

«Блуда и МУДО» — современный плутовской роман. В провинциальном городе Ковязин молодые педагоги МУДО, бывшего Дома пионеров, спасая своё учреждение от закрытия, устраивают аферу: изображают, что в их загородном летнем лагере полным-полно отдыхающих школьников. Главный герой, философ и бонвиван Борис Моржов, путешествует по прежним любовницам-училкам, как Чичиков по усадьбам помещиков, и «чичит» сертификаты — «мёртвые души» несуществующих обитателей лагеря. А ещё в романе есть проститутки, продажные менты, коррупционеры-чиновники, деревенские алкаши и много прочего пёстрого народа. Но весёлый роман формулирует очень серьёзный вопрос: что правильнее — быть успешным или быть подлинным?»

Алексей Иванов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091280-3 (Новый Алексей Иванов)
ISBN 978-5-17-114201-8 (Проза Алексея Иванова)

© Иванов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

- Вы млекопитающий?
- Да.
- Приятного млекопитания.

Станислав Лем

Глава 1

МУДО

— Моржó! — с чувством сказала Дианка. В наиболее патетических ситуациях она почему-то всегда называла Моржова на французский манер. — Моржо!.. Иди в жо!

Ну, Моржов, собственно, и пошёл.

С жильём у него проблем не было. Приземлиться на время можно было и у Щёкина, который всегда нуждался в собутыльниках. Но в жизни Щёкина постоянно присутствовали жена Светка и сын Михаил, и Светка-то в собутыльниках Щёкина вовсе не нуждалась. Поэтому Моржов завис у Дашеньки. Дашенька любила Моржова, но её очень напрягало то обстоятельство, что Моржов женат. Дашенька быстро утонула Моржова тем, что требовала развода, а без него пыталась (правда, безуспешно) отказывать Моржову, как бы это выразиться... э-э... в близости. Моржов с разводом тянуть не собирался, но его обижала несообразность требований. В обмен на то, чего у неё было немерено (секс), Дашенька требовала то, что у Мор-

жова было в одном экземпляре (брак). Для Моржова это свидетельствовало о каком-то несправедливом раскладе отношений. Итог получился обычный: когда Моржов устроился на работу в педтехникум художником-оформителем, ему предоставили в общежитии койко-место; на это койко-место он от Дашеньки и переехал.

Затем появились деньги. Вообще-то про деньги Моржов мечтал уже давно и думал, что встретит их морально подготовленным. В запасе даже имелись перечни предметов роскоши, подлежащих первоочередной покупке. Но деньги появились тихо и без предупреждения, словно лёгкое недомогание. Несмотря на их количество, весьма внушительное по меркам города Ковязина, они вдруг показались Моржову зыбкими, как головокружение. Их зыбкость эстетически противоречила живописной мощи намеченных приобретений, и Моржов, соблюдая гармонию, ничего не стал покупать.

Тут опять вылез Щёкин с прогнозируемым предложением эти деньги пропить. Предложение выглядело очень заманчиво, но мешали два фактора. Во-первых, пропить столько было не под силу даже Щёкину. А во-вторых, Моржов, чтобы не позориться на работе, закодировался и теперь от первой же рюмки мог и помереть, если чего не хуже.

Моржов начал нервничать. Вдруг судьба обидится на то, что Моржов не пользуется её подарками, и окончательно повернётся к Моржову тем местом, в которое его уже нацелила бывшая жена?.. А пользоваться подарками судьбы поспешно и бессистемно Моржов всё равно остерегался. За цифрами денежных перечислений ему мерещился укоризненный Призрак Великой Цели. Призрак являлся в рубище, имел тёмный лик, словно обожжённый неведомым огнём, крючковатый нос и горящие глаза. Он был лыс, как яйцо. С гневом библейского пророка он требовал потратить деньги на себя.

Призрак Моржову был противен. Великая Цель Моржову всегда казалась чем-то вроде очень длительного, мучительного и постыдного самоумерщвления, вроде смерти от алкоголизма. Исходя из нажитого опыта, Моржов считал, что жизненные цели должны быть мелкими, близкими и грязными.

А между тем остро стоял вопрос с пластинами. Пока Моржов жил у Дианы, этот вопрос тихонечко и плоско лежал вровень с паркетом. В чертогах родителей Дианки считалось, что пластины Моржова не имеют никакой ценности, кроме себестоимости материалов, потраченных на их покраску. Дианка относилась к пластинам никак. А когда Моржов был изгнан из чертогов, пластины вдруг взяли да и продались на какой-то никому не известной «Староарбатской биеннале». Вот тогда из неведомой дыры тотчас вылез Призрак Великой Цели. Моржов для краткости называл его ПВЦ. Корча угрожающие рожи, Призрак стал различными жестами привлекать внимание Моржова к себе. Намёки его сводились к тому, что деньги не вечны, что новые деньги принесут только новые пластины, а закрашивать их, сидя в общаге на койко-месте, невозможно. На запотевшем стекле вечности Призрак пальцем писал: «Сними квартиру, идиот!»

Казалось, Призрак был прав. Тем не менее в его советах таился внутренний изъян. Великая Цель — и какая-то там съёмная квартира... Это была нелепость, которая компрометировала всю идею. Цель не может быть Великой, когда она обеспечивается такой прозаической ерундой. Ну — дворцом Борджиа там ещё, сокровищами Монте-Кристо, фамильным замком... Но не съёмной же по дешёвке квартирой, честное слово! Так не делается. Франкенштейн не собрал бы своё чудовище из дохлых тамагочи. Надоедливый Призрак не понимал, что подобным дурацким предложением он рубит сук, на котором

сидит. Моржову за Призрака было неловко, и Моржов отворачивался.

В общем, он понимал Призрака. Призрак рассуждал по законам своей эстетики. Моржов чувствовал: дух Великой Цели так же эпопейно, неподъёмно тяжёл, как и разрешение квартирного вопроса, поэтому для Призрака съёмная квартира была органичным этапом реализации Великой Цели. Для Призрака квартира была «мастерской» — ну, рабочим местом, алтарём для глубокомысленного и несуетного служения Моржова Великой Цели. Но Призраку не хватало вкуса, чтобы осознать: моржовские пластины к этому служению непригодны. Да и сам Моржов тоже.

Однажды родители Дианы исхитрились достать себе и дочери тур в Турцию — и уехали. Моржов остался стеречь чертоги. Когда хозяева вернулись, с чертогами был полный порядок, только все их неиспользованные объёмы были забиты пустыми бутылками. Квартира стояла оцепеневшая, словно в шоке от внезапно приобретённого опыта. Диана и Моржов ещё могли в ней жить, а вот родители Дианы — уже нет. Так вот и сейчас: Моржов вдруг обнаружил в себе некий переизбыток былого, который не позволял ему хоть как-то сопрягать себя с Великой Целью. Снять квартиру, чтобы в ней закрашивать пластины, — это было слишком серьёзно по отношению к себе.

Сам Моржов расценивал свою вероятную квартиру только как логово, где он бы мог немного попереть устои морали. И он счёл, что Призрак не имеет права на перепрофилирование этого жилища, потому что в своё время даже не почесался, чтобы Моржов его обрёл. Призраку было наплевать, по каким углам Моржов околачивался до «Староарбатской биеннале». (Кстати, это немного обижало Моржова.) Например, тот же Щёкин, который предлагал пропить моржовские деньги, в «эпоху углов» бескорыстно поил Моржова на свои. Призрак бы

никогда на подобное не расщедрился. Значит, рассудил Моржов, Призрак и права не имеет предъявлять какие-либо претензии.

Конечно, в подобных размышлениях было что-то бездуховное, бизнесменское: ты — мне, я — тебе. Но Моржов сознательно держал себя на бездуховной стороне вещей, потому что на их духовной стороне он всегда и во всём оказывался виноват. Однако пусть Призрак и был исключительно высокодуховен, но вот эстетически он оставался невежественным и совершенно бесчувственным. Художественная мастерская — и где? В городе Ковязине?.. Город Ковязин — это не мансарды Монпарнаса. Здесь даже инопланетяне на контакт с человечеством должны были бы выходить, стуча азбукой Морзе по батареям.

В съёмной квартире заключалась и ещё одна скрытая угроза. Конечно, наличие собственной посадочной площадки значительно упрощало вопрос уединения, когда было с кем уединиться. Но резерв кандидатур содержался в общаге педагогического техникума, и проживание в квартире лишало Моржова свободного доступа к резерву. А вариант «жить в общаге и иметь квартиру для встреч» (помимо его технической нелепости) ещё и провоцировал на меркантильную фальшь в отношениях с подругами. Пришлось бы всякий раз сложными путями выяснять, что подругам нужно больше: Моржов или его крыша? И без того несложный базис моржовских вожделений вообще бы просто расплющился под тяжестью такой громоздкой надстройки отношений. Моржов не желал неприятностей своему базису, которому и так крепко доставалось от укоров Призрака.

В общем, снимать квартиру Моржов не стал. Он поступил и проще, и хитрее. Он уволился из педтехникума и выделил незначительную часть от полученной суммы на взятку, чтобы комендантша не изгнала его из общаги.

Таким образом, сохранившись в общаге, как в пройденном уровне компьютерной игры, Моржов устроился на работу в бывший Дом пионеров «Родник». Дом пионеров нуждался в «методисте выставочного зала». К этому методисту выдвигалось всего два требования: хоть какая-нибудь причастность к миру искусства и согласие на зарплату некрупного насекомого. Моржов был и причастен, и согласен, а потому получил сразу два плюса. Первым плюсом была большая подсобка, в которую сразу же переехали его пластины. Вторым плюсом был Щёкин, который в бывшем Доме пионеров вёл туристический кружок при спортивно-декоративном отделе.

Хотя на самом деле всё было не так уж и просто. Началось с того, что Моржов заподозрил у себя шизофрению.

В то время он работал в фирме «Чип и Дейл» дизайнером. Фирма специализировалась на изготовлении мебели под заказ. (Название «Чип и Дейл» вообще-то было мебельным брендом «Чиппендейл», адаптированным к интеллекту хозяина.) Моржов эту мебель придумывал и вычерчивал на бумаге. Работа была несложная, и Моржов выполнял её левой ногой в любом состоянии — и в пьяном, и в похмельном, и, разумеется, в трезвом. Фирма имела только один недостаток: денег хозяин не платил. У него всегда находились объяснения, подкреплённые вескими сводками бухгалтера: мол, фирма не заработала ни хрена. Чтобы сотрудники не роптали, хозяин вместо оплаты прибавлял им дни к отпуску сверх положенных по КЗОТу. Довольно скоро Моржов понял принцип этого бизнеса: полгода работаешь бесплатно, полгода отдыхаешь без денег. Поняв, Моржов ушёл в запой.

В четверг и пятницу он пил на работе. В субботу — у Дашеньки, роман с которой переходил в самую интересную фазу. Утром воскресенья Моржов переместился

к Щёкину, а вечером Светка, жена Щёкина, переместила Моржова восвояси. В понедельник Моржов умирал с похмелья; во вторник — воскресал. А в среду он впервые заподозрил у себя шизофрению.

В среду он тоже не пошёл на работу (он уже как-то привык не ходить туда, если не хотелось). Проснувшись, он лежал в постели и прислушивался к своим ощущениям. С похмелья голова у него была изнутри как хлоркой промыта — дочиста, словно вокзальный писсуар. Рядом спала Диана.

Диана и её родители поразительно легко относились к моржовским запойным исчезновениям. На вопрос, где он пропадал, Моржов браво отвечал: «Не помню!» — и этим ответом все вполне удовлетворялись. Так что за мир в своей семье Моржов был совершенно спокоен. Он лежал на диване в постели и курил.

Дианка проснулась, заворочалась, что-то бормоча, потом поднялась на четвереньки — лохматая, как растаманка, — перелезла через Моржова и босиком пошлёпала в туалет. Вернувшись, она забралась на своё место у стены, уселась над Моржовым и закуталась в одеяло.

— Слушай, Борька, — сказала она, — мы так давно не занимались сексом по утрам...

Моржова с похмелья чуть не вытошнило себе на грудь.

— Я не могу, — тотчас отпёрся он.

— Почему?

— Я просыпаюсь, вижу этот мир — и у меня шок.

С кухни доносился звон посуды и плеск воды. Это Дианкина мама готовила завтрак.

— У меня с утра хорошее настроение, — шёпотом вкрадчиво сказала Диана, — я выспалась. И мне надо, чтобы меня трахал мужчина, а я бы кричала — пусть мама услышит.

У Моржова, и без того полураздавленного похмельем, брови задрались настолько, что скальп съехал на затылок.

Это сказала Диана? Диана?! Всегда такая невыносимо благопристойная, когда речь шла о сексе?..

Моржов вытаращился на Дианку — даже глаза заслезались. Диана стала вся какая-то радужная, переливчатая. Она словно бы мерцала, и Моржов не мог понять: под одеялом она голая или в ночнушке?

— А зачем твоей маме слышать, как ты кричишь?.. — ошарашенно спросил он.

— Маме? — удивилась Диана. Она вмиг сделалась как-то конкретнее, мерцание исчезло. Моржов увидел, что Диана всё-таки в ночнушке. — Тьфу, Борька, чего ты лешишь?.. Маме совершенно не нужно слышать всё это. Да я и не собираюсь кричать. Даже не думай про какое-нибудь безобразие!

Моржов ничего не понял.

С мамой у Дианки были весьма непростые отношения. Дианкина мама поражала Моржова хмурой, тяжёлой красотой и агрессивной нелюдимостью. В первые недели брака Моржов ожидал, что мама обварит его кипятком. Потом он понял, почему мама его не приняла. Мама соглашалась на любые выходки Дианкиного папы — лишь бы папа был при ней. Но мама справедливо боялась, что Моржов папочкины причуды терпеть не согласится. Тогда придётся делить чертоги — разменивать квартиру. И после размена папочка-барин уйдёт на лучшие жилищные условия к какой-нибудь молодой красавице. Поддразнивая маму, папочка часто намекал на нечто подобное. С мамой, похоже, у него давно уже были только приятельские отношения.

Половое созревание Дианы, единственной дочери, пришлось на время постепенной деградации папочки. Сначала папочка был директором элеватора, что в городе Ковязине означало вхождение в местный мелкотравчатый истеблишмент. На этом этапе у Дианкиной семьи в центре города образовались двухкомнатные чертоги.

Блуда и МУДО

Они были отремонтированы стройбригадой элеватора, и папочка заставил их польскими гарнитурами, что предназначались для Ленинских уголков. А ещё в те времена у папочки оформилась привычка к бутылочке в сейфе. Легитимность бутылочки объяснялась сортом водки — «Пшеничная». Но хлеба налево и хлеба направо довели папочку до потери адекватности. Когда времена поменялись, секретари райкомов ушли в торговлю недвижимостью, директора совхозов спились окончательно, а папочка в одиночку упал в бурный океан жизни — словно капитан с мостика резко развернувшегося парохода. Пароход элеватора проплыл мимо капитана, и папочка едва выгрёбся на остров Чунга-Чанга — в гаражный кооператив сторожем.

В ипостаси хозяина элеватора папочка, наверное, был славным дядькой. Его самомнение вполне равнялось элеватору. Но сейчас папочке требовалась моральная компенсация падения, и он превратился в глупого и вечно пьяного хвастуна. Мама безоговорочно верила папочкиным рассказам о молодых любовницах (водительницах роскошных иномарок из его гаража) и всемогущих друзьях (владельцах этих же иномарок). А Моржову папочка назойливо надоедал нескончаемыми проверками на соответствие Моржова понятию «настоящий мужик».

«Чего у Дианки такие сапоги старые? — ни с того ни с сего вдруг вскидывался папочка за обеденным столом. — Борька, давай покупай ей новые сапоги! Ты не мужик, что ли, — бабу свою обуть не можешь?» Или (вечером у телевизора после пары стаканов): «Чтоб через три года у меня на обоих коленях по внуку сидело, поняли? Борька! Тебе, мужику, сыновей, что ли, не надо?» (Можно подумать, что у самого папочки сыновей была целая дюжина, и все — Герои Соцтруда.) Моржов на такое не обращал внимания. Он и сам, если нужно, был мастером пьяной brutality.

За пьяную брутальность и полюбила его Диана. Потом Моржов догадался, что она выбирала мужа по папочке. Правда, ей не хватило ума понять, что Моржов походит на её папочку одной только любовью к выпивке. Но Моржов не стал раскрывать Дианке глаза. Моржова в ней устраивало всё, потому что Моржова восхищало её тело. Он и женился-то на теле, пренебрегая чирканьем души где-то сверху. И он был прав, потому что душа, полученная в довесок, не возражала против главного моржовского бытового недостатка — пьянства. (Про распутство душа, разумеется, не знала.) Диана считала: если папочка пьёт, то и мужу не зазорно.

Диана и сама замечала, что тем самым она потихоньку превращается в свою маму. Но боролась с превращением она довольно своеобразно: ей требовалось, чтобы Моржов переплюнул папочку. Моржов в силу возраста ещё мог перепить папочку, но вот трахаться круче папочкиных намёков — нет, не мог.

При всём своём великолепном теле Дианка толком и не поняла, зачем оно, собственно, нужно. Соперничая с мамой, Диана нуждалась в доказательствах неистовой мужской силы Моржова. Однако ей казалось, что рост неистовства — дело Моржова и одного только его. Поскольку Моржов ленился и в неистовстве не рос, Диана всё категоричнее выносила свой интим на мамино обозрение. Поначалу Моржова изумляло, что после секса Дианка бежит в ванную через комнату родителей в одних трусах, напоказ трясая напряжинившимися грудками. Потом Моржов привык, сочтя подобное сумасшедшей семейной традицией. Любой брак, оказывается, волок за собой целую связку таких традиций. А затем, отойдя от медовой эйфории, Моржов заметил, что если мама за стеной, то Дианкин отлёт в космос сопровождается ещё и усиленными обезьяньими воплями.

...Щёкин говорил грубые банальности, но от всеобщего употребления истина не переставала оставаться истинной. Щёкин говорил, что мужики меряются «у кого длинше», а бабы — «у кого глубже». Поскольку даже у диванного клопа всё равно было «длинше», чем у Дианкиной папочки, Моржову меряться было незачем. Следовательно, этими воплями Диана выясняла отношения с мамой. Правильность вывода Моржов подтвердил экспериментально: при соитиях в парке имени Чкалова и в сквере за бульваром Конармии Диана молчала как мышка... Всё это было бы терпимо, но Моржову начало казаться, что мама лежит на их диване третьей. Такое преодоление мамы его несколько угнетало.

— Диана, иди завтракать! — крикнула мама из кухни. Моржова из завтрака она вычла.

Солнце выглянуло из-за занавески, и в пыльных чертогах всё опять замерцало.

— Борька, лентяй, пропойца, ты всё врёшь, что не можешь! — любовно прошептала Дианка, наклоняясь к Моржову. — Если ты сейчас займёшься мною, я разрешу тебе сделать мне чего-нибудь такое, чего раньше не разрешала. Ну, чтобы кричать...

Моржову опять показалось, что он ослышался. Раньше он уже пробовал иносказательно объяснить Диане, что любовное неистовство можно реализовать не только в децибелах и килогерцах, но и по-другому. Мол, если мы хотим натянуть мамочке нос, то давай сделаем так и так — Моржов показывал на пальцах. Мама охренеет — сто пудов. Диана гневно шлёпала его по рукам. Ненормативный секс был для неё страшнее, чем для букваря — ненормативная лексика. И сейчас Моржов, невзирая на последствия алкогольного дефолта, даже приподнялся на локте:

— Ты что, согласна на всё, лишь бы орать?

— Ничего себе торг! — в свою очередь удивилась Диана. — Я никакими извращениями не занималась и не

буду! А ты, между прочим, муж и должен выполнять свои супружеские обязанности!

Моржов сморгнул. Ему даже захотелось заглянуть за спину Дианы — не прячется ли там какой-нибудь бес? Однажды он уже допивался до натуральных чертей.

— Слушай, — сердечно произнёс Моржов, укладываясь обратно на спину. — Я с похмелья — как с того света. Если ты чего хочешь — начинай сама.

Позу «женщина сверху» Диана ненавидела. Она считала её даже в семейном интерьере ужаснее, чем поступок леди Годивы. Моржову вообще казалось, что и прочие-то ласки Диана предпочла бы оказывать ему в резиновых перчатках. А в её рот из посторонних предметов дозволялось попадать только ложке.

Моржов понимал, что этот мир состоит из нестыкуемых противоречий, вроде жажды свободы под сильной рукой. На кой хрен он, развратник, женился на пуританке? И как его жена-пуританка собирается перетрахать свою маму, образно говоря, сохранив девственность?.. Ожидая в ответ на своё предложение бурю негодования, Моржов прикрыл глаза и глядел на Дианку сквозь ресницы. Диана мерцала. Мерцала Диана. Мерциана...

— Ну, я не могу начинать сама!.. — виновато прошептала Мерциана. — Я стесняюсь, разве ты не видишь?.. И вообще... Мне надо, чтобы ты сам... Чтобы ты меня... немного изнасиловал. Тебе ведь можно. Ты — муж, мужчина...

— Чего?! — опять подлетел Моржов. — Тебя надо изнасиловать?..

Диана тарасилась на него, плотнее закутываясь в одеяло.

— Моржо! Ты охамел! — холодно сказала она, качая головой.

Моржов сощурился.

Диана обиженно отвернулась.

Блуда и МУДО

— Не всё же надо говорить словами... — страдальчески сказала она. Сейчас она опять была Мерцианой.

Моржов протянул руку и погладил Дианку, словно хотел проверить галлюцинацию на ошупь.

— Эй-эй! — Диана строго отбросила его руку. — Давай-ка без всего этого! Я тебе не из таких!.. — Она помолчала, тихонько превращаясь в Мерциану и оттого словно расцветая. — «Такой» ты меня ещё сделай сначала...

Моржов сунул руку под диван, нашарил среди тапочек свои очки и нахлобучил их на нос, пристально разглядывая Диану.

— Я это слышу или не слышу? — честно спросил он.

— Ты о чём? — не поняла Диана и опасно оглянулась по сторонам. — Ты вообще с кем разговариваешь?..

Моржов подумал, что алкоголь, похоже, прожёт в его мозгах дыру. Провода оголились, заискрились — отсюда и мерцающая Диана. Моржов испугался угрозы короткого замыкания.

Он вылез из постели и суетливо полез в штаны.

— Ш-шизофрения, блин!.. — бормотал он. — Допился, скот!..

Он убежал без завтрака. Убежал совещаться со Щёкиным.

Но Щёкина дома не оказалось — рабочий день. Дома была только жена Щёкина Света, сидевшая с сыном.

Моржов приземлился попить чаю со Светкой, но и с ней получилось не лучше, чем с Дианой. Светка тоже мерцала. Моржов не понимал, с кем он говорит. Одна Светка, обычная, кляла Щёкина за свинство и подозревала в супружеских изменах. Она въедливо расспрашивала Моржова и пыталась по его оговоркам нарисовать себе Щёкина эдаким мачо. (По мнению Моржова, на мачо Щёкин походил как швабра на «шаттл».) А другая Светка, мерцающая, просила: «Борька, ты же бабник! Пристрой его куда-нибудь! Пусть он приходит домой

весь в чужой помаде, в трусах, поспешно надетых задом наперёд, пусть щучит меня вдогонку недоделанному на стороне, сбрасывает в меня жар, раскочегаренный другими!..» От такой откровенности Моржов высоковольтно вибрировал.

Он решил, что начал слышать тайные мысли, как в старом кино «Чего хотят женщины». Он шатался по улицам Ковязина, подсовывая себя женщинам на глаза. Но он не услышал ни одной мысли, хотя прочёл множество однообразных пожеланий. Тогда он купил пива, и после третьей банки весь мир стал радужным и мерцающим.

Хмельным, но не совсем уж пьяным он заявился к Дашеньке. Роман с Дашенькой у Моржова был в той стадии, когда девушка ещё жеманится, изображая каждую свою сдачу милосердной уступкой и жертвой. Признание взаимности желания пока что считалось неприличным.

У Дашеньки сидели гости. Моржов без усилий переключился на мерцающий диапазон. (Мерцоид! Вот как следует называть обитателей этого пространства!) Мерцоид Дашеньки томился по Моржову, изыскивая способы спровадить гостей. Моржов без труда увлёк Дашеньку-мерцоида в подъезд и овладел им (ею?..) на лестнице. Это было тройне удивительно, поскольку раньше Дашенька не давала целовать себя даже при включённом ночнике.

Моржов понял, что под воздействием алкоголя в его глазах этот мерцающий мир отслоился от реального мира, как под воздействием удара кулака от зрачка отслаивается роговица. Если бы Моржов был Щёкиным, который слонялся по Ковязину в поисках хоть какого-нибудь сексуального приключения, он бы только радовался появлению мерцоидов. Но Моржову для чувственной сытости вполне хватало уже имеющихся подруг. Поэтому Моржов переполошился. В алкогольно-сексуальной шизофрении он не нуждался. Пускай лучше всё остаётся по-старому: шатко-валко, сикось-накось, потихоньку-поле-

гоньку. Кривая и так вывозила Моржова, незачем было её спрямлять. И тогда Моржов пошёл в больницу и закодировался от пьянства.

Мерцоиды исчезли.

В актовом зале Дома пионеров Моржов сразу уселся на крайний стул в последнем ряду. Отсюда можно будет незаметно смыться с педсовета, когда совсем припрёт жажда покурить. Чего Моржову делать на педсовете? Он же не педагог. Он — методист выставочного зала. Его задача — картинки развешивать. Что дадут, то и повесит. А детей воспитывают другие члены коллектива. Директриса Шкиляева просто выпендривалась перед начальством и потому согнала на итоговый майский педсовет всех, кого смогла, кроме уборщиц и сторожей.

Педагогов набралось человек тридцать. Моржов быстро перебрал всех взглядом. Приятно было попятиться на молоденьких училки, новеньких — только что из педтехникума, но они сели далеко и спиной к Моржову. Миленочку Чунжину загородила толстая бабища, руководительница кружка вышивания. Танцовщица Таня на лицо была страшенькой, а на фигурку — просто прелесть; но сегодня она явилась в каком-то дурацком жакете, так что и смотреть было не на что. Толстая и весёлая Оля показывала теннисисту Каравайскому фотографии в огромной стенгазете и полностью закрыла себя ватманом.

— Свободно? — раздалось над Моржовым.

Рядом стояла Роза Идрисова. Она лукаво указала Моржову пальчиком на соседний стул и в смущении прижала пальчик к губам, словно стул был чем-то не очень приличным.

— Проходи! — радушно пригласил Моржов и напоказ широко раздвинул колени, чтобы Роза могла протиснуться между ним и спинкой стула напротив. — Свободно, — многозначительно добавил он, так же широко улыбаясь.

Моржов носил огромные, в пол-лица, очки-окна с толстой, как оконная рама, оправой. Эти очки в сочетании с улыбкой, несколько лошадиной физиономией и высоким ростом придавали Моржову дебильно-жизнерадостный вид. Такой вид очень помогал при общении с начальством, а также в различных двусмысленных ситуациях. Впрочем, Роза была девушкой неглупой и, похоже, многоопытной, а потому в капканы Моржова попадала только тогда, когда хотела попасть. Но хотела она почти всегда.

Вообще-то из соображений приличия полагалось, чтобы Моржов встал, а Роза, пробираясь к месту, была обращена к нему лицом. Но Моржов и не подумал встать (дебил до этого не догадается), а Роза повернулась к Моржову спиной и начала протискиваться мелкими шажками, выпятив зад. Роза была в жёлтой блузке и тонких белых брючках в обтяжку. Она пронесла над моржовской промежностью свои крупные, тугие и круглые ягодицы, как большую амфору, наполненную вином. Моржов, разумеется, оценил.

Когда Роза уселась, Моржов наклонился к её ушку и невинно прошептал:

— Тебе очень идут эти стринги.

Роза укоризненно посмотрела на него. Игра игралась по правилам. Моржов типа как оказался бестактным, его типа как осадили. Моржов понимал, что всё это — именно игра. Если бы Розу оскорбил его комплимент, то она бы не вела себя с ним как Мальвина с Буратиной. А сейчас мягкий укор Розки вполне соответствовал фривольному статусу Моржова: эдакий шалун, бонвиван, невоспитанный обаяшка.

Никакой любовницей Моржову Роза не была. Моржов ни разу даже не подкатывался к ней, да и не планировал ничего подобного. Он вообще побаивался распускать руки на работе.

В зал вошёл Щёкин, остановился, что-то засовывая в карман, и осмотрелся в поисках Моржова. Щёкин был маленького роста, лобастый и ушастый. Моржову он казался похожим на заварочный чайник.

— Вон твой слонёнок, — наклоня голову к Моржову, шепнула Роза, указав на Щёкина ресницами.

Моржов помахал Щёкину рукой. Щёкин, увидев, что единственное место рядом с Моржовым занято, помрачнел и пошагал к первым рядам, поздоровался за руку с краеведом Костёрычем и уселся к Моржову затылком.

— Чего он такой хмурый? — спросила Роза.

Вообще-то Щёкин всегда был хмурым.

— Завидует, — негромко и с чувством объяснил Моржов.

— Чему? — вроде бы как не поняла Роза.

Она явно провоцировала Моржова на следующий комплимент.

— Не скажу, — ответил Моржов.

На новый комплимент Роза ещё не заработала.

— Чего?.. — не расслышала Роза.

Моржов снова склонился к её ушку, чтобы повторить, но Роза в это время томно вздохнула:

— Душно здесь...

Она подцепила пальцем ворот блузки и потрясла одежду, словно проветривая себя. Склонившийся Моржов как раз и увидел под блузкой в телесно-коричневом сумраке спелые и бледно-смуглые груди Розы, туго подхваченные снизу сеточкой лифчика.

— Розка, поросёнок!.. — отшатываясь, зашипел он.

Роза отпустила блузку и, склонив голову, с улыбкой победительницы откровенно посмотрела на Моржова. Кто здесь что зарабатывает? Она — право слышать комплименты, или он — право говорить их?

Моржов, кусая губы, сокрушённо уставился в окно с видом человека, который обдумывает планы реванша.

Вообще-то Розка была ужасно аппетитной. Моржов даже принялся скрести левую лодыжку подошвой правого кроссовка. «Не девка, а помидорка!» — подумал он.

Конечно, Розка была красива. Красива по-татарски: невысокая и фигуристая. Может быть, даже слишком фигуристая: груди и попу она всегда носила словно напоказ, как вёдра на коромысле. И ещё эта татарская персиковая смуглость, и губки — словно надутые, и тёмные глаза — большие и наивные, как и положено настоящей врушке. Было в Розке что-то яркое, цветастое, восточное; она наводила на какие-то ориенталистские мотивы: гурии, одалиски, танец живота... Моржов попытался вызвать Розкиного мерцоида — но кодировка продолжала действовать. Оставалось лишь вообразить: наверное, когда Розка сидит голая, у неё животик округляется и тонкой серповидной складочкой отделяется от...

«Да тьфу ты, блин!.. — мысленно принялся плевать Моржов. — Я ведь на педсовет пришёл!»

Розка сидела довольная. Она положила ногу на ногу и скрестила руки так, что груди, обтянутые блузкой, выкатились, а на блузке пропечатался рельеф лифчика.

— А чего у нас Манжетов делает? — спросила Розка.

Моржов обдумал вопрос: не кроется ли в нём подвох?

— Он нам расскажет, по каким принципам в будущем учебном году станет строиться работа учреждений дополнительного образования, — тщательно и осторожно ответил Моржов.

— А ты знаешь про Чэнжину?

Моржов нашёл взглядом Милену Чунжину. Она сидела в третьем ряду и, склонив голову, читала какую-то брошюру, придерживая ладонью прядь волос.

— А что мне про неё надо знать?

Роза стрельнула глазами по сторонам — не видит ли кто?

— Она с Манжетовым...

Блуда и МУДО

Роза расцепила руки и тихонько потыкала указательным пальчиком левой руки в указательный пальчик правой. Потом она опять сложила руки, спрятав кисти под мышки, и уставилась на Моржова с испытующей улыбкой. Она ждала моржовской просьбы о помиловании.

Моржов шмыгнул носом, глядя Розке в глаза.

— Молодость даётся человеку только один раз, — с внушением сказал он.

Розка в досаде задрала глазища к потолку, приоткрыла рот и принялась трогать передние зубы кончиком языка. Моржов усмехнулся. Розка хотела снова поддеть его, а он перевёл разговор на то поле, с которого женщине положено всегда отступать. Розке, получается, пришлось тупить — изображать дурочку, не понимающую намёка. Моржов, ухмыляясь, нанёс ещё один удар:

— А чем собираешься заниматься летом ты?

В контексте любовной связи Милены Чунжиной и Манжетова этот вопрос звучал с необходимым двусмыслием.

— Мы — люди подневольные, — печально сказала Розка. — Что скажут — то и делаем...

Моржов как не слышал: не изменил ни позы, ни ухмылки. Розка предпринимала контратаку, изображая покорность и доступность. Но Моржов не собирался покупать. Во-первых, на этой мине он уже взорвался, когда заглянул в вырез блузки. А во-вторых, такой приёмчик действовал лишь тогда, когда был внезапен и сопряжён с натуральной демонстрацией доступности.

Розка поняла, что теперь грабли не сработали.

— Организацией массовых мероприятий, как и положено методисту по организации массовых мероприятий, — мстительно сказала она, занимая оборонительную позицию.

Моржов с правом наступающего чуть придвинулся поближе к круглому бедру Розки, смиренно положил ладони на колени и вкрадчиво сказал:

— Я могу предложить тебе организовать одно очень приятное массовое мероприятие, но мне будет нужна твоя методическая помощь.

Роза тяжело вздохнула, мечтательно полуприкрыв глаза. Что поделатъ: она была вынуждена переходить к вооружённой обороне.

— Борь-ка!.. — сладко, но предостерегающе пропела-прошептала она. — Кончай!

Моржов уже открыл было рот, чтобы совсем загнать Розку в угол, пользуясь её столь неудачным словечком, но тотчас подумал, что подобный каламбур будет как раз в его дебилно-жизнерадостном стиле, а потому кивнул и милосердно промолчал.

— А сейчас я передаю слово Александру Львовичу, — сказала Шкиляева, поднялась из-за стола и отодвинула стул. — Думаю, представлять его нашему коллективу нет необходимости...

«Почему это нет?» — удивился Моржов. Сам он, конечно, знал, что Манжетов — начальник департамента образования районной администрации. Но вот, скажем, Щёкин наверняка этого не знал. К примеру, в двухтысячный Новый год Щёкин традиционно напился и только в марте узнал о том, что Ельцин — больше не президент. Но Шкиляева считала начальствлюбие неотъемлемой частью души любого человека. Представлять Манжетова казалось ей так же нелепо, как оповещать о количестве рук или ног.

Манжетов уже шагал к столу Шкиляевой, по пути оглядываясь на педсовет и благодарно кивая. Он поддёрнул брюки на коленях, уселся и положил руки на стол, сцепив пальцы в замок.

— Власть решила поговорить с народом! — крикнул Манжетову теннисист Каравайский.

Манжетов одобрительно улыбнулся.

— У нашей власти, и мы все знаем о ней, есть генетическая особенность, — доверительно сказал он хорошо поставленным сочным голосом. — Едва обстановка в стране успокоится, власть сразу же отрывается от общества. Ну так давайте вместе поворачивать власть лицом к людям! Общество должно контролировать администрацию!

Моржов от удовольствия расплылся по стулу. Во! Местоимением «мы» Манжетов ловко прочертил линию фронта так, что оказался на одной стороне с народом, который сам же и виноват в том, что власть им пренебрегает. А лично Манжетов здесь ни при чём. У власти, мол, генетика такая, никуда не погрёшь. Это уже отдавало высокой трагедией неразделённой любви. Переводить неразделённую любовь в насильственное супружество было этическим и эстетическим преступлением, недостойным художественно развитой личности.

— Давайте разговаривать в формате «круглого стола», — предложил Манжетов и развёл руки, словно обхватил ими некую округлость.

Моржов, прищурившись, рассматривал Манжетова. Манжетов давно уже обтёрся во власти, и образ его обрёл лоск и долгожданную законченность. Так старое кресло постепенно принимает форму задницы хозяина.

Манжетов был рослым, красивым и уже немного дородным мужчиной. Его комплекция производила впечатление той укоренённости в жизни, когда энергичность ещё не растворена массой тела. Манжетов пришёл на педсовет в тёмных брюках и в белой рубашке с короткими рукавами: это придавало образу доступность и демократичность. Обнажённые сильные руки, покрытые тёмным волосом, намекали на то, что на самом деле

рукава как бы засучены для трудной работы. Рубашка не мешала Манжетову оперативно реагировать на все особенности момента.

По привычке врождённого фрейдизма (попросту говоря, по необоримой развратности мышления) Моржов копал Манжетова вглубь его личной жизни. Лёгкость рубашки, противоречащая утреннему майскому холодку, деликатно нашёптывала доверчивым гражданам о физическом и нравственном здоровье своего носителя и о его пренебрежении к мелким неудобствам. Для гражданок же, которые составляли подавляющее большинство граждан, лёгкая рубашка давала невесомый посыл о возможности своего быстрого устранения — и о горячем, холёном мужском теле. Причём идея горячего тела (при подозрении в использовании сексуального обаяния) могла мгновенно конвертироваться в идею горячей души, поневоле раскаляющей организм.

— Итоговый доклад Галины Николаевны о работе вашего учреждения в минувшем году я выслушал с огромным интересом, — поделился с педсоветом Манжетов. — Признаюсь: я поражён! Я не ожидал, что ваше учреждение столь масштабно по охвату детей нашего города и к тому же имеет такую высокую репутацию среди учреждений вашего профиля в области!..

— А что область! — крикнул Каравайский. — У меня Наташа Ландышева заняла третье место по России в подростковой лиге!

— Поздравляю, — Манжетов слегка поклонился Каравайскому. Персональность этого поздравления означала вежливую просьбу заткнуться: заслуги признаны, и большего ждать незтично. — Но на примере вашего учреждения я вижу некоторую... э-э... феодальную замкнутость. Впрочем, она характерна не только «Роднику», а очень и очень многим. Почему в городе не знают об успехах Дома пионеров? Почему вы не идёте в другие уч-

реждения, в школы с пропагандой своих педагогических достижений?

— Потому что, кроме Шкиляевой, в них никто и не поверит, — буркнула Роза. Она разложила на коленях журнал и разгадывала кроссворд, задумчиво постукивая по губам кончиком ручки.

Шкиляева, сидевшая на первом ряду, шумно вздохнула и виновато улыбнулась: мол, мы скромные, ничего с собой поделать не можем. Манжетов пожурил её строгим взглядом.

— Так что не только власть отрывается от общества, но и весьма успешные учреждения тоже, — пошутил Манжетов.

В зале раздались подобострастные смешки.

Моржов посмотрел на Милену Чунжину, которая пересела поближе к стенке, чтобы никто не мог вместить в один взгляд сразу и её, и Манжетова. Милена отчуждённо листала свою брошюру. Уже не надеясь на мерцидов, Моржов в воображении сам быстро раздел Милену и Манжетова, сложил их друг с другом, приставил друг к другу так и сяк — и с ревнивым неудовольствием понял, что эта пара выглядит весьма органично.

— Однако, и все мы это понимаем в равной степени, не надо терять голову от успехов, — строго сказал Манжетов. — Я вот приготовил вам несколько цифр из наших статистических отчётов.

Не глядя, он опустил руку и поднял с пола чемоданчик, оставленный возле стола заранее. Он ловко и аккуратно уложил чемоданчик перед собой, как ноутбук, раскрыл и извлёк файл с компьютерной распечаткой.

— В нашем городе, и это, по данным комитета статистики, девятнадцать с половиной тысяч детей в возрасте до восемнадцати лет, — надев узкие золочёные очки прочитал Манжетов. — В то же время, по данным социологических опросов, тысяча триста детей хотя бы раз

пробовали наркотики, а триста пятьдесят подростков состоят на учёте как наркоманы. — Манжетов снял очки и оглядел притихший зал. — По данным того же опроса, десять процентов подростков не посещают школу. В кружках и секциях занимается только пятнадцать процентов подростков. Две с половиной тысячи подростков состоят на учёте в детской комнате милиции. — Манжетов открыл рот, но не сразу сообразил, как обратиться к педагогам: «товарищи»? «господа»? — Коллеги! — нашёлся он. — Цифры страшные!

— Какой ты мне коллега? — буркнула Роза.

— Отчего такое происходит? — риторически спросил Манжетов.

«Ну конечно, мы плохо работаем!» — сразу ответил Моржов, объединив себя с педагогами, хотя к педагогике не имел никакого отношения.

— Плохо работаем! — сокрушённо признался Манжетов.

— Да почему плохо-то? — закричал Каравайский. — Я сколько раз просил: дайте мне дополнительное помещение! У меня детей — море, все хотят теннисом заниматься! Нету помещений!

— Конечно, и надо сказать честно, виноваты не одни лишь педагоги, — признал Манжетов, игнорируя Каравайского. — Мы, чиновники, виноваты не меньше. Но в чём наша общая вина? — Манжетов требовательно и внимательно оглядел зал. — Наша вина в том, — веско произнёс он, — что мы не можем охватить полностью всё свободное время ребёнка, и дети уходят на улицу, уходят в криминал. Мы замыкаемся на своих успехах и не видим всего объёма поля деятельности. Попросту говоря, мы не отвечаем запросам времени. Мы подросткам неинтересны!

Моржову почудилось, что за правым плечом Манжетова воздух как-то странно задрожал и помрачнел. По-

хоже, там начинал материализацию Призрак Великой Цели. Моржов стрельнул взглядом в сторону — можно ли сбежать?

Манжетов вздёрнул брови, трагически озирая педсовет. Педсовет сдержанно и недовольно загомонил. Шкиляева повернулась, обводя педагогов гневным взглядом.

— Наше время — рыночное, — продолжил Манжетов с интонацией тяжёлых размышлений, которые предшествовали выводам. — Нравится нам это или нет — но это так. А система образования — такой же сегмент рынка, как и всё прочее. Нужно это учитывать.

— Вы считаете, что, если все кружки сделать платными, проблема будет решена? — негромко спросил краевед Костёрыч.

— Не надо утрировать. — Манжетов потряс в воздухе ладонями, словно пояснял, что руки у него чистые и корыстного рыночного интереса в его словах нет. — Рынок, и нужно смотреть на вещи глубже, это взаимоотношения спроса и предложения. С рыночной точки зрения, на наши педагогические услуги попросту нет спроса. А его нет потому, что предложение не соответствует приоритетам общества. Галина Николаевна только что привела убедительнейшие примеры, и я не оспариваю вашего профессионализма, высоты вашего педагогического мастерства, господ. Но вы, как профессионалы, и в этом корень бед, забываете о корреляции предложения своих услуг с запросами общества. Никто не говорит о том, что школа или Дом пионеров должны зарабатывать деньги, как, скажем, коммерческая структура. Это абсурд. Речь идёт о том, что наша школа — в широком смысле слова, и это как с экономической, так и с духовной стороны, — в нынешнее время попросту нерентабельна. В этом и состоит её современный кризис. Вы, как педагоги, должны вернуться из девятнадцатого века в двадцать первый. Ну а мы, как чиновники, должны организовать процесс пре-

доставления педагогических услуг — и не более того. Вы со мной согласны?

— А что делать, если финансирования нет? — закричал Каравайский. — У меня в зале потолочные балки гнилые, и нет денег на ремонт! А потом закроют зал как аварийный, и куда я детей дену? Какой тут рынок!

— Вы совершенно правильно говорите, — согласился Манжетов. — Мы тоже, и в этом вина наша, чиновников, работаем по старинке. На образование направляются огромные средства, а где они? Где эффект? Я вам поясню на примитивном примере. Скажем, вот ваши соревнования по настольному теннису. В них должны принять участие сто человек. На каждого человека отпускается рубль. А на соревнование пришли только пятьдесят человек. То есть пятьдесят рублей улетели в трубу! А на эти деньги можно было бы отремонтировать ваш зал.

— Да у меня никогда меньше заявленного числа участников не бывает! — возмутился Каравайский.

— Это просто пример, он не относится лично к вам, — поморщился Манжетов. — Я всего лишь объяснил схему финансирования образования, в результате которой деньги попросту улетучиваются в никуда. Но в применении этой схемы вина не ваша, педагогов, а наша — администраторов. И наш департамент начал реформирование этой схемы, да и всей системы муниципального образования. Создан проект, и пока ещё это только проект, подчёркиваю, новой схемы финансирования. Суть её заключается в том, что от финансирования заявленных мероприятий мы переходим к финансированию по результатам. Соревновалось у вас пятьдесят человек — пятьдесят рублей и будет выделено. А другие пятьдесят рублей пойдут на ремонт. Мне кажется, это абсолютно разумная схема.

— А более конкретно? — спросил Костёрч.

— Говорю более конкретно. — Манжетов сделал успокаивающий жест. — С будущего учебного года финанси-

Блуда и МУДО

рование учреждений образования будет осуществляться по подушевому принципу. Сколько у вас детей — столько денег и будет выделено. Скажем, всем школам на летний ремонт выделяется по пятьдесят тысяч рублей. Но в одной школе пятьсот учеников, а в другой полторы тысячи. Согласно новому принципу, и это справедливо, одной школе будет выделено двадцать пять тысяч рублей, а другой — семьдесят пять. Если маленькая школа недовольна, пусть предоставляет педагогические услуги такого качества, что родители приведут в неё больше детей, и финансирование соответственно увеличится. Что поделать — рынок, конкуренция.

— Это вы про школу, а про нас? — спросил кто-то из педагогов.

— С учреждениями дополнительного образования ситуация та же самая. Если у педагога в кружке пять человек, то он и зарплату будет получать только за пятерых воспитанников. Не ставку, как раньше, а по факту. Если пятьдесят человек — то и зарплата будет в десять раз больше, чем у того, у кого всего пятеро. Если вы профессионал, у вас будет пятьдесят детей. А если вы, извините, от токарного станка — то вам, наверное, будет выгоднее вернуться к станку. Синекура отменяется.

Каравайский тотчас вскочил с места, хотя у него-то детей в кружках было не пятьдесят человек, а все пятьсот.

— Если всё на детей сведётся, то как же хозяйственные проблемы решать? — крикнул он. — У нас в Троельге два стола теннисные стоят, никому не нужные. Я думал: будут соревнования — я сгоняю туда машину, привезу их. Столов-то не хватает! А с подушевым финансированием как я машину пошлю? Пропадайте столы, да? Я про новые столы и не прошу уже — каждый сорок тысяч стоит! Так хоть эти дайте забрать!..

Манжетов откровенно ничего не понял.

— В Троельге у нас корпуса бывшего летнего лагеря, — пояснила Шкиляева. — Он сейчас не действует. А там теннисные столы.

— Знаете, это частный вопрос, — снова поморщился Манжетов. — Мы и решим его в частном порядке. При чём здесь наш разговор?

— Моржов... — прошептала Роза, всё ещё колдующая над кроссвордом. — Персонаж поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — кто?

— Витязь, — не думая, шепнул Моржов. — Или тигр. Или шкура.

— Подушевое финансирование убьёт дополнительное образование, — сказал Костёрыч. — Мы ведь не школа, посещение которой обязательно. У нас — и производственные риски и избирательность действия...

— Давайте не будем заниматься демагогией, — мягко осадил Костёрыча Манжетов.

Моржов снова поглядел на Миленочку Чунжину. Она отложила брошюру и привалилась плечом к стене, скрестив руки на груди. Она смотрела на Манжетова как-то устало и укоризненно, словно хотела показать, что с этим человеком она не имеет ничего общего.

— А как вы собираетесь контролировать количество воспитанников? — не унялся Костёрыч. — Проверками?

— Вы же сами знаете, и это всем известно, как проверки действуют на нервы педагогам, — улыбнулся Манжетов. — Нет, мы не будем стоять над каждым учителем. Для контроля вводится система сертификации школьников. В мае, и это уже сделано, во все школы были разосланы сертификаты, и они сейчас находятся у каждого классного руководителя. Сертификат выглядит вот так... — Манжетов снова залез в чемоданчик и достал сертификат, издали напоминающий диплом о высшем образовании. Манжетов развернул сертификат и показал его педсовету. — Свой сертификат, а он выдаётся каждому под-

ростку по первому его требованию, школьник приносит руководителю кружка, в котором желает заниматься. Учёт будет вестись по количеству сертификатов у педагога. Всё очень просто.

— А если ребёнок желает заниматься в двух кружках? — спросили из зала.

— Вот с этим, конечно, проблема, — согласился Манжетов. — И мы опять возвращаемся к вопросу рынка. Ребёнок может посещать сколько угодно кружков. Сертификат — это его право на бесплатные занятия в одном кружке. В одном! Всё-таки наше образование — не самая богатая отрасль народного хозяйства. Во все остальные кружки, и размеры платы сейчас обсуждаются в департаменте, ребёнок может ходить на коммерческой основе. Конечно, плата будет разумная, сопоставимая с низкой покупательной способностью населения. Но сертификат — это гарантия бесплатности любого кружка для любого ребёнка. Зарплата педагогу будет начисляться исходя из количества сертификатов. А от платных детей, и это согласно закону о предпринимательской деятельности, — процент.

Гомон обсуждения пополз по рядам педагогов. Манжетов переживал. Моржову это было безразлично — он же не педагог. Роза тоже была методистом и потому не отрывалась от кроссворда.

— А соревнования? — крикнул Каравайский, снова вставая. — Затраты на них будут заложены в подушевое финансирование или нет? Соревнования — это главное! Я понимаю — краеведение, — Каравайский вдруг указал пальцем на Костёрыча. — Там всё ясно: кто-то больше родной край любит, кто-то меньше. А в настольном теннисе только соревнование определяет уровень подготовки!

— Всё будет заложено, — подтвердил Манжетов, глядя на Каравайского остекленевшими глазами.

Моржов подумал, что уже, в общем, настало время покурить. Он навалился на спинку своего стула и вытянул ноги под другой стул, который стоял впереди.

— Более того, коллеги! — Манжетов похлопал ладонью по столешнице, призывая педагогов к вниманию. — Мы в департаменте, и решение уже принято, рассмотрели все учебные учреждения нашего города и наметили сделать ваш «Родник» испытательной площадкой для реформирования муниципального образования в целом. В вашем учреждении, и оно единственное, которое работает летом без каникул, самый высокий в городе процент педагогов высшей категории. Думаю, вам самое место именно на переднем крае педагогической реформы. Наступающее лето необходимо сделать временем накопления опыта, чтобы с осени вводить новый порядок по всему городу. Я думаю, для этого лета вашим девизом должны стать слова «инновации», «модернизация» и «оптимизация».

Эти страшные слова породили опасливый гул.

— Скачаю из Интернета кучу всякой хрени и раздам всем педагогам, — не поднимая голову от кроссворда, зло сказала Розка Моржову. — Вот и все инновации. Испугали бабу членом.

— Да потише вы, что же такое! — оглядываясь, крикнула Шкиляева в зал.

— А почему с нами никто не посоветовался, превращая нас в экспериментальную площадку? — спросил Костёрыч.

— Константин Егорович, дайте же Александру Львовичу слово сказать! — рявкнула Шкиляева.

— А вот вы и высказывайте своё мнение! — тотчас ответил Манжетов. — По вашим замечаниям департамент будет корректировать процесс модернизации учреждений образования. Если все будут отмалчиваться, и это ещё одно свидетельство косности, несовременности на-

шего мышления, то и реформа опять забуксует. Сколько бы вы ни обижались на начальство, но ведь именно власть инициирует реформы — а инициатив с мест как не было, так и нет!..

— Под терминами «модернизация» и «оптимизация» обычно скрывается тривиальный процесс сокращения кадров! — дрогнув голосом, громко сказал Костёрыч.

Шум голосов заполнил зал, словно зал зарос звуковым кустарником. Шкиляева поднялась с места, развернулась лицом к педагогам и застыла. От её ледяного взора гам потихоньку пригибался, пригибался и наконец улёгся совсем, как трава, побитая заморозком. Моржов посучил ногами и немного сполз вниз по стулу. Со стороны казалось, что он уменьшился в росте. Роза изумлённо покосилась на Моржова, но промолчала.

— Неправильно понимаете! — возразил Костёрычу Манжетов. — Департамент не собирается закрывать кружки в принудительном порядке. Но сертификация позволит определить нерентабельные структуры. Эти структуры мы будем переводить на базу школ. Подчёркиваю: никого увольнять не будут, сокращения не будет. Но невостребованные кружки, в которых занимаются по три-пять человек, и это и есть оптимизация образования, пусть переходят в школы, где для них подберут подходящее время и помещения. Надеюсь, никто не будет спорить, что, например, компьютерная грамотность в наше время важнее навыков кройки и шитья у трёх-пяти девочек. Не обижайтесь, коллеги. Решение жёсткое, но всё в ваших руках.

— А как вы собираетесь отслеживать процесс, если весь контроль будет только за сертификатами? — не унялся Костёрыч.

— Через методическую службу. Методисты нашего департамента за лето подготовят новые требования к программам работы кружков, чтобы кружки были действи-

тельно инструментом дополнительного образования, а не посиделками с чаепитием...

Розка посмотрела на Моржова, который почти лежал спиной на сиденье стула, и шёпотом спросила:

— Моржов, ты куда полез?

— Курить хочу, — тихо ответил Моржов.

— Во главе угла должно стоять сбережение поколения, а не хобби педагогов или нежелание что-либо менять! — античным трибуном гремел Манжетов. — Извините, что говорю резко, но я верю в вашу гражданскую совесть!

Моржов встал на четвереньки и пополз к выходу из зала. Роза в ужасе прикрыла глаза ладонью. Педагоги смотрели на Манжетова, разгорячённого пафосом, а Манжетов не видел Моржова за спинками стульев. Моржов юркнул из зала в вестибюль.

Вестибюль был пуст, если не считать молоденькой пухлой девушки, которая рассматривала на стенах детские рисунки. Девушка оглянулась на стук моржовских коленей и эротично приоткрыла рот. Моржов поднялся, отряхивая штаны.

— Это нервное, — пояснил он девушке.

Моржов подвинул ногой кирпич, который держал дверь открытой, высек зажигалкой огонь и закурил. Дом пионеров размещался в бывшем особняке бывшего купца Забиякина. Костёрыч как-то рассказывал Моржову, что купец Забиякин за свой счёт замостил набережную реки Талки вдоль Водорезной улицы под Семиколоколенной горой, и городской магистрат дозволил купцу поставить здесь дом. Забиякин втиснул особняк на склоне, отступив от линии застройки, а от роскошного портика скатил к Водорезной улице парадную лестницу с гипсовыми вазонами. Теперь эту лестницу поперёк пересекал забор из сетки-рабицы, интеллигентно выкрашенный в зелёный цвет. Площадку перекрывали лёгкие сварные

Блуда и МУДО

воротца, всегда запертые на амбарный замок, да ещё и петли их были обмотаны ржавой цепью.

Через главный вход в Дом пионеров никто не ходил. Кому охота спускаться с горы по Кремлёвскому спуску, топтать по Водорезной улице вдоль длинного ряда гаражей городской пожарки и подниматься обратно по лестнице? В Дом пионеров все ходили с бульвара Конармии, где очень удачно сохранились кирпично-кудрявые ворота Георгиевской часовни. В этой часовне был фамильный склеп Забиякиных. После революции склеп то ли выкопали, то ли закопали, а часовню снесли нафиг. Тропинку от её ворот до заднего входа в Дом пионеров заасфальтировали, и всё получилось так, будто сам Забиякин распланировал это ещё в позапрошлом веке.

Бульвар Конармии поднимался по круче Семиколоколенной горы, отделённый от склона чугунной оградой. Склон был укреплён стеной из тёмного дикого камня, и кружева ограды оторочили её гребень. Между бульваром и задним фасадом Дома пионеров образовалась яма, замкнутая глухим брандмауэром пожарных гаражей — некогда каретным двором Забиякина. В этой яме, всегда тенистой и какой-то интимной, купец насадил парк и воздвиг ротонду. Завистливое предание, излагаемое Костёрычем, гласило, что здесь Забиякин розгами учил уму-разуму дворовых девок. Это обстоятельство всегда подвигало молодых сотрудниц Дома пионеров на некие педагогические размышления, которые сопровождались натянутыми улыбками. Но ротонды давно уже не было, а парк из юного стал старым, и его кроны из-за ограды вздыбились над бульваром Конармии выше всех светофоров.

С задней стороны особняка Забиякина тоже имелся портик, но поскромнее — двухколонный. Вдоль всего здания тянулась открытая галерея с балюстрадой. Невысокое утреннее солнце переливалось за листвой огромных

тополей. Сквозь тополиный шелест с бульвара доносился стук женских каблучков, фыркание пролетающих машин, клочкотанье изношенного автобусного движка на тяжёлом подъёме. Моржов облокотился на балюстраду, покрытую старческими пятнами птичьего помёта. За его спиной над дверями блесло косноязычием стекло торжественной вывески: «Муниципальное учреждение дополнительного образования “Родник” города Ковязин». Тополя качались под ветерком с Талки, солнце мерцало за светофорами, и в глубине алого стекла колыхались причудливые зелёные блики.

Моржов безмолвно гордился, что в одиночку раскрыл тайну забиякинского поместья, хотя и не был краеведом, как Костёрыч. Моржов понял, что коварный сладострастник Забиякин отомстил новым хозяевам жизни. Название этой мести Моржов сократил до ПНН: Проклятие Неискоренимой Непристойности. Моржов в этом парке сумел вычитать краткий и беспощадный смысловой ряд ПНН: уединение, наказуемые девки, бульвар, задний вход... Моржов сначала не поверил своей проницательности, но отвернулся — и взгляд его ударил в красную от стыда табличку, на которой знаменным золотом пылала скрытая аббревиатура: «МУДО».

Моржов шурился от солнечных вспышек и от наслаждения. Его не смущало то, от чего Костёрыч тихо бы содрогнулся. Месть Забиякина вызывала в Моржове злорадное удовлетворение, словно бы Шкиляева на педсовете читала мораль о ценностных установках современного педагога, а в стопку методичек на её столе по недосмотру затесался бы «Плейбой»... МУДО — оно и есть МУДО, размышлял Моржов, и нечего тут деликатничать. Что там за тёрки у Шкиляевой с Манжетовым? Что за словесный блуд? Значит, опять решили что-нибудь продать.

Моржов сдвинулся по галерее к углу здания и опустил взгляд. С марта всё осталось по-прежнему... Этот

угол он брал для своей левой пластины из серии «Городские углы». Выкрошенный руст фундамента, рыхлая жёлтая штукатурка стены, исцарапанный, но всё равно поженски соблазнительный точёный изгиб балясины, тупой брус перил, а сбоку прислонён разбухший от сырости дощатый поддон, и всё это наискосок перечёркнуто безвольной мятой нитью телефонного провода-воздушки, что свесился с крыши... Из-под угла отчаянно топорщился куст — словно завопил от боли, когда его прищемило зданием. Во всей этой фактуре была такая энергетика, такая прочность временного, нелепого, халтурного и случайного...

Моржов тихонько поднял взгляд. С этого места он обнаружил ещё один секрет ПНН, нагипнотизированный купцом Забиякиным. Тополя парка были посажены так, что от края галерейки наискосок к подпорной стене протянулась узенькая аллея. Эдакое зелёное ущелье меж изогнутых тополиных ветвей. Взгляд, разгоняясь, скользил вдоль неё и сквозь чугунное кружево ограды бульвара снизу попадал под юбки студенток, которые шли вверх по бульвару к педтехникуму. Тёплый ветерок с Талки развевал юбочки, и студентки хлопали себя по бёдрам, по задам, сдувая подола, как воздушные шарики. Забиякинское воспитание дворовых девок лукавым эхом отзывалось в заполошенных шлепках ничего не подозревающих студенток. Увидел бы Манжетов этот неистребимый архетип педагогики — может, и не полез бы со своими инновациями, модернизациями, оптимизациями...

Впрочем, разве педагогика была нужна Манжетову? То, что требовалось Манжетову, то, что торжествовало в этом мире, Моржов без смущения считал просто ДП — Дешёвым Порно. Ведь что есть Дешёвое Порно? Это публичная и профессиональная долбёжка друг друга за небольшие деньги, но с удовольствием, к тому же без любви, без артистизма и даже без декораций. Поэтому ПНН,

проклятие купца Забиякина, правильнее было бы называть ДП(ПНН). ДП по отношению к простому ПНН было неким ленинизмом по отношению к марксизму.

(Моржов любил для простоты запоминания важные вещи аббревиатурить. Эти аббревиатуры были его личной иконографией, а в любой иконографии зашифрована система мира.)

Моржов длинно сплюнул. Не хотелось думать про Манжетова. Ноги потные ему в рот, дохлых чертей ему три кадушки. Вот плюнуть бы так же на всю мораль, на весь формализм и посвятить высокое искусство закрашивания пластин единственной теме, которая всегда и для всех интересна: теме тёплого ветра, который внезапно раздул на девушке юбку.

Нет, это не похабно — разве может быть похабен ветер? Это сердечно, мило и с любовью к процессу — потому что результата нет. Какой здесь может быть результат?.. В живописи это было бы так увлекательно: круглые ляжки — по-весеннему ещё незагорелые, телесно-свежие; прозрачная тень подола; ткань, пронизанная солнцем; перетекание нюансов, рефлексов, оттенков мягкого цвета и света; изгиб форм, мгновенность ракурса, быстротечность перелива; зыбкость и трепетность проницаемой драпировки...

А-а!.. Моржов старчески закричал и щёлкнул с пальца окурочку куда-то подальше за поддон. Не выйдет. Ничего не выйдет. И дело не в морали. Что есть его пластины? Не пейзаж, не интерьер, не натюрморт. Он выбросил из пластин объём. Просто вывел его за скобки изображения. Он писал только поверхность реальных вещей. Не фактуру, в которой всегда заложена её история, а значит — судьба. Не энергетику вещей и их пространственное сопряжение. Он затруднялся сформулировать, что же он делал. Вот, к примеру, взять арабскую вязь. Он не знает ни слова и ни буквы по-арабски. Он даже не помнит,

как арабы пишут — то ли справа налево, то ли сверху вниз, то ли снаружи внутрь... Но он может нарисовать строчку, неотличимую от подлинной арабской вязи. Для араба эта строчка будет абсурдом, а для зрителя, не знающего арабского, — она будет арабской вязью. Стилизация без причины и содержания. Речь инопланетянина. Ёмкость для смысла, но не сам смысл.

Моржов на своих пластинах изображал поверхности, но не абстрактные, а реальные. С закрашиванием пластин его жизнь обретала редкостное удовольствие, потому что стала сплошным захватывающим поиском подходящих стыков бытия. И Моржов не числил свои пластины ни по разряду реализма, ни по разряду концептуального искусства. Ну их к бесу, эти разряды. Он делает просто декор — декор для стиля хай-тек. Он изначально нацеливался на хай-тек больше — в него и попал. Ему рассказали, что со «Староарбатской биеннале» его пластины уехали в какие-то компьютерные офисы и промышленные рекреации. Все его проданные циклы до единого — и «Городские углы», и «Рельсы и шпалы», и «Изгибы», и «Еловые стволы». А вот салоны, музеи и частные коллекционеры интереса к пластинам не проявили. Ну что ж, правильно. Не для них и делалось. Рукотворная и жеманная среда художественно организованного микрокосма отвергала Моржова, а техногенные и функциональные площади хай-тека прямо-таки намагничивали пластины на себя.

Но ПНН, проклятие купца Забиякина, действовало и на Моржова, хотя вовсе не Моржов экспроприировал забиякинскую усадьбу. Разве это пристойно художнику: не мочь нарисовать то, что хочется? А пластины как жанр не годились для цикла «Ветер и юбки». Изображать девчоночьи попки плоскостями, без объёма, — это извращение. На это были способны лишь накокаиненные французы, погрязшие в бытовой телесности. Моржов же был закодирован, к тому же судьба, забрасывая его, про-

Алексей Иванов

махнулась на сто лет. И пресыщение бытовой телесностью без денег, квартиры, среды (и собственно носителей бытовой телесности) в городе Ковязине стояло под вопросом. Ладно хоть, что времена изменились и за потуги пожить на виртуальных Елисейских Полях уже не грозили реальными Енисейскими.

Да и вообще... Объём — это всегда смысл. Органично писать со смыслом и без объёма умели только древнерусские иконописцы. Так что пластины Моржова в некотором роде были антииконами. Моржов не хотел никакого смысла. Только поверхность. Только поверхность. Глубины не надо. В глубине и больно, и стыдно — и непристойно. У Костёрыча, к примеру, была большая совесть, чтобы читать глубину. Он сидел в архиве, листая папки с расстрельными делами бывшего повара купца Забиякина, бывшего конюха купца Забиякина, бывшей экономки купца Забиякина, читал весь этот ужас, выныривал обратно в МУДО и здесь учил детей плаванью в глубинах. А Моржов туда, в глубину, не хотел — ему это было как провалиться в воду под лёд. Но без глубины цикл «Ветер и юбки» не нарисуешь, потому что в городе Ковязине женщины оголяются ради воды, а не ради живописи.

И было ещё одно безрадостное соображение. Оно заключалось в другом смысловом ряду: попка — это юбка; юбка — это купол; купол — это небо. Что же оказывается в сакральном зените?.. Может, с точки зрения повсеместных устремлений так оно и есть, сколько бы Шкиляева не долдонила про целевые установки педагога, но данный кластер потребностей обслуживало другое искусство. Оно распространялось в разном виде — от гламурного глянца до заезженной видеокассеты. И в этом лучезарном спектре цикл «Ветер и юбки» выглядел бы очень и очень пошло. А пошлости Моржов боялся больше всего на свете.

За дверями вдруг послышался гомон голосов, стук стульев — это закончился педсовет. Моржов оглянулся. Толпа педагогов повалила на выход. Из толпы плечом вперёд выдвинулся Щёкин. Он держал руки в карманах, а губами жевал незажжённую сигарету.

— Полфунта огня! — сумрачно потребовал он у Моржова, наваливаясь боком на балюстраду. — Срочно!

Прикурив, он сосредоточенно выпустил дым, вдруг вынул изо рта сигарету, свесился за перила и длинно, смачно сплюнул в газон, словно его на педсовете выгошнило.

— Знаешь анекдот про жадную слепую девочку? — спросил он, не поворачиваясь к Моржову.

— Не знаю, — сказал Моржов.

Щёкин саркастически усмехнулся, глядя на парк.

— Лето, блин!.. — с ненавистью произнёс он. — Ждёшь его, ждёшь, а на хрена, спрашивается? Чем лучше-то? Жара — шары вылезают. Комарьё кругом. А вчера купаться на Талку пошёл на пляж за водозабором — так холод сучий. В брюхе всё так и жжалось, аж трусы в зад всосало...

Моржов уже давно привык к апокалиптическому мировоззрению Щёкина.

— Ладно — жара, — Щёкин почесал поясницу, — так ещё и по улице не пройти... Зимой смотришь: любо-дорого! Все, блин, в ватниках, в валенках, глаза стеклянные, сопли к нижней губе примёрзли. А летом девки точно вытаяли. Ходят как голые. Выкатят всё что есть, и шпарят, будто так и положено. Куда отвернуться — и не угадаешь. На каждой секса по семь кило. На хрена в таком виде в общественном месте появляться? Люди же волнуются! Куда менты смотрят? Если мужиков полупьяных забирают в трезвяк, пусть тогда и баб полуголых забирают в публичный дом! Требую поправок в Административный кодекс! О чём наша Дума думает? Только даром народную кровь пьёт!

— Всё у тебя какие-то конские решения, — заметил Моржов.

— А ты чего другое предложишь? — ошетинился Щёкин. — Они зачем так одеваются? Чтобы их все хотели? Я хочу! Почему тогда не дают?

— Потому что у тебя денег мало.

— Они и с деньгами не дадут, — Щёкин горько вздохнул. — К тому же на мне что, написано, что ли, что у меня пистолей нет, как у д'Артаньяна?

— Написано, — подтвердил Моржов.

Щёкин презрительно скривился.

— Ой, я тебя умоляю!.. — простонал он. — Ни на ком ничего не написано, что за дресс-код да фейс-контроль, честное слово! Ты как приподнялся, так сразу таким москвидоном стал — тьфу! — Щёкин снова плюнул в газон. — Заведи себе костюм с галстуком и ходи, как молодой менеджер! Открой офис, купи ноутбук, возьми кредит на десять тысяч, запишись в фитнес-клуб, завтракай мандарином. Кто чего спросит тебя — говори всем, что очень занят и сможешь подъехать только полвосьмого!

— Ты чего сегодня такой злой? — не выдержал Моржов.

— А чего радоваться? Шкиляиха меня с июня в отпуск не отпустила!

— Ну, сходишь в поход со своими упырями.

— Куда, блин, в поход!.. Поход она мне ещё в апреле запретила! Говорит, департамент потребовал, чтобы у всех детей была прививка от этого долбанного прыщевоего энцефалита. Что, раньше-то не могли сказать? Прививку осенью положено ставить, а весной её только повторяют!.. Да мои упыри и не пошли бы в больницу.

— Почему? — удивился Моржов. — Цапнет клещ — мозги же зависнут..

— Ну и кто заметит? — Щёкин от презренья дёрнул плечами. — Обломился поход!.. А чего, Шкиляихе-то

проще, меньше геморроя — и всё. Я и думал: поеду, блин, в июне в Нижнее-Задолгое, буду бухать весь отпуск.

— Это что за Нижнее-Задолгое?

— Деревня. Вообще где-то за краем географии. Местные — одни космонавты. Раз в неделю автолавка приезжает, привозит стеклоочиститель. Вся деревня сразу в космос стартует. В Нижнем-Задолгом у Светки бабка жила, померла в прошлом году. От неё хибара на берегу Талки осталась.

— А Светка с Михаилом?

— Михаила я бы взял, а Светка мне там нафиг нужна? Ей и здесь хорошо. У неё гости через день.

— Какие гости?

— Инопланетяне, — сказал Щёкин. — Приземляются на своих аппаратах ей прямо в голову. Я с ней уже неделю не разговариваю — она с инопланетянами общается. Нашла у меня на воротнике рубахи какой-то длинный волос, схватила его, положила на подоконник. Я с упырями задержусь — она меня прямо на пороге этим волосом по лбу бьёт: «Опять у любовницы пропадал?» Какая, блин, на хрен, любовница?! Мне вообще никто не давал!..

— Никогда? — спросил Моржов.

— Никогда, — согласился Щёкин. — Я рыцарь без страха и порока.

Моржов тяжело вздохнул и снова закурил.

— Щекандер, прекрати разлагаться, — с чувством сказал он. — Ты почему такой пессимист?

— Я не пессимист, я реалист, — злобно ответил Щёкин.

— Нет, ты пессимист.

Щёкин немного подумал и так же злобно ответил:

— Пессимист и реалист — это одно и то же.

Моржов в бессилии возвёл глаза к солнечному небу и помолчал, словно прочитал в уме молитву.

— Ты анекдот хотел рассказать про жадную слепую девочку, — напомнил он Щёкину.

— Да он не смешной, — буркнул Щёкин, совсем упавший духом. — Пошли лучше пожрём куда-нибудь...

— Погоди — докурю. — Моржов показал ему сигарету.

— Ну, докуривай быстрее! Работай щеками-то!

Заложив руки за спину, Моржов задумчиво ходил вдоль витрин и стендов своего выставочного зала, раздумывая о новой концепции экспозиции. Перемены потребовала Шкиляева. До мая действовала выставка «Люби родной край». В мае Шкиляева где-то узнала, что нынешний год, оказывается, объявлен ЮНЕСКО Годом гор (может, конечно, и не ЮНЕСКО, а ООН, или ФИДЕ, или вообще какими-нибудь Тиграми освобождения Тамил Илам). Моржов тотчас получил директиву: переоборудовать экспозицию под тему «Год гор».

На витринах и стендах демонстрировались произведения детского творчества: вышивки, меховые игрушки, поделки из природного материала, модели, макеты, разные там икебаны-оригами-макраме. То, что было поуродливее, действительно сделали дети. Но Шкиляева требовала выставлять только красивое, поэтому самые уродливые поделки лежали в подсобке в шкафу, за стенкой которого Моржов хранил свои пластины, а на витринах присутствовали в основном изделия педагогов.

Костёрыч сидел у раскрытого окна и курил душераздирающую сигарету «Прима», стряхивая пепел в консервную банку на подоконнике. Костёрыч никогда не пользовался более приличными сигаретами Моржова. «Не стоит привыкать, Борис Данилович», — виновато пояснял он Моржову, отказываясь от протянутой пачки.

Моржов присел на корточки перед массивной тумбой, разглядывая подробный и дотошный макет Спасского собора. Макет был сотворён краеведческим кружком Костёрыча.

Блуда и МУДО

— Константин Егорыч, каких детей написать на этикетку в авторы? — спросил Моржов и вытащил из заднего кармана брюк маленький, как у официантки, блокнот.

Костёрыч мягко улыбнулся.

— Вы же всех моих мальчишек знаете, — сказал он. — Всех шестерых и пишете.

— А у Женьки как фамилия?

— Сачков.

— А разве Вадик Пинягин трудился над макетом? Он же в больнице полгода лежал.

— Ну и что. Пишите-пишите. Он не обидится.

— Так перед другими нечестно. Другие обидятся.

— Эх, Борис Данилович, не работали вы с детьми, — вздохнул Костёрыч. — Это для вас этикетка — фиксация авторства. А для них эти подписи — словно бы свидетельство того, что этот макет подарили именно им. Дети не видят особенной разницы между производством и обладанием. Чего они сами сделали — тем, значит, и владеют. И от подарков отказываться не умеют. Можете написать на этикетке хоть всех шестиклассников Ковязина — никто из них не возразит.

Моржов хмыкнул, покосившись на Костёрыча. Костёрыч, улыбаясь, ввинтил окурочек в банку. «Почему мужчина, попадающий в школу учителем, сразу отращивает бороду и начинает носить свитер вместо пиджака?» — подумал Моржов, разглядывая Костёрыча. В марте в МУДО награждали победителей конкурса «Учитель года». Среди победителей было три мужика — словно три Костёрыча: все с бородами, в очках и в свитерах.

— А если дети считают макет своим, они не хотят забрать его себе? — спросил Моржов.

— Хотят, — подтвердил Костёрыч. — Но в их возрасте уже появляется тщеславие. И для них большее удовольствие заключается в том, что все другие видят,

какой игрушкой они владеют. Поэтому поделки и остаются в кружках.

— Я думал, профессия галериста сродни просветителю, — ухмыльнулся Моржов, — а оказывается — пиарщику.

— Натура человеческая эгоистична насквозь, — кивнул Костёрыч. — Особенно — детская. И наше дело — облагораживать и развивать, а не уродовать и отсекать. Кстати, Борис Данилович, у макета трактора надо сменить этикетку. Трактор у меня другая группа делала, старшая: Васенины Серёжа и Саша и Андрюша Телегин. Это Роза Дамировна перепутала авторов.

Моржов внёс в блокнот бисерную запись.

— А прежние владельцы не рассердятся? — ехидно спросил он. — Получается, вы их подарок другим передариваете.

Костёрыч засмеялся так, что его борода растопырилась веером.

— Ничего-ничего, — заверил он. — Играть с трактором им всё равно не приходится, так что жадничать они не станут. Я им скажу, что это — настоящий бескорыстный поступок, они ещё гордиться будут.

— Какая-то у вас двуличность воспитания, — провокационно заметил Моржов.

— Это просто игра, Борис Данилович! — тотчас обиделся Костёрыч. — Все эти взрослые выставки — для детей игра! У неё для взрослых одни правила, для детей — другие!

— «Дети и собаки кушают отдельно», — процитировал Моржов старое застольное правило.

— Двуличие — это когда я поправляю детские поделки, потому что Галине Николаевне они кажутся недостаточно мастерскими, — добавил Костёрыч. — Но так подходить нельзя. У детей — всё творчество, даже огород, раскопанный под картошку.

Блуда и МУДО

Моржов взял стул, поставил его посреди зала, сел и скрестил руки на груди, вдумчиво оглядывая экспозицию. Как «Люби родной край» переделать в «Год гор»?

Половину экспозиции составляли поделки краеведческого кружка Костёрыча. Моржов реально представлял, сколько труда, времени и кропотливости Костёрыча ушло на все эти макеты храмов и пароходов, на гербарии, коллекции окаменелостей, ржавых амбарных замков, угольных утюгов и расписных прялок. Сколько денег потратил Костёрыч на поездки с детьми по деревням и лесам окрестностей Ковязина. Сколько денег Костёрыч угрохал на клей, картон, краску...

Костёрыч снова закурил, глядя в раскрытое окошко. Выставочный зал помещался в угловой и самой возвышенной части здания. Окна смотрели поверх поворота Водорезной улицы, поверх искрящейся Талки, поверх шиферных крыш заречного района. Отсюда открывался вид на весь среднерусский окоём, что от бетонных башен дальнего элеватора разъехался полями и перелесками сразу вглубь и во все стороны света.

Благодаря любопытству Розки Моржов знал весь несложный жизненный путь Костёрыча: детство в Ковязине, школа, областной пединститут, Дом пионеров, Дом пионеров, Дом пионеров, а затем — МУДО, МУДО, МУДО. Вот и всё. У Костёрыча от первой жены был сын, примерно ровесник Моржова. Сына звали Роман. Первая жена ушла от Костёрыча по причине его полной житейской бесперспективности. Сын Роман Костёрыча презирал. Сейчас он жил где-то в областном центре и процветал на стезе какой-то дистрибуции. Вторую жену Костёрыча Моржов видел несколько раз. Это была маленькая и тихая женщина с красивым и усталым лицом. Она работала в Сбербанке важной начальницей, получала раз в десять больше Костёрыча и, по существу, содержала Костёрыча, его кружок в МУДО и всё краеведе-

ние города Ковязина. Моржов не мог понять: то ли жена безумно жалела Костёрыча, то ли боготворила его. Детей у них не было.

Моржов никогда не пытался представить Костёрыча с его женой так, как он во время педсовета моментально представил Манжетова с Миленой Чунжиной. В Костёрыче было какое-то безусловное право на тайну, на уединение, на интимность его отношений с женщиной. У Костёрыча эти отношения так же органично требовали своего отделения от повседневной жизни, как у купца Забиякина — публичности.

Здесь, в выставочном зале, у Забиякина была спальня. Главное помещение его особняка. Городской магистрат крепко пожалел, что разрешил Забиякину вымостить набережную Талки, потому что участок Водорезной улицы в пределах слышимости от забиякинского особняка стал запрещен для барышень, гимназистов и воспитанников ремесленного училища. Здесь невинный юношеский слух в любой момент мог быть уязвлён страстным кошачьим воплем, что исторгали наложницы Забиякина.

Впрочем, изнутри, из спальни, всё выглядело не столь уж дико. Конечно, Забиякин был развратником. Но в его сладострастии не было подлости, низости и похабства. Видимо, поэтому Забиякин и не прятался от города, а свою спальню поместил в той части здания, которая наиболее заметна с улицы. Спальня была щедро освещена окнами (которые весьма сокращали экспозиционную площадь выставочного зала). Забиякинский приют греха разительно отличался от тех приютов, куда заносило Моржова, — от сумрачных и тесных полуподвальных саун ковязинского района под названием Багдад.

В спальне Забиякина было светло и просторно. Летом окна стояли настежь — как сейчас. Мирные среднерусские окоёмы окружали спальню, как море окружа-

ет яхту. И всё, что Забиякин творил на этой яхте, словно бы включалось в контекст пространства и становилось естественным. Окоём реабилитировал Забиякина, и нелепо было упрекать могучего купца развратом. Вокруг его города русалочьей косою обвилась Талка, а треугольники полей за волнующимися рощами были как девичья нагота за отдутым купальным полотенцем. Покатые холмы Колымагиных гор со всеми складками своих потаённых лощин, сейчас открытых солнцу, лежали как обессиленная любовница, забывшая о стыде. Раздутые облака громоздились над миром наплывом женственных изгибов, напряжённых от страсти до горячего сферического сияния.

Костёрыч рассказывал, что для наиболее одарённых красавиц Забиякин вызывал из губернии живописца, и тот запечатлевал разнеженных дев среди сутробов шёлковых постелей. Эти полотна украшали стены спальни. После революции чекисты прикладами сбили с карнизов круглозадых гипсовых амуров и пышногрудых нимф, а картины растащили по своим квартирам — возможно, вместе с девами. Стены завесили лозунгами и плакатами. В некотором смысле это тоже была смена экспозиции. Моржов встал со стула и прошёлся вдоль витрин.

— Константин Егорыч, какое отношение к горам может иметь этот аэроплан? — спросил Моржов и качнул рукой растопыренную кордовую модель самолёта, висевшую на лесках.

— Аэроплан?.. — задумчиво переспросил Костёрыч. — Н-ну.. У нас в тридцатых годах на Чуланской горе, ближе к лесу, был учебный аэродром Осоавиахима.

— Пойдёт, — согласился Моржов и внёс информацию в блокнотик.

На заре своей псевдотрудовой деятельности в Доме пионеров Моржов думал, что смена экспозиции выставочного зала — это, собственно, и есть смена экспози-

ции. Точно так же, как поделки детей — это то, что дети сделали своими руками. Потом ситуация прояснилась. После первой же своей смены экспозиции Моржов получил от Шкиляевой такой разнос, что по инерции чуть не улетел с работы за профнепригодность. Шкиляева велела восстановить всё что было и вернуть на витрины и стенды красивые поделки, а ту мазню, стряпню и фигню, что выставил Моржов, раздать обратно педагогам для доведения до товарного вида. Моржов не стал спорить, потому что спорить не любил, да и вообще он не затем затесался в МУДО. И вскоре Моржов уже овладел философией процесса смены экспозиции.

— А Спасский собор к Году гор как можно присоседить?

Костёрыч посмотрел на Моржова с мягким укором.

— Он же на Семиколоколенной горе стоит...

Процесс смены экспозиции в МУДО шёл в три этапа. Первый этап — какая-нибудь новость, ошарашившая Шкиляеву. Например, тысячелетие переселения адвентистов в Урарту. Узнав новость, Шкиляева с оттягом секла Розку за ротозейство; Розка же поспешно скачивала из Интернета подходящую статью из «Вокруг света» и сообщала Моржову название новой выставки. Второй этап — перестановка экспонатов. Моржов перевешивал модель самолёта из правого переднего угла в левый задний; собрание расписных прялок перетаскивал к другой стене; стенд с вышитыми картинками на тему русских народных сказок переносил к окну; тумбу с макетом Спасского собора выволакивал на середину зала. Третьим этапом был творческий совет с Костёрычем. Костёрыч придумывал, какое отношение может иметь тот или иной макет к событию, увековечиваемому Шкиляевой посредством новой выставки. Например, пластилиновый тираннозавр — к юбилею Пушкина. Затем Моржов на принтере распечатывал новые

Блуда и МУДО

этикетки для экспонатов, и экспозиция торжественно открывалась при непременном участии одного и того же репортёра городского радио с диктофоном, обмотанным изолентой.

Моржов внимательно разглядывал большой и дробно-тщательный макет морского сухогруза.

— Константин Егорыч, а пароход как можно пристегнуть к горам? — спросил он.

— Вы невнимательны, Борис Данилович, — улыбнулся Костёрыч. — Посмотрите на название.

Моржов присел, прочёл название сухогруза: «Пятигорск» — и в досаде шлёпнул себя по лбу.

Хлопнула отшибленная дверь, и в зал длинными спортивными шагами вбежал настольный теннисист Каравайский. Через плечо назад он кричал кому-то в вестибюль:

— Да идиотизм всё это! Зачем нужно?..

Моржов усмехнулся, достал и выставил пачку сигарет. Каравайский, пробегая мимо, выхватил сигарету, долетел до Костёрыча и обрушился на стул.

— Чем бабы думают, а? — вставив сигарету, сквозь зубы спросил он и потянулся прикурить к сигарете в бороде Костёрыча — словно решил поцеловаться с Костёрычем. Возбуждённо затянувшись, он вдруг оглянулся и снова крикнул в раскрытую дверь:

— И не пойду я никуда!..

Костёрыч привычно закрыл глаза. Каравайский, всё ещё глядя на дверь, злобно выдул дым углом рта — прямо в лицо Костёрычу.

— Маразм! — яростно заявил он. — Какие сертификаты? У меня сотня детей, мне их разместить негде, а они с сертификатами!..

В МУДО Каравайский считался главным резонёром. Он орал на всех педсоветах, особенно в присутствии начальства, а Шкиляева потакала ему, чтобы он не драл

глотку. Вот и допотакалась. У Каравайского и так уже были две с половиной ставки, но он хотел ещё. И он бы потянул ещё, потому что в своих кружках, не мудрствуя, ввёл армейский принцип: с оравами младших детей занимались старшие дети, а сам Каравайский гонял шарик только с наиболее преданными воспитанниками — или с кандидатами в чемпионы.

Каравайский со стахановским упорством шёл к максимальному увеличению своей зарплаты путём поголовного и принудительного привлечения всех школьников города к занятию настольным теннисом. Остановить Каравайского Шкиляева не могла. Конечно, лично Каравайскому она не дала бы десять ставок, но Каравайский был многодетным отцом, и он оформил бы на ставки всех своих наследников. Предел распространению настольного тенниса в Ковязине могла положить лишь неумолимая объективная причина. Например, отсутствие помещений. Все прочие доводы Шкиляевой Каравайский вдребезги разбивал кубками, которые его воспитанники привозили с разных концов мира от Сыктывкара до Мадагаскара.

— Я знаю, для чего всё это! — Каравайский нервно забарабанил пальцами по подоконнику. — Они нас выжить хотят! Закреть! Повод ищут! Внедряют сертификаты — и будет видно, что в кружки приходят только по пятьдесят человек вместо двадцати-тридцати по спискам!

Костёрыч согласно кивнул. У него-то как раз и занималось по пять-десять человек. Кому нужно краеведение? В Ковязине были востребованы только бокс, футбол и айкидо.

— Может, это и правильно? — задумчиво спросил Костёрыч. — Ведь действительно, наше дополнительное образование — это способ заработка на хобби... И люди здесь — не от педагогики...

— А от чего ещё? — вскинулся Каравайский.

— От токарного станка, — лукаво напомнил Моржов слова Манжетова.

Каравайский закипел. Среди педагогов МУДО он был, пожалуй, единственным, кто пришёл сюда именно от станка. Причём, кажется, как раз от токарного.

Жизненный путь Каравайского был чуть сложнее, чем у Костёрыча: школа, ПТУ, армия, завод, завод, завод... Но в обеденные перерывы — пинг-понг. Сначала Каравайский победил свою бригаду, потом — цех, потом — вообще всех, кто нашёлся. Потом в заводском Доме культуры ему предложили вести секцию настольного тенниса. Каравайский согласился — ему нужны были шабашки, чтобы кормить своё семейство. Потом шабашки стали приносить больший доход, чем работа, и Каравайский уволился с завода. А потом началась новая эпоха, и тонущий завод сбросил балласт социалки — то есть Дом культуры. В Дом культуры въехал автосалон. Каравайский катапультировался в МУДО и переключился на детей.

— А какая педагогика тебе нужна? — Каравайский развернулся на Моржова. Костёрыч закрыл глаза, и Каравайский углом рта выдул ему в лицо сигаретный дым. — Мало ли кто откуда происходит! Да хоть с Марса! Главное — результат! Моя Наташка Ландышева — бронзовый призёр России: это плохая педагогика, да? Тот хмырь из департамента сам же говорил, что у нас больше всего педагогов высшей категории!

— И кто эти педагоги? — спросил Костёрыч. — Директор, завучи, половина методистов... Из тех, кто реально работает с детьми, а не с бумажками, только вы да я.

— Но по ведомости они есть? Есть! — сказал Моржов. — Значит, всё нормально.

— Правильно, Борька! — согласился Каравайский.

— А это уже обман и фикция, — печально ответил Костёрыч.

Каравайский вдруг вскочил и нырнул в окно, словно от стыда решил выброситься. Его поджарый, энергичный зад агрессивно дёрнулся, и с улицы донёлся крик:

— Вы чего там делаете? Днище прорвало, да? Ну-ка вали отсюда! Живо, я сказал!..

Каравайский приземлился обратно на стул:

— Пива надуются, и в наши кусты!.. — пробурчал он. — Алкаши!

— Действительно, наверное, мы социально не нужны, — задумчиво признал Костёрыч. — Не востребованы обществом. Александр Львович правильно говорил.

— Такое уже было в отечественной литературе, — возразил Моржов. — Гнилая интеллигентская рефлексия о сермяжной правде жизни. Ну, не нужны, и что из того? Щёкин, к примеру, желает никогда нигде не работать и за это получать очень много денег. Он желает жить на Ямайке, желает быть всё время пьяным, сидеть под пальмами в одних трусах в шезлонге, курить сигару, смотреть на океан, и чтобы его ублажали островитянки. Он говорит об этом прямо и честно. Но ведь всё равно работает — и любит свою работу.

— Дмитрий Александрович всегда предельно конкретен в формулировках, — улыбнулся Костёрыч.

— А кто работать будет, если все на море поедут? — гневно закричал Каравайский.

Костёрыч зажмурился, и Каравайский углом рта пыхнул на него дымом сигареты.

— Я это к тому, — аккуратно пояснил Моржов Каравайскому, — что никто не хочет вкалывать, и дети тоже не хотят. Они желают весь день играть на компьютере и чтоб каждый вечер по телеку показывали новую серию какой-нибудь ерунды. Так что же? Распустим школы, если детям учиться неохота? Кое-какие вещи нужно навязывать априори.

— Правильно! — Каравайский щёлкнул окурок в окно. — Думаешь, Константин Егорыч, дети у меня просто так теннисом увлеклись, да? Прочитали объявление на дверях у школы — и пришли? Как бы не так! Я каждый год полсентября по школам бегаю! Иду к физруку, говорю: проводим соревнование класса по настольному теннису! Все обязаны участвовать. А после этого кое-кто уже и приходит ко мне, и друзей приводит! Вот как увлечь-то надо. А одной моралью ничего не добьёшься. «Люби свой край», «Люби свой край» — да кто придёт-то? За шкирку надо!

— Нет уж, побережём шкирку для настольного тенниса, — негромко ответил Костёрыч.

— Потому и разгонят нас, что не хотите детей за шкирку волочить! — заявил Каравайский. — Вон бабы наши зубами за свои стулья держатся! С них пример берите! Три года назад в Доме пионеров было восемьдесят педагогов, а все нынешние начальницы вели кружки вязанья на спицах. А сейчас педагогов осталось двадцать четыре, зато все бабы теперь уже с высшей категорией и в администрации! Это я понимаю! Поувольнялись те, кто зубами цепляться не умеет, а кто умеет — нормально живут.

— Это не для меня, — покачал головой Костёрыч. — Да ведь и не для вас, Михаил Петрович.

— Понятно, я в администрацию не полезу. Но у меня и так без проблем: детей навалом, категория есть! С какого хрена меня увольнять? Я ведь не за оклад, а за дело душой болею!

Моржов знал, что Каравайский действительно своё дело любит не меньше зарплаты. Успех Каравайского был в том, что его любовь к делу всегда равнялась зарплате, а беда Костёрыча — что для него эти вещи были принципиально несопоставимы.

— Да ведь я не о деньгах говорю, — поморщился Костёрыч. — Деньги — лишь способ вынудить нас, педагогов,

уйти с работы, чтобы потом прикрыть учреждение. Это понятно. Я говорю о том, что всё равно мы плохие педагоги, а потому не востребованы... Только, Борис Данилович, не надо цитировать Ильфа и Петрова.

Сидя на стуле посреди зала, Моржов закинул ногу на ногу и закурил, стряхивая пепел на паркет.

— Может быть, вы и плохие педагоги, — согласился Моржов. — Я не вас лично имею в виду, Константин Егорыч, и не вас, Михал Петрович. Вообще — педагогов дополнительного образования. Да. Может быть, они — плохие. Но вряд ли в школе педагоги лучше.

— В школе, конечно, с образованием, зато у меня дело, которому я могу научить! — крикнул Каравайский. — И хорошо учу!

— А нужное ли это дело? — робко спросил Костёрыч.

— Настольный теннис?! — тотчас озверел Каравайский. — Настольный теннис развивает физически и умственно, реакция, гибкость, здоровый образ жизни, дух состязания, воля к победе!..

— Нет-нет, боже упаси! — испугался Костёрыч. — Я не про настольный теннис, не про него!.. Я вообще. Александр Львович верно ведь сказал: заработок на хобби. А хобби — это не жизнь. И оно у всех разное. У кого-то — нужное, как настольный теннис. А у кого-то — бесполезное, вроде филателии, например. Собирать марки или нет — личное дело каждого, но государство не обязано финансировать хобби.

— Пусть государство финансирует то, что важно обществу, — веско сказал Моржов, уверенный, что Костёрыч важен обществу, потому что лично ему он нравился.

— Знаете, почему некоторые направления становятся общественно значимыми? — спросил Костёрыч. — Потому что ими никто не занимается. Вот для примера... Общественно значимая работа — мусорщик. Если бы все жители города свои пакеты с мусором сразу на свалку

Блуда и МУДО

выносили за шестой километр, то и мусорщик не был бы общественно значим.

— И к чему вы это? — не понял Моржов.

— К тому, что кружки общественно значимых направлений по умолчанию не будут иметь нужного количества детей. Априори, как вы говорите. Мы нерентабельны ни в финансовом, ни в духовном смысле. — Костёрыч словно чеканил свои безнадёжные выводы. — Есть определённый процент людей, бесполезных гуманитариев, «гуманитариев ни о чём», для которых в провинции единственное убежище — система дополнительного образования. Будь я краеведом в Москве, я бы нашёл себе место и без вытягивания денег из государства. Книжки бы издавал про Москву, экскурсии бы водил, был бы научным сотрудником при музее или раритеты бы собирал для антикварного магазина... Но в Ковязине у меня одна ниша: Дом пионеров. Да, я занимаюсь нужным делом. Но стоимость его нужности ниже прожиточного минимума. Поэтому я веду кружок в МУДО. А МУДО, видимо, хотят закрыть, потому что здесь все такие же, как я.

Рабочий стол Шкиляевой был загромождён ворохом бумаг, проложенных копиркой, кипами методичек и папок, письменными приборами, дыроколами, телефонами. К шкиляевскому столу примыкал длинный стол для заседаний. Его лакированная пустота словно подчёркивала безделье сидевших. Моржов от скуки щёлкал зажигалкой, разглядывая огонёк. Каравайский, поставив свой стул вполоборота — словно ему требовалась взлётная полоса для немедленного старта, — нетерпеливо дёргал ляжкой. Костёрыч деликатно читал книгу, обёрнутую газетой. Милена Чунжина с отсутствующим видом смотрела в открытое окно, из которого прямо в кабинет свисали ветки акации. Розка Идрисова играла в игрушку на сотовом телефоне. Щёкин нагло разглядывал вырез

Розкиной блузки. В стороне, на углу стола, стеснительно притулилась полненькая девушка с древнерусской золотой косой. Эту девушку Моржов ещё не знал. Точнее, он её видел всего лишь второй раз в жизни. Первый раз был, когда она стояла в вестибюле МУДО, а Моржов на четвереньках выполз с педсовета.

По-хозяйски хлопнув дверью, в кабинет стремительно влетела Шкиляева. Она пронеслась за спиной Моржова, обдав густым запахом косметики, уселась на свой стул, схватила телефонную трубку и принялась тыкать пальцем в кнопки. Костёрыч вежливо закрыл книгу, Розка с сожалением спрятала телефон, а Каравайский перестал дёргать ляжкой и подался вперёд, собираясь орать.

— Елена Аркадьевна? — заговорила в трубку Шкиляева и остановила Каравайского, выставив растопыренную ладонь. — Это из «Родника»... Да. Да. Всё уже привезли... Да!.. А сколько?.. Только к четвергу... Нет, раньше нельзя. Хорошо, после двух.

Шкиляева положила трубку и обвела присутствующих таким взглядом, словно хотела сказать: «Ну что, голуби, доигрались?»

— Так, ситуация на лето у нас изменилась, — деловито пояснила она, не утруждая себя приветствием. — Я вас всех вот зачем вызвала... Уж не могу понять, Роза Дамировна, что там у вас с вашим Интернетом, только американцы откуда-то узнали о нашем лагере в Троельге и едут на смену!

От неожиданного известия все педагоги немного ошалели, даже Моржов. При чём здесь Интернет? Кому на смену едут американцы? И какие американцы вообще? Все, что ли?

— Простите, Галина Николаевна, вы о чём? — спросил Костёрыч.

— Поясняю! — негодуя на тупость, Шкиляева раздражённо захлопнула на столе какой-то раскрытый жур-

нал. — Городской департамент образования нашу Троельгу прорекламовал! И какие-то американцы пожела-ли приехать. Целая группа. Всё уже!.. — Шкиляева раз-вела руками. — Деньги они оплатили, перечисление про-шло! Седьмого числа явятся!

— Ну и что? — не понял наивный Костёрыч.

— Как дети, удивляюсь вам, Константин Егорыч! — вспыхнула Шкиляева. — Вы что, не знаете, что Троельга уже пять лет как не работает? Мы её с баланса уже ко-торый год списываем, а город не берёт! Там уж развали-лось всё, наверное. Роза Дамировна, как Троельга в Ин-тернет попала?

— А я откуда знаю? — изумилась Розка. — Я-то про эту Троельгу в первый раз слышу!

— Ничего не понимаю... — обескураженно прошипела Шкиляева.

— Какие американцы?! — вдруг заорал Каравайский, наконец сообразивший, что к чему.

— Да вон, Софья Ивановна в курсе... — Шкиляева кивнула на русокосую девушку. — Это наш новый со-трудник. Опёнкина. После педучилища, да?

— У меня вместо диплома летняя практика у вас, — тихо сказала девушка, краснея.

Все педагоги повернулись на Софью Ивановну. Мор-жову девушка очень понравилась. Она была пухленькая и уютная, как альков. Моржов почувствовал, что Щёкин от симпатии к девушке даже увеличился в размерах.

— Что там такое случилось, Сонечка? — стараясь не напугать девушку, ласково спросил Костёрыч.

— На сайте районного департамента образования бы-ла реклама летних детских лагерей, — робко пояснила Соня. — Там и ваш лагерь был — Троельга. Какие-то аме-риканцы его выбрали. Прислали факс и уже оплатили одну смену для своей группы. Седьмого числа заезд. В де-партаменте не знали, что этот лагерь у вас закрыт... А ме-

ня сюда на лето работать направили. Если смогу, то осенью меня возьмут на ставку...

— Да в Троельге всё развалилось уже, наверное! — закричал Каравайский. — Я давно уже говорил, что надо оттуда столы теннисные вывезти, а мне «нет машины», «нет машины»!..

Соня опустила голову и съёжилась, будто ожидала, что её сейчас будут бить. Розка смотрела на Соню с какой-то плотоядной улыбкой, а Милена — с жалостью и снисхождением.

— Феличата!.. — едва слышно запел воодушевлённый Соней Щёкин и со значением покосился на Моржова. — Трататата-тата-та, тата-татата... Феличата!..

— погоди петь, — шепнул Щёкину Моржов. — Сейчас Шкиляиха какую-нибудь блуду пообещает.

— А что, Галина Николаевна, нельзя написать иностранцам, что с лагерем вышла ошибка, и деньги обратно им перечислить? — рассудительно спросил Костёрыч.

Шкиляева потеряла дар речи и только всплеснула руками.

— В-вы сами-то понимаете, как это будет в-выглядеть?.. — еле выговорила она.

— Как? — спокойно поинтересовался Костёрыч.

Шкиляева отвернулась и некоторое время смотрела в окно, словно взглядом излучила излишнюю энергию.

— Д-детский сад! — с чувством произнесла она.

— Америка в нас ракету запустит, — едва разборчиво пробурчал Щёкин и ещё менее разборчиво добавил: — Шкиляевой в зад...

Розка, расслышав, уронила взгляд себе на колени, сжала губы и надула щёки, чтобы не прыснуть.

— К нам что, часто американцы приезжают, да?! — повернувшись к Костёрычу, гневно закричал Каравайский так, будто Костёрыч что-то у него отнял.

Моржов понимал, что для Шкиляевой поступить вопреки приказу начальства всё равно что застрелиться. А признаться в своей ошибке — хуже, чем при всём районном департаменте образования выступить у шеста в стрип-шоу.

— В общем, я и собрала вас здесь, чтобы сказать, что этим летом Троельга у нас должна работать, — подвела итог Шкиляева. — Департамент уже послал туда строительную бригаду. Всякие там постельные принадлежности завхоз уже собирает. С питанием определяемся. Должна быть обычная смена — дети там, воспитатели. Мы не можем ударить в грязь лицом.

— Если машина пошла, надо договориться, чтобы теннисные столы вывезли! — вскинулся Каравайский.

— Куда вывозить? — осадила его Шкиляева. — Вы там на них с американцами в теннис играть будете!

— В какой теннис?! — изумился Каравайский.

— Я вас, педагогов, для чего собрала-то? Чтобы вы готовили своих детей ехать в Троельгу на первую смену!

Брови Моржова сами собой полезли на лоб. Ему с какими-то детьми ехать в какую-то Троельгу?..

— Ехать?.. — поразилась Розка. — За город?..

— Конечно! — бурно подтвердила Шкиляева. — Что, американцы приедут в детский лагерь — а наших детей там нет?.. Должны быть две наших группы!

— Пойдите-пойдите, — забеспокоился Костёрыч. — То есть, получается, мы должны собирать своих детей в загородный лагерь?

— Ну разумеется!

— Вот и блуда! — убито шепнул Щёкин Моржову.

— Так нельзя, Галина Николаевна! — возмутился Костёрыч. — Нужно ведь заранее предупреждать! Сейчас-то как это сделать? Дети на каникулы выходят, кружки распущены.

— Как распущены?! — подскочила Шкиляева, будто впервые узнала о летних каникулах. — Кто вам позво-

лил распускать кружки? У нас не школа, мы и летом работаем!

— Вы же знаете, как это делается, — упорствовал Костёрыч. — Организуется городской лагерь. Кто-то из педагогов — воспитатели, а остальные ведут по два-три занятия в неделю для всех детей лагеря сразу. Это же обычная практика. Многолетняя! — уточнил Костёрыч. — И департамент про это знает, никакой крамолы!

Шкиляева подумала, переводя взгляд с педагога на педагога.

— Городской лагерь — городским лагерем, а здесь загородный! — заявила она. — Те дети из ваших кружков, которые записались в городской лагерь, пускай ездят в загородный. Троельга — это же рядом, две остановки на электричке.

— А билеты? — не сдавался Костёрыч.

— Билеты... Пусть билеты сохранят, в конце лета мы через бухгалтерию проведём оплату. Получится бесплатный проезд. Детям-то ведь всё равно, в городе или за городом лагерь, если можно дома ночевать!

— Я не думаю, что городской лагерь и Троельга для них будет одно и то же, — усомнился Костёрыч.

— Нечего демагогию разводить! — обозлилась Шкиляева. — Деваться нам всё равно некуда. Лагерь должен быть! Кто не желает подчиняться — может уволиться, но сначала два месяца обязан отработать! Департамент ввиду срочности и так пошёл вам на уступку. Разрешено в одну группу набирать всего пятнадцать человек, а не тридцать, как в городе, и на группу иметь двух руководителей. Одна группа — Константин Егорович и Милена Дмитриевна. Другая группа — Михаил Петрович и Дмитрий Александрович.

Дмитрий Александрович — это Щёкин. За долгие годы знакомства Моржов всё как-то не мог привыкнуть, что у Щёкина есть человеческие имя и отчество.

Блуда и МУДО

— Я не могу в Троельгу! — тотчас заорал Каравайский и заелозил ногами под столом. — Вы что? У меня в июне зональное первенство! Какая Троельга?

— Я тоже не могу, — возмущённо добавила Милена Дмитриевна. — Мне ребёнка просто не с кем оставить...

— Возьмите с собой, это же природа! Полезно.

— Я... — заикнулась Милена.

— Я два года их готовил! — снова заорал Каравайский вскакивая. — Всё насмарку, да? Коту под хвост?

— Американцы... — начала было Шкиляева.

— Какие американцы? Американцы везде! А у меня первенство зоны! Отборочный тур на Россию! Вы что, не понимаете?

— А почему для вас особые условия? — уже оборонялась Шкиляева.

— Для меня? Не для меня! Для детей! Не для себя стараюсь! Для зоны! Обычные условия, как по всей стране! Год занимаешься — первенство! И не надо отдельных условий! Так справимся! — грохотал Каравайский, нависая над Шкиляевой.

— Все поедут... — заикнулась Шкиляева.

— Да жалуйтесь сколько хотите! — Каравайский пинком придвинул свой стул к столу. — Я тоже в департамент жаловаться пойду! У меня в шестой школе зал арендован на июнь! Сертификаты им ещё подавай!..

Каравайский промчался к выходу и за собой жахнул дверью об косяк. Шкиляева снова подпрыгнула на стуле. Повисло молчание. Моржов незаметно поглядел на Щёкина, на Розку с Миленой, на Костёрыча — и вдруг идея с Троельгой ему начала нравиться. А почему бы и вправду не провести месячишко за городом, да ещё и с приятными людьми, да ещё и с девками такими симпатичными?..

— Почему Михаилу Петровичу можно не ехать в Троельгу, а я обязана? — негромко спросила Милена.

Шкиляева перевела на неё пустой взгляд. Все педагоги тоже посмотрели на Милену. И Моржов посмотрел.

В лице Милены был какой-то калмыцкий, монгольский оттенок, сейчас усиленный косым шафрановым светом из окна: удлинённые глаза; чуть-чуть тяжеловатое, степное лицо и скулы чуть-чуть острее славянских; большой и неяркий рот... В общем, эхо Золотой Орды. Татаро-монголы — русские голы. В лицо Милены самой природой был заложен уклон к выражению страсти: глаза словно повело закрыться, широкий вырез ноздрей подчёркивал сбивающееся дыхание, а выпуклость скул намекала на впалые щёки, когда для поцелуя слегка приоткрыты губы. Моржов ощутил, что его явно тянет к Милене. Не просто как к симпатичной женщине, а именно к Милене как таковой. А может быть, это была жажда исторического реванша.

— Я, кстати, тоже мать-одиночка, — добавила Роза то ли для Шкиляевой, то ли для Милены. — У меня Иришке тоже пять лет.

Шкиляева молча собрала бумаги на столе в несколько стопок.

— В общем, давайте без демагогии, — сказала она, забыв, что уже призывала к этому. — Надо ехать — значит надо. Это не моя прихоть. Американцы!.. Две группы по пятнадцать человек... А вместо Михаила Петровича тогда поедет Светлана... э-э...

— Софья Ивановна, — подсказал Щёкин.

— Да, — кивнула Шкиляева. — Вам же нужна педагогическая практика, Софья Ивановна? — Шкиляева посмотрела на Соню, которая съежилась ещё больше. — В Троельге будет отличная практика. Природа... — Шкиляева задумчиво потрясла раскрытой ладонью, подыскивая, чего замечательного ещё есть в Троельге.

Моржов увидел, как Щёкин, сохраняя спокойствие верхней части тела, нижней частью начал пританцовывать на стуле. Получалось, что он с Сонечкой оказывал-

ся на одной группе. Углом рта Щёкин шёпотом спросил у Моржова:

— Не знаешь, там комнаты для вожатых общие или как?..

— Вы какой кружок хотели? — спросила Шкиляева у Сони.

— Экологический, — тихо сказала Соня.

— Ну и отлично! — оживилась Шкиляева. — Там всё равно надо будет территорию убирать. Будете защищать природу!

— А мне зачем природа? — строптиво сказала Милена. — У меня кружок английского языка.

— Ну, вот и будете говорить там с американцами по-английски, — тотчас объяснила Шкиляева.

— А у меня вообще кружка нет! — Роза поискала поддержки у Моржова. — И у Мор... у Бориса Даниловича тоже нету!.. Мы ведь методисты! Где нам детей взять?

— А вас-то и поставим на американцев. — Шкиляева посмотрела на Розу как на дуру. — У вас же в анкетах записано, что в вузах вы изучали английский. А Милена Дмитриевна вам поможет.

Моржов посмотрел на Розку. Розка сидела с видом глубокого недовольства, полуприкрыв глаза. Но из-под ресниц она стрельнула взглядом в Моржова, и Моржов почувствовал в этом взгляде тёмное, многообещающее тепло.

— Есть ещё какие возражения? — Шкиляева повертела головой.

— Конечно, все планы рушатся... — сказал Костёрыч. — Но надо — так надо. Чего уж тут не понять.

— Надеюсь, с двух кружков вы наберёте группы в пятнадцать человек, — желчно добавила Шкиляева. — Предупреждаю: этот лагерь будет на контроле департамента! Детей чтоб ни на одного меньше, и все чтобы с сертификатами!

— Вот она — блуда! — убеждённо шепнул Щёкин Моржову.

Алексей Иванов

Глава 2

КОВЯЗИН

Он и на работу летом приходил вовремя только потому, что любил утром пить кофе в этом шапито.

Никто в Ковязине не знал, чем ознаменовалась девятая пятилетка, но в её честь была названа главная площадь города. Площадь, как половичок на балконе, лежала на почти отвесном выступе Семиколоколенной горы. Костёрыч рассказывал, что до революции площадь называлась Крестопоклонной, потому что здесь над долиной Талки стоял огромный чугунный Поклонный крест в честь спасения российского императора то ли от бомбы народовольца, то ли от сабли самурая, то ли от каменного топора троглодита. Потом крест, разумеется, снесли, на его постамент водрузили высокий четырёхгранный гранитный столб, а на столб нахлобучили огромную голову Ленина, выкрашенную жёлтой масляной краской. Издалека этот памятник напоминал лампочку, тлевшую вполнакала. Народ называл памятник просто и без пиетета: «Череп». Так и говорили: «Встретимся у Черепа», «Бухал под Черепом», «Гастроном — это за Черепом и налево».

Летом возле Черепа раскидывался цыганский табор цветастых сезонных кафе. Моржову нравилось заворачивать сюда по пути на работу. Это придавало начинающемуся дню оттенок respectable буржуазности. Да и вообще было приятно посидеть с чашкой кофе в одиночестве, на верхотуре, в прохладе, пока полотнища потолков ещё яркие, влажные после ночного дождя и не провисают, продавленные тяжестью полуденной жары, как оттянутые коленки на трико дачника.

В этом кафе за стойкой всегда стоял очень красивый юноша-таджик в тибетейке и девчоночьем фартучке с кру-

жевами. По-русски он почти не говорил и только вино-
вато улыбался.

— Кофе есть? — спросил Моржов, доставая деньги.

В юношу был вмонтирован фотоэлемент, и без зрели-
ща денег юноша не включался.

— С-сь... — тихо сказал юноша. Это означало «есть».

Он бросил в пластиковую чашечку ложку раствори-
мого кофе и налил кипяток из электрического чайника.

— А сахар? — спросил Моржов.

Юноша улыбался и молчал. Моржов некоторое время
смотрел на него поверх стойки, словно поверх хребта
Алатау.

— Н-н-т сахар... — выдохнул юноша.

— Тогда сдачу, — упорствовал Моржов.

Но юноша уже выключился. С деньгами он работал
только на вход. Моржов забрал свою чашку, отвернулся
от улыбающегося манекена и ушёл за дальний столик.

На площади, квакая сигнализацией, парковались лег-
ковушки, сновали люди, разгружались автобусы, похо-
жие на медные самовары. С одной стороны площадь ог-
раждала высокая и массивная аркада старого Гостиного
двора. Торговля была самым прочным завоеванием чело-
вечества, и за полтора века ни один режим не смог при-
способить Гостиный двор под какую-либо иную функ-
цию. Моржов видел, как в пролётах арок тоненькие де-
вочки-продавщицы развешивают по верёвкам, как бельё
на просушку, плечики со спортивными и джинсовыми
костюмами. С другой стороны площадь замыкало длин-
ное и высокое здание городского магистрата — всё в пи-
лястрах и гирляндах, всё в гипсовой бижутерии, словно
ярмарка в День урожая. Дальняя половина площади бы-
ла отдана летнему рынку: там громоздились тесные ряды
палаток, будто шкафы в библиотеке, а между палатками
осторожно перемещались полотняные фургоны «Газе-
лей». Хлопали дверцы, бренчали поддоны, слышались

гортанные кавказские голоса. На обочине суеты, заложив руки за спину, скульптурной группой стояли и смотрели на рынок три серых милиционера. Один из них чуть поддёргивал ляжкой, отчего на бедре эрективно вздрагивала подвешенная дубинка.

Рынок расплзся бы на всю площадь, но с ближней стороны его ограничивала линия развесистых фонарей, похожих на ветвистые канделябры, а с дальней стороны — бетонный забор вокруг огромной фигурной коробки Спасского собора. Подразумевалось, что сейчас собор реставрируется. В его пустых окнах и вправду изредка мелькали какие-то люди, но, скорее всего, это были бомжи, не имевшие к реставрации прямого отношения. Полая, дырявая громада собора вздымалась из-за бетонных плит, как тяжёлый и многоструйный кирпичный фонтан. В ракурсе от Черепа ступенчатая колокольня собора каскадом низвергалась на вздутый бок купола. В сквозных проёмах светового барабана краснело утреннее солнце, словно заключённое в собор, как канарейка в клетку. Мерцающая тень собора накрывала половину площади.

Жить приходилось в сатире, а душе хотелось эпоса, потому Моржов смотрел не на рынок, а на просторы, распахнутые перед обрывом Крестопоклонной площади. По днищу этих просторов распластался уездный город Ковязин.

...В Москве к Моржову относились с уважением, но с оттенком сочувствия и удивления. Мол, боже мой, в такой заднице человек живёт!.. А Моржов не считал город Ковязин задницей. Он даже гордился городом Ковязиным. Но не так, как краевед Костёрыч. В гордости Костёрыча всегда была обида. Костёрыч находил какой-нибудь старинный кованый гвоздь и трясся: в Ковязине гвозди начали ковать с квадратной шляпкой на семь лет раньше, чем в Москве на Патриаршем подворье!.. А потом сравнивал статусы городов и чувствовал себя, в об-

шем, оплётанным. Гордость Костёрыча всегда была обращена восторгом в прошлое и укором в современность. Будущее же представлялось лишь реставрацией, вроде возрождения Спасского собора, которому пока что, кроме бомжей, гордиться было нечем. А Моржов считал, что деликатный человек от своего великого прошлого должен испытывать некую неловкость. Лучше бы его и не было, этого великого прошлого, чтобы неловкость не затрудняла отношения с окружающими. Костёрыч был деликатным человеком, и поэтому Моржов его любил. Костёрыч за девками не гонялся, и неловкость ему не мешала жить. А Моржову мешала.

Всё это органично подводило к тому, что Моржов был патриотом, как и Костёрыч, но гордился не прошлым городом Ковязиным, а будущим. Нет, городской муниципалитет не собирался строить на Талке новый космодром, президент не планировал превратить Ковязин в офшор, месторождений алмазов под городской пожаркой здесь тоже пока не нашли, и археологи сомневались, что Ковязин является родиной человечества, в связи с чем здесь можно было бы организовать крупнейший в Евразии Диснейленд. Но Моржов печёнками чуял, что город Ковязин — это олицетворённое будущее. Придёт время, и все города станут как Ковязин, поэтому сейчас Ковязин — впереди планеты всей. Замечательный повод для гордости.

Моржов с края Крестопоклонной площади любовно оглядывал родные горизонты. Прозрачное пространство раскатилось от Семиколоколенной горы во все стороны, но одесную плоские земные глади таяли где-то в зыбком мнении окоёма, а ошуюю чёрство коробились невысокими Колымагиными горами. Городишко лежал на дне долины разводящими зелёной пены, а вокруг него прямоугольными заплатами были наляпаны тёмные поля. Вдали, куда уже не дотягивались корни просёлочных

дорог, поля замшели лесами. Небо перекрывало весь объём без единой подпорки, да ещё и развесило люстры облаков.

Острожек боярина Ковязи был построен при Великом князе Горохе там, где равнины вклинились в дремучие урманы гор долиной реки Талки. Моржов точно не знал: то ли здесь татаро-монголы нападали на каких-нибудь древлян, и древляне сматывались в чащи, прикрывшись со спины крепостью, то ли какие-то печенеги спускались со склонов и нападали на русские деревни, а Ковязя перекрыл печенегам кислород. Но спустя сколько-то веков на месте острожка вырос пузатый деревянный кремль, а вокруг рассыпались посады и слободки.

Талка причудливо извивалась среди таких же кривых улиц города. Четырежды её пересекали мосты — все разные, как на выставке: стальной железнодорожный гребень, плоская бетонная доска, подвесная лента, изогнутая томно, как шезлонг, и старинная бревенчатая громада, вся косяя и растопорщенная, с мусором, что в половодье застрял между зубами. После половодья вода в реке уже прояснилась, потемнела, и сквозь её темноту на солнце желтели отмели, которые в середине лета обрастут густыми зелёными плавнями. Ковязинский кремль стоял здесь, над Талкой, на Семиколоколенной горе. Гора получила своё название за то, что с её вершины, по преданию, было видно семь городских колоколен. Сейчас их осталось только три, если не считать колокольню Спаского собора.

Одна — приземистая, древняя, похожая на толстый заточенный карандаш — виднелась сразу под горой. Здешний мелкопоместно-дворянский район спускался по скату горы разнокалиберными ступеньками усадеб и флигелей. Красные железные крыши особняков словно вспенили мягкий слив проулков бурунами старых лип

и тополей. В окрестных тупичках ещё уцелели крылечки с двумя колоннами, полукруглые окна во фронтонах, кованые балконы и ограды из кирпичных столбов с кружевными решётками. После революции этот район получил демонстративное название Пролетарский, а попросту — Пролёт.

Вторая колокольня находилась подальше — в районе, который назывался Багдад. Багдад был чистой воды трущобой. В церкви располагалась котельная. Умельцы-работяги снесли шатёр и протянули сквозь колокольню дымовую трубу. Зимой — в отопительный сезон — колокольня имела весьма дикий вид: крутым углом кровли притвора она, как крейсер, рассекала хаос закопчённых брандмауэров, выщербленных кирпичных карнизов, обезглавленных электриками тополей и чёрных чердачных вышек, заплатами ржавым железом. Сквозь дыру в затылке из колокольни валил смоляной дым, и хвост его порой хлестал по барским профилям Пролёта. Ещё Багдад был знаменит своими тонированными «Жигулями», глядевшими из подворотен, как крысы из нор. Почему район назывался Багдадом, Моржов не знал.

Банным Логом кирпично-дощатый Багдад отделялся от сельских кварталов пригорода, который назывался Ковыряловкой. Сленг здесь был ни при чём: деревня Ковырялово под городом Ковязиным значилась в летописях ещё во времена палеозоя. Ковыряловка считалась хоть и не престижным, но и не плохим местом. Её добротные бревенчатые дома были покрыты тёсом и покрашены, окошки повязаны узорчатыми платочками наличников, ворота усадеб культурно прикрыты кровлями, возле колонок хозяева заботливо намывали свои «Москвичи» и «Запорожцы», а пожилые женщины ездили в магазины на велосипедах «без рам».

С величием Чингисхана Моржов перевёл взгляд на другую сторону города. За Семиколоколенной горой на речке

Пряжке, притоке Талки, блестел Пряжский пруд, подрезанный набережной с фонарями. Широкая плотина пруда и вправду напоминала ремень, который туго перепоясал водоём, а чугунный мост — пряжку на ремне. По плотине проходил бульвар Конармии. Дальше он мельчал, превращаясь в улицу Красных Конников, и лез в гору. Гора называлась Чуланской, потому что, как все считали, здесь располагались чуланы. Костёрыч как-то сказал Моржову, что подобное объяснение — народная этимология и просто бред. «Чулан» — это искажённое татарское «Чукман» или «Чулган». Щёкин тотчас добавил, что в древности на этой горе стояла золотоордынская столица — стобашенный город Чурбан-Базар, где пересекались Великий Шёлковый и Северный морской пути. Этот город в своём «Хождении за три моря» описал Марко Поло.

Спустя какой-то срок после Марко Поло на Чуланской горе заложили соцпосёлок. Под социализмом в данном случае имелась в виду поквартальная централизация коммунального хозяйства. Чуланскую гору освободили от особняков и лачуг и застроили двухэтажными типовыми кварталчиками, где в подвале каждого четвёртого дома находилась своя кочегарка. Кварталы до сих пор сохраняли некую претензию на уют. Правда, уют казался слегка озлобленным от вековых куч угля во дворах и от грязных труб кочегарок, безобразно надставленных над крышами. В Чулане наиболее престижным средством транспорта почему-то считался мотороллер с кузовом. В кузове обязательно стоял помятый алюминиевый бидон, а назад торчал пучок реек; на конце самой длинной рейки болталась красная тряпочка.

Чулан, Пряжский пруд, Семиколоколенная гора с Черепом и Крестопоклонной площадью, Пролёт, Багдад, Банный Лог и Ковыряловка находились на правом берегу Талки. Левый берег до революции занимали городские

покосы. Здесь стояло только несколько деревушек. В одной из них, в бане у какого-то чеботаря, ковязинские подпольщики устроили типографию, где печатали листовки и прокламации. После революции покосы застроили одинаковыми двухэтажными бараками. Главную улицу называли Прокламационной. Поскольку выговорить такое название никто не мог, прижился упрощённый вариант — Прокол. Прокол до сих пор оставался барачным, но время таинственно облагородило его.

Широкие песчаные улицы обросли деревьями, причём каждый ствол был заключён в оградку, чтобы не обглодали козы. Во дворах сами собою нагромоздились сараи и дровяники. В них потихоньку появились собственные постоянные жители, которых давно уже не гнали вон, а признали за равных — и даже привлекали их на субботники на общих основаниях. Моржов нежно гладил взглядом зелёные волны Прокола и его патриархальные телеграфные столбы из просмолённых брёвен. Снизу столбы были подперты крепкими укосинами, а сверху их перечёркивали двойные перекладины. Вдали за Проколом в ряд вздымались круглые башни элеваторов.

Длинная череда председателей Ковязинского райисполкома мечтала воздвигнуть на Проколе Новый город. Целый город не получился, но вот солидный кусок всё же удался. Теперь среди топей Прокола плавал белый, рафинадный айсберг многоэтажного микрорайона. Назывался он вообще не по-человечески: «микрорайон какого-то там пленума ЦК КПСС». В обиходе его звали просто Пленум. Хотя он являлся самым молодым районом Ковязина, он обветшал прежде всех прочих. Тротуары здесь истоптались и были заменены дощатыми выстилками. Краткосрочные ремонты водоводов оказались вечными, и земляные кучи возле траншей заросли травой, а теплотрассы прошли прямо по земле, воспитанно поднимаясь прямоугольными порталами над проезжей ча-

стью дорог. Облицовочные плитки кое-где со стен домов осыпались, словно бы запросто и напрямик заявив, что по одежке лишь встречают, а Пленум встретился с Ковязиным уже давно. Самые хозяйственные жильцы превратили челюсти голых балконов в хрупкие и прекрасные аквариумы самодельных лоджий.

За Пленумом простиралось Заречное кладбище, которое так и не успели превратить в Парк культуры и отдыха. Посреди кладбища стояла Успенская церковь. Её построили исторически бесчисленные выходцы из Вологодской губернии в своём северном стиле. Купола Успенской церкви были не древнерусскими «шеломами», натянутыми до бровей окошек-прозоров, как резиновые шапочки купальщиков, а эдакими шарами на ножках. Богохульнику Моржову северный стиль всегда казался каким-то слегка балаганным, будто некие скоморохи крутили на пальцах мячи, а рядом торчал колпак Петрушки. Впрочем, сейчас балаган приуныл, как заброшенные карусели, и Петрушка проржавел, а мячики почернели и сдулись. Кладбище заросло деревьями и травой, и только один край его усиленно эксплуатировался, заголённый до белёсого суглинка. Было в этом что-то неприличное: запустение на одном конце и прожорливость на другом. Словно проститутка продемонстрировала бурную страсть, а потом сразу встала и ушла, даже не попрощавшись.

Левобережная часть Ковязина завершалась горой Пикет. Раньше на горе стояла караулка, откуда лесообъездчики следили за пожарами: отсюда и «пикет». Теперь Пикет был вежливо, но твёрдо отгорожен от Ковязина высоченной стеной. За стеной склоны горы располосовали аккуратнейшими террасами, на которых, как воробы на проводах, вразброс сидели причудливые терема и дворцы. Моржов всё собирался купить какую-нибудь подзорную трубу, чтобы рассмотреть в подробностях их шкатулочную, игрушечную кристаллографию, да никак

не мог вспомнить об этом вовремя. А сходить на Пикет пешком он не мог, потому что туда пеших не пускали.

Ничего не было интересного в городе Ковязине. Ни старины, ни особенного уродства. Родом из Ковязина не происходил ни один академик, ни один композитор, ни один революционер, ни один Герой Советского Союза. Из ковязинцев выше всех взлетел только Ганибек Оганесян, при Хрущёве — замминистра тяжёлого машиностроения. Высокие особы посетили город лишь в лице Александра II, который на ковязинской ямской станции сказал кучеру: «Гони до следующей». В моржовских резюме для буклетов выставок составители обычно писали: «Художник живёт в провинциальном городе Вязники». А Моржову нравилось, что его город такой простой и незначительный. Он считал, что большая непуганая рыба может водиться лишь в таких никому не известных озёрах. Не то чтобы Моржов собирался пугать или ловить эту рыбу, нет. Просто приятно жить на берегу озера, зная, что в нём водится большая непуганая рыба. Да и забиякинское ПНН здесь так обывлялось, что делалось почти незаметным, вроде, скажем, привычки соседа по коммуналке выходить на общую кухню в несвежих трусах.

Моржов нежно смотрел на город Ковязин с высокого края Крестопоклонной площади. Над городом, над долиной плыли многокупольные облака, позолочённые солнцем и оттого словно ставшие православными. Восемьдесят тысяч человек под ними жили тихо и плоско, как пиксели на экране монитора. Реял триколор над муниципалитетом, на рынке хрипло рыдал шансон, голубь топтался по голове Ленина. «Наше будущее, — думал Моржов, — это демократия плюс пикселизация всей страны».

Моржов где-то прочитал, что мысль мужчины возвращается к теме секса в среднем раз в сорок пять секунд.

Авторы этого исследования, безусловно, верили в человека, точнее в мужчину, и такая вера вызывала в Моржове искреннее уважение. Но жизненный опыт Моржова опровергал это заключение. Во-первых, как постоянно убеждался Моржов, движущаяся мысль встречалась в головах людей (мужчин) достаточно редко. А во-вторых, сам Моржов, к примеру, думал на эту тему всегда, а раз в сорок пять секунд отвлекался на второстепенное — на живопись, скажем, на МУДО или на Бога. А вот Щёкин совсем никогда не отвлекался.

Маньяком Моржов себя не считал. Маньяк — существо конкретное. Нечто вроде автомобиля с оторванным колесом, который то и дело сворачивает и опрокидывается в кювет. Маньяк думает о своей мании. А Моржов не думал о бабах — он бабами думал обо всём. И мужчины, мысль которых возвращалась к теме секса реже, чем раз в сорок пять секунд, представлялись Моржову подозрительными. О чём тогда вообще они думают? Может, государственный переворот хотят устроить? Их надо изолировать и лечить впечатлениями.

Моржов не видел причин для самоограничения. Был у него худо-бедно устроен, деньги есть, жены нет. Пластинам мысли о девках не мешают. Он закодировался, и весь могучий поток жизненной энергии, что раньше улетал в пробину алкоголизма, теперь остаётся в нём, как огонь, мерцающий в сосуде. О чём ещё ему думать? Об иномарках или о путешествиях в Барселону? Наплевать на них. А вовсе не думать Моржов уже не умел.

Моржов и сейчас думал о девках, конкретнее — о Миленочке Чунжиной. От выхода из МУДО Моржов прошагал вслед за ней до ворот и здесь остановился. Налево от ворот городской пейзаж обламывался — углом загибался вниз по склону Семиколоколенной горы. Летний день был уже пропечён, как сдоба, но вечер его ещё не пережарил, когда слева вдали — за Талкой и за башня-

ми элеватора — повисает смуглая мгла пылящих полей, а распаренный Пряжский пруд с отражением солнца становится похож на горячую глазунью. Милена же уходила направо — вверх по бульвару Конармии. Моржов пропустил пешехода и пошёл за Миленой.

Подмягший асфальт делал шаги вкрадчивыми, будто Моржов, как хищник, крался за жертвой. Но Милена не была жертвой, а Моржов не был хищником. Он бы и не пошёл за Миленой, если бы не Шкиляева. Как-то же он обходился весь учебный год без форсирования знакомства с симпатичной сотрудницей, полагаясь на судьбу. Но если уж Шкиляева приговорила его и Милену к заточению в Троельге, то волей-неволей отношения всё равно завяжутся. Завязавшись, они всё равно перейдут в неформальные. Перейдя в неформальные, они (по теории, по плану и по надежде) всё равно скатятся до интимных. Так что знакомство здесь и сейчас — это просто экономия времени, которое пригодится в Троельге для более содержательного наполнения.

Милена была на высоких и тонких каблуках, в узкой тёмной юбке до колен и в белой блузке, ослепительной на солнце. Моржову даже догнать Милену не хотелось — так приятно было смотреть на неё сзади. Это в публичной речи какого-нибудь комментатора дефиле уместно культурное выражение «покачивает бёдрами». Ни хрена не бёдрами покачивала Милена. На бульваре Конармии на каблуках бёдрами докачаешься так, что скovyрнёшься через чугунную ограду в яму забиякинского парка, вот и всё. Моржов закурил, размышляя об изображении ходьбы.

Изображать ходьбу механически — покачиванием бёдер — значит работать совершенно дилетантски, без мастерства. Так можно делать лишь в театре теней с картонными силуэтами. А Моржов изобразил бы ходьбу скульптурным мерцанием. Шаг — и под юбкой лепятся напряжённые округлости опорной ноги. Другой шаг —

и прежний объём меркнет, а выявляется зеркальный ему. И вот такой перелив объёмов гипнотически подчинён природным ритмам человека — ритму сердцебиения, ритму толчков соития. Любоваться идущей женщиной и не захотеть её казалось Моржову чем-то противоестественным, хотя академик Павлов со своими дурацкими собаками опошлил всё что смог.

Это женщины пусть убеждают себя, что высокий каблук им нужен для зрительного удлинения ноги и придания силуэту большей стройности. А мужчины знают, что высокий каблук заставляет женское тело работать на максимуме своей скульптурной выразительности, высвечивая формы сквозь одежду. И для мужчин высокий женский каблук нужен затем, чтобы не хотелось обгонять женщину. Чтобы хотелось даже пропустить женщину вперёд, как требуют нормы галантности.

Милена шла перед Моржовым по бульвару Конармии — будто кто-то нёс перед Моржовым фужер с вином. Моржов шурился. Если мимо пролетала машина, хвост горячего ветра стегал по Моржову и по Милене. Блузка прилипала к спине Милены и мгновенно делалась прозрачной. Моржов даже издали видел полоску лифчика, перечеркнувшую спину Милены по лопаткам. Вот этого Моржов уже не понимал. Чтобы захотеть Милену, ему всего уже было достаточно. Зачем же намекать столь навязчиво? Такой перебор становится похожим на откровенное предложение. Не потому ли Милена так скованна? Всё-таки неловко...

Наверняка Щёкин тотчас бы забухтел: «Какого хрена такую прозрачную блузку носить? Ты хочешь, чтобы все видели твой лифчик? Так надень его поверх блузки! Тебе он вообще зачем нужен? Ты хочешь, чтобы все мужики мечтали его снять с тебя, да? Я тоже мечтаю, чтобы все бабы хотели сорвать с меня трусы! Давай я выйду шляться по городу в прозрачных штанах, и пусть все ви-

дят мои красные семейники в синий горошек! Тебе понравится, а? Всё строим из себя невинных девочек, которые не понимают, что своими трусами и лифчиками всех провоцируют!»

Призрак Щёкина едва-едва не материализовался возле Милены, и Моржов поспешил вперёд, чтобы оттеснить его и не ставить Милену в трудное положение.

— Кажется, нам по пути? — спросил Моржов, догоняя Милену.

Милена удивлённо оглянулась. На темени у неё кошником сидели тёмные очки.

— А, это вы... — сказала она и блёкло улыбнулась. — А вам куда?

— Куда прикажете, — радушно ответил Моржов.

Послать его подальше ей вежливость не позволит, и теперь в любом варианте им придётся прогуляться вместе.

— Мне на рынок, — предупредила Милена, словно рынок был дамским туалетом, куда мужчинам вход воспрещён.

— Давайте я угадаю про вас кое-что, — предложил Моржов.

Милена чуть смутилась. Видимо, про неё можно было угадать много всего разнообразного, и не всё из этого предназначалось Моржову. «Великий шаг человечества — это маленький шаг человека», — говаривал астронавт Армстронг, ступая на Луну. Моржов понимал, что Милене сейчас, как Армстронгу, предстоит сделать маленький шагок, который, впрочем, для него — для Моржова — будет означать очень многое: режим одобренного сближения или же разнообразные тернии. Но Моржов умышленно придерживался стратегии доведения таких шагов до максимальной микроскопичности, чтобы партнёр делал их незаметно для себя. Или же, если замечал, считал их столь ничтожными, что не видел в них ничего опасного.

— Что ж, угадайте. — Милена сделала требуемый шаг и улыбнулась уже поярче.

— Вам забирать ребёнка из садика после пяти, — сказал Моржов. — А времени — четыре часа. Вот вы и решили убить лишний час на рынке. Но пополнить запас стирального порошка или колготок вам пока не требуется.

Моржов опять-таки умышленно зацепил быт Милены, в который его никто не приглашал. Но для сближения требовалось приоткрыть створки раковины официальности — так сказать, интимизировать контакт. Хотя, конечно, имелся риск прослыть бестактным. Поэтому Моржов продолжил сразу:

— Давайте лучше вместе убьём этот час где-нибудь в кафе. Мне тоже нужно на встречу только после пяти.

Моржов соврал легко. Во-первых, факт обоюдной необходимости убить время и сближал, и переводил ситуацию в состояние вынужденности, то есть снимал чувство вины, которое для Милены на самом деле было запретом на хождение в кафе с кем-либо, кроме любовника, — то есть Манжетова. А во-вторых, мотивировка некой «встречей» подспудно будила в Милене ревность — «по сравнению с кем это я менее важна?».

— Н-ну, не знаю, — заколебалась Милена.

— Пойдёмте вон туда. — Моржов деликатно указал пальцем на переулок, чтобы Милена отвернулась от него и смогла преодолеть стеснение. — Вон, на светофоре перейдём...

Они остановились у пустого перекрёстка, над которым воспалённо рдел перегревшийся светофор. Две бабы обогнули их и попёрли по зебре через дорогу на красный свет, переваливаясь, как утки. Моржов чуть придержал Милену за локоток, демонстрируя свою законопослушность — как бы невербально заверяя Милену, что не выйдет за рамки дозволенного.

Блуда и МУДО

— У вас мальчик или девочка? — спросил Моржов, чтобы отвлечь Милену от светофора.

— Мальчик. Пять лет, — ответила Милена.

Огонь светофора бессильно свалился с красного на зелёный.

— Теперь пойдёте, — бодро сказал Моржов и ладонью как бы невзначай, понуждая, коснулся спины Милены.

Под ладонью медицински-конкретно прошупывался лифчик. Милена, конечно, тоже почувствовала, что Моржову, так сказать, всё стало известно. Безлично-бесполоый стиль контакта сыпался по кирпичикам. Моржов видел, что скулы Милены чуть покраснели. Она слишком расслабилась, поверив мнимому законопослушанию Моржова, а потому и поплатилась нарушением границы. Теперь для сохранения статус-кво ей приходилось признавать дозволенность пребывания Моржова на этой территории.

— Как зовут? — прежним тоном спросил Моржов.

— С-саша, — с трудом сообразила Милена, о ком речь.

Они свернули с бульвара в переулок. Здесь в тени застоялся зной, пропахший асфальтом, — словно торт по ошибке вместо шоколада пропитали мазутом. Старинные двухэтажные дома, слепленные друг с другом торцами, походили на тесные ряды пирожных в витрине кондитерской. Какие-то пирожные были свеженькие, с фигурными кружевами крема, а какие-то подсохли и зачерствели. Автомобильного движения по переулку не было. Пара приземистых иномарок стояла у обочин. Машины были покатые, словно подтаявшие. На сухих клумбах зеленела реденькая травка. Непонятно было, откуда она взяла такой свежий цвет — словно искренний и влажный поцелуй. Поцелуй, пирожные, фужер — всё это было не для кафе, не для пластиковых стаканчиков растворимого кофе и не для юноши-таджика с его неизменным «Н-н-т сахар...». Требовался ресторан.

Ресторан имелся. Он занимал весь двухэтажный особняк и назывался «Бонапарт». Моржов давно обратил внимание на странную особенность своей судьбы, которая доводила все якобы случайные сравнения до логического финала. Вот пошла кулинарная линия: пейзаж похож на печенье с откroшившимся углом, старые особнячки — на пирожные, день — на духовку.. Финалом должен быть торт. Хуже, если это окажется какая-нибудь советская «стекляшка» — какой-нибудь ресторан «Юбилейный» вроде стопы чёрствых вафель, промазанных сгущёнкой. А лучше всего — торт «Наполеон». Как сейчас.

Моржов считал: для предсказателя грядущего главное — уловить начало серии сравнений, чтобы, экстраполировав её принцип в ближайшее будущее, узнать, какое развитие настоящего это будущее согласно допустить ввиду органичности текущему моменту. Вероятность того или иного события, по мнению Моржова, определялась стилистикой события, а не причинно-следственными связями. Реализуется то продолжение уже имеющегося явления, которое соответствует его стилистике наиболее полно. И в данном случае художественное восприятие мира оказывалось куда более точным орудием прогноза, чем логика предшествующих событий. В этом Моржов видел великую социальную и воспитательную функцию искусства. На этом держалась его теория ДП(ПНН). В общем, судьба строилась на сравнениях, сходствах и ассоциациях.

Ресторан «Бонапарт» был лучшим и самым одиозным заведением города Ковязина. Хотя неистовый корсиканец никакого отношения к Ковязину не имел: просто для оформления интерьеров никто ещё пока не придумал ничего помпезнее, чем идея империи.

— Давайте сюда заглянем, — предложил Моржов Милене и с трудом вытянул на себя массивную дверь с бронзовой ручкой.

Блуда и МУДО

— Вы уверены? — спросила Милена, сразу сделавшись отчуждённой. «Бонапарт» был заведением не её уровня — несмотря на всю её красоту, и уж тем более не уровня Моржова.

— Уверен, — с усмешкой сказал Моржов.

Он усмехался не от собственной тайной состоятельности, а от того, что Милена согласилась померить его и себя именно этой меркой. То есть узнать, по карману ли она Моржову. Если бы речь шла про ум или про душу, то надо было идти в библиотеку или в церковь. Но похоже, что умом или душой Милена себя не измеряла.

Милена пожала плечами и вошла в открытую дверь.

В полутёмном вестибюле Моржов едва успел разглядеть чучело медведя, как сразу появился бритоголовый охранник в безупречном костюме.

— Что вас интересует? — вежливо спросил он.

— Вы уже официант? — вопросом ответил Моржов.

Ладно — Милена, она была одета прилично. Но сам Моржов стоял перед охранником в джинсах, кроссовках и потной майке.

— Вы хотите в ресторан? — уточнял охранник. Он отказывался верить, что Моржов зашёл в его заведение осознанно.

Моржов, проклиная вынужденно-пижонский жест, полез в карман, вытащил деньги и развернул перед носом охранника веер пятисоток.

— На мороженку хватит? — спросил он.

Охранник понимающе усмехнулся и кивнул: «Ладно, валяй».

— На второй этаж, в малый зал, — пояснил он.

Моржов взял Милену под локоток и повёл вверх по лестнице.

Малый зал назывался малым, видимо, не из-за площади, а из-за высоты. Посетителей не было. Сборчато-

припущенные шторы, как паруса, взятые на рифы, отсекали солнечное сияние окон. С простенков на зал склонялись массивные тёмные портреты российских императоров. Пышные люстры развесили хрустальные подолы. За дальним столиком сидели и обедали три повара в белых халатах. Вообще-то им тут было не место, и они заняли только половину столика, словно намекая на некоторую эфемерность своего присутствия, на которое поэтому можно и не обращать внимания. Три одинаковых официанта в жилетках, похожие на скворцов, тесной группой стояли в углу зала и смотрели футбол по телевизору, что торчал под потолком, как скворечник.

Моржов отодвинул Милене стул, а сам уселся напротив, бросив на скатерть пачку сигарет и зажигалку. В Моржове тяжело бултыхалось раздражение. Обидно было не то, что охранник не хотел впускать его в майке. Хотя майка — не водолазный скафандр и на улице — май. По майке охранник судил о финансовом статусе клиента. На поверхностный взгляд, майка свидетельствовала о моржовской неплатёжеспособности. В этом-то и заключалось унижение. Поглядев на майку, охранник решил, что Моржов не просто нищий, а ещё и придурок, который не может соразмерить свой статус со статусом заведения. Когда Моржова считала идиотом Шкиляева, это было нормально, потому что Шкиляева — начальница и ей так положено. Но охранник-то не был Моржову начальником. Он мог счесть Моржова нищим, а счёл — придурком. И никакие извинения (в форме признания и пропуска) Моржова не утешали. Охранник, безусловно, подлежал расстрелу на месте.

Над столиком вырос официант. Покосившись на моржовские сигареты, будто на дохлую мышь, официант выложил две кожаные папки с меню. Милена меланхолично раскрыла свою папку. Моржов увидел, что меню напечатано по-английски. Видимо, от англичан в городе

Ковязине отбою не было, особенно в ресторане «Бонапарт». Бегло просматривая перечень блюд, Милена листала толстые цветные страницы. Она выглядела очень естественно (благо Моржов знал, что Милена преподаёт английский), и моржовское раздражение опять забултыхалось. Не будь Милены, Моржов бы сейчас заочевряжился и потребовал меню с картинками.

— Два кофе эспрессо, большие чашки, и два мороженых обычных сливочных с шоколадом и лимонным сиропом, — сказал Моржов, не дожидаясь выбора Милены. Это была его маленькая месть за то, что он выглядел болваном, а Милена — его жертвой. Милену требовалось немножечко нагнуть.

Официант хладнокровно забрал у Милены меню и ушёл, размахивая папками.

— Как-то странно здесь... — растерянно сказала Милена.

Моржов откинулся на спинку стула и закурил, любясь Миленой. Милена была женщиной для изысканного вкуса, когда требуется уже не лощёная «модель человека» (это со своей формулировочкой беззвучной вспышкой появился и исчез Щёкин), а что-то такое — с тонким отголоском, с экзотической отдушкой из дикорастущих трав. Чтобы сквозь гламур, химический и несъедобный, как парфюмерия, посредством иного и непривычного чувствовалось живое и настоящее. Увидев Милену Чунжину в первый раз, Моржов и внимания на неё не обратил. Но только потом — в памяти — её образ раскрылся точно цветок.

— Как вам это местечко? — спросил Моржов у Милены, не собираясь слушать ответ.

Милена смущённо улыбнулась. Было в ней что-то слабое, анемичное. И голос-то у неё был какой-то неровный, звучный лишь на горловых гласных. Такой голос проявляет силу только при любовном стоне (в способности

Милены на любовный крик Моржов сомневался). Похоже, что и саму Милену можно было понять и увидеть лишь в интиме, а в обычной жизни были только статусы, амбиции, обязанности... Милена словно бы провоцировала на близость, но не влиянием зада и выпячиванием груди, как Розка, а именно своей слабостью, за которой мерещилась покорность. Моржову не нужно было и мерцоида вызывать, чтобы представить, как он раздевает Милену и укладывает на спину, преодолевая тихое сопротивление.

Моржов подключился обратно к реальности. Милена рассказывала, как она с сыном ходит в какое-то кафе. Видимо, Милена сравнивала то кафе с рестораном «Бонапарт». Моржов кивнул в знак того, что внимательно слушает и сочувствует.

Подошёл официант и поставил на столик две чашки кофе. Большая чашка была размером с ноготь большого пальца.

— Зла не хватает, — сказал Моржов и вылил в рот всю чашку. — У них, похоже, размер понтов обратно пропорционален порции...

Официант, будто вспомнив, вернулся и поменял пепельницу.

— А как вы попали на работу в Дом пионеров? — спросил Моржов, задавая Милене новую тему.

...Моржов опять не слушал, а думал про кабака, про Милену и про себя. Он затащил Милену сюда для того, чтобы ступить на дорожку сближения. Финишем должна была стать капитуляция Милены. Милена это понимала — не дура же. Потому и согласилась зайти сюда, чтобы узнать, даёт ли ей Моржов гарантии безопасности. Была бы у них любовь — Милена и не спросила бы про гарантии. А сейчас спрашивала, вот Моржов и развернул перед ней ресторан: смотри, я приличный человек, и в захваченной крепости я не устрою погрома. Но ресторан

Блуда и МУДО

почему-то демонстрировал совсем иное: он породил сомнение в способности Моржова осуществить осаду и одержать победу. Общепит, блин.

Что означают осада и победа? Они означают признание физического превосходства осаждающего. Сколько бы ни визжали феминистки, техника соития всё равно подразумевала, образно говоря, одного сверху, а другого снизу. И дело не в «Камасутре», а в изначальной отформатированности природы, когда один заточен под нападение и победу, а другой — под приятие нападения и капитуляцию. Моржов считал, что так и нужно, потому что так лучше. Но фиги приглашать девушку в ресторан, чтобы провести осаду и одержать победу, если в фойе стоит эта обезьяна? Она ведь, ежели чаво, предназначена вообще для победы над всеми. И у клиента пропадает интерес, так как его подруге дали понять, что в этом квартале он не самый сильный. Моржов с досадой чувствовал себя Золушкой, которой туфелька оказалась велика. Надо было всё-таки идти в библиотеку...

— ...языковая среда, — тем временем говорила Милена. — Нельзя терять квалификацию. Нужна практика. Или хотя бы — повторение.

Подошёл официант и сменил чистую пепельницу на чистую.

— Вас, наверное, возмутило, что Шкиляева на американцев поставила Розу, хотя Роза английского не знает, — подбросил полешко Моржов.

— Знаете, нет, — сказала Милена с отсутствующим видом и повела плечиком, словно отстраняла что-то досадное или докучное. От движения плеча блузка обтянула одну грудь, проявив контур лифчика. Грудки у Милены были небольшие, как у девушки. Даже и не верилось, что Милена сравнительно недавно кормила младенца. — Мне до Дома пионеров нет никакого дела.

— Я видел по вашему лицу, что поездка в Троельгу вам глубоко не нравится, — возразил Моржов.

— Не нравится, — согласилась Милена. — Она разрушает мои планы. Я рассчитывала в июне заняться частными уроками. Как раз выпускники сдают экзамены, готовятся поступать... В июне — самый спрос на частные уроки.

— И хорош ли заработок с таких уроков? — спросил Моржов.

— Куда больше, чем в Доме пионеров, — непроницаемо ответила Милена.

— Почему же тогда вам совсем не уволиться?

Снова подошёл официант и поменял пепельницы. Моржов ещё и одной сигареты выкурить не успел, а ему уже поставили третью посудину. Может, челяди «Бонапарта» лучше поторопиться с мороженым?.. Моржов оглянулся на официантов под телевизором. Официанты злобно смотрели на Моржова. Моржов отвернулся.

Милена расценила эту паузу как подозрение в своей честности.

— У меня ещё не получается зарабатывать одними уроками, — строго сказала она. — Очень сложно искать желающих. Такое ощущение, что иностранные языки в Ковязине никому не нужны.

— Странно, — неискренне удивился Моржов. — Весь Пикет застроен особняками... Что, дети с Пикета не собираются никуда поступать? Или знаний из школы им достаточно?

Милена задумчиво помешала кофе ложечкой.

— Я не хочу преподавать на Пикете, — сказала она.

— Почему?

— Просто не хочу.

— А вы уже пробовали?

— Да, — совсем сухо призналась Милена.

Моржов понял. Чего ж тут не понять? Живёт в своём домике на Пикете какой-нибудь дядечка лет сорока. Са-

мый сенокос. У дядечки — дочка-абитуриентка. К дочке ходит симпатичная молоденькая училка английского. Незамужняя. Нуждающаяся. Сначала — «хау ду ю ду», потом английский чай в гостиной, потом рюмка бренди, потом дочка идёт заниматься домашними заданиями к себе наверх... Это если кратчайшим способом. Можно и посложней: например, довезти до дома, пригласить на пикник...

Официант наконец-то принёс мороженое. В хрустальных бокалах лежало по три шарика, облитых лимонным соком. Композицию оплетал шоколадный серпантин, а сверху пыжилась роскошная роза — плод долгих творческих терзаний ресторанный Данилы-мастера.

— Это чудо на «Сотби» надо, а не в рот... — пробурчал Моржов, извлекая из салфетки десертную ложечку.

Официант деревянно развернулся и ушёл, будто его оскорбили. В ресторане отчётливо запахло дуэлью.

«Все оч-чень гордые», — подумал Моржов и про официанта, и про Милену. Прислуживать они рады, а служить им тошно.

— Съесть такое мороженое — всё равно что сделать омлет из яиц Фаберже, — сказал Моржов.

Милену улыбнулась и ковырнула ложечкой белый шарик.

Моржов смотрел, как Милену ест мороженое, и думал разные циничные мысли. Почему богачей с Пикета должен платить Милене за уроки английского большие деньги? Он заплатит Милене, сколько та попросит, только если Милену станет его любовницей. А нефиг быть красивой и напрашиваться в дом.

Богатею сколько угодно можно говорить о морали и нравственности, о высоких ценах и низких доходах, о том, что Милену — мать-одиночка, бюджетница, что она не так воспитана, что любит другого и вообще девственница: всё бесполезно. И не потому, что богачей — сволочь.

Моржов ставил на место богатея себя: да, Милене надо помочь. Она педагог, у неё ребёнок и всё такое. Он может ей помочь. Денег ему не жалко. Но он всё равно не будет помогать, если Милена не ляжет с ним в постель. Точно так же, как пресловутый богатей с Пикета. В чём же дело?

Эту ситуацию Моржов называл несколько милитаристски — КВ: Кризис Вербальности. Суть его была в том, что слово потеряло способность становиться Делом. Формулируя научнообразно, язык перестал быть транслятором ценностей. Остался просто средством коммуникации. Теперь в каждой фразе приходилось искать подтекст, а для объяснения разговора требовался литературовед. Да и сам Моржов до кодирования общался фифти-фифти с человеком — и сразу с его мерцоидом. Иначе и не поймёшь ни хрена, о чём речь. Дипломатия, блин. Библейский дефолт.

Но факт-то оставался фактом, и Слово обесценилось. На что оно нужно, если оно может обозначать всё что угодно? Если в качестве фигового листка оно прикрывает откровенный срам? Все виртуальные понятия выпали из упаковки, а упаковка превратилась в пустую и жухлую кожуру. И разразился Кризис Вербальности. «Мать-одиночка», «низкие доходы» — это всё шум ветра в чужом лесу. В этих словах уже нет смысла, как в разных «инновациях» и «оптимизациях» — мертворождённых монстриках Манжетова.

Впрочем, КВ распахал не всё пространство. Остались укрепрайоны, уцелевшие от ковровых бомбардировок Кризиса, — некие «группы товарищей». Человеческая конфигурация этих групп определялась особым фактором. Его Моржов назвал ОБЖ: Обмен Биологическими Жидкостями. Понятно, что имелись в виду жизнетворные жидкости, а не разные там плевки-сопли. Честно говоря, таких жидкостей Моржов мог назвать только три:

кровь, материнское молоко и сперма. Круг людей, объединённых ОБЖ, и образовывал укрепрайон — зону, неподвластную КВ.

Богатей, готовый платить Милене за уроки английского лишь через постель, таким образом впускал Милену в свой круг ОБЖ, потому что Кризис Вербальности — это ещё и океан одиночества. Выдёргивать из него людей получалось тогда, когда люди соглашались хвататься за спасательный круг ОБЖ. И только там, внутри круга ОБЖ, Милена могла ожидать не только высокой ставки за урок, но и всей прочей помощи, которую один человек должен оказывать другому.

— Вы думаете, найдёте желающих изучать английский язык среди простых смертных Ковязина? — осторожно спросил Моржов у Милены. — И чтобы платили по вашим расценкам?

Милена улыбнулась несколько покровительственно.

— Найду, — завершила она. — Я самостоятельная женщина и сумею обеспечить себя и своего сына.

Пьяный Щёкин как-то признавался Моржову, что хочет написать знаменитый американский супербестселлер под названием «Как заработать миллион многолетним непосильным каторжным трудом». И Моржову стало жаль Милену со всей её хрупкой стойкостью. Эта стойкость приведёт Милену либо к отчаянью и огульной обиде на всех, либо к авторству щёкинского супербестселлера. Но в любом случае на этом пути судьба Милены утратит зыбкое и неуловимое тепло немотивированного счастья. Лучшее, что можно сделать для Милены, — это не денег ей дать, а обмануть её. Включить её в круг ОБЖ так, чтобы она того не заметила и внутри этого круга, уберёжённая от КВ, продолжала верить в свою наивную правоту.

— Я думаю, что вы неправы, Милена, — ещё осторожнее сказал Моржов. — Это какой-то глянцевый принцип, который в Ковязине не работает.

— Не вы один так думаете, — многозначительно ответила Милена.

Моржов ухмыльнулся: наверняка то же самое Милене уже говорил Манжетов. Видимо, Милена посчитала, что если разные люди столь неоднократно сомневались в её силах, значит такие сомнения шаблонны и банальны. Следовательно — ошибочны. И это Милену вдохновляло.

— Я неплохо знаю язык. — Милена словно шлёпала Моржова. — Такие знания сейчас востребованы обществом. Страна у нас свободная. Энергии у меня хватает. Я не вижу причин, по которым я могу остаться в нищете.

Милена обаятельно улыбнулась и поднялась из-за стола, вытирая пальцы салфеткой. Она посмотрела по сторонам. Официантов не было ни одного, подсказать было некому.

— Туалет, похоже, вон там, — кивнул Моржов.

Он смотрел вслед Милене, всё так же любуясь её фигуркой, но сейчас ему уже не хотелось представлять, как в туалете, нагнувшись, Милена будет приспускать или задирать свою тесную юбку. Что-то больно много его сегодня учили и воспитывали. И охранник, и официант, и сама Милена... Моржов криво растёкся по стулу и вставил в рот сигарету.

Красивая женщина Милена, милая и слабая — ну и оставалась бы такой. Зачем она забила голову этими слоганами? Словно на машине заляпала номер грязью — ни черта не поймёшь. Милена хочет выгодно продать свои навыки. А с чего она решила, что её навыки стоят дорого? Милена не такой уж и великий специалист в английском. Знания её на уровне вуза — и без единой поездки на практику в англоязычную страну. С таким багажом можно найти педагога и подешевле.

Хорошие деньги платят лишь за штучный товар. А штучный товар Милены — это не английский язык, а её красота, молодость, нежность. И не надо считать,

что всё делается механически: урок в домашнем классе, отработка в папиной спальне, зарплата — и «до завтра!». Для таких автоматизированных отношений существуют специально подготовленные дамы. Никто не будет принуждать или шантажировать Милену, что за глупости? Но Милена нужна не для языка, а для настоящего романтического романа, для голливудства. Моржов не видел несправедливости такого положения дел. Да, под видом уроков английского Милену наймут для игры в любовное увлечение. Это, конечно, аморально. Но разве сама Милена не провоцирует аморальность, когда под видом эксклюзива — своих познаний в языке — собирается впарить ширпотреб?

Моржов не верил, что богатеи свинее бедняков. Одни других стоили. И если грехов было поровну, то глупо было ожидать неравенства в благодати. Моржов вообще считал, что умный богатеи не наймёт Милену даже в том случае, если она назначит разумную цену. Не наймёт, чтобы не искушать себя возможностью влюблённости, на которую он, скорее всего, не получит ответа. Милене не светило ничего. Именно потому, что она была красивой.

Моржов выпрямился, принимая более приличное положение. Он не думал, что Милена потерпит крах со своими планами — и пропадёт. Не пропадёт. Её номер слишком заляпан, чтобы она осталась сама собой и сгинула. Вся интрига заключалась в том, какое оправдание Милена придумает для своего согласия на ОБЖ.

В этом согласии Моржов не сомневался. В общем-то, исходя из сплетен, ОБЖ у Милены уже имел место — с Манжетовым. Чем, интересно знать, Милена его объясняла? Наверное, любовью. Сказать самой себе правду — значит отказаться от благ. Объяснение обычной женской капитуляцией перед напором мужчины — унижительно для такой самостоятельной женщины, которой в свободной стране хватит энергии самой обеспечить себя и своего

сына, потому что её навыки востребованы обществом. Вот только вопрос: а что Манжетов даёт Милене в награду за ОБЖ? Если ничего — то моржовские умпостроения низвергаются во прах.

...Но почему всегда приходится обманывать человека, чтобы сделать ему же лучше? Моржов ухмыльнулся. Потому что правда слишком цинична, а все очень и очень гордые. И нет более сподручного способа ссадить женщину с облаков на землю, чем заставить женщину взять деньги.

Моржов быстро посчитал в уме стоимость кофе и мороженого. Вышло где-то рублей четыреста. Моржов вытащил из кармана телефон.

Когда Миленя появилась в зале, Моржов орал в мёртвую трубку:

— Да!.. Да!.. Ну хорошо, хорошо!.. Ладно, я говорю!.. Мчусь!

Он встал из-за стола и отодвинул Милене стул, усаживая.

— Простите, ради бога, Миленочка, — виновато сказал он. — Меня сей момент требуют!..

— Да и мне пора, — согласилась Миленя.

— Этих официантов шиш дождёшься... Вы заплатите, пожалуйста... Не обижайтесь на меня: очень важное дело!

Моржов положил на стол пятисотку. Сдачу Милене волей-неволей придётся взять себе. Понятно, что потом она просто не вспомнит про сдачу, а потому и не отдаст. На сто рублей, конечно, женщину не купишь, но шепетильность поломается. А шепетильность — единственная преграда между желанием и правдой. Миленя удивлённо подняла брови и приоткрыла рот, чтобы возразить, но Моржов уже нагнулся над её плечом.

— Буду вам очень-очень благодарен! — интимно и горячо прошептал он и благородно — лёгким касанием губ — поцеловал Милену за ушком.

Моржовская общага стояла в дальнем конце Пряжского лога наискосок над прудом. Это было хмурое трёхэтажное здание из нечистоплотного кирпича. Над его входом гостеприимно простирался огромный бетонный козырёк — неуместно-дружественный, вроде жокейской шапочки на труженике скотобойни. Общагу выстроили на склоне так, что с фасада она казалась даже четырёхэтажной, но с тыла окна первого этажа смотрели прямо в заросшие клумбы, словно коровы в ящики с сеном.

Комната Моржова была как раз на первом этаже с тыльной стороны и своей застеклённой мордой утыкалась в куст акации. Жильцы общаги не жаловали такие комнаты, а Моржов жаловал. Кроме самоуверенности, воровать у него было нечего, зато ночью сквозь окно можно было перемещаться на свободу и обратно, минуя придиричивую вахту, а также перемещать заинтересованных в этом процессе лиц, оберегающих своё инкогнито.

Стола в комнате Моржова не было. Вместо стола громоздился подрамник с ещё голой пластиной. Блуждая по комнате, Моржов часто всматривался в её пустую и белую пластиковую плоскость, будто в зеркало. Нет, даже не в зеркало. Это поглядывание напоминало ситуацию, когда он ведёт к себе девушку и девушка согласилась «только-только», ещё не понимая, что согласилась «уже», а он по пути украдкой рассматривает девушку и одним лишь чувством, без изображения, предвосхищает всё то, чем девушка сможет поразить его в сумерках. Точнее говоря, такое поглядывание было чем-то вроде попытки бессознательного вызова мерцоида картины. Впрочем, сейчас Моржов сидел на табуретке возле широкого подоконника, пил кофе «три в одном» и любовался утренним пейзажем.

За спиной общаги на склоне уцелел клочок выродившегося, одичавшего сквера. Из молодого бурьяна прибором вздымалась запущенная шпалера акаций. По склону

сверху вниз сползала массивная кирпичная ограда, некогда оштукатуренная, а ныне живописно облупившаяся. Руины напоминали вымышленный пейзаж романтизма, в котором античность несколько сдрейфовала в сторону стилистики треста «Ковязингражданстройпроект». Здоровенный ломоть кирпичной ограды откололся от фундамента и был подпёрт длинными тонкими брёвнами, сухими и серыми. За шербатым краем стены зиял огненный майский простор Пряжского пруда. На дальнем берегу мятой ковригой лежала Чуланская гора, поверху растрескавшаяся кварталами соцпосёлка. Через пруд соцпосёлок выглядел весьма уютно, словно бы там действительно построили социализм, но мешали трубы кочегарок — будто какая-то ведьма, пожелав взглянуть, наколотила в картинку ржавых гвоздей.

Моржов пил кофе, смотрел на ограду, подпёртую брёвнами, и размышлял, что крепче: кирпич или бревно? Вроде бы, конечно, кирпич. Но что здесь чего подпирает?.. Этот философский обрывок ландшафта часто наводил Моржова на мысль заняться изучением Дао. Вот стал бы он даосистом и сидел бы неделями возле этого окна, как старый самурай в своём Саду камней, размышлял бы о бренности, подпирающей вечность. Или о слабости, которая сильнее силы. Или о живом, которое долговечнее мёртвого. Или о сиюминутном, вроде увлечения симпатичной девчонкой, в жертву которой легко принести всю вселенную... Но уж нет! Буддистам ни хрена не надо, и за девчонками пусть гоняются неутомные христиане (у мусульман и так всё есть — для них Аллах всегда вовремя подсуетится).

Моржов вдруг отпрянул от подоконника, едва не расплескав кофе: к окну внезапно прилипла физиономия, размазавшаяся по стеклу, как пластилиновая. Моржов чертыхнулся. Это был Лёнчик Каликин.

— Бузди! — сказал он из-за стекла.

Моржов поставил чашку, поднялся и открыл створку окна. Весёлый Лёнчик отлип от стекла, пролез в проём и спрыгнул на пол в комнату. За собой он волочил пустую пластмассовую канистру.

Лёнчик был единственным и ненаглядным сыном комендантши общежития, которая за взятку и поселила здесь Моржова. Лёнчику шёл восемнадцатый годок. До пятнадцатого он худо-бедно прооколачивался в школе, а потом поступил в учагу и полностью переключился на личную жизнь, появляясь в стенах учаги только в дни выдачи стипендии, чтобы собрать дань. Переход Лёнчика с курса на курс и покупка различных контрольных и курсовых работ (а также потребности растущего организма Лёнчика) стоили жильцам общежития необременительных, но регулярных взносов в фонд содержания помещений. Фондом управляла комендантша.

Лёнчик бросил канистру Моржову на кровать и прошёлся по комнате, остановился напротив подрамника с пластиной.

— Новую картину рисуешь? — спросил он. — И чё, много платят за картину?

— Много, — сказал Моржов.

— Ну сколько? Штуку, короче, платят?

— Рублей или баксов?

— А чё, и в баксах платят?

— В баксах платят в один слой, рублями — в четыре.

— Это как? — удивился Лёнчик.

— Сколько бумажек по сто долларов всю пластину закроют в один слой — столько и дают. А рублями — в четыре слоя.

Лёнчик что-то прикинул в уме.

— Даже если косарями, всё равно дешевле выходит, — сказал он.

— Потому и беру в баксах.

Лёнчик почесал нос, скептически глядя на пластину.

— У меня у одного чёрта знакомого отец на мебельной фабрике работает. — Лёнчик повалился на кровать, хотя ноги в кроссовках всё же оставил на полу. — Короче, у них такие здоровые листы бывают, облицовочные. Давай я тебе такой лист принесу, ты на нём картину нарисуешь, а потом деньги пополам распилим. Тебе всяко больше достанется, чем за эту картину. Размер-то маленький.

— В Москве тоже не дураки, — возразил Моржов.

Лёнчик, улыбаясь, положил на кровать и ноги. Моржов встал, вытащил из-под головы Лёнчика подушку, шлёпнул ею Лёнчика по роже и скинул с кровати. Пока Моржов отряхивал покрывало, Лёнчик уселся на его табуретку и допил кофе.

— Короче, я в учаге шакала одного знаю, он тоже хорошо рисует, — сказал Лёнчик, закуривая. — Если я его припашу, будешь его картины продавать?

— Не сам ведь я продаю, — ответил Моржов. — Продают другие, кто умеет. А у меня берут по благу. У твоего шакала блага нет... Ты чего ко мне с канистрой заявился?

— Мать за водой на родник послала. Я у тебя перекантуюсь с полчаса, потом из-под крана воды налью и отдам ей.

— Понятно, — кивнул Моржов.

— Мать солёных огурцов с молоком нажрётся, потом продрищется и стонет: «Экология хреновая!» Гоняет меня, блин, на родник за чистой водой. Сама бы и шла, если надо.

Моржов усмехнулся. Ситуация была отечественная, знакомая до умиления. Моржов называл это ТТУ — Титанический Точечный Удар. Это когда всё идёт вкривь и вкось, но поправлять и чинить каждую детальку неохота. Требуется «чудо-оружие». Выбирается какое-нибудь левое обстоятельство, которое хоть как-нибудь го-

дится для объяснения причин неудач. По этому обстоятельству и наносится сокрушительный удар всеми имеющимися силами. Моржов мог назвать уже довольно много видов ТТУ: а) сбрить бороды; б) напасть на Японию; в) расстрелять всех «врагов народа»; г) объявить сухой закон; д) ввести сертификаты в дополнительном образовании. Согласно теории, после Титанического Точечного Удара всё должно наладиться само собой. В худшем случае борьба с последствиями ТТУ отвлечёт от нужд насущных, что тоже уже неплохо. И в таком аспекте родниковая вода оказывалась отличной панацеей от безмужья, безденежья и сына-шпанюги. Пока рассудок поглощён поиском благотворных изменений в организме, вызванных промывкой организма экологически чистым продуктом, всё прочее становится несущественно.

— Слушай, Борька, а где ты деньги хранишь? — улыбаясь, напрямую спросил Лёнчик.

— На карточке, — ухмыльнулся Моржов.

— Покажи, — предложил Лёнчик.

— Жопу полижи, — доступно Лёнчику ответил Моржов. Лёнчик заржал.

— Тебя всё равно скоро выселят отсюда, — заявил он.

— С какого это хрена? — разозлился Моржов. — Я твоей матери заплатил? Заплатил. Ты на чьи деньги бухал целый месяц?

— Дак ремонт на первом этаже делать будут, — пояснил Лёнчик. — Весь июнь, короче. Весь этаж и выселят.

Моржов подумал, что теперь его переезд в Троельгу неизбежен вдвойне. Слава богу, что этим американцам приспичило отдохнуть в России. Заграница, как всегда, помогла.

— Ну, пока ремонт — съеду. А потом вернусь, — сказал Моржов.

— А если мать твою комнату заселит?

— Ещё лучше. Вернусь — а тут уже три бабы готовы. Я давно твоей матери предлагал, чтобы она меня куда-нибудь к бабам поселила, а не отдельно.

Лёнчик снова заржал.

— Ты знаешь бабу, которая прямо над тобой живёт? — Лёнчик ткнул пальцем в потолок. — Надька зовут.

— Видел.

— Ничо ведь баба на морду, а? Отличница, всё такое. Последний курс. Слышал, сегодня ночью она орала?

— Не слышал, — осторожно сказал Моржов.

— Я ей, короче, целку порвал.

— И где это она об тебя целкой зацепилась?

— На набережной. Сначала выпили по чуть-чуть, потом проводил её домой. Она, короче, сама и пригласила.

Лёнчик Каликин, весело и победно глядя на Моржова, дунул дымом в открытое окошко, в куст акации, молодо и ярко зеленеющий в солнечном блеске.

Моржов залюбовался Лёнчиком. Короче, вот она — весна человечества, открытая чувственность в чистом виде. Лёнчик был очень красив. Красив какой-то отважной, комсомольской красотой: светлые волосы сыпались на высокий лоб, но при всей мужественности лица губы Лёнчика были свежие, как у девушки, а глаза — глубокие и нежные тёплым ореховым сумраком.

— Тебе сотовый телефон нужен? — спросил Лёнчик. — Отдам за пятачку. Я его у одного чёрта взял.

«Взял» — значит отнял или спёр.

— У меня есть сотник, — отклонил предложение Моржов.

Лёнчик подумал, и глаза его опасно сверкнули. Он привстал, выглянул в окошко и потом шёпотом предложил:

— А пэ-эм хочешь?

— Что такое пэ-эм? — не понял Моржов.

— Ну, пэ-эм. Ствол, короче. Настоящий.

Моржов понял не сразу. Ему вообще не нравился этот плебейски-брутальный способ наименования. Если пистолет — значит, ствол. Если вертолёт — значит, борт. Стадо — значит, сто голов. Эскадрон — двести сабель. Взвод — тридцать штыков. В таком контексте совсем иначе воспринимались выражения типа «члены партии».

— Откуда у тебя «Макаров»? — сдержанно удивился Моржов.

ПМ так запросто у чёрта какого-нибудь не возьмёшь.

— Говорить-то нельзя, — осадил Моржова Лёнчик и тотчас сказал: — Сергач толкает, а я принесу. Тебе самому он не продаст.

Сергач — это Валера Сергачёв, известный в Ковязине персонаж. Вот раньше были враги народа. Они народу бескорыстно вредили, народ их выдавал властям, власти их сажали в тюрьму. А Валера Сергачёв был другом народа. Он народу корыстно помогал, за это народ молчал о нём в тряпочку, а власти Валеру покрывали. Даже не то чтобы покрывали — Сергач и сам в определённой степени был представителем властей: инспектором ковязинского батальона дорожно-постовой службы. Через ДПС он и имел все связи и в ментовке, и в прокуратуре. Этот пистолет небось был у какого-нибудь следака каким-нибудь вещественным доказательством в деле, которое внезапно перестало нуждаться в вещественных доказательствах. Пистолет поступил в свободное обращение.

Моржов размышлял, глядя в ясное лицо Каликина. Если ехать в Троельгу, в эту неизвестную ему пьяную деревню, да ещё с американцами, да ещё и с тремя отечественными девицами... Костёрыч, Щёкин — не защита. ПМ — защита.

— Возьму, — согласился Моржов. — Только учти, Каликин, я ведь могу и застрелить кого-нибудь. Например, тебя.

— Там патронов мало, всего обойма, — хохотнул Лёнчик.

— Можно подумать, тебя застрелить — так три ленты пулемётные нужны.

От моржовской общаги до Крестопоклонной площади можно было дойти по улице Маршала Рокоссовского. Никто не знал, какое отношение Рокоссовский имел к Ковязину. Но ближе к центру, когда из-за крыш и труб двухэтажных купеческих особняков начинала вздыматься дырявая и щербатая громада Спасского собора, складывалось впечатление, что Рокоссовский здесь всё-таки как-то в тему...

Улицу Рокоссовского поверху пересекали многочисленные рекламные растяжки, словно лозунги первомайской демонстрации.

Перед здоровенным ангаром металлорынка висела первая растяжка: «Нержавеющие стали!». Знак восклицания, видимо, означал радость тех анонимов, которые раньше были ржавеющими, а вот теперь справились со своим недостатком. Моржов тоже порадовался, что они наконец-то стали неподвластны коррозии.

«Бутилированная вода», — читал Моржов дальше. ...Нету в русском языке глагола «бутилировать». Есть выражение «разливать в бутылки». Но «разлить в бутылки» — это просто взять и разлить, а «бутилировать воду» — значит произвести над водой некое облагораживающее действие. По улице Маршала Рокоссовского Моржов шагал к площади под Черепом в Гостиный двор, чтобы тоже произвести над собой некое облагораживающее действие — штанировать задницу.

«Варим гаражи», — читал Моржов следующую растяжку.

Вообще-то, конечно, задница Моржова была уже достаточно штанирована, но Моржова не удовлетворяло

целеполагание собственной штанаии. Штанаия была ориентирована на МУДО, на улицу города, на комнату общаги. Пребывание задницы в Троельге выпало из пакета вариантов штанаии. Приходилось спешно развивать базовые фонды.

Обогнув бетонный угол ограды вокруг собора, Моржов прочёл последнюю бессмысленно-ликующую растяжку: «Мы открылись!». Эту растяжку повесили ещё зимой — после перестройки старинного Гостиного двора под современный гипермаркет. Видимо, когда сеть гипермаркетов разорится, эту растяжку легко можно будет скорректировать на «Мы накрылись!».

Преобразование Гостиного двора в гипермаркет практически никак не сказалось на его облике. Насколько знал Моржов, таково было условие областного комитета по охране памятников, когда решался вопрос о передаче исторического здания в долгосрочную аренду сети гипермаркетов «Анкор».

«Анкор» ничего не изуродовал, только перекрыл пирамидальной стеклянной кровлей квадратное пространство внутри торгового каре. Похоже, что архитектору сети «Анкор» не давали покоя лавры того китайца, что водрузил стеклянную пирамиду перед самим Лувром. Впрочем, снаружи эта кровля, как подсознание, не просматривалась.

Из новшеств на себя обращал внимание большой плазменный экран, изящно помещённый во фронтон туда, где раньше красовался гипсовый герб города Ковязина. Моржов, конечно, понимал, что есть какие-то причины, чтобы называть такой экран плазменным. Но после фантастики, прочитанной до девятого класса, термин «плазма» ассоциировался у Моржова со звёздами, протуберанцами, фотонолётками, а уж никак не с телевизором, даже очень большим. Наверное, авторы этого термина считали его словечком интеллектронной, постиндустриальной

цивилизации, а Моржов всё никак не мог переварить эту напыщенность. Выражение «плазменный экран» было для него такой же кентавромахией, как «лазерная клизма». Впрочем, в каком-то смысле плазменный экран и был лазерной клизмой.

Обычно на экране крутили рекламные ролики поставщиков «Анкора». Это вызывало страшный гнев продавцов соседнего рынка-толкучки. «Конкуренция, ёб-тыть!» — негодуяще поясняли они. В той своей части, которая выходила на фасад гипермаркета, рынок галдел особенно оголтело. Но сейчас на экране показывали переписанное с телека интервью Наташи де Горже — владелицы сети «Анкор». Внешне Наташа немного походила на Милену Чунжину. Моржов приближался к Гостиному двору, с удовольствием разглядывая эту де Горже. Он бы не отказался, чтобы она была «де Морже».

Наташе было года двадцать два. Как в таком возрасте она исхитрилась сколотить империю из гипермаркетов, Моржов не знал. Самому ему в двадцать два года не всегда хватало денег даже на опохмелку. У Моржова было несколько предположений об источниках Наташиных богатств, но все они характеризовали скорее самого Моржова. А Наташа выглядела и вела себя как маленькая девочка, которая никак не могла погрузиться в пучину грехопадения до тех глубин, которые воображал себе Моржов.

— Сеть «Анкор» состоит уже из четырнадцати предприятий формата жёсткого дискаунтера, разнесённых по всей области, — пискляво рассказывала Наташа на всю Крестопоклонную площадь. — Хотя, конечно, наибольшая их концентрация — в областном центре. Если говорить о нашем самопозиционировании, то можно выделить два смысла нашей сети. Мой общественный долг как руководителя — донести идею, концепцию, филосо-

фию сети «Анкор», которая ныне имеет лидирующие позиции в продовольственном ритейле региона. Именно эти ценности исповедует менеджмент компании...

«Вы, значит, не торгуете!.. — осенённо обратился Моржов к Наташе. — Вы ценности исповедуете!.. А-а!..»

У стеклянных самораздвижных дверей Гостиного двора Моржов вдруг увидел Соню Опёнкину — ту пухленькую девушку, которую Шкиляева запланировала упечь в Троельгу вместе с ним и со всеми прочими. Наташа де Горже вмиг превратилась в абстракцию. Моржов косо взбежал к Соне по ступенькам.

— Сонечка, здра-авствуйте! — ласково пропел он.

Соня оглянулась и стеснительно заулыбалась.

— Ждёте кого? — Моржов чуть наклонился к ней.

Соня засмеялась и прикрылась ладошкой.

— Я дверей... Ну, боюсь, — сказала она. — Не могу понять, типа как они открываются... Вот врежусь лбом в стекло...

— Не врежешься, — заверил Моржов, сразу переходя на «ты», потому что сейчас Сонечка не отразит его форсированной интимизации общения. Моржов под локоток повлёк Соню к дверям. — Там в подвале специально обученный человек сидит, — ворковал он по пути, — а здесь в полу щёлка. Человек смотрит в щёлку и видит, что идёт симпатичная девушка. Он сразу на кнопку жмёт, чтобы дверь открылась. Так что в-в-в... тебе ничего не грозит. Тем более, ты со мной!

Моржов выпятил грудь, двери послушно разъехались, и Моржов сделал длинный журавлиный шаг в магазин.

— Ну вот, мы и попали! — объявил он, заводя Соню в холл. Словно от избытка чувств, вызванных победой, он слегка приобнял Соню. Сонечка смеялась. Моржов поглядел на неё и понял, что Соня, как кошка, вызывает желание постоянно тискать её.

— Вам куда? — лучезарно спросил Моржов и чуть не отвесил сам себе подзатыльник, потому что опять соскочил на «вы».

— Да я как бы сумку хотела купить... Ну, чтобы ехать в этот лагерь, — беспомощно призналась Соня.

Моржов многозначительно поднял палец.

— Я знаю здесь одно местечко, — таинственно сообщил он, — особый отдел. Только для избранных. Называется «Сто тысяч любых сумок для Сонечки». Предлагаю обмен.

— Какой? — смущённо-кокетливо спросила Соня.

— Я иду с тобой за сумкой, а потом ты идёшь со мной...

— Куда? — тихо спросила Соня.

— Я не могу говорить об этом с девушкой без сумки. Пускай девушка хоть без всего будет, особенно если она так же хороша собой, как ты. — Моржов отступил на шаг и волнистыми линиями обрисовал в пространстве пышные очертания Сонечки. — Но девушке без сумки сказать не могу. Извини — принципы.

Моржов уже неоднократно убеждался: наивные девочки города Ковязина считали, что если человек в очках, значит, он приличен и безопасен. Значит, с ним можно заигрывать весьма фривольно. На излишне крутых виражах флирта таких девушек обычно и выбрасывало из колеи в постель к Моржову.

Моржов повёл Соню по залам гипермаркета, положив руку ей на талию. Ладонь словно невзначай съезжала с вертикали талии и останавливалась на крутом изгибе попы. Народу в залах толклось много, и потому для мужчины вполне уместным казалось держать руку на талии девушки — это выглядело как круг-оберег. Поскольку зад у Сонечки оказывался значительно шире талии, моржовской руке даже полагалось спуститься на ягодицу, чтобы увеличить диаметр этого охранного круга. В глубине рас-

судка (явно, впрочем, мелковатой глубине) Соня, конечно, поняла, что её как-то уж очень быстро взяли за булку, но не трепыхалась, а смущённо покорилась.

Евроремонт в Гостином дворе поднялся только до начала сводов старинного потолка, а дальше ограничился люминесцентными нервюрами по рёбрам арок. Сверху свисали яркие флажки с надписями «Скидка 15 %!», «Скидка 30 %!», «Скидка 50 %!». Похоже, Наташа де Горже решила облагодетельствовать весь сектор клиентуры среднего достатка. Количество флажков было как на крейсере «Аврора» в день Седьмого ноября. В толпе мелькали юноши-продавцы и девушки-продавицы в жёлто-зелёной униформе и в бейсболках. Они не стояли за прилавками, а активно общались с клиентами, словно старые добрые друзья. Девушки даже дарили детям жёлто-зелёные шарики. В сочетании с вызывающе мёртвыми манекенами всё это выглядело как-то уж очень грозно.

С экранов на простенках пищала сама Наташа:

— Положение нашей компании я бы оценила как стабильно успешное. Работая в формате жёсткого дискаунтера, мы получили хороший экономический эффект, склоняя поставщиков к изменению закупочных процессов и ассортиментной матрицы на получение наименьшей закупочной цены. Нам интересно работать креативно, выстраивать новые логистические процессы и апробировать новационные подходы в сегменте потребителей среднего уровня. Эскизный проект региональной экспансии «Анкора» был построен с учётом мировой практики деятельности дискаунтеров как в направлении потенциального клиента, так и в направлении потенциального оператора...

Под щебет Наташи Моржов и Соня свернули в отдел сумок. Гомон голосов и шарканье шагов чуть отделились. Жёлто-зелёный молодой человек, улыбаясь и склонив голову, уже спешил к Соне.

— Как вам помочь? — спросил он.

— Мы сами, — отрезал Моржов, поворачиваясь к стеллажам. — По стране из края в край ходит мальчик Помогай... — пробормотал он стишок времён советско-китайской дружбы.

— Состоявшийся бренд позволяет нам проводить политику операторских тендеров, а это для нас понижает естественный барьер — финансовые возможности населения, — из-за стойки с сумками уверяла Наташа де Горже. — Для других региональных предприятий мелкой розницы наша политика неприемлема в силу слишком высоких для них рисков, а мы уже можем позволить себе конкуренцию ещё и по принципам качества и системности...

— Я вон там посмотрю, можно? — спросила Соня, которую магнитом притягивали дамские сумочки.

Моржов кивнул, деловито выворачивая объёмистый баул и разглядывая швы.

— А что вы скажете о непрофильных направлениях деятельности сети? — врезался в Наташину речь голос журналиста.

— Надо глядеть правде в лицо. То, что в условиях рынка считается непрофильным, в общественном плане имеет доминирующее значение, — не умолкала Наташа. — Пусть конкуренты и расценивают подобную деятельность «Анкора» как косвенный промоушн, но рядовой потребитель относится иначе. У нас иной принцип оптимизации активов, нежели принято среди обычных сетевиков. Начнём с того, что наши якорные арендаторы — это муниципалитеты. А они являются таковыми в силу бюджетных дефицитов, препятствующих самоопределению культурных и исторических объектов...

Моржов положил баул на место и взял другой. «Может, Соне лучше взять с собой рюкзак, а не сумку? — подумал Моржов. — Нет, спортивная сумка — удобнее. Да и женственнее».

— У нас особое отношение и к персоналу, — вещала отовсюду Наташа де Горже. — Продавцы проходят курсы специальной подготовки, где их учат не только разбираться в товаре, но и общаться с людьми, находить контакт с любым человеком. Наш продавец не отделён от клиента прилавком, как Китайской стеной. По сути, наши продавцы не продают — они помогают сделать покупку...

Моржов оглянулся. Соня стояла возле дальнего стеллажа. На её плече уже висела какая-то сумочка. Поправляя на плече Сони ремешок, перед Соней суетился мальчик Помогай. Он даже чуть приседал от усердия — казалось, что он хочет поцеловать Сонечку прямо в наливную грудь. Соня имела всё тот же смиренно-покорный, смущённый — и очень довольный вид. Она стояла перед продавцом, словно обнажённая — перед симпатичным холостым доктором. И стыдно — и сладко; и делу польза — и безопасно. Поодаль кругами ходил другой жёлто-зелёный Помогай, которому, видимо, тоже было что поведать Соне о дамских сумочках.

Моржов устало опустил выбранный баул на стеллаж.

— Нет, эта модель вам не подойдёт, — критическим тоном говорил продавец и всё двигал на Соне ремешок, кончиками пальцев невесомо касаясь упругих Сонечкиных выпуклостей и округлостей. — Я хотел бы узнать, к какому стилю вы подбираете аксессуар? Молодёжный, джинсовый, раскованный стиль унисекс позволит вам сохранить свободу общения. Для него требуется что-либо изящное и небрежное, быть может, несколько грубоватое. Но вы — девушка изящная, и это вам пойдёт.

Соня была девушкой вовсе не изящной, а откровенно и даже с перебором чувственной. Но молодой человек уже знал, что любой девушке приятно, когда её называют изящной. Соня млела.

— Может быть, вы предпочитаете джинс, но с подчёркиванием пола — джинс сексапил? Это уже акцентиров-

ка самостоятельности, независимости, даже некоторого вызова. Тогда требуется нечто вызывающее, броское: длинный узкий ремень, остроугольная форма... Но без вычурности, без накладок, клёпок, блеска...

— Может быть, девушка предпочитает офисный стиль? — авторитетно подключился второй Помогай. — Деловой, сдержанный. С вашими яркими формами вам больше подойдёт брючный костюм строгого, но не глухого цвета. Тогда и сумочка...

Соня даже приоткрыла рот, внимая продавцам. Она послушно глядела на себя в зеркало так удивлённо, словно видела себя в первый раз. Моржов не выдержал. Эти фраеры не сумки продавали — они учили жить. Но сюда, в этот магазин, пусть это даже и гипермаркет, он, Моржов, пришёл за штанами, а Соня — за сумкой, а во все не за смыслом жизни. Моржов плечом вклинился между Помогаями и Соней.

— Ребята, достаточно, всем спасибо, — сказал он, бесцеремонно снимая с Сони очередную сумочку, и не смог удержаться от сдачи: — За сумкой мы съездим в бутик, там специалисты. Пошли, Сонечка.

Моржов расплатился за баул и вывел Соню из отдела за руку, словно нашкодившую девочку. Он поднял баул, сжав обе его ручки в кулаке, и показал Соне так, что его кулак оказался напротив её носа.

— Хорошая штука, — весомо сказал Моржов. — Тебе как раз.

— А это... ну, деньги? — растерялась Соня.

— Дарю, — недобро ответил Моржов.

Ничего не объясняя, он снова по-хозяйски взял Соню за попу и повлёк рядом с собой. Мысли его вдруг приобрели какое-то ожесточённое направление.

Чего он хочет? Да ничего особенного. Ему понравилась эта наивная толстوشечка, и он хочет с ней потрахаться. Желательно далеко не раз. Без принуждения, без

лечения мозгов, без унижения. Потрахать, не трахнув самое ценное, что в ней есть, — её душу. Наверняка в Троельге его мечты и воплотятся. Чем же он недоволен? Тем, что всё равно хочется трахнуть душу.

Вот были бы они любовниками... Что бы тогда Соня ответила на вопрос подружки: «Кто он, твой Моржов?» А ничего бы не ответила. Смутилась бы, плечами пожала. Какой-то там художник, какие-то картины в Москве продаёт — что-то несерьёзное, несолидное. Практически одна стыдобища. Всякие там Галери д'Кольж и капеллы Поццо и Бьянко, где выставлялись моржовские пластины, для Сони значили не больше, чем индекс Доу-Джонса для Марфы Посадницы. Ах, если бы Соня могла сказать подружкам: мой бойфренд работает в «Анкоре» Помогаем — аж в отделе кожгалантереи! О-о-о!..

Кругом, блин, одни помощники, подумал Моржов. Что за мир, где вся обслуга стала руководителями? Моржов огляделся: везде мелькали жёлто-зелёные Помогаи. И девочки, и мальчики — все были симпатягами. Наверное, и умницами тоже. Вряд ли Наташа де Горже берёт на работу идиотов. Такое количество приятной молодёжи... И это в заштатном, банальном, алкогольном и наркоманском городе Ковязине! Это же сливки города. Молодые, красивые, непьющие, умные. Но почему все они — Помогаи?

Моржов догадался, что попросту завидует. Он-то думал, что поселился в общежитии, как кот в мышином питомнике. Но лучшие девки оказались здесь. Кто там, в общежитии? Серые мышки, скромные зажатые зубрилки из окрестных сёл... А красавицы — тут: все в коротких зелёных юбочках, разлетающихся над свежими ляжками. Моржов подумал, что он наивно гордился собственным развратом, а истинный-то разврат — вот он, хотя возможно, что здешние мальчики даже не прикасаются к здешним девочкам.

Ну, взял он Соню за булку, и что? Неужели сейчас в примерочной, где он станет выбирать себе штаны, Соня ему отдастся? Нет, конечно. Для этого надо везти её в Троельгу. А вот этому Помогаю она отдастся хоть где и хоть когда. Потому что Помогай сначала её мозги трахнул, а дальше Соне за честь будет, если он соизволит и все остальные её места посетить. Моржов был и умнее, и интереснее, и опытнее этого Помогай — и богаче тоже, но ему с Соней придётся куда сложнее, чем Помогаю. А трахать мозги, чтобы открыть себе путь к прочим секретам, он не мог, потому что мозги у Сони были несовершеннолетние и трахать их было грехом. «Малых сих» Моржов не соблазнял.

— Команда «Анкора» подбирает площадки на скрещеннях транспортных и человеческих потоков, и в силу исторических причин нас и муниципалитеты буквально «прижимает» друг к другу, — неостановимо чирикала в телевизоре Наташа де Горже. «Не отказался бы я, чтобы меня к тебе прижало», — мрачно подумал Моржов. — Зачастую муниципалитеты становятся даже нашими внешними соинвесторами. И нам это выгоднее, чем банковские кредиты. Получается, что мы выступаем с муниципалитетами единым фронтом, и в достижении собственных целей нам не приходится перепозиционировать объекты, а наоборот — возвращать устаревшим структурам их изначальный смысл, модернизированный с учётом современных систем функционирования. В этом, на мой взгляд, и кроется успешность и востребованность предприятий «Анкора». Новое предприятие в райцентре Ковязин — ярчайший пример нашего сотрудничества на благо жителей города...

— Житель города решил купить себе штаны! — заводя Соню в отсек с одеждой, объявил Моржов и Соне, и девочке-продавщице.

И Соня, и продавщица несколько оторопели.

Моржов провёл ладонью по ряду висящих штанов, сунул руку вглубь и вытащил держалку, на которой болталось что-то неопределимое. Моржов сдёрнул штаны с прищепок, приложил к себе и повернулся к Соне в фас.

— Красиво? — с вызовом спросил он.

Сонечка не знала, что ответить.

— Померяем! — бодро заявил Моржов.

Он откинул шторку примерочной, затащил за собой Соню и задёрнул шторку.

— Закрой глаза, — велел он Соне.

Соня, похоже, закрыла бы глаза и без приказа.

Моржов проворно спустил джинсы и остался в одних трусах, на которых по белому полю были нарисованы бледно-синие трахающиеся крокодильчики.

— Держи! — Моржов сунул джинсы Сонечке в руки и полез ногой в новые штаны.

Одна нога прошла свободно, а другая вдруг за что-то зацепилась — это большой палец попал в загиб подвёрнутой внутрь штанины. Но Моржов переодевался так стремительно, что уже не мог остановить движение, не мог сбалансировать себя. На мгновение он, согнувшись, застыл на одной ноге, держа на весу штаны, в которых заклинило вторую ногу. Потом его начало неудержимо клонить вперёд. Изрыгая нечеловеческие проклятия, Моржов башкой сорвал шторку и на одной ноге, не меняя позы, в спущенных штанах бешено запрыгал по магазину под изумлёнными взглядами продавщицы, Сони и Наташи де Горже.

— Сергач, у тебя девчонка найдётся?

— А это кто звонит? — недоверчиво спросил Сергач.

— Моржов. Не узнал, что ли?

— А-а, Борян... Тебе на сколько надо?

— Смотря какую. Если как в январе, тогда минуты на три.

— Всё мудишь? — засмеялся в телефоне Сергач. — Ладно, сейчас мой человечек привезёт. Тебе куда обычно, да?

— Куда обычно — что? И кому? Мне или ей?

— Пошёл на хер, — с удовольствием сказал Сергач и отключился.

Моржов сидел на скамейке во дворе районной бани. Заводить шлюшек в сауну он предпочитал со двора, чтоб не светиться. Двор был огорожен дощатым забором и засыпан утрамбованным шлаком. По кучам угля прыгали воробьи. Сбоку стоял полуразрушенный грузовик без передних колёс; в брылья его подпирали два чурбака. Ржавая и чёрная труба кочегарки, укреплённая двумя железными растяжками, торчала в красно-синее закатное небо. Заднюю стену бани покрывала дряблая, осыпающаяся штукатурка. Узкие потные окна понизу были покрашены, а из форточек валил пар и звучал шансон.

Моржов курил, ждал и слушал. «А девчонка хорошая всё надеялась, милая, что Алёшку отпустят хоть на пару минут. Но сказали конвойные: “Ты не стой здесь, красивая. Расстреляли парнишечку, он уже не придёт!”» Язык был родной, край отчий, а быт общий, но порою Моржов казался себе инопланетянином. Всё здесь было не по его мерке. Никак не выходило у Моржова ощущать себя мерой всех этих вещей. ...Если ему случалось поджидать шлюшку на улице зимней ночью, глядя на звёздное крошево над Ковязином, он особенно ярко чувствовал, что половой акт с незнакомой проституткой неуловимо родствен трансляции радиосигналов во вселенную наугад — по программе «SETI».

Хрустя шлаком, во двор бани завернула потрёпанная белая «Волга» с дочерна затонированными окнами. «Волга» принадлежала Сергачу. Она остановилась, словно рассматривала Моржова, а потом передние дверки от-

крылись. С водительского места вылез Лёнчик Каликин, с другой стороны — какое-то чучелко с жутко намазанными огромными глазищами и в мини-юбке.

— Здорово! — протягивая руку, весело крикнул Лёнчик. — Алёнка, иди сюда! Это Борька, мой дружбан.

Чучелко неуверенно приблизилось, проваливаясь тонкими каблуками в шлак.

Моржов молча протянул деньги.

— На два часа берёшь? — быстро пересчитав, уточнил Лёнчик и шлёпнул чучелко по заду: — Алёнка классная девка!..

Чучелко фыркнуло.

— Слышь, Алён, ты его по высшему сорту обслужи, — наставительно предупредил Лёнчик, запихивая деньги в карман джинсов. — Перед ним Сергач на цырлах ходит.

— Да поняла я... — кивнула Алёна и вдруг переполошилась: — Ты чего деньги себе забираешь? Сергач сказал, чтобы ты мне отдал!..

— Тебе зачем? — удивился Лёнчик и засмеялся. — Ты же потом домой пойдёшь.

— Лёнька, отдай! — возмутилась девчонка. — Я же знаю, ты всё просадишь! Иди тогда сам трахайся, если за меня берёшь!

— Ну-ну! — предостерёг шлюшку Лёнчик, приобнял и поцеловал в щёчку. — Давай не кобенься! Отдам я тебе завтра.

— Врёшь, — печально вздохнула девчонка и любяще поглядела на Лёнчика. — Сволочь ты, Каликин!..

— Будешь обзыватья — будешь пешком топать.

— Всё равно машина Сергача, а не твоя! — вслед Лёнчику крикнула девчонка. — Я Сергачу пожалуюсь!..

Лёнчик засмеялся, влез в машину и дал такой гудок, что Моржов и девчонка подпрыгнули на месте.

— Козёл! — обиженно сказала девчонка без всякой злости, повернулась и привычно пошла к дверям.

Сауна располагалась в подвале, куда вёл узкий коридор со ступеньками. Девчонка держалась за стены обеими руками. Моржов молча шагал сзади, глядя, как слева направо залихватски болтается собранный почти на макушке конский хвост этой Алёны. Кобылки, распаяя жеребцов, так же задирают хвосты.

Алёна с трудом вытянула на себя толстую дверь сауны, без остановки прошла сквозь раздевалку и уселась на лавочку возле стола. Облицованная жёлтым кафелем, сауна была совсем маленькой и тесной. Стеклопанельная дверка вела в парилку — нелепую и жутко неудобную; было ясно, что её соорудили просто из приличия. Душевая кабинка уступала размерами даже шкафу. Лишь деревянный стол был широким и просторным. Его построили размером примерно с кровать.

Глядя на Моржова, Алёна улеглась грудью на стол и вытянула руки. Жалобно надув губы, она спросила:

— А ты не можешь дать мне триста рублей?

— Могу, — усмехнулся Моржов и уселся рядом. — Дам потом.

— Тебя как зовут?

— Борис.

— Боренька, купи мне пива, а? — тотчас попросила Алёна.

— Ну вот блин! — удивился Моржов. — Я заплатил за время — и буду по ларькам гонять?

— Ну пожа-алуйста... — заканючила Алёна. — Мне пло-охо...

Моржов тяжело и недовольно вздохнул.

— Ладно, — согласился он. — Я схожу. Но чтоб когда я вернулся — ты уже раздетая была.

Он встал, вышел из сауны, поднялся по узкому коридору-лестенке, прошёл через тамбур и очутился в холле общественной бани, где располагался буфет. В буфете сидели и пили пиво потные, разморённые мужики,

вышедшие сюда из парилок прямо голыми, только с полотенцами на бёдрах. Красивая, но немолодая продавщица буфета всё в жизни уже повидала, а потому эти мужики со своими бицепсами, татуировками и шерстью ей были безразличны, как тигрице огурцы. Моржов знал, что буфетчицу зовут Анжела. Моржов хотел взять банку пива, но потом одумался и взял сразу три бутылки.

Когда он вернулся, Алёна полусидела-полулежала на столе всё в той же позе, но теперь уже была туго обернута простынёй. Моржов со стуком выставил перед ней бутылки.

— Открой... — бессильно попросила Алёна, глядя на него снизу вверх своими огромными нарисованными глазищами.

Моржов сбил с бутылки пробку одним сокрушительным ударом горлышка по краю столешницы.

Алёна медленно распрямилась и взяла бутылку. Вставляя её горлышко в рот, она с коровьей выразительностью поглядела на Моржова, мимикой привычно намекая на одно из удовольствий, но в остановившемся взгляде читалась только жажда опохмелки.

Моржов присел рядом с Алёной, обнял её и не без труда приспустил простынь ей до живота. Грудки у Алёны были совсем ещё девчоночьи, небольшие, одновременно кругленькие и острые, но острые сами по себе, не от желания.

— Тебе сколько годочков, красавица? — спросил Моржов.

— Двадцать, — с вызовом ответила Алёна, поставив на стол почти пустую бутылку.

В том, что восемнадцать-то ей точно исполнилось, Моржов убедил себя почти сразу же — быстро, но неловко, словно бесформенную подушку запихал в чужую наволочку.

— А ты ничего, симпатичный, — сказала Алёна, оглядывая Моржова и улыбаясь. — А почему очки носишь? Зрение плохое, да? Наверное, много читаешь?

— Я очень добрый, — сердечно пояснил Моржов, — поэтому много плачу. Вот зрение и село. Полегчало тебе? — Он кивнул на бутылку.

— А что ты думаешь? Я не пьяная! — тотчас встопорщилась Алёна и отвернулась. — Нам Сергач вообще запрещает пить на работе!

Её грудка лежала в ладони Моржова, как птенец в гнезде. Свободной рукой Моржов повернул лицо Алёны к себе и велел:

— Дыхни!

Алёна закатила глаза — в знак своей покорности дурацкому требованию клиента — и дыхла носом и в сторону. Пахло от Алёны девичьей свежестью и водкой. Моржов посмотрел на свою большую и тёмную ладонь на белой Алёнушкиной груди и почувствовал себя очень старым. Похоже, что отцовского в нём становилось уже больше, чем плебейского. Сейчас ему хотелось взять эту дурочку за руку, отвести домой, уложить в постель и ещё посидеть рядом, покараулить, чтобы никуда не убежала и уснула.

Но Моржов отодвинул это желание в сторону, словно мешок с картошкой задвинул ногой под стол. Освободившись от Алёны, он принялся раздеваться.

— Где нахрюкалась-то? — спросил он, нагнувшись, чтобы стащить носки.

— Угощали, — туманно ответила Алёна. — Я целый день уже на работе... Чо, не железная ведь.

Моржов собрал свою одежду в ком и перекинул через стол на противоположную скамейку. Потом взял вторую бутылку и открыл об столешницу. Потом с натугой вытянул из-под Алёны её простыню. Животик у Алёны был едва-едва округлым. Алёна тотчас плотно сдвинула ноги.

Моржов положил ладонь ей на коленку, круглую, как яблоко, и покачал, расшевеливая. Алёна не желала раздвигать колени.

— Скромничать будем? — спросил Моржов.

— Не все же такие, как ты, — буркнула Алёна.

Моржов молча погладил её по щеке, по груди, по животу. Алёна отвернулась.

— Иди хоть в душ сходи, — недовольно сказала она.

Вообще-то Моржов позвонил Сергачу после того, как вышел из бани. Но спорить он не стал, а поднялся и ступил в душевую кабинку. Он пустил одну горячую воду — и всё равно хлынула ледяная, остывшая в трубах. Моржов напоказ обтёр себя руками, не сводя с Алёны взгляда. Она сидела за столом голенькая, сердитая и пьяная. Моржов изумлялся природе: с какой смелостью, с какой нежностью, с каким великим бесстыдством природа валяла этих молоденьких девчонок. И какой же сивухой были наполнены эти чудесные амфоры.

— Чо ты смотришь на меня? — обиженно крикнула Алёна и отвернулась. Новый ракурс, как на кристалле, только расслоил её облик радугой спектра. А может, это вода попала в глаза.

Мокрый Моржов встряхнулся и опять присел рядом с девчонкой, погладил её по голове, легонько подкинул хвост.

— Не мочи причёску.

— Тогда давай сама начинай, — мягко приказал Моржов.

Алёна вылезла из-за стола и наклонилась над своей сумочкой. Задок её ещё не округлился по-женски, был младенчески-розовым. Моржов тотчас протянул руку и положил ладонь Алёне между ягодиц, но Алёна крутанула бёдрами.

— Ты чего как извращенец? — свирепо спросила она, повернулась и опустилась перед Моржовым на колени.

Распихав ноги Моржова локтями, она нагнулась, держа во рту презерватив, и вдруг распрямилась обратно, брезгливо отлепила презерватив от губ и сплюнула на пол.

— Блин, — сказала она. — Кончик откусила...

Она показала Моржову резиновое колечко и демонстративно просунула сквозь него палец.

— Что делать? — спросила она. — У меня другого нет. Давай, я тебя рукой?

Всё это слегка напомнило Моржову комедию.

— Рукой мы и сами можем, — ухмыльнулся он.

— Ну, сходи, купи новые...

Моржов молча встал, дотянулся до своих брюк и вытащил из кармана цветастую упаковку, которую разумно купил всё у той же у Анжелы ещё до звонка Сергачу. На такой мякине Моржов не проводился.

Хмуро спрятав взгляд, Алёна приняла другой презерватив. Моржов сел обратно, и Алёна продолжила дело. Поскольку рот у неё был занят, Моржов почувствовал, что отдыхает от риска услышать ещё какую-либо новость. Он безвозмездно любовался узенькими плечиками Алёны и её гладкой спинкой, которую забавно подметал болтающийся хвост.

— Хорош, а то перестараться, — наконец остановил Алёну Моржов, взял её под мышки и поставил на ноги. — Садись на стол и ложись на спину...

В этой тесной сауне на полу было не разместиться. Алёна покорно залезла на стол, убрала бутылки и улеглась как покойница — правда, стыдливая покойница, потому что прикрылась руками. Ноги её смешно торчали в воздух, не уместившись на столешнице.

— Не так, — вкрадчиво возразил Моржов.

— Давай так, — ответила Алёна, глядя в потолок.

— Я ростом метр девяносто четыре, — сказал Моржов. — Ты чего? Я же гробанусь с этого стола.

— Другие не гробанулись, — зло возразила Алёна.

Моржова этот цирк начинал уже забавлять всерьёз. Он взял Алёну за щиколотки и подтянул к себе, чтобы край столешницы пришёлся ей под зад. Потом задрал девчонке ноги и развёл в стороны. Алёна по-прежнему закрывалась ладонями.

— Убери руки, — велел Моржов.

— Я стесняюсь! — огрызнулась Алёна.

Моржов в задумчивости потёр лоб её пяткой. Затем забрал в пятерню обе её щиколотки, загнув Алёну как гимнастку и свободной рукой сдвинул её ладони. Лоно у этой девчонки было гладко выбрито — округлое и свежее, как варёное яичко или, точнее, как персик, только складки припухли — сказался целый день работы. Моржов слегка навалился на Алёну, чувствуя, что входит туго и тяжко — как кол в плотную землю. «Распогодится небось», — понадеялся он. Но Алёна вдруг заорала — уже безо всякого стеснения.

— Чего не так? — рявкнул Моржов, раздёргивая в разные стороны ноги Алёны, чтобы увидеть её лицо.

— Больно! — заявила Алёна. — У тебя презер херовый!

— Нормальный! — начал злиться Моржов. — У той же Анжелы покупал, где и ты брала!

Он снова качнулся в Алёне, и она снова заорала.

— Мне больно! — повторила она. — Меня и так пёрли весь день!..

— Н-ну, блин, подруга!.. — в сердцах сказал Моржов и выдернулся наружу. — Переворачивайся на живот, может, сзади помягче пойдёт..

— Не буду я ни хера переворачиваться!

— Почему это не будешь?

— Да ты извращенец! Ты меня в жопу трахнешь!

— Да иди ты!.. — разозлился Моржов.

Алёна, видно, поняла, что перехватила лишку.

— Сходи к Анжеле за смазкой, — уже миролюбиво попросила она. — У меня кончилась, а у неё всегда есть!..

— Ща! В таком виде и кинулся! Может, вообще Анжелу сюда позвать — пусть она за меня и потрахается?

Алёна опустила ноги и, морщась, села на столе.

— Дак позови, — сказала она. — Пусть она меня трахнет, если ты не можешь.

— Чего это я не могу? — изумился Моржов.

Алёна хмыкнула и отвернулась.

Моржов схватился за себя — как парашютист за кольцо парашюта. Парашют и вправду уже планировал косо.

Моржов гневно стащил презерватив и швырнул его на пол.

— Значит, снова ртом поработаешь, — угрюмо сказал он. — Рот, похоже, у тебя ещё не перетрудился.

— Не буду я тебе ничего делать, — отреклась Алёна.

— Ты «буду — не буду» и «хочу — не хочу» для мужа побереги, — посоветовал Моржов. — Деньги взяла? Взяла. А если желаешь постонать — сначала раком встань, чтобы по делу было.

— Не буду я раком вставать! Ты меня...

— Слышал, — оборвал Моржов. — Будешь грубить — дверь запру и без мыла вдую тебе по самые гланды.

— Хер ты вдуешь, — бесстрашно сказала Алёна. — У тебя стоит-то только по праздникам. Нашёл, чем пугать.

Моржов смотрел на эту девчонку — и вдруг ему стало невыносимо тоскливо. Да сдалась она ему.. Позвонить Сергачу и заказать другую. А-а, неохота. Ничего неохота. Моржов отступил на шаг и внимательно оглядел Алёну с головы до ног. Маленькая, голенькая, отважная блядушка. Красивая, как огонёк на свечке.

Моржов достал из кармана брюк сигареты, развалился на скамейке, прислонившись спиной к стене, и закурил. Алёна всё стояла, опасливо ожидая его действий, а потом расслабилась, вытащила из кучи одежды свои трусики, напялила их и села на стол. Улыбаясь, она взяла со скамейки рядом с Моржовым бутылку пива, сама умело раскупорила её о край стола и начала пить.

Блуда и МУДО

— У меня мужик был, ему шестьдесят лет, у него лучше, чем у тебя, стояло, — сказала она.

— Не у всякого на тебя и встанет, — огрызнулся Моржов.

— А чо ты меня лажаешь? — усмехнулась Алёна. — Я же не виновата, что ты трахаться не умеешь.

Впервые с тех пор, как закодировался, Моржов почувствовал, что его гвоздят, как Кутузов — Бонапарта. Он просто не мог решить, что делать. Отругиваться — мальчишество, а в морду дать — так ведь девка же, хоть и сучка...

— У тебя жена есть? — вдруг спросила Алёна.

— Тебе-то что? Замуж за меня решила, чтобы «не хочу» да «не буду» говорить?

— Охота мне за тебя замуж, ага, — фыркнула Алёна. — Чо, нормальные мужики, что ли, кончились? Тебе только с недоёбу давать можно.

— Переёб недоёба не лучше, — только и нашёлся что сказать Моржов, роняя пепел себе на брюхо.

Алёна сидела на столе в одних трусиках, пила пиво и болтала ногами.

— Чо ты обиделся-то? — спросила она. — Сергачу будешь звонить, что у тебя не встало?

Моржову как по лбу ударило: «На хер я всё это слушаю?..» Он помнил свою кодировку. Этот разговор был тем же самым, только не по своей воле и не на то, что нужно. Надо сматываться!

Моржов встал, шагнул к своей одежде и принялся одеваться.

— Чо ты сразу бежать-то? — болтала Алёна. — Если хер не стоит, так и поговорить не хочешь?

— На хрена мне с тобой разговаривать? — ответил Моржов.

— Я тебе расскажу, как трахаться надо. Может, пригодится. Хотя тебе-то — нет...

В общем-то, для Моржова это было как пожар. Ещё чуть-чуть — и он уже не сможет погасить пламя памяти. Эта Алёна трахала его мозги так, что запомнится навеки. Отобьёт желание насовсем, перепугает до смерти. Так изнасилованные девочки потом не могут вернуться к соответствию со своей природой и захотеть мужчину — в любом мужчине им всегда мерещится ужас, боль, унижение и предательство. И не всякий даже любящий мужчина сможет своей нежностью растворить эту спёкшуюся, чёрствую кровь, коркой стянувшую часть души. Насчёт своей жизни Моржов не сомневался: ему такая нежная женщина не встретится.

— Ты пошёл уже, да? — спросила Алёна. — А триста рублей-то не дашь? Ты же обещал...

За исключением зефира в шоколаде, в мире больше не существовало вещи, об которую Моржов не смог бы открыть бутылку пива. Он шаркнул бутылкой по фонарному столбу, и пробка, звеня, покатилась по тротуару. Моржов сунул горлышко бутылки себе в рот, словно приставил подпорку к падающей Пизанской башне.

...Он поступил хитро: вернулся к себе в общагу и прошёл через вахту, где обстоятельно поговорил с вахтёршей о тонкостях ревматизма, затем громко хлопнул дверью своей комнаты. А в комнате он достал из-под матраса пистолет, сунул его за ремень и бесшумно вылез через окно в палисадник.

На улице давно стемнело. Моржов стоял за акациями с пивом и пистолетом и семантически чем-то походил на гипсового Павлика Морозова. Над акациями вразной горели окна общаги. За углом здания чернел Пряжский пруд, весь в лунной чешуе.

Моржов терпеть не мог всех этих страданий и обид, всех этих рефлексий и терзаний. Он просто не выносил себя в состоянии бурного душевного смятения. Ему пре-

тило лежать, молчать и терпеть, как тому спартанцу, у которого лисёнок пожирал потроха. Моржов предпочитал при первом же укусе растирать лисят подошвой по половице, а укусы обезболивать и дезинфицировать. Пусть алкоголь выжжет все мысли и воспоминания.

Доктор, который заколдовал Моржова от пьянства, предупреждал о всяческих страшных последствиях выпивки: инсульт, инфаркт, паралич, импотенция. Инсульт и инфаркт Моржов отрицал как псевдонаучные угрозы; паралич представлялся ему чем-то незначительным вроде лёгкого ушиба; а вот импотенции, судя по всему, можно было уже не бояться — с ней и без выпивки проблем не имелось. И Моржов, выбравшись из сауны, купил пива.

Приобщившись к высокому искусству через «Староарбатскую биеннале», Моржов иногда размышлял о взаимоотношениях творчества и реальной жизни. Вот судьба: она строится по законам драматургии или всё же как попало? Моржов всё более склонялся к приоритету драматургии. Выстраивая свою судьбу, человек не имел иной инструкции, кроме той, которую настрочил Аристотель. (Кстати, строительство судьбы означало вкладывание своей субъективной воли в объективную жизнь, а это довольно сильно смахивало на половой акт.) Получалось, что воля есть мера художественности в жизни человека (а судьба есть половой акт с жизнью). И главными сюжетами художественности всегда были три вещи, прославленные ещё хиппи: секс, дрэгс, рок-н-ролл.

Секс у Моржова имелся только что (ну и пусть вместо блуда получилась блуда), дрэгса он купил по пути и купит снова сколько надо. Оставался рок. Вообще-то кодировка посадила рок на цепь, и теперь рок разве что при оплошности Моржова мог цапнуть хозяина за пятку. Но Ахилл из Моржова был хилый, поэтому рок оставался неудовлетворённым. А ему хотелось побегать на воле, поиграть с Моржовым в свою любимую игру — в орлянку.

Моржов пожалел свой рок и решил нажраться — пустить рок погулять. Если рок, сидя на цепи, зачахнет, Моржов, пожалуй, действительно рискует схлопотать инсульт, инфаркт или паралич. Так что внезапное пьянство Моржова оказывалось не только субъективным мазохизмом — сублимацией Алёнушкиного свинства. Пьянству нашлось и объективное оправдание: самоспасение. Органичность сочетания объективного и субъективного вселяла в Моржова ощущение правильности избранного пути.

Стоя за акацией, Моржов вытащил из-под ремня ПМ и с натугой передёрнул затвор. Это был очень голливудский жест. Мало, мало в жизни голливудства, не хватает его народу. Недостаток голливудства приходилось компенсировать бессмысленными действиями — например, щёлканьем затвора. Так же, как своё фиаско с проституткой Моржов компенсировал образцовым фаллическим символом — пистолетом.

Моржов спрятал ПМ, вышел из-за угла общаги и пошагал по улочке вдоль пруда. Звёздная и неровная ночь была как горячая радужная тьма после самого сладкого любовного содрогания. Тёплая земля лежала, словно разворошённая постель: Семиколоколенная гора — как продавленная подушка, Чуланская гора — как отброшенное и смятое в ком одеяло. В изнеможении распростёрся Пряжский пруд; изгиб отражённого месяца казался вмятиной от женского колена. Природа повсюду растеряла любовные черты, будто захмелевшая девчонка, раздеваясь, раскидала по комнате свои вещи: фонари бульвара Конармии — как бусы на столе, два купола Спасского собора — как лифчик на спинке стула, лакированной туфелькой блеснула иномарка в проулке, и даже лужи под ногами лежали как забытые под кроватью трусики.

В сквере у набережной Моржов услышал грубые мужицкие голоса подростков и неумелый девчоночий мат.

Моржов притормозил и повертел головой, чтобы блеснули очки. Наживка была тотчас проглочена.

— Мужик, стоять! — донёсся из скверика хамски-хозяйский окрик. — Сюда подошёл!..

Эх, голливудство-голливудство... Голливудский символ Америки — обаятельный и респектабельный президент, ручкой помахивающий толпе из открытого лимузина, а в окне окрестного небоскрёба торчит мрачный и тощий тип со снайперской винтовкой у плеча. А символ города Ковязина — пьяные подростки с глумливым окриком «Мужик, стоять! Сюда подошёл!», и дальше пошакальи — сзади и все на одного.

Моржов допил пиво из бутылки (не пропадать же продукту), присел и разбил бутылку об асфальт, а дальше с «розочкой» в кулаке молча бросился к скверику.

Подростки сообразили не сразу, но потом с воплями и девчоночьим визгом дружно прыснули прочь, топоча по кустам. Моржов, как Кинг-Конг, запрыгнул на скамейку, но вокруг уже было пусто, лишь под луной изумлённо колыхался сигаретный дым. Моржов швырнул вслед ублюдкам «розочку» и в досаде плюнул: чёртова привычка самообороны, как же он забыл про «пэ-эм»? На хрена он тогда покупал пистолет, если всё равно бутылки бьёт?

Озлобленно почёсываясь, Моржов вырулил обратно к набережной и пошагал в сторону плотины, где светился коробочек круглосуточного ларька.

Моржов набрал бутылок пива в полиэтиленовый пакет, подумал и прямо у прилавка накатил пластиковый стаканчик водки. Водка была крепкая и дорогая, словно её гнали из слёз поп-звёзд. Но Моржова всё достало. Пускай его ероплан срывается в штопор.

Едва Моржов чуть-чуть отошёл от ларька, его шумно и мощно вытошнило прямо в Пряжский пруд. Сказалось, блин, долгое отсутствие практики. Моржов подумал

и выбрал в девиз правило Щёкина: «Брать — так литр!» Он упрямо вернулся в ларёк, прополоскал горло минералкой и педантично повторил процедуру с водкой. Водка злобно шлёпнулась на дно желудка жгучей медузой и больше не шевелилась, сидела тихо и обречённо, таяла.

От ларька Моржов пошёл вверх по Колхозной улице. Судя по мёртвым фонарям и фасадам, которые своим разнообразием напоминали очередь в травмпункт во время гололёда, улицу следовало бы звать Бесхозной. С неё Моржов свернул на улицу Героя Рыбакова. Моржов не знал, какую амбразуру закрыл своей орденосной грудью герой Рыбаков (генерал, как гласила мемориальная табличка), поэтому для себя называл улицу именем Героя Робокопа. Про Робокопа Моржов знал всё с детства, и Робокоп действительно был герой.

Улица Робокопа была хаотически выхвачена из тьмы фрагментами финансово успешных территорий. Горели редкие витрины магазинов и вывески офисов, озаряя куски тротуара, вымощенные разноцветной плиткой. Над долгими перебежками тьмы в лунной мгле клубились тополя и тускло бликовали маленькие окна вторых этажей. Окна полуподвалов печально глядели снизу вверх из ям, забранных решётками. Казалось, что сейчас оттуда протянутся бледные руки с раскрытыми ладонями, на которые требуется положить милостыню. Отражая луну, навзничь, как убитые, на дороге лежали плоские лужи.

Моржов шагал, пил пиво, курил и глядел в перспективу улицы, ребристой и фигурной. Как бы ни обветшал неухоженный город Ковязин, в его старине не было убожества. Подсвеченные луной и витринами, все фронтоны, мезонины, кокошники, эркеры, сандрики и лопатки разнобойных особнячков, суммируясь, складывались в образ незримой Триумфальной арки, что во тьме стояла над Ковязином.

Блуда и МУДО

Это была победа мужского начала человечества над женской податливостью пространства и природы. Моржов считал, что зодчество по характеру своего предъявления изначально неискоренимо мужское. Оно молодежато выпячивало широкие груди ризалитов, брутально выдвигало челюсти балконов, напрягало вздутые мускулы колонн и натягивало сухожилия пилястров, по цоколям было расчерчено на прямоугольники, будто накачаный брюшной пресс, бесстыже развешивало каменно-тяжёлые и пышные гроздья капителей и барельефов. Вся анатомия зданий была выставлена напоказ именно с мужской наглостью бани, а вовсе не скрыта с женской стыдливостью улицы. Женской архитектурой были пещерные города и пирамиды, каналы и хтонические лабиринты метрополитенов. А внешний мир был мужским, но в Ковязине — обшарпанным и надтреснутым, словно бы мужчина довольно долгий срок отмотал на зоне и совсем оскотинился. Трахая, он натирал, драл и царапал. Без смазки вроде выпивки никто его уже не хотел.

Ещё, кстати, бывала смазка типа «любовь», но Моржов на такое не рассчитывал. Ему не повезло: никогда никакие женщины его не желали. Всех, что у него были, он взял сам. А впрочем, возможно, что напор Моржова просто обгонял скорость созревания женских вожделений. Но Моржов всеми этими примерками и соображениями никогда не заморачивался. Он считал, что вместо любви ему вполне достаточно голливудства.

Моржов аккуратно поставил пустую бутылку возле мятой железной урны — бомжи подберут — и откупорил новую.

...Как было в кино «Красотка»? Молодой, но состоятельный Ричард Гир, холостой и очень добрый, снимал проститутку. Моржов тоже был молод, очень добр, холост, упрощённо говоря — состоятелен и в принципе не так уж плох собою (если не считать трусов с бледно-синими

крокодилчиками). У Гира проститутка оказывалась красивой, как Джулия Робертс, но грубоватой и вульгарной, зато в душе — нежной, ранимой и обиженной. Так, блин, и у Моржова случилось!.. Проститутка отдавалась Гиру с неподдельным жаром, потому что драматургически это выглядело идеально. Моржов считал себя достаточно волевым человеком, чтобы его половой акт с жизнью превратился в драматургическую судьбу. Выходит, что он, как тот Гир, тоже заслужил сладкое.

А драматургия почему-то вывернулась наизнанку. Девчонка явилась пьяная, не далась, выклянчила деньги, да ещё и оскорбила так, что Моржов ощутил себя слегка кастрированным. Причём именно в тот момент, когда он уже почти прокопал подземный ход в женский монастырь. Что-то в его жизни оказалось сильнее голливудства, драматургии и судьбы. И рок здесь был ни при чём.

Моржов яростно открыл пивную бутылку зубами, словно укусил себя за кандалы.

Конечно, и раньше у него случались провалы, позорища и обломы. Но они всегда лежали в русле драматургии. Во всяком случае, их всегда можно было интерпретировать как рок или судьбу. А с этой Алёной — шиш. Привычная логика не просто дала сбой, а вообще растворилась нигде. Можно было, разумеется, найти случившемуся десяток объяснений, но в данном случае любая причина нейтрализовалась контрдоводом.

Например, причина: девчонка устроила истерику и не далась, потому что устала и была пьяная. Контрдовод: не такая уж она была и пьяная, если не забыла про деньги; а если уж она помнила про деньги, то не стоило ей артачиться перед другом сутенёра. Да ведь и не первым же мужчиной был в её жизни Моржов! Следовательно, она должна знать, что сопротивление отнимает больше сил, чем покорность, — значит, не так уж она и устала.

Причины и контрдоводы уравнивали друг друга. Эта зыбкая неустойчивость должна была нарушиться в ту сторону, куда толкал Моржов. А она нарушилась в противоположную сторону. И нарушиться подобным образом ей было не так-то просто, потому что напор Моржова был традиционно силён, хоть и мягок. Так что же стряслось? Что за чёрт вклинился в ситуацию?..

Моржов уже прошёл весь центр Ковязина и теперь шагал сквозь окраину. Кругом громоздились какие-то гаражи, сарай, заборы, штабеля труб, бараки, столбы, поленницы, трактора... Улица перепрыгивала через речку Пряжку, здесь ещё не разлившуюся прудом, и Моржов с удивлением понял, что не может пройти по мосту тротуаром. Тротуар оказался слишком узеньким. Моржов осторожно преодолел мост по осевой линии, для равновесия широко растопырив руки. В одной руке блестела бутылка, а в другой, на которой висел пакет, дымилась сигарета.

...Моржов давно догадался, что Кризис Вербальности лишил мир цели. На хрена она нужна, если за неё можно выдать что угодно? К тому же есть куча разнообразных наркозов, с которыми не только про адекватность, но и вообще про реальность можно забыть. Поэтому мир не таков, каким его делают, а таков, как это делание происходит. Сверхценность цели сдрейфовала на средства. Облик мира определяется не степенью приближения к идеалу, а способом мышления, формулирующего идеал, который ни практически, ни теоретически совершенно не нужен. Как городу Ковязину для комфорта совершенно не нужен стиль провинциального классицизма, в котором он выстроен, а нужны трубы, гаражи, поленницы, столбы, сарай...

Значит, блуда с Алёнушкой случилась не потому, что Моржов не учёл какой-то тайной цели Алёнушки, а потом удивился, что эта цель для неё оказалась важнее всего прочего. Блуда случилась благодаря трахнутым Алёнушкиным мозгам. И надо понять, что и как Алёнушку

трахнуло, потому что Алёнушка — не одна. Впереди — Троельга, и там Милена, Розка, Соня... Моржов не хотел снова попасть в беду. Если он не докопается до причины, то и в Троельге не получит ничего, кроме импотенции на нервной почве. А на хрена тогда ему свобода и деньги, если главная ценность будет недоступна? Но вопрос, на который Моржов хотел получить ответ, был адресован не к бабам, а к миру.

Моржов выбросил очередную бутылку и обнаружил, что осталась последняя. На обратный путь не хватит. Он уже вышел из Ковязина и стоял на обочине дороги, которая через поле и перелесок вела из города на большую федеральную трассу. Никто в Ковязин не ехал, и ждать тачку было глупо. Моржов вспомнил, что на съезде с трассы стоит круглосуточная кафешка для дальнобойщиков. Там можно хотя бы пивом затариться.

Хрустя гравием обочины, Моржов дошагал до кафе. На стоянке перед ним светлела единственная «девятка». В её раскрытом окошке краснел огонёк сигареты. Широкая трасса была туманна и пуста. За кюветами поднимался тёмный, неподвижный лес. Моржов стрельнул с пальца окурок и вошёл в кафе.

Продавщица, чем-то напоминавшая Анжелу из сауны, сидела за стойкой и смотрела телевизор. За боковым столиком обедали (или ужинали? или завтракали?) две молоденькие девчонки-проституточки. Они были из разряда «плечевых» — девочек для трассы. Хуже была только работа для «чёрных» на рынке, но там, как рассказывали Моржову шлюшки из саун, отирались в основном крепкозадые девки из деревень, которые вечерний секс на ящиках с помидорами совмещали с дневной торговлей с лотков.

Моржов осмотрел небогатую выставку пива на витрине.

— А чего приличного нет? — спросил Моржов. — Одно это, да?

— Другие не жаловались, — холодно ответила продавщица.

Моржов тотчас вспомнил, что эти «другие» так же ещё и в сауне при сексе не падали со стола. «Другие» явно устроились в жизни лучше, чем Моржов.

— Ладно, красавица, дай мне вон те две бомбы, — согласился Моржов. — Сдачи не надо.

Он сунул пластиковые бутылки в пакет, присел за столик и раскупорил свою последнюю бутылку, но вдруг услышал:

— Со своим у нас нельзя.

Это сказала продавщица. Моржов закрыл рот и посмотрел на неё. Женщина она была яркая, но затёртая, как старые джинсы. Видимо, стать такой продавщицей, Анжелой из сауны, и было самым благополучным финалом жизни девчонок вроде тех, что сидели направо от Моржова. Девчонки тоже глядели на него.

— Я же купил пару «титек», — удивлённо возразил Моржов.

— Со своим у нас всё равно нельзя, — поколебавшись, раздражённо повторила продавщица.

— Слушай, давай без морали, — попросил Моржов. — Тебе какая разница? Я ведь не курю тут, не плюю, не блюю. Отдохну и пойду.

Он воткнул горлышко бутылки в рот и тотчас чуть не подавился, потому что одна из девчонок закричала:

— Ты чо тут наглеешь? Тебе сказали — нельзя!

Моржов откашлялся и ответил:

— А ты чего разоралась?

— Ты здесь не дома, понял? — крикнула девчонка.

— Зато, похоже, ты дома, — буркнул Моржов и обратился к продавщице: — Хорошо, дай мне стаканчик. Буду пить ваше.

— Здесь не распивочная, — презрительно сказала продавщица. — Иди бухай на улицу.

— Вы чего, подруги, на меня взъелись? — совсем озадачился Моржов.

— Иди отсюда, тебе сказали! — вопила девчонка.

Моржов почувствовал себя так, будто со своим пивом вломился в гинекологический кабинет и расселся там, не заметив, что идёт осмотр пациентки.

— Лерка, позови Андрея, — приказала продавщица.

Вторая проституточка вскочила и выбежала из кафе.

Моржов всё понял. Он заявился сюда не вовремя — в обеденный перерыв, весь такой из себя свободный, пьяный дорогим пивом. А тут две шлюшки в разгар рабочей смены и отставная дама. И нет при них ни клиента, ни просто мужика, хотя они тут сидят, естественно, как женщины, а не как термометры. А Моржову баба тоже не нужна — это по нему видно: значит, шлюшки с продавщицей вдвойне никому не нужны. Такое утверждение требовалось опровергнуть хотя бы с помощью сутенёра, курившего в «девятке».

Сутенёр вошёл, моргая на свет. Он был парнем примерно моржовского возраста, только, судя по татуированным пальцам, вёл иной образ жизни.

— Вот этот гондон, — из-за спины сутенёра сказала шлюшка, тыча пальцем в Моржова, будто бы, кроме Моржова, в кафе было много и других гондонов.

— Ты хули залупаешься? — привычно начал сутенёр, нагибаясь вперёд и двигаясь на Моржова.

Моржов вдруг почувствовал, что звереет. Ему жутко осточертела эта переизбыточность бытия. Он зашёл в кафе за пивом — и попал на чужие комплексы; снял проститутку — и его трахнула система мира; решил купить девушке сумку — и ему чуть не впарили смысл жизни. Он задрал на брюхе майку, вытащил пистолет и без прицела пальнул в открытое окно.

Блуда и МУДО

Девчонки завизжали, приседая; сутенёр застыл на полушаге; продавщица отпрянула и стукнулась спиной о витрину с бутылками.

— Назад отошёл! — вставая, рявкнул Моржов сутенёру.

Благодаря Голливуду, технику ограбления кафе Моржов знал куда лучше, чем, к примеру, правила поведения на пожаре. Нужно было держать пистолет обеими вытянутыми вперёд руками, всё время двигаться, быстро озираясь по сторонам, и орать, называя всех женщин «суками».

— Ты чего, братан?.. — оторопел сутенёр.

— Руки на виду держи! — снова рявкнул ему Моржов.

Сутенёр послушно поднял открытые ладони и даже слегка покачал ими, как генсек.

— Лизка, кто это?.. — краем рта спросил он у продавщицы.

— Сама первый раз вижу.. — выдохнула та.

Моржов с наслаждением коленом перевернул свой столик, потом пнул стульчик так, что тот по диагонали перелетел через кафе. Шлюшки снова завизжали.

— Тихо, ебёна мать! — прорычал Моржов и опять бабахнул из пистолета в окно.

Он глянул на продавщицу. Та молодела прямо на глазах, как старая кошка, увидевшая мышь. Вряд ли у неё под стойкой спрятан дробовик, как обычно бывает в кино.

— Договоримся, мужик... — осторожно сказал сутенёр.

— Хер ты со мной договоришься! — торжествующе проревел Моржов.

— Те чо надо? — бормотал сутенёр, отступая. — Бабок надо?..

— Я выручку вечером сдала, — быстро сказала продавщица.

— Может, девчонок надо?.. — увещевал сутенёр, не отрывая глаз от лица Моржова.

— Ты чо нас ему даёшь?! — завизжали проститутки.

— Молчать, соски! — крикнул Моржов, дёрнув пистолетом. Обе девчонки дружно пригнулись.

— Смотри, девчонки какие... — внушал сутенёр.

Моржов стремительно перевёл ствол на проституток. Те шарахнулись назад, своротив столики.

— Живо обе разделись! — приказал Моржов и, прищурившись, саданул из пистолета в третий раз — теперь уже в приоткрытую дверь.

— Обе, живо! — углом рта приказал сутенёр.

Толкаясь локтями и нагибаясь, обе шлюшки торопливо постягивали с себя тряпки и замерли, одинаково прикрыв грудки перекрещенными руками. Их выбритые лобки от страха походили на сморщенные куриные гузки.

— Во-от... — вкрадчиво прошептал сутенёр Моржову, бровями указывая на голых шлюшек у себя за спиной.

— Готово? — спросил Моржов.

— Готово, — угодливо кивнул сутенёр.

— А теперь давай трахай их, — приказал Моржов.

— Ты чего?.. — совсем растерялся сутенёр.

— А чего ты хочешь? — заорал Моржов. — Ты на хер их на трассе пасёшь? Тебе денег надо? Надо? Не слышу ответа!..

— Надо... — кивнул сутенёр.

— Тебе на хера деньги, мудила? — Моржов пинком отправил второй стульчик в ноги сутенёра. — Чо ты с ними будешь делать? Тачку купишь? На хера тебе «Мерс» в Ковязине, если у нас дороги не чинят?

Сутенёр подавленно молчал.

— По миру кататься будешь? — теснил Моржов. — Тебе на хера, если ты Корею от гонореи не отличаешь?.. Квартиру купишь, женишься? На хера тебе жена? Ублюдков плодить?.. — Моржов наступал на сутенёра, а тот пятился. — Тебе бабки нужны девок снимать? Вот тебе девки! Трахай давай! Это лучшие!..

Ни сутенёр, ни перепуганные шлюшки ничего не понимали. Сутенёр затравленно оглядывался на девчонок.

— Трахай давай! — куражился Моржов, махая пистолетом.

— Ты чо, братан... — талдычил сутенёр. — Ты чо... Я так не могу — под стволом-то...

— А я могу? — орал Моржов. — Я могу?

Глава 3

ТРОЕЛЬГА

— Едут новосёлы, рожи невесёлы, — пробурчал Щёкин, глядя в окно электрички.

Щёкин и Моржов ехали в Троельгу, сидя друг напротив друга на деревянных скамейках. Щёкин уже успел посетить Троельгу, отвёз вещи, а Моржов ехал впервые и волок с собой здоровенный рюкзак. Правда, шмотьё в рюкзак Моржов скидал как попало, потому что был разбит похмельем, словно Сталинград бомбёжкой.

Моржов не пил давным-давно и надеялся, что его организм забыл про похмелье. Но злопамятный организм ничего не забыл и воспроизвёл страдания тютелька в тютельку мукам былых алкогольных времён. Подобным же образом, видимо, невозможно разучиться кататься на велосипеде. Сколько бы лет ни прошло, а всё равно с велика (если залезешь) уже не сверзишься.

Кстати, велосипед ехал рядом с Моржовым, уныло свернув набок рогатую голову. Он походил на облезлого оленя, жестоко разочарованного жизнью. Моржов купил велик недавно — всё у того же Лёнчика Каликина. Велик был откровенно краденым, но Моржов не боялся рассекать на нём по улицам Ковязина. Для себя он решил: если он наткнётся на хозяина, который опознает

своё имущество, то сразу же отдаст велик, да ещё и заложит Лёнчика, чтобы тот хотя бы раз получил за воровство по зубам.

Глядя в окно электрички, Щёкин тихонько и гнусаво напевал:

— В какой-то дымке матерной земля в иллюминатере...

Похмелье у Моржова получилось качественным, стойким. Моржов казался себе тяжёлым, будто бы, как Голем, был набит глиной до самой глотки. Но при определённом напряжении воли ещё можно было жить и без опохмелки, поэтому Моржов не опохмелялся. А Щёкин бесстыже и безжалостно пил пиво и сегодня уже не собирался останавливаться.

Электричка барабанила по окраине Ковязина. День выдался хмурым. Он мельтешил за окном, как чёрно-белое кино про колхозный быт. Облака походили на увесистые сельские задницы, собирающиеся всей своей тяжестью усесться на город Ковязин.

— Я недавно раскрыл тайну египетских пирамид, — вальяжно сообщил Щёкин, складывая ноги на моржовскую скамейку. — А заодно и причину Всемирного потоп.

Моржов молчал, разглядывая бетонный паромод элеватора, вздымающийся за дальними пакгаузами.

— Раньше бог давил людей жопой, — не смущаясь молчанием Моржова, поведал Щёкин. — Надоедят ему люди, он сядет на землю — и всех в слякоть расплющит. Тогда люди построили пирамиды, чтобы они впивались богу в зад и не давали садиться. Отныне бог был вынужден применять потоп. Правда ведь, что моя теория — это революция в исторической науке?.. Хочешь опохмелиться?

— Не хочу, — сурово сказал Моржов.

— Понимаю, — кивнул Щёкин. — Вторник, первый рабочий день... А чего ты хочешь тогда?

За окном вдоль железной дороги корячились гаражи, заборы, ржавые будки, кирпичные развалины, поленни-

цы, столбы, заброшенные насыпи, остовы комбайнов и грузовиков. Но за всем этим привычным безобразием горизонт как-то нехотя изгибался зелёными холмами Колымагиных гор. Земля словно бы ещё не решила, быть ей кручами или долами, лиственной или еловой. Она смущённо колебалась, как девушка-подросток в первый раз на диком пляже: остаться ей в платье или же раздеться, обнажая ещё недозрелые округлости груди и бёдер. И своё смущение, стянув купальник, она компенсирует матом и грубостью всех этих придорожных штабелей шпал, котлованов, свалок и сараев.

— Ты не поверишь, чего я хочу, — с чувством сказал Моржов Щёкину. — Я хочу, чтобы не было конца света.

Щёкин посмотрел на Моржова немного изумлённо и как-то затравленно, вздохнул, пожал плечами и назидательно изрёк:

— Жизнь — это кузница!

Электричка заклокотала и затряслась в торможении.

— Пошли, — сказал Щёкин, вставая.

Остановка «Троельга» приютилась носом в склон горы.

Двери раздёрнулись. Щёкин с рюкзаком прыгнул вниз, и Моржов по ступенькам скатил ему велосипед, а следом выбрался и сам. Электричка зашипела, захлопнула двери и толчками поползла вперёд. Отступать Моржову и Щёкину было некуда — под пятками щебень уже осыпался с обрыва кювета. Стенки вагонов ехали так близко от лица, что Моржов отвернулся.

Когда он повернулся обратно, электричку, как ведьму, с воем уносило в еловую перспективу. За железнодорожными путями из-под насыпи виднелись три шиферные крыши с антеннами и кирпичными трубами. Следом за крышами простиралась живописная неровная долина с лугами, перелесками, заплатами огородов и дальним селом, где над зеленью лип торчала свеча колокольни — прозрачная, словно ледяная. Облака расплзлись ветхи-

ми лохмотьями, не в силах перекрыть такое огромное пространство, и над долиной кое-где сияла голубая нагота неба. Косые потоки света от невидимого солнца медленно подметали простор, словно дожди.

Похмельный Моржов неуклюже полез на велосипед, как пьяный моряк после рейса — на жену.

— Ты чего? — тотчас заорал Щёкин. — Я твой мешок поволоку, а ты с горки — и к девкам на автопилоте, да?..

— Жестокая сволочь, — пробормотал Моржов и нехотя убрал ногу с рамы.

Они перебрались через рельсы, и с другого края насыпи Моржов увидел склон горы. Прямо под насыпью параллельно железной дороге тащилось узкое, мятое и дырявое шоссе. С него вниз сваливался разъезженный просёлок. Здесь в косматых палисадниках стояли три выцветших щитовых домика. Склон горы был луговой, но слева на луг вторгался клин высокого ельника. Он тянулся до самой низины, где вихлялась и сверкала Талка, вся в рыжих отмелях и островах. Просёлок деловито спускался к речке вдоль елового клина и заворачивал куда-то за его угол. Напротив этого поворота через Талку перекидывался деревянный половичок мостика, подвешенного меж двух бревенчатых треног. Тропа с него убегала к дальнему селу и по-собачьи быстро терялась в полях.

— Это, значит, разъезд Троельга, а там село Колымагино, да? — спросил у Щёкина Моржов, припоминая карту области.

Щёкин рассматривал окоём суженными глазами.

— Неправильно говоришь. — Щёкин вдруг почему-то обиделся. — Я ведь здесь всё уже переименовал для удобства. Там, — Щёкин махнул рукой в сторону колокольни, — теперь село Сухонавово. А это, — он указал на домики разъезда, — деревня Яйцево. Потому что здесь живут два очень крутых... э-э... друида. Ты их ещё увидишь.

— Что за друиды? — удивился Моржов.

Блуда и МУДО

— Друиды — это деревянные деревенские андрюиды, — мрачно пояснил Щёкин.

Моржов вздохнул.

— А где наш пионерский лагерь? — спросил он как можно осторожнее.

— За лесом, — злобно сказал Щёкин. — Его вообще из цивилизации не видать. Полная блуда, короче говоря. Загнала нас Шкиляева в дырищу...

Они спустились с насыпи на шоссе, пристроили рюкзак на седло велосипеда и пошагали вдоль домиков разезда. В палисадниках сушилось бельё.

— Я вчера придумал, как мне резко разбогатеть, когда меня выгонят из МУДО, — рассказывал Щёкин, за руль толкая вперёд велосипед. — Открыл новую профессию — идунахер. Это специалист, который ходит на хер. Открою свою фирму, стану первым и самым богатым идунахером Ковязина. Если кому-то надо кого-то послать на хер, он мне звонит. Я сразу приезжаю, он мне платит и посылает меня. За дальнюю дорогу буду брать двойные командировочные. Поначалу думаю учредить штат человек в тридцать. Потом, конечно, штат придётся увеличивать — спрос-то будет ажиотажный. Ну, затем филиалы по всему миру разбросаю... Разбогатею, выкуплю Троельгу и организирую здесь корпоративный музей. Экскурсоводом возьму Костёрыча, с ним уже договорился. Он будет водить всяких японцев по Троельге и рассказывать, как всё началось с того, что Шкиляева послала меня сюда на хер.

Теперь они уже шли под гору по мягкой, песчаной просёлочной дороге с травяной холкой между колеями.

— Ехали медведи на велосипеде, — бормотал Щёкин. — А за ними педики на велосипедике... Слушай, у тебя же на велике на раме седулка приделана... Давай ты наденешь рюкзак и поедешь, а я на седулку сяду. Домчимся до лагеря за секунду, как Гагарины.

— Иди на хер, — мрачно сказал Моржов.

Слева над плечом Моржова поднималась высокая, мохнатая стена елей. Моржов вспомнил, как в таком же ельнике он писал свои пластины из цикла «Еловые стволы». (Капелла Поццо и Бьянко, два серебряных лота арт-аукциона...) Ёлки походили на монахинь, до пят закутанных в чёрное, с остроконечными клобуками на головах. Раньше Моржову казалось, что в женском монастыре и укрылся рай, когда в тайне от всех любовь молча и свирепо взрывает уставы и устои. Но после тех пленэров он понял, что всё это — враньё несостоявшихся сладострастников. В глубине ельника, как в тёмном монастырском подвале, было сумрачно, холодно, сыро. Все пути загромождали осклизлые валёжины, что обросли бородами плесени и растопырили отточенные мёртвые сучья. Под густым опереньем папоротника росли только нарывы мокрых мухоморов. Даже солнечный свет на дне ельника стекленел разводящими паутиной, словно изморозью на зеркале, и уже не грел.

— А как там девки устроились? — спросил Моржов.

— Да устроились как-то. — Щёкин пожал плечами. — Хрена ли, они ведь третий день здесь уже. Шкиляиха всё подогнала: продукты привезли, газовый баллон для плиты на кухне, посуду одноразовую, волейбольные мячи, пластик, блин, какой-то. Нашенским детям — ни шиша не полагается, они же ночевать здесь не должны, а америкосам купили спальные мешки, настольные лампы, полотенца, шампуни там всякие — в общем, комбиджир ежедневно. В Яйцеве Каравайский нанял друидов, и они с Костёрычем подшаманили что надо: койки собрали, проводку проверили, сортир палками подпёрли. Полный шорс, короче. Теперь всё: ждём ваше сиятельство.

Моржов и Щёкин спустились по просёлку до отворота на подвесной мостик и завернули за остриё елового клина. Отсюда, с невысокого взгорья, Моржов и увидел Троельгу.

Лагерь стоял на зелёной полянке под вскинутым крылом ельника и был похож на глухариное гнездо или даже на древний бревенчатый кремль. Талка здесь изгибалась как-то совсем интимно — словно приобнимала поляну с лагерем. А справа и слева, будто родители, поднимались горы. Матушкина гора нежно волновалась бело-зелёными берёзовыми переливами и щебетала. Отцовская гора хмурилась ельником, в котором время от времени свистели и протяжно стучали поезда. Дальний проём выводил неведомо куда: там лучилось небо, пухли облака, что-то просторно зеленело и голубело, блестели какие-то мелкие искры, плыл и клубился свет.

В своей душе Моржов уже освободил место для Троельги. В силу хитроумности организации его природы эта полость имела достаточно причудливую конфигурацию. И Моржов с изумлением почувствовал, что та Троельга, которую он увидел, легко и точно заполняет оставленные для неё объёмы, словно он заранее знал, какой эта Троельга будет.

Колеи просёлка изящным виражом дружно проскальзывали в ворота. Ворота представляли собою два железных столба с жестяным, в меру ржавым полотнищем, в котором трафаретом было прорезано: «Детский лагерь “Троельга”». Щёкин толкал к воротам моржовский велосипед, навьюченный рюкзаком, — словно вёл послушного ослика. Моржов шагал следом и чувствовал себя каким-то помещиком, боярином Ковязей, которому показывают его новую, только что купленную усадьбу.

Постройки Троельги располагались на поляне по углам воображаемого квадрата. Две стороны одного угла занимали два длинных жилых корпуса с крытыми крылечками. Здания из бруса были обшиты крашеной фанерой, которая сейчас уже покоробилась и местами облупилась. Под солнцем казалось, что домики стильно закамуфлированы

жёлто-коричневыми сетями, словно штаб вьетконговцев. На противоположном углу квадрата громоздился тоже фанерный корпус кухни, к которому с одного бока приникала открытая веранда столовой, а с другого — хозяйственный пристрой. В третьем углу возвышались скворечня водяного насоса над скважиной и железная шеренга умывальников. Дошатая дорожка вела к берегу Талки. На берегу белели какие-то былинные валуны. Сама Талка разлилась и обмелела так, что на длинных спинах островков уже топорщилась кудлатая трава.

Моржов освоился и устроился исключительно быстро. Жилые корпуса внутри были нашинкованы на пятиместные комнатухи. Моржов вошёл в первую попавшуюся и свалил рюкзак на панцирную койку.

— Девки, блин, все в одну каморку сбились, как стадо, — поведал Моржову Щёкин, отколупывая ключ на пивной банке.

— Попозже расселим их поодиночке, — деловито пообещал Моржов, распечатывая рюкзак. — Иначе как же мы будем навещать их по ночам, чтобы подоткнуть одеялко?

— Расселять их только завтра можно, — предостерёг Щёкин. — Сегодня вечером — банкет, приедут мужья ихние. Могут разораться.

— Так ведь девки же все не замужем! — удивился Моржов.

Щёкин кратко пояснил, кого он имеет в виду под мужьями.

— А к Сонечке твоей тоже приедут? — спросил Моржов.

— Да хрен знает... — замялся Щёкин. — Про Сонечку вроде ничего не говорили... Вообще-то в черновике своих мемуаров я указал, что она девственница. Согласно современному состоянию научного знания, к ней никто не должен приехать. Разве что одноклассник какой-нибудь, но ему мы дадим по жопе.

— Как я тебе? — спросил Моржов, вытягиваясь перед низеньким Щёкиным во весь свой рост. — Правда, прекрасен собою?

Моржов переоделся в загородное платье. Оно состояло из длинной, как труба, оранжевой майки с надписью «Чикаго буллз» и длинных синих трусов до колен, из которых торчали бледные, жилистые, волосатые ноги Моржова, обутые в огромные кроссовки с вываленными языками. На животе Моржова висел здоровенный армейский бинокль. На голове во все стороны простиралась дырчатая панама, как у пограничника на заставе возле реки Пянж.

— Кошмар, — честно признался Щёкин.

За стеной домика застрекотал мотоцикл. Моржов тотчас зорко посмотрел в окно в бинокль.

— Это друиды прикатили, — пояснил Щёкин. — Будут насос чинить... Ладно, пошли пожрём, пока в столовке кипяток не остыл.

На улице, кажется, распогодилось. Моржов и Щёкин пересекли затопленную солнцем волейбольную площадку и вступили под навес столовской веранды.

Пока дети не приехали, питаться приходилось как попало. Моржов намял в ладонях пакеты со скоростной лапшой и рассыпал их по пластиковым тарелкам себе и Щёкину.

— Молодость, «Доширак»... — мечтательно бормотал Щёкин, заливая лапшу кипятком из огромного чайника размером с танковую башню.

Усевшись за длинный дощатый стол, Моржов и Щёкин стали смотреть на друидов.

— Мотоцикл — «Ижак», — сказал Щёкин. — В пятом классе я мечтал, чтобы у меня был такой же, только без коляски.

Мотоцикл стоял на солнцепёке возле умывальников и будки насоса. Из пузатой коляски торчали доски и ка-

нистры. Из раскрытых решётчатых дверок будки выглядывало круглое рыло электромотора — как хряк из хлева. Оба друида на карачках ползали по траве вокруг растеленной тряпки; на тряпке лежали какие-то железяки полуразобранного механизма. Над друидами возвышались Розка и Костёрыч. Костёрыч, похоже, в чём-то оправдывался, виновато потирая руки, а Розка гневалась. Друиды матерно отругивались.

— Их позавчера Каравайский сюда приташил, — глядя на друидов, сказал Щёкин. — Фамилии у них — Чазов и Бяков. Или Бязов и Чаков. Но это не важно, потому что ты всё равно их друг от друга не отличишь. Потом сам убедишься.

Моржов нацелил бинокль на друидов и прислушался к спору.

— Да чего мы тут сделаем?.. — донеслось до Моржова. Друиды поднялись с карачек и отряхивались. — Начальника своего зовите — он пусть и чинит, а мы не мудаки!

— У нас же дети завтра приезжают! — убеждал друидов Костёрыч. — Как же нам без насоса, без чистой воды? Ну, поймите нас!.. Девушкам ведь придётся воду с речки вёдрами носить!..

— Так молодая же девка, здоровая!.. — Один из друидов с уважением и даже с восхищением указал на Розку. — Не перегнётся!

— Ты свою бабу нагибай! — сразу ответила Розка, и Костёрыч что-то залопотал, успокаивая её.

Моржов уже широко шагал к друидам, двумя пальцами держа на весу раскалённый пластиковый стаканчик с чаем.

Один друид был низенький и лицом совсем бы походил на спившуюся бабу, но мешали блёклые гитлеровские усики. Другой друид, высокий, тоже был усат, но смахивал на испанского контрабандиста, который в ожи-

дании оказии, не протрезвляясь, пару недель просидел в таверне самого низкого пошиба. Одеты оба друида были одинаково — в засаленные пиджаки поверх маек и в трико «с тормозами» — оттянутыми вроде галифе карманами. На ногах у Чазова и Бязова были низко обрезанные резиновые сапоги — у Бязова зелёные, а у Чакова — красные.

— К вечеру насос должен работать, понял? — Розка напирала на низенького друида так, что на месте друида Моржов неминуемо схватил бы Розку за торчащие груди, словно быка за рога. — Мне дела нет, где ты свой валидол возьмёшь!..

— Солидол, — тихо поправил Розку Костёрыч.

— Мне на какие шиши его покупать? — орал Чаков (или Бязов). — Хрен на пятаки порубить?

— Деньги по трудовому договору получили? — Розка толкнула друида в плечо. — Получили! На чекмарик с утра вам хватило! Давай теперь насос чини, а то сам вместо насоса сосать будешь!

Моржову мгновенно стало ясно, что сейчас ответят Розке Бязов и Чаков (или Чазов и Бязов). Костёрыч уже всплеснул руками, опережая собственный ужас. Но Моржов по-хозяйски вклинился в конфликт:

— Эй, в чём проблема?

Бязов и Чаков дружно выдохнули.

— А ты кто? — недовольно спросил Чаков (Бязов). — Начальник?

— Начальник, — тотчас согласился Моржов.

— Ну, если начальник... — туманно сказал Бязов (Чаков), а Чаков (или Бязов) прояснил ситуацию: — Насос, падла, не работает. Мы муфту разобрали — фрикцион засорился. Его солидолом надо смазать. А мы обязаны, что ли, солидол покупать?

— Полтинника хватит? — решительно спросил Моржов.

Бязов и Чаков явно не ожидали столь быстрого разрешения, а потому внимательно оглядели Моржова.

— Ну, хватит, — неуверенно согласился Бязов (Чаков). Моржов вынул из кармана купюру и протянул друиду.

— Пусть товарный чек возьмут, — тихо сказал Костёрыч.

— Не надо чека, — твёрдо отказался Моржов. — Давайте, мужики, за дело. Видите — и так женщину расстроили.

Друиды хмыкнули, спрятали деньги в карман и пошагали к мотоциклу. Один из них вытащил из коляски канистру, а другой извлёк из-под барахла мятую жестяную банку, перемазанную солидолом.

— Вымогательство, — вздохнул Костёрыч.

— Почему вымогательство? — удивился Моржов. — Они правы. Вы идите, Константин Егорыч. Я тут сам всё проконтролирую.

Костёрыч слабо улыбнулся, как-то объединив понимающим взглядом Моржова и Розку, повернулся и пошёл к Талке.

Друиды возвращались с довольными ухмылками. Теперь они смотрели только на Моржова, сразу определив его роль главного распорядителя пряников и кнотов.

— Сейчас самоопределимся, — шепнул Моржов Розке.

— Ну вот, — торжествующе сказал Моржову Чаков (он же Бязов). — Разобрались как мужики, и нет проблем.

— Сколько времени у вас на фрикцион уйдёт? — строго спросил Моржов.

— Час... Может, два.

— Ну, валяйте.

Моржов лихорадочно соображал, как бы ему ещё проявить хозяйскую власть. Он поспешно припоминал, что ему известно про электротехнику со времён школьных уроков физики. Знаний было не больше, чем плодов цивилизации у Робинзона Крузо. Моржов помнил только

то, что обычно какие-то клапаны стучат, а свечи надо продувать. В голову лезли жиклёры, турбулентность, браузер, тюнинг и почему-то ГОЭЛРО. Моржов в досаде поднял бинокль и стал смотреть на распотрошённый мотор в открытом скворечнике будки. При звуке соприкосновения окуляров бинокля с линзами моржовских очков друиды даже чуть-чуть выпрямились. Такое умножение моржовского зрения, видимо, показалось им чем-то вроде нечеловеческой пронизательности.

— Гайки мы подтянем, — сразу пообещал Бязов (Чаков).

— А на коллекторе там щётки старые, но рабочие, — добавил Чаков (Бязов).

— У статора обмотку проверяли? — нашёлся Моржов.

— Не, менять не надо.

— А клеммы?

— Уже зачистили.

— Корпус-то хоть заземлён?

— Он сразу и был заземлённым.

— Ладно, посмотрим, чего вы тут нахимичите, — неопределённо-грозно пообещал Моржов, взял Розу за талию и повёл к крылечку кухонного пристроя.

— Посидим тут немного, — шепнул он. — Надо у них над душой помаячить.

Они присели на горячую дощечку лесенки. Моржов закурил, но потом вернул руку Розке на бедро. Друиды опять встали на четвереньки вокруг тряпицы с железяками, словно творения доктора Моро при отлучке доктора.

— Ты знаешь, что начальником лагеря Шкиляева назначила Каравайского? — спросила Розка.

— Догадался, — ответил Моржов. — Ведь надо же как-то оправдать летнюю доплату Каравайскому.

— Он приезжал позавчера... Подписал с этими хмырями трудовой договор, что они здесь всё починят. Двести рублей — им, триста — ему. А материальная ответственность — на мне.

— Что мы всё о деньгах да о деньгах? — прошептал Моржов, обнимая Розку покрепче.

— Эй, командир, а солидол, который останется, ты у нас заберёшь или можно себе взять? — издали крикнул Чаков (Бязов).

— На хрена он мне нужен? — ответил Моржов. — Берите себе. Главное — чтобы фрикцион работал!

— Всё, теперь начальник здесь стал ты, — усмехнулась Розка.

— Чего только не бывает за пятьдесят рублей...

Розка была не совсем точна в терминах. Моржов понимал, что для друидов он никакой не начальник. Случится у друидов нужда — они поднимут бунт или просто уйдут, даже не оглянувшись. Для друидов он стал не начальником, а чем-то иным... Жизнь у друидов была скучная: город Ковязин и село Сухонавово — далеко, работы нет, поезда не останавливаются, в телевизоре только два канала. Уму не за что зацепиться. И вот теперь — появилось. Он, Моржов, вместе со своей Троельгой стал для друидов точкой отсчёта жизни.

Моржов считал, что такая точка отсчёта есть чуть ли не у каждого. Она — то основное, чем организуется человек. У себя такой точкой Моржов считал пластины. Для него пластины были (в числе прочего) и способом размышления о мире. Для размышлений Моржову оказывались нужны мозги, поэтому пришлось закодироваться, а кодировка отключила мерцоидов. То есть ради пластин Моржов пожертвовал даже бабами.

Вся хитрость коренилась в географии этих точек. У небольшого числа людей такие точки находились внутри их мира. Эту сторону бытия Моржов тоже зааббревиатурил и пользовался термином ВТО: Внутренняя Точка Отсчёта. Жизненная стратегия людей с Внутренней Точкой Отсчёта заключалась в стремлении вынести ВТО вовне на максимально удалённое от себя расстояние.

Моржов докинул свою ВТО до капеллы Поццо и Бьянко. Костёрыч исхитрился погрузить ВТО в толщу веков вплоть до эпохи боярина Ковязи. А Щёкин, например, своей ВТО бил, как звезда протуберанцем, и мог поразить хоть Госдуму, хоть Марс. У людей моржовского ряда дальность вывода ВТО определялась стилистикой. Костёрыч занимался бурением недр, Щёкин — артобстрелом, а сам Моржов — половыми актами. Но Моржов не считал себя таким уж особенным развратником, потому что любая стратегия выноса ВТО была, по сути, осеменением мира.

А друиды принадлежали к тому человеческому ряду, который был противоположен моржовскому. У этого ряда жизненный эпицентр находился вне человека. Поступаясь оригинальностью, Моржов называл его тоже ВТО: Внешняя Точка Отсчёта. И жизненная стратегия людей этого ряда заключалась в том, чтобы притянуть ВТО к себе, в себя и под себя: своей задницей придавить к полу полюбившееся кресло, уложить женщину под своё брюхо, набить свой карман или своё чрево. В общем, как-нибудь приспособить ВТО: или натянуть на себя, как презерватив, или проглотить, как противозачаточную пилюлю, или вставить себе, как свечу от геморроя.

Короче говоря, охотное подчинение Бязова и Чакова Моржов расценил как радость друидов по поводу обретения в моржовском лице собственной друидской ВТО. Для друидов появление Моржова превращало дотолее бесполезную Троельгу в козу, которую можно и подоить, и поиметь.

— И долго мы будем так сидеть? — недовольно спросила Розка. Похоже, она слегка недоумевала: отчего это моржовская рука так и осталась на её бедре, не продолжив странствия?

— Ровно до тех пор, пока не починят фрикцион, — ласково ответил Моржов. — Фрикцион — это агрегат,

совершающий фрикции. На мой взгляд, быть рядом с тобой, но уйти до начала фрикции — это предательство.

Солнце медленно съехало по склону Матушкиной горы, как с плеча — бретелька сорочки. В распадок Талки невесомо легло кисейное бельё тумана. Под напряжённо-синим небом яркой и розовой наготой загорелся вдали столбик колокольни села Колымагино. Вечернее, постельное тепло одеялом окутало Троельгу.

Ещё до заката Моржов усадил пьяного Щёкина на велосипед и отправил в деревню Яйцево за дровами. Получив второй за день полтинник, друиды поняли, что жизнь их, похоже, вошла в полосу счастья, как железная дорога — в тоннель. Они прикатили в Троельгу на мотоциклете и привезли в коляске велосипед, Щёкина и три охапки поленьев. Моржов налил друидам по пластиковому стаканчику водки и велел убираться, потому что сейчас в Троельгу приедут важные люди. Друиды выпили и услужливо убралась, чтобы не отпугнуть удачу. Моржов наколот дрова и развёл костёр.

На берегу Талки имелось стационарное костровище: валунный очаг внутри квадрата из брёвен-скамеек. (Моржов усмехнулся оксюмору быта: квадрат лежал «вокруг».) Поверху брёвна были заботливо стёсаны. Видимо, зимой их так высоко заносило снегом, что друиды не смогли их обнаружить, чтобы спереть на дрова.

Начало смеркаться, когда наконец-то явился первый гость. В ворота Троельги по-кошачьи вкрадчиво въехала тёмная «Тойота». Её задний диван был удобен, как сугроб, в котором уже кто-то повалялся, но Манжетов сидел за рулём. Он привёз мешок снеди и пару бутылок. Поскольку Манжетов был таким гостем, после прибытия которого уже никого больше не ждут, банкет начался.

— Помню, помню вас, Николай Егорович. — Манжетов радушно поздоровался с Костёрычем за руку.

— Борис, — протягивая руку, представился Моржов.

— Глеб, — тотчас всунулся рядом Щёкин.

— Саша, — демократично сказал Манжетов, но сразу поднял палец и предупредил: — Но только в неофициальной обстановке!

Моржов пристроился на бревно рядом с Розкой — через огонь напротив Манжетова и Милены, севших бок о бок. Щёкин, булькая пивом в животе, елозил по бревну, не определившись, к кому же ему будет интереснее приставать: к Розке или к Сонечке. С Розкой можно поязвить, а Соню можно потискать. Застенчивый Костёрыч не решился сесть, и его горящие очки мелькали где-то на границе света и сумрака. Костёрыч то приносил полено, то сзади заботливо накрывал Соню своей старинной стройотрядовской штормовкой, то подсовывал Щёкину стаканчик, чтобы Щёкин не пил из банки. Вдали за ельником изредка подвывали и грохотали поезда.

— Восхитительная штука! — коммуникабельно рассказывал Манжетов, нанизывая на специальные палочки толстые колбаски. — Я этому в Швейцарии научился. Там такие колбаски держат прямо в дыму камина. Жир топится, капает с колбасок в угли, и от этого дым становится ароматным, а колбаски в нём копятся и пропитываются запахом... Дорогая, тебе сделать или хочешь сама?

«Дорогая» — это была Милена. Моржов вдруг соскочил со спускового крючка и не успел поймать себя.

— Джинсы от Давинчи? — с преувеличенным уважением спросил он, кивая на колени Манжетова.

— Да вы что!.. — засмеялся Манжетов. — Простые, наши.

Милена то ли раздурманилась от костра, то ли засмущалась от заботы Манжетова. Моржов смотрел на Милену и в который раз изумлялся женской природе: как дивно расцветает молоденькая женщина, если чувствует, что любима.

— Ну, как у вас дела? — Манжетов приглашал к дружескому разговору всех и, приподнявшись, раздавал всем палочки с колбасками, словно право голоса. — Сергей Егорович, откройте, пожалуйста, бутылки...

— Розка, а Манжетов женат? — тихо спросил Моржов.

— Копаются ещё в невестах, — презрительно ответила Розка. Её кавалер где-то застрял, поэтому Розка в сравнении с Миленой чувствовала себя уязвлённой и, понятно, злилась на Милену.

Костёрыч наконец-то успокоился, уселся на бревно рядом с Манжетовым и начал вкручивать штопор в пробку бутылки.

— Хорошо здесь у вас!.. — Манжетов совершил дирижёрский взмах палочкой с колбаской. — Так поневоле и думаешь: а не бросить ли всё и не махнуть ли в Урюпинск?..

Полагалось смеяться. Милена засмеялась, Розка хмыкнула, а Соня застенчиво улыбнулась. За спиной Розки Моржов саданул кулаком в бок Щёкину, иначе тот непременно ляпнул бы что-нибудь вроде: «Так увольняйся! Ложись под Шкиляиху педагогом и отдыхай в Троельге, а то как топ-модель — с утра до ночи вкалываешь непосильно!»

— А найдётся ли у вас кто с гитарой? — всё шевелил компанию Манжетов. — Может, сыграет, как в турпоходах бывает обычно?..

— Играю на акустике, — всё-таки вылез Щёкин, — девок зову в кустики...

Манжетов покачал головой, давая понять, что оценил остроу, но сомневается в её благопристойности.

— Так ведь мы и не в турпоход сюда приехали, — виновато пояснил Костёрыч.

Он всё ещё неумело возился со штопором и с бутылками. На его склонённый лоб упала косая, интеллигентная прядь волос.

Блуда и МУДО

— Нет, друзья, надо веселее! Гитара там, рыбалка, грибы!.. Зачем же упускать маленькие радости в нашей трудной жизни? — укоризненно сказал Манжетов и слегка приобнял Милену, которая, опустив глаза, с загадочной улыбкой Моны Лизы податливо качнулась к его плечу.

— Эта дура за него замуж хочет, а сама для него — маленькие радости жизни, и всего-то! — злорадно прошептала Розка Моржову.

Костёрыч, исчерпав терпение, поставил бутылку на землю, прижал её левой рукой, а правой рукой, вывернув локоть, потянул на себя пробку за штопор. Пробка закрипела и вдруг гулко бабахнула. Костёрыч едва не опрокинулся за бревно на спину.

— О господи!.. — пробормотал он, шаря в траве в поисках слетевших очков.

Манжетов взял у Костёрыча открытую бутылку и передал Моржову.

— Разливайте девушкам, — предложил он. — За начало летней смены можно и выпить понемножку.. А то я гляжу, девушка вон там совсем застеснялась.

— Я не застеснялась... — чуть слышно сказала Соня. Бабахнула вторая пробка.

Вторую бутылку Манжетов оставил Милене, но в последний момент вспомнил о Костёрыче и повернулся к нему:

— А ваш стаканчик где, Сергей Николаевич?

— Мне только на донышко, — оправдываясь, сказал Костёрыч, протягивая свой стаканчик. — Я и пить-то не умею...

— Ну, за успешное начало смены! — провозгласил Манжетов.

Розка хлопнула стаканчик, шмыгнула носом и сказала Моржову на ухо:

— Кислятина!

Пьяный Щёкин, похоже, определился, к кому он будет приставать, и требовательно смотрел, как пьёт Соня, — словно афинский гражданин на Сократа, пьющего цикуту.

— Надеюсь, и не я один, что смена пройдёт успешно и американцы останутся довольны, — убеждённым тоном заявил Манжетов. — Если же случится какой-либо казус, обращайтесь сразу ко мне. Вот, через Милену Дмитриевну.

Манжетов уважительно потрепал Милену по спине. Видимо, он понял, что позиционировал Милену чересчур легковесно, и теперь утяжелил её статус в педколлективе до ранга своего полпреда.

Полпред казался излишне субтильным и нежным. Манжетов убрал руку, широко развернул грудь и стащил с себя тёплую куртку, оставшись в рубашке и джинсах. Куртку он сзади повесил на Милену и расправил на её плечах. Моржов почти физически ощутил на куртке явную нехватку погон и аксельбантов. Милена, не шевельнув плечами и головой, благодарно улыбнулась Манжетову. В её согласии на такое обращение светилась гордость первой жены в гареме. Манжетов сзади засунул руку Милене под куртку и опять приобнял, но теперь — судя по положению руки — значительно интимнее. Сам того не поняв, Манжетов уточнил статус Милены: всё-таки не полпред, а первая жена в гареме.

— Смотри, — шёпотом сказал Моржов Розке, чтобы раскочегарить Розку через зависть: — Он ведь сейчас Милену незаметно за грудь возьмёт...

Розка засопела и в досаде потянулась за бутылкой.

— Да, давайте ещё по чуть-чуть, — вдруг согласилась Милена, слегка отстраняясь от Манжетова. Ей был нужен имидж успешной женщины, а не хозяйки Бахчисарая. Слова Манжетова хорошо ложились в имидж, а руки его указывали не на то. Руки требовалось приструнить. — Саша, налей мне, пожалуйста.

Манжетов извлёк руку, налил Костёрычу, оценивающе глянул на Щёкина с банкой пива в ладони и посмотрел на Моржова.

— Борис, — позвал он, покачивая горлышком бутылки. — Я-то за рулём, а вы почему воздерживаетесь?

Похоже, что Манжетов произвёл Костёрыча и Щёкина в евнухи при своём гареме. Но Моржов посчитал необходимым расставить всех по местам, в том числе и самого Манжетова.

— Должен ведь возле пьяненьких женщин на ночь оставаться трезвый мужчина, — пояснил он.

Если Манжетов хранил трезвость для руля, значит он не собирался ночевать в Троельге. А Моржов ночевал в Троельге по умолчанию. В некотором смысле ответ Моржова был вызовом Манжетову — или хотя бы просто предупреждением о том, что не только Манжетов здесь имеет право назначать на должность и пожинать плоды. Манжетов задумчиво кивнул. Вдали в ельнике провыл и прорабанил поезд. Моржов понял, что пришла пора меряться, как когда-то говорил Щёкин, «у кого длиньше».

— Да, конечно, — согласился с трезвостью Моржова Манжетов. — И всё же наслаждайтесь ситуацией, друзья. Ваш лагерь существует последний сезон. В администрации есть решение, и оно уже принято, что с осени эта территория будет отчуждена. По земельному кадастру она принадлежит железной дороге. Вот теперь отвод зафиксирован официально. Насколько я знаю, железнодорожники планируют здесь строительство своего корпоративного профилактория.

В голосе Манжетова сквознула скорбь и мудрость Эклизиаста.

— А как же Дом пионеров? — поразился Костёрыч. — Он что, останется без загородного лагеря?

— Дома пионеров, Егор Сергеич, и я уже рассказывал об этом на вашем педсовете, вообще не будет, — пояснил Манжетов.

— То есть?.. — вскинулся Костёрыч. — Всё-таки нас сократят?

— Друзья, вы не волнуйтесь, не делайте скоропалительных выводов, — мягко предостерег Манжетов, седлая ситуацию. — Начинается реформа. Настоящая, не на бумаге. И на базе Дома детского творчества «Родник» будет организован подростковый Антикризисный центр. Спортивные кружки из «Родника» мы переведём в спортшколу, художественные — в художественную школу-студию. Про кружки с низкой наполняемостью я вам уже говорил... А городу требуется новое, современное учреждение, которое будет заниматься насущными проблемами подростков.

— А какие у них насущные проблемы? — спросил Моржов, вечно забывающий, что он не педагог и не кружковод.

— Есть необходимость, и она давно назрела, в службе психологической поддержки школьников, — веско сказал Манжетов. — Такие службы уже во всём мире действуют. А ещё нужно завести юридическую консультацию, потому что взаимоотношения школы и родителей всё более и более усложняются. Опять же нужен, и он у нас должен быть, опорный пункт профилактики наркомании. Это не только правоохранительная и медицинская проблема, но и социальная. И мы должны решать её на своём уровне. Надо создавать центр детского трудоустройства и профориентации, потому что биржа труда не отвечает потребностям подростков...

В ответах пламени Моржову за спиной Манжетова почудился ПВЦ — Призрак Великой Цели. А Костёрыч был подавлен.

— Проект Антикризисного центра, и он одобрен городской думой, уже прошёл общественную экспертизу. — Манжетов забивал гвоздь за гвоздём. — Чиконян Валентин Фёдорович, депутат по Ленинскому округу,

Блуда и МУДО

уже обещал выделить средства на закупку компьютеров и организацию Центра компьютеризации школ. Этот центр будет создан тоже на базе Антикризисного центра. И вообще, создание районных Антикризисных центров — это этапы, и с нею не спорят, реализации федеральной программы. Такие центры — это не только модернизация системы образования, но и гранты на образовательные проекты, выход на спонсоров, отдельная строка финансирования в региональных бюджетах. Это огромные деньги, которые государство и бизнес вкладывают в новое поколение.

Эхом блистательного грядущего в лесах прогрохотал поезд. А может, это Призрак Великой Цели рвал и швырял свои цепи.

— Деньги разворуют, программы профанируют, результаты фальсифицируют, — прямо сказал Моржов.

— Да почему же это?.. — возмутилась Милена.

Моржов пожал плечами и широко улыбнулся:

— Учителя должны учить, но всё, что затевается, — это не педагогика, а очередной тур административного кордебалета. Если вы хотите быть такими продвинутыми, то по отношению к подросткам применяйте не новые бюрократические крючки, а гуманитарные технологии.

— А вот я, Борис, так не думаю, — авторитетно заявила Милена с непререкаемым чувством собственного достоинства.

— Могу открыть секрет, — улыбаясь, поделился Манжетов.

— Не надо, — опуская глаза, попросила Милена.

— Кандидатура Милены Дмитриевны рассматривается на пост директора Антикризисного центра, — сообщил Манжетов, глядя на Моржова.

Моржов всё понял. Он, значит, вместе со всем МУДО вверх тормашками летит в небытие, а Манжетов — высокопоставленный мужчина — остаётся вместе с Миленой —

успешной женщиной. Моржов ослабился. Наконец-то противник вышел из тени!

Милена густо покраснела — теперь уже не от костра и не от смущения.

— Я ещё не дала своего согласия, — сказала она.

— Ага, Манжетову она дала, а согласия не даст, — прошептала Розка Моржову на ухо. — Целочка, блин.

— Розка, — сказал Моржов, — ты злая.

— Меня с работы из-за неё прут, а я должна радоваться?

— Что нужно сейчас подростку? — Манжетов обвёл взглядом всех — от подавленного Костёрыча до пьяного Щёкина. — Подростку нужно удержаться на плаву в нашем сложнейшем мире! И мы, как люди уже состоявшиеся, должны помочь ему в этом! Раньше финансирование не позволяло создать Антикризисный центр, а сейчас позволяет! И мы не имеем права проходить мимо этого шанса, если мы педагоги. Если мы желаем видеть наших детей полноценными гражданами нашего города и страны!..

— Феликс, ты не на митинге!.. — пьяно пробурчал Щёкин.

— А куда денется Шкиляева? — прямо спросила Розка.

— Галина Николаевна будет возглавлять одну из служб в системе Антикризисного центра, — с готовностью пояснил Манжетов. — Ту службу, которая унаследует кружки при школах, оставшиеся от Дома пионеров.

— А куда же мне?.. — растерянно спросил Костёрыч.

— Тоже, кстати, состоявшемуся человеку, — добавил Моржов.

— Как и всем: кружок передадим какой-нибудь школе, — неуязвимо и уверенно успокоил Костёрыча Манжетов.

У Костёрыча и так-то с целого города набиралось всего пять-семь детей. При какой-либо одной школе Кос-

тёрчыч останется вообще без воспитанников и будет вышиблен вон. Но в контексте таких масштабных проблем и перспектив кому было дело до краеведения Костёрыча? Да и финансирование деятельности Костёрыча в виде зарплаты его жены казалось на общем высокотехнологическом фоне до того старомодно-доморощенным и кустарным, что оскорбляло смысл перемен.

Манжетов разгорячился и, разливая вино, был победительно-раскован. Милена же почему-то зябко закуталась в куртку.

— Розка, Милена любит Манжетова? — тихо спросил Моржов.

Розка подумала.

— Чунжина от него подарков ждёт и это жданыё считает любовью, — сказала Розка.

Моржов почувствовал себя весьма впечатлённым.

— Bravo, Розка! — прошептал он. — За это нам надо переспать!

Моржов воочию убеждался, что принцип ДП(ПНН) действовал.

— Я не вижу катастрофы, Егор Николаевич, — примирительно сказал Манжетов. — Краеведение — всегда востребованная сфера знаний. На любви к малой родине строится любовь к своей родине в целом. У вас впереди четыре недели работы рядом с Миленой Дмитриевной. Обсуждайте проблему, думайте. Я уверен, вы найдёте замечательный выход. Я не сомневаюсь в вашем таланте. И вообще, друзья, не надо паники! Никто ничего за вас не решит. Все бразды правления в ваших руках!

— Покажите мне хотя бы одну бразду! — пробурчал Щёкин.

За спиной Милены в темноте вдруг осветились кусты, а потом угол жилого домика — в ворота «Троельги» въезжала машина с зажжёнными фарами.

— Так, это ко мне, — деловым тоном громко сказала Розка.

Милена, Манжетов и Костёрыч оглянулись.

— Моржов, убирай от меня свои мерзкие ручонки, — тихонько добавила Розка. — Меня с работы выгоняют, мне замуж пора.

Моржов хмыкнул и поднялся, собираясь взглянуть на Розкиного кавалера.

Пока машина огибала колдобины, длинные лучи фар беспорядочно шарили по лагерю, выхватывая из темноты то одно, то другое — крылечки, стены корпусов, столбы баскетбольной площадки, скамейки, умывальники. Так девчонка второпях собирается на пляж: то вытащит из шифоньера лифчик, то полотенце, то панаму.

Моржов обошёл куст, и в этот миг свет погас. Захлопали дверки машины, послышались какие-то подозрительно знакомые голоса. Моржов вышел из-за угла домика и увидел белую «Волгу» с тонированными стёклами. Возле багажника возились, матюкаясь, Сергач и Лёнчик Каликин — вытаскивали ржавый железный мангал.

— Здорово, — изумлённо сказал Моржов. — Вы зачем сюда прикатили, хмыри?

— А-а, Борян!.. — оглянувшись, узнал Моржова Сергач и сунул пухлую ладошку. — Ты чего, не знаешь, что Розка — моя баба?

— Откуда же я могу знать? — изумился Моржов ещё больше. — Ты мне её по вызову никогда не привозил...

Сергач засмеялся:

— Ну, она настоящая баба. Жена то есть почти...

Лёнчик с лязгом свалил мангал на землю и тоже подошёл к Моржову, требовательно протянул руку для рукопожатия.

— Чо, тёлки-то у вас тут есть? — спросил он.

— О, пидросток какой! — с гордостью снова засмеялся Сергач. — Ты, углан, сюда не к тёлкам приехал, по-

нял? Я тебе за что заплатил? Чтобы ты шашлык жарил и руль крутил, когда я нажрись. Здесь — чтобы никаких безобразий! Здесь у твоего босса жена, уяснил? Если что — я тебя шпалой трахну.

— У себя сначала вынь, — посоветовал Лёнчик, закуривая.

— Борян, ты не вздумай ляпнуть Розке — сам знаешь про что, — предостерег Сергач и Моржова тоже.

— Тогда с тебя на девочек скидка двадцать пять процентов, — тотчас сказал Моржов.

Сергач опять засмеялся. Это был его способ обхода всех острых углов — приглашающе смеяться. Дескать: «Мудно сказал, а?» Так Сергач отвечал на различные заковыристые вопросы; так намекал на взятку вместо штрафа, когда караулил лохов на дороге. Так же, наверное, он и Розке объяснял источники своего дохода.

У Сергача всегда был вид безбидного, весёлого, сытого заговорщика. Сергач ещё не распух, а всего лишь плавно облился жирком, плотно осел и нагулял приятную дородность. Лицо его было румяное, открытое и сердечное, глазки всегда смешливо сужены, а короткие и широкие бровки заранее подняты домиком. В общем, прикольный и душевный парень.

Сейчас Сергач приехал в форме. Форма вообще хорошо помогала ему выходить из щекотливых ситуаций. Точнее, помогала переводить щекотливость ситуации с себя на собеседника. Когда Моржов в первый раз заказал девочку в сауну и в сауну вошёл Сергач, весь в парадном, Моржов решил, что власти решили арестовать его за аморальное поведение в бане. И получилось, что не Сергач виноват в сутенёрстве на посту, а Моржов виноват в том, что своим развратом оскверняет труд инспектора ДПС.

Лёнчик взвалил на спину мангал, а Сергач навесил Моржову пакет с бутылками. Втроём они пошагали на берег Талки к костру.

Некоторое время над притихшим костром протягивались и сцеплялись в рукопожатиях руки вновь прибывших и уже присутствующих. Это слегка напоминало массовое пристёгивание ремнями безопасности перед взлётом в свободную беседу. Но беседы не получилось.

Сергач откровенно струхнул, увидев Манжетова, и даже забыл сказать, что он — Валера. А Манжетов вдруг словно подмёрз.

— Пожалуй, мне пора, — холодно сказал он, вставая с бревна.

Моржов еле удержался от ухмылки. Похоже, клиент и сутенёр одинаково не ожидали увидеть друг друга, но у клиента очко сыграло у первого.

— Ладно, всего хорошего вам, друзья, — попрощался со всеми Манжетов, снимая свою куртку с Милены, как со спинки стула. — Дорогая, ты меня проводишь до машины?

Милена молча поднялась и вслед за Манжетовым пошла в темноту. Сергач тотчас расплылся в улыбке, поднял брови домиком и узко посмотрел на Моржова: «Мудно получилось, а?..»

Костёрыч шлёпнул ладонями себя по коленям, тоже встал и виновато сказал:

— Да и я, наверное, пойду... Спокойной ночи всем. Девушки, не засиживайтесь, завтра день ответственный...

Костёрыч пошагал вслед за Манжетовым и Миленой, сослепу впутался в куст и, смущённо чертыхаясь, ушёл в сторону дальнего домика.

— Ну и посидим тогда по-хорошему! — плотоядно заявил Сергач, уже угнездившийся рядом с Розкой.

Он обнял Розку, по-хозяйски придвигая её к себе. Розкина мечта исполнилась: теперь она сидела с мужиком, и рука мужика подбиралась к её ожидающей титьке.

— Я, короче, знаю этого очкастого с бородой, — сказал Лёнчик про Костёрыча, совочком нагребая в огне

угли. — Он учитель какой-то. У нас в учаге был один дрищ, ездил с ним по разным деревням...

— Хочу в Нижнее-Задолгое... — вдруг промычал пьяный Щёкин.

— Он в учагу приташил показать медный крест — в деревне ему какая-то старуха подарила, — продолжил Лёнчик, ссыпая угли в железный ящик мангала. — Я, короче, этот крест взял и чёрту одному за полтинник продал... Сонька, насаживай мясо на шампуры.

Возле Сони, оказывается, уже стояла кастрюля с кусками замаринованного мяса.

Щёкин откачнулся от Сони и строго посмотрел на неё.

— В-вы знакомы? — с благородным белогвардейским вызовом спросил он.

— Кто в Ковязине не знает всех? — закуривая, буркнул Моржов.

За жилым корпусом мягко заурчал двигатель машины. В дальней темноте вдруг вспыхнула озарённая фарами железная арка ворот «Троельги» — словно реклама в ночи Лас-Вегаса.

— Мы... — растерянно и виновато пробормотала Соня. — Он... Лёнька с подружкой моей как бы ходит... Ну, из дома моего...

— Ага, — заржал над мангалом Лёнчик. — Ходит. Входит и выходит.

— Ты, салага, молчи давай, — одёрнула его Розка.

— Тварищ мильцанер! — противным пьяным голосом склочника обратился Щёкин к Сергачу. — Призовите молодёжь к порядку!..

— Я не в милиции, я в ДПС, — засмеялся Сергач, делая брови домиком.

— ДПС? — вскинулся Щёкин. — Это что за студия?.. Дорожно-половой сервис? Или добровольно-принудительный секс?

— Щ-щёкин!.. — свистящим шёпотом грозно сказала Розка. — Больше выпить не получишь!

Сергач засмеялся ещё слаще, а бровки его поднялись вообще стоймя. Однако во взгляде Сергача мелькнул испуг.

— На — и помалкивай. — Сергач протянул Щёкину банку пива.

— От нашего столика вашему столику, — добавила Розка.

— Плевал я на оба столика, — тотчас ответил Щёкин.

Моржов ждал возвращения Милены, а Милены всё не было. Моржов подумал, встал и пошагал обратно в лагерь.

В темноте длинная белая тонированная «Волга» Сергача напоминала череп коня Вещего Олега. Милена шла к Моржову со стороны кустов, за которыми укрывался лагерьный туалет.

— Милена, вы вернётесь к костру? — поинтересовался Моржов.

Милена остановилась, зябко обняв себя за плечи.

— Н-нет, наверное, — неуверенно сказала она. — Пойду спать.

— Вам не нравится компания? — напрямик спросил Моржов.

— Поздно уже, — дипломатично ответила Милена.

Моржов виновато улыбнулся и слегка наклонил голову набок:

— Милена, а если я попрошу вас вернуться и составлю вам компанию?

Милена понимающе усмехнулась.

— Вам очень хочется, чтобы я вернулась?

— Разумеется, — подтвердил Моржов.

— Только для вас! — Милена снисходительно посмотрела на Моржова, повернулась и пошла по тропинке на берег.

Моржов пошагал сзади, на ходу стаскивая с себя куртку. Милена даже со спины имела вид человека, уступившего просьбам весьма неохотно. Моржов догнал Милену и накинул куртку ей на плечи, словно бы хотел занавесить тему этой уступки. А может быть, чужая мужская куртка на Милене была чем-то вроде флага победителя, что водружается над покорённой вершиной. Теперь моржовский флаг сменил увезённый манжетовский.

Розка не обратила внимания на возвращение Милены под эгидой Моржова. Розка была поглощена Сергачом.

— Сергачёв, убери ботинки от огня! — говорила она. — Покоробятся же!.. Выдали — так береги! У меня не разгуляешься! Я тебя научу в одиночку строем ходить!

Но Сергач не слышал Розку — беседовал со Щёкиным.

— Плесни-ка мне ещё этой дивной космической жидкости! — говорил Сергачу Щёкин, подсовывая железную кружку.

Моржов сразу понял, что Сергач выяснял у Щёкина, что за человек Манжетов, — то есть какого клиента ему бог послал? Выгодный ли, опасный ли?.. Моржов усадил Милену на брёвнышко и сам сел рядом. Милена не догадывалась, о ком говорят Сергач и Щёкин, да и не вслушивалась в разговор. А Моржов насторожился, чтобы имя Манжетова не прозвучало, — иначе Милена уйдёт.

— Да он тем же, чем и ты, занимается, — говорил Щёкин.

— Да ну? — не верил Сергач и для Розки повторял: — Он, что ли, тоже в батальоне ДПС? Не гони!

— Ой, только без утрирования! — сморщился Щёкин, быстро наливаясь вальяжностью. — Я имею в виду то, что вы оба принадлежите к одному социальному классу. У меня про это есть своя теория — верная. Я — человек с самодельным интеллектом! Требую двухтомника!.. А старая классификация морально исчерпалась. Сейчас

общественные классы определяются вовсе не отношением к средствам производства. Забей на них!..

Сергач ржал, призывно оглядываясь на Розку и на Моржова. Ему, видимо, казалось, что всем нужно прикляпываться над щёкинским куражом. Хотя Щёкин ничего смешного не говорил.

— Сейчас общественные классы определяются отношением к денежным потокам, — развивал мысль Щёкин, не обращая внимания на ужимки Сергача. — Представители самого деятельного класса создают эти потоки. Это — гниды-олигархи. Я не олигарх, нет! Ты — тоже. Ты принадлежишь ко второму классу — классу тех, кто этими потоками рулит. Обычно, руля, строят плотины, чтобы потоки текли в общественно-необходимом направлении. В зависимости от способностей такие рулевые попутно выкапывают канавки и для себя, отводя часть потока в свой прудик. Так делаешь и ты, и он. — Щёкин имел в виду Манжетова. — А я — третий класс. Я пользуюсь милостыней. Со своими одноклассниками я сижу на вершинах окрестных красивых холмов, часто вижу сны и жду, пока мне принесут в чайной ложке. Или не принесут вовсе. Вот такой расклад общественных классов, понял? Я марксист!

Моржов смотрел на вдохновенного Щёкина, на молчаливую Сонечку рядом со Щёкиным и понимал, что Щёкин витийствует для неё. Зря. Ни хрена Сонечка не оценит. Её надо сытно кормить и сладко поить — это она поймёт. Или же петь ей про её изящество и кожгалантерею, как делали помогаи в гипермаркете «Анкор», — это она тоже поймёт. А про новую теорию классов — нет, не поймёт. Это всё равно что устраивать лазерное шоу для русской печки.

И вообще, подумал Моржов, кто распушается и топорщит цветные перья, тот ставит себя не в разряд выбирающих, а в разряд выбираемых. Щёкин залез не в тот

автобус. Перед Сонечкой нечего выпендриваться; надо просто брать её за булку, и всё. Ничего Щёкину не светит, если никто не сорвёт Сонечку для него, как грушу с ветки, и не принесёт Щёкину прямо в рот, не спрашивая Сонечкиного мнения. Сонечка — смерть феминизму. И что-то больно подозрительно Лёнчик приплясывает у мангала, подмигивая Сонечке... Надо проследить, чтобы этот пидросток в темноте не уволок девчонку в кусты, иначе Щёкину придётся вносить правку в свои мемуары.

— Вы, Борис, хотя бы вина мне предложите, — негромко напомнила о себе Милена.

Моржов спохватился, полез через костёр под ноги к Сергачу и забрал бутылку. Налил Милене в пластиковый стаканчик.

— Мне одной пить? — Милена требовательно посмотрела на Моржова.

Моржов быстро подумал, что кодировку себе он уже сорвал. Тогда и хрен с ней. Главное — вовремя лечь в постельку, чтобы не упиться. А Щёкин уже почти готов, следовательно, он не будет полночи приставать к Моржову с предложением устроить на общей алкогольной орбите стыковку «Союза» и «Аполлона». Моржов налил вина и себе.

Он многозначительно прикоснулся краешком своего стаканчика к стаканчику Милены и выпил вино залпом. Залпом не по-гусарски лихо, а с оттенком отчаяния и обречённости. С Миленой надо было именно так. Моржов вообще на данный момент определился со стилем. Милену требовалось безмолвно искать в шумной и блестящей толпе опиумическим взглядом и невесомо прикасаться к краю её платья кончиками холёных и бледных пальцев, унизированных перстнями. Милена кивнула Моржову — насмешливо и удовлетворённо — и тоже выпила вино. Моржов легко забрал у неё стаканчик и швырнул его в огонь.

— Ты зачем водку открываешь? — закричала Розка на Сергача. — Ты же напьёшься!.. Сергачёв, прекрати! Учти — я за алкоголиков замуж не выхожу!

Сергач совсем прокис от смеха. С его способностью хохотать над любым обстоятельством он мог бы всю жизнь без стрессов проработать в морге. Сергач разлил водку по стаканчикам, и один из стаканчиков оказался в руке Лёнчика.

— Эй, салага, ты куда водку накатил?.. — запоздало переполошился Сергач.

— Да пофиг, не грузись, — ответил Лёнчик. — Вы бухаете, а я чо — не человек, что ли?

— Тебе, Каликин, мужа моего домой везти! — возмутилась Розка. — Ты как за руль косой сядешь?

— Так и сяду, по херу, — отмахнулся Лёнчик. — Всё равно Сергач в форме, никто не тормознёт. Короче, готовы шашлыки.

Лёнчик сгрёб с мангала охапку шампуров, быстро расовал их всем в руки и плюхнулся на бревно рядом с Сонечкой — по другую сторону от Щёкина.

— Вас всё это не тяготит? — негромко спросила Милена.

— Не надо высокомерия, — мягко ответил Моржов.

Милена принадлежала к разряду тех женщин, для которых упрёк в высокомерии не был оскорблением. Скорее, он был даже неявным комплиментом. Милена слабо усмехнулась. Моржов придвинулся к ней чуть-чуть поближе. Теперь он уже получил на это право. Милена признала за ним возможность высокомерия по отношению к Розке, к Сонечке, к Сергачу, Щёкину и Лёнчику. Высокомерие — от которого Моржов отказался, а она не пожелала — отделило их двоих от всех остальных и, следовательно, слегка сблизило.

Сонечка мучилась с шашлыком, боясь обжечься. Она стеснялась хищно разевать пасть и вцепляться в мясо зу-

бами. Лёнчик без слов забрал у Сонечки шампур и принялся кормить Сонечку с рук, словно птенца. Блестящими от жира пальцами он стаскивал с шампура куски шашлыка, дул на них, а потом вкладывал Сонечке в открытый рот. Всё это было откровенно эротично и очень по-деловому.

Моржов подумал и отодвинулся от Милены. Даже если Милене и хотелось противопоставить себя и Моржова остальным участникам посиделок, всё равно не стоило прижиматься друг к другу столь явно. Прижатые, они будут слишком похожи на двух несчастных пленников, очутившихся на пиршестве людоедов. Огонь на углях извивался как-то уж совсем по-шамански, почти непристойно, словно в костре сгорали позы из «Камасутры».

— Так, Сергачёв, ты меня будешь слушать или нет? — Розка приподняла голову Сергача за подбородок. — Ты на мне жениться собираешься или нет? Отвечай быстро!

— Шобирающ, — ответил Сергач.

— Тогда хватит водки!

— Ну, ишо шуть-шуть... — попросил Сергач. — А ш жавтрашнего дня — сухой закон.

Розка отпустила Сергача. Сергач ржал. В общем-то, Розке было наплевать, напьётся он сегодня или нет. Розке требовалось публичное согласие Сергача на женитьбу. Претензии по поводу выпивки были всего лишь поводом, чтобы вырвать это согласие.

— Неприятно смотреть, когда так откровенно навязываются, — презрительно сказала Милена о Розке.

Моржов подумал, что в разнообразии форм ДП(ПНН) Милена выбирает ПНН, но осуждает ДП. Довольно свинская позиция. Дескать, можно лежать в луже — кто же спорит, но хрюкать при этом — безнравственно.

Моржов нагнулся к Милене и прошептал ей на ушко:

— Вы очень красивая девушка.

Милена улыбнулась — покровительственно и удовлетворённо — и так же слегка наклонилась к уху Моржова:

— Почему мужчины, когда начинают ухаживать, сразу переходят на банальности? — спросила она лукаво и несколько утомлённо.

Моржов беспомощно и виновато пожал плечами, признавая за Миленой полное вкусовое превосходство, и снова разлил вино.

Выпивка начала действовать на него. Он почувствовал, что в нём словно прогревается скелет.

Сергач опять наклонил бутылку водки над стаканчиком Щёкина. Моржов сочувственно вздохнул, представляя завтрашнее щёкинское похмелье.

— Эй, Щекандер, — позвал он. — Щё-о-окин... Ты ведь уже и так на орбите... Улетишь в межзвёздные дали — самому хуже будет...

— У меня на з-завтра спускаемый аппарат з-заначен... — заплетающимся языком ответил Щёкин.

Милена засмеялась и смущённо-интимно призналась Моржову:

— А я ведь тоже уже пьяная...

Моржов внимательно посмотрел на Милену. Хмель был очень ей к лицу. Она разругалась и как-то обмякла. Наверное, можно было ещё немного подпойть её и повести в сторонку. А там всё и получится. Всё в Милене навело Моржова на мысль о каком-то насилии. И её голос, который так легко перейдёт в стон покорности, и ответ Орды в чертах лица, и склонность лица к выражению страсти, и капитуляция перед Манжетовым, и двусмысленный статус матери-одиночки. Но это было как-то странно... Эмансипированная женщина с социальным апломбом — и вдруг такая провоцирующая слабость...

Но Моржов насилия вообще-то терпеть не мог. Насилие — это всегда ломка, а кому нужна поломанная вещь? К тому же откровенное насилие, если оно не органично

объекту применения, то и само по себе незстетично. Насилие для Моржова было просто сокращением пути. Но зачастую оно сокращало путь так, что идти становилось неинтересно. Отбивался вкус. Вроде того, как в детективе тебе на пятой странице объявят, кто убийца.

И Моржов не хотел тащить Милену в кусты, пусть даже Миленка сейчас и не возражала бы. Если сейчас так сделать, то сразу ясно, что случится утром. Утром, встретив Моржова, Миленка, не глядя ему в глаза, задумчиво поправит ладонью волосы на виске и скажет: «Борис, давайте забудем об этом. Мы — люди взрослые, и не нужно делать никаких далеко идущих выводов. Всё было хорошо, но жизнь у каждого своя — и у меня, и у вас». Моржова такое не устраивало. Скажем так: он не хотел победы, застигнув противника врасплох. Он хотел победы явной и однозначной. Чтобы победил он сам, а не алкоголь. И для этого по меньшей мере Миленка должна быть трезвой. Потому что Моржов желал именно Миленку, а не безмянного чистого секса.

Даже более того. Он не просто желал Миленку, а желал Миленкой проверить себя. Желал через Миленку определить в себе то, чем так гордились и Манжетов, и Сергач. А чем они гордились? Они гордились не деньгами, не половой мощью и не властью. Они гордились своим ОПГ.

ОПГ — это Охват Поля Гибкости. Такое поле расплывается вокруг человека по другим людям, как по морю — нефтяное пятно вокруг танкера. И те, кто вляпываются в это пятно, теряют обычную твёрдость и сами собою гнутся, как резиновые. У кого больше ОПГ, тот, значит, больше народу нагибает под себя, вот и всё.

Свою способность нагибать окружающих каждый, наверное, объясняет по-своему. Например, скромный Костёрч объяснил бы ОПГ значимостью идеи. Чем важнее идея, тем больше ОПГ её носителя. Но Моржов во власть идеи не верил. Народу идея похрен. Какая идея

у того же Костёрыча? Идея любви к родине, тырым-пырым. Важная ли эта идея? Конечно, важная. А вот ОПГ у Костёрыча — крошечный: трое-пятеро мальчишек в кружке.

А Манжетов с помощью ОПГ выстраивает для себя Антикриз. Милену Манжетов уже нагнул, и Шкиляиху нагнул. Манжетов, видно, надеется, что всех остальных он тоже нагнёт, потому что он — начальник. То есть главным объяснением ОПГ Манжетов безапелляционно считает свой статус.

Вот Сергач — не мудит. Собирает в «Волгу» шлюшек и крышует сам себя. Чем он держится? Почему шлюшки идут к нему, а командир батальона ДПС никак не может разглядеть бордель? Потому что Сергач всем платит. Для Сергача суть ОПГ — пистолы.

Проще всех дураку Лёнчику, который, не мудрствуя, трахает общажных студенточек — и всё. Лёнчик бы свой ОПГ объяснил харизмой — если бы знал этот слегка гинекологический термин.

А по мнению Моржова, идея, статус, выгода и харизма были только составляющими ОПГ. Эти составляющие работали синхронно, если между ними имелось сцепление — эдакие зубчики шестерёнок в коробке передач. И таким сцеплением Моржов считал стиль.

Вот если взять да и уподобить ОПГ его пластинам. В пластинах есть все шестерёнки: плоскость, изображение, колорит и фактура мазка. Но если их не гармонизировать общим стилем, то ни хрена не впишется пластина в интерьер хай-тек. И не важно, что на ней изображено — еловые стволы, старые домны или голая грудь Дианки, бывшей моржовской жены. Если бы для художников был важен объект изображения, то все они всю жизнь таскались бы по всему земному шару вслед за ежегодной Мисс Вселенной. Важен стиль, за который Моржов и оторвал свой кусок успеха.

Кроме как на стиль, Моржову в Троельге уповать было не на что. У него нет для Милены статуса Манжетова, нет для Розки денег Сергача, нет для Сонечки наглой молодости и бесстыжей харизмы Лёнчика. Но ситуация ДП (которое ПНН) благоприятствует тому, чтобы подогнуть Милену, Розку и Сонечку под свой ОПГ. А упускать случай — значит самому добровольно подгибаться под ОПГ Манжетова, Сергача да и Лёнчика тоже. Моржову такого не хотелось по всем причинам, которые существовали в мире.

Не подогнуться самому Моржову не сложно. А вот подогнуть девок ему поможет только стиль. А что такое стиль?

На пластине стиль — это способ выстраивания изображения. Но живопись — вторичный феномен, а мир первичен. Что же выстраивает мир? Причинно-следственные связи, логика? Моржов в это не верил. Логика причинно-следственных связей не объясняла сполна, как же получается совсем не то, что было запланировано, если всё сделано по правилам?

...Моржов понял, как прочно его припечатала та блуда, в которую он попал с Алёнушкой (не к ночи она будь помянута). Прочно — как кодировка от выпивки. К Алёнушке Моржов подъехал безупречно (дал денег, опохмелил, обозначил свою дружбу с Сергачом) — а последствия оказались совершенно неадекватными. Потому что Алёнушкой управляли не идея (какая у неё могла быть идея?), не статус (она и не знает, что быть шлюшкой — это не очень престижно), не деньги (их всё равно Лёнчик забрал) и не моржовская харизма (Алёнушка ведь не собиралась замуж за Моржова). Алёнушкой управлял её образ мысли, который вытолкнул Моржова из Алёнушкиного занятия, как инородное тело. И Моржов сам был виноват: он подъехал на вопиюще-не-той козе. И сейчас, размышляя, он хотел сразу определиться с козами.

Как на пластинах изображение определялось стилем, так и в жизни результат определялся мышлением. Но в жизни мышление так увечило средства, что намеченная цель ни в какую ими не достигалась. Алёнушка так искривила все действия Моржова, что все его стрелы пролетели мимо мишени, хотя мишень была прямо перед носом. Алёнушка не подогнулась под моржовский ОПГ.

А потому что Моржов думал не таким образом, каким думала Алёнушка. С её точки зрения он действительно был чудищем — одновременно импотентом, извращенцем и уродом. Для такого вывода Алёнушке не требовалась даже беседа с Моржовым. Достаточно было внешнего облика — например, очков. Обычными клиентами Сергача (и Алёнушки) были мелкие ковязинские бандюганы или какие-нибудь торговцы запчастями. А Моржов был клиентом иного стиля. Алёнушка таких клиентов не понимала да и вообще ещё не видала — она ведь не жила на Монпарнасе. Будь Алёнушка трезвой, она бы, конечно, поудивлялась бы немного, но отдалась. Будь Моржов адекватен Алёнушке — он бы отправил её, пьяную, домой и вызвал бы на следующий день. Вся причина блуды — в неадекватности.

Так что мышление — это основа ОПГ, без которой не работают ни статусы, ни деньги, ни идеи, ни харизма. Если Моржов хочет подогнуть под себя Милену, Розку и Сонечку, он должен быть им адекватен. Во всяком случае, адекватнее, чем Манжетов, Сергач или Лёнчик. Он должен понимать, что же творится у девок в головах. Тогда он и уловит характер их вменяемости. Тогда и станет ясно, как через ОПГ ввести девок в свой круг ОБЖ.

Можно, конечно, разрушить отношения Милены с Манжетовым и Розки с Сергачом (тем более есть компромат), но это не значит, что Милена и Розка тотчас отдадутся ему, Моржову. Надо не разрушать, а строить что-то более заманчивое, чем новое учреждение или семей-

Блуда и МУДО

ное гнёздышко. А компромат оставить для того, чтобы не давать Манжетову и Сергачу ломать то, что он соберётся построить.

Вообще-то это задача трудная: найти равнодействующую для успешной женщины Милены Чунжиной, для озабоченной замужеством Розки Идрисовой и для совершенно невнятной Сонечки Опёнкиной. Это всё равно что впотьмах запрячь трёх кобыл так, чтобы всеми ими управлять с помощью единого комплекта вожжей. Но если уж три такие разные девки по своей воле работают в одном и том же МУДО, вожжи эти, видимо, всё-таки есть. Надо их нашарить. И тогда уже можно будет посмотреть, кто в Троельге покроет весь табун, а кого лягут в задницу. Посмотреть, чей ОПГ «длиньше».

...Миленка глядела на огонь. Розка смеялась. Сергач разливал водку. Лёнчик потихоньку тискал Сонечку. Пьяный Щёкин перекосясь, задрёмывая.

Моржов встал, обошёл костёр, взял безвольного Щёкина под мышки и поставил на ноги.

— Пора в постельку, — сказал он.

— Жизнь — это кузница... — пробурчал Щёкин и начал всем кланяться: — Низко обнимаю... Глубоко жму руку...

Моржов повернул его и потащил по тропинке к домику. Щёкин запинаясь, волочил ноги, мычал, а потом очнулся.

— Б-брис! — сказал он. — Ты куда меня п-пнёс?..

— Все космические корабли возвращаются на Байконур! — нараспев пояснил Моржов. — Все космонавты снимают скафандры, пристёгиваются ремнями, веки их тяжелеют...

Щёкин через плечо посмотрел на Моржова и вдруг изумлённо выдохнул:

— Ни хрена себе!..

Моржов испуганно оглянулся.

Сергач и Лёнчик куда-то исчезли от костра — наверное, отошли по нужде. Милена, Розка и Сонечка сидели у огня. Три маленькие женщины в узком круге света на огромном тёмном берегу. Три, похоже, уже любимых женщины... Но дело было не в этом.

Над каждой из них Моржов увидел бледный и прозрачно-красный призрак, словно тень из пламени. Это были мерцоиды. Они вернулись! Моржов похолодел. Алкоголь жёг мозги.

— Что это?.. — шептал Щёкин, указывая рукой.

— То есть?.. — онемевшими губами спросил Моржов.

Неужели Щёкин видит его мерцоидов?..

— У них над каждой — столб такой световой... Еле видно, но видно... Это что?

У Щёкина, похоже, начались собственные глюки.

— Это НЛО, — жёстко сказал Моржов. — Инопланетяне прилетели. Пошли спать, марсианский хроник.

— Бухать — хорошо! — убеждённо заявил Щёкин.

Болтая ногами, он сидел на углу длинного штабеля шпал вдоль утоптанного щебневого перрона разъезда Троельга. Щёкин и Моржов пришли на разъезд ранним утром, чтобы встречать электрички из Ковязина. Планшета с расписанием электричек в деревне Яйцево не имелось, друиды расписания не знали, а сотовый телефон (позвонить на вокзал Ковязина в справочную) в Троельге не брал. Поэтому пришлось устраивать дежурство.

Щёкин опохмелился через секунду после пробуждения, и сейчас Щёкина уже ничто не угнетало. А Моржов предпочёл позавтракать. Его накормила растрёпанная, косоглазая со сна Розка — сердитая и размашистая в движениях. Розка злилась сразу на всё: что пьяный Сергач укатил ночью, не оказав ласк; что она не выпалась; что ей приходится выходить к мужикам ненакрашенной и даже неумытой. Но Моржов в воспитатель-

ных целях решил немного нагнуть Розку и заставить её обслужить себя, хотя обычно завтракал чашкой кофе и сигаретой.

— Скорей бы состариться! — мечтал Щёкин, бултыхая банкой с пивом. — Одновременно пенсия, климакс и маразм — что может быть лучше? Как дождусь этого счастья, так сразу и уеду в Нижнее-Задолгое. Нет, я не буду там каким-то жалким космическим туристом, мониторящим трату своих жалких миллионов! Я буду настоящим полноправным жителем междупланетных пространств, буду гражданином галактики!..

Под насыпью во дворе Бязова (или Чакова) запел петух.

— А на что будешь покупать горючее для ракеты? — лениво спросил Моржов.

— На пенсию. Я буду позиционировать себя как активнейший электорат, и государство станет всячески поддерживать меня доплатами, надбавками и коэффициентами. А я на них буду покупать космический бензин и парить в невесомости, как прекрасная птица. Ведь человек рождён для полёта!

— А пишу птице приобретать на что? — допытывался Моржов. — Огородничеством займёшься? Посадишь картошку — вырастет картошка, посадишь макароны — вырастут макароны...

Щёкин немного подумал. Под насыпью на коньке шиферной крыши появился толстый пятнистый кот, похожий на маленькую панду. Он осторожно прошёлся по ребру и скрылся за трубой.

— В Нижнем-Задолгом я буду разводить котов! — гордо сказал Щёкин. — Огромных деревенских волосатых котов. Они будут меня обожать, будут просто без ума от меня. С лучшими из них я буду спать на русской печи. А знаешь, за что коты будут меня любить?..

— За что?

— Коты преданы вовсе не тем, кто их кормит, гладит или играет с ними. Коты преданы тем, кто их чему-нибудь учит. Они очень любят учиться. Я буду их учить любви к отчужденному дому. За это они будут мне нечеловечески благодарны. Когда мне потребуются деньги на какую-нибудь пищу, я буду продавать какого-нибудь кота. А кот потом будет возвращаться домой через тайгу и пургу. То есть и деньги у меня будут, и поголовье котов не уменьшится.

— Кому же нужны коты в наше-то время? — усомнился Моржов.

— Не-е, ты тень на плетень не наводи! — лукаво ответил Щёкин. — Коты — это ценнейший ресурс. Они уют вырабатывают.

Было девять утра. Электричка пришла, но дети не приехали.

В десять часов из-под насыпи на перрон вылезли Бязов и Чаков. Они до того точно походили на самих себя вчерашних (в тех же обрезанных резиновых сапогах, в тех же лоснящихся пиджаках и в штанах «с тормозами»), что казалось, будто всю ночь они провалялись под насыпью в бурьяне.

Чаков остановился поодаль, а Бязов подсел к Моржову и стрельнул сигарету. Не то чтобы у Бязова кончились сигареты, нет: это было своеобразным подключением к Моржову. И Моржов это понял. Бязов курил и молчал, словно вживаясь в атмосферу вокруг Моржова, — вмалчивался в его молчание, как ледокол в паковый лёд. Чем более органично среде будет вымогательство опохмелки, тем больше оно имеет шансов на успех.

— Насос-то нормально работает? — наконец спросил Бязов.

Щёкин спал на шпалах. Можно было подумать, что он умотался, всю ночь гоняя насос на предельных оборотах.

— Нормально, — сказал Моржов.

Блуда и МУДО

Бязов затих, тяжело ворочая бровями.

— Там у вас у второго домика крыльцо перекосило, — издалека подсказал Чаков.

— Надо поправить? — очнулся Бязов.

— Хер с ним, — нейтрально ответил Моржов.

— Может, забор поставить? — предложил Бязов.

— Слишком дорого.

— А крыша не течёт?

— Откуда я знаю? — вздохнул Моржов. Он понял, что ему придётся пройти сквозь весь строй хозяйственно-помелочных инициатив. — Дождя ночью не было.

— Был! — издалека гневно возразил Чаков.

— Значит, не течёт, — мстительно сказал Моржов.

— Окно там ещё разбитое есть... — безнадежно вспомнил Бязов.

— Оно тоже не течёт.

Бязов засопел, бросил сигарету и слез со шпал. Опохмелка у него с Чаковым выходила всё-таки за свой счёт.

— Вам в Колымагино в магазин не надо? — напрямик спросил он. — А то мы сейчас поедем...

— Детей ждём, — пояснил Моржов. — Не до магазина уже.

— Ну, как хочешь, — обиделся Бязов. — Уламывать не буду.

Бязов и Чаков понуро перешли рельсы и исчезли под насыпью. Через некоторое время там заклокотал мотоцикл. Его треск уполз вдоль насыпи в сторону Ковязина. То ли друиды решили для верности ехать сразу в город, то ли хотели проехать в село Сухонавово по старому деревянному мосту, на который вёл отворот с ковязинского шоссе. Щёкин спал.

В одиннадцать прибыла вторая электричка. Моржов обозревал её в бинокль. Из дверей головного вагона на перрон спустился высокий тоненький мальчик в шортах и с рюкзачком. Моржов узнал его и помахал рукой. Это

был Серёжа Васенин из кружка Костёрыча. Моржов ткнул Щёкина кулаком в бок, чтобы Щёкин проснулся, принял приличествующее педагогу вертикальное положение и убрал с глаз долой пивные банки. Серёжа Васенин на пятчке у бетонного столба в безопасности аккуратно дождался, пока электричка уедет, и подошёл к штабелю шпал.

— Доброе утро, Борис Данилович и Дмитрий Александрович, — вежливо поздоровался он. — А где находится лагерь?

— Лагерь там, под горой, за лесом, — пояснил Моржов. — Константин Егорович уже в лагере. А ты один приехал?

— Брат у меня не смог, — пояснил Серёжа. — Мама сказала, что кто-то из нас должен помогать ей на огороде. Мы решили, что в лагерь поеду я, а Саша останется с мамой.

— А кто ещё из вашего кружка приедет?

— Наверное, больше никто. Витя и Миша не могут, Андрюша Телегин заболел, Миша, который Смирнов, поедет на юг, а Слава и Ваня — к бабушкам, — подробно рассказал Серёжа. — Я могу идти?

— Да, иди, — разрешил Моржов.

— Вон, по дороге, — хрипло сказал Щёкин и указал пальцем.

— Спасибо, — сказал Серёжа. Он повернулся, по всем правилам дорожного движения посмотрел сначала налево, а потом направо, перешёл рельсы, отыскал тропинку и стал спускаться с насыпи.

— Хороший мальчик, — похмельно прохрипел Щёкин.

Он достал новую банку и откупорил. Вдали на склоне на дороге под ельником показалась фигурка Серёжи Васенина, шагающего к лагерю согласно инструкции.

— Как педагог я гуманнее, чем Костёрыч, — сказал Щёкин. — Я хоть на котках буду практиковать, а Костёрыч — на людях.

— То есть?.. — не понял Моржов.

Блуда и МУДО

— Костёрыч научит Серёжу Васенина любви к городу Ковязину, а город Ковязин будет продавать Серёжу Васенина, как я — своих котов, а Серёжа Васенин будет возвращаться в город Ковязин через тайгу и пургу, а город Ковязин снова будет его продавать... И так до пенсии и до космодрома.

— Давай лучше про девок поговорим, — помолчав, мрачно предложил Моржов.

— Жизнь — это кузница, — изрёк Щёкин и тотчас переключился: — Девки у нас качественные, а Сонечка — лучше всех. Глупенькая-глупенькая — аж фляга свистит. И ни бе ни ме ни кукареку. Чудо!

— Вон и она, — сказал Моржов, разглядывая в бинокль дорогу, по которой только что прошёл Серёжа Васенин.

Соня шагала к разъезду с сумкой в руке.

— Наверное, обед несёт, — предположил Моржов.

Соня приближалась небыстро. Моржов и Щёкин сидели на шпалах и ждали её, как два Соловья-разбойника.

Соня была одета не по Троельге — в лёгкое цветастое платье.

— Здравствуйте, — робко, словно чужим, сказала Соня Моржову и Щёкину. — Роза Дамировна... ну, вам постель послала...

Моржов отполз чуть в сторону, освобождая Соне местечко между собою и Щёкиным.

— Присаживайся, — радушно предложил он.

Соня подумала и, смущаясь, неловко залезла на шпалы. По пути она толкнулась в колено Моржова круглой и мягкой попой. Устроившись, Соня сразу сдвинула ноги, зажав подол, чтобы ветер от пролетающих поездов не вывернул платье ей на живот.

Моржов и Щёкин быстро поделили бутерброды. Получилось по три на человека. Последний бутерброд

оказался неделимым. Соня от него отреклась, тогда Щёкин пальцем стёр с бутерброда масло, а Моржов съел хлеб.

— А что, детей пока только как бы один мальчик приехал? — робко спросила Соня.

— Нет, мальчиков уже штук тридцать приехало, — облизывая палец, ответил Щёкин. — Но мы их всех душим и складываем за шпалами. А тот сумел убежать.

Соня испуганно посмотрела на Щёкина.

— Дядя шутит, — успокоил Соню Моржов.

— А иностранцев тоже нет? — наивно спросила Соня шёпотом.

— Ни одного, — подтвердил Моржов. Он полез в карман, вытащил телефон и посмотрел время. — Вообще-то московский поезд пришёл в Ковязин примерно полчаса назад. Я думаю, они должны приехать на ближайшей электричке.

— Не приедут они ни хрена, — вдруг сказал Щёкин, шурясь на панораму лугов, перелесков и села Сухонавово. — Какие-то они мутные, непонятные... Что за американцы такие? Сколько их? Какого возраста? Какого хрена им здесь надо? Откуда они вообще взялись и про нас узнали?..

— Ну, это как бы я телефонограмму про них к вам в учреждение принесла... — снова засмушалась Соня. — Я тогда о своей педагогической практике в департаменте договаривалась... Мне и дали... У вас в тот день, ну, педсовет был...

Соня покраснела, не глядя на Моржова. Моржов понял, что Соня вспомнила, как он выползал с педсовета на четвереньках.

— И что там за телефонограмма? — спросил он и покровительственно погладил Соню по спинке. — Говори, не стесняйся, здесь все свои.

— Ну, там как-то непонятно было написано... Типа, «просим принять на общих основаниях, деньги перечис-

ляем на такой-то счёт...» Потом всякие цифры шли и адрес: Ореон. Ну, с опечаткой. В Америке как бы город такой есть, Орегон, вот все и решили, что это американцы...

— Не город, а штат, — поправил Моржов.

— Ну, штат, — согласилась Соня.

— А может, имелось в виду созвездие Орион? — спросил Щёкин. — Может, это инопланетяне к нам приехали? Я — человек космической эры, я не могу думать иначе!

— Какая разница, американцы или инопланетяне? — хмыкнул Моржов. — Встретим их — и узнаем, кто они такие.

Они ждали. Проносящиеся поезда хлопали по глазам быстрыми промахами света между вагонов.

Моржов с верхотуры разъезда оглядывал пространства, рассчитывая послушать, как Щёкин будет очаровывать Сонечку, но Щёкин почему-то молчал. Окончательно определилось, что день выдался сумрачным, хотя и без дождя. Вдаль уходили меховые кучи Колымагиных гор. Свежо зеленели заречные луга, слегка задымлённые розовым клевером. Все краски были приглушены, вполнакала. Вся мощь цвета и света сконцентрировалась в небе. Там размазались и разъехались плоские облака, а их причудливые очертания были обведены слепящей солнечной каймой. Блестящие кружева небес земля растянула и выпрямила нитками рельсов — словно пряжу натянули на ткацкий станок. Честной готовностью к работе горел фиолетовый семафор. Где-то вдали древнегреческие парки закатывали рукава хитонов (если они были в хитонах и если у хитонов были рукава). В общем, хорошо было сидеть и просто так, без трёпа, ожидать судьбы: неведомо чего из ниоткуда.

Электричка вылетела из-за леса, стремительно развернулась бумерангом, но сбросила ход. Она подкатила к штабелю шпал, стыдливо отвела взгляд, остановилась и набычилась. Моржов по-капитански положил бинокль

на переносицу, собираясь издалека разглядеть американцев. Ему казалось, что американцы должны сразу как-то выделиться из массы русских своей пестротой: нелепой одеждой, звёздно-полосатыми флажками, надувными шарами в виде гамбургеров, бейсболками и портретами президента на палочках.

С электрички сошло человек двадцать. Толпа американцев среди них не выделялась, но выделялась компактная группа подростков: двое низеньких, один средний и один высокий. Электричка разгрузилась, хлопнула дверями и укатилась. Приезжие вразнобой посыпали через рельсы — это были жители села Сухонавозово, которые направились к подвесному мосту через Талку. Подростки остались стоять на месте и угрюмо смотрели на Моржова, Щёкина и Сонечку.

— Всё-таки явились... — с мрачным и злобным удовлетворением выдохнул Щёкин. — Борька, мои упыри прикатили... Эй! — заорал он подросткам. — Сюда подошли, живо!

Подростки приблизились на половину расстояния. Щёкин спрыгнул со шпал и пошагал к ним.

— ...А мы всё равно приехали, — сказал Щёкину средний.

— А чо нам дома делать? — с обидой выкрикнул высокий.

— Если вы нас выгоните, мы в лесу будем жить, а не уйдём! — заявил третий, маленький.

— Мы и ночевать здесь будем, насовсем, — с вызовом добавил четвёртый, тоже маленький.

Щёкин стоял перед упрямыми упырями и сверлил их взглядом.

— Это же дневной лагерь! — тихо и грозно сказал он. — Ночевать здесь не положено!

— А чо не положено-то? — недовольно крикнул высокий.

Блуда и МУДО

— Нас всё равно из домов выгнали, — сказал самый маленький.

— Из-за вас, между прочим, — сказал средний.

— А я тут при чём? — спросил Щёкин.

— Вы говорили, что мы летом куда-нибудь поедem надолго.

Щёкин отступил на шаг и внимательно осмотрел упырей с головы до ног.

— Ничков, распахни куртку, — велел он.

— Да нету у меня сигарет! — Высокий Ничков демонстративно взмахнул полами куртки.

— Гонцов, сдай мне пугач, — велел Щёкин.

— Я не взял его, — тотчас отпёрся маленький.

— З-здай ор-ружие! — прорычал Щёкин.

Маленький Гонцов скорчил рожу и вытащил из кармана самодельный пугач.

— Чечкин, рюкзак, — распорядился Щёкин.

Чечкин — второй коротышка — презрительно бросил свой рюкзакишко под ноги Щёкину. Щёкин присел, порылся в рюкзаке и выволок на свет большую пластиковую бутылку пива.

— Зажритесь, — буркнул Чечкин.

— Гершензон! — мёртвым голосом произнёс Щёкин.

— Нету! — закричал средненький подросток. — Чо вы смотрите на меня всегда сквозь зубы?

Щёкин швырнул бутылку пива и пугач в бурьян, утомлённо потёр лоб и оглянулся на Моржова и Сонечку. Лицо его было страдальческим.

— Борька, я тогда пошёл! — сказал он. — Надо упырей до лагеря отконвоировать. А ты...

Щёкин споткнулся: он никак не мог намекнуть на Сонечку.

— Да понятно, — кивнул Моржов.

Щёкин молча указал упырям на дорогу под гору.

Моржов в бинокль наблюдал, как Щёкин идёт по дороге в Троельгу, а упыри семянят следом.

— Сонечка... — Моржов повернулся к Соне и слегка сбился с мысли: вместо Сони уже сидел мерцоид.

Моржов вздохнул. Всё продолжалось.

— До последней электрички остаётся два часа, — сказал он мерцоиду. — Я тебя прошу: посиди со мной, а?

— Ну... как бы... как хотите...

Моржов усмехнулся сбывшемуся ожиданию. Мерцоиды не отказывают.

Он спрыгнул со шпал и ушёл за штабель справить нужду. Соня ждала. Возвращаясь, Моржов смотрел на неё, сидящую на фоне облаков, просторов и окоёмов. Ракурс был непривычен для города Ковязина, и Моржов не понял: то ли Сонечкин мерцоид стал прозрачен, будто обычный призрак, то ли абрис света вокруг тучи, ослепляя, как-то уж очень извилисто сплёлся с очертанием Сонечкиного плеча и опущенной головы.

Моржов залез обратно на шпалы и стал смотреть на Сонечку. Её мерцоид с одного края словно подмыло и оплавило — приговорило для слияния. Моржов не стал эстетствовать, а просто придвинулся и приобнял Сонечку, присоединяя мерцоида к себе с разогретой, подтаявшей и обмякшей стороны. Бок у Моржова и вправду потеплел: Сонечка послушно чуть изогнулась под Моржова. Сонечкина податливость тоже была из разряда явлений ДП(ПНН), а потому настраивала не на стеснительную нежность, а уже на интимную ласку. Моржов механически перекинул толстую и пушистую косу Сонечки ей на грудь и поухватистее взял Сонечку за талию левой рукой. Правая рука в это время вставляла в рот сигарету и подносила зажигалку.

Моржов курил, и курение было неуволимо созвучно стилистике железной дороги с её облаками, дымами и паровозами. Моржов искоса поглядывал на Сонечку,

Блуда и МУДО

которая молчала покорно и без напряжения. Моржов думал, что Сонечка хоть и русопятая от вздёрнутого носика до босоножек, а всё равно настоящая татарская жена. Ей бы в самый раз сидеть в кибитке, что катится по степям за Ордой, и ждать мужа, который на коне покоряет вселенную.

Неудивительно, что Соня так понравилась Щёкину. В Сонечке очень доступным было то, что больше всего ценил Щёкин — да и сам Моржов тоже. Отчего Щёкина тянуло на блуд? Щёкин ведь был женат. Мало того, усмехнулся про себя Моржов, Сонечка внешне очень походила на щёкинскую Светку. Почто же Щёкину менять шило на мыло? Щёкин пояснял: скучно. Врал, понятно. Моржов знал: с любовницей вскоре становится так же скучно, как и с женой. Интерес к любовнице сохранялся дольше, если были какие-то трудности: скажем, нужно было гаситься от жены, или любовница уезжала в Москву на годовичные курсы менеджмента, или муж любовницы нанимал киллера. А в остальном — то же самое. Зачем же тогда нужна эта гонка за женщиной, зачем заводить новых и новых, если нет любви? Если и так в доме всё нормально, а под боком обмятая, как перина, уютная супруга? Моржов знал ответ: потому что привычное лишено вкуса победы.

В супружестве этот вкус не вернуть никакими выдумками сексологов. В общем, Моржов считал, что все эти сексологи и психоаналитики и нужны-то лишь потому, что их обману поддаться куда легче, чем обманывать себя своими силами. А вкус победы в супружестве можно продлить или покорностью жены, или её строптивостью, если ты по натуре насильник. Но к свидетельству о браке вкус победы не приклеить ни на какой скотч. А подсаживаться на этот вкус можно так же крепко, как наркоману — на героин, поп-звезде — на вой стадиона, а репортёру — на телекамеру. Вот он, Моржов, подсел — и давно. Точнее, с самого начала. Так уж вышло.

Чтобы Сонечка не подумала, что он про неё забыл, Моржов легонько погладил ладонью Сонечку по груди. Как и должно женщине допотопных кочевий, на Сонечке не было лифчика. Моржов ощутил ладонью твёрдый сосок, как пресловутая принцесса — свою горошину. Моржов посмотрел на Сонечку — Сонечка смущённо смотрела на свои голые коленки. Моржов ещё раз — отчётливее — обвёл ладонью увесистую Сонечкину грудь, ожидая, что Сонечка хотя бы повернётся, чтобы поцеловаться. Сонечка ещё ниже наклонила голову. Что-то было не то, какая-то неувязка... Розка бы на месте Сонечки давно среагировала и подставила губы...

Блин! Проклятые мерцоиды! Они у всех девок почти одинаковы! Это же с Розкой, а не с Соней Моржов уже сидел на крылечке и обнимался! Взять девушку за грудь — это следующий шаг после объятий на крылечке. С Соней-то у Моржова крылечка не было!.. Получается, что из-за мерцоидов Моржов с Соней как-то перепрыгнул через ступеньку. А-а, плевать. Соня переживёт. Моржов в третий раз уже по-хозяйски погладил её по груди, понимая, что теперь всё-таки возьмёт Соню сам и не уступит Щёкину первенства.

Моржов почитал Щёкина как лучшего друга, замечательного человека и почти гения, хотя гениальность Щёкина пока, в общем-то, ни в чём не воплотилась. Для Щёкина ему ничего не было жалко. Женщин тоже не было жалко, и даже права первой ночи. Но с Сонечкой Щёкин всё равно будет только вторым.

Моржов не верил, что Сонечка дастся Щёкину. Она же дура: бредовых щёкинских ухаживаний она не поймёт, а когда Щёкин полезет на неё — испугается и убежит. Сонечку можно было только подложить под Щёкина; по-другому — никак. Но подложить её Моржов мог только из-под себя. Чтобы распорядиться Сонечкой, он должен был ощутить её своею. Такое ощущение от де-

вушки Моржов приобретал, лишь побывав взаимно без трусов. Да и Сонечка не послушается Моржова, если отвергнется от его постельки.

Кстати, и эстетически Сонечка Щёкину сейчас не полагалась. Разве Щёкин её заслужил? Он же ничего не делает — он лишь умножает смыслы. Кто есть Щёкин? Щёкин — звездочёт. А звездочёты не насилуют полонянок на дымящихся развалинах взятых штурмом городов. К звездочётам жён приводят уже объезженными.

Но будет ли тогда у Щёкина от Сонечки вкус победы? Моржов считал, что будет. У него самого вкус победы был от любой сергачовской шлюшки, хотя он, если смотреть правде в глаза, не лишал шлюшек девственности. Но ведь вкус дефлорации — это всего лишь один из оттенков умопомрачительного вкуса победы. Не все уж флаги сразу в гости-то. Да и Соня — не шлюшка из тонированной «Волги» Сергача. Щёкин чересчур шепетил для города Ковязина. Он, например, ни разу не согласился сходить с Моржовым в сауну, сколько Моржов его ни звал. Ладно. На неуместную щёкинскую шепетильность Моржов всегда ответит успокоительной ложью. Звездочёту ни к чему знать, как Орда штурмует города.

А Соня, похоже, соглашается. Удивительная девушка Соня Опёнкина: Моржов сидит, курит, думает и даже грудь её забыл поглаживать, а Соня Опёнкина и не шелохнётся, ждёт. И удовлетворённость Сонечкиным ожиданием, тихим и безропотным, — тоже вкус победы. Щёкин будет счастлив — сто пудов.

Счастье — оборотная сторона одиночества. Но почему-то укоренилось мнение, что одиночество как раз и преодолевается блудом. Это даже как-то возвышало блуд, потому что вместо похабного веселья подразумевало некую трагедию. Моржова такие слова всегда изумляли. Интересно, блуд хоть кого-нибудь хоть когда-нибудь спас от одиночества? Да ни хрена не спас. Словно бы,

скажем, тонешь, и, чтобы не утонуть, ты стал изо всех сил мочиться в океан. Не поможет: всё равно кердык.

Одиночество порождено КВ — Кризисом Вербальности, и суть одиночества — в невозможности трансляции ценностей словом. При чём здесь блуд? Блудом, что ли, ценности транслировать? Одиночество — одиночеством, а блуд — блудом. Блуд — это тоска по победе. Отрицая одиночество как причину блуда, Моржов выводил свои умопостроения за предел общепринятой парадигмы. Но и пёс с ней, с парадигмой, если она породила такую хрень, как порядки города Ковязина, в котором никто не может обрести вкус победы иначе, чем через блуд.

— А скоро электричка приедет? — робко спросила Сонечка.

— Можешь называть меня Борей, — сказал Моржов, вытащил из кармана телефон и посмотрел на часы. — Должна сейчас.

Где-то за горой тотчас что-то завывло.

Сперва из-за поворота по рельсам прикатился стук, а потом вдали из-за елей стремительно вынырнула кошачья морда электрички. Не сводя с Моржова бешеных глаз, электричка налетела на Моржова и Соню, промакнулась мимо и затряслась, останавливаясь. Моржов приложил к глазам бинокль.

В сплошной стене вагонов все двери разъехались. Но никто не прыгнул на перрон: не то что завалиющийся американец, а даже простой соотечественник.

— Ну и ну! — изумился Моржов.

Электричка предупреждающе свистнула. И тут из дальнего вагона как-то неохотно спустилась на платформу одинокая девочка, огляделась и пошла к штабелю шпал. Электричка зашипела, хлопнула дверями и недовольно поволоклась прочь, как дырявый невод без улова.

Блуда и МУДО

— Здравствуйте, — сказала девочка. В руке она держала сумку, из которой торчали ракетки для бадминтона. — Я думаю, это нормально, что я приехала с ночёвкой, да?

Моржов девочку узнал. Девочка была из кружка Каравайского — призёрка и медалистка многих состязаний по настольному теннису.

— Конечно, — ответил Моржов. — Ты — Наташа Ландышева, верно? Я — Борис Данилович, а это — Софья Ивановна... А ведь ты, Наташа, не из наших кружков...

— Я ещё и на английский хожу к Милене Дмитриевне, — независимо пояснила Наташа. — Человек ведь должен заниматься не одним лишь настольным теннисом.

— Ну, да... — несколько оторопело согласился Моржов и от уважения к Наташе даже слез со штабеля шпал.

— Ведите меня в лагерь, — распорядилась Наташа. — А где американцы?

— В Америке, — не удержался Моржов.

На следующий день американцы опять не приехали. И на третий день — тоже. К вечеру третьего дня у Моржова незрело настоятельное желание определиться с ситуацией.

После ужина Серёжа Васенин и Наташа Ландышева играли в бадминтон. Упыри сидели возле спортплощадки на бревне и орали на проигрывающего Серёжу. Наташа Ландышева торжествовала беспощадно. Милена с книжкой в руке расположилась поблизости в шезлонге, сделанном из старой раскладушки, и мельком следила, чтобы упыри не отняли у Наташи ракетку, не побили Серёжу и не украли волан. Натянув до локтей длинные резиновые перчатки, Розка что-то мыла в раковине умывалки. Сонечка осталась на веранде вместе со Щёкиным, Моржовым и Костёрычем. Моржов подсел к ней, интимно приобнял её за талию и ласково прошептал на ушко:

— Сонечка, детка, сходи, пожалуйста, погуляй. Дяденькам надо поговорить.

— А куда сходить?.. — беспомощно спросила Соня.

— Хотя вон Розке помоги.

Соня виновато улыбнулась, встала и послушно пошла к Розке.

— Ну что, — негромко сказал Моржов Костёрычу и Щёкину. — Пришла пора держать совет. Что будем делать?

— А в чём проблема? — развалившись, величественно спросил Щёкин.

— Проблема в том, что в виде НЛО над Троельгой завис большой медный таз, — пояснил Моржов. — Американцы не приехали. И не приедут. Что-то там не то со всей этой затеей. наших детей тоже, в общем, нет. В группе у Щёкина и Сонечки — четверо, а у вас с Миленой, Константин Егорыч, — всего двое. А должно быть по пятнадцать штук. Вот вам и проблема.

— Шестеро детей на шестерых педагогов... — задумчиво произнёс Костёрыч. — Так, наверное, и положено в человеческом обществе...

— Но не в МУДО, — жёстко отрезал Моржов. — В МУДО за такое — вылет с работы.

— Я уже придумал, чем буду заниматься без работы, — заявил Щёкин. — Я стану серийным детским писателем. В моей чернильнице уже цикл романов. Общая идея вкратце такова. В наше время некий следователь получает доступ к секретным архивам КГБ, в которых хранятся дела о подвигах и гибелях пионеров-героев времён брежневского застоя. Первое дело — о том, как пионерский отряд ценой своей жизни разоблачил проктолога-вампира. Роман будет называться «Проктор энд Гэмбл и Армия людоедов». Гарри Поттер сам себя замочит в сортире.

— Впечатляет, — нейтрально согласился Моржов.

— Я думаю, что у нас нет другого выхода... — Костёрыч снял очки и потёр лоб. — Нужно известить администрацию, и пусть она решает, что делать.

Блуда и МУДО

— Нельзя, — жёстко ответил Моржов. — И я объясню, почему. Потому что в этом случае лагерь закроют, а детей разгонят по домам. Но ведь дети не виноваты — за что же им портить каникулы? И мало того — дети... Вас, Щёкина, Сонечку и Милену уволят за служебное несоответствие и срыв лагерной программы.

— А тебя с Розкой? — ревниво спросил Щёкин.

— Нас с Розкой — пока нет. Не мы же американцев должны были привезти. Нас уволят к осени.

— Почему? — тотчас заинтересовался Щёкин.

— Ты бухал и ни хрена не отразил, — с досадой сказал Моржов, — а я отразил, чего говорил Манжетов. Что ж, разъясню популярно. Манжетов решил повысить своё благосостояние. Для этого он преобразует МУДО в Антикризисный центр. Вы при этом улетаете. Сам же Манжетов женится на Милене и ставит её директрисой центра. Мафия. И все денежки текут через эту дружную семейку.

— Где река текла, там всегда мокро будет, — печально процитировал Костёрыч народную поговорку.

— Вот именно, — согласился Моржов. — А у вас будет сухо. Даже очень. Как в Каракумах. Сухо настолько, что Розка выйдет замуж за Сергача, а ты, Щекандер, знаешь, какой у Сергача бизнес на его студии. Про Сонечку я и не говорю. Скорее всего, осенью мы увидим её на рынке за прилавком с огурцами — под началом какого-нибудь кавказца. И огурцов у неё в жизни станет столько, что размер действительно не будет иметь значения. Ты, Щекандер, уйдёшь в запой. Вы, Константин Егорыч, повисните на шее у жены.

— Я и так на ней повис... — печально сказал Костёрыч.

— Я буду жаловаться! — возмутился Щёкин. — Я в Гагском трибунале такую вонь разведу!.. Шкиляиха не дала нам времени, чтобы набрать нужное количество детей! Пусть мировое сообщество осудит Шкиляиху!

— Дело не только в скороспелости Троельги. Всё продумано глубже, — терпеливо растолковывал Моржов. — Мы с вами — смертники. МУДО обречено. Оно никому, кроме нас, не нужно. Милена и Манжетов останутся при деле и при деньгах. Шкиляева в Антикризисе станет руководителем отдела кружков. Кружки будут вести школьные учителя при своих классах. У Шкиляевой исчезнут проблемы с наполняемостью кружков, с помещениями, с коммуналкой и прочим ЖКХ. Сплошная синекура! А меня и Розку уволят, когда ликвидируют МУДО и учредят Антикризис. Нас сократят потому, что центру методисты нашего профиля будут не нужны. Вот такая картинка.

Костёрыч и Щёкин молчали, обдумывая ситуацию.

Моржов смотрел, как Милена, покинув шезлонг, показывает Серёже Васенину движение руки при ударе ракеткой по волану. Милена была в брючках-бедровках, и её голый животик эротично округлялся, когда она нагибалась. Впрочем, дело было не в животике. Моржов без всяких животиков не знал картины красивей, чем женщина, нагибающаяся к ребёнку.

— И что же, выхода нет? — спросил Костёрыч.

— Есть, — не оборачиваясь, сказал Моржов. — Выход есть. На наше счастье, мы в Троельге. Нам помогли эти дурацкие американцы, взявшиеся ниоткуда.

— Может, это всё-таки инопланетяне? — буркнул Щёкин.

— Может, — кивнул Моржов. — Но это неважно. Они спутали Манжетову и Шкиляевой все карты. Манжетов и Шкиляева планировали, что педагогов МУДО осенью тихо переведут в школы, а зарплату начислят по количеству сертификатов. Поскольку детей в ваших кружках мало, вам будут платить по две-три копейки, и вы сами уволитесь. Таким образом, МУДО без скандала оптимизируется — то есть прекратит своё досадное существование и освободит место для Антикризисного центра.

Но в этот план вклинились американцы. Шкиляева не могла отказать им, даже если реклама МУДО была вывешена в Интернете по ошибке. Потому что у Шкиляевой священный трепет перед начальством, а иностранцы — всегда начальство. Так и образовалась наша Троельга. Пришлось Шкиляевой упечь нас сюда.

— И как Троельга нас спасёт?

— Троельга далеко от Ковязина.

— Две остановки на электричке — это не далеко...

— Для Шкиляевой — далеко. Своей персоной Шкиляева сюда не поедет и не будет контролировать всё лично. Она ведь даже за теннисными столами Каравайского машину два года послать не могла... Так что для неё Троельга — далеко. И о наших здешних трудовых подвигах она сможет судить только по бумажкам, которые мы привезём. То есть — по сертификатам тех детей, которые здесь якобы находятся.

— Понимаю... — печально усмехнулся Костёрыч. — Вы хотите предъявить мёртвые души... Но у меня, к примеру, нет пятнадцати сертификатов. И не будет, к сожалению.

Моржов выдержал паузу для весомости своего предложения.

— Пусть это будет моей заботой, — выразительно сказал он.

— Что же вы... как Чичиков?.. — замаялся Костёрыч.

— Да, — согласился Моржов. — Я начичу вам сертификаты. А вы живите себе спокойно и учите Серёжу Васенина. И прочих тоже.

— Тогда и мне сертификаты начичь! — возмущённо вспучился Щёкин. — Я требую равноправия! Что за дискриминация по благам! Я тоже хочу под грязь замаскироваться!

— Всем начичу, — пообещал Моржов. — А вы соглашайтесь.

— Это обман, — печально сказал Костёрыч.

— А выдавить вас с работы — честно? А выгнать из лагеря Серёжу, Наташу и упырей — честно?

— И тем не менее...

— Константин Егорыч, — с чувством произнёс Моржов, — ну сколько же можно этих интеллигентских рефлексий? Вас делают как хотят, об вас ноги вытирают, а вы и отбрыкнуться стесняетесь. За вас обещают грех на душу взять — а вы мнётесь!

— Грех всегда берётся только на свою душу, — печально и убеждённо сказал Костёрыч.

— Хочется сказать, как Шкиляева: давайте не будем демагогию разводить. Вы можете переживать, сколько вам угодно. Но при этом своей порядочностью подведёте и детей, и Щёкина, и Розку, и Сонечку. Ну, и меня.

— Вы меня ставите в этически безвыходную ситуацию.

— Это не я ставлю! — разозлился Моржов. — Это не я придумал прикрыть МУДО и качать бабки через Антикриз!

— А почему вы решили, что Антикризисный центр — это непременно способ личного обогащения Манжетова?

— Да по кочану! Для чего ещё он нужен-то? Ведь он не будет работать! Его технологии в Ковязине не действуют! Это авионика «Боинга», которую поставят на колёсный пароход «Апостол Андрей Первозванный»! Посмотрите на упырей: случись чего, они пойдут в этот центр или предпочтут надуться пивом в подворотне?

— К Дмитрию Александровичу пойдут...

— Щекандера в Антикризисе не будет! Щекандер сначала будет при школе вести кружок, а потом уволится, потому что его жена запилит, и пойдёт работать охранником на автостоянку!

Костёрыч помолчал, размышляя о чём-то своём. Моржов с опозданием вспомнил, что по причине того же педагогического безденежья от Костёрыча ушла первая

жена, а сын не желает знать отца. Получилось, что Моржов сделал бестактный намёк. Но сожалеть было поздно.

— Вы говорили, что центр — способ заработка Манжетова... — повторил Костёрыч. — Борис Данилович, а вы уверены в правильности своего утверждения? Может быть, Манжетов честен в намерениях, но просто не понимает их нереальности?

— Всё он понимает, — буркнул Щёкин. — Манжетов Санта-Клауса с Папой Римским не спутает, не дурак. — Щёкин посмотрел на Милену и добавил: — И губа у него не дура...

— А для вас имеет значение мотивация Манжетова, если вас всё равно выбрасывают за борт?

— Может, я этого и заслуживаю?

— Не заслуживаете, — жёстко отрезал Моржов, — но дело не в вас. Если человек или общество прагматично остаются в рамках утилитарного — то это не человек и не общество. Смысл существования — в роскоши. Если нету роскоши, то всё остальное — бессмысленно. Искусство, религия, фундаментальная наука, туризм, филателия, макияж, цветы, кошки и внебрачные связи — это всё роскошь, ради которой и стоит упыхиваться. По-настоящему ценно только то, что выше утилитарного, что выше себестоимости. Мы есть не то, что мы едим, а то, чего мы не сможем сожрать.

— Прекрасно сказано, но всё-таки, если обществу от нашей деятельности нет никакой пользы...

— Да что же вы взъелись-то с этой пользой, с этим прибавочным продуктом? — Моржов и вправду разозлился на Костёрыча. — Свет клином на пользе сошёлся!.. Общество нуждается не только в пользе, а ещё, к примеру, и в пище для ума! Пользу пусть дворники приносят и ловцы бродячих собак. Польза от Дома пионеров нужна только тем, у кого и так всякой прочей пользы до хренища!

— Ну, это ваше личное мнение... — пробормотал Костёрыч, но Моржов желал догреметь до конца:

— Каким бы мудро ни было МУДО, оно — единственная роскошь нашего образования. Единственное его оправдание. Потому что у МУДО нет цели. А у Антикриза есть цель — преодоление кризисов. Антикриз работает на систему уже по определению, а МУДО — над системой. И какая уж это система — не важно, потому что интересно только то, что вне её. Для Манжетова МУДО — ещё никем не приватизированный ресурс, а для меня, для вас, для Щёкина — и смысл, и хлеб. Да провались она пропадом, ваша шепетильность, если у меня из-под ног выдёргивают землю!

— Цицерон! — указывая на Моржова пальцем, заявил Щёкин таким тоном, словно наконец-то догадался, кто перед ним такой.

— Пламенно, да... — неуверенно сказал Костёрыч, пряча взгляд. — Но роскошь — это когда есть средства... А Ковязин — город бедный.

— Антикризисный центр будет стоять куда дороже, — возразил Моржов. — Пользы с него будет столько же, а смысла — никакого.

— То есть вы хотите сохранить МУДО через подлог документов? — подвёл итог Костёрыч.

— Фактически — да. Но по форме это будет строгое следование правилам. Велено ехать в Троельгу — мы уехали. Велено сдать сертификаты — мы сдали. А проверять по факту нас не будут. Потому что в этой ипостаси мы системе не нужны, мы вне её. Вне её мы есть уже то, что мы есть. И всё зависит от нас. Рассказывайте Серёже, Наташе и упырям про родной край. Пусть Щёкин водит всех в походы. Пусть Розка устраивает массовые мероприятия — она же методист этого профиля. Пусть Милена учит английскому, а Сонечка — экологии, если она знает, что это такое. Сонечка ведь хотела вести в МУДО экологический кружок...

— От юннатов до пенатов, — вставил Щёкин.

— Кстати, о девушках, — вспомнил Костёрыч. — А как они отнесутся к вашей аванюре?

— Никак. Они об этом и не узнают. Им знать незачем. Я начичу за них сертификаты, и всё. Скажу, что Шкиляева согласна на такой расклад. Девицам ничего не грозит, никакое разоблачение. Пусть проживут этот месяц в Троельге как пожелают, по-человечески. Захотят — пусть хоть весь месяц бамбук курят. Позволим им эту роскошь. Всё равно от неё не обеднеет никто. Нафига нужны все эти великие цели, ради которых столько народу гробится?

— То есть девушки не будут знать, что всё это — надувательство, потёмкинская деревня? — уточнил Костёрыч.

— Им нельзя говорить правду. — Моржов усмехнулся. — Сонечка — клушка: куда её посадят, там она и будет сидеть. Скажи ей правду — она перепугается и всех сдаст, а в результате отправится к кавказцам на рынок. Розе Дамировне тоже нельзя говорить. Она на эту аванюру не согласится, потому что её вины в неприезде американцев нет и увольнять её не за что. Розка не пойдёт на риск. Она из тех, кто прячется, а не бунтует. На худой конец Розка уже и так придумала себе убежище — замужество. А Милене говорить нельзя ни в коем случае. Я же копаю под Антикриз, где она собирается быть директором. Зачем ей портить свою перспективу?

Щёкин курил, искоса поглядывая на Сонечку возле умывалки. Костёрыч запустил пальцы в бороду.

— А вам-то, Борис Данилыч, всё это зачем? — устало спросил он. — Да, вы доказали, что в результате вашей аферы всем нам станет хорошо. Но вам-то что с того? Вы, как я слышал, процветающий художник и в средствах не нуждаетесь. Особенного альтруизма я в вас ещё не видел... Да и на идеалиста вы не похожи, чтобы идти на труды и жертвы ради отвлечённого принципа роскоши как оправдания.

Моржов смотрел в печальные и добрые глаза Костёрыча за толстыми стёклами очков. Вот на этот вопрос он почти ничего не мог ответить — и даже наврать не мог.

Зачем это всё ему? Очень просто: из-за баб. Ему нравились все три: и Розка, и Милена, и Сонечка. Да, потом он может уступить Сонечку Щёкину, но уступать Милену и Розку Манжетову и Сергачу — хрена с два. Однако если МУДО не станет, девки сразу разойдутся по рукам. А Моржов никого из девок не собирался отпускать. Пусть в нём говорит атавистическая самцовость и тупая маскулинность, но он хочет сразу всех женщин, а отдавать не желает никого. У себя он считает «длиньше» и потому немедленно ввязывается в эту борьбу византийских мальчиков. За женщин, которые ему понравились, он согласен порвать и Сергача, и Манжетова. Или сдохнуть. А испрашивать дозволения у бестолковых баб он не находил нужным. Главные вопросы он всегда решал сам.

— Самолюбие, — пояснил Моржов Костёрычу.

Костёрыч улыбнулся и понимающе кивнул.

— Молодость, — поправил он.

Но Щёкин тотчас же добавил с назиданием:

— А молодость даётся не всем.

Глава 4

ПИКСЕЛИ

Друидов откровенно пёрло без опохмелки, и они очумело примчались в лагерь ещё до завтрака. У Моржова кусок в горло не лез — друиды, глядя на него, сидели здесь же, на веранде, за краешком общего стола. В страшном нервном напряжении они придумывали идею раскрутки Моржова на деньги.

Блуда и МУДО

— Пацаны, — наконец сигло сказал упырям Бязов (Чаков). — Хотите, мы с дядей Мишей сводим вас в лес на заброшенный мост?

Упыри пришли в предсказуемый восторг. Сегодня после завтрака Милена собиралась проводить с детьми соревнования по бадминтону. Бадминтон не привлекал упырей, потому что все они уже по пять раз проиграли Наташе Ландышевой, каждый со счётом (примерно) 20:0. Лишь однажды Чечкин довёл свой счёт до 18:2, но Наташа тут же хладнокровно положила ракетку на траву и сказала, что так ей играть не интересно.

— Сто пятьдесят, — тихо сказал Чаков (Бязов) на ухо Моржову.

— Сто, — ответил Моржов. — Пятьдесят вычитаю за инициативу.

Идти с детьми на заброшенный мост пришлось одному Моржову. Щёкин ещё на рассвете укатил за какой-то своей надобностью в Ковязин, а Костёрыч собирался самостоятельно искать в окрестностях села Колымагино какой-то древний курган, чтобы потом сводить детей и туда.

— Вы уж извините, я вам карту дать не могу, — Костёрыч развёл руками перед друидами. — Я же сам планировал...

— Да и хрен с картой... — страдальчески отмахивались друиды.

Милена, обидевшись на отмену бадминтона, села в шезлонг под солнце и закрылась от мира женским детективом. Оказывается, Милена прихватила в Троельгу штук сто покетбуков. Чтение женских детективов для Милены было ковязинским атрибутом успешной женщины. Розка занималась хозяйством. Сонечка тоже выглядела как-то при деле, хотя Моржов — лоб расшиби! — не мог понять, чем же всё-таки она поглощена. Друиды выпили из насо-са по три ведра воды и сделались готовы к путешествию.

Сначала вся компания шагала вдоль железной дороги по шоссе. Друиды шли впереди. Они сутулились, будто ожидали расстрела в затылок, и вытирали о «тормоза» на штанах потные ладони. Упыри отстали. Моржов слышал, как они галдят, обсуждая, что если поездом отрезет голову — останется часть шеи или нет? Моржов уже выучил имена упырей и умел отличать упырей друг от друга. Высокий и тормозной Ничков в компании упырей считал себя лидером, маленький Гонцов был тихим пакостником, Чечкин представлялся Моржову просто буйнопомешанным, а злой и мнительный Гершензон пока оставался загадкой. Наташа Ландышева пошла справа от Моржова и вскоре взяла его под руку, как взрослая девушка. Серёжа Васенин шёл слева.

— Эта железная дорога построена в одна тысяча девятьсот третьем году, — тихо и с уважением сказал Серёжа и застенчиво взял Моржова за левую руку, лишив возможности курить.

Прогибая землю, мимо то и дело прокатывались поезда — словно гранитные глыбы кувыркались в обвал, круша друг другу углы и грани. Шоссе обдувало горячим ветром с запахом смолы, масла и железа. Бледно-синее небо над магистралью на мгновение испуганно стекленело.

Моржов оглянулся и увидел, что упыри самозабвенно мечут камни в пролетающие вагоны. Орать в грохоте было бесполезно, Моржов и сам поднял булыжник и швырнул его под ноги Гонцову; упыри оглянулись, и Моржов показал им кулак.

— Рикошетом тоже убить может, — осуждающе сказал Моржову Серёжа Васенин.

— У меня в классе один пацан решил на вагонах покататься, и его в Челябинск увезло, — назидательно добавила Наташа.

Друиды остановились возле тоннеля, пробитого в теле железнодорожной насыпи для маленького ручья. Тон-

нель был явно дореволюционный — в форме эллиптической арки, по-рыцарски замкнутой в апогее каменной призмой. Дно тоннеля занимала грязная чёрная лужа с торчащими из воды ветками.

— Точняк, что здесь? — тихо спрашивал Бязов (Чаков).

— Да хули я помню? — раздражённо отвечал Чаков (Бязов).

Наташа Ландышева презрительно сморщила нос и требовательно посмотрела на Моржова. Моржов тоже тотчас мимикой изобразил омерзение.

— Эй, угланы, давайте дуйте сквозь тоннель, — закричали друиды подошедшим упырям. — С той стороны поглядите, есть там такая плита бетонная?..

— Чо это нам через грязь идти? — возмутились упыри, отступая.

— Дёрнули живо, я сказал! — двинул нижней челюстью Бязов (Чаков), а Чаков (Бязов) добавил: — На мост хотите? Ну и шуруйте!

— Спокуха, паца! — нашёлся неистовый Чечкин и белой прыснул вверх по насыпи в обход тоннеля.

— Стой! Поезд!.. — заорал Моржов, вырываясь из рук Серёжи и Наташи, словно самолёт, пытающийся сбросить бомбы.

Но Чечкин гигантскими трёхметровыми прыжками, будто в невидимых сапогах-скороходах, уже спускался с насыпи.

— Есть плита! — кричал он.

Друиды, упыри и Моржов с Наташей и Серёжей переждали очередной налёт грохота и землетрясения, а потом полезли на насыпь. По другую сторону дороги спуск оказался куда короче — насыпь привалилась к склону горы. Друиды вывели всех за кусты, где обнаружилась хорошо утоптанная тропа, скользнувшая в лесной лог. В логу все остановились. Серёжа Васенин закашлялся. Он устал больше всех, потому что нёс рюкзак с сухим пайком.

— Борис Данилович, хотите таблетку пектусина для свободного дыхания? — спросил Серёжа, доставая из кармана пузырёк.

Наташа Ландышева молча протянула Серёже ладошку. Поверх Наташиной ладошки, как листья подорожника, тотчас улеглись ладошки столпившихся вокруг упырей (ладошек было почему-то пять). Наташа брезгливо переложила свою ладонь опять сверху. Серёжа, слегка ошалев, раздал таблетки.

— Чо телепаемся? — нетерпеливо заорал то ли Чабязов, то ли Бячаков. У друидов без опохмелки кончался завод.

Тропинка оказалась узковатой для троих, и Наташа пошла впереди. Она ступала упругим гимнастическим шагом. Где-то по пути она отломила еловую лапку и теперь томно обмахивалась ею, как веером. Моржов глядел на Наташу и думал, что лет через пять-семь упырям от Наташи будет полный капут.

— Константин Егорович сказал, что дяденьки, наверное, имеют в виду мост на вологодской дороге, — сбоку и снизу сказал Моржову Серёжа Васенин. — В одна тысяча девятьсот тринадцатом году у нас начали строить новую железную дорогу на Вологду, но строительство забросили, потому что началась Первая мировая война. А потом больше не продолжали.

Сзади, оказывается, подслушивал Чечкин.

— Паца!.. — кинулся он к упырям. — Мы на военный мост идём!..

Моржов оглянулся. Упыри сбились в кучу, охваченные непонятым волнением.

— Не отставайте! — крикнул им Моржов.

Тропа стелилась по дну ложбины меж двумя пока-тыми горами. На склонах стоял ровный и высокий сосновый бор, расчёрсанный длиннозубым гребнем солнца. В нестерпимо ослепительном небе кроны сосен лучились

темнотой, как пятна света в глубине омута. Витыми стружками сверху сыпались чириканье и щебет.

— Константин Егорович сказал, что Колымагины горы образовались в результате обледенения, — сообщил Серёжа.

— Громче! — требовательно произнесла Наташа, не оглядываясь.

— С севера надвинулся щит ледника... Он... Он был как нож бульдозера, толкал перед собой кучи земли. Здесь он остановился, а потом растаял. А кучи земли стали горами.

Моржов подумал, что, пожалуй, завидует Серёже. Серёжа видел гораздо больше, чем он сам. Что видел Моржов? Сосновый бор и девочку, которая со временем превратится в красивую девушку с характером. И всё. А Серёжа видел ещё и великое оледенение, и мировую войну.

Впрочем, война, кажется, приближалась и к полю зрения Моржова: сзади слышались какие-то выстрелы. Моржов остановился. Из-за поворота тропинки вылетели упыри с восторженными физиономиями. На бегу они что-то швыряли в подлесок, и там бабахало. «Петарды!» — понял Моржов. Он растопырил руки, загораживая проход.

— Стоять! — крикнул он, приседая. — Ну-ка все ко мне! Сдать петарды!..

— У нас кончились! — заорали упыри, рассыпаясь по обочине. Они пролетели по кустам мимо Моржова и убежали вперёд.

— Они вам наврали, — хладнокровно сказала Моржову Наташа.

«Как Щекандер управляется с этими дьяволами?» — в некой оторопи подумал Моржов.

Моржов, Серёжа и Наташа пошли вперёд и через сто шагов наткнулись на маленького Гонцова, который тихо пятился, не сводя с тропинки замороженного взгляда.

Взгляд его был прикован к огромной, как палка сырокопчёной колбасы, петарде, лежавшей на тропе и дымившей хвостиком.

— Л-ложись... — без голоса сказал Моржов.

Петарда взорвалась, разметав песок, хвою, траву и шишки. Облако звона нахлобучилось на всю округу.

— Это не я! Она сама!.. — потрясённо прошептал Гонцов.

Моржов еле удержался, чтобы не отвесить Гонцову затрещину.

Из окрестных кустов выросли другие упыри, сидевшие там в безопасном укрытии.

— В-во й-й-обнуло!.. — восторженно сказал Чечкин.

— Ещё раз — и все идём домой! — рявкнул Моржов. Впрочем, глаза упырей как светились, так и светились, и моржовская угроза растаяла в пиротехническом чуде, как лёд в кипятке.

— Хватит безобразий! — Моржов попытался вернуть упырей к пиетету. — Серёжа, снимай рюкзак, а ты, Гонцов, надевай! Будете рюкзак по очереди нести!

— А чо мы-то сразу? — возмутился Ничков. — Я не понесу!

— Мы не просили! — крикнул Чечкин.

— Это не моя была петарда! — отпёрся Гонцов.

— Пускай Пектусин несёт! — Гершензон злобно посмотрел на Наташу. — Он сам вызвался, чтобы перед этой понтоваться!

— Жрать-то жратву свою все собираетесь? — навис над упырями Моржов.

Он с удивлением понял, что, оказывается, робеет перед упырями: грубость, предназначавшуюся для упырей, он сам для себя незаметно переадресовал сухому пайку.

— Не буду я жрать! Я ем, а не жру! — оскорбился Ничков, развернулся и пошёл прочь, мгновенно скрывшись за поворотом.

— И я не буду! — отрёкся Гонцов, направляясь за Ничковым.

— Эй, паца, вы куда без меня! — обиженно закричал Чечкин, убегая от Моржова.

— Слова сначала выбирать научитесь, — презрительно сказал Гершензон. — Слово не тётка, не вырубешь топором!

Наташа Ландышева хмыкнула, глядя, как Моржов снял очки и панамой вытер лицо.

— Да я сам понесу, Борис Данилыч, — виновато сказал Серёжа и крепче взял Моржова за руку, словно обещая, что не бросит.

— Н-да, — озадаченно сказал Моржов, почесал башку и надел панаму обратно. — Ну, пошли.

Гершензон, который наблюдал, стоя в сторонке, удовлетворённо ухмыльнулся и убежал за упырями.

Моржов шагал в размышлениях, а Серёжа и Наташа помалкивали. Склоны гор справа и слева вдруг как-то просели, и тропа выкатилась в неширокую долинку, средоточие которой занимала большая лужа, превращающаяся в маленькое болотце. Долинка лежала как раз на стыке склонов четырёх холмов. Здесь тропу, по которой шли Моржов, дети и друиды, пересекала другая тропа, утоптанная так же крепко.

Друиды топтались на перепутье, явно не зная, куда пойти.

— Ша-ша, — деловито сказали они Моржову, — мы вспомним, ша.

Наташа Ландышева оглядела местность и тоном принцессы громко сообщила всем:

— Так, мне надо в туалет.

Упыри, клубившиеся вокруг друидов, радостно загомонили.

— А если кто пойдёт за мной подглядывать, тот получит кулаком по морде, — добавила Наташа и оценивающе

оглядела Моржова и Серёжу Васенина: кто из них надёжнее?

— Борис Данилович, — наконец решила она, повернулась и пошла к дальним кустам.

Моржов утешительно похлопал Серёжу по плечу: «Мол, пройдёт время — и твои кулаки dorастут до упыриных морд!» — и пошёл вслед за Наташей.

Наташа завела его за кусты и указала пальцем в землю:

— Стойте тут!

Сама она пошла дальше, а Моржов остался на страже. Отсюда он слышал, о чём говорят у перепутья.

— Где он, твой мост-то ебучий? — допытывался Чабязов у Бячакова. — Уже полтора часа ебошим по лесу!

— А я хули помню? — возмутился Бячаков. — Я там уже сто лет не был! Мне хули там делать?

— Бля-а, меня уже пиздец как припекло! Ещё ведь обратно хуярить столько же... Ты на хера у бородатого карту не взял?

— А я хули знал?.. Ты сам сказал: найдём, найдём! Ищи, бля!..

— Куда, бля, искать?

— Да я хули знаю куда! Шас бы давно уже у Саныча взяли и сидели бы по-человечески! Не, бля, запахло тебе у Саныча брать! Трудом, бля, сам заработаешь! Пиздуй теперь, ищи!

— Хули ты залупаешься-то? Заебало — уёбывай домой!

— А ты хули меня посылаешь?

— А хули ты подьёбываешь? Ща по ебалу схватишь...

— Ну давай, по ебалу-то... Рискни!

Друидов присутствие упырей нисколько не напрягло — разве что в том смысле, что рабочая сила простаивала.

— Вы хули тут подслушиваете, шакалята? — наехал на упырей то ли Бязов, то ли Чаков. — Чо стоите? Вы двое вон по той тропе пиздуйте, а вы двое — по этой. А ты —

туда иди! Через полчаса ждём вас здесь! Кто мост найдёт — тех на мотоцикле покатаем!

Моржов отметил, что по версии друидов мост нужен именно ему, а не упырям. Упыри невнятно огрызались.

— Давай-давай, не стой! — хозяйничали друиды. — Ща в жопу пну, чтоб быстрее бежалось!..

Моржов оторвал листик с куста, сунул в рот и подумал, что этот опохмелочный мост для друидов можно уподобить ВТО. Внешней Точке Отсчёта. И чтобы подтянуть эту ВТО к себе, друидам нужны дорога, карта, правило, закон. Свобода друидам не нужна. Она только мешает найти мост. А ему, Моржову (да и упырям, пожалуй), мост ни к чему. Мост — только повод, чтобы погулять по лесу. Погулять свободно, без друидов с их агрессивным похмельем.

Моржов вздохнул и полез из кустов на поляну.

Раскрасневшиеся друиды вдвоём сидели на пеньке и курили. Дети разошлись от них подалее.

— Чо там твоя девка-то, поссала? — недовольно спросил Чабязов (Бячаков). — Можно идти?

— Они нас мост искать посылали! — издалека крикнул Ничков.

— Мужики, вы чего-то попутали, — подчёркнуто добродушно сказал друидам Моржов. — Здесь детский садик, а не рюмочная. Не знаете дорогу — так и скажите.

— Да хули не знать-то? Найдём! — бодро заявил Чабьяков.

— Вон пацанам и говорим — пусть сбегают, посмотрят! Ноги-то молодые! — поддержал Бячазов.

— Так не пойдёт, — возразил Моржов.

— А как быстрее-то по-другому?

— А нам и не надо быстрее.

— Пусть они уходят, — тихо сказал Моржову Серёжа Васенин. — А мост мы потом с Константином Егоровичем найдём.

Моржов подошёл к друидам и присел на корточки.

— Сегодня вы обосрались, — тихо сказал он и достал из кармана шортов полтинник. — Хотите дальше дружить — берите и валите.

Друиды сопели, молча разглядывая Моржова.

— Ладно, — неохотно согласился Бязов (Чаков) и вынул полтинник из пальцев Моржова.

Друиды встали и пошли по тропе обратно.

— Замнём для простоты, — через плечо бросил Моржову Бязов.

— Не заблудитесь, мудаки, — посоветовал Чаков.

Моржов дождался, пока друиды скроются за поворотом, и встал. От куста к нему уже шла Наташа Ландышева.

— Сейчас перекусим, — сказал Моржов упырям, — а потом что делать будем?

— Дальше пойдём мост искать! — упрямо сказал Гершензон. — Пусть Пектусин нас ведёт! Он же краевед!

— Но условие: без петард! Вы должны меня слушаться!

— А чо должны-то? — с вызовом спросил Гершензон. — Вы нам не Дрисаныч! Ничо мы вам не должны!

На этот день у Моржова был достаточно простой план: а) приехать в Ковязин; б) соблазнить Юльку Коникову; в) начичить у Юльки Кониковой сертификаты на школьников — как можно больше. Моржов полагал, что пункт «в» без пункта «б» не реализуется. Такая стратегия поведения была самая примитивная и механистичная, но почему-то она действовала. А вот мольбы, подкупы и угрозы часто оказывались куда менее результативны.

Моржов на велосипеде катил по старому шоссе сквозь чересполосицу света и теней. Шоссе виляло меж холмов Колымагиных гор, и сосны кружились вокруг Моржова хороводом. Валявшиеся на асфальте шишки из-под колёс велосипеда стреляли по придорожным кустам. Пояс-

ная сумка, сдвинутая на спину, одобрительно хлопала Моржова по заду. В сумке лежал пистолет — на случай, если потребуется кого-нибудь убить. Сосновое шоссе оставалось пустынным, и в неподвижных, косых полосах солнечного огня словно бы началось какое-то остекление, едва просвечивающее слепящей паутиной. Где-то вверху безалаберно верещали щеглы и синицы и поучительно строго, будто карандашом по столу, постукивал дятел.

Сейчас Юлька Конилова была учительницей в школе номер четыре. Моржов познакомился с Юлькой, когда сам ещё был одиннадцатиклассником, а Юлька — студенткой педтехникума. Это было чуть ли не во времена боярина Ковязи. Но и тогда Моржов нуждался в Юльке исключительно по делу.

В то время у Моржова был роман со Стеллой Рашевской из параллельного класса — последний чистый и честный роман в жизни Моржова. Но Моржов и Стелла были мальчиком и девочкой, и потому их роман начинал несколько зависать. Моржов уже тогда превращался в дарвиниста, считающего, что тот, кто не наступает, тем самым теряет свои позиции. Трудность, однако, заключалась в том, что Стелла согласилась бы сдать только красивому наступлению — с плюмажами и развёрнутыми знамёнами. А Моржов в силу неопытности обеспечить этого не мог. Он вообще подозревал, что у него со Стеллой получится не въезд гвардии сквозь парадные ворота замка, а нечто вроде неувязки Батыя с Рязанью. Короче говоря, Моржову требовалась культура приступа. За культурой он и направился к Юльке.

...Сосновый лес стоял на спине Колымагиных гор, как плавник на карасе. Из светового мигания леса Моржов со склона последнего холма покатился в неподвижный блеск стариц и заводей — в заливные луга и рощи широкой пойменной долины Талки. Настой хвои и смолы,

как взвар, поднялся вверх, а Моржов погрузился в тёплые и влажные запахи камыша и лягушек. Над шоссе искрами замелькали стрекозы. Высокие и пышные ивы под ветерком сверкали переливами листвы, как цыганки — монистами. За каскадами зарослей то слева, то справа изгибами берегов мелькали озёра — будто Моржов быстро листал глянцевого журнала лёгкой эротики.

С лёгкой эротики всё и начиналось... Юлька была родом из деревни. В педтехникуме она наконец-то хватанула свободы и теперь считала себя настолько умудрённой, что мудростью можно и поделиться. Юлька бескорыстно обеспечила мудростью пару друзей Моржова — Димона Пуксина и Саньку Банана. И не то чтобы Юлька была развратна, нет... Просто педагогическое поприще она понимала как-то чересчур обширно. И Моржов тоже подался под покровительство Юльки. Да, честно признавался себе Моржов, он хотел Юльку использовать. Но Юлька сама заигрывала с ним, обещая всему научить и показать всякое-разное. К нему, к Моржову, Юлька относилась куда лучше, чем к Димону Пуксину и Саньке Банану.

Но с Моржовым дело пошло как-то вкось, не туда. Видя серьёзность Моржова, Юлька почувствовала возможность завесить свои требования. Тяжесть усилий, которые должен был предпринять Моржов, означали нечеловеческое величие и необыкновенную высоту Юлькиного достоинства.

Моржов долго ухаживал за Юлькой, гулял с ней, дарил цветы, водил в кино (даже дважды бил каких-то малознакомых молодых людей), но всё яснее ощущал шизофреничность ситуации. Свой пыл галантности, предназначенный Стелле, он почему-то тратил на Юльку, а вот Юлька своё желание Моржова почему-то удовлетворяла с Димонем Пуксиным и Санькой Бананом. Моржов же ходил без любви Стеллы и без близости с Юль-

кой, хотя, конечно, с множеством многозначительных Юлькиных обещаний.

...Чуланская гора приподнялась над заливными лугами, словно севшая на мель канонерка. Моржов слез с велосипеда и одолел подъём пешком. Склоны Чуланской горы были усыпаны свалками и застроены сараями. Город Ковязин окружал себя пятном грязи и мусора, как неряшливый флот.

В Соцпосёлке на Чуланской горе всегда был тихий час. Типовые двухэтажные домики, оштукатуренные и жизнерадостно окрашенные то в жёлтый, то в зелёный, то в розовый цвет, с течением лет и дождей обрели усреднённо общий оттенок. Открытые окна затягивала марля от комаров — словно плёнка на глазах у спящих куриц. Штакетники вокруг палисадников сонно валялись то внутрь, то наружу. Навстречу Моржову по тротуару шли две бабы с вёдрами — обе в тапочках и домашних байковых халатах. В тени липы громоздился железный ларёк — памятник эпохи первичного накопления капитала. Судя по пыльной жаре, Соцпосёлок отверг эту эпоху, и ларёк стоял запёртый и злобно заржавевший, словно подбитый танк.

Как раз в эту эпоху у Моржова и закрались первые циничные мысли о продажности человеческих отношений. О продажности не в том смысле, что за деньги можно купить всё, а в том смысле, что отношения двух людей друг с другом должны быть всегда как-то взаимно эквивалентны. Взять, к примеру, его и Юльку. Они друг другу нравятся и как люди, и как возможные партнёры в постели. Каких-то ограничений на интим у них нет. А почему интим всё никак не стрясётся? Юлька утверждала, что это — проверка чувств.

«Хренушки!» — теперь понимал Моржов. Это не была проверка чувств. Проверка чувств — это форс-мажор. Но форс-мажора объективно не имелось. Объективно

имелся торг. Если бы он сказал Юльке: «Дай!» — а Юлька бы ответила: «Бери!» — торга бы не было. Но за «бери!» Юлька требовала услуг. Значит, торг был. И само его наличие подразумевало, что девчонке (Юльке) есть конечная цена. Что девчонка (Юлька) — продаётся.

Моржов и тогда ничего не имел против продажи, и сейчас не имел, особенно когда сам получил возможность покупать. Но когда его обвиняли в цинизме или в дурном мнении о людях, это его раздражало, как неверный расклад теней на пейзаже с натуры.

Тогда, с Юлькой, ему всё казалось, что остаётся приложить ещё ну чуть-чуть усилий — ну ещё один букет, ещё одна бутылка «Киндзмараули», ещё один (последний!) вечер в парке на каруселях, ещё добавить жара в поцелуе и силы в ладонях, сжимающих Юлькины груди, ещё на два-три градуса повысить тепло Юлькиного хорошего настроения... и ему наконец-то всё объяснят, покажут и помогут. А вот фиг!

Моржов и сам понял, что это событие у него с Юлькой всегда будет на шаг впереди — и недостижимо, словно черепаха Зенона, за которой гнался обозлённый быстроногий Ахиллес, но так и не догнал. Едва Моржов набирал заслуг для вождедлённой близости, Юлька всякий раз прибавляла себе цену. И остановиться Юлька уже не могла. Заигралась. Она стала заложницей своего кокетства и жеманства, исчерпала лимит моржовского терпения. Ей не хватило чувства меры, точнее — реальности самооценки. Таких усилий Юлька уже не стоила, даже если бы Моржов её любил. И тогда всё закончилось.

Впрочем, с Юлькой он остался в хороших отношениях. Они были квиты: он хотел её использовать, а она в ответ сама его поимела. Поэтому в дальнейшем ему доставляло мстительное наслаждение никак не реагировать на Юлькины посылы о легкодоступности обоюдной радости — дескать, сделай хоть шагоч, и мы всё восстано-

вим!.. Но Моржов этого шажка не делал. А сейчас, похоже, придётся.

...На перекрёстке под немигающим жёлтым огнём светофора кипел радиатором хлебный фургон. Перед бампером фургона улицу переходила древняя старушка с палочкой — переходила так медленно, что водитель не выдержал, выпрыгнул из кабины и пошёл в супермаркет за сигаретами. Большие окна-витрины супермаркета на три четверти были заложены кирпичной стенкой. Не то чтобы в Чулане орудовали банды грабителей — просто магазину не хотелось тратиться на покупку огромных стёкол, если витрину раскокают.

Из-за этого супермаркета финал моржовских взаимоотношений с Юлькой и получился драматичным. В тот летний вечер они — Юлька, Моржов, Пуксин, Банан и ещё с пяток обалдуев и раздолбаек — пьянствовали во дворе банановского дома. Выпивка, как обычно, кончилась посередине настроения. Моржов, как самый сознательный и высокий, отправился в супермаркет за бутылками. Когда он вернулся, Юльки и Банана в компании уже не было.

Они явились спустя полчаса. Банан уводил Юльку в свою пустую квартиру. Искоса глянув Юльке в вырез кофточки (а он всегда всем девчонкам если мог, то заглядывал туда), Моржов обнаружил исчезновение Юлькиного лифчика. Почему-то Моржову показалось, что Юлька после Банана не надела лифчика затем, что незачем, ежели скоро опять снимать. Например, для него — для Моржова. И Моржов забрал у Банана ключи от квартиры и вскоре тоже повёл Юльку в дом.

Но сеанса не получилось. Юлька так искренне просила «не надо», что Моржов решил уточнить напрямик:

— Я не понял, я чем-то хуже Банана и Пукса?

— Не лезь в мою личную жизнь! — тотчас вспыхнула Юлька.

Значит, с Пуксом у неё — личная жизнь и с Бананом — тоже. А с ним? И вообще: лезть в постель и лезть в личную жизнь — это одно и то же или нет? Раньше Моржов думал, что одно и то же. Ну, у проституток не одно, так Юлька же и не проститутка. Они, блин, парочкой два месяца по Ковязину шастали... Или у Юльки сразу несколько параллельных личных жизней: первая — с Бананом и Пуксом, вторая — с Моржовым, третья, четвёртая, пятая — с кем-нибудь ещё?.. Эдакая *live*-сортировочная... Моржов не стал углубляться в эти размышления, извинился и отпустил Юльку.

А наутро его посетили новые соображения. Вот Юлька сказала «не надо!» — и он отступил. А у неё появилась новая линия обороны. Теперь она могла требовать от него услуг ещё и ещё, в награду раздеваясь, а потом объявляя: «Не надо!» И он будет отступать. Потому что, отступив один раз, этим он сам обозначил допустимую для себя границу, и пересечь её без разрешения Юльки будет уже насилием. А насилия Моржов не любил. изнасиловать Юльку он уже сто раз мог и без двухмесячного марафона.

Да сколько можно, ядрёный корень? Раздевая пьяную и податливую Юльку, Моржов думал, что победа близка, а вместо победы встретил новенький, отлично вооруженный дот. И тогда Моржов плюнул на Юльку, и ушёл окончательно, и взял Стеллочку так, как смог, — неумело, грубо и недобро.

...Кирпичные витрины супермаркета навевали какие-то оборонные ассоциации: линия Маннергейма, рейхсканцелярия... Для рейхсканцелярии супермаркет назывался несколько неуместно — «Нежный». (В Ковязине уже имелись «Добрый», «Любимый», «Семейный», «Дружный» и «Ласковый», а боезапас слащавости был ограничен.) У дверей магазина мужик в трико, пиджаке и бейсболке укладывал в кузов грузового мотороллера мешок

Блуда и МУДО

вермишели — видно, собирался ехать в дальнюю деревню, в какое-нибудь Нижнее-Задолгое. Над крышами, липами и трубами кочегарок висело поразительно просторное небо с двумя облаками, слегка пожелтевшими от солнца, как от старости.

...В общем, у Моржова были все поводы ненавидеть Юльку. Ладно там — «не дала»; не она первая, не она последняя. Но на неё он, мальчик, надеялся: ждал, что она научит его любви в плотском, тёплом, нежном (как супермаркет) смысле этого слова. Она сама обещала это сделать. А он к тому же ещё и заслужил. Но Юлька этого не сделала, обманула. И Моржов так никогда и не смог испытать по отношению к любой своей женщине благодарности, потому что больше никогда и не ждал от баб ничего вменяемого, человеческого и разумного. Когда он хотел девчонку, он её и добивался — пусть даже осторожно, деликатно, а всё равно с безразличием к её мнению. Хватит: с Юлькой он слушался-слушался, да ничего не получил. Говоря как в учебниках литературы, Юлька не проявила по отношению к Моржову своих душевных женских качеств. Видимо, она считала душевные женские качества тождественными физиологическим. Однако физиологию Моржову неплохо растолковали Димон Пуксин с Санькой Бананом. И всё-таки Юльку Моржов хранил на солнечной стороне памяти.

Чуланская школа стояла в глубине двора и была компактной, как посылочный ящик. Моржов знал, что Юлька заведует школьным летним лагерем. У входа в школу на скамейке сидели и пили пиво три парня. Рубашки они сняли и обмотали вокруг талий, отчего казались крутобёдрыми, словно девушки топлесс. Тела у парней были белые, руки — тонкие, а головы — бритые и мятые. Под скамейкой в пыли валялся проколотый футбольный мяч, словно четвёртая, запасная голова.

Моржов вкатил велосипед в тёмный, прохладный вестибюль — от парней подальше. Дети, что содержались в лагере, сейчас наверняка спали в спортзале. Спортзал находился слева; Моржов пошёл направо. Юлька Кони́кова в одиночестве сидела в директорском кабинете за столом и пила чай.

Моржов остановился в дверях.

— Купила мама коника, а коник без ноги, — пропел он дразнилку времён их нелепых отношений.

Юлька оглянулась и просияла. Моржов вошёл и потребовал:

— Ну-ка, встань!

Юлька послушно поднялась, лукаво шурясь на Моржова. Моржов по-хозяйски осмотрел её спереди, заглянул за спину вниз.

— Проверяю, всё ли на месте, — сообщил он тоном завхоза.

— Ну и как? — горделиво спросила Юлька, быстро упёрлась рукой в пояс и оттопырила зад.

Моржова ещё в те давние времена потрясала какая-то лаконичная пластичность Юльки — всего два движения, но в них стусуилось и вспыхнуло столько обещания, что у Моржова, как встарь, закипело в голове. Юлька засмеялась и уселась за стол.

— Нужна более детальная экспертиза, — сквозь зубы вздохнул Моржов, усаживаясь напротив.

— Что это за намёки? — тотчас клюнула Юлька.

С переменой девичьей привлекательности на бабью Юлька, пожалуй, только выиграла. Как и многие женщины едва за тридцать, она раздалась вширь, зато яблочко округлилась. По мнению Моржова, Юльку испортила лишь короткая стрижка под мальчика. Моржов считал, что такая стрижка — знак недостаточного мужского участия в жизни женщины. Или переизбыточности её мужских обязанностей. Так сказать, метросексуальность, застрявшая в колдобине неналаженного быта.

Относительно Юльки Моржова это ободрило — как свидетельство его дополнительных шансов. Моржов напрыгся, выпуская в Юльку целый рой флюидов. Контур Юльки задрожали: это начинал формироваться мерцоид.

— Никаких грязных намёков! — отпёрся Моржов, зная, что боже его упаси сказать правду: всем планам крышка. — Пошли погуляем? Пообнимаемся, поцелуемся, как дети малые.

— Я же на работе, — с достоинством возразила Юлька.

— Свинти как-нибудь, трудно, что ли?

— Чужие проблемы, конечно, решать не трудно.

Моржов догадался, что Юлька автоматически включила привычный набиватель цены. Правда, сейчас (в отличие от первого захода) Моржов уже знал, чем заплатить проще.

— Тогда давай я тебя подожду, — сразу сбил цену Моржов.

Юлька быстро сообразила, что прогул и вправду ценится невысоко. Надо торговаться не за это. И вообще, нужны варианты.

— А что мы будем делать? — спросила она.

— Чего пожелаешь. Пойдём в кабак. Или на пляж. Или на набережную пить вино. Или к тебе домой. Или залезем на Спасский собор и будем кидать в прохожих кирпичами.

Юлька размышляла. Её мерцоид набирал плоти и цвета, а Моржов чувствовал, что раскочегаривается синхронно этому процессу. Моржов понял, что Юлька выбирает главное направление, по которому продолжится торг.

— Для кабака я не одета, — сказала Юлька. — На пляж и на набережную мне нельзя — я же учительница. А дома у меня ремонт.

Моржов знал Юлькины житейские обстоятельства, и ему тотчас захотелось встрять и помочь. Денег для

Юльки ему было не жалко, а саму Юльку — жалко. В далёкой юности Моржов всегда прикидывал, как девушка станет смотреться его женой. Сейчас же ему всегда было интересно, как он сам может вклиниться женщине в её жизнь. А Юлька была не Милена, которую надо оплатить и потом убедить, что она отдаётся бесплатно. Юлька, принимая услугу, сразу принимала и красноту платежа. «Ремонт-ремонт... — подумал Моржов. — Сколько он может стоить? Если бригаду нанять — тыщ десять». Но ремонт — дело будущего... А сейчас, похоже, оставался только вариант со Спасским собором.

— Значит, никак не выходит пообщаться, да? — уточнил Моржов.

Юлька поняла, что сама себе наступает на подол.

— Н-ну, домой-то можно. — Юлька слегка отработала назад. — Если тебя не смущает извёстка там, обои...

— Чтобы не смущаться, мы зашторим окна и выключим свет.

Юлька с улыбкой закусила губу, внимательно разглядывая Моржова. Моржов видел, как Юлькин мерцонид теплеет стыдливым, пунцовым цветом. Моржов наскочил на Юльку так внезапно, что Юлька не успела выставить преграду в виде требования обязательных приседаний.

Но мерцонид Юльки, блин, молчал и даже начинал меркнуть.

— Борька, это наглость, — сказала Юлька. — Мы не виделись полгода. А ты заваливаешься и сразу тянешь меня чёрт знает куда. Ты хотя бы поинтересовался, как я живу.

— А я знаю. В Ковязине все про всех всегда всё знают. Только власти и милиция ничего никогда не знают. Муж у тебя спился, ты развелась, сын перешёл в третий класс, родители в деревне, живёшь на Индустриальной двадцать, первый этаж, горячей воды нет, газ баллонами,

Блуда и МУДО

в школе две ставки плюс классное руководство. Или ты хотела всё это рассказать сама?

— Ты противный, — обиделась Юлька.

— Да ничего я не противный, — отмахнулся Моржов. — Нам с тобой зачем прятаться друг от друга?

— Не забывай, — строго напомнила Юлька о манерах и цене, — что мы никогда не были любовниками.

— И что из этого? — разозлился Моржов.

Конечно, говорить так откровенно он не имел права... Хотя, собственно, почему?

— Что-то ты как-то круто подкатываешься... — Юлька поёжилась, словно пристраивала себя в неудобной и жёсткой одежде. — Тебе чего-то надо?

— Всем нам всегда чего-то друг от друга надо, — туманно сказал Моржов. — В девяти случаях из десяти. А в десятом случае — тоже надо, но хитрым образом. И ничего предосудительного в этом нет. Иначе мы друг другу и вовсе были бы не нужны.

— А вот просто так, ради другого человека?..

— Это тоже «надо». Только не взять, а всучить.

— Но ты-то хочешь взять... Ты хочешь переспать со мной?

Моржов понял, что разговор от соблазнения перешёл к выяснению отношений. Действительно, он взял слишком резко — и вместо приземления в постели перепрыгнул через кровать.

— Юлька, я очень давно хочу переспать с тобой. Не думаю, что это для тебя открытие.

Моржов глядел на Юльку. Юлька мерцала — в ритм дыханию. То остывала, становясь сама собой, а то румянилась желанием. Похоже, у неё давно уже не было мужчины. С Юлькиной-то любовью к койке это было тяжело. Но огонь раздувать требовалось медленно и осторожно. Хотя где его раздувать, если Юлька сидит в этом кабинете, словно приколоченная? Прямо здесь?

Если в Юльке есть хоть искра чувственности по отношению к Моржову (а Моржов был в этом уверен, потому и припёрся), Юлька должна сделать хоть шаг навстречу. Но в кабаке она не хочет, на набережную ей нельзя, дома ремонт...

Мерцоид Юльки схлопнулся, как шарик. Юлька приняла решение. Точнее, как обычно, струсила.

— Тебе от меня всегда чего-то надо, — сказала она и тотчас сообразила, что повторяется. — Ты меня используешь. Ты всегда меня использовал.

— Как же так, если ты мне ещё ни разу не отдалась? — на всякий случай справедливо напомнил Моржов.

— Ну и что. Вот так.

Похоже, это был уже вопрос веры.

— Ещё не известно, Юлька, кто кого использует, — сварливо сказал Моржов. — Да, я хотел тебя использовать, но тогда — давно — это ты меня поимела, а не я тебя. Ты самоутверждалась за мой счёт. Ладно, я простил.

Моржов врал — ни хрена он не простил. Хотя и не злился.

— Я? Самоутверждалась? — картинно изумилась Юлька.

Конечно, как она могла самоутверждаться? Зачем ей это? Она же и так была вся в белом и ростом до облаков. Факт самоутверждения Юлька никогда бы не признала, потому что он означал наличие в ней какой-то неполноценности. Ума, например.

— Да я как дура ждала, когда ты решишься! А ты смелодушничал, нахамил, а потом убежал!

— Нет, родная, — возразил Моржов. — Просто стоимость выделки превысила стоимость овчинки.

— Борька, что за торг? — обиделась Юлька.

— Да никакого торга... — отмахнулся Моржов и снова соврал: — Это я опять хамлю. Кому приятно, когда правду в глаза говорят?

Юлька вновь просияла, как при встрече. Видимо, стоимость этой победы для неё была выше, чем стоимость вечера любви.

— Вот так-то, — покровительственно сказала она Моржову.

Моржов глядел на Юльку и чувствовал, что для Юльки, как и для многих его женщин, бесплодная победа над ним почему-то всегда кажется выгоднее плодотворного поражения. Вот этот факт действительно говорил в пользу того, что не всё является торгом. Впрочем, возможно, женщины не имели представления о платёжеспособности Моржова... Но не вести же Юльку в банкомат. А Галери д'Кольж и капеллы Поццо и Бьянко никто не знает.

Моржов чувствовал, что угасает. Без перспективы вечерней любви Моржову становилось неинтересно. Нет, его хорошее отношение к Юльке сохранилось — а вот интрига отношений исчезла. К абстракционизму же Моржов был равнодушен.

— Я вообще-то заявился, чтобы поклянчить у тебя сертификаты, — блёкло сказал Моржов. Всё равно день померк.

Юлька обомлела.

— Какие сертификаты?

— Ну, на детей... Для посещения кружка. Я же сейчас в загородном лагере работаю. У меня детей не хватает. Если не сдам начальству сертификаты, меня с работы попрут. Вот я подумал у тебя их поклянчить... Ты бы мне дала, сколько сможешь, а я перед первым сентября тебе их вернул. Начальство ничего бы не узнало. Впрочем, чего я тебе это говорю? Ты же всё равно мне их не дашь — чтобы отомстить, доказать, что я тебя использую, значит — я сука.

Ещё надеясь на Юлькино хорошее отношение, Моржов провоцировал Юльку на выдачу сертификатов

в знак несогласия с грубым термином «сука». Но Юлька не спровоцировалась.

— Правильно, не дам, — с готовностью сказала она. Мерцоида уже и не мнилось.

— А как же там коллеги разные, взаимовыручка... Или ты боишься, что эта афера вскрыется?

— Не боюсь, — покачала головой Юлька, глядя Моржову в глаза. — Что я, не знаю, как у нас система работает?.. Не боюсь. Просто я не люблю, когда меня используют. — Юлька ничуть не погнушалась плагиатом. — А ты хотел переспать со мной именно для этого?

— Не только. Но и для этого тоже.

— Какой же ты хам, Борька, — удовлетворённо сказала Юлька. — Низко же ты меня ценишь... С детьми в лагере как-нибудь сам разбирайся, а если скучно — лучше подкوبي денег на девочку.

«За один только твой ремонт я могу пять девочек купить», — подумал Моржов и с чувством сказал:

— Слушай, я только хотел тебя поиметь, но не поимел. А ты меня хотела поиметь — и поимела. И тогда, и сейчас тоже. Ты ведь не даёшь мне сертификаты почему? Чтобы покарать за то, что я очень скверный. Разве это не значит — «поиметь»? Использовать меня, чтобы на моём примере мне же и продемонстрировать, насколько высоки твои идеалы. А вот я хотел тебя поиметь без идеалов, просто так: для сертификатов и для удовольствия. Юлька, я не собирался доказывать тебе, что я лучше; я говорю о том, что мы одинаковы.

— Не уговаривай меня, — отрезала Юлька. — Твои идеалы тут ни при чём. Мои тоже. Я не буду тебе помогать, потому что ты хотел меня использовать, вот и всё.

— Я плохой, — подвёл итог Моржов.

— Ты плохой, — согласилась Юлька.

— А ты хорошая.

— А я хорошая.

— Ладно, тогда я пошёл, — вздохнул Моржов.

Чичинье провалилось. Он встал, задвинул свой стул под стол и направился к дверям. Но в дверях оглянулся. Ему стало жаль Юльку. Ладно там — «не дала», сертификаты эти... Дура, чего с неё взять. У него есть и другие любовницы в школах — зря ли он жил в общаге педтехникума?.. На худой конец остаётся вариант со взяткой... Дело не в провале чичинья. Дело в том, что вот эта строптивая бабёшка чудесным июньским вечером останется одна — без ресторана, без смеха и вина, без заката над Пряжским прудом, без ласки в темноте. Моржов не чувствовал удовлетворения от того, что Юлька будет наказана за кособокость ума.

— Хочешь, я рабочих найму, чтобы тебе ремонт сделали? — спросил он от дверей. — Просто так. Без постели, без сертификатов.

Вообще-то у Юльки это был последний шанс на Моржова.

Юлька сидела за директорским столом и, глядя в зеркальце, пудрила лицо. Она имела вид боксёра, который приводит свою физиономию в порядок после победы по очкам.

Моржов сразу понял, что всё зря. Юлька отказалась от вечера, отказалась дать сертификаты — выходит, ей нужно отказываться и от его помощи в ремонте. Иначе победа будет дискредитирована. «Не давать» для Юльки стало гарантией своей правоты. И теперь она ничего и ни за что не отдала бы Моржову и сама бы не отдалась, даже если бы Моржов подарил ей Эйфелеву башню.

— Не надо, — насмешливо сказала она, подумала и лукаво добавила: — Но ещё не всё потеряно, Борька. Лучше заходи ко мне просто так, без ремонтов и сертификатов. По-человечески.

— Ты мне дважды не дала, — честно сказал Моржов. — С чего это мне заходить к тебе в третий раз?

— Ой, не дуйся, пожалуйста, — понимающе попросила Юлька.

Если она надеялась, что Моржов по-прежнему хочет её, а потому и придёт, то, получается, при третьей аудиенции ему будет нужно стоять на коленях. Тогда бы, наверное, она ему всё же отдалась — в эдакой снисходительно-мемориальной стилистике.

Но Моржов не хотел на колени. У него просто ноги не сгибались в коленях. Если он не стоял на ногах — значит, лежал ничком, пьяный или убитый. По-другому не бывало.

Когда упырей все оставляли в покое, они переносили свою жизнедеятельность на противоположный от Троельги берег Талки. Там они сновали в кустах и в траве, галдели, разводили огонь или рыли какую-то пещеру. Костёрыч и Щёкин, посоветовавшись, решили, что на своём стане упыри, наверное, тайком курят и пьют пиво. Но всё-таки свобода представляла большую воспитательную ценность, чем кара за грехи, поэтому упыриный стан разогнан не был. Щёкин изредка совершал набег через реку, и всякий раз до Троельги доносился жуткий гвалт. Розка брала у Моржова бинокль и изучала упырей на расстоянии. Подслеповатый Костёрыч почему-то всё видел и так — вероятно, сказывалась его большая педагогическая практика. Сонечка, как обычно, своего мнения про упыриный стан не имела, а Милена считала, что чем меньше упырей, тем лучше. Она и без того каждый вечер перед отбоем проводила с упырями общий сбор, на котором выяснялись итоги дня. Традицию таких сборов Милена взяла из чьих-то воспоминаний о чьём-то участии в лагере каких-то американских бойскаутов.

Днём Костёрыч и Дрисаныч водили упырей в село Сухонавозово глядеть церковь. Упыри вернулись в каком-то ожесточённом состоянии духа, сразу откочевали на

свой стан и долго, злобно жгли там автопокрышку, распустив хвост чёрного дыма от Троельги чуть ли не до Палестины.

— Всё-таки дети чрезвычайно восприимчивы, — сочувственно сказал Костёрыч, глядя за Талку на прокопчённых упырей.

После ужина Милена согнала всех воспитуемых на ежевечернее обсуждение итогов. Обсуждения проводились на берегу, у костра, в квадратно-бревенчатом круге. Милена справедливо постановила, что взрослым на этом мероприятии делать нечего. Однако Моржов из любопытства тоже присел на брёвнышко — боком и в сторонке. Милена не стала возражать. Ей, конечно, польстило внимание Моржова, которое она отнесла сугубо к себе самой. А кроме того, ей приятно было блеснуть перед Моржовым ловкостью в управлении упырями.

— Что ж, — сказала Милена упырям, — давайте посмотрим, успешным ли был наш сегодняшний день. Итак, традиционный первый вопрос: какое ваше самое сильное за сегодня впечатление?

Упыри сидели очень серьёзные, проникшиеся важностью импортной процедуры. Серёжа Васенин послушно размышлял, а Наташа Ландышева плела венки.

Моржов подумал, что в этот день на него самое сильное впечатление произвели Розка и Милена, когда они мыли головы в Талке. Они стояли по колено в воде и низко нагибались. У Милены была аккуратная, отглянцованная фитнесом попка, а попу Розки можно было сократить, хотя и так тоже было хорошо.

— Давай ты, Наташа, — предложила Милена.

— Пусть сначала эти скажут, — не отрываясь от венка, ответила Наташа, кивая на упырей.

— Тогда ты, Серёжа.

— Самое большое впечатление, — старательно начал Серёжа, — это что я узнал, что Пётр Первый запретил

всем строить из камня, пока он строит Петербург, а здесь, в Колымагино, всё равно построили церковь, и старосту за это сослали в Сибирь.

Серёжина информация явно проистекала от Костёрыча.

— Так, хорошо, — согласилась Милена. — Теперь Ничков.

— А у меня не было впечатления! — возмутился Ничков. — В церкви свадьба была!

Ничков — обидчивый лидер упырей — не любил свадеб и похорон, где, как известно, посторонний человек не может быть в центре внимания. Без чужого внимания к его персоне любое событие для Ничкова проходило впустую.

— В церковь баб в штанах не пускают, — буркнул Гершензон.

— Ты хотел сказать — женщин, — поправила Милена. — Да?

Гершензон промолчал, но презрительно скривился — мол, среди его окружения женщин нет, только бабы.

— Там у дядьки такая чашка на цепочках была, — сообщил своё буйный Чечкин, — из неё дым шёл. Он ей махал.

Чечкин, похоже, подразумевал кадило.

— А с колокольни из пулемёта стреляли, — добавил пиротехник Гонцов. (Видимо, к впечатлениям Гонцова примешалась история времён Гражданской войны, рассказанная опять же Костёрычем.)

— Все сказали, да? — недовольно спросила Наташа. — А мне, Милена Дмитриевна, больше всего понравилось платье у невесты.

Моржов отвернулся и приложил к очкам бинокль, разглядывая церковь. В свете заката пространство долины раздвинулось и стало рельефным. Казалось, что солнце, подглядывая, скосило глаза, а взгляд искоса всегда позволял увидеть новое — интригующее и запретное.

Вечер обтягивал все выпуклые объёмы тенью, как наготу купальником. Телесно-розовая церковь стояла в гуще палисадников, словно пляжница, переодевающаяся в кустах. Округлости апсид походили на оголённую женскую грудь.

— Так, — уважительно кивнула упырям Милена. — Очень хорошо. Тогда второй вопрос: что из увиденного вы можете взять? Что пригодится вам в жизни?

— Я дома сделаю банку на верёвке, чтобы дымила, как у попа! — возбуждённо закричал Чечкин. — Она как граната будет, когда пойдём играть в войнушку!

— А что-нибудь более полезное?.. — поморщилась Милена.

— Да ничо там полезного нет! — обиделся Ничков.

— В церковь бабам платок надо брать и надевать вместо юбки, — сказал Гершензон. — И на башку тоже. А то выгонят.

— А я узнал, что купола в виде шаров на ножке — это северный стиль, — поведал Серёжа. — Его к нам привезли переселенцы из города Вологда. Теперь я не буду путать такие церкви с обычными.

— А ты, Гонцов, какой сделал вывод? — Милена посмотрела на задумавшегося Гонцова.

— Если немцы опять приедут и война начнётся и если я буду командир, то я велю разведчикам сначала все колокольни подвзорвать, — сказал Гонцов. — Только потом наступать можно.

Наташа Ландышева фыркнула.

— Чо ты на него ржёшь? — тут же вскинулся Ничков. — Сама-то какой вывод сделала? Вообще, наверное, никакого!

— Я, — высокомерно пояснила Наташа, — сделала вывод, что когда я буду замуж выходить, я фату уберу назад, за спину, чтобы лицо было открытое.

Упыри дружно захохотали, хватаясь друг за друга.

— Паца, Ландышева замуж собралась! — заорали они. — За Пектусина, наверное!..

— Я вам не Пектусин! — строго возразил Серёжа Васенин.

— Зачем же смеяться? — урезонивала упырей Милена. — Все вы, когда вырастите, обязательно женитесь...

— Не женимся! — возмутились упыри.

— Вы за всех не говорите! — мрачно отрезал Гершензон. — Вы-то сама вот чего не женитесь? Женитесь вон на Брилыче. Он же вчера вас через речку на руках перетаскивал!

Брилыч значит «Борис Данилыч» (в переводе с упырского языка). Милена покраснела, избегая моржовского взгляда.

— Во-первых, женщины выходят замуж, а женятся — мужчины, — деликатно сказала она. — А во-вторых, сейчас речь не по меня.

Моржов ухмыльнулся — образ Милены в его глазах напряжённо задрожал, пытаясь предотвратить превращение в мерцоида. Моржов давно заметил, что мало какая женщина может устоять при намёке на свадьбу, фату, венчание... Но сам Моржов, соблазняя девок, никогда не пользовался враньём о женитьбе. Не из-за какой-то там честности, а потому что в браке для него не было ничего эротичного. Моржов знал единственный момент эротики в супружестве — когда невеста стояла у алтаря. Но и здесь притягательность девушки для Моржова заключалась лишь в ожесточении соперничества. Причём во все не с женихом.

И не с богом. В бога Моржов не верил. Бога нет, он давно уже лопнул со смеху. В браке Моржову соперником была сама церковь. Это она придумала брак — способ отучения от вкуса победы. Это она сама хотела венчания с Моржовым — с виртуальным соитием в форме молитвы и с оргазмом в форме благодати. Её гонение на

Блуда и МУДО

блуд было для Моржова гневом на супружескую измену, а вовсе не охранением общества, построенного из браков, как из кирпичей. А самым страстным супружеством было монашество. Поэтому брак для Моржова был концом любого интереса, и Моржов отвернулся от Милены, не мешая ей разбираться с упырями.

— Зачем вы обижаете Серёжу? — сменила тему Милена.

— Да потому что он за Ландышевой бегаёт! — завопили упыри.

— Ну и что? — сказала Милена. — Наташа очень хорошая девочка.

— Уж получше вас, дураков, всех вместе взятых, — подтвердила слова Милены и сама Наташа.

— С бабами только бабы дружат, понял, Пектусин? — крикнул Гершензон. — Тем более с этой Дюймовочкой!

— Тихо-тихо!.. — Милена замахала руками. — Успокойтесь!.. Если уж у нас начался такой разговор, давайте ответим на третий вопрос: что каждому из вас не понравилось в себе и в товарище? Что мешает вам стать успешными людьми?

Гершензон подумал и заговорил первым:

— Мне не нравится, что Пектусин, как баба, за ручку ходит.

— А какая тебе разница? — смущённо удивился Серёжа Васенин.

— Ходи с Костёрычем! — завопил Ничков, нашедший новый повод оскорбиться. — Он твой руководитель! А Дрисаныч — наш!

— Он вам папочка, что ли? — презрительно спросила Наташа.

— А ты вообще молчи, Дерьмовочка! — продолжал бушевать Ничков. — Только тебя всегда и слушают!

— А ты говори чего-нибудь умное, тогда и тебя слушать будут, — спокойно парировала Наташа, не отрываясь от венка.

— Мильмитревна, чо она везде лезет! — подпел Ничкову Чечкин.

— Она ваше заколебала! — неистовствовал Ничков.

— Она всегда самое хорошее себе загребает! — крикнул Гонцов. — Вчера конфеты давали — нам с паца мятые, а Дерьмовочке целые!

— Она на кухне не дежурит!..

— Почему Ландышевой можно после отбоя с вами сидеть, а нам у костра с Дрисанычем нельзя? — здраво спросил Гершензон.

«Потому что Милена на веранде чай пьёт, а Дрисаныч у костра пиво хлещет, — подумал Моржов. — Вот и нельзя с ним сидеть».

— Она же девочка! — неубедительно пояснила Милена.

— Ну и что! — гневно ответил Гершензон. — Просто потому, что она всегда с вами, а мы с паца самостоятельные, вот нам и нельзя!

Упыри дружно поддержали Гершензона.

— Тихо, тихо!.. — беспомощно успокаивала упырей Милена, тревожась за целостность своей технологии. — Мы ведь должны не просто так оскорблять друг друга, а должны выяснять, что в нас мешает нам быть успешными!.. Вы забываете цель разговора!

«Почему это упыри забывают цель? — не согласился с Миленой Моржов. — Всё в теме. Ведь что такое быть успешным? Если попросту — то получать сверхприбыль. А сверхприбыль возможна лишь в реалиях общепринятых ценностей. Так что кому получать мятые конфеты, а кому держать Дрисаныча за руку — это вполне борьба за свою успешность в её нынешнем понимании упырей».

— Она вообще от паца крысит! — объявил про Наташу Ничков.

— Дерьмовочка от учителей закрысит, а потом Пектусину отдаёт! За то, что он ей сумку носит! — поддержал Ничкова Чечкин.

Блуда и МУДО

Наташа повертела в руках венки, словно раздумывая, не шлёпнуть ли им Ничкова и Чечкина по рожам, но решила поберечь свой труд, а ответить словами и персонально:

— Ты молчи, тормоз. И ты молчи, макака.

— Ты кого так назвала?.. — подлетели Ничков и Чечкин.

— Тихо же!.. Успокойтесь! — беспомощно взывала Милена. Её педтехнология сыпалась и сыпалась.

Наташа требовательно взглянула на Серёжу Васенина.

— Вы к ней не лезьте, поняли? — хоть и срывающимся голосом, но решительно заявил Серёжа.

— Она крыса, а ты стукач, — злобно ответил Гершензон.

— Он стукач! Стукач! — заверещал глупый пиротехник Гонцов.

— Когда это я стучал? — оторопел Серёжа.

— Ты дрова пиздить с паца не ходил! — сурово обвинил Ничков.

— Мальчики, что за слова!.. — слабо ахнула Милена.

— Так ведь не настучал же я на вас! — крикнул Ничкову Серёжа.

— Ты Дрисанычу сказал, что мы хотим на колокольню залезть!

— Дмитрий Александрович и так знал! Чечкин сам об этом на всю деревню орал!..

— Ты Перчатке мой тайник с бомбой выдал! — крикнул Гонцов.

Моржов вспомнил историю с обнаружением упыриного схрона. Перчатка — это Розка. Видимо, упырей потрясло, что Розка моет посуду в перчатках, вот и придумали кличку.

— Я не выдавал тайник! — отчаянно защищался Серёжа. — Я не стучал! Вы вообще не говорили мне, где бомбу спрятали!

— А кто тебе, стукачу, скажет? — гордо хмыкнул Ничков.

— Это не он, — неохотно признал невиновность Серёжи Гершензон. — Это Чечен, дурак, сам в тайнике рылся. Перчатка мимо проходила и засекала.

— Ты кого назвал Чеченом?.. — заорал Чечкин.

— Из-за тебя у нас бомбу отобрали! — заорал в ответ Гершензон.

— Сам ты Гербалайф!.. Героин! Гербицид гершастый!

— Я тебе, Чечен, говорил, не ложи туда! Подальше положишь — другие возьмут!

— Гербарий из потных носков! — надрывался Чечкин.

Гершензон вскочил и кинулся на Чечкина. Они схватились и повалились в траву за брёвна. Милена в ужасе взвизгнула и прижала пальцы к скулам, словно хотела удержать спадающую маску. Ничков взревновал, что драка началась без его санкции, и тоже нырнул за бревно. Серёжа Васенин запоздало вцепился в спину Гонцова, который вслед за всеми наострился в битву.

— Туда нельзя!.. — глупо закричал Серёжа.

— наших бьют!.. — вырываясь, орал Гонцов.

Наташа Ландышева с видом триумфатора хладнокровно примеривала на голову венки.

Моржов встал, перешагнул брёвна и за шивороты как щенят раскидал упырей в разные стороны.

— Всем!.. Всем в корпус!.. — задыхаясь, крикнула Милена. — Всем отбой!.. Спать!.. Хулиганы!..

Упыри отряхивались и поправляли одежду.

— Я тебя, герпес недолеченный, ночью замочу, — тихо пообещал Гершензону Чечкин.

— Идите-идите, — в спину подтолкнул Чечкина и Ничкова Моржов. Ему хотелось остаться с Миленой наедине. — Спать пора, успешные пацаны.

Упыри не спорили и, как обычно, не уламывали старших, чтобы им разрешили посидеть ещё. Понятно было,

Блуда и МУДО

что номер не пройдёт. Упыри повернулись и поплелись к корпусу.

— ...И чтобы все спали! — вслед упырям в сердцах приказала Милена. — И как вас таких только в храм-то пустили!..

Гершензон немного задержался, чтобы никто его не услышал, и угрюмо спросил у Моржова:

— Борис Данилыч, а кто это — гиена огненная?

Костёрыч и Щёкин повели детей куда-то на весь день в лес, и Розка безапелляционно отменила обед. Мотив был обычный: наведение талии. Но Моржов в талии не нуждался и потому решил снова ехать чичить сертификаты, а в Ковязине и перекусить.

В Чулане Моржов притормозил у столовки. Столовка работала с десяти до шести, перерыв на обед с часу до двух, но сейчас была закрыта. На дверях болталось рукописное объявление. Моржов думал, что это — извинение за облом, но прочёл нечто другое, необычное: «Кто коли собаку потерял спрашивайте в пельменной».

От угла столовки была видна школа, где работала Юлька Коникина. Мысли Моржова волей-неволей переключились на Юльку. По улице Красных Конников Моржов скатился с Чуланской горы, протрясся по ребристому мосту через водослив Пряжского пруда и натужно потащился вверх по бульвару Конармии. За чугунной оградой приветственно махнули ветвями липы забиякинского парка, под которыми на отшибе краснела крыша МУДО. Моржов добрался до Крестопоклонной площади, остановился у Черепа, оглядываясь, и выбрал шатёр кафешки попримичнее. Юноша-таджик с его вековым «н-н-т сахар...» Моржова не устраивал.

Если не задалась любовь, надо было хотя бы пожрать. Моржов прислонил велосипед к торцу стола. Девушка-официантка принесла книжицу меню. У девушки на торч-

ком стоящей грудке болтался бэйджик с надписью «Оленька». Пока Моржов выбирал, Оленька, утомлённо щурясь, глядела куда-то в просторы за Талкой, словно мечтала о воле, о девичьем счастье, о свободе от идиотов. Весь вид Оленьки говорил о том, что Моржов как половой партнёр для неё меньше нуля и, если бы не работа, она бы и не взглянула на такого уродя. Когда Моржов определился с выбором, Оленька захлопнула меню так, будто Моржов туда наблевал, и ушла. Через десять минут она принесла заказ, заменив оливье на крабовый салат, а кофе-американо на капуччино. Моржов покорно смолчал.

Запас времени у Моржова оставался ещё изрядный, а вот ехать и искать какую-нибудь другую подружку-учительку, чтобы чичить сертификаты, Моржову не хотелось. Он как-то чересчур укоренился в теме Юльки, и всё остальное сейчас звучало диссонансом. Значит, догадался Моржов, экстраполяция выводит его на Стеллу. Получалось, что судьба упорно запараллеливала Стеллу и Юльку. Ну и ладно, кашу маслом не испортишь.

Стеллу Моржов не видел года два, да и в последний раз видел только мельком. Стелла была женой богача, жила в особняке на Пикете, ни хрена не делала, а для самоутверждения вела в элитной гимназии города Ковязина уроки ритмики и бального танца. Балов в Ковязине не наблюдалось уже лет девяносто, но бальный танец считался не переменным атрибутом бытия состоятельных людей. Похоже, что первыми имиджмейкерами в Ковязине были пожилые учительницы литературы. Хорошо, что не молодые, иначе доверчивые богачи устраивали бы дуэли где-нибудь на пустыре за шоссе Жиркомбината, как Печорин с Онегиным. Моржов решил, что он имеет шанс начичить у Стеллы сертификаты.

Пожилые учительницы литературы говорили про Стеллу Рашевскую, что она — девушка «с духовным содержанием». То есть Стелла где-то чего-то прочла —

в отличие от остальных девушек Ковязина, которые прощались с книгой тогда, когда мамы переставали им читать вслух. А Моржов к тому же считал Стеллу ещё и самой красивой старшеклассницей города.

Моржов и Стелла быстро зацепились друг за друга. Для Моржова отношения с девушкой были в новинку, да и сам он был молод, а потому и не разобрался, что почём. «Духовное содержание» Стеллы оказалось набором руководящих цитат, преимущественно из «Мастера и Маргариты». Основным принципом Стеллы было «сами придут и сами всё дадут». Внешние данные Стеллы позволяли ей не задаваться вопросами «когда?» и «с каких это хренов?». А Моржова вполне устраивало бездельничать на пару со Стеллой, особенно если считать, что принцип «придут и дадут» оправдывал безделье высокими соображениями и уверял в скорых переменах к лучшему.

Стелла быстро дозрела до награждения Моржова своей девственностью, но не предпринимала никаких шагов, потому что в данном случае Моржов должен был сам приходить и сам всё давать. Юлькины уроки оказались фикцией, и Моржову пришлось приступать к делу с одними лишь теоретическими познаниями. Всё получилось не очень ладно и грубовато — но всё же получилось. Уже тогда Моржов мог бы насторожиться. Стелла, как наследница шляхтичей, требовала только рыцарского обхождения, а тут вдруг без всякого душевного напряжения подвергла себя столь унижительным и болезненным процедурам (других Моржов организовать тогда ещё не мог). Обозначилась неувязочка. Но Моржов не придал ей значения, всё оправдав любовью.

...Моржов чуть-чуть проехался по улице Рокоссовского и свернул на улицу Обувную. Там раньше стояла сапожная фабрика, которая в перестройку разорилась, а её красивое дореволюционное здание приспособили под гимназию. Внезапно, уже в виду гимназии, с тихим

урчанием на Моржова сзади накатила тёмная иномарка и прижала его к обочине. Моржов выскочил на тротуар и вдавил тормоза. Иномарка тоже остановилась.

— Куда, блядь, прёшь, сука! — заорал Моржов и пнул иномарку в крыло.

Передняя дверка машины открылась. Моржов решил, что сейчас вылезет бритоголовый хозяин, собирающийся расставлять приоритеты. Моржов быстро спрыгнул с седла и приготовился толкнуть велосипед хозяину в промежность, а потом дать в челюсть и смываться. Велосипеда было, конечно, жалко, но велик и без того был краденный Лёнчиком, так что Моржов обладал им не очень уверенно и мог пожертвовать.

Из машины высунулась длинная женская нога, потом вторая, а потом вся целиком вылезла Стелла и замерла, облокотившись на крышу — как в рекламе. Стелла была в тёмных очках. Она снисходительно улыбалась.

— А я знала, что мы ещё встретимся, — сказала Стелла.

В её словах звучало какое-то драматическое торжество рока, будто город Ковязин насквозь продували ураганы истории, и свести здесь вместе Стеллу и Моржова могла только античная предопределённость.

— Здорово, — хмуро сказал Моржов, потихоньку отходя от гнева. — Ты меня чуть не переехала.

Стелла сменила оттенок улыбки на загадочный.

— А я к тебе и катил, между прочим, — добавил Моржов. — Причём по делу.

Стеллу, видимо, не удовлетворил подчёркнуто бытовой контекст, и она сняла очки, словно они мешали сеансу внушения.

— Наслышана о твоих художественных успехах, — нейтрально и испытующе произнесла Стелла.

— Я всегда говорил, что в Ковязине ты одна такая.

Улыбка Стеллы перешла в удовлетворённо-покровительственную.

— Важное дело? — спросила Стелла.

— Кому важное, а кому и нет.

— Не хочу в школе разговаривать, — заявила Стелла. — Пусть лучше ты будешь моим гостем. Езжай за мной.

Не дожидаясь ответа Моржова, Стелла забралась в машину и закрыла дверцу. Машина тронулась вперёд и с шорохом изящно развернулась на пустой улице. Этот шорох звучал так, будто рвалось полотнище судьбы. Стелла мигнула Моржову фарами. Моржов хмыкнул, пожал плечами и вновь оседлал велосипед. Стелла неторопливо поехала обратно, а Моржов покатиł следом.

Стелла вдруг дала газу, втопив по улицам Ковязина, и Моржову тоже пришлось поднажать. Он мчался за машиной Стеллы, как привязной аэростат за бронепоездом. Улицы города вмиг слились в киноленту, рассыпались пазлами на хаос фрагментов, превратились в набор конструктора — окошки, фронтоны, балконы, столбы... Чем-то всё это напомнило Моржову листопад той осени, когда бушевала его любовь со Стеллой.

После выпускного Моржов собирался ехать поступать в областной центр на худграф. Стелла этого не одобрила. Моржов умеет рисовать? Умеет. Значит, незачем прогибаться перед преподавателями, а надо просто ждать, пока слава и деньги сами приедут к Моржову прямо в город Ковязин на тройке с бубенцами. Моржову, конечно, больше хотелось трахаться, чем сдавать экзамены, потому он и остался в Ковязине. Остался — и всё лето трахался со Стеллой по разным укромным окрестностям. Армия Моржову не грозила по причине его слепозарости.

Осенью родители устроили Стеллу в педтехникум, а окрестные укромности сделались непригодны для любви. Опять же, и пища не проникала Моржову в рот сама и бесплатно. Моржов устроился работать сторожем в детский садик. Чтобы Стелла не презирала его за то,

что он прогнулся перед обстоятельствами, он объяснял свою работу тем, что теперь можно было трахаться в садике. А на самом деле уже тогда начала проявляться тема источника существования.

Впрочем, всё оставалось безмятежным. Моржов и Стелла днями напролёт гуляли по осенним улицам и вполголоса смеялись, изобретательно издеваясь над прохожими и домами. Это объединяло их ощущением собственной исключительности в туповатом быте города Ковязина. Сейчас Моржов почему-то вспоминал о тех издёвках с чувством неловкости. Под осенними дождями и люди, и город имели право выглядеть облезлыми, но по причине этой правоты вспоминались, в общем, даже красивыми.

Стелла рассказывала Моржову, как она учится в педтехникуме. Она демонстративно пренебрегала всяческой дисциплиной и вместе с Моржовым с удовольствием наблюдала, как несчастные преподаватели разрываются между желанием покарать прогульщицу и не обидеть хороших людей Рашевских. Самыми смещными были фантазии на тему, как Стелла, окончив техникум, работает учителькой в школе для дебилов. А ночами в пустом садике голая Стелла лежала под Моржовым, и Моржов уже воспринимал это как должное.

Моржов вспоминал голую Стеллу и крутил педали, словно сублимируя этими движениями чем-то похожие движения любви. На пустых участках дороги Стелла сбрасывала скорость, позволяя Моржову нагнать себя, а при виде возможных конкурентов принималась нагличать — подрезать, сигналить, взвизгивать тормозами. Моржова это начинало раздражать, потому что пешеходы оглядывались-то на выкрутасы Стеллы, но пялились на него. Своим лихачеством Стелла словно бы на что-то намекала Моржову, а Моржов в досаде сделался невменяем к её невербальным посылам.

Он и без досады не всегда воспринимал невербальные посылы. В общем-то, потому он в те месяцы и не учуял в поведении Стеллы подвоха. А подвох коренился в разительном несоответствии поведения Стеллы с поведением актрис в порнухе, которую по вечерам крутили в кинотеатре. Только спустя много времени, девок и денег Моржов сделал для себя вывод, что лишь в постели девчонка — подлинник, а в любых прочих ситуациях — такая, какой желает выглядеть. Хотя потом подружки неоднократно уверяли Моржова, что могут изобразить в постели всё что угодно — от дикой страсти до дефлорации, — Моржов подружкам не верил. Такие слова он считал обычной ревностью провалившихся абитуриентов к тем, кто всё же прошёл по конкурсу в ГИТИС. В соприкосновении с подлинником для Моржова и таилась неотразимая прелесть секса, когда девчонка остаётся не просто без одежды, но и без понтов.

А Стелла без понтов была тихая и смиренная, словно узбекский ковер. Не расслабленно-покорная, что как-то само по себе будоражит воображение возможностями, а именно тихая и смиренная, будто бы она переживала атаку Моржова, как его посещение туалета. Короче говоря, Стелле было пофиг. Она лежала неподвижно и терпеливо принимала то, что ей пришли и дали. Даже кончала она как-то по-маленькому, будто мышка пописала. Куда пропадала язвительная красавица и такая надменная, такая решительная умница?..

Этот штиль Моржов мог бы, конечно, объяснить своей неспособностью раскочегарить Стеллу до урагана. Но ему не в чем было упрекнуть себя даже в сравнении с жеребцами из порнухи. И Моржов свалил всё на Стеллу, на особенности её органолептики. Зря. Просто тогда, когда Моржов неистовствовал, Стелла думала. И Моржов сделал из этой ситуации только один — возможно, неправильный — вывод: не надо обращать внимания на отдачу.

Моржов и сейчас решил больше не гнаться за Стеллой. Перекатив через мост, он сбросил скорость. Стелла дунула вперёд и исчезла в туче пыли. Моржов в одиночестве поехал мимо Заречного кладбища и Успенской церкви, построенной выходцами с Вологодчины. Столь же исторически бесчисленными были и ссыльные поляки, из чьих потомков и происходили родители Стеллы. Они были люди интеллигентные и до сих пор преподавали в педтехникуме. Вблизи Успенская церковь казалась громоздкой и выпирала из деревьев обшарпанным углом, словно старый чемодан из платяного шкафа. За кладбищем встала краснокирпичная стена элитного посёлка горы Пикет.

Стелла ждала Моржова за воротами ограды. Опустив стекло, она о чём-то разговаривала с охранником. Свирипой рожей и камуфляжем охранник больше напоминал диверсанта, которому надо не сберечь посёлок, а взорвать его. При виде запылённого Моржова на велике охранник сразу развернулся и ушёл в свою будку. Было похоже, что, демонстрируя почтение к Стелле, он из деликатности не желал присутствовать при каком-то её интимном и не очень приличном отправлении.

— Догоняй! — весело крикнула Стелла Моржову и опять рванула.

Наверное, он слишком быстро состарился, потому что ему ужасно надоедало, когда люди вместо того, чтобы делать дело, начинают через это дело самовыражаться. Трудно уже было жить, когда самовыражались официантки, принося заказ, когда самовыражались охранники, открывая ворота, когда самовыражались водители, пролетая сквозь перекрёстки. Что же такое столь жестоко угнетало их в повседневной жизни, вынуждая компенсироваться на других и на исполняемой работе?.. А Моржова ничего не угнетало. И ему хотелось жить как-то попроще. Но, вращая педали, Моржов уже догадывался, что со Стеллой попроще не получится.

Моржов катил по улочке Пикета. Здесь он был впервые, а потому его удивляло буквально всё. А точнее, всё удивляло именно потому, что здесь всё было так же, как и везде. Впечатление «маленькой Европы» оказалось обманчивым. «Европа» чудилась лишь издалека — с Семиколоколенной горы, которая громоздилась за острыми крышами коттеджей. Там, на Семиколоколенной, сгрудились постройки, словно хотели с вершины разглядеть Пикет. А разглядывать-то было и нечего.

Многие особняки стояли недостроенными. Или были достроены, но почему-то оставались нежилыми, с тёмными и грязными окнами в белых рамах. Чистенькими и красивенькими особняки выглядели просто потому, что были новыми. Вблизи даже их архитектура не производила впечатления дворцовости: так, нелепые и причудливые объёмы — или фигурные бастионы, или же тяжёлые кровли на стеклянных плоскостях и тонких подпорках, не столько воздушные на вид, сколько хрупкие и ломкие.

И улицы Пикета оказались без асфальта, и трава под заборами набирала силу, чтобы вскоре превратиться в обычный бурьян. В кюветах привычно сверкали мятые пивные банки; в чертополохе, как субмарина, мелькнула бесхозная труба; разве что ржавая бочка не валялась где попало вольготно и барственно, а была культурно приставлена к кирпичному столбику оградки. На перекрёстке обнаружилась глубокая яма. Вокруг неё хороводом стояли пятеро небритых рабочих в оранжевых жилетах и смотрели куда-то вглубь. В яме что-то делал и гневно орал бригадир. Из каких-то попутных ворот на Моржова бесцеремонно поперло огромное и грязное гузно бетономешалки.

Стелла завернула во двор. Моржов тоже завернул и поспешно вильнул в сторону, чтобы не врезаться Стелле в бампер. Стелла вышла из машины, сощурившись, огляделась и, махнув Моржову рукой, пошагала к стеклян-

ному крылечку двухэтажных хором с кристалловидной башенкой. Моржов, подумав, положил велосипед на землю и пошёл за Стеллой, озираясь. Двор был захламлен упаковками кирпича и какими-то огромными рулонами, укрытыми полиэтиленом. Поодаль зиял недостроенный гараж — словно пустая скорлупа. Рядом с гаражом пожилой темнолицый азиат вяло разбрасывал лопатой кучу гравия. За работой азиата наблюдал высокий мужчина в костюме. Моржов и со спины узнал Сочникова.

В жизни Моржова и Стеллы Сочников появился как-то незаметно. Он уже тогда (по тогдашним, разумеется, меркам) был богат — имел подвал «Секонд-хенд» с аншлагом «Эксклюзивные поставки из Европы!». Сочников ездил на иномарке — немного побитой кем-то ещё до него, но теперь его собственной. Он безуспешно ухаживал за Стеллой, дарил ей цветы и звал в ресторан, дежурил у педтехникума, чтобы подвезти домой. Стелла рассказывала об этом Моржову легко, и оба они покатывались над нелепым Сочниковым. Сочников не казался чем-то серьёзным, тем более с его перекошенной походкой, будто он плечом вперёд протискивается в битком набитом автобусе. Но Сочников таки протиснулся.

Он сделал Стелле предложение, и Стелла его играючи приняла. Моржову и Стелле это казалось необыкновенно смешно — великолепная Стелла станет женой перекошенного Сочникова!.. Умора! Лёжа под Моржовым с руками, закинутыми за голову, Стелла мечтательно рассказывала Моржову, как они будут любовниками при богатом муже и как она будет бешено изменять мужу с Моржовым в залитых дождями подворотнях. Тогда Моржов учуял реминисценции из Булгакова, но роль Мастера при Маргарите весьма тешила его самолюбие. К тому же где-то вдали по-прежнему маячил Воланд, мчавшийся явиться и всё дать.

Блуда и МУДО

В общем, Стелла вышла замуж за Сочникова.

Гостиная в доме Стеллы была просторная и современная, но какая-то вся напоказ, излишне правильная, как в мебельном салоне.

— Там у меня гимнастический зал, — кивая через плечо, сказала Стелла, доставая из бара бутылку вина. — А там — моя половина. Наверху — половина мужа.

— Звучит как рассказ о расчленёнке, — заметил Моржов.

— Садись на диван, — приказала Стелла и ногой подтолкнула к диванчику столик на колёсиках.

Моржов уселся в угол низенького дивана и погрузился в диван, как в мыльную пену. Ассоциация с ванной сразу наводила на мысли о наготы и сексе. Стелла разлила вино по фужерам, протянула один фужер Моржову и села на пол на ковёр, привалившись к дивану боком. Лёжа в диване с задранными коленями и с фужером в ладони, Моржов почувствовал себя как в гинекологическом кресле со всеми удобствами. Похоже, Стелла решила его препарировать. Моржов отпил вина, подождал, пока в пищеводе потеплеет, и между своих коленей посмотрел на Стеллу. В таком обрамлении Стелла начала раскаляться и таять. Вместо неё на полу у ног Моржова уже сидела алая пантера.

— И какое же у тебя ко мне дело? — Стелла провела первый надрез, словно пантера попробовала коготь на остроту.

— Мне нужны сертификаты на школьников, — сказал Моржов, ощущая, насколько его проблемы смешны и неуместны здесь, на миллионерском Пикете. — Ты можешь дать их мне? Перед сентябрём я отдам.

— Могу, — согласилась пантера, по-кошачьи выпускающая мышку из когтей, чтобы поиграть. — А тебе зачем?

Моржов вкратце объяснил.

— Врёшь, — сладострастно признала Стелла.

— Вру, — согласился Моржов.

Стелла ещё плеснула себе вина и мечтательно поглядела в окно на синее небо.

— Сейчас я буду догадываться, — предупредила она. — Там, в загородном лагере, ты наметил себе в жертву женщину. Лагерь грозят закрыть. Тебе нужно добыть сертификаты, чтобы лагерь не закрывали и ты продолжил охоту. Так?

— Я ни в чём не сознавался, — отпёрся Моржов.

Стелла засмеялась, глядя на Моржова с интересом и даже с аппетитом. Моржов впервые увидел, как на мерцоиде горит и плавится одежда — словно бы Стелла пылала в невидимом огне.

— Ты ведь теперь с деньгами, — продолжила Стелла. — Но покупать тебе скучно. Невкусно. Хочется понастоящему, да? Нужны гладиаторы, верно?

Гладиаторы — это было как-то уж чересчур цинично и откровенно. Как в порнухе. «Дешёвое порно», — подумал Моржов.

— Неверно, — сказал Моржов. — Нужны сертификаты. Мёртвые души. Не путай романтизм с критическим реализмом.

Эти два направления в жизни Моржова впервые столкнулись наутро после свадьбы Стеллы. В свадебную ночь Стелла, Моржов и Сочников втроём напились в детском садике Моржова, тем самым оставив молодожёна без сладкого. С началом нового дня супруги Сочниковы сели в поезд и уехали в Москву и далее на Кипр, а Моржов уснул под детскими кроватками и далее за дебош был выперт с работы. И тогда он начал прозревать.

Получалось, что он со Стеллой вместе играл в эту игру, но когда наступил момент выбора, Стелла, чтобы определиться, решила поделить фишки. И поделила их очень по-женски: белые — себе, чёрные — Моржову. Она, значит, жена богатого человека, с квартирой, с образова-

нием, с перспективой какой-никакой работы и с романтическим возлюбленным — нищим художником (хорошо бы, чтоб непризнанным гением). И всё это — не прогибаясь, без усилий: сами пришли и сами всё дали. Она ведь так и говорила, какие претензии?.. А Моржов остался без работы, без образования, без перспектив и без любимой девушки. К нему почему-то никто не пришёл и никто ничего не дал. Точнее, к нему всё-таки пришли, но дали по жопе. Как-то всё оказалось не совсем поровну..

В то время Моржов был ещё настолько наивен, что дождался возвращения Стеллы с Кипра и попробовал выяснить отношения. Но кипрский комфорт произвёл на Стеллу более сильное впечатление, чем секс с Моржовым на детской кровати. Встреча кончилась драматически. Каким-то образом наличием на земном шаре Кипра Моржов исхитрился жестоко оскорбить Стеллу. Стелла говорила, что Моржов ради неё и пальцем о палец не ударил, что он эгоист, он сам решил от неё избавиться и слова не сказал против её брака с Сочниковым. В общем, он предал её. Но она его прощает. Она будет любить его вечно, хотя рана, нанесённая отравленным кинжалом Моржова, в её душе никогда не перестанет кровоточить. Эту рану ничем не залечить — следовательно, и лечить не надо. Стелла предпочла остаться с Кипром и кровоточащей раной. Этих сокровищ ей было достаточно, и Моржов потерял для неё плотский облик, то есть стал привидением. Вот так всё и кончилось.

Стелла мягко поднялась с ковра и скользнула в диван рядом с Моржовым. Усевшись боком, она протянула руку и начала задумчиво и ласково перебирать волосы Моржова.

— А ты, Борька, мало изменился, — сказала она.

— Ну, и ты тоже, — буркнул Моржов, не зная, что сделать.

От Стеллы прямо обдавало жаром. Если бы Моржов тоже протянул руку и оголил Стелле грудь, Стелла бы и не шелохнулась. Впрочем, пламя, одевающее мерцоида, и так сползло с плеча, обнажая медное тело, — как у инопланетянок-роботов с китчевых обложек фантастики.

В ответ на слова Моржова Стелла только усмехнулась — понимающе и умудрённо. Дескать, тебе, юнцу, всё равно не понять тех бурь, сквозь которые я прошла.

— Ты что, до сих пор считаешь, что все люди созданы для тебя, а ты создан только для свободы? — спросила Стелла.

— А что, я так считал? — глупо спросил Моржов.

— Знаешь, я долго пыталась понять, на кого ты похож. И поняла. На Ясона, — сказала Стелла с таким видом, будто Моржов, разоблачённый, должен тотчас выхватить кинжал (тот самый, отравленный) и заколоться.

Похоже, что Стеллу, как и Юльку, тоже тянуло поставить над «i» вторую точку. История расставания Моржова и Стеллы, конечно, была обычной, не раз описанной в мировой литературе, хотя опознать цитату Моржов тогда не смог — хрен угадаешь, что Стелла читала на кипрском пляже? Но значимость этой истории Моржов оценил лишь в контексте своей жизни. Стелла и Юлька оказались запараллелены не только хронологией его юности.

Обе любовные истории были отыграны по одному алгоритму... Сначала Моржова провоцировали — Юлька на домогательства, а Стелла на жизненную позицию. Потом настаивал момент истины, когда нужно было принимать решение: Юльке — отдаваться Моржову, а Стелле — отказывать Сочникову. Выбор в пользу Моржова никаких дивидендов, кроме самого Моржова, не приносил, но Моржов был сомнительным дивидендом. Отказ от Моржова приносил пользу: Юльке — чувство собственного достоинства, Стелле (кроме Кипра и квартиры) — чувство собственной незаурядности от верно подобранной цитаты.

Но кидать Моржова было как-то неловко. Однако если посчитать, что Моржова никто не провоцировал, а он сам в силу своего паскудства домогался до Юльки и ничего не сделал для Стеллы, то Моржов получался подонком, кинуть которого не жалко. Более того, не только не жалко, а даже нужно — для самоуважения. И Юлька со Стеллой Моржова кинули, сохранив чувство своей правоты и справедливости. Правда, перемена, ради которой они кидали Моржова, по мнению того же Моржова, превращалась просто-напросто в ТТУ. Иначе с чего это было появляться мерцоидам?

— На Ясона я похож? — не поверил Моржов. — А я думал — на Чичикова. И вообще, при чём здесь эти древнегреческие ассоциации?.. Кстати, для Медеи, зарезавшей своих детишек, ты живёшь слишком комфортно.

Стелла засмеялась и укоризненно потрясла голову Моржова за волосы так, что Моржов едва успел подхватить очки.

— А я ведь именно такого и люблю тебя, — легко призналась Стелла. — Бродягу, художника, поэта...

Моржову стало неловко в собственной шкуре.

— Я сразу понимала, что в жизни ты своего добьёшься. — Стелла словно бы после игры в прятки признавалась, что изначально видела, где спрятался Моржов, но изображала, что не видит, лишь бы игра оставалась увлекательной. — Но боги мои, как же тяжело с тобой было!.. О том, каково мне, ты думать не хотел.

— Зато сейчас и не надо, — сказал Моржов, с трудом собирая мысли, чтобы сориентироваться в ситуации.

— Не надо, — тепло и многообещающе подтвердил мерцонид, шевельнув перламутровыми губами.

По гостиной вдруг пронеслись световые блики — это открылась стеклянная дверь холла, метнув солнечные отражения. В гостиную вошёл Сочников и удивлённо уставился на Моржова, подслеповато щурясь.

Моржов и Стелла не шевельнулись, однако Моржов почуял, как Стелла из огненной вмиг сделалась просто медной — будто в печке закрыли заслонку. Но пламя не погасло.

— Э-э... Денис? — узнал Моржова Сочников и сутуло пошёл к Моржову, протягивая руку для рукопожатия. — Сколько лет, сколько зим!..

— Борис! — поправила Стелла, поджав губы.

Моржов приподнялся и пожал Сочникову руку.

— Да-да, конечно, Борис, — виновато пробормотал Сочников и отвернулся к бару, выискивая третий фужер.

Сочников был всё таким же худым и перекошенным. Но сейчас Моржов отметил, что Сочников, оказывается, весьма симпатичный и представительный мужчина. Моржов понял это потому, что, оказывается, он сравнялся с Сочниковым. Раньше он был пацан, а Сочников — дядька. Теперь оба они были мужиками.

Сочников нашёл фужер и налил себе вина.

— На жаре лучше бы белого... — пробормотал он.

— Дай мне посидеть со старым другом! — недовольно сказала Стелла. — У тебя дел, что ли, нету?

— Да-да, конечно, — спохватился Сочников, поставил нетронутый фужер на столик и пошёл к лестнице на второй этаж. — Прошу прощения, Борис, — издали поклонился он и взбежал вверх.

— Странно... — сказал Моржов. — Мне один мальчик рассказывал про своего друга... Говорил: «Я с ним не виделся пять лет, тогда он старше меня был на три года — ну, теперь, наверное, меньше...»

Стелла не отвечала, тихонько раскаляясь обратно.

Моржов приподнялся и тоже поставил свой фужер на столик, словно занял одну позицию с Сочниковым. Похоже, как и Сочников, он мог взять Стеллу хоть сейчас. Мерцонид был горяч, мягок и готов к употреблению. Но Моржов протрезвел.

Он и тогда, после разрыва, протрезвел быстро, хотя долго ещё анализировал ход событий и искал ту маленькую дырку, через которую всё вывернулось наизнанку. А точнее, не дырку, а психологический механизм смысловой конвертации. Ведь девки — что Юлька, что Стелла — ничуть не ввали сами себе, жили по своей правде, а выгода и жажда удобств были задействованы лишь косвенно. Юлька не получила вообще никаких выгод, а Стелле все удобства быстро приелись — не случайно же она пошла работать в школу, хотя так откровенно потешалась над подобной возможностью. Однако всё было не зря, и никто из девок к Моржову не возвращался, даже когда на то имелась возможность. Значит, что-то такое недевальвируемое девки всё-таки урвали. И для Моржова в этой истории оставались нераскрытыми две тайны: а) что получили девки в результате рокировки; б) каков механизм действия их преобразователя реальности?

Но свою реальность Моржов преобразовывать не хотел, а потому подчёркнуто сухо спросил:

— Так как насчёт сертификатов?

Стелла откинулась на спину, распрямляя плечи, и загадочно улыбнулась. На её блузке сквозь ткань видны были острые соски.

— А с чего это я сама буду тебе давать? — лукаво спросила Стелла тоном благосклонной королевы. — Приди и возьми.

Моржов едва не подпрыгнул. Он узнал цитату!.. А и вправду: ничего ведь не изменилось. Раньше было «Сами придут и сами всё дадут», теперь — «Приди и возьми». Похоже, последняя прочитанная Стеллой книга была по античной культуре.

— То есть? — уточняюще спросил Моржов.

— То есть — сам приди и сам у меня всё возьми, — со значением повторила Стелла.

— А сама дать ты не хочешь?

— Сама — не хочу, — согласилась Стелла. — Ты же хулиган. И нахал. Тогда лезь через забор и в окно. Когда-то ты залезал ко мне в окно. Я помню. Я даже ждала этого несколько лет снова, а ты не лез. Теперь лезь.

— А ты будешь ждать?

Стелла убрала с лица прядку волос, глядя в потолок.

— Не слишком ли ты заботишься о своих удобствах? — независимо спросила она, но мерцоид шевельнул перламутровыми губами: — Я оставляю окно приоткрытым...

Моржов хмыкнул, в соответствии с образом нахала без компании накатил полный фужер, поглядывая на Стеллу. Стелла полулежала на диване, скрестив ноги. Медово лучась под взглядом Моржова, она медленно закинула левую руку себе за голову, а правую невесомо переместила на живот, чуть прикрыв ладонью лоно. «Тициан», — сразу определил цитату Моржов, хотя Стелла, наверное, знала тициановскую Афродиту лишь как иллюстрацию к прочитанной книжке.

Моржов понял, что он попёрся на охоту в незнакомый лес на горе Пикет, но оказалось, что в этом лесу охотится не он, в этом лесу охотятся на него самого. Он не имел ничего против позы «женщина сверху» — но только в качестве дополнения, а не основной. Да, он был бы только рад соблазнить Стеллу, чтобы получить сертификаты. Но не соблазняться за сертификаты самому. От перемены мест этих слагаемых сумма менялась кардинально. И ещё тревожил память финальный взгляд Сочникова от лестницы — столько в этом взгляде вдруг просквозило муки, тоски и мольбы о пощаде. Счастья со Стеллой у Сочникова, видать, не получилось. Моржов мог сделать человека несчастным, но пользоваться уже готовым несчастьем не мог. То есть он мог украсть и съесть чужую колбасу, но не мог есть украденное другими. И ему стало скучно.

Блуда и МУДО

Стелле тоже было скучно. Однако Моржов заскучал конкретно сейчас, а Стелла — вообще здесь. Ей показалось очень интересным заиметь здесь в любовники известного (пусть и не всем) художника. Примерно так же, как в давние времена, когда она собиралась выйти замуж и изменять Сочникову с Моржовым. А Моржов давно уже ушёл из терроризма в политику. Он хотел рулить сам, а не поворачиваться, как прикажут. И он слишком нервничал, когда вдруг ощущал чужие железные пальцы на своём мужском достоинстве. Моржов догадался, что по тому сценарию, что он разработал, сертификатов ему от Стеллы не получить.

Он тотчас вскочил с видом услужливого болвана.

— Идёт! — плотоядно и воодушевлённо сказал он. — Тогда сейчас я сваливаю! А ты положи сертификаты под матрас!

— Положу, — пообещал мерцонид.

«И стереги их там до второго пришествия», — мысленно добавил Моржов.

Поздно вечером, когда дети уже спали, на веранде под навесом сидели Моржов, Щёкин, Розка и друиды. Щёкин пил пиво, остальные — чай. Розка навалилась на стол грудью, подпёрла кулачком скулу и тоскующе оглядела окрестности.

— Моржов, — сказала она, — почему у нас везде такой срач?

Моржов тотчас приложил к очкам бинокль и обозрел берег Талки. В сумерках среди белёсых камней и голубоватой травы валялись тёмные обломки досок, блестели под луной мятые пивные банки, кляксами чернели какие-то рваные пакеты и пузырились мутные пластиковые бутылки, словно дохлые рыбы. Этот мусор Талка накидала на берег в половодье.

— Это не я намусорил, — сразу отвёл от себя подозрения Щёкин. — Чтобы столько напиток, я зарабатываю слишком мало. Позор правящему режиму! В рот МРОТ! Кровавые палачи!

— Давайте приберёмся, — меланхолично предложила Розка.

Друиды оживились и оба уставились на Моржова.

— Начальник, по стольнику на каждого — и мы всё выдрочим! — заявил Чаков.

— А ещё по стольнику — и траву везде скосим, — добавил Бязов.

— Мужики, вы чего к нам присосались? — недовольно поморщилась Розка. — Идите бухайте в другом месте... Борька, надо нам самим уборку территории провести.

— Ты сможешь запрячь упырей? — не поверил Моржов.

— Я же методист по массовым мероприятиям, — покровительственно улыбнулась Розка.

— Одно очень приятное массовое мероприятие со мною ты так и не смогла провести...

— Иди в пень, надоел. Я о деле говорю.

— Ладно, — вздохнув, согласился Моржов. — Мужики, бизнес, значит, такой: достаньте нам в аренду десять граблей. По червонцу за штуку. Сможете?

— О чём речь, начальник! — отодвигая стаканы, обиделись друиды. — Мы здесь родились!..

Их мотоцикл стоял за корпусом. Моржову показалось, что из-за угла уже доносится сдержанное клокотание: от нетерпенья друидов мотоцикл завёлся сам собой.

— Значит, решено: завтра — капитальный шмон! — плотоядно сказала Розка.

— Никогда не откладывая на завтра то, что можно отложить на послезавтра, — пробурчал Щёкин.

Утром Розка выкатилась из корпуса свежая и румяная, как наливное яблочко. Моржов всегда изумлялся способности женщин столь самозабвенно радоваться

жизни. Сам же он вышел на свет, словно солдат из окопа, — весь искусанный комарами и помятый. «Завтра, блин, еду в Ковязин и покупаю фумигатор!» — клялся он самому себе.

Друиды привезли грабли, и Костёрыч уже скрёб землю возле умывальников. Соня и Милена не выходили из кухни. Завтрак проходил с участием лишь Розки и Щёкина, поутру обычно молчаливого. Зато Розка, расколупывая стопу пластиковых тарелок, искрила энтузиазмом и многообещающе намекала упырям на нечто особенно интересное, приготовленное на сегодня. Охалка граблей за углом корпуса навевала упырям нехорошие предчувствия, и упыри сидели мрачные.

— Ребята! — наконец объявила Розка за чаем. — Сегодня мы с вами устроим субботник!

Упыри чуть не попадали со скамейки, а Моржов захлебнулся сигаретой. Розка, видимо, не подозревала о новом смысле слова «субботник». А упыри — уличные паца — конечно, знали этот смысл. Причём про старое, советское значение слова «субботник» им никто никогда не рассказывал. Тем более уличные паца знали и Сергача-сутенёра, Розкиного мужика. Субботник — это когда менты решают расслабиться, требуют у подконтрольных сутенёров девочек, бухают и трахают шлюх: бесплатно и по беспределу.

Казалось, что упыри готовы шархнуть во все стороны как можно дальше от Троельги. Но ситуацию спас Серёжа Васенин.

— Роза Дамировна, — укоризненно сказал он, — это ведь только при Советском Союзе рабочие на заводах работали в выходной на субботниках, а деньги перечисляли голодающим детям...

Упыри облегчённо загомонили.

— Ну, вы ляпнете так ляпнете... — отходя от столбняка, уважительно заметил Розке Гершензон.

— Да что вы, мальчишки, честное слово? — задорно ответила Розка, ничего не почуяв. — Вам нравится в лагере?

— Ничо так, — неохотно согласились упыри.

— Голодом не кормят, — поразмыслив, согласился и Гершензон.

— Но вы посмотрите вокруг — сколько мусора! А лагерь — наш дом! Давайте же все вместе дружно приберёмся в своём доме! Кому же из вас нравится жить на свалке?

Упыри завертели головами, удивлённо оглядывая окрестности. Было ясно, что сравнение лагеря со свалкой им в головы не приходило никогда. В Троельге для них всё было как везде.

— У меня дома в комнате ещё хуже, — недоверчиво пожал плечами Гершензон.

— А вот я согласна принять участие в субботнике! — заявила Наташа Ландышева.

Упыри бешено заржали, а Наташа и бровью не повела.

— Вот Дерьмовочку и забирайте на субботник! — крикнул Гершензон.

— Обезьяны пускай живут как хотят, а девушка должна жить в чистоте, — независимо пояснила Наташа.

— Правильно! — воскликнула Розка. — Субботник — он для нас!

Упыри со смеху повалились друг на друга. Только Ничков сохранил вертикальное положение. До него наконец-то дошло, и он вдруг страшно разгневался:

— Чо, работать?! — завопил он. — Мусор убирать? А мы, что ли, мусорили? Кто мусорил — тот пусть и корячится! Я за всяких уродов работать не обязан!

— Мы вообще на отдых приехали, — вставил Гершензон.

Упыри тотчас заорали, словно бы весь год они пахали, как негры на плантациях, ради драгоценных мгнове-

ний летнего отдыха, а вот теперь у них отбирают и это скудное счастье.

— Так ведь для себя же!.. — убеждала Розка. — Это же не труд — если весело, если с песней!..

— Вы сама и пойте! — вопили упыри. — Мы не знаем песен! Мы петь не умеем!

— Владимирский централ, ветер северный... — утробно завыл Чечкин.

— Брилыч калдырям за каждую фигню деньги платит, а нам бесплатно вкалывать? — добавлял жару Гершензон.

Моржов тихонько ухмылялся. Употреблением слова «субботник» Розка могуче расширила для упырей поле свободы и теперь пожинала неожиданные для себя плоды. Розка смотрела на взбесившихся упырей в полном обалдении. Её пионерский энтузиазм уже выглядел кустом акации, по которому сечёт ливень.

Гонцов нырнул под стол, и там вдруг оглушительно грохнуло. Розка подпрыгнула. Упыри завизжали от восторга. Щёкин, вздохнув, бросил сигарету, нагнулся и за шкуру выволок из-под стола Гонцова, в руках которого были зажигалка и вторая дымящаяся петарда. Щёкин вырвал петарду у Гонцова и бросил её под ноги упырям. Взрыв скинул упырей со скамейки.

— Всё, хорош, — глухим, низким голосом сказал Щёкин. — Поизгалялись, и будет. А ща грабли в руки и за работу.

Он говорил с брезгливо-утомлёнными интонациями. Моржов думал, что бунт упырей не унять, но упыри, галдя, подчинились Щёкину, разобрали грабли и побрели на берег. Моржов не мог найти объяснения такому послушанию.

Щёкин взглянул на Розку.

— Я пойду грести под окнами, — предупредил он. — Мне оттуда всех видно. Но ты уж дальше сама...

Розка мгновенно оправилась от замешательства, на-смешливо фыркнула Щёкину и помчалась вслед за упырями. Моржов докурил и пошагал за Розкой.

На берегу, столпившись кучей, упыри беспорядочно ворошили граблями гальку друг у друга под ногами.

— Ребята!.. — налетела Розка. — Надо распределить участки!..

Моржов приложил к очкам бинокль и стал смотреть на Розку. Розка была в резиновых сапожках, трико и футболке. Лифчика она явно не надела, но, туго накачанная энтузиазмом, казалась целиком отлитой из резины — от движений у неё даже груди не прыгали.

Упыри принялись граблями очерчивать вокруг себя кривые круги — обозначали свои участки. Они походили на учетверённого Хому Брута, который неохотно оборонялся от симпатичного Вия.

— Нет, не так!.. — усердствовала Розка. — Надо вот так!..

Розка побежала по берегу, сапогом отшаркивая по земле разделительные линии. Ничков тотчас бросил грабли и пошёл за Розкой, шагами придиричиво измеряя равенство участков. Серёжа Васенин сразу принялся за работу. Наташа Ландышева черенком своих граблей взрыла глубокую борозду, строго определяя свои границы. На пути её черенка попала пластиковая бутылка, и Наташа хладнокровно столкнула её на соседний участок.

Запахавшаяся Розка вернулась к Моржову. Моржов посмотрел на Розку — румяную, разгорячённую, довольную — и сразу представил её таковой после секса. Но мерцоид не появился. Видимо, трудовой порыв вовсе не способствовал его формированию. Сейчас ожидание Моржовым мерцоида от Розки было равносильно тому, если б Рабочий из знаменитой скульптурной группы ожидал поцелуя от Колхозницы.

— А теперь, ребята, объявляю соревнование! — звонко закричала Розка. Упыри хмуро оглянулись. — У кого

Блуда и МУДО

мусорная куча будет больше, тот получит приз: самый большой кусок торта!

Торт в кухоньке стряпали Милена и Сонечка. Моржов видел, как они накрошили печенья и замесили его со сгущёнкой.

— Призом и наградой должно быть чувство наибольшего удовлетворения от проделанной работы, — вполголоса назидательно сказал Моржов Розке. — А ты им про материальные блага...

— Иди в пень, — не оборачиваясь, быстро ответила Розка. — И вообще, иди тоже гребни.

Упыри обдумали Розкино обещание.

— Лучше бы денег заплатили! — крикнул Гершензон.

— Зажритесь своим тортом! — плачуще завопил Ничков, словно его обманули. — Пускай его ваша Дерьмовочка лопают!

— Мне торт! — заорал Чечкин и принялся неистово орудовать граблями. — Да я вам за секунду тут всё уберу!

А Гонцов молча сидел за большим валуном, и там что-то тихо дымилось.

Серёжа Васенин скрёб старательно и педантично. Наташа Ландышева, словно танцуя, ходила по своему участку на пуантах и внимательно вглядывалась в землю. Она предпочла прибираться точно. Время от времени она прицеливалась граблями во что-то мусорное и перекидывала банку или бутылку на участок Серёжи — будто играла в гольф.

— Веселее, ребята, веселее! — не унималась Розка. — Толстый торт ждёт победителя! А ну-ка, кто у нас удостоится звания Великого Чистильщика? Мусор — наш враг! Сделаем чистым свой дом — чище будет планета! Мусор, убирайся вон! Эскадрон истребителей мусора объявляет войну бутылкам и банкам!..

Розке, похоже, казалось — как диджею — что если она замолчит, то произойдёт жуткая катастрофа.

От Розкиных воплей у Моржова уже звенело в голове. На углах участков потихоньку появлялись безобразные груды мусора.

— Гонцов, а где твой мусор? — жизнерадостно спросила Розка.

— А я его сразу жгу, — издали ответил Гонцов. За его камнем дымилось всё гуще и уже завоняло палёным пластиком. — Мне торт не нужен.

— А тебе, Дерьмовочка, тоже торт не нужен? — злобно крикнул Ничков Наташе.

— Сам ты Дерьмовочка. А торты я не ем, — независимо ответила Наташа. Свой мусор она продолжала кидать Серёже Васенину.

Гершензон распрямылся с граблями в руках, как с винтовкой.

— Тогда делись своим мусором со всеми! — закричал он. — Чего ты его только одному Пектусину отдаёшь?

— Делись! — запоздало спохватился Чечкин.

— Буду я ещё ерундой заниматься, — ответила Наташа и носочком перекинула новую бутылку в кучу Серёжи.

— Паца, Пектусин у нас мусор ворует! — завопил Чечкин.

— Тебе мусор не нужен, а нам нужен! — заявил Гершензон.

Ничков решительно пошагал к куче Серёжи Васенина и ногой отгрёб часть мусора в сторону.

— А мне?.. А меня?! — поразился Чечкин.

Он отшвырнул свои грабли, помчался к Серёжиной куче и рухнул на неё грудью, подгребая мусор под себя.

— Ты чо столько берёшь? — возмутился Ничков, вцепляясь в спину Чечкину. — Сыпь половину обратно!

Возле них уже каким-то образом оказался Гонцов.

— Колобашки!.. Колобашки!.. — тараторил он, выдёргивая из кучи пластиковые бутылки. — Я из них на костре колобашки выплавлю!..

Гершензон подбежал и с размаху вонзил в Серёжину кучу грабли, отодвигая ими Чечкина. Чечкин заорал. Ничков выпустил его и кинулся к Гонцову, принялся выдёргивать бутылки у Гонцова из рук. Гонцов заслонился плечами, вертелся, верещал.

— Живо положил на место! — рычал Ничков. — В башню дам!

Гершензон граблями потащил мусор на свой участок. Чечкин вцепился в грабли и поволокся по земле. Гонцов споткнулся об него и повалился на спину. Ничков коршуном упал на Гонцова, отбирая бутылки и швыряя их в разные стороны.

— Ребята, вы чего?.. — растерянно бормотал Серёжа Васенин. — Всем мусора хватит... Берите, сколько хотите...

Розка уже спешила к куче-мале, из которой во все стороны летели бутылки и банки.

— Мальчики, всем торта достанется!.. — увещевала она.

— Я тебе, сука, этот торт в жопу забью! — уже рыдал Гонцов, тыча кулачишком в скулу Ничкова.

Наташа Ландышева смотрела на разгорающуюся драку издаലെка. Она упёрла руки в пояс и, расправив плечи, делала торсом гимнастические повороты.

Свалка слегка переместилась набок, и грабли в руках Гершензона треснули. Гершензон поднял обломанный черенок и изумлённо посмотрел на его щепастый кончик.

— Падлы... Грабли сломали... — потрясённо прошептал он.

— Уй-я-а-а!.. — визжал Чечкин, придавленный дерущимися Ничковым и Гонцовым.

Ничков вырвался от Гонцова, которого сзади уже бил по голове бутылкой измятый Чечкин.

— Нате вам ваш мусор! — прохрипел Ничков.

Стоя на коленях, он начал хватать мусор из кучи руками и швырять его в Гонцова и Чечкина.

— Чо в меня-то!.. — закрывался Гонцовым Чечкин.

Подбежала Розка и принялась ловить Ничкова за руки.

— А ты чо смотришь, урод! — напал Гершензон на Серёжу Васенина. — Паца, бей Пектусина!..

Он размахнулся обломком своего черенка. Серёжа в ужасе отшатнулся. Палка просвистела мимо него и врезала Розке поперёк задницы. Розка ахнула, выгнулась дугой, схватившись обеими руками за ягодицы. Гершензон от страха присел и в полуприсяде стреканул прочь с поля боя, задымлённого костром Гонцова.

Моржов и Щёкин вклинились в драку с двух сторон. Субботник закончился.

На лавочке рядом с Моржовым сидела кошка. Она обернула себя хвостом и напоминала полосатую амфору. На Моржова она не смотрела, но в её облике явственно читалось предупреждение: если Моржов поведёт себя некорректно, она более не сочтёт возможным находиться рядом с хамом.

Моржов вёл себя корректно. Полчаса назад он позвонил Сергачу и теперь смиренно ждал, когда ему привезут девчонку. Сауна уже была выкуплена. Та же самая сауна, в которой он так нелепо и некрасиво сцепился с пьяной Алёнушкой.

Моржов произвёл подсчёты и с изумлением убедился, что у него уже три недели не было женщины. Да — мерцоиды, да — Розкина задница и Сонечкины титьки, но более — ничего. Самое удивительное, что всё это время на баб Моржова особенно и не клинило. У Моржова имелись три варианта объяснения этому: а) внезапная старость; б) импотенция от раскодировки; в) активная жизненная позиция. Короче говоря, требовалось разобраться, да и вообще. Моржов прикатил в Ковязин, выкупил

сауну и сделал Сергачу заказ. И теперь он сидел на лавочке во дворе бани, ждал девчонку и медленно впадал в дежавю. Тот же шансон звучал из окошек, тот же грузовик лежал брыльями на чурбаках, та же ржавая труба на растяжках торчала в небо, где горел тот же вечерний свет.

Хрустя гравием, в ворота въезжала всё та же белая «Волга» с дочерна затонированными окнами. Моржов потряс головой, отгоняя наваждение. «Волга» остановилась. «Вот сейчас откроются дверки, и с двух сторон из машины выйдут Лёнчик и Алёнушка», — подумал Моржов. Мир вокруг словно заколдовало. Дверки «Волги» открылись, словно растопорщились жёсткие надкрылья жука, и из машины вылезли Лёнчик и Алёнушка.

Моржов заново и целиком мгновенно пережил ту безобразную сцену в сауне, и паника так торкнулась в его груди, что кошка стрелой полетела прочь с качнувшейся лавочки.

— Здорово! — весело кричал Лёнчик, шагая к Моржову с протянутой для рукопожатия ладонью. — Как жизнь, бля? Всех девок в лагере оттрахал?

— Слушай, а поменять девчонку нельзя? — спросил у Лёнчика Моржов вполголоса — так, чтобы Алёнушка не слышала.

— Ща, бля, я по всему городу колесить буду, тебе девку искать!.. — возмутился Лёнчик, запихивая в карман деньги. — Алёнка нормальная девка! Чего ты меня косячишь?

Обидевшись, словно Моржов оскорбил его жену, Лёнчик вернулся в машину, хлопнул дверцей и рванул с места. Алёнушка, качаясь на каблуках, проваливающихся в шлак, подошла к Моржову и вгляделась в него, будто пыталась что-то вспомнить.

Моржов тоже осторожно посмотрел на Алёнушку сверху вниз. Вспомнит ли она его? Пьянущая же приходила... Алёнушка, как и в прошлый раз, была раскрашена

не хуже собора Василия Блаженного. Сейчас она показала Моржову очень сложной заводной игрушкой. Да, у него имелся ключ, но куда его вставлять — Моржов не знал (причём похабные аналогии были здесь неуместны). Моржов почувствовал, что он не хочет Алёнушку. Просто не хочет, как тигр не хочет мандаринов. Не нужны ему были ни нагота Алёнушки, ни секс, ни стоны страсти. Пока он не найдёт скважину для ключа, с Алёнушкой он будет импотентом. Всё-таки она его закодировала!

Моржов перепугался, как девственник. Алёнушка смотрела на него молча, и Моржов ничего не мог прочесть в её взгляде. «Сто грамм для храбрости?..» — лихорадочно предположил он. Нет, сто грамм — это сняться с предохранителя. А нужно иное. Нужна гарантия, что сейчас он запулит Алёнушку в зенит из катапульты. Только таким образом он мог отключить её мозги, которые однажды уже превратили его самоуверенность в лужу дерьма. А вот насчёт катапульты Моржов сомневался. Он знал силу кодировки на примере избавления от пьянства.

«Виагра!» — решительно подумал Моржов.

Но где в бане найдёшь таблетку?

— Слушай, — обратился Моржов к Алёнушке, сочиня на ходу, — мне сейчас позвонили... Надо съездить в одно место. Это быстро. Поедешь со мной?

— Вдвоём?.. — Алёнушка скептически оглядела моржовский велосипед, прислонённый к стене.

Моржов подошёл к велосипеду и похлопал по сиденью, присобаченному к раме.

— Седулка мягкая.

— А что, в сауне подождать нельзя? — спросила Алёнушка.

— Велик покараулишь, чтоб не спёрли, — тотчас нашёлся Моржов.

— Н-ну, ладно... — неуверенно согласилась Алёнушка.

Моржов подкатил к ней велосипед. Алёнушка боком неловко забралась на раму, подумала, нагнулась и за каблуки стащила туфли.

— Всё-таки ты извращенец, — сказала она, и Моржов понял, что Алёнушка его узнала.

Упираясь в руль, Моржов провёл велосипед с Алёнушкой по шлаковому дворику, вывернул за ворота, оттолкнулся и ловко заскочил в седло за спиной Алёнушки. Прыгая на немощёной дороге, велосипед покатился по проулку.

Маленькая Алёнушка весила как курочка. Моржов держался за руль, словно обнимал Алёнушку, и нюхал её голову, как букет. Алёнушкин конский хвост мотался и щекотал подбородок Моржова. От волос Алёнушки пахло сладкими шампунями — из тех, у которых лейбл фирменный, а производство в соседнем подвале.

Из проулка Моржов свернул на улицу Рокоссовского. Ближайшая аптека была в двух кварталах. С Алёнушкой на бушприте Моржов не решился ехать по проезжей части и покатил по тротуару. Пешеходов почти не было. Алёнушка тоже держалась за руль обеими руками. В левом кулачке она заодно сжимала и каблуки туфель.

— Я на велике только в детстве каталась, — сообщила Алёнушка, напряжённо вглядываясь в асфальт в ожидании колдобин.

Асфальт был весь разбит, и велосипед трясло. Эта тряска вполне соответствовала бы сексуальному действию. Но такового в данный момент не имелось, и поэтому Моржов вдруг ощутил странное родство с Алёнушкой. Так давние супруги спокойно смотрят эротический фильм, не бросаясь друг на друга.

— Алёнушка, радость моя, а почему я извращенец? — спросил Моржов, глядя Алёнушке в макушку.

— Видно же, — фыркнула Алёнушка. — Кроме тебя, у меня все клиенты нормальные.

— Что значит «нормальные»? — осторожно полюбопытствовал Моржов, объезжая яму.

— Ну, а кто в сауну один с девчонкой ходит? Все ходят компанией, чтобы оттянуться. И девчонок берет двух или трёх.

— Ты же помнишь ту сауну, она же маленькая, — возразил Моржов. — Что, друг при друге трахаться?

Моржов ничего не имел против группен-секса, но при группен-сексе оставались только тела и инстинкты. А по мнению Моржова, самым притягательным в человеке, даже в девчонке, была всё-таки личность. Поэтому Моржов предпочитал встречаться со шлюшками один на один — чтобы пообщаться. Иной раз после такого общения и прокалённые опытом девочки вдруг начинали жаться, прикрывались руками, просили выключить свет. Они превращались просто в девушек, а Моржов для них становился не клиентом, а мужчиной, которого можно стесняться.

— А что — друг при друге? — удивилась Алёнушка. — Кто чего ещё не видел? Это только извращенцы прячутся.

— М-м?.. — растерялся Моржов.

— И вообще... Ой! — Алёнушку потрянуло. — Девчонок вечером снимают, после работы, а не днём. Ты что, не работаешь?

— Сейчас же вечер, — дипломатично возразил Моржов.

— Н-ну, так... — туманно усомнилась Алёнушка. — Всё равно ведь ты не работаешь, верно?

— Работаю.

— Не пизди. Не работаешь. И ты не мент, не бизнесмен, не этот, не начальник... Видно ведь. Откуда же у тебя бабки?

— Ворую.

— Воров ты не встречал... И ещё ты в очках. И говоришь не так, как нормальные мужики. И не пьёшь. Почему не пьёшь?

— А на хера? — спросил Моржов как нормальный мужик.

— Чтобы напряг снять.

— Я не напрягаюсь, — соврал Моржов.

— Я чо, не вижу, что ли? Я знаешь сколько мужиков уже видела? Я всё про них знаю. Ненормальный ты какой-то. Извращенец. Если бы ты нормальный был, ты бы в тот раз мне по ебалу дал. А ты убежал.

У Моржова пылала физиономия. Перед домом, в котором была аптека, он свернул во дворик и остановился, спрыгнув с седла.

— Подожди меня тут, — сказал он, ссаживая Алёнушку.

Он не хотел, чтобы Алёнушка видела, куда он пошёл.

В рыночное время в Ковязине развелось множество аптек. Люди болели охотно и с полной самоотдачей. Но в этой аптеке посетителей не было. Моржов подошёл к окошечку. Он чувствовал, что его физиономия освещает самые дальние закутки и бликует в стеклянных витринах. За прилавком сидела девушка.

— Что интересуется? — улыбаясь, спросила она.

Моржов молча смотрел на девушку. Девушка была очень даже ничего. Такая ласковая, с нежной шейкой и тугими грудями, натянувшими белый халатик. Моржов сглотнул и понял, что этой девушке он ни за что не признается, зачем пришёл.

— Ничего... — прохрипел он. — Ошибочка получилась...

Он развернулся и вышел.

Раздосадованный, он вернулся к Алёнушке.

— В другое место надо ехать, — буркнул он. — Залезай на коня.

— А сауна?

— Подождёт.

— Время твоё, — пожала плечиком Алёнушка.

Ещё одна аптека находилась на улице Героя Робкопа. Моржов мрачно катил под балкончиками на консолях, катил мимо окошек, крылечек и тополей. Моржову казалось, что город Ковязин обречён на двухэтажность. Преодолеть водораздел третьего этажа Ковязину оказалось сложнее, чем всей России свергнуть неограниченную монархию. Обзавестись третьим этажом помпезным учреждениям мешал пафос: для собственной значительности они должны были занимать много места именно ширирь, а не ввысь. А всякой бедноте на третий этаж вот уже тысячелетие не хватало денег. Впрочем, в двухэтажности для Моржова всегда заключался какой-то сексуальный подтекст: одно лежало на другом. После Проклятия купца Забиякина этот подтекст Моржов расшифровывал в единственном ключе — в ключе ДП(ПНН).

В Ковязине ДП(ПНН) было просто скромным блядством. Собственно, этим самым Моржов как раз и занимался в данный момент: он ехал на велосипеде по улицам родного города в поисках виагры и вёз на раме молоденькую проститутку, сжимающую в кулачке каблук туфель. Вязкий и тёплый вечер был как стриптиз, неполная луна — как полураздетая стриптизёрша, а солнце садилось за Чуланскую гору — как зритель на дальний ряд.

— Ты чего молчишь? Обиделся, что ли? — спросила Алёнушка.

— Да нет... — невнятно ответил Моржов.

Он ведь уже сформулировал для себя: мир таков, каково мышление. Не идеалы и не цели, а мышление тех, кто к ним стремится. Или от них отталкивается. А мышление сидело перед Моржовым на седулке и ойкало при толчках.

Логика-то у Алёнушки была железной, даже железобетонной, но вот картинка получалась неверной... И дело не в термине «извращенец», хотя с точки зрения нормальных мужиков Моржов, наверное, был извращенцем.

По крайней мере (говоря толерантно) странным. Дело было не в термине, а в картинке. Алёнушка сложила её, как мозаику, из очень конкретных кусочков: «речь», «очки», «время съёма», «количество бабок», «клиент-одиночка»... Каждый фрагмент этой мозаики имел один-единственный цвет — то есть один-единственный простейший смысл. Всё это напоминало Моржову... напоминало картинку из пикселей. Это было Пиксельное Мышление.

Моржов знал выражение «клиповое мышление». Выражение было неверным. Мышление — это логика, процесс. А процесс не может существовать разорванными вспышками, как железная дорога не может существовать только в виде мостов через реки. Клиповым может быть лишь видение мира, а не мышление. Мышление — пиксельное: механическое сложение картины мира из кусочков элементарного смысла.

Моржов тотчас зааббревиатурил свой термин — ПМ. ПМ было причиной ДП(ПНН), как мозги Алёнушки были причиной катанья Моржова по Ковязину в блядском поиске таблеток. Именно в блядском, сам себе уточнил Моржов, потому что секс с проституткой, разврат и блядство — это три разные вещи. Только для ПМ это одно и то же.

Моржов загнал велосипед в другой двор и угрюмо пошагал в другую аптеку.

Здесь толпились бабки, что-то выглядывая на витринах. За прилавком снова оказалась девчонка. «И чего они везде молодняк навтыкали, как помогаев в Гостином дворе? — злобно подумал Моржов про владельцев аптечной сети. — Была бы лучше пожилая тётенька, добрая, понимающая...» Но отступать Моржов не захотел. Всего-то минута позора — и катапульта заработает. Он встал в очередь за какой-то старухой, нудно пересчитывающей в ладони мелочь.

Дверь аптеки распахнулась, и в помещение полез кузов детской коляски. Коляску толкала молодая мамаша с лицом сучки.

— С коляской нельзя!.. — охнула девчонка за прилавком.

— А куда я её дену? — заорала мамаша. — На улице оставлю?

— Нельзя... — пискнула девчонка-аптекарьша.

— Не нравится — обслужи без очереди! — давила мамаша. — Сначала сама роди, а потом оставляй своего ребёнка на улице!

Девчонка-аптекарьша покраснела и замолчала.

Старуха, стоявшая перед Моржовым, расплатилась и отчалила.

— На чужих-то детей всем плевать! — за спиной Моржова не унималась мамаша, обращаясь к соседке по очереди. — В койки к мужикам залазить все горазды, а рожать никому не надо!..

— Вам что? — не поднимая глаз, тихо спросила у Моржова девчонка-фармацевт.

— Ви... витаминки... — бессильно просипел Моржов.

Он вышел из аптеки, свернул во двор и с размаха швырнул баночку с витаминами в бурьян газона.

— Едем дальше! — сердито сказал он Алёнушке.

Алёнушка не ответила.

Моржов посадил её, взгромоздился сам и ожесточённо заработал педалями. Он знал ещё одну аптеку — за педтехником.

— Что, и там не застал, кого ищешь? — наконец спросила Алёнушка, когда Моржов притормозил у светофора.

Моржов только сплюнул.

Они прокатились по зебре через перекрёсток и снова затряслись по тротуару.

— Алёнушка, радость моя, — мрачно заговорил Моржов, — а как же так? Ты ведь тогда сказала, что я импо-

тент. Так всё же я импотент или извращенец? Не могу определиться.

— А что, импотент не может быть извращенцем? — удивилась Алёнушка, недоумённо оглядываясь на Моржова.

Моржов ничего не сумел возразить. ПМ рубило, как гильотина. Моржов понял, что уже крепко устал.

— Слушай, золотко, — сказал он, для внушительности прекращая крутить педали, — оставь ты в покое этих несчастных импотентов и извращенцев. Я обычный парень, честное пионерское. Чего ты меня гвоздишь? Разве я сделал тебе чего плохое?.. Даже в то злополучное свиданье я не обменял тебя на другую девчонку, не выгнал, не ударил. Я тебе за пивом бегал, я тебе денег дал. Я хороший клиент. Разве тебе не нужны хорошие клиенты?

— Да мне пофиг, — хладнокровно ответила Алёнушка.

И Моржов почувствовал, что ей действительно пофиг. Что ей секс с ним? Секса у неё навалом. Что ей его деньги? Деньги, видно, забирает Лёнчик — как в прошлый раз. А моржовских талантов и душевных даров Алёнушке всё равно не понять. И у Алёнушки нет стимула привечать Моржова.

Нет стимула иметь с ним хорошие отношения — как нет стимула думать, искать связь между фрагментами мозаики, из которой состоит картинка Пиксельного Мышления. Для Алёнушки, к примеру, не было связи между моржовскими очками (а художнику необходимо хорошее зрение) и моржовскими бабками (заработанными на картинах). Алёнушка не искала этой связи, потому что ничуть в ней не нуждалась. И без того из минимума пикселей получалась более-менее понятная картинка.

Может быть, это было неотъемлемое качество ПМ — отсутствие стимула увеличивать познания? Ведь картин-

ку, как в абстракционизме, можно было сложить из любого количества пикселей, лишь бы их было больше одного.

Моржов зарулил к крыльцу педтехникума и остановился.

— Жди, — уже привычно сказал он Алёнушке, перекидывая ногу через седло велосипеда.

В аптеке опять были люди, в том числе и молодые женщины. За окошком стояла продавщица моржовского (следовательно, съедобного) возраста, а возле неё перекладывали какие-то коробки две девчонки-помощницы уже совсем разбитного вида. Но Моржов устал партизанить.

Он отстоял очередь и внятно сказал в окошко:

— Мне виагру.

Аптекарьша и девчонки-помощницы одинаково уставились на Моржова. В нищем городе Ковязине, похоже, никто не спрашивал в аптеках виагру. На хера? Сто грамм и действеннее, и дешевле. Девчонки смотрели на Моржова как на живого инопланетянина — с восторгом и брезгливостью. А продавщица отвела глаза, словно Моржов потребовал надувную бабу для всех видов самоудовлетворения.

— У нас такого нет, — с презрением сквозь зубы процедила аптекарьша.

Под ошарашенными взглядами разномастной очереди Моржов деревянно развернулся — как человек, публично получивший пощёчину — и, прямой как шпала, вышел вон.

Эта гонка ему осточертела.

— Всё, — сурово сказал он Алёнушке. — Всех нашёл. Со всеми поговорил. Всё узнал. Едем в сауну.

— У тебя всего полчаса осталось, — хмыкнула Алёнушка.

— Я продляю.

— А я не хочу. Я домой пойду. Надоело сегодня.

Моржов тяжело вздохнул и закурил, глядя вдоль бульвара Конармии, уходящего вниз к Пряжскому пруду. Небо отражалось в пруду сплошным синим изумлением, и облака гасли, как пена. Тусклыми огнями осыпался Соцпосёлок на Чуланской горе. Красные искры зажглись над башнями дальнего элеватора.

— Хочешь, отвезу тебя домой? — спросил Моржов Алёнушку.

— Ты чего? Меня все оборжут, если я на велике приеду. Так-то меня Лёнька на машине привозит.

— Ну, как знаешь... — Моржов даже не огорчился.

Мотая хвостом, Алёнушка повертела головой, словно высматривала, в какую сторону ей идти. Туфли она не надевала.

— А тебя как зовут? — вдруг спросила она.

— Борис.

— Боря, а дай мне велик с горы скатиться, а?.. Я с детства на велике не каталась. У наших ни у кого нет.

Взгляд Моржова вернулся из тёплых вечеряющих пространств и остановился на Алёнушке. Моржов увидел Алёнушку словно впервые. Кто она? Шлюшка, стерва, дура?.. Да нет, просто маленькая глупая девчонка. И для неё Моржову ничего не было жалко. Оказывается, просто совсем ничего.

— Да ради бога, — сказал Моржов. — А ты не гробанёшься?

— Не знаю, — опасливо созналась Алёнушка.

— Садись, — решительно сказал Моржов, подкатывая к Алёнушке велосипед. — Я подстрахую. Доверься старому доброму дяде Боре, импотенцу и извращенту.

Алёнушка улыбнулась — впервые улыбнулась Моржову, — подтянула вверх узкую юбку, оголив ляжки, и залезла на седло, бесстыже растопырив колени. Моржов забрал у неё туфли.

— Поехали! — восторженно прошептала она, наклоняясь к рулю.

Моржов, державший велосипед сзади за седло, тихонько толкнул агрегат вперёд. Агрегат поехал, и Моржов потрусил за ним, не отцепляясь, а с разгоном под уклон, и побежал, всё быстрее и быстрее.

А потом пешеходы на бульваре Конармии начали шархаться в стороны, потому что сверху, с Семиколоколенной горы, под пышной листвой нависшего над тротуаром забиякинского парка, напролом сквозь сумерки на них неслось жуткое тройное существо — огромный рогатый велосипед, на нём — визжащая девчонка, а сбюку — вурдалак с горящими глазами, летевший вровень с велосипедом длинными мистическими прыжками.

В этот вечер Моржов всё-таки купил виагру, потому что не любил недоделанных дел, чреватых гештальтами. Виагру он нашёл в единственной круглосуточной аптеке Ковязина — на площади под Черепом. Отбивая чек, продавщица заученно сказала:

— Спасибо за покупку. Приходите ещё.

Моржов мрачно глянул на аптекаршу.

— Господь с вами, — буркнул он, пряча упаковку с таблетками в карман шортов. — Нашли, чего пожелать. Я ведь у вас не шампанское на лотерейный выигрыш покупал.

Пока он крутил педали в Троельгу, вечер иссяк. Меховой лес по обочинам соболино почернел, но асфальт под луною отливал голубым, словно был изо льда.

В лагере все уже спали — в жилом корпусе не светилося ни одно окошко. Моржов прислонил велосипед к перильцам крылечка и только собрался помочиться в ближайших кустах (неохота было впотьмах шархаться по лесу, разыскивая сортир), как услышал какой-то всхлип. Сначала он подумал, что это на камнях плесну-

ла неожиданной волной Талка или таинственная рыба-полуночница в заводи бултыхнула хвостом, но потом во тьме под крышей веранды что-то шевельнулось.

Моржов тотчас пошёл к веранде и увидел Сонечку, сидевшую за столом. Точнее, сидящую на скамейке и лежащую грудью на столешнице, будто она спала, как студент на утренней лекции.

— Сонь, ты чего? — негромко спросил Моржов.

Сонечка не ответила. Она плакала.

Моржов постоял, размышляя, а потом вернулся к крыльцу. Он деловито закатил велосипед в тёмный холл и приставил к стене, на которой смутно белел планшет «План эвакуации». Позавчера Щёкин взял фломас-тер и исправил заголовок на «План эякуляции». До сих пор этого, кроме Моржова, никто не заметил.

Холл занимал центральную часть жилого корпуса. Направо и налево из холла отходили коридорчики. В каждой стене коридорчиков было по три двери в четырёхместные палаты; итого — двенадцать палат. В палатах слева от «Плана эякуляции» жили Моржов плюс Щёкин, Розка плюс Сонечка, Костёрыч и Милена. В двух пустующих палатах Розка хранила подотчётное имущество, например спальные мешки. В шести палатах справа от «Плана эякуляции» обитали дети. Серёжа Васенин и Наташа Ландышева обитали в отдельных комнатах, а упыри — все вместе, вчетвером, но каждый день они перекочёвывали в новое помещение.

Моржов прошёл в свои покои. Щёкин дрых. Моржов достал из-под койки рюкзак и вытряхнул его содержимое на спальный мешок. В соответствии со своим внутренним планом эякуляции он извлёк из кучи барахла новую пачку сигарет, фонарик, большой носовой платок и куртку (чтобы в нужный момент набросить её Сонечке на плечи). Потом Моржов подумал, шурясь в окошко на луну, вытащил из кармана шортов упаковку виагры,

достал облатку и выдавил в рот таблетку, а облатку и упаковку сунул в рюкзак.

Моржову было интересно — где в первую очередь проявится действие виагры? Его вспучит эрекцией или просто раздует башку? Пока что никакого эффекта не наблюдалось. Правда, прошло всего четыре секунды.

Моржов вышел из корпуса, пошагал к веранде, закуривая на ходу, деликатно перешагнул длинную скамейку перед столом и присел рядом с Соней. Соня не отвлекалась от своего горя.

— Давай поговорим, — ласково предложил Моржов и погладил Соню по спинке. — Наверняка не всё так ужасно...

Соня шмыгнула носом, словно сопли как-то мешали ей слушать Моржова.

— Что случилось? Кто тебя обидел? — тихо спросил Моржов.

Моржов бросил сигарету, осторожно взял Соню за плечики, придал ей более-менее сидячее положение и принялся наводить порядок — перекинул назад толстую Сонечкину косу, убрал за ушки выбившиеся пряди, намокшие от слёз, застегнул на рубашке верхнюю пуговку и вытер Соне лицо платком. Соня не открывала глаз. Почувствовав платок на своих щеках, она заплакала ещё сильнее. Моржов нежно поцеловал Соню в висок.

— Пойдём погуляем, — предложил Моржов. — На просторе и плакать слаше.

Он выбрался из-за стола и потянул Соню за собой. Соня не сопротивлялась, встала и вышла.

— Пойдём туда, — сказал Моржов, для наглядности указывая пальцем на дорогу, ведущую из лагеря к разъезду Колымагино.

Как раз наступило время куртки, и Моржов заботливо накинул её на Сонечку.

Они медленно и молча прошли под ржавой аркой ворот Троельги. Где-то в стороне, вверху за лесом, с гулом покатались огни пассажирского поезда — и ещё долго колотился отголосок, рассыпаясь вдали по долине.

Моржов искоса смотрел на Соню. Она была одета довольно нелепо — в клетчатую рубашку и спортивные брюки. Похоже, что сама Соня и не замечала этой нелепости, а точнее, привыкла к ней — как к последствию бедности. Соня была бедной девушкой, Моржов это понял уже давно. У Сони не было ни серёжек, ни даже какого-нибудь дешёвого колечка. И в Троельгу-то Соня пришла из Ковязина пешком — сэкономила на электричке. И Моржову стало жалко Соню, но не со снисхождением к ней, а со злобой на жизнь.

«Что-то я сегодня жалею всех малых сих, — беспокоился Моржов. — Может быть, это действие виагры начинается?..» Впрочем, Алёнушку Моржов жалел до того, как съел таблетку, хотя и по-другому: Алёнушку за глупость, а Сонечку — за бедность.

— Почему ты плакала? — спросил Моржов, приобнимая Соню.

— Меня... меня сегодня Роза Дамировна отругала... За то, что я хочу уйти отсюда домой, — призналась Соня.

— А почему ты хочешь уйти? — удивился Моржов.

Соня опять заплакала.

— Беда здесь дикто де дюбит, — прогнусавила она.

Моржов погладил Соню по опущенной голове.

— Это не так, — мягко сказал он. — Не так. Ты очень нравишься Константину Егоровичу. Щёкин втрескался в тебя по уши. А самое главное — здесь я не дам никому тебя обидеть.

Сонечка не отвечала, размазывая слёзы по лицу.

— Правда? — наконец спросила она.

— Правда, — серьёзно подтвердил Моржов. — Но почему ты решила, что тебя не любят?

Сонечка вдруг разревелась в полную силу. Моржов даже испугался — остановился, прижал Соню к себе и через некоторое время, положив Соне на затылок свою ладонь, осторожно потёр Соню лицом о свою грудь, вытирая Сонечкины слёзы.

— Ну-ну-ну... — шептал он. — Ты чего, маленькая моя?..

— Я сегодня... с детьми ходила... Я им луговые растения хотела показать... Флору... А они... Они Серёжу Васенина побили...

Значит, неукротимые упыри довели до припадка Милену, Розке звезданули граблями по заднице, а теперь вот и Соню достали...

— Я их всех завтра убью, — пообещал Моржов.

Соня подняла мокрое лицо, посмотрела на Моржова и улыбнулась опухшими, непослушными губами.

— Они же дети...

— Ну вот, ты сама себе всё объяснила, — согласился Моржов. — Чего же плакать? Разболтанные мальчишки. Шпанята. Они все скопом ревнуют Серёжу Васенина к Наташе Ландышевой, и только-то. Тоже любовь.

— А почему вы сказали «тоже»? — тихо спросила Соня.

Моржов понял, что Соня услышала про влюблённого Щёкина — и желает слышать продолжение. Но это ведь он, Моржов, сейчас утешил Соню, это он сожрал виагру, он идёт с Соней по ночной просёлочной дороге, он обнимает Соню — а Соня спрашивает про другого мужчину. Обида хлестнула Моржова по душе, и хлестнула бы вновь — но Моржов отвёл её в сторону, как ветку от лица.

Этой ночью Моржов опять стал свидетелем чуда: он видел, как девчонка, когда ей говорят о любви, из отчаянья вдруг доверчиво возрождается к жизни. И ради такого чуда Моржов мог пожертвовать наслаждением обиды, которая даёт карт-бланш на воплощение плана

эякуляции. Но Сонечкино воскресение, как подснежник о весне, вдруг напомнило Моржову о реальном мире вокруг — мире недобром и угрожающем.

Трава по обочинам просёлка ночью распрямилась, бросив на дорогу сабельно-зубчатые тени. Река шумела за кустами, будто там шло войско, позвякивая мечами и кольчугами. Еловые лапы в тёмно-синем небе казались китайскими иероглифами, нарисованными чёрной тушью по насыщенной акварели, и это наводило на мысль о восточных единоборствах.

— Говоря «тоже», я имел в виду Щёкина, — чётко и покорно подтвердил Сонечке Моржов.

— А что, он в меня влюбился? — наивно спросила Соня, будто бы Моржов уже не объявил об этом открытым текстом.

— Все, кроме тебя, это заметили, — сказал Моржов, хотя никто, кроме него, никогда ничего подобного не замечал.

— Он странный... — задумчиво сказала Соня с оттенком уважения и страха.

Моржов пожал плечами.

— Нормальный он. Упыри... ну, то есть пацаны, — они его слушаются, как овечки. А стали бы они подчиняться какому-нибудь чудика, а? Вот то-то. Если бы ты сегодня взяла Щёкина с собой, то мальчишки бы не только всю луговую флору вызубрили, а ещё бы и веночки плести научились.

Сонечка вздохнула с запоздалым сожалением. Моржов снова закурил. Какое-то время Моржов и Соня молчали.

— Соня, дитя моё, а что для тебя это значит — «любит»? — спросил Моржов, но не интимно, а как-то буднично и просто. — Ты вот плакала — никто тебя не любит. А это что такое — «любит»?

Соня долго раздумывала. Похоже, её разговорчивость прорывалась только вместе со слезами.

— Ну.. вы, Борис Дани...

— Боря, — перебил Моржов.

Соня кивнула, словно попыталась что-то проглотить.

— Боря... вы...

— Ты.

— Я.. я не могу ответить, — окончательно сбилась

Соня. — Такие вещи, они... ну.. личные... Как бы стыдно...

— А ты где живёшь в Ковязине?

— На Багдаде, — прошептала Соня.

В Ковязине не было района беднее, хуже и ублюдочнее Багдада. Что значит для девчонки с Багдада «меня любят»? Это значит — «меня хотят». Пиксельное Мышление. Мышление для бедных. Максимум упрощения при минимуме объёма знака.

— Если бы ты ушла из Троельги, Щёкин бы попросту запил, — сказал Моржов.

— Ну, потом бы мы встретились...

— Где? — усмехнулся Моржов. — Из МУДО тебя бы уволили. А Щёкин не гуляет по улицам, не ходит на дискотеки. Нигде бы вы не встретились, кроме как на работе. Вот куда бы ты пошла работать?

— В школу..

— Это как с мыльной фабрики перейти на шильную. В школе такие же упыри, как и здесь, только их больше в сто раз. Ты бы спеклась через месяц. Есть другие варианты работы?

— Ну.. — Соня колебалась, говорить или нет. — Ну.. меня Лёнька звал, обещал устроить... У меня с ним подруга там...

— Лёнчик? — изумился Моржов. — А вы знакомы?

Он сразу вспомнил, как Лёнчик кормил Сонечку шашлыками.

Соня кивнула, и Моржов даже при луне увидел, как густо она покраснела.

Блуда и МУДО

— А ты в курсе, что за работа у Лёнчика? — вкрадчиво спросил Моржов.

— Ну... как бы... Так — что?.. За деньги же...

Соня мямлила, и Моржов так и не понял, знает ли она специфику деятельности Лёнчика. Впрочем, не всё ли равно? Похоже, что предсказанный им вариант работы Сонечки вне МУДО — «у кавказцев на рынке» — был ещё не худшим. Если бы Сонечка попала в лапы Лёнчика и Сергача, она бы не выкрутилась, будь хоть трижды девственницей. А может, она и выкручиваться бы не стала? Не похоже, чтобы она была способна на какие-либо выкручивания.

— Сонечка, дитя, а чего бы ты хотела сама? — спросил Моржов.

— То есть?.. — растерялась Соня.

— Ну, где работать? Чем жить?

Соня посмотрела на Моржова и жалко улыбнулась — беспомощно и виновато.

— А сколько денег тебе надо в месяц?

— Ну... не знаю...

— А чего бы ты не захотела делать ни за какие деньги?

— Ну... вы так спрашиваете... — совсем смутилась Соня.

— А что тебе вообще в жизни надо?

Соня затравленно смотрела на Моржова, и Моржов почувствовал, что сейчас она опять заплачет.

Он обнял её, притиснул к себе и стал целовать в макушку.

— Ну-ну-ну, — опять зашептал он. — Я же сказал, со мной никто тебя не обидит...

Они стояли уже возле елового мыса на повороте просёлка. Просёлок убегал вверх — на гору к деревне Яйцево. Хорошо утоптанная тропа вела от просёлка вниз, к Талке, над которой висел перекидной мост.

— Пойдём покачаемся, — предложил Моржов.

Он достал фонарик, взял Соню за руку и повёл по тропе, светя Соне под ноги, а сам шагал в травах. Коле-ни сразу намокли от ночной росы. Друг за другом они осторожно взошли по лесенке и ступили на узкий вися-чий мостик, который под ногами тотчас норовисто дрог-нул. Перила здесь заменяли железные тросы. Соня ойк-нула и схватилась за левый.

— Держись сразу за оба троса, — посоветовал Моржов и лёгким шлепком по заду послал Соню вперёд.

Раскинув руки словно крылья, Соня неуверенно шла по хлипким досочкам настила. Моржов, приотстав, лю-бовался Соней — вынужденно раскрывшейся, а потому вдвойне желанной. Видимо, в недрах Моржова виагра поднимала свою змеиную голову.

— Я дальше боюсь... — на середине моста призналась Соня. — Там вовсе вихляется всё...

— Тогда давай посидим здесь, — согласился Моржов.

Они сели на край настила рядышком и свесили ноги. Моржов опять обнял Соню за талию, невесомо коснув-шись рукой Сонечкиной груди. Грудь была уже готова, только нажми кнопку.

Но Моржов не спешил нажимать, глядел вглубь тём-ной долины. Полураздетая луна брела по мелководью не-босвода, рябого от звёзд. Рябила и Талка, но её мерца-ние то разгоралось, то гасло. Пульс фонарей железной дороги улетал вдоль чёрного склона горы, частил и на-конец сливался с пульсом июньского созвездия Девы. На горизонте горела дымка огней города Ковязина. От-куда в Ковязине вдруг взялось столько света?.. Для пол-ночи света вообще оказалось как-то чересчур много...

Не глядя на Соню, Моржов был уверен, что рядом с ним уже сидит мерцонид. Как выяснилось, с Сонечкой всё было просто. Ну, понятно почему — ПМ. У Сонечки с миром была отнюдь не механическая связь — с изогну-тыми шатунами, кривошипам и дифференциалами ло-

гики, с переключением векторов приложения сил и редукторами для ступенчатой смены ритма. Связь была какая-то природная, вроде магнитного притяжения — на прямую. Манёвры ухаживаний Сонечке не требовались. И что кому в Сонечке могло не нравиться? Идеальная женщина для идеального мужчины.

Моржов для выразительности кульминации (виват, Голливуд!) вдруг решил ещё добавить спецэффектов, снова включил фонарик и направил луч в реку.

— Ух ты!.. — восхитилась Сонечка, слегка наклоняясь, как яблоня, и укладывая свою грудь на ладонь Моржова, как яблоко.

В столбе света сквозь воду виднелись зыбкие камешки на дне Талки; бок угловатого валуна, из-под которого развевались жёлтые пряди подводных трав; чёрные рыбы, что вместе со своими тенями крутились так, словно они что-то здесь потеряли. Моржов хотел переместить луч, но фонарик вывернулся из его руки и полетел вниз. Под мостом негромко и неярко бултыхнуло брызгами и искрами, а потом под дрожью течения Моржов снова увидел свой фонарик, продолжающий светить и на дне. Перед фонариком, отбросив раструбы теней, уже висели две рыбины, одинаково играющие хвостами.

Рука освободилась, и Моржов принялся расстёгивать пуговицы на рубашке Сони. Объяснять что-либо Соне не требовалось. У Сони, конечно, не было стимула отдаваться Моржову — но и не было стимула возражать. Ключ от Сонечкиной недоступности был даже не спрятан; он просто лежал сверху на комодике ПМ среди прочих девчоночьих безделушек.

Моржов бережно положил Сонечку на спину прямо на тёплые доски настила и раскинул Сонечкину рубашку — словно развернул обёртку подарка. Моржов слегка похлопал Сонечку по бедру, и Сонечка сама немного приподнялась так, чтобы Моржов стянул с неё брюки и трусики.

«...С чего это можно решить, что Сонечку нужно переставать? — думал Моржов. — С чего это можно решить, что плохо, когда девушка такая, как Соня? Перевоспитывать Соню — это: а) уже поздно и бесполезно; б) значит погасить её мерцоида, в) снять с себя ответственность за Соню, причём самым демагогическим образом». А Моржов детерминизм уважал, мерцоидов приветствовал, а с собственной ответственностью за кого-нибудь жить ему было проще, чем тревожиться за риски чужой самостоятельности.

Моржов чувствовал себя горячим ледником, лежащим меж мягких горных вершин Сонечкиных грудей и коленей. Сонечка не вскрикивала и не сжималась, а дышала свободно, мощно и ровно — будто её наконец-то включили на полную силу жизни. Её коса свесилась с настила и моталась, точно стрелка метронома, под скрип железных тросов отсчитывающего мерные движения мостика, что качался под Моржовым, как колыбель.

Где-то сзади Моржов вдруг уловил чьи-то шаги, чужой дрожью отозвавшиеся в колебаниях тросов. «Блин, — подумал Моржов, — нашёл, где заняться любовью — на дороге!...» Но, как в старом анекдоте, остановиться Моржов не мог.

Шаги потоптались вдали, а потом начали приближаться. Не прерываясь, Моржов опёрся на локти и ладонями закрыл Сонечке лицо. Соня покорно ждала. Шаги приблизились вплотную, потом Моржов увидел высокие резиновые сапоги, деликатно ступающие обочь, а потом — удаляющуюся брезентовую спину с капюшоном и блеснувшее под луной остриё спиннинга.

Ухмылка против воли развезла физиономию Моржова. И здесь, на мостике, с Сонечкой он был не один — и в самой Сонечке тоже. Судя по мягкости и лёгкости, с какими Моржов проник в Соню, Щёкину таки придётся исправлять мемуары, где он уже написал, что Соня — девст-

венница. Впрочем, Моржова-то это не волновало. У него и самого много их было: лучших, первых и единственных...

Интересно только, с кого началось. Моржов убрал ладони с лица Сонечки, словно мог прочесть об этом у Сонечки по глазам. Но прочесть оказалось невозможно. Соня лежала зажмурившись, а вид у неё был сосредоточенный и отрешённый. Кажется, Соня и не заметила прохожего рыбака — так же, как, похоже, не замечала сейчас и самого Моржова. Значит, она доверилась Моржову настолько, что полностью отключилась, и такое доверие стоило очень дорого. В этот миг девчонка сливалась не с мужчиной, а со своим мерцонидом, но все мерцониды на изгибе страсти были на одно лицо. И Моржов даже не понял, с кем он сейчас — с Сонечкой? с Розкой? с Миленой? ...Или, может, с Алёнушкой?

Глава 5

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Костёрыч решил повести упырей на карьер за дальнюю деревню Цепочкино. Полвека назад в этом карьере выкопали кости допотопного мамонта. Теперь скелет этого мамонта, коричневый от древности, целился бивнями в любого, входящего в областной краеведческий музей. Упыри рассчитывали обнаружить в карьере не меньше, чем второго мамонта. Для этого им были необходимы лопаты. Памятуя о плачевной судьбе грабель, сломанных упырями на субботнике в битве за мусор, друиды вздули расценки на аренду. Теперь лопаты стали стоять по двадцать рублей за штуку. Лопат у друидов нашлось всего две, но для чекушки их хватало. Костёрыч посчитал в уме и сказал упырям, что на работу по извлечению мамонта может отвести им три часа. Упыри быстро распределили

время копки. Каждому досталось 45 минут пользования лопатой, а Пектусину и Дерьмовочке (ввиду их бесперспективности — с точки зрения упырей) — по 22 с половиной минуты.

В девять утра Костёрыч всех увёл.

После неспешного, почти дачного завтрака Моржов, Розка и Щёкин остались на веранде, а Милена и Сонечка легли загорать на волейбольной площадке. Розка решила не терять ресурс и сгоняла Моржова на кухню за кастрюлей грязной картошки. Сама она принесла пустую кастрюлю — для картошки уже почищенной — и три ножа. Моржов согласился помочь, а Щёкин наотрез отпёрся.

— Я не могу, — пояснил он, — я не приспособлен. У меня ручки маленькие, как у тираннозавра.

Щёкин сидел за тем же столом, что и Розка с Моржовым, но поодаль. Он расстелил перед собой на столешнице свежую футболку и синим фломастером старательно закрашивал буквы, начерченные пока только контуром. Буквы складывались в надпись «Цой жив».

— Моржов, чего у нас ножи такие тупые? — придиралась Розка, строгая картофелину. — Что, у нас мужиков нету — ножи наточить?

— Точилка лежит на кухне, — терпеливо ответил Моржов. — Её не надо надевать на член, поэтому ею может воспользоваться и женщина.

Розка недовольно фыркнула.

— Я, между прочим, вчера в Ковязине была, — с угрозой сказала она. — Заходила в МУДО. Знаешь, что мне Шкиляева сообщила?

— Что в Бангладеш изобрели способ лечить гонорейку за два дня посредством метания бумерангов? — предположил Щёкин.

Розка сидела за столом в обтягивающей майке, из которой её груди вылезали, как арбузы из бахчи. Не по-

следнюю роль играли и кокетливые спортивные трусы — правда, только тогда, когда Розка вставала. Розкины прелести словно бы не вмещались в нарочито тесную одежду и рвались на свободу. Не мудрено, что Моржова и Щёкина без сговора кренило на сексуальную тему. Розка злилась, но не сдавалась: то есть продолжала кромсать картошку, но не желала одеться приличнее или раздеться совсем.

Реплику Щёкина Розка проигнорировала.

— Шкиляева сказала мне, что ты, Моржов, обещал ей принести сертификаты на школьников нашего лагеря и не принёс ни хрена!

Это правда: чичинья Моржова пока что закончились крахом.

— А девкам ты об этом говорила? — спросил Моржов.

— Пока нет. Думаю, чего с тебя содрать за молчание.

— Пошли в кусты, и там сдерёшь с меня нижнее бельё.

— Ты, блин, только про баб и думаешь! — возмутилась Розка.

— А ты только про выгоду, — парировал Моржов.

— Потому что вы, мужики, нынче не можете даже свою бабу обеспечить!

— Свою печь обезбабить, — спокойно поправил Моржов.

— А вы, бабы, нам не даёте, — ответил Щёкин. — Хрена ли нам, мужикам, стараться?

— Это вопрос типа «курица или яйцо?», — сказал Моржов, предотвращая спор. — Что сначала? Заработай — и дадут? Или дадут — и отработай?

Для Моржова такого вопроса не существовало. Женщины, как дети, хватали всё яркое, свежее, красивое — такова была их природа. Хватали — и расцветали. Отдавая женщине всё своё лучшее — яркое, свежее и красивое, — Моржов покупал женщину и тем самым отданное

добро возвращал себе обратно. То есть, по сути, покупал сам себя. Разве что только такого себя, какого ещё нет... или уже нет. Или никогда не было. Или никогда не будет.

Что поделать — Кризис Вербальности. Ценности не транслировались, чужое никому не доставалось. КВ — это одиночество, когда всегда сам напротив себя. А жажда секса для Моржова была просто жаждой подлинного общения — то есть выведенного за пределы КВ и неизбежно невербального.

— Принеси мне другой нож, острый! — приказала Розка Моржову и раздражённо бросила свой нож в кастрюлю с очищенной картошкой.

Моржов встал, выбрался со своего места, взял неиспользованный ножик Щёкина, положил его перед Розкой и демонстративно сел на другое место так, чтобы видеть загоравших Милену и Сонечку. Обе они лежали на животах. Попка Милены была изысканна и анатомически-выразительна, а большая и нежная попа Сонечки тревожила Моржова уже знакомыми очертаниями, сейчас досадно скрытыми купальником.

Розка отследила взгляд Моржова и разозлилась ещё больше. Попутно моржовскому взгляду Розка заметила протекающий кран в умывалке. Розка не размышляла долго, чем наказать Моржова.

— Моржов! — с чувством сказала она. — Ты на жопы пялишься, а сам не видишь, что из крана вода льёт! Сходи закрой!

— То кастрюля с картошкой, то точилка, то ножик... — ответил Моржов. — Я тебе мальчик на побегушках, что ли? Если надо, встань и сходи сама. А я тогда на твою жопу попялюсь.

Розка гневно поджала губы, сердито воткнула нож в столешницу и вылезла из-за стола. Повернувшись спиной к Моржову и Щёкину, она яростно подтянула свои

Блуда и МУДО

трусы чуть ли не до подмышек так, что её смуглые ягодицы выкатились на свет, будто надулись, словно подушки безопасности при ДТП.

Розка пошла к умывалке, по дороге бросив презрительный взгляд на Милену и Сонечку, завинтила кран и вернулась, глядя на Моржова победно и вызывающе.

— Одобряем, очень одобряем... — как китаец, униженно и благодарно кивал Розке Щёкин, молитвенно сложив ладони.

— Вот и славненько, без нервов, — спокойно одобрил Розку Моржов. — А за сертификаты не переживай. Чего они тебе? Мы же с тобой, по идее, американцев пасём. Нам сертификаты не нужны.

— Начнут девок проверять и до меня доберутся.

— Я обещал решить эту проблему? Обещал. Значит, решу. Пацан сказал — пацан как-нибудь попозднее сделает.

— Их всё равно выгонят, — мстительно сказала Розка, кивнув на Милену и Сонечку. — Шкиляиха заявила, что закроет все кружки, которые дублируют школьную программу. Оптимизация.

— В школе нет предмета «туризм»! — вскинулся Щёкин.

— Зато есть физкультура, ОБЖ и география, — сказала Розка. — Да ты рисуй, рисуй, не отвлекайся. Дело-то важное.

— Я Цоя люблю! — агрессивно прорычал Щёкин, прикрывая руками футболку. — Я тоже последний романтик!

— И краеведение в школьной программе есть, — добавила Розка Моржову. — На него выделены часы в курсах по географии и истории. И язык иностранный. И экология — в биологии. Осенью уже тебе не на чьи жопы будет тарашиться.

— Буду на твою смотреть, — не сдался Моржов.

— Моя выйдет замуж!

— А нафига замуж? — спросил Щёкин, приступая к букве «Ж». — Сама же орала, что хороших мужиков уже не осталось.

— А что, осталось, что ли? — картинно изумилась Розка. — Покажи хоть издали. Из вас всех ни на кого нельзя положиться!

— И не надо на нас ложиться, — согласился Щёкин. — Мы лучше сами на вас ляжем. Такая поза традиционнее.

— А мне, может, всадницей нравится.

Моржов чуть не порезался — ему послышалось «в задницу». Щёкин тоже как-то напрягся.

— Всяка морковка сладкая, — осторожно сказал он.

Розка надменно усмехнулась и, видно, решила поумничать.

— Только и можешь думать о банальном сексе, — хмыкнула она.

Моржов со Щёкиным переглянулись, не выдержав обоюдных сомнений в услышанном.

— А чего бы о нём и не думать? — спросил Моржов. — Это же не свержение государственного строя и не клевета на правящую партию. Можно и подумать, срока не пришьют.

— Вам бы лишь потрахаться! — возмутилась Розка. — До прочего и дела нет! Работать никому неохота!

— Неохота, — согласились Моржов и Щёкин. — А тебе охота?

— А надо! Вот я и работаю! И в нашем-то МУДО, знаешь ли, так ухайдакиваешься, что уже всё по барабану, лишь бы отвязались! Согласна на всё, хоть на полу в актовом зале!

Уши Моржова одеревенели и поехали куда-то к затылку. Он услышал — «половой акт сзади». Это что же такое творилось-то? Розка говорила на каком-то другом языке — и вовсе не о том! Словно мерцоид вышел в ноосферу, как космонавт в вакуум! ДП(ПНН) и КВ сливались воедино!

Блуда и МУДО

— Тебя на работе за день так поймеют, что вечером уже и в рот ничего не лезет! — продолжала бушевать Розка.

Моржов и Щёкин сидели на скамейке столбиками, как суслики возле норок, и молчали.

— Ты сказала «за день» или «сзади»? — деликатно осведомился Моржов. — Прости, я просто пытаюсь понять — мы тут о чём?..

Розка обвела Моржова и Щёкина непонимающим взглядом, явно прокручивая в памяти всё, что только что сказала. До неё что-то начало доходить.

— Дрочит пулемётчик на синий платочек... — потрясённо прошептал Щёкин.

Розка — даром что смуглая — багрово покраснела, выдавая свою неистребимую благопристойность, и засверкала глазищами.

— Ща обоим эти кастрюли на бошки надену! — страстно выдохнула она. — Ид-диоты!..

Что интересно, мерцоид так и не появился.

...Зато теперь Сонечки как девушки при Моржове в природе больше не существовало. Едва Моржов останавливал на Сонечке взгляд (а Сонечка замечала это), она неудержимо обращалась в мерцоида. Вот и сейчас, приближаясь к Моржову, Соня трансформировалась, словно её плавил полуденное солнце.

После обеда Моржов и Щёкин сидели на веранде и курили. Щёкин попутно пил пиво. Он глядел на Сонечку сквозь многозначительный прищур, и надпись «Цой жив» на его груди казалась смутной угрозой.

— Бо... Борис Данилович, — стеснительно прошептала Соня, не одолев в присутствии Щёкина обращение «Боря». — Там в корпусе Роза Дамировна плачет...

— А что случилось? — удивился Моржов и посмотрел на корпус в бинокль. Корпус всем своим обычным обликом словно бы выразил непонимание и недоумение

и даже косо сверкнул крайним окном, будто скривился, пожимая плечами.

— Не знаю... — пролепетала Сонечка.

Моржов вздохнул и поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Дядя Боря шас всё уладит.

Щёкин тоже полез из-за стола.

— Проклятая тяга к знаниям! — заворчал он. — Зачем я в детстве смотрел киножурнал «Хочу всё знать»?.. На хрена мне это? Почему нельзя знать — но не участвовать? Почему знаешь только тогда, когда участвуешь, а если не участвуешь, то и не знаешь ни шиша? Менять логику к чёрту! Причинно-следственные связи — бич нашего пространственно-временного континуума!..

— Да расскажу я тебе, — отмахнулся от Щёкина Моржов.

— Я никому не верю! Ни-ко-му! Моя жизнь была переполнена самым гнусным вероломством, и теперь я...

Моржов шагал к корпусу, не слушая Щёкина.

У крыльца в шезлонге лежала Милена — в бикини, в панаме и с покетбуком. Моржов подавил в себе желание затормозить и взлетел на крыльцо. Миновав тёмный и прохладный после солнцепёка холл, где со стены запыленно и призывно махнул белизной планшет «План эякуляции», Моржов прошёл в палаты.

Розка нашлась в комнате, служившей складом. Здесь на одной из четырёх коек громоздилась поленница из разноцветных матерчатых рулонов — свёрнутых спальных мешков. Розка не плакала. Розка самозабвенно рыдала, сидя на пустой панцирной сетке и закрыв лицо руками.

Моржову вмиг стало нестерпимо жаль Розку. Моржов мог осторожно поставить женщину на место, но обидеть — не-ет. Это даже хуже, чем обидеть ребёнка, потому что дети вертятся под ногами, и их можно обидеть невзначай. А обидеть женщину — это как поймать бабочку и оборвать ей крылья.

Моржов присел перед Розкой на корточках.

— Что стряслось? — спросил он.

— Ничего! — проревела Розка.

Моржов покачал Розку за колено.

— Говори, — настаивал он.

— Спальники украли! — выдала Розка.

Моржов оглянулся на поленницу спальников — он не видел отличия от той поленницы, что образовалась в день завоза инвентаря. Наверное, на это и рассчитывали злоумышленники.

В комнатухе обнаружили и Сонечка со Щёкиным. Сонечка с ужасом смотрела на Розку, как на приговорённую к расстрелу за государственную измену, а Щёкин мужественно обнимал Сонечку, словно обещая защитить её грудь с надписью «Цой жив».

— Шесть штук спальников, — добавила Розка.

Моржов понял, что после обеда Розка решила провести учёт и всё посчитать — тут-то и выявила недостачу.

— А сколько стоит спальник? — сразу спросил Моржов.

— Семьсот двадцать!.. — прорыдала Розка. — Они пуховые!.. Специально для американцев такие покупали!..

Моржов прикинул в уме: Розка залетела почти на две зарплаты. Для Моржова это были не деньги. Он бы съездил в Ковязин и купил новые спальники, да и всё, лишь бы Розка не ревела.

Рядом со Щёкиным и Сонечкой в комнате появилась и Милена. В бикини она стояла как голая, и казалось, что её тоже обокрали.

— А кто мог украсть? — допытывался Моржов.

— Ты! — яростно крикнула Розка и зарыдала более бурно.

«Друиды, конечно, могли позариться на спальники, — начал рассуждать Моржов, — они ведь всё время повсюду ходили по Троельге... Но для них красть спальники — значит потерять доступ к телу Моржова, а друиды

не могли себе позволить терять ВТО. Спальники могли утащить и упыри... Но, с другой стороны, безумные упырины мозги не сообразили бы, как извлечь из спальников выгоду. Да и не воруги упыри были, хоть и шпанята».

— Щёкин, это не ты спёр? — спросил Моржов, чтобы разрядить обстановку. Он против воли оглянулся на Щёкина — так, чтобы увидеть Милену с её упругим животиком и голой промежностью, лишь слегка перечёркнутой полоской бикини, словно это был не запрет, а лишь намёк на запрет, которым можно и пренебречь.

— Не, у меня же ручки маленькие, — напомнил Щёкин.

— Наверное, надо заявление в милицию написать, — сказала Милена. — Роза, у тебя же там Валера работает...

Розка зарыдала так сокрушительно, будто Милена лишила её последней надежды. И тут Моржов всё понял. Дело даже не в том, что Сергач не станет помогать Розке, а менты не будут ничего искать. Дело в том, что из-за Сергача всё и стряслось, а Сергач наверняка был в курсе. Спальники украл Лёнчик. Кому же ещё? Украл в ночь первого банкета — и увёз на машине Сергача, не иначе, потому что шесть рулонов в одиночку не унести.

А чего от Лёнчика ждать иного? Моржовский велосипед, Розкин сотовый телефон и мангал Сергача — всё было где-то когда-то украдено Лёнчиком (или «взято» у какого-нибудь «чёрта»). Теперь приходилось расплачиваться. Розке — первой.

— Я куплю тебе такие же спальники, — пообещал Моржов Розке.

Розка впервые подняла лицо, перемазанное растёкшейся косметикой и оттого невообразимо трагическое.

— Я тебе любовница, что ли, чтобы ты меня оплачивал?! — закричала Розка.

Моржов оторопел. Оно и правда. Он забылся. Такие вещи он не должен был обещать прилюдно.

— Ладно-ладно... — залопотал он.

Блуда и МУДО

— Всё! — на что-то решилась Розка и принялась вытирать лицо ладонями. — Надо накатать на Шкиляеву телегу в областной департамент образования. Пусть её с работы снимут!

— А при чём здесь Шкиляева? — рассудительно спросила Милена. — И чем тебе поможет, если её снимут?

— Она же во всём виновата! Как она в этот лагерь нас законопатила ни с того ни с сего? У нас свои дети дома остались, мы матери-одиночки!.. Шкиляева завлагерем Каравайского сделала, а почему материальная ответственность на мне? За что Каравая зарплату заплатят? Одни нарушения! Лагерь не готов! Нам платят за обычный рабочий день, как в городе, а мы здесь двадцать четыре часа! Без выходных! Да Шкиляеву за это из МУДО под жопу ногой вышибут!..

— И что будет? — продолжала интересоваться Милена.

— Ничего не будет! За спальники — с неё спрос! Она же всё затеяла! Мне даже амбарного замка на кладовку не дали!

— Розка, это всё глупости, — решительно сказал Моржов. — Только себе хуже сделаете, если донос напишете.

— Ты вообще молчи! — накинулась Розка на Моржова. — Шкиляиха во всём виновата, а без неё всё нормально пойдёт!

Моржов смотрел на Розку во все глаза. После того как он сформулировал для себя мысль о ПМ, он впервые воочию видел Пиксельное Мышление в действии. «Во всём виновата Шкиляева» — это пиксель. Розка выстригла его прямоугольник из картины жизни, размашисто отрезав все волнистые края очертаний реального цветового пятна. И этот пиксель Розка сделала своим ВТО, Внешней Точкой Отсчёта своей жизни, по которому доносом хотела нанести ТТУ — Титанический Точечный Удар.

Свой ТТУ раньше она планировала нанести по пикселю «замужество с Сергачом». По мнению Розки, ТТУ

по этому пикселю был рычагом для решения её проблем и для преобразования её действительности к лучшему. Своей кражей Лёнчик дискредитировал Сергача. И новой точкой для ТГУ Розка, не мудрствуя, назначила Шкиляиху. Но Моржова это не устраивало. Он должен был рвануть ткань жизни на себя так, чтобы на месте точки для Розкиного ТГУ оказался он сам, а не Шкиляиха. Тогда бы Розка точно легла под него, как справка под печать.

Моржов почувствовал, что упускает момент.

— Розка, донос — это всё бред! — громко заявил он. — Шкиляиху из-за вашего письма не уволят!

— У неё столько нарушений!.. — крикнула Розка.

«Да хоть сколько!» — хотел ответить Моржов, но не ответил. Убеждать Розку, что Шкиляева тут не главная, Моржов не мог, потому что пришлось бы называть имя главного — имя Манжетова. Но и озвучивать имя Манжетова Моржов тоже не мог, потому что, озвучив его, автоматически терял шанс на Милену. Из желания сохранить своё лицо Милена — если Моржов назовёт Манжетова — обломает Моржова, как Юлька Коникова. Сделать лучше для всех и получить своё Моржов мог только тихой сапой, никого не посвящая в смысл своих действий.

— Я же сказал, что решу все проблемы! — утробно сказал Моржов. — Сидите, не рыпайтесь! Что за бунт на борту?

— Чего ты решишь? — гневно закричала Розка. — Ты до сих пор ни одного сертификата не добыл! Всех нас подставил! Теперь нам уже поздно каяться, что детей в лагере нету! Надо Шкиляиху убирать! Иначе всех уволят!.. Девки, вы знаете, что Шкиляиха собралась закрыть все кружки, которые дублируют школьную программу?..

Соня и Милена обомлели. Моржов плюнул от досады. Разбуянившаяся Розка вываливала все скелеты из всех шкафов.

Блуда и МУДО

— Всех уволят! — кричала Розка. — И тебя, Милена, и тебя, Сонька! А вы всё Моржа слушаете!..

— Полный щорс! — тихо и печально сказал Щёкин.

— Никого не уволят!.. — зарычал Моржов, но ему уже никто не доверял, как никто не боится тигра, запертого в клетке.

— Я письмо напишу про Шкиляиху, а вы подпишетесь! — командовала Розка, словно вычеркнула Моржова из жизни.

— Н-ну, подпишусь... — неуверенно согласилась Милена.

— А ты? — Розка развернулась на Сонечку.

— Так что... Если надо... Как все...

Моржов почувствовал, как вокруг него расцветает апофеоз бабства. Ни его, ни Щёкина, ни Костёрыча никто ни о чём не спрашивал, хотя они были столь же равноправными субъектами действия, как Розка, Милена и Сонечка. Но юбком положил их ножками вверх, как стулья на столы во время мытья полов. Юбком сам думал, сам решал, сам делал, не оглядываясь ни на кого.

Конечно, Моржов мог стерпеть бабство, как терпели его Щёкин и Костёрыч. Но, на взгляд Моржова, в основе Розкиной модели поведения лежал самый проигрышный принцип действия. Собственно, этот принцип всегда и определял существование пикселя для ТТУ. Моржов назвал бы его Падкостью На Ближайшую Выгоду, или Тягой К Немедленной Пользе. Такой уж у ПМ был формат — Формат Скорейшего Блага. От злости Моржов даже забыл его зааббревиатурить.

Скорейшим Благом для Розки было спасение от выплаты за украденные спальники. И плевать, как всё повернётся дальше.

За нарушение инструкций при организации лагеря в Троельге Шкиляеву, конечно, могли попереть с работы. При особой ловкости на изгнанную Шкиляеву можно

было бы перевесить и все прочие грехи вроде отсутствия детей и американцев. Но всё это не спасло бы МУДО от превращения в Антикризисный центр, а всех, кроме Милены, не спасло бы от увольнения. И Щёкин бы пошёл сторожить автостоянку, Костёрыч повис бы на жене, а Розка вышла бы замуж за сутенёра, который взял бы на работу Сонечку. Зашибись картинка! Но Розка не могла увидеть её, потому что такая картинка, согласно технологии Пиксельного Мышления, причинно-следственно не вытекала из доноса на Шкиляиху. Да Розка и не могла смотреть на какие-то другие картинки, кроме своего пикселя Скорейшей Выгоды. «Бли-ин, ещё у Шкиляихи я жопу не прикрывал!..» — застонал Моржов в душе.

Ковыряловка считалась городским районом, хотя оставалась деревня деревней. Она просторно лежала на лугу вдоль Талки, отделённая от Ковязина буйно-бандитской гривой Банного лога. Над зарослями лога по склону Семиколоколенной горы лезли друг на друга битые кирпичные морды района Багдад. За их крышами виднелись брезгливо отвернувшиеся фронтоны городского центра. На вершине Семиколоколенной горы, как продырявленный и рухнувший с неба монгольфьер, косо вздымался Спасский собор. Его угловатая ветхость отзывалась в закопчённой колокольне багдадской церкви. Из обломанной верхушки колокольни торчала чёрная труба кочегарки. А напротив Ковыряловки — на другом берегу Талки — безмятежно кучерявился кладбищенский парк культуры и отдыха, где патриархально отдыхала, точно присела на скамеечку, Успенская церковь. Само небо над Ковыряловкой всегда казалось каким-то деревенски-маленьким, полузадёрнутым занавесками тучек, словно подслеповатое окошко.

Моржов катил на велосипеде прямо посреди широкой улицы. Слева и справа бежали заборчики с шапками си-

рени, крашенные деревянные дома с резными наличниками, и нигде — ни магазина, ни ларька, ни пешехода. У чьих-то ворот стоял трактор, запряжённый в тележку. На полу тележки, видно, оставалось сено, и здесь, толкаясь рогами, топтались три козы.

— Стеша! — через всю улицу кричала пожилая женщина, стоя за забором. — У тебя миксер есть?

Стеша точно так же торчала за своим забором.

— Димке отдала! — ответила она.

Моржов ехал к Анне чичить сертификаты. Дом Анны он узнал по жестяному петуху над трубой. Солидные ворота подворья Анны предназначались для солидного транспорта; для себя и велосипеда Моржов открыл в створке ворот калиточку и проник во двор.

Дошчатые дорожки поясняли, где и куда надо идти. Аннин двор был обустроен с ковызинским шиком: его на участки делил лёгкий штакетник. Это — палисадник, здесь — для машины, там — огород, ну а тут можно присутствовать и посторонним. Такое навязчивое структурирование Моржову казалось простодушно-важным, как если бы гаишник у себя дома на всех углах повесил бы светофоры.

Анна выходила из дверей дома с двумя вёдрами.

— О! Привет! — деловито обрадовалась она Моржову. — Ты как раз вовремя. Воду принесёшь.

В этом была вся Анна. Они полгода не виделись — но она сразу же приставила Моржова к делу. Анна вообще не терпела, когда мужик пребывает в праздности. Когда в былые времена Моржов по вечерам провожал Анну домой, Анна требовала, чтобы он хоть пиво пил по дороге — лишь бы не бездельничал.

Водоразборная колонка находилась неподалёку. Пока она хрипела, струёй раскачивая подвешенное ведро, разговаривать было невозможно. Моржов подхватил полные вёдра и почувствовал, что поневоле приобретает

крестьянскую осанку — ноги чуть согнулись, чтобы удобнее было семенить с грузом, зад отключился, плечи развернулись, руки растопырились, а шея выгнулась, как у верблюда.

— Чего у тебя Андрюха скважину не пробурит? — прокряхтел Моржов, топая за Анной к воротам.

— Есть скважина, только насос не работает.

— Почему?..

— Откуда я знаю? Сломался. Или алкаши провода срезали. Андрюха вернётся — починит.

— Куда он у тебя укатил? — сразу ободряясь, спросил Моржов.

— Повёз Коську к своим родителям на неделю.

Коська — это сын Анны и Андрюхи, дьявол лет восьми.

— А мать у тебя дома? — допытывался Моржов.

— А ты у меня ночевать хочешь? — напрямик спросила Анна.

Моржов Анне нравился. Рослый, если что — не ссыт, руки из нужного места растут, к тому же кого хочешь может нарисовать похоже. Неувязка заключалась в том, что в хозяйстве Анны место, пригодное для Моржова, уже занимал Андрюха. Но Анна, как рачительная хозяйка, не дала добру пропасть и подыскала Моржову другое местечко — любовника. Анна была на три года моложе Моржова, а Моржову казалось, что на десять лет старше.

— Если можно, то я заночевал бы, — признался Анне Моржов.

Выражение «если можно» он употреблял не в смысле «если ты хочешь», а в смысле «если никто не узнает». Собственное «хочу — не хочу» для Анны не имело никакого значения. Надо значит надо.

— Мать на дежурстве, только утром придёт.

Отца у Анны сроду не было. Получалось, что сегодня Моржов живёт у Анны.

Дом у Анны был большой, многокомнатный и старомодный. Его старомодность заключалась в некоей избыточности, излишней добротности: на кухонном столе — клеёнка, на подоконниках — цветы, на телевизоре (большом, современном) — салфетка, на подушках — накидки, на диване и креслах — чехлы. Понятно — ковры на полу и стенах, шторы на окнах; понятно — портьеры вместо дверей; понятно — бабкина швейная машинка, отлаженная, как пулемёт, и готовая к делу в любой миг.

Поскольку Моржов на ночь претендовал на роль Андрюхи, то и днём Анна использовала его как мужа. Моржов наколот дров, отнёс и вылил в Банный лог три ведра мыльной воды, вытащил из подпола могильно пахнувший мешок картошки, натянул во дворе бельевые верёвки, вернул бабе Кате одиннадцать рублей долга и со списком покупок сходил в дальний гастроном. Моржову даже понравилась эта игра в работящего мужика и домовитую бабу.

— Ты чего в прихожую грязь натащила? — сварливо крикнул он Анне. — Ноги вытереть лень?

Анна послушно взяла тряпку и пошла подтирать грязь. Похоже, она не видела разницы между мужем и Моржовым. В гараже у Андрюхи стояли потрёпанный «Жигуль» и мотоцикл «Ява»; если «Жигуль» не работал, Анна без проблем ехала по делам на «Яве»; так же, видимо, она воспринимала и мужа с любовником.

Кстати, уже завечерело. По Ковыряловке пели петухи, гавкали собаки, смеялись какие-то подростки. Посреди улицы стояла, мотала башкой и мычала чья-то корова — словно алкаш, который не догулял с рухнувшей братвой и теперь горланит песню в одиночку.

В крытом подворье Анны Моржов чинил дверку, которой грозил скорый паралич: отвёрткой он подтягивал разболтавшиеся шурупы петель.

— Хватит там копать! — одёрнула его Анна. — Ужинать пора. Давай живей, пока не остыло. Разогреть потом не буду.

У Анны всё было конкретно. Мужик — это такая полезная и сообразительная рабочая скотина. Мужик должен работать, жрать, трахаться, спать. Если ему этого не предоставить, он убежит и напьётся. Изредка мужика надо отпускать на волю (в ночное) — на рыбалку или на чьи-нибудь похороны. Мужiku надо внушать, что им гордятся и он хозяин. Для этого иногда надо одеть его лучше и вывести показать соседям. Там от счастья он, конечно, ухрюкается, и его надо тянуть домой не спеша, чтобы он по дороге проорался. Вот, в общем, и всё.

Моржова ждали здоровенная сковородка жареной картошки и тарелка с солёными огурцами. Моржов навалился на ужин. Анна заперла двери, задёрнула шторы на окнах, выходящих на улицу, и включила верхний свет. Она села за стол напротив Моржова и стала внимательно смотреть, как Моржов ест.

— Тебя чего в город-то принесло-то? — наконец спросила она.

Для Анны желание секса не было достаточной причиной, чтобы куда-то ехать и что-нибудь предпринимать.

— Мне сертификаты на детей нужны, — треща огурцом, сказал Моржов. — Можешь мне дать? До августа.

— Надо — так дам. Но завтра. Они же на работе, в сейфе лежат.

— Пойдёт и завтра, — кивнул Моржов. — Как у тебя жизнь?

— Нормально, — пожала плечами Анна. — Мотоблок купили. На гараже крышу перестелили. Мать — тьфу, тьфу — здорова.

— А на работе?

— И на работе нормально. Что там может быть? Какие-то странные ты вопросы задаёшь. Спросил бы ещё, всё ли у меня в холодильнике нормально.

Вот этой нормальностью Анны Моржов всегда наслаждался. Он, Моржов, для Анны был ценным кадром (его можно призвать Андрюхе в помощь, он сам мог чего-нибудь покрасить или приколотить, у него можно было перехватить денег в долг), поэтому Анна и пристроила Моржова при себе. Она не навязывалась сама, но когда Моржов предложил, она сразу легла с ним в постель. «Что я, девочка, что ли? — удивилась она в ответ на моржовское удивление. — Если никто не знает, так что такого? А тебе и мне хорошо. С кем попало я не сплю; вообще — кроме мужа, только с тобой. А на верность эту плюнь. Верной надо было первому быть, а Андрюха у меня не первый. И нечего тут сопли размазывать, жить надо».

— Какие у тебя житейские планы? — спросил Моржов у Анны.

Анна задумчиво поглядела в синее окошко на огород, за которым где-то вдали пламенела последняя щель заката.

— Думаю, кур, что ли, завести... Но возни с ними...

Анна была некрасивой, но со здоровой бабьей привлекательностью. Особенно в работе. Разнообразная работа то и дело выявляла то одну бабью сторону Анны, то другую, а потому хотелось увидеть главную.

— Зато, опять же, яйца свои... Мясо. Перо.

Ковыряловка жила всё-таки как город. Готовила на газу, ходила на службу в Ковязин, почти не держала скотины, а продукты брала в магазине. Из своего — только картошка, смородина и георгины.

— Картошку всю доедай, не выбрасывать же, — решительно распорядилась Анна, вставая. — Пойду лягу. Устала я сегодня.

Тяжело дыша, Моржов доедал картошку. Анна налила Моржову чай, сходила в уборную и прошла в спальню, не задернув за собой портьеру. В проём двери Моржов

видел, как Анна расправляет постель, раздевается до ночной рубашки, распускает волосы и укладывается.

— Курить будешь — пепел в блюдечко стряхивай, — крикнула Анна. — Оно на серванте стоит, жёлтое. И не тyani, а то я усну.

Моржов расправился с картошкой и огурцами, извлёк облатку с виагрой, запил таблетку чаем и закурил. В спальне Анна вдруг всхрипнула, но заворочалась в постели, не давая себе спать.

Поначалу Моржов думал, что в школе Анна ведёт какой-нибудь сухой предмет вроде математики. Оказалось — русский и литературу. Ага, ну да: «Тема урока — “Преступление и наказание”». Убивать нельзя, потому что совесть замучит. Вот вам, дети, пример. Жил-был Раскольников, крепкий парень. Убил старуху — и превратился в размазню. Сам сдался, и его посадили».

Моржов затушил окуроч, поднялся и пошёл к спальне. — Свет погаси за собой, — напомнила Анна.

Моржов вернулся и щёлкнул выключателем.

«Подействовала ли виагра? — озабоченно подумал Моржов в спальне. — Время-то мало прошло...»

— Ну чего ты там? — недовольно спросила Анна.

— Стесняюсь.

— Будешь стесняться — ничего не получишь.

Моржов понял.

Он разделся и лёг рядом с Анной. Анна сразу полезла его щупать, будто проверяла у ребёнка, не мокрые ли штанишки. Штанишки были в порядке.

— Хороший ты, Борька, — сказала Анна. — Я по тебе скучала.

Анна закинула руки за голову и держалась за прутья кровати, чтобы не тюкаться в них макушкой. Моржов трудился мерно и мощно, как культиватор. Анна дышала глубоко и сильно. Наверное, всё это походило на работу двуручной пилой.

Блуда и МУДО

— Погоди, — наконец сказала Анна. — Я перевернусь, поясница затекла.

Анна перевернулась на живот, а Моржов взгромоздился над её ягодицами. Но он не любовался наготой Анны, а закрыл глаза. Заниматься любовью вот так, без изысков психологии и без тонкостей чувственности, было не менее приятно — будто плотно пожрать после крепкой пахоты. Анна не отдавалась Моржову как женщина мужчине, а вместе с Моржовым толчками ныряла сквозь горячую тьму. У Моржова было ощущение, что они с Анной вдвоём трахают кого-то третьего.

Дружно кончив, словно допилив бревно, они улеглись, успокаивая дыхание. Анна молча обняла Моржова и положила голову ему на плечо. Не от нежности, не от благодарности, а потому что так было удобнее. У Моржова уже созрел план встать покурить, выйти на улицу, чтобы посмотреть на Орион и Млечный Путь, но Анна мгновенно заснула. Моржов полежал, размышляя, как бы ему высвободиться, — и тоже заснул.

Утром Анна поспешно накормила Моржова завтраком и выгнала из дома — чтобы не застала мать, которая вот-вот вернётся с дежурства. Моржов укатил к школе и ждал Анну у крыльца.

Ковыряловская школа была длинным одноэтажным бревенчатым домом с низким рядом одинаковых окон. Моржов ждал Анну, не слезая с велосипеда. Он сидел на седле, курил и держался за забор. Анна без сантиментов прошла мимо Моржова, только попутно бросила: «Я быстро!» — и скрылась в школе.

Моржов ждал Анну целый час.

Она вышла в рабочем халате и с ведром, полным мусора. Похоже, что в школе бушевала уборка.

— Ой! — увидев Моржова, сказала Анна. — Борька, извини! Закрутилась и забыла про тебя. Не даёт секретарша сертификатов.

— Как не даёт?.. — глупо растерялся Моржов.

— Так и не даёт. «Нельзя», и всё. Не положено. Силком, что ли, мне их отбирать?

Моржов, опешив, молча смотрел на Анну.

— Ты езжай, а у меня дела, — посоветовала Анна.

Моржовская нужда для неё была подобна, скажем, капризу коня в стойле, который может есть из своей кормушки, но полез в соседскую. Если соседний конь не доволен (или если рядом другой конюх), то своего коня нужно шлёпнуть тряпкой по морде и отогнать: «Не балуй!» И всё.

— Езжай, — уговаривая Моржова, повторила Анна. — Нечего тебе тут торчать. Сам знаешь, какие в школе сплетницы.

Моржов оттолкнулся от забора и покатил к Банному лугу.

К рыбалке Щёкин готовился, как борец к схватке: размялся на берегу, поприседал, прочно установил раскладной матерчатый стульчик и зачем-то снял штаны. Рядом трудились упыри — руками копали огромную ямину для отловленной рыбы. Яма заполнялась водой Талки, но отделялась от реки плотиной из гальки и песка.

Дело было после завтрака. Солнце лукаво подглядывало из-за елового клина, и тени истончались, будто развязывались узелочки. Троельга, интеллигентная горожанка, раздевалась до купальника, а Талка — деревенская дура — догола, и при этом ещё радостно сияла. Над плавнями висели стрекозы, будто искры.

Моржов вышел на берег с сигаретой и биноклем. На пляжике на коленях стоял Щёкин, словно молился на пластмассовый чемоданчик с китайским набором «Юный рыбак». Чемоданчик был раскрыт — то ли как ноутбук, то ли как полевой алтарь. В нём, точно драгоценности, горели различные рыбацкие блёсны. Рядом со Щёкиным на гальке лежал солидный, сложно-космиче-

ского вида спиннинг, будто ружьё с оптическим прицелом. Щёкин благоговейно извлёк из чемоданчика одну из блёсен и принялся привязывать к леске спиннинга.

Взрывая коленями галечник, вокруг Щёкина ползали упыри, волоча друг по другу длинные самодельные ивовые удилища. Упыри привязывали к ним лески из щёкинского набора. Артистически-тонкие лески упыри не признавали, потому что рассчитывали на рыбу крупную и очень крупную.

— А-а!.. — вдруг страшным голосом заорал Гершензон, по лицу которого проскользнула чья-то снасть. — Ты чо, Гонцов, развесил тут!.. Я вообще боюсь ниток!..

— Дрисаныч, Дрисаныч... — волновались упыри, не обращая внимания на Гершензона. — А можно блёсны брать?..

— Можно, — величественно разрешил Щёкин и встал на ноги.

Упыри кинулись к чемоданчику, но нависли над ним, не решаясь пасть.

— А по сколько можно? — уточнил въедливый Ничков.

— Сколько хотите, но не больше двух.

В молчаливой, яростной и удивительно аккуратной схватке упыри поделили блёсны и вскоре тоже встали рядом со Щёкиным, воинственно вздёрнув свои кривые удилища, как копыя.

— Так! — значительно произнёс Щёкин. — Первая заброска! Разойдитесь-ка...

Упыри шарахнулись в стороны от Щёкина, словно от Царь-пушки, из которой пообещали пальнуть, а Моржов приблизился.

— Брилыч!.. Отойдите!.. Всем же велено!.. — издали заорали упыри Моржову с разных сторон. Видимо, своим соседством Моржов в газах упырей осквернял таинство щёкинского заброса.

Моржов послушно отступил и поднял бинокль.

Щёкин плавным, почти теннисным движением заметнул блесну в реку. Блесна булькнула возле дальнего берега. Щёкин завертел ручку катушки. По мелким волнам Талки поперёк течения к Щёкину побежал белый бурнчик. Пустая блесна выскочила из воды и увесисто закачалась под клювом спиннинга.

— Ну, не с первого же раза... — оправдывая Щёкина, сказал Гершензон таким тоном, что Моржову сразу стало ясно: кто не согласен — того Гершензон утопит.

Щёкин сделал второй заброс, с блаженной улыбкой оглянулся на Моржова и, накручивая катушку, честно признался:

— Дурацкое удовольствие!..

Упыри уже не слышали — тоже махали своими удищами.

С берега на пляж спустилась Розка.

— Всё равно ни хрена не поймаете, — шурясь на воду, безапелляционно заявила она.

— Поймаем! — не оглядываясь, гневно заорали упыри.

— Не каркайте под стрелой! — крикнул Розке Гершензон.

— Моржов, у меня печь дымит, — сказала Розка.

Вдвоём, Моржов и Розка, отправились вдоль пляжа к подъёму.

— Ну что, накатали вы кляuzu на Шкиляиху? — спросил Моржов.

— А ты добыл сертификаты? — вызовом на вызов ответила Розка.

— Дело сдвинулось с мёртвой точки, — туманно соврал Моржов.

— Оно у тебя сдвинулось с одной мёртвой точки и передвинулось на другую.

— Розка, глупо всё это, — принялся убеждать Розку Моржов. Он подымался по тропинке на берег вслед за Розкой и разглядывал её самоуверенный зад, туго обтя-

нутый спортивными трусами. — Из-за тебя мы все в блуду попадём. Никогда не бывало такого, чтобы начальника сняли по желанию подчинённых.

— А как сама Шкиляиха стала директором? — строптиво не согласилась Розка. — Она завучем была. Накатала телегу на Скорнякова, тогдашнего директора Дома пионеров, его и попёрли.

— Но перед этим Скорняков поссорился с городским начальством. А Шкиляиха, в отличие от Скорнякова, начищает Манжетова, как самовар на Масленицу.

Розка фыркнула: ни фига, мол, Моржов не понимает.

— Главное — это качество доноса! — поучительно изрекла она.

Моржов и Розка вошли в тёмную, низкую кухнюшку. Печь вовсе не дымилась; просто её топили просмолёнными железнодорожными шпалами, вот могучий запах смолы и смутил Розку.

Моржов и Розка постояли, чутко нюхая смоляной чад, словно животные, а затем Моржов неожиданно даже для себя вдруг обнял Розку за упругую, округлую талию, наклонился и стал целовать в губы. Розка будто ждала этого — отдалась поцелую охотно и с удовольствием, но потом оттолкнула Моржова и прошипела:

— Щас ковшиком по башке дам!..

Моржов распрямылся, поправляя очки, и серьёзно пояснил:

— Мы же так, чисто по работе.

— Иди рыбу лови, дурак! — приказала Розка.

— Сама дура, — ответил Моржов и вышел. И на губах, и в памяти он уносил запах и вкус горячей смолы — словно лесного пожара.

Он пошагал по Троельге, зорко оглядываясь вокруг, точно проверял свои владения.

В траве за волейбольной площадкой стояли козлы, на которых покойником вытянулась шпала, приговорённая

к распилу. Из прореза на её боку свешивалась, бешено блестя, двуручная пила. Друиды сидели в траве, расстелив по клеверу «тормоза» своих штанов, и курили. Мокрые линялые майки облепляли впалые груди и горбатые спины друидов.

— Чего не работаем? — спросил Моржов тоном надсмотрщика.

— Дай перекурить, начальник! — возмутились друиды. — Ты велел до обеда три шпалы сделать, а Розка ещё и картошку на обед мыть не начала! Успеем — и напилим, и наколем!

Друиды напали на золотую жилу. В Троельге кончился газ для плиты. (Возможно, друиды сами же и создали свою жилу: потихоньку открыли вентиль у баллонов и спустили газ.) Зато теперь друиды сделались главными поставщиками дров. За дровами они не ходили в лес, как мудаки-горожане, а воровали шпалы со своего разъезда. Чтобы не раздавить свою мотоциклетку, друиды самоотверженно таскали шпалы на спинах. Каждая шпала (после торга) равнялась восьмидесяти пяти рублям. Друиды вмиг стали очень придирчивы к питанию детей и требовали, чтобы дети на завтрак, обед и ужин получали первое и второе, а также чтобы был полдник. Короче, чтобы печь топилась без передышки.

Моржов оставил друидов и пошёл дальше.

Милена загорала в шезлонге. На ней были чёрные очки, сразу делавшие Милену загадочной и иностранной, как американка. При детях Милена надевала обычный купальник, а не бикини. Моржов встал над Миленой и принялся разглядывать её в бинокль.

Милена некоторое время терпела, потом улыбнулась и сказала:

— Боря, вы мне солнце загораживаете.

— Вы уже отправили донос на Шкиляеву? — строго спросил Моржов, опуская бинокль.

— Ну почему же — донос? — не согласилась Милена.

— Милена, дорогая, это же бесполезно, — нежно и убедительно сказал Моржов, понимая, что самое бесполезное — это переубеждать девиц копать под Шкиляеву.

Улыбка Милены стала снисходительной и покровительственной. Милена ничего не ответила.

— Милена, неужели путь доноса — это нормальный путь?

— Снять начальника, не годящегося для своей работы, — это вполне нормально, — возразила Милена. — А то, что мы написали, не донос, а обычная производственная жалоба.

— Вот вы хотите быть успешной женщиной... — начал было Моржов, но осёкся.

Милена подняла руку, показав соблазнительнейшую подмышку, и сдвинула чёрные очки на темя. Моржов мгновенно вычитал в этих действиях движение истомы после страсти.

— Я — уже — успешная — женщина, — значительно произнесла Милена, продолжая улыбаться.

Моржов снял панаму, молча поклонился, отвернулся и пошёл своим путём.

Вдоль фундамента жилого корпуса вчера друиды взрыли грядку. Теперь Сонечка и Наташа Ландышева сажали сюда цветы, выкопанные с корнями на лугу.

— Предлагаю высадить цветы так, чтобы получилась красивая надпись «Борис Данилович», — сказал Моржов.

— Борис Данилович, идите рыбу удить, — не отрываясь от дела, посоветовала Наташа Ландышева. Она была в огромных Розкиных резиновых перчатках и потому выглядела очень занятой.

Сонечка, как и Милена, была в купальнике. Нагнувшись, она маленькой тяпкой (аренда пятьдесят рублей — в силу уникальности инструмента) окучивала кустики

цветов. Сонечка не оглянулась на Моржова, но покраснела так, что даже попа стала пунцовой.

«Надо с девкой что-то делать», — по-отечески размышлял Моржов, путаясь ногами в высоком кипрее, где тропинка сжималась, как промежуток меж пышных Сонечкиных грудей. С лугов, как от летней женщины, пахло мёдом.

Сквозь заросли Моржов вновь спустился на берег, но вдали от упырей. Здесь по камням пляжа ползали Костёрыч и Серёжа Васенин, поглощённые своим делом.

— Константин Егорович, может быть, нам всё-таки повезёт найти трилобита? — спрашивал Серёжа, переворачивая и разглядывая очередной булыжник.

— Нет, Серёжа, не та геология долины, — отвечал стоящий на четвереньках Костёрыч. Он побагровел от неудобной позы и то и дело подхватывал очки, съезжавшие на кончик носа. — Тут мшанки, гребешки... В лучшем случае — найдём белемнит или аммонит...

— Это громовая стрела и бараний рог?

— Да... Вот смотри — почти целый гребешок...

В стороне кучкой лежали камни, на которых исследователи обнаружили отпечатки палеозойской жизни, когда Моржова ещё не было. На солнце камни высохли до мучной белизны. Моржов не стал отвлекать науку и двинулся обратно к Щёкину и упырям.

«Лагерь работал как часы!» — удовлетворённо думал Моржов.

Рыбаки так часто махали удилищами, что казалось, будто они погоняют Талку, как стадо. На крутизне бережка стояли и смотрели на рыбалку Сонечка и Наташа. Моржов вскарабкался к ним.

— Не хочешь порыбачить? — спросил Моржов Наташу. Наташа хмыкнула.

— Я могу и просто так отойти, — независимо сказала она, повернулась и пошла к Милене.

Блуда и МУДО

— Зачем же вы... — смущённо пролепетала Соня, точнее — её мерцоид.

Моржов сконфузился.

— Да я и не думал Наташу отгонять!.. — честно оправдывался он, пожимая плечами. — Разве нам с тобой ночей не хватает?..

Сонечка совсем залилась краской — даже мерцоид не выдерживал такой интенсивной стеснительности. Желая поддержать Соню в борьбе с самой собой, Моржов приобнял её за талию.

— А ты, Сонечка, дитя моё, зачем подписала донос? — ласково спросил он.

— Так что... Как все...

— Я же говорил тебе, зайныка: от этого всем только хуже будет.

— Ну... как-нибудь...

Разговаривать о кляузе с Сонечкой было бесполезно. Сонечка делала всё что скажут (Моржов знал на практике). Она была как собачка, согласная с любым именем, которое ей дадут хозяева.

— Я... я стесняюсь... Боря... — прошептала Сонечка, пытаясь освободиться от моржовского полуобъятия.

— Ладно, иди к Наташе, — отпустил Соню Моржов, убирая руку с её талии, и слегка шлёпнул, отсылая в нужном направлении.

Сонечка, естественно, пошла к Наташе.

Моржов спустился к Щёкину и упырям. Ожесточённая рыбалка, похожая на фехтование, была в самом разгаре.

— Много наловили? — сзади спросил Моржов у Щёкина.

— Двух тайменей, — не оборачиваясь, буркнул Щёкин, — один с хрен, другой помене...

Моржов глянул в ловчую яму упырей. Там и вправду плавали две небольшие рыбки.

Щёкин выкрутил катушку и положил спиннинг на камешки.

— Надо покурить, — хрипло сказал он, доставая откуда-то сигарету. — Нечеловеческое напряжение...

— Хорошие рыбы, — похвалил Моржов, подавая Щёкину зажигалку и высекая огонь.

— Естественно, — согласился Щёкин, жадно затягиваясь. — И ловим по-честному. Маленьких отпускаем, больших складываем в баночку из-под витаминок.

— Дрисаныч! Дрисаныч! — спохватился стоявший рядом Чечкин и бросил свою удочку. — А можно я вашим спиннингом половлю?

— Лови, — оглянувшись, разрешил Чечкину Щёкин и опять повернулся к Моржову. — Чтобы не путать, этим двум рыбам я дал имена. Вот эта — Сергей, эта — Карл.

— Паца! Дрисаныч рыбам имена дал! — заорал Чечкин.

Упыри почему-то переполошились. Все, кроме Гершензона, покидали удочки и побежали к ловчей яме.

— Паца, во!.. — суетился у ямы возбуждённый Чечкин. — Этот — Сергей... Дрисаныч, а который Карл?..

— А какая у рыб порода? — недоверчиво спросил Ничков.

— Мичман яйценосный, — важно ответил Щёкин.

— Дрисаныч, а можно вечером на костре мы с Гонцовым пожарим Карла, а Чечен с Гербалайфом — Сергея? — Ничков испытующе посмотрел на Щёкина.

— Да пожалуйста, — разрешил Щёкин.

— Паца!.. — вдруг донёсся с реки истошный вопль Гершензона. — Ключуло!..

Упырей пронзил электрический разряд, а потом они напрямик ломанулись к Гершензону. Гершензон, виляя задом, будто вытягивал кита, в напряжённой позе входил в воду всё глубже и глубже. Упыри ворвались в речку вокруг Гершензона, словно кони на всём скаку.

Блуда и МУДО

— Подсекай! — орали они. — Плавно тащи! Води!.. — и тут же все хором взвыли.

Они развернулись и едва ли не со слезами на глазах побрели обратно к Щёкину.

— Дрисаныч! Дрисаныч!.. — надломленным голосом кричал Гершензон и показывал кончик лески. — Рыба блесну оборвала!.. Как корова языком отрезала!..

— Да чёрт с ней, не расстраивайся, — ответил Щёкин.

— А!.. — возле ямы вдруг обомлел Ничков. — Э!.. Где Карл?..

Плотина, отгораживающая рыбную яму от реки, была проломлена. Видимо, в этот пролом и сбежал Карл. В яме вертелся только Сергей.

Упыри столпились вокруг ямы. Ничков внезапно, будто его пронзили кинжалом, упал на камни, хватаясь руками за порушенную плотину. В самом эпицентре разлома на песке отпечаталась чья-то подошва.

— Кто наступил и сломал? — в бешенстве закричал Ничков. — Чечен, это ты наступил!..

— А почему я? — взвился Чечкин.

— Ты всегда носишься, под ноги не смотришь! А Карла не ты, а я жарить собирался!..

— Да я вообще на этой стороне стоял! — оправдывался Чечкин.

— Ты это сломал!..

— Не я! Это ты сам!

Ничков вскочил, собираясь кинуться на Чечкина с кулаками.

— Эй! — ринулся к ним Щёкин. — Вы чего, дурни, драться здесь?.. Лучше примерьте, чей башмак подходит под отпечаток.

— Точно! — опомнился Ничков. — Паца, все живо разулись!

— И ты разувайся тоже! — возмущённо орал Ничкову Чечкин.

С четырьмя кроссовками в руках Ничков по воде подобрался к пролому в плотине и принялся по очереди прикладывать обутки к следу. Упыри, гомоня, топтались вокруг, босые на одну ногу.

— Вот он! — ликующе выкрикнул Ничков, выхватил башмак из грязной ямы, поднял над головой и с ненавистью потряс. — Кто Карла отпустил, тот пускай и лезет в реку за своей кроссовкой!

С горящими глазами Ничков за шнурок раскрутил кроссовку над головой и запустил на середину Талки.

Упыри молча проследили полёт и падение башмака.

— Чей сандаль был? — с интересом спросил Ничков.

— Мой, — тихо сказал Гершензон и кинулся на Ничкова.

...Вечером упыри вчетвером зажарили и съели Сергея.

В Троельге Моржов как-то подзабыл, что бывают не только даты, но и дни недели. Он прикатил в Ковязин и только здесь вспомнил, что сегодня — воскресенье. А в воскресенье хрен чего начичишь.

Тогда Моржов решил поехать на Пленум к Леночке. Шансы добыть сертификаты у Леночки равнялись примерно нулю — значит, можно заявиться и в воскресенье. Всё равно вариант с Леночкой нужно отработать, чтобы потом не грызли сомнения.

Моржов покатил через весь Ковязин на Пленум и, глядя по сторонам, думал, что боярин Ковязя закодировал свой город не хуже купца Забиякина. Город Ковязин был сплошным наслоением плацдармов. Уже сам острожек Ковязи был плацдармом в краю печенегов (туарегов, онкилонов). Потом «исторический город» — ныне районы Пролёт и Багдад — стал плацдармом цивилизации среди местных Ковыряловок. Готовясь к пролетарскому штурму Пролёта, на другом берегу Талки после революции появился плацдарм барачного Прокола. Но классо-

вая война закончилась раньше, чем Прокол подготовился к битве. Отделённый от Прокола и Пролёта Пряжским прудом, на Чуланской горе образовался плацдарм нового, конструктивистски осмысленного социализма — Соцпосёлок. Но и его пассионарность растворилась в пространстве. Собравшись с силами, история вновь решила преобразить город Ковязин, и в семидесятых годах появился ещё один плацдарм — район Пленум. Плацдармом история, как обычно, и ограничилась. Разномастный город Ковязин опять не дождался завоевателя. Последним по времени возникновения был плацдарм новой аристократии — элитный посёлок на горе Пикет. Но, судя по стене, что его огораживала, Пикет уже не имел амбиций на захват города.

Всё это чем-то напоминало Моржову флот Петра I: фрегаты построили, а моря-то нету. Жизнеспособными в Ковязине оказывались лишь общие смыслы, а не конкретные деяния.

Леночка жила на Пленуме в однокомнатной квартирке на четвёртом этаже девятиэтажной башни. Башня возвышалась рядом с типовым зданием школы, где Лена работала секретаршей. На Пленуме имелось четыре таких башни, две таких школы, а ещё два типовых здания универсамов, типовой кинотеатр и типовой дом быта. Всё остальное — панельные пятиэтажки, давно уже обжитые так, что перестали быть похожими друг на друга.

Моржов заволок велосипед по лестницам и, отдуваясь, позвонил Лене в дверь.

— Ты?.. — изумилась Лена.

— Мы, — поправил Моржов и пошлёпал ладонью по седлу велика. — Пустишь поговорить?

Леночка пустила — но с некоторым сомнением. Моржов помнил, что Леночке говорить с ним не о чем.

Роман с Леной (и с проживанием в этой квартире) у Моржова длился примерно три месяца. Моржов тогда

хорошо зарабатывал на евроремонтах, а потому произвёл на Леночку весьма благоприятное впечатление. Впрочем, дело было не в деньгах.

Леночка увидела пластины Моржова, и это решило судьбу её чувства к Моржову. Для всех без исключения моржовских подруг главным достоинством моржовских художеств было то, что Моржов рисует «похоже». И только одна Леночка сразу, без пояснений, поняла, что Моржов делает «иначе». Леночка вообще была девушкой умной, училась где-то в Москве на заочке. От ковязинских девушек (даже от Стеллы Рашевской) Леночка отличалась как амфора от чугунков. Леночка была давней, незамечаемой и привычной болью Моржова. После Стеллы только Леночку Моржов уже начинал любить по-настоящему, глубоко, полно, без снисхождения — пока сам же всего не испортил, когда нарушил своё обещание.

Пока Моржов разувался, в прихожую вышел молодой человек невысокого роста с очень серьёзным лицом. Видимо, это был нынешний мужчина Леночки.

— Это Боря Моржов, — мрачно пояснила ему Лена. — Нам поговорить надо. Не ходи пока на кухню.

Моржов не стал здороваться и прошёл туда, куда указала Лена.

— Надеюсь, ты явился не с целью восстанавливать отношения? — неприязненно спросила Леночка, включая электрочайник.

Моржов уселся у окна на табуретку.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Подумаешь, я слова своего не сдержал!.. Не сдержал одного — дам другое. Сейчас даже девственность восстанавливают.

Он защищался, а потому поневоле скатывался к ёрнически-хамскому тону. Он ничего не мог с собой поделать. В своё время Лена попросту сбила его с ног.

А суть его конфликта с Леночкой была довольно проста. Он напился. Лена оказалась потрясена этим. Она

и не подозревала, что Моржов — алкоголик. Она взяла с Моржова честное слово, что тот больше не будет пить. Моржов, не задумываясь, пообещал — он ещё и не знал, что любит Лену, — а через месяц напился вновь. «Ты нарушил своё слово, — сказала Лена. — Ты ненастоящий. Таких, как ты, — миллион. Уходи». Уже в ту же ночь Моржов, как тролль, спал под мостом через Талку.

— Прекрати паясничать, — поморщилась Лена.

В тот раз она ещё сказала Моржову: «Я в тебя верила, а ты не сдержал слово. Я больше не верю. Тебя не существует».

— Какое у тебя дело? — напомнила Лена.

— Мне нужны сертификаты на школьников. До августа.

— Нет, — покачала головой Лена.

Моржов помолчал.

— Мы можем быть в претензии друг к другу сколько угодно, — осторожно сказал он. — Но сертификаты — уже факт, а не эмоции. Зачем ты всё смешиваешь воедино? Ты, конечно, не обязана этого делать, но ведь ты можешь мне помочь.

— Я ничем не могу помочь привидению.

«Зря я поехал...» — подумал Моржов. Но встать и уйти он был уже не в силах. Хрен с этими сертификатами, не в них беда. Лена вычла Моржова из своей жизни — и вычла вообще из мироздания. А Моржов существовал и хотел подтверждения материальности своего существования. Он — не привидение. Он настоящий. Пусть и свинья, но настоящая свинья. Хотя и законченной свиньёй Моржов себя не считал. Он поступил глупо и по-скотски — но ведь он не младенца задушил, не квартиру Леночкину приватизировал, не родину предал. Он просто нарушил обещание и нажрался. Черепаха и слоны, на которых лежит мир, скорее всего, этого и не заметили.

— Тебе не кажется, что судить о людях по единственному критерию — это чересчур просто? — желчно спросил Моржов.

— Смотря какой критерий, — холодно ответила Леночка.

— Судить надо по сумме, по равнодействующей, а не по одному какому-нибудь вывиху...

— Без комментариев, — сухо сказала Лена и налила Моржову кофе. — Пей и уматывай.

Моржов пил кофе и смотрел на Леночку, боком подсевшую к столу. Леночка была девушкой просто миниа-турной, как кукла. Рядом с ней Моржов ощущал себя огромным, как Родина-мать. Моржов не понимал, как же в Лену вмещается всё то, что в ней есть: и красота, и ум, и характер. И ещё Моржов помнил тяжесть тела Леночки в своих руках, помнил её яркую наготу, её жесты, пластику её движений...

Однажды Моржов попросил Леночку раздеться и встать, слегка нагнувшись, в сложном винтообразном развороте, словно бы она, собирая цветы на поле, не распрямляясь, оглянулась и протянула ему букетик. Моржов быстро набросал эскиз, а потом из листов пластика (украденных с евроремонта) вырезал несколько фигурных плоскостей. Потом он совместил их во что-то вроде небольшой скульптуры. Эту конструкцию он назвал «Девушка в темноте». В отличие от картины скульптуру надо осматривать, обходя вокруг. Моржов ставил свою «Девушку» на стол и медленно вращал. Они с Леной смотрели и замирали: в динамике вращения скульптура оживала и воистину казалась девушкой, что раздевается в темноте при косом свете луны из окошка. Кромки вырезанных плоскостей, как лунный свет, вдруг очерчивали то один контур тела, то другой, но лишь в единственном ракурсе девушка внезапно воплощалась вся, словно ярко освещённая. И в этом ракурсе даже Леночка узнавала сама себя.

Блуда и МУДО

Ей Моржов и оставил «Девушку», когда уходил. Сейчас он дорого бы дал, чтобы узнать, как же Лена распорядилась его творением.

— А помнишь, как мы попали под дождь? — спросил Моржов. — Как ходили за грибами на Колымагины горы? Как занимались любовью в пустой электричке?

Лена долго молчала.

— Ничего этого не было, — наконец сказала она тяжело и решительно.

Моржов, в которого она перестала верить, дематериализовался, и этот процесс цепной реакцией ушёл в прошлое, развеществляя всё, что было.

Моржов отвернулся и уставился в окно. Отсюда было видно пол-Пленума. Пленум изо всех сил тшилсь казаться городом, но ему не доставало масштаба, и потому он выглядел декорацией. Слишком уж близко синел лес за домами. Слишком большим был небосвод. Пленуму не хватало покровной мощи, чтобы создавать впечатление города. Чересчур уж выпирал ландшафт с его буграми и лощинами. Чересчур живуча была природа, которая превращала газоны в косматые лесные поляны, а на бетонных козырьках подъездов расстилала зелёные пятна мха. Неискоренимыми селянами оставались жители, что огораживали возле домов палисадники, держали на балконах какие-то длинные тесины, торчащие наружу, вместо асфальтовых тротуаров укладывали дощатые вымостки, а во дворах громоздили не гаражи, а сараи. На Пленуме, как в деревне, даже по улицам взрослые люди ходили посередине дороги, подростки подзывали друг друга свистом, а пожилые женщины, не желая подниматься по лестницам, кричали со двора в окна верхних этажей: «Пе-тров-на-а!.. Ва-лен-ти-на-а!..»

— Тебе пора, — сказала Моржову Лена.

— Знаешь, Лен, а у нас всё равно ничего бы не получилось, — ответил Моржов. — Этот твой тест на вы-

полнение обещаний висел надо мной, как дамоклов меч. Так жить тяжело. Тем более что и без этой проверки надо мной своих дамокловых мечей навалом. Одни мечи, неба не видно.

— Тебе пора! — тоном выше повторила Лена.

— Я тебя люблю, — просто сказал Моржов. — Я от тебя ничего не требую, но хочу, чтобы ты это помнила.

— Саша! — отчаянно крикнула Лена в комнату. — Выведи его отсюда!

В кухне тотчас появился Саша. Лицо у него было напряжённое.

— Пошёл вон! — яростно сказал он Моржову.

Моржов начал вставать, угрожающе вырастая до своего метр-девятидесяти-с-лишним роста. Он был на полторы головы выше Саши (и на две с половиной — Леночки). Ему показалось, что он может просто взять Сашу в щепотку, вынести на балкон и уронить вниз. Со своими габаритами Моржов ощущал себя не просто настоящим, а даже излишне настоящим. Но он собирался уходить — и больше не мешать Саше и Леночке, маленьким людям с их ломкими скелетиками и хрупкими, стеклянными принципами.

Моржов протиснулся мимо Саши в прихожую, сунул ноги в кроссовки, открыл дверь и выкатил велосипед на площадку. Саша захлопнул дверь за спиной Моржова с таким грохотом, будто спустил Моржова с лестницы.

Сергач жал на клаксон, словно капитан парохода в туманах Ла-Манша. Моржов вышел на крыльцо жилого домика и приставил к очкам бинокль. Белая «Волга» Сергача стояла посреди волейбольной площадки. Из-за чёрных, тонированных окон она почему-то напоминала летающую тарелку не очень-то дружественных инопланетян. В дальних кустах торчали любопытные упыри — они чего-то творили там под руководством Костёрыча

и Щёкина. Оттолкнув Моржова, из домика вылетела Розка, ссыпалась с крыльца и понеслась к «Волге».

— Чего сигналите, как на пожаре?! — гневно кричала она на ходу. — Прекратите немедленно!

«Волга» замолчала. Передние её дверки открылись, и наружу полезли улыбающиеся Сергач и Лёнчик. Моржов сразу понял, что оба они уже пьянушие.

— Принимай гостей! — орал Сергач Розке.

Сергач прикатил в полной ментовской форме, только серая кепка с длинным козырьком не по уставу была сдвинута на затылок. Он сразу же облапил Розку, поцелуем запечатывая ей рот, а потом решительно повлёк Розку к веранде. Лёнчик нырнул обратно в машину и вынырнул уже с большим арбузом в левой руке и с паке- том — в правой. Ногой захлопнув дверку, Лёнчик поспешил вслед за Сергачом и Розкой.

Всё происходило так целеустремлённо, словно для Сергача и Лёнчика Розка являлась единственной обитательницей Троельги. Проще говоря, Сергач и Лёнчик никого не заметили и к себе не позвали. Но Моржов сразу счёл, что он не нуждается в приглашении, а потому решительно спустился с крыльца и тоже пошагал к столу, за которым уже рассаживались гости.

— Вы чего пьяные припёрлись? — вполголоса пугливо и яростно вопрошала Розка, вывинчиваясь из рук Сергача.

— Да похер! — задорно отвечал Сергач и смеялся, вздёргивая бровки домиком: дескать, ну и мудро же, а?

Лёнчик бұхнул арбуз на стол и деловито достал из пакета две бутылки водки.

— Ножик давай, — велел он Розке. — И стаканчики неси.

— При детях, что ли, пить собрался? — фальшиво-агрессивно спросила Розка. — Я же вам говорила — нельзя!

— Да хер на детей! — ещё веселее ответил Сергач.

— Алкаши... — вздохнула Розка с демонстративным сожалением, повернулась и пошла на кухню. По её распрямившейся спине Моржов понял, что Розка всё равно довольна визитом Сергача, а потому согласна презреть нормы педагогики. Это ей даже как-то льстило: мол, у неё такая любовь, что весь мир отодвинут в сторону.

Моржов по-хозяйски перешагнул скамейку и сел за стол напротив Лёнчика и Сергача.

— Борян, держи пять! — радушно завопил Сергач и навалился на стол брюхом, протягивая Моржову руку для рукопожатия. Моржов посмотрел на неё в бинокль. Лёнчик только криво кивнул — он был занят: сгрызал с бутылки заевшую пробку.

Розка вышла с кухни с ножом и стопкой пластиковых стаканчиков. Видно, в кухне она придумала новый наезд на Сергача в компенсацию своей уступчивости.

— Сергачёв, убери машину с площадки! — потребовала она.

Сергач совсем сдулся от смеха.

— Хер с ней! — ответил он, вытирая слёзы.

Лёнчик разлил водку, взял нож и с ловкостью индейца, снимающего скальп, развалил арбуз пополам, а потом умело начал пластать одну половину на ровные полумесяцы.

— Давайте детям оставим! — Розка попыталась отодвинуть вторую половину арбуза, но Сергач перехватил её руки, совсем задыхаясь и не в силах произнести ни слова.

— Хер с ними, — за Сергача ответил Моржов.

Сергач едва не стёк под стол.

— И что у вас за праздник? — с подозрением спросила Розка, наконец-то усаживаясь.

— Просто так, — ответил Лёнчик, вгрызаясь в арбузный ломоть.

— Сколько арбуз стоит? — Розка словно бы искала, к чему прицепиться.

— Успокойся ты, — Лёнчик очередью выплюнул семечки на стол. — Это мы у чурбанов взяли. Они, короче, на выезде из города с фуры торговали. Давайте накадим.

— Я при детях не пью! — отрезала Розка.

— Как хочешь, — не стал спорить Лёнчик. — Валерьян, поднимай.

— Может, вам обоим уже хватит?

— Розка, ты чего? — спросил Сергач, трясаясь, как на кинокомедии. — Дай мужикам отдохнуть! Борян, будешь?

— Мамка накажет, — ответил Моржов.

Сергач и Лёнчик чокнулись и выпили.

Моржов смотрел на Лёнчика, раскуривающего сигарету, смотрел на Сергача с его вечно вздёрнутыми бровками вряля и думал, что ему до полного охренения уже надоели и Лёнчик, и Сергач. Идиоты. И вообще, ему до полного охренения надоели все идиоты скопом.

Где-то за Троельгой затарахтел мотоцикл. Без сомнения, это мчались друиды. Они просекли, что в Троельгу проехала машина, — значит, появилась возможность поживиться.

Друиды выкатились из-за угла домика и остановились за «Волгой» тоже на волейбольной площадке, чего раньше никогда себе не позволяли. Но хамство оказывалось заразным, потому что внушало больше уважения. Увидев «Волгу» на запретном месте, друиды сразу сообразили, кто теперь командир, и быстро встроились в фарватер — носом в корму командира. Моржов понял, что друиды мгновенно переключились с его ОПГ на ОПГ Сергача. Конечно, чего уж тут гадать: у Моржова — только подачки, а у Сергача — власть.

Вытирая ладони о «тормоза» на своих штанах, друиды поспешили здороваться с Сергачом.

— О! — воспрял Лёнчик. — Щас, короче, мы пошлём этих чертей в деревню за винищем. А то что у нас девки не пьют?

— Сергач, чо у тебя баба не пьёт? — тотчас влез Моржов.

Розка посмотрела на Моржова с изумлением.

Сергач сделал самодовольно-успокоительный жест.

— Мужики, пока вы на коне, — здороваясь с друидами, Сергач сразу приступил к делу, — вам задание будет... Смотайтесь-ка в деревню за вином, одна нога здесь, другая там. А то у нас девчонкам выпить нечего.

— Да без проблем, командир! — взбодрились друиды и побежали обратно к мотоциклу.

— Ты что, решил здесь общую попойку устроить? — спросила Розка у Сергача — негодуя, но на всякий случай шёпотом.

— Да вот по столечку всего! — Сергач показал Розке крохотный зазор между большим и указательным пальцами — словно невидимый бриллиант.

— Не надо этого! — ревниво упорствовала Розка, не желая подключения Сонечки с Миленой и последующей потери своего первенства. — Выпили уже — и хватит! Ты зачем сюда приехал — меня повидать или бухать?

— Сергач, чего тебя твоя баба плющит? — снова влез Моржов.

— Розка, ладно тебе орать, — повёлся Сергач.

— А ты чего суёшься? — накинулась Розка на Моржова.

— Сергач, твоя баба твоих друзей гнобит, — тотчас голосом склочника наябедничал Моржов.

— Розка, кончай, — попросил Сергач и тотчас захихикал: мудро ведь прозвучало!..

Разъярённая Розка отвернулась.

— Сонька, иди сюда! — вдруг заорал Лёнчик, увидев Сонечку.

Сонечка робко подошла — и вдруг в глазах Моржова начала двоиться. Похоже, это друг от друга отдирались сразу два мерцоида — будто размножились делением.

— Садись! — радушно распорядился Лёнчик, обнимая Сонечку за талию и усаживая рядом с собой.

Сонечка через стол посмотрела на Моржова и, краснея, опустила взгляд. На месте Сонечки Моржов впервые в жизни видел холодного, бледного мерцоида. Похоже, Сонечка перепугалась чуть не до обморока.

— Будешь? — спросил Лёнчик, придвигая Соне стакан с водкой.

— Нет... — едва слышно ответила Соня и помотала головой.

— Давай-давай, — бодро загудел Лёнчик, поднял стакан и поднёс к губам Сонечки.

Соня сделала глоточек и зажмурилась так плотно, будто впала в коллапс, как чёрная дыра.

— Ты чего девку спаиваешь? — взвилась Розка.

Сергач только колыхался от беззвучного хохота.

— Чо, не заебали они тебя ещё? — Лёнчик кивнул на Розку и Моржова, обнимая Соню покрепче.

— Нет... — выдохнула Соня.

— К нам-то на работу не надумала? — напрямик ляпнул Лёнчик.

— Куда — к вам? — удивилась Розка.

От страха разоблачения Сергач превратился в сплошную сладкую улыбку, словно Чеширский кот.

— Э-э, бля... — растерялся Лёнчик, но сразу выправился: — К чёрту одному, короче, моему другу.

— А что у него за работа? — с подозрением допытывалась Розка.

— Проститутткой, — честно ответил Лёнчик.

Моржов ухмыльнулся. Лучший способ скрыть правду — это сказать её в шутку.

— Проституток вербовать — как раз для тебя работа, — буркнула Розка Лёнчику.

— Пойдём поговорим, — предложил Розке Сергач, чтобы замять тему. Он встал, тяжело вылез из-за стола и за руку потянул Розку на кухню.

Моржов смотрел на Сонечку: что Соня ответит Лёнчику?

— Я... нет... не могу... — проямлила Сонечка.

— Дура, там бабла, короче, в пять раз больше, чем здесь. — Лёнчик налил себе водки.

— Ну... не это... — тянула Сонечка.

— Сонечка, детка, сходи погуляй, — помиловал её Моржов.

Соня, как школьница, послушно встала и пошла куда-то в жилой корпус. Лёнчик проводил её весёлым взглядом.

— Чо, жмёшься, да? — понимающе спросил он у Моржова.

— А ты сам бы не жался?

— Мне похуй, — хмыкнул Лёнчик. — Одна баба уйдёт — я другую найду. Плакать не стану. Короче, все они одинаковы.

— Не у каждого с бабами такой порядок, как у тебя, — дипломатично заметил Моржов.

— Не пизди, — хитро сощурился Лёнчик. — У тебя-то с твоим баблом как раз всё заебок. Чо, трахнул уже Соньку?

— Тебе какое дело?

— Понятно. — Лёнчик налил водки и Моржову. — Чо не пьешь-то? Давай... Раком Соньку ёб? Пиздец жопа, да?... Слушай, Борян, а Розку ты ещё не поймел?

— Не все такие, как ты, — быстробучие, — ответил Моржов.

— Если ты Розку завалишь, Сергач ваше охует... — Лёнчик хохотнул. — Он-то, короче, думает, что он тут самый главный ёбарь.

От водки Лёнчика косило всё круче, но по молодости лет он не терял жизненной активности. Он оглянулся, чтобы запомнить, куда ушла Сонечка, и вновь повернулся на Моржова.

— А ты, бля, думал, что бабками всё решишь? — спросил он.

Моржову неохота было спорить с пьяным Лёнчиком, и он только пожал плечами, посмотрев на Лёнчика в бинокль.

— Срал я на твои бабки, — прямо в бинокль сказал Лёнчик. — Было бы у меня столько бабла — хер бы я его на баб тратил. Баб во чем имеют! — Лёнчик выразительно постучал себе в лоб указательным пальцем. — Короче, если в башке у тебя ни хера нету, то и бабы тебе не дадут, понял? Для баб мозги нужны! Есть мозги — будут и бабы, будут бабы — будет и бабло. Меня, думаешь, почему бабы любят? Потому что я их мозгой перешибать умею!

— Дискуссия на тему «пяди или бляди?», — изрёк Моржов и, закуривая, уточнил: — Значит, у меня мозгов нету?

— А хули тогда ты здесь торчишь?

В кухоньке раздался звон посуды, а потом из двери вылетела помятая и взъерошенная Розка.

— Обломала Сергача? — ехидно спросил её Лёнчик.

— Иди ты! — злобно закричала Розка. — Прикатили здесь нажравшись, ещё и секса подавай!

Из кухоньки появился Сергач, улыбаясь шире хари.

— Ну чо ты? — с весёлой укоризной он ущипнул Розку за бедро.

Розка плюхнулась на скамейку рядом с Моржовым. Моржов понял, что Розка сейчас была бы рада уйти от Сергача и Лёнчика, но боялась, что без присмотра они, пьяные, опозорят её ещё хлеще.

— Хорош жрать! — крикнула Розка. — Идите лучше проспитесь!

И тут — наверное, по ассоциации — Розка вспомнила о пропавших спальниках.

— Ты, говнюк, вообще отдавай мне деньги за украденное! — накинулась она на Лёнчика. — Сергачёв, он в прошлый раз у меня шесть спальников упёр!

— Чо, охерела? — мгновенно отреагировал Лёнчик. — На хуй они мне? Я чо, турист, что ли, какой?

— А кто ещё мог взять, кроме тебя?

— Хоть кто мог, — подсказал Лёнчику Моржов. — Я мог.

— До хера народу вокруг! Ты на меня, короче, бочку не кати!

Лёнчик, щурясь, смеялся и явно врал.

— Сергачёв, чего ты молчишь? — воззвала Розка.

Сергач ржал так, что ладонью придерживал кепку на затылке.

— Розка, ты чего, кончай мудить!.. — еле выговорил он.

— Я тебе точно говорю, что это Каликин взял!..

— Докажи, — негромко подсказал Моржов.

— Докажи! — тотчас с возмущением потребовал Лёнчик.

Он был не против обвинения в краже — его обижала огульная бездоказательность, которая свидетельствовала о неуважении.

— Сергачёв! — гневно и требовательно закричала Розка.

— Да ну тебя! — махнул на неё рукой Сергач. — Нашла, тоже мне... При чём тут Лёнька?

Розка бешено посмотрела на Сергача.

— Тогда дай мне денег заплатить за пропажу, — глухим голосом сказала она. — У меня зарплаты не хватит расплатиться! Все отпускные улетят!

— Откуда у него деньги? — подсказал Моржов.

— Розка, откуда у меня деньги? — согласился Сергач. — Сам весь в долгах!

Моржов подумал, что мент Сергач живёт уже при коммунизме. Отдаёт по способностям, а получает по потребностям. Всё у него есть, а денег нету.

Розка замолчала, глядя на Сергача и Лёнчика каким-то новым взглядом.

Где-то рядом сбоку вдруг образовался Ничков.

— У вас у машины фары горят, — угрюмо сообщил он.

— Смир-р-на! — обернулся на него Сергач. — Кругом! Шагом марш отсюда!

Ничков молча исчез.

— Ты чего на детей орёшь? — как-то спокойно спросила Розка.

Сергач опять затрясся, расползаясь вширь.

— Салабоны же, — пояснил он.

Он потянулся к арбузу и локтем опрокинул бутылку. Бутылка покатила по столу, водка полилась на колени Лёнчику.

— Бля-а!.. — вскакивая, завопил Лёнчик на всю Троельгу.

— Хуйня, вторая бутылка есть, — успокоил его Сергач.

— Надо её раздавить, — деловито предложил Моржов.

— Хватит! — резко и жёстко сказала Розка. — Или укладывайтесь спать, или убирайтесь!

— Ты чо? — Сергач тотчас развёз рожу улыбкой. — Розка, фигли?.. Ладно тебе, хули ты обижаешься?..

— Или спать, или убирайтесь! — твёрдо повторила Розка, глядя в пустоту.

— Да мы же только начали... — Сергач попробовал накрыть своей ладонью ладонь Розки, но Розка убрала руку. — Подумаешь, малёхо выпили... Материться больше не будем, честное слово!

— А чо не будем-то? — подсевал Моржов. — Не мужики, что ли?

— Во, Борян правильно говорит..

За Троельгой затарахтел мотоцикл, и вскоре друиды вкатились на волейбольную площадку. Запыхавшиеся, будто не ехали, а бежали, оба друида появились у стола. Они победно водрузили среди арбузных корок две бутылки вина и уселись на скамейку с видом людей, честным трудом заработавших награду и компанию.

— За всё — двести тридцать, — сказал Бязов (Чаков).

— Я не буду, — отвернулась Розка.

— У тебя деньги есть? — спросил Сергач Лёнчика.

— Ни хуя.

Сергач захихикал.

— Мужики, считайте — это ваш подарок нам.

Друидов, уже разобравших пластиковые стаканчики, как громом поразило.

— Э-э, командир, мы так не договаривались, — осторожно сказал Чаков (Бязов).

— Бабы ваши — и деньги с вас, — добавил Бязов (Чаков).

— Какие тебе тут бабы? — разозлилась на Бязова Розка. — Бабу у себя в бане найдёшь!

— Слушай, Валерьян, короче, поехали в баню?! — вдруг осенило Лёнчика. — У Анжелы сейчас свободно!

Сергач сморщился, давая понять, чтобы Лёнчик прикусил язык.

— Не пиздите, мужики, — сказал Сергач друидам. — Повелись за два стольника... Подарок — так подарок.

— Для тебя, командир, два стольника, может, и не деньги...

— Пасть закрой, — милицейским голосом посоветовал Сергач.

Друиды, сжавшись, замолчали.

— Лёнька, открывай баллон, — распорядился Сергач.

— Эй вы!.. — вдруг окликнула всех Розка и внятно и чётко, с интонацией безмерного утомления, сказала: — Убирайтесь все! Катитесь отсюда! Пошли вон!

Блуда и МУДО

— Сергач, тебя твоя баба посылает, — пояснил Сергачу Моржов.

— Ты чо, Розка... — начал было Сергач по второму кругу.

— Хрена ли ты скулишь, как задрищанец какой? — сказал Сергачу Моржов.

— Я тебе говорю — поехали в сауну, — напомнил Лёнчик.

— Чо, ехать, что ли? — спросил Сергач у Розки.

— Едь, — ответила Розка, не глядя на Сергача.

Сергач скорчил недоумённую рожу: ну ладно, мол... Он — со всей душой, а ему — «пошёл вон»...

Лёнчик быстро намахнул водки, встал и пошёл к машине.

— Командир, деньги-то не отдашь? — робко спросили друиды.

— Идите на хуй, — кратко ответил Сергач. — Розка...

— Всё! — отчаянно крикнула Розка.

В «Волге» взывал, но никак не схватывался двигатель. Лёнчик несколько раз дёргал стартёр, но без толку.

— Сергач, бля!.. — крикнул он издалека. — Мы, короче, аккумулятор посадили!.. Хуй щас уедем!

Лёнчик вылез из «Волги» и остановился, разглядывая мотоцикл друидов. Поразмыслив, он пошагал обратно к веранде.

— Слышь, черти, мы щас ваш мотоцикл возьмём, лады? — сказал он Бязову и Чакову.

— Э-э... Как? — совсем растерялись друиды.

— Жопой об косяк. Нам до города пешком, что ли, хуярить?

— Не... — засуетились друиды. — Вы чего, мужики?..

— Да не ссыте, — пренебрежительно бросил им Лёнчик. Он собирал со стола бутылки — и винные тоже — и складывал в пакет. — Завтра я приеду за «Волгой» и отдам вам ваш «Ижак».

— Дак ты это... — друиды торопливо выбирались из-за стола.

— Валерьян, пошли. — Лёнчик толкнул Сергача в спину. — Давай живее, а то, короче, баню займут.

— Ладно, я завтра приеду, — пообещал Сергач Розке и начал выбираться из-за стола.

Розка не ответила.

Пошатываясь, Сергач пошёл к мотоциклу, отодвинул друидов и полез в коляску. Моржов подумал, встал и тоже пошагал к друидам. Друиды суетились вокруг Сергача и Лёнчика, заискивающе заглядывали им в лица. Лёнчик влез на седло и рассматривал управление.

— Где, бля, тут чо?.. — бормотал он.

— Ты только сильно не газуй... — просил Бязов (Чакков).

— Мужики, вы какого хрена им свою мотоциклетку отдаёте? — напрямик спросил Моржов у друидов.

Весь кураж с друидов слетел, и сейчас Моржов уже не путал Чазова и Бякова.

— Дак что... — тупо и бессильно пробормотал Чазов.

Бяков молча указал глазами на Сергача, поясняя ситуацию.

— Это Валера Сергачёв, прекрасный парень, только пьяный в жопу, — насмешливо ответил Моржов.

Сергач, которого в коляске окончательно разморило, что-то замычал и заплямкал губами.

Лёнчик оглянулся, с интересом слушая разговор.

— Менту не дашь, так он потом со своими приедет... — осторожно сказал Бяков. — Отпиздят всех... Или наркоту какую подбросят — и в СИЗО...

— Хотите, я вам ствол дам? — предложил Моржов друидам. — Настоящий. Бесплатно. Приедут менты — будете отстреливаться.

Но друиды отвернулись от Моржова. Этот разговор для них потерял смысл.

Блуда и МУДО

— Ты уж побереги машину... — попросил Лёнчика Чазов. — Там, на колдобинах, ещё где...

Лёнчик не ответил и топнул по педали. Мотоцикл взревел.

Моржов сплюнул, достал сигареты и пошёл обратно к веранде.

Розка уже сгребала арбузные корки в большую кастрюлю для мусора. На скамейке стояло ведро с водой, в котором плавала тряпка — вытирать заплёванный семечками и окурками, залитый водкой стол. Розка навела чистоту и не поднимала головы.

На следующий день Лёнчик приехал на облезлом рыдване с какими-то знакомыми ему уголовниками из Колымагино — и без Сергача. Мотоцикл друидов он не пригнал: сказал, что забыл. Уголовники подцепили «Волгу» на трос и утянули на буксире.

Вечером Щёкин достал всех, и Моржова тоже. У костра Щёкин нажбанился пивом и сначала понёс пургу, затем начал икать, а потом принялся падать в огонь. Моржов потащил Щёкина в корпус.

— Зап-правлены в планшеты космические карты... — бормотал Щёкин, безвольно волочась под мышкой Моржова. — К-космос покоряется отважным... Б-рис, где моя геостационарная орб-бита?..

— Ты уже на ней, — сказал Моржов и свалил Щёкина на койку.

Он забросил щёкинские ноги на спальник, стащил кроссовки и поставил их на пол в изголовье кровати.

— Блюй сюда, — сварливо посоветовал он.

Щёкин уже спал.

Моржов вернулся к костру. Возле огня на брёвнах сидели только Розка и Сонечка. Гул пролетающих вдали за лесом поездов звучал в темноте словно ниоткуда. Он как-то невероятно углублял собою толщи ночи, будто морской лот, не достигающий дна.

— Как это твоего Щёкина ещё в педагогах держат? — брезгливо спросила у Моржова Розка.

— А чем он плох? — буркнул Моржов.

— Он бухарик.

— Бухарик, — назидательно пояснил Моржов, — это тот, для кого бухать важнее всего прочего. А Щёкину бухать — просто отдых.

— Хороша релаксация...

— Релаксирует он после креатива. А после работы — отдыхает. Между прочим, из тех шестерых детей, которые сюда к нам приехали, четверо — щёкинские. Это две трети.

— Шпанюги.

— Тем более. К другим педагогам они бы и в кружок не ходили, а у него даже сюда приехали. Значит, Щёкин хороший педагог.

Моржов не стал бы спорить с Розкой о Щёкине, если бы рядом не было Сонечки. Пока Щёкин надувался у костра пивом, Моржов в лесу нагнул Сонечку над пеньком, а потом, уже застёгивая штаны, подумал: похоже, ему пора передаривать Сонечку Щёкину. В этот раз он забыл перед сексом слопать виагру, но проблем не случилось. Всё сработало по привычке, по инерции, с разгона, без мандража. Значит, секс с Сонечкой уже переставал его волновать, как прежде, переставал быть чудом и праздником. А без праздника Моржову было неинтересно.

Жилой корпус, кусты и домик кухни вдруг осветились во тьме, как театральная декорация. Это подъезжала машина с зажжёнными фарами. Моржов поначалу не понял, откуда она едет, а потом услышал хруст гальки под колёсами и обернулся. Машина катила прямо по пляжу вдоль Талки. Ни Сергач, ни Манжетов не поехали бы по пляжу, когда есть дорога. Кого же принёс чёрт?..

Легковушка грузно подкатила и остановилась, едва не уткнув бампер в поясницу Моржова, сидевшего на брев-

не спиной к машине. Машина была облезлая и раздолбанная. Фары ослепляли Моржова, Розку и Сонечку. Никто из машины не выходил. Слышалось только «бутц-бутц-бутц» из салона, где играл блатной шансон. Казалось, что весь объём салона заполняет огромное, дряблкое и липкое сердце, которое колотится изнутри в окна машины, отклеиваясь от стёкол после каждого толчка.

«Местные», — понял Моржов. Те самые, что утром отбуксировали «Волгу» Сергача. Н-да, давно уже следовало ожидать их визита. Вот они и явились. Явились с образцовым хамством: подкатили и встали, осветив всех, но не показывая себя.

Розка и Сонечка от света фар прикрылись ладонями. Моржов снова повернулся и раздражённо грохнул кулаком по капоту. Фары, словно подумав, нехотя погасли.

Ещё через некоторое время все четыре дверки машины открылись и наружу полезли парни из Сухонавозово. В машине их оказалось восемь штук. Они подходили к костру с разных сторон и по-волчьи — до последней возможности не выступая на свет, да и на свету прячась друг за друга.

— Здорово, соседи! — весело воскликнул один из приехавших, похоже — лидер. Его весёлость не вязалась с опасливым выжиданием в машине и с угрюмыми повадками остальных.

— Серый, — представился он, — протягивая руку Моржову. — Пустите у костерка посидеть?

Моржов пожал плечами.

— Девчонки тут у вас... — устраиваясь, заметил Серый и оценивающе прищурился. — Как звать-то?

Прочие парни молча рассаживались по брёвнам, как массовка.

— Роза, — кокетливо заулыбалась Розка. Похоже, ей понравилось возрастание процента мужиков вокруг её персоны. — А это — Соня.

— Угости огоньком, брат, — обратился к Моржову Серый.

Понятно, что у всех восьмерых сухонавозовцев не могли разом закончиться спички и зажигалки. Моржов прочёл в этой просьбе анонс для расстановки сил: если не куришь — то не мужик, а если угощаешь — то шестёрка.

Моржов протянул Серому коробок и сказал:

— У костра от спичек не прикуривают, дурная примета.

Серый предпочёл не услышать. Прочие парни тоже закурили. Говорить им было нечего, да и не умели они, поэтому все курили с каким-то особенным глубокомыслием — глядя в огонь и наклоняя головы в позицию «собачка думает», будто пили из-под крана.

— А мы уже давно заметили, что в этом лагере какие-то пионеры завелись, — улыбаясь, сказал Серый Розке.

— Что значит — завелись? — с удовольствием возмутилась Розка, провоцируя разговор. — Как тараканы, что ли?

Сухонавозовские парни вразнобой захмыкали.

— Ну, приехали, — согласился Серый. — Много у вас пионеров?

— Хватает, — опережая Розку, сбоку сказал Моржов. Чем больше пионеров — тем больше свидетелей; только такая логика была для местных значима.

Моржов изначально понял, каким будет нерв этого разговора. Всё по-приятельски, всё на улыбках, но смысл приезда гостей только один: развлекуха с выгодой. То есть побухальник на халяву, или драка, или ёбля. На худой конец — кража. Вообще-то, скажем, у друидов смысл контакта с Троельгой был точно такой же. Но друиды были старше, а потому немного умнее, и развлекуха друидов ограничивалась выпивкой, которую спонсировал Моржов. Костёрч наверняка бы не согласился с Моржовым. Может, ребята приехали просто узнать, кто поселился в лагере, или даже помочь чем-нибудь?.. Но хре-

нушки. Если бы у сухонавозовских гостей были мотивы Костёрыча, то они не приехали бы ночью и ввосьмером.

— И много вас тут вожатых? — допытывался Серый.

— Шестеро, — кокетничала Розка так, будто речь шла о претендентах на её руку и сердце.

— И что, — Серый кивнул на Моржова, — кроме Боряна, все такие же красивые, как ты?

— А я что, не красивый? — спросил Моржов.

Сухонавозовцы заржали.

Моржов влез нарочно — чтобы его посчитали дурачком. В этом случае дело дойдёт до конкретики быстрее — и быстрее разрешится. Иначе эти уроды просидят здесь до утра.

— Не, Борян, ты не обижайся, это я так, — преувеличенно сконфузился Серый и снисходительно похлопал Моржова по плечу. — Сам понимаешь...

— А у нас тут трое на трое. — Розка вернула себе внимание гостей. — Три пары.

Похоже, Розка просто подзадоривала Серого. Моржов подумал, что зря он так долго возился с Сонечкой и тянул с приставаниями к Розке, особенно после морального краха Сергача, под крылом которого Лёнчик украл у Розки спальные мешки. Розка озверела без мужского интереса к себе, и её озабоченность обрушилась на Серого. А Серый сразу учуял тропку, где не стоят капканы.

— У-у! — шутливо провыл Серый, испытующе глядя на Розку. — Если так, то нам тут делать нечего...

— Может, всё-таки найдётся? — с неким обещанием весело предположила Розка.

Моржов был уверен, что если бы Розкина озабоченность была направлена на него, на месте Розки он видел бы мерцоида.

— А чо ты предложишь? — как-то запросто, совсем уж по-уголовному спросил кто-то из парней у Розки напрямик.

— А чо ты сможешь? — в тон ему агрессивно ответила Розка. — Ничо, да?

— Прижмись давай, баран, — одёрнул приятеля Серый.

Массовка подобострастно хохотнула.

— А Соня у вас чего молчит? — спросил Серый.

— Хочет — и молчит, — вылез из массовой кто-то другой.

— Хотчет — и малчит? — с грузинским акцентом переспросил Серый откровенно двусмысленно.

Это была цитата из очень старого и скабрёзного анекдота. После Стеллы Рашевской Моржов насобачился легко выуживать из речи ковязинцев популярные в Ковязине цитаты.

Розка фыркнула и напоказ отвернулась. Возмутилась она типа как непристойным намёком, но на самом деле — переключением внимания на Соню.

— Всё-всё, мужики! — Серый принялся утихомиривать развеселившуюся массовку. — Зачем девушек пугаете?

— Кто здесь кого пугает? — презрительно спросила Розка, явно не желавшая, чтобы намёки завершались.

— Кто здесь девушка? — с Розкиной интонацией тихо сказал кто-то из массовой.

Моржовская политика выставления себя дураком сразу дала результат: раздувая ноздри, гости уже ходили вокруг лакомой темы. А Моржова уже никто не принимал в расчёт, поэтому обычные ритуальные разговоры были опущены. Ни Серый, ни массовка уже не собирались рассказывать, какие вокруг Троельги грибы и ягоды, какая тут рыбалка и как восхищались местными красотами те, кто посетил Троельгу в прошлом году. Разумеется, гостям куда интереснее был актуальный вопрос: кому и как дадут Розка и Сонечка.

— Ребята, поздно уже, нам спать пора... — как можно интеллигентнее проблеял Моржов.

— Дак иди, Борян, спи, — посоветовал Серый. — А мы тут с девчонками ещё поболтаем. Да, девчонки?

Розка, опомнившись, тревожно глянула на Моржова. Моржов послушно встал. Он видел, как Розка и Сонечка мгновенно перепугались: неужели Моржов оставит их наедине с местными?.. Моржов злорадно ухмыльнулся. Пусть Розка получит, что заслужила. Ей ведь хотелось позаигрывать с мужиками? Хотелось.

Моржов перешагнул бревно и побрёл по тропинке к корпусу.

— Спокойной ночи! — издевательски пожелал кто-то от костра.

А Серый уже принялся хозяйничать:

— Девчонки, давайте выпьем, а? Не стесняйтесь, здесь все свои. Рыжий, носи флакон из машины...

Моржов добрался до комнаты, где дрых Щёкин, выволок из-под кровати свой рюкзак и достал пистолет. Он уже собрался возвращаться, как в голову ему пришла отличная мысль. Не надо совершать подвиг самому, а надо подсунуть в герои Щёкина. Герою в награду будет положена девушка. Вот Моржов и спихнёт Щёкину Сонечку. Это, конечно, всё как-то прямолинейно, но Моржов по опыту знал, что именно такие незамысловатые комбинации обычно и реализуются.

Моржов принялся толкать и тормозить Щёкина. Тот застонал, открыл глаза и медленно сел на койке.

— Как мне хреново... — осознав себя, заныл он. — Чо я так нажрался?.. Выпил-то чуть-чуть: две банки пива и пять...

— Вставай, сучий хрен, тебя ждут великие дела, — то-ропил Щёкина Моржов.

— Какие? — ужаснулся Щёкин.

— Там местные явились, хотят с девками трахаться. Вот тебе пистолет. Будешь стрелять по врагам. А я тебе за это пива найду.

Щёкин уже видел у Моржова ПМ, а потому не удивился.

— Пиво — это хорошо, — согласился он. — Только я пацифист. Вдруг кого убью?

— Одним долбоёбом больше, одним меньше — никто и не заметит, — возразил Моржов, задрал на Щёкине футболку и всунул пистолет под ремень его джинсов.

— Пиво вперёд, — подумав, приказал Щёкин. — А то вдруг я погибну в схватке? Зря, что ли?

У Моржова в заначке всегда имелась пара банок на случай экстренного приведения Щёкина в статус. Моржов извлёк одну банку и сунул Щёкину.

— Я выпью и приду, — пообещал Щёкин. — Мистер Кольт установит демократию.

Моржов пошагал обратно к костру.

Сухонавозовцы чувствовали себя уже свободно и комфортно. Из машины хрипло страдал опереточный уркаган — какой-нибудь очередной Митя Калёный или Данила Козырь. Розка теперь помалкивала, как Сонечка. Обе они сидели в одинаковых напряжённых позах, сдвинув колени, смотрели в землю и держали в руках пластиковые стаканчики с водкой. Серый сидел рядом с Розкой и обнимал её за плечи. Другой тип пристроился рядом с Сонечкой. Массовка гомонила и пересмеивалась. Самый мелкий из массовой возле машины с треском ломал на дрова доски, которые днём натаскали упыри, чтобы построить плот.

— Что-то не спится, — пояснил Моржов, появляясь на свету за спинами Серого и Сонечкиного кавалера. Носком кроссовка Моржов потыкал кавалера в ягодицу: — Зёма, пусти, это моё место.

Розка через плечо метнула в Моржова негодующий взгляд.

Сонечкин кавалер оглянулся и растерялся. Моржов нагнулся, за талию подвинул Сонечку по бревну, уселся

между Сонечкой и её парнем, положил руку Сонечке на лопатки и негромко сказал:

— Всё, больше не бойся. Я с тобой.

— Борян?.. — удивился Серый.

Розка ревниво и решительно вывернулась из-под его руки, встала, перешла к Моржову и села рядом, бесцеремонно отпихнув совсем обомлевшего Сонечкиного кавалера.

— Ты чего сбежал? — злобно прошипела она в ухо Моржову.

— А ты чего перед ними жопой завертела? — шёпотом спросил у Розки Моржов. — Приключений хочешь? Щас будут.

Но Серый, похоже, не желал начинать приключения прямо щас. Опустив глаза, он подумал, а потом достал бутылку водки и налил стаканчик.

— Борян, водяры накатишь?

— Накачу, — согласился Моржов. — Наливай сразу две, ещё наш друг придёт. А-а, вот он...

Сухонавовцы молча повернулись лицами к тропинке. По тропинке, спотыкаясь, плёлся Щёкин и на ходу пил пиво.

— Цой жив, — сказал кто-то из массовки.

Нога Щёкина запнулась о камень, и Щёкин растянулся на тропе. В одну сторону покатилась пивная банка, в другую сторону из щёкинских штанов полетел пистолет.

— Бля, он со стволом... — тихо прокатилось по массовке.

Кряхтя, Щёкин на карачках дополз до пистолета, засунул его обратно на брюхо, встал и побрёл к костру.

— Только не злите его, — громко предупредил Моржов всех присутствующих. — Он психованный, когда нажрётся.

Моржов вскочил с бревна, уважительно подхватил Щёкина за бока и бережно усадил на другое бревно — сбоку от сухонавовцев. Потом Моржов метнулся

к Серому, вынул из его руки стаканчик водки и поднёс Щёкину, как лакей. Щёкин выпил. Моржов присел рядом, тревожно глядя Щёкину в лицо. В горле у Щёкина заклокотала тошнота.

— Сейчас его вырвет! — с опаской в голосе сказал Моржов сухонавозовцам.

Сухонавозовцы торопливо раздвинулись с траектории возможного извержения. Они смотрели на Щёкина так, будто тот собирался родить ртом слона. Но Щёкин переглотнул и удержался.

— Наш мужик! — с облегчением сказал Серый, тем самым быстро примазываясь к Щёкину в друзья. Он привстал и протянул Щёкину руку: — Я — Серый. Держи краба!..

И тут Моржов понял, что Щёкин вусмерть пьян. Вусмерть пьян через каких-то десять минут после пробуждения. Видно, сказались старые дрожжи.

Щёкин тупо посмотрел на руку Серого. Моржов только открыл рот, чтобы дать Щёкину совет поздороваться с Серым, как вдруг Щёкин абсолютно самостоятельно совершил самый красивый (на взгляд Моржова) поступок из всех человеческих поступков, которые Моржов видел в своей жизни. Щёкин слегка наклонился и харкнул в ладонь Серого.

Массовка остолбенела. Розка распрямилась, изумлённо уставившись на Щёкина. Сонечка глупо открыла рот.

— Ты чо, бля, оборзел, сука?! — заорал Серый, отскакивая и вытирая руку о штаны.

— Кто здесь?.. — вскинулся Щёкин, поглядел по сторонам и безмятежно спросил у Моржова: — Б-рис, это что за отроки из вселенной?

Похоже, он уже напрочь забыл всё, что Моржов сказал ему про местных. Моржов быстро приник к уху Щёкина и внятно произнёс:

— Пэ-эм!

Щёкин механически сунул руку под футболку на пузе, вытащил пистолет и посмотрел на Моржова.

— В которого пульнуть? — спросил он.

— В костёр! — беззвучно сказал Моржов, указывая бровями.

Щёкин сощурил один глаз, отыскивая взором костёр, вытянул руку с пистолетом и бабахнул в угли. Отдачей его повалило на спину, но Моржов успел поймать его и вернуть в вертикальное положение, как ваньку-встаньку. В грохоте выстрела из костра вышибло фонтан огня, искр и головней. Розка взвизгнула, закрыв уши руками, а Сонечка ладонями прихлопнула открытый рот, словно туда залетел уголь.

Массовка поползла во все стороны.

— Ты чего, земляк, сразу за пушку хватаешься?.. — крикнул Серый, отступая в темноту. — Поговорим как мужики!..

«Как мужики — это ввосьмером на одного», — подумал Моржов, но вслух сказал:

— Эй, паца, он уже никакашка!.. Вы лучше домой катите. Если он пушку достал — я ни за кого не ручаюсь.

— Эт-то был п-протубер-ранец! — восхищённо пробормотал Щёкин. — 3-звёзды становятся ближе... Б-рис, можно ещё раз?..

— В костёр — валяй, — тихо согласился Моржов.

Щёкин снова начал поднимать пистолет. Брёвна уже были пусты. Даже Розка с Сонечкой съехали назад — по-пами в траву.

— Серый, уводи мужиков, а то ведь он завалит кого!.. — надрывно взвыл Моржов. — Он всю Чечню прошёл, я сам видел!..

— Еблан отморозенный... — пробормотал Серый, боком двигаясь к машине.

В темноте захлопали дверки машины, взвыл движок, галька брызнула из-под колёс. Не зажигая фар, чтобы

не привлекать внимания Щёкина, машина уползла назад в темноту, как черепаха.

— А на посошок?.. — глядя ей вслед, обиженно крикнул Моржов.

Розка и Сонечка, оказывается, уже стояли за спинами Моржова и Щёкина.

— Моржов, отними у него оружие! — истерично завопила Розка.

Щёкин снова целился в костёр. Моржов схватил Щёкина за руку, вывернул из щёкинской ладони пистолет, шёлкнул предохранителем, встал и засунул ПМ теперь уже себе под ремень.

— А дальше пора спать, — распорядился он. — Война закончилась, всем спасибо.

— Откуда у вас пистолет? — гневно налетела на Моржова Розка.

— Я его у Сергача спёр, — ответил Моржов. — Зачем ему сразу четырнадцать?

— А если бы сейчас убили кого? — напирала Розка.

— Розка, блин! — с чувством сказал Моржов. — Не фиг здесь сидеть было, когда эти уроды приехали! Уходить было надо! Не хочешь конфликта — не заигрывай с кем попало! Тем более — с местными ублюдками, ночью, за городом и без защиты! Тоже мне маркиза де Помпадур! Впёрли бы вам с Сонькой по четыре полена во все дырки, так, может, ума-то бы и прибавилось! Ты где живёшь? Ты, бля, в России живёшь! Шаг в сторону — и пиздец, поняла? Скажи ещё спасибо Щекандеру, что пришёл и всех разогнал!

— Моржов, ты хамло! — отчаянно крикнула Розка и отвернулась.

Сонечка села на бревно, уткнулась лицом в колени и заплакала. Моржов шагнул к ней и нежно погладил по голове, потом опять подхватил Щёкина за бока, поставил на ноги и сунул себе под мышку.

Блуда и МУДО

— Идите спать, девчонки, — сказал он напоследок. — Честное слово, поздно уже.

Он поволок Щёкина по тропинке к спальному корпусу.

— Б-рис, отдай пс-толет... — бормотал Щёкин из-под руки Моржова. — Б-дет Грж-нская война, я за б-лых во-евать п-ду... За крс-ных уже в-вали, ни хрена хор-шего не пол-чилось...

Когда Моржов затащил Щёкина в холл, у стенда «План эвакуации» стояла Милена. Она была в лёгких ночных шортиках и в маечке, поверх которой накинула куртку.

— Что стряслось? — тревожно спросила она. — Стреляли, что ли?

— Это в костре петарда Гонцова хлопнула, — сказал Моржов. — Всё нормально, Милена. Иди спать.

Кажется, он впервые обратился к Милене на «ты».

Над Троельгой завис дождь, покрыл её собою, будто при соитии. Длинными прозрачными пальцами он нежно гладил стёкла окошек, как эрогенные зоны, сладостно шептал в траве, трепетал в кустах тихим блаженством. Талка от истомы закрыла глаза, а Матушкина гора со всхлипом потеряла дыхание ветра. Только мокрый, суровый ельник стоял всё так же строго и вертикально, словно монастырь.

Упыри, Наташа Ландышева и Серёжа Васенин сидели на веранде под крышей и резались в карты. Моржов, Щёкин, Костёрыч, Сонечка, Розка и Милена пережидали дождь в холле жилого домика. Все принесли себе по стулу, а неимущий Щёкин приволок тумбочку. Скрестив руки на груди, Розка в клубах испарины встала в раскрытых дверях холла и следила за упырями.

— Кто научил их в карты играть? — недовольно спросила она.

— Я, — спокойно признался Моржов. — Но это хорошая игра — покер. В неё удобнее всего играть вшестером.

— Ну и что? — не поняла Розка.

— А то, что мальчишки всегда гонят Серёжу и Наташу из своих игр. А вот теперь — нет, потому что с Серёжей и Наташей им интереснее.

— Самый умный, что ли? — фыркнула Розка Моржову.

— Из вас, Борис Данилович, наверное, получился бы неплохой педагог, — заметил Костёрыч.

— Вряд ли, — дипломатично ответил Моржов.

Он не представлял, как растить детей такими, какими они должны быть. Он мог бы только штамповать из них новых Моржовых.

Не расцепляя рук, Розка прошла по холлу и уселась на свой стул.

— Осенью, — веско и зло сказала она, — в МУДО вообще никаких педагогов не будет. Ни хороших, ни плохих.

— Роза Дамировна, не надо кликушествовать, — мягко осадил Розку Костёрыч.

— Вам всем хочется, чтобы я молчала! — тотчас заявила Розка. — Чтобы всё тихонько и спокойненько было! А потом Шкиляева — р-раз! — и вышибет всех!

— Какая Шкиляева? — изумился Моржов. — Вы кляuzu послали? Послали. Осенью Шкиляева уже будет на панели торговать своим непривлекательным телом.

— Чего ты издеваешься? — полыхнула Розка. — Сам-то вообще ничего не сделал!

— Сделаю ещё, — пообещал Моржов. — Я молодой.

— Иди! Делай! Рисуй нам сертификаты! Чего сидишь-то?

— Дай хоть покурить, — обиженно ответил Моржов.

Он встал, доставая сигареты, и занял Розкино место в дверях.

— А я почему-то верю, что Борис Данилович выполнит всё, что пообещал, — призналась Милена.

— Ага, — скривилась Розка. — Вы поверьте ему — он вам и не такое ещё наобещает.

Моржов посмотрел на сердитую Розку. Розка явно выбрала его в качестве объекта наездов. Почему? Ведь он не самый удобный для таких вещей объект. Щёкин удобнее, потому что лентяй и выпивоха. И Костёрыч удобнее, потому что безответный. Да ведь и Розка сама же целовалась с Моржовым в кухоньке... Не-е, всё не случайно. Может, Розкины атаки — это провокация Моржова на несимметричный ответ?..

— Не преувеличивайте, Роза Дамировна, — мягко попросил Костёрыч.

Розка в досаде махнула на всех рукой и отвернулась к окошку, за которым в ритме неспешного акта кивали зелёные ветви. Розка и сама нервно покачивалась, словно воцарившееся отсутствие партнёра переполняло её потенциальной энергией, которую уже пора переводить в кинетическую, а то Розка лопнет. Розка снова развернулась к аудитории.

— Всё равно Шкиляева всех выгонит! — выдала она обычное своё заклятие. — Я вчера была в МУДО...

Каждое посещение Розкой МУДО заканчивалось каким-нибудь апокалиптическим известием: того-то уволили, там-то авария, тут новая закавыка...

— Тебя в городе чего всю дорогу в МУДО тащит? — перебивая, спросил Розку Моржов. — Там что тебе, мёдом намазано?

— Я мать-одиночка! — гневно крикнула Розка. — У меня в Ковязине ребёнок у бабки!

— А бабка в МУДО живёт, у Шкиляхи за шкафом?

Розка открыла рот, чтобы разораться, но успела подумать.

— Ты, Морж, меня не сбивай! — отрезала она и опять обратилась к публике: — Так вот!.. Шкиляева мне сказала, что к осени закроют все кружки, которые дублируют школьную программу!

Розка про это уже говорила, но, видимо, в прошлый раз осталась не удовлетворена произведённым эффектом.

— Это уже точно? — строго спросила Милена.

— Не может быть, — недоверчиво добавил Костёрыч.

— Может! — торжествующе крикнула Розка. — Вас, Константин Егорыч, попрут! И тебя, Милена! И тебя, Опёнкина!

— А меня?.. — жалобно и просительно воскликнул Щёкин, мол, всех попёрли, а его забыли? Не уважают, значит?!

— Тебя самого первого! — с ненавистью шарахнула его Розка.

— Это какое-то безобразие... — забормотал Костёрыч и замотал головой, но сразу схватился за очки. — Наши кружки — не дублирование школьной программы, а своеобразный практикум! Да, я знаю, что в школах факультативно преподаётся краеведение! Но ведь в школе оно — в кабинете, а я вожу детей по родному краю, показываю, так сказать, на местности! У меня не дублирование, а углубление... К тому же я представляю уровень школьного преподавания — слёзы одни!

— А английский язык далеко не во всех школах изучают! — возмутилась и Милена. — Какое администрация имеет право лишать детей возможности изучать язык, если в их школе его нет?

— Имеет! Имеет! — подсказывала на стуле Розка.

Моржову показалось, что в это время и саму Розку кто-то имеет, а она вопит от восторга, что наконец-то это случилось.

Розка, будто валькирия, победно оглядела аудиторию, как разгромленного противника. Милена посмотрела на злорадствующую Розку и скорчила презрительную гримасу. Дескать, посмотрим, кто там меня сможет уволить из-под защиты Манжетова...

Щёкин закряхтел, слез с тумбочки и пошёл курить к Моржову.

Блуда и МУДО

— План, значит, такой, — деловым голосом начал он. — Как нас сократят, мы с тобой сразу регистрируем сутяжную контору «Братья Вонякины». Сперва будем...

— погоди, — остановил Щёкина Моржов и обратился к присутствующим: — Господа, давайте без паники! Розка, завершай артобстрел! Милена, Соня, Константин Егорыч, до конца света ещё как минимум два миллиарда лет — Борис Данилыч уже обо всём позаботился.

Моржов решительно прошагал к своему стулу, поднял его за спинку, поставил посреди холла и сел верхом.

— Уверяю вас как старый, битый жизнью йог, что заклинать змей гораздо проще, чем заполнить налоговую декларацию, — заявил он. — Я уже всё придумал. Сейчас расскажу вам, и вы мгновенно обретёте мир и покой. Розка, прекрати прыгать на попе!

Розка снова фыркнула.

— Делать надо так, — продолжал Моржов. — Ваши кружки и дети остаются в прежнем виде. Но вы берёте свои учебные программы и слегка переписываете их, чтобы отныне они были похожи на школьные предметы не более, чем Роза Люксембург на Клару Цеткин.

— Поясните, — попросила Милена.

— Поясняю, — охотно согласился Моржов. — У вас, дорогая Милена, кружок английского языка. Вы попеременно... именована... господи, ну и слово!.. переименовывайте его в кружок... э... межнационального общения. И все тексты, по которым вы практиковались, слегка-слегка корректируете. Например. Был у вас текст о Бруклине — стал текст про обычаи жителей Бруклина, с которыми, возможно, воспитанники вашего кружка будут межнационально общаться. И всё! Проблемы нет. Принцип ясен?

Милена задумалась и недоверчиво пожала плечами. Но возразить было нечего.

— А у меня? — простодушно спросил Костёрыч.

— А у вас пусть будет детский научный клуб по выявлению взаимоотношений региона и столицы.

— Что-то непонятно...

— Непонятность — это залог успеха. Вот Серёжа Васенин рассказывал мне про церковь в Сухона... в Колымагино. Пётр I запретил каменное строительство везде, кроме Петербурга. А колымагинский староста взял да и построил эту церковь вопреки запрету. За это его сослали... то ли в Нарьян-Мар, то ли в Шарм-эль-Шейх, точно не помню. Вот вам и взаимоотношения столицы и региона. Материал, метод, дети — всё то же, а способ репрезентации перед начальством — иной.

Розка медленно закипала.

— А мне... подскажи... те... — прошептала Сонечка.

— А у вас, Сонечка, пусть будет кружок по изучению биоценозов края. Вы знаете, что это такое?

Сонечка кивнула и покраснела так, словно Моржов спросил её, знает ли она, что такое оральный секс.

— Вот и всё, — подвёл итог Моржов. — Суть прежняя, всё прежнее, но никто к вам не подкопается.

— А меня!.. — задохнулся от обиды Щёкин. — Меня тоже научи жить!..

— Всех научу, — щедро пообещал Моржов.

Он ждал, в какую сторону пойдёт прореха, когда Розку начнёт рвать пополам. Как Моржов посмел исправлять ситуацию? Если Розке плохо без мужика — пусть и всем остальным тоже будет плохо! Не важно, по какой причине.

— Да Шкиляева на первой же проверке эту липу просечёт! — закричала Розка.

— Не просечёт, — возразил Моржов.

— Что она, дура, что ли?!

— Во-первых, дура, — согласился Моржов, — и никогда ценоз от цирроза не отличит. А во-вторых, разве она приходит на занятия с проверкой для того, чтобы следить за соответствием теме, обозначенной в программе?

— Ко мне Шкиляиха в апреле с проверкой приходила, — неожиданно по-земному рассказал Щёкин. — Тема у нас была — «Вязание узлов», а мы пили чай. И что? Шкиляиха просто пересчитала упырей по башкам и ушла. Ей тема пофиг. Мы у себя хоть буратин вырубать можем, лишь бы нужное количество человек присутствовало. Жизнь — это кузница.

— Вот тебе, Розка, и ответ, — назидательно изрёк Моржов.

— Да без толку всё это! — закричала Розка. — Пиши — не пиши программы, всё равно Шкиляева всех нас знает! Если Константин Егорыч — значит краеведение, чего бы он там в программе ни сочинил!..

— А если, скажем, он заявит кружок дельтапланеризма? И не просто заявит, а вправду будет летать на дельтаплане в поднебесье?

— Над родным же краем полетит! Значит, краеведение! Моржова словно пронзило от макушки до стула. Розка во всей красе явила второй признак пиксельного мышления!.. Первый — это отсутствие стимула в накоплении пикселей. А второй признак оправдывал первый. Не зачем эти пиксели и накапливать! Складывая из пикселей картинку, на выходе всё равно получаешь не картинку, а пиксель. Шкиляиха знает, что Костёрыч — краевед. «Краевед» — это пиксель. Какую бы новую картинку Костёрыч ни выкладывал в своей новой программе из других пикселей, в глазах Шкиляихи эта картинка всё равно редуцируется и суммируется в пиксель «краеведение».

— Что же, меня будут сокращать только за то, что я — это я? — удивился Костёрыч.

— А всех только за это и будут увольнять! — закричала Розка. — Разве что вон Миленку не уволят из-за мужика еёного!..

— Что за бред, Роза? — тотчас резко спросила Милена, краснея.

— А что, не так? Был бы Константин Егорыч любовником у Шкиляевой, кто бы его уволил?

— Э-э... — Костёрыч даже растерялся от столь неожиданного аргумента.

— Жарь их, Розка!.. — как в бане, сладострастно зашипел Щёкин.

— Это вообще свинство, Роза! — отчеканила Милена.

— А чего свинство-то? Ты останешься, а меня вышибут — это не свинство?

Розка совершенно разбуянилась.

— В таком тоне я не желаю разговаривать, — заявила Милена.

— Не желает она!.. Я уже восемь лет в МУДО отпахала, за что меня на помойку? Это вон Опёнкину можно — она только что пришла! А меня?!

— Я... Что я?.. Мне... — обомлела Сонечка. — Почему?..

— По жопе! — грубо сказала Розка. — Тебя-то какой смысл держать? У тебя дети и так разбегутся!..

— Ро... Роза! — заметался Костёрыч, не зная, что делать.

— У Милены... Дмитриевны... столько же... Я...

— Вы, Соня, меня с собой не сравнивайте, — жёстко и презрительно ответила Милена.

— Девушки! Сбавьте обороты! — предостерёг Моржов.

— А это правда, — холодно сказала Милена. — Для Сони увольнение — вполне заслуженное. Способностей к педагогике у Сони — ноль.

— Хоть бы раз мне на кухне помогла! — крикнула Розка.

Лицо Сонечки враз залили слёзы. Сонечка тихо встала, повернулась и пошла в коридорчик к своей комнате. Моржову стало пронзительно жалко Соню и даже зачесалась рука — дать Розке подзатыльник, а Милене пощёчину.

Блуда и МУДО

— Девчонки, прекратите! — рывкнул он, вставая.

— А что прекратить-то? — нагло взъелась Розка.

— А то и прекратить! — Моржов отшвырнул стул в угол холла — так же, как некогда в придорожном кафе с обнаглевшими проститутками. — Идите проветритесь обе! Развели свару! Обидели ребёнка!

Милена поднялась и с гордым выражением лица тоже вышла из холла. Костёрыч, держа очки обеими руками, в смятении, сутулясь, побежал на улицу.

— Щекандер, иди к Сонечке, — негромко посоветовал Моржов.

Они со Щёкиным посмотрели друг другу в глаза. Моржов выдержал взгляд Щёкина, хотя в затылок ему полыхнуло огнём. Одно дело — вальяжно рассуждать про передачу Сонечки Щёкину, а другое дело — самому добровольно отступить от своей девушки. А после того, как Щёкин утешит сейчас Сонечку, Сонечка станет принадлежать Щёкину. Герою с пистолетом.

Щёкин задумчиво пошевелил бровями, молча кивнул и пошёл в коридорчик вслед за Сонечкой.

Розка сидела, отвернувшись к заплаканному окну, и тоже плакала. Моржов думал, что надо наорать на Розку, а потом пожалел и её. Всё-таки женщина... которой горько быть одной. Которую надо любить... Ну, если и не любить, то хотя бы пожалеть... Ну, если и не пожалеть, то хотя бы приголубить.

— Трын-дын-дын! Трын-дын-дын! — трандычал Моржов, подражая рёву мотоцикла.

Он стоял у крыльца жилого корпуса, держал велосипед за руль и поджидал Розку.

Розка вышла, одетая для города. На ней были короткие — чуть ниже колен — штанишки в обтяжку и такой же обтягивающий топик. Под штанишками просматривались стринги, под топиком ничего не просматривалось.

— Ты что так долго? — пробурчал Моржов, усаживая Розку на седулку своего велосипеда. — Рожала, что ли?

— Красилась, — кокетливо ответила Розка. — Рожать быстрее.

Моржов оттолкнулся от крыльца, привычно попал задом на седло и с натугой надавил на педали. Н-да, Розка весила далеко не как Алёнушка, и сил на разгон требовалось куда больше.

Розка снова отправлялась в Ковязин, а Моржов вызвался доставить её на велике. Удобств, конечно, почти ноль, но ближайшая электричка приходила только через три часа — вот Розка и согласилась.

Они проехали под аркой ворот, докатились до тропинки на висячий мост, и здесь Моржов остановился ссадить Розку. Дальше начинался подъём, одолеть который можно было только пешком.

— Если ты скажешь, что не можешь въехать, потому что я толстая, я тебя исцарапаю, — слезая с седулки, предупредила Розка.

— Что я — враг себе? — удивился Моржов. — Я не драться с тобой поехал, а соблазнять тебя.

— Не получится, — тотчас заявила Розка.

— Почему?

— Я с сотрудниками не сплю.

— Все мы сотрудники, делаем общее дело, строим новую Россию, — толкая велосипед, пропыхтел Моржов. — Так что же, трахаться вообще перестанем, что ли?..

С горы разворачивались полуденные колымагинские просторы. Пахло хвоей и ромашками. В паузах между перестуками поездов издали бубенчиком меланхолично звенел церковный колокол. Нехотя плыли облака — такие лохматые, словно солнце нарвало их на лугу, как одуванчики.

— Ты со своей Опёнкиной трахайся, — сказала Моржову Розка.

— Сонечка не моя, а Щёкина.

— Ври давай. Это же ты вместе с ней по кустам шнырял.

— Мы грибы искали.

— Эх, Морж, так вот бы и дала тебе!.. — в сердцах созналась Розка, показывая Моржову сжатый кулачок.

— Так дай, — согласился Моржов, имея в виду совсем другое.

— А я бабников не люблю. Я ревнивая.

— Можно подумать, в твоей жизни были только девственники.

— Я ведь не спрашиваю, что тебе нравится, вот и ты не лезь, где нравится мне, — как-то туманно отбрыкнулась Розка.

На подъёме Розка покраснелась, и Моржов просто любовался ею: тёмные глазища, алые губы, влажная складка сомкнутых топиком груди. Наверняка, если взять дистанцию метров в десять, на месте Розки Моржов увидел бы мерцоида. Но вплотную мерцоид ничем не отличался от настоящей девушки.

Они выбрались за разъездом на шоссе, и Моржов подсадил Розку на её место. Уже сидя на седле, прежде чем оттолкнуться ногой от асфальта, Моржов ткнулся носом Розке в затылок, в узел волос. Ему хотелось почувствовать сладкий запах Розки.

— Чего ты как корова нюхаешься, — усмехнулась Розка, мотая головой. — Щекотно дышишь.

— Не вертись, — ответил Моржов. — Человек сил набирается.

Розка с удовольствием переждала процедуру набора сил.

Шоссе окунулось в ельник, а затем проскользнуло сквозь насыпь железной дороги через арку тоннеля и покатило по сосновому бору на спинах Колымагиных гор. Под увесистой Розкой велосипед ощутимо напрягался и пружинил, отзываясь на каждую колдобину и трещину асфальта.

— Меня на раме только в детстве катали, — призналась Розка.

Ей было тесновато, и она топорщила локти. Моржов нарочно чуть сдвинул руки, словно обнимая Розку. Склонив голову, он поцеловал Розку в горячую шею, на которой трепетали два завитка.

— Прекрати, а то мы врежемся куда-нибудь, — велела Розка.

Моржов убрал с велосипедного руля одну руку и полез в задний карман джинсов. Там у него лежала таблетка виагры.

— Ты чего руку убрал?! — завопила Розка. — Я боюсь! Мы гвозданёмся, точно!..

Моржов не мог ответить — он глотал виагру всухую. Справившись, он успокаивающе похлопал Розку по упругому задку и вернул руку на руль.

— Ума-то как, не лишку, нет? — ещё сердито спросила Розка. — Не жмёт нигде?

— У самой ума-то сколько? Зачем на Шкиляиху накапали?

— Сам знаешь зачем!

— Я же сказал, что спасу всех, почто ещё рыпаетесь?

Розка подумала и ответила:

— Опёнкину свою спасай.

— А всё-таки, Розка, по отношению к Соне вы с Миленой вели себя как сучки, — сказал Моржов.

— Опёнкина твоя — квашня, — тотчас ответила Розка. — Дура набитая. Терпеть её не могу. Учти, Морж, увижу тебя с ней — вам обоим не жить.

— Не увидишь, — пообещал Моржов.

— А Чунжина — стерва, — добавила Розка. — Строит из себя недотрогу, великосветскую даму, а всё её достоинство — правильно даёт. Чунжина и тебя, и меня сожрёт и косточек не выплюнет. От неё вообще надо держаться подальше. Такие тихони — людоедки.

Блуда и МУДО

— Одна ты самая добрая и красивая.

— Так оно и есть, — согласилась Розка.

— Да я и не спорю, — пожал плечами Моржов.

Словно в обнимку, они вдвоём на одном велосипеде быстро катили сквозь сосновый бор, сквозь световой бу-
релом на асфальтовом шоссе. Сосны поднимались над
ними, промасленные солнцем, как блины.

— Моржик, а ты ведь художник, да? — заискивающе
спросила Розка, оглядываясь на Моржова. — А почему
ты меня не нарисуешь?

— С тебя я буду рисовать только ню, — важно отве-
тил Моржов.

— Что значит «ню»? Фигню?

— Ню значит ню.

— Разнюнился... То есть ты хочешь рисовать меня
топлес?

Розка жеманно глянула на Моржова через плечо.

— Я что, подросток пубертатный, на твои титьки та-
ращиться?

— Так объясни, что такое «ню»! — обиделась Розка.

— Я не могу. Я деликатный.

— Обнять и плакать, — язвительно сказала Розка.

— Ню — значит голой, как галоша, на карачках, при-
вязанной к дереву и с кляпом во рту.

— Не хилые у тебя на меня планы, — с уважением ска-
зала Розка.

Сосновый бор запутался в сетях солнца, зной загус-
тел. Одежда давила и тёрла. На шоссе не было ни пеше-
хода, ни машины. От солнечного ослепления казалось,
что весь лес прищурился.

— Розка, хочешь порулить? — интимно спросил Мор-
жов Розке в ушко.

Не дожидаясь ответа, он оторвал левую руку от руля,
взял Розку за левое запястье и положил Розкину ладонь
на рукоятку. Потом точно так же переместил правую

Розкину руку. Потом быстро перехватил Розку за талию — точнее, за живот и поясницу, потому что Розка сидела на раме боком. Теперь велосипед вела Розка.

— Ну, Моржище, остановимся — я тебе всё оторву, — тихо сказала Розка, напряжённо вперившись в дорогу под передним колесом.

— Не остановимся, — усмехнулся Моржов, поддавая педалями скорости.

Моржов попробовал залезть ладонью под топик Розке, но там было всё так тесно и плотно, что ладонь зажало. Тогда Моржов просто подцепил топик кончиками пальцев и задрал вверх, Розке чуть ли не под мышки. Груды Розки вывалились, как из бани. Правда, они были прохладные и влажные. Хоть Розка когда-то и кормила ребёнка, грудь её не потеряла формы. Моржов ласкал Розку, чувствуя, как быстро проявляются соски. Розка никак не могла сопротивляться — ей некуда было деться. Моржов на всякий случай ещё пару раз крутанул педали.

— Моржовина сволочная... — тяжело дыша, прошептала Розка, всё так же напряжённо вглядываясь в асфальт.

— Ну чо ты, — издевательски ответил Моржов. — Никакого секса. Мы чисто по работе.

Он безнаказанно играл с Розкиными грудями, и Розка то ли заплакала от досады, то ли засмеялась от бессилья.

— Вот сейчас попадёт кто навстречу — а я с голыми сиськами... — простонала она.

Моржов приблизил губы к её ушку.

— Вон справа отворот, — подсказал он. — Рули туда.

— Сам рули... Я не сумею...

— Ага, ща. Я возьму руль, а ты сразу топик обратно натянешь.

— Жопа ты жопская... — едва не прорыдала Розка.

Моржов чуть-чуть притормозил, но не настолько, чтобы Розка осмелилась рвануться и спрыгнуть с велосипеда.

— А-а!.. — завопила Розка.

— Не паникуй, — бодро сказал Моржов и попридержал Розку за локти, руководя манёвром.

Розка повернула руль. Велосипед рыскнул, но не упал, а перекатился через обочину и оказался на просёлке.

— Теперь вперёд, — распорядился Моржов и снова нажал на педали.

Просёлок уводил куда-то вниз. Моржов прикинул и решил, что этот просёлок — старая дорога с шоссе на Колымагино. Ею уже почти не пользовались, потому что за разъездом была построена новая дорога с бетонным мостом через Талку. Засохшие колеи просёлка отпечатали рубчатый след тракторных протекторов. Велосипед затрясся, а Розкины груди запрыгали как мячики. Моржов поймал их в ладони, словно этим успокаивал Розку.

— Расшибёмся, бли-ин!.. — орала Розка.

На просёлке солнечный свет не громоздился уже столбами и полосами, а был мелко наколот на огни, словно пространство засахарилось. Моржов опустил одну руку и начал растёгивать на Розке брючки. Розкин животик был круглый и твёрдый от напряжения, но напрягалась Розка не из-за Моржова — она трусила ехать под горку.

По сосновому склону просёлок скатился к Талке. Здесь грудился старый бревенчатый мост. По его настилу колеи были выложены досками. В пазах меж брёвен росла трава. Блестящая, мелкая Талка ныряла под мост, словно кланялась.

— Приехали! — объявил Моржов и надавил на тормоза.

Он спрыгнул с велосипеда первым, опережая Розку, присел, одной рукой придерживая агрегат за седло, а другой рукой подхватил Розку под колени. Глаза его чуть не вылезли от натуги, когда он распрямился, под-

нимая Розку и наваливая её себе на плечо. Розка только охнула. Тяжёлыми, грубыми шагами Моржов быстро пошёл с дороги на берег Талки, за ближайший куст, унося Розку на плече, будто кентавр. Велосипед остался лежать на дороге, изумлённо поблёскивая спицами ещё вращающегося колеса.

На бережке Моржов поставил Розку в траву, сразу обнял её и принялся целовать, не желая дать Розке опомниться. Бревенчатая громада моста неподалёку выглядела как сторожевая стена острога боярина Ковязи.

— Я на спину не лягу, — задыхаясь, прошептала Розка уже опухшими губами. — Там сучья какие-нибудь... Моржов потянул Розку вниз, опуская на колени.

— Вставай раком, — велел он. — Чисто по работе...

Розка почти упала на четвереньки, словно её подшибли. Она склонила разлохмаченную голову, чтобы ничего не видеть, опёрлась на один локоть, загнула на спину руку и, срываясь пальцами, поспешно стаскивала с зада брючки и стринги. Моржов пинками сбросил кроссовки и, чертыхаясь, запрыгал возле Розки, стягивая узкие джинсы. Он увидел, что промежность у Розки выбрита догола, как у проститутки. Сказывался вкус Сергача.

Розка будто в изнеможении совсем уронила голову, но быстро расставила локти и колени пошире, точно её собирались повалить. Моржов рухнул на колени перед Розкиной задницей и взял Розку за бёдра — будто в обе руки принял от боярина Ковязи здоровенную богатырскую братину. Розка, захлёбываясь, зашипела — так шипят, когда от жажды, торопясь, хватят кипятку. Талка вспыхнула. С ритмом прибоя из темноты под мостом начало вышибать снопы искр.

— Пора, красавица, прогнись, — хрипло прошептал Моржов.

С облегчением, точно долго ждала этого, а теперь можно не стыдиться, Розка легла на траву грудью, вы-

ставляя зад, словно главный собственный смысл, сосредоточение всех чувств.

Моржов знал, что вот сейчас и только сейчас Розка — настоящая, какая она есть. Только этот момент — момент истины. Только в этом поведении воплощается подлинное отношение Розки к жизни, даже если и сама Розка о себе считает иначе. Моржов гадал, что же он увидит и услышит: сдавленное молчание, тяжёлое сопение, сладострастный стон, яростный вопль?.. Розка как-то запищала, словно разгонялась, и начала тоненько взвизгивать, как молоденькая девчонка на качелях.

А потом она плавно скользнула вперёд, снимаясь с Моржова, перевернулась на спину и, выгнувшись, вдруг забилась, дрыгая ногами — с ненавистью сдирала мешавшие ей брючки и трусики.

— Иди на меня! — властно прорычала Розка глухим и утробным голосом, столь непохожим на взвизгивание. — Хочу тебя сверху!..

Моржов лёг на Розку, словно лодка на стапель, и обнял Розку одной рукой под лопатки, а другой — под зад, будто наискосок обхватил Розку всю, чтобы прижать к себе как можно крепче. И чем сильнее он стискивал Розку, тем ярче она раскалялась. Уже и солнце, казалось, не палило, а остужало голову.

— Борька! Борька! — рвущимся дыханием шептала Розка. — Свинья! Моржати́на тушёная! Ты где шлялся всё это время?..

Щёкин сидел на подвесном мосту, болтал ногами в пустоте и пил пиво. Ночь выдалась облачная, и не было ни луны, ни звёзд. Всё казалось сделанным из темноты: взбитой, рыхлой темноты небосвода; колючей и плотной темноты ельника; мохнатого и тяжёлого мрака земли; жёстких, текучих чернил речки. Моржов подошёл и сел на край мостика рядом со Щёкиным.

— Как дела? — спросил он.

— Формально — всё нормально, — ответил Щёкин, не глядя на Моржова.

— Какой-то ты кислый...

Щёкин молча пожал плечами.

Моржов закурил. Щёкин покосился на него, поставил банку с пивом на доску настила и зашарил ладонями по бёдрам. Он был в трениках и в своей футболке «Цой жив».

— Что за жизнь тяжёлая... — забурчал Щёкин, не находя сигарет. — Дожил, блин, даже карманов на штанах нету...

Моржов протянул Щёкину свои сигареты.

— Как у тебя с Сонечкой? — спросил он.

— Всё схвачено. Осталось только пальцами щёлкнуть.

— Чего же не щёлкаешь?

— Думаю, — мрачно и веско пояснил Щёкин.

Моржова кольнуло нечто вроде ревности. Он и сам был не против ещё немного потянуть отношения с Сонечкой. Но он уступил Сонечку Щёкину — а Щёкин, видите ли, думает. Однако намекнуть на зубы дарёного коня Моржов, разумеется, не мог.

— А что тут думать? — несколько сварливо спросил он.

— Я о себе думаю, не о ней. С ней всё в порядке.

— И чего ты думаешь о себе? — въедался Моржов.

— Думаю, что Сонечка — на взлёте, а я-то уже с ярмарки еду.

— В дуру ты едешь. Сонечка на тебя во все глаза глядит. А ты всё удачного расположения звёзд дожидаясь.

— Ты, Борька, циник, а я романтик.

— Время для всех течёт одинаково.

Щёкин тоскливо вздохнул, бросил окурочек и проследил полёт огонька до воды.

— Можно, конечно, поманьячить немного, — согласился Щёкин, — только что я Сонечке дам?

Блуда и МУДО

— Главное — чего не дашь, — ответил Моржов.

— А чего не дам?

— Не дашь пойти на работу к Сергачу. Соню туда уже позвали.

— М-м?.. — удивился Щёкин. — Это, конечно, добавляет однозначности в вопросе... Но я, Борька, не хочу разводиться со Светкой. Михаила жалко.

Моржов сплюнул под мост.

— Ты сначала с Сонечкой чего-нибудь заведи, а там уже и видно будет. Завтрашние проблемы будем решать завтра. Не умножай геморрой сверх необходимого.

Щёкин задумчиво покачал головой в знак согласия:

— Правильно Фрейд посоветовал.

— Не Фрейд, а Оккам, — поправил Моржов.

— Ну... Оба правы.

Щёкин допил пиво и убрал банку за спину.

— А Сонечка хочет меня? — простодушно спросил он.

— Подмокла уже, — грубо ответил Моржов.

Щёкин снова вздохнул и стал исподлобья смотреть на плоскую лужу огоньков далёкого города Ковязина.

— Ладно, — сказал он. — С Сонечкой разберусь. Хорошо, что она есть... А я тут, Борис, решил, что пока нахожусь в Троельге, то посвящу свою жизнь ПВЦ. Всё равно делать нехрен.

Моржов чуть не упал в Талку. ПВЦ? Призраку Великой Цели?..

— ПВЦ — это поиск внеземных цивилизаций, — пояснил Щёкин. — Я же космонавт. Мы, космонавты, не можем без звёзд, без чужого разума, который тянет к нам руку дружбы через бездны пространства.

— А-а... — с облегчением сказал Моржов. — Это... Что ж, дело хорошее. А где же ты будешь искать инопланетный разум?

— Здесь, фиг ли далеко ходить. И вообще, я его уже нашёл, кстати.

— Здорово! — искренне обрадовался Моржов.

— Хочешь расскажу?

— А то нет!.. Только учти, что есть три самых скучных типа историй для рассказывания. Это сны, своя генеалогия и свидетельства НЛО.

— Не, у меня без НЛО.

— И хорошо. Про НЛО я в Интернете до хренища читал.

— Вытри жопу Интернетом, — поморщился Щёкин. — Знаю я, что там пишут. На Памире обнаружена мыслящая блевотина. Гидроцефал ложнозрячий, преследует до полного распада. Мухи-роботы украли ребёнка. Галактическая война гуманоидов и рубероидов... А у меня всё настоящее. Сам можешь убедиться. Помнишь, перед началом смены мы пьянствовали?

Моржов подумал.

— Это когда Манжетов приезжал?

— Да. Вот тогда, под конец... Я уже надел скафандр, сказал «поехали!», и ты повёл меня на Байконур — помнишь? А у костра остались Сонечка, Розка и Милена. Я оглянулся, и ты тоже... И мы с тобой оба увидели над девками такие красные световые столбы...

Моржов тотчас вспомнил эту сцену. Щёкин тогда увидел его мерцоидов.

— Во-от... Это и был момент приземления. Инопланетянин вселился в девок.

Моржов сразу совершенно успокоился.

— Понятно, кто же ещё-то? Инопланетянин, больше некому.

— Всё сходится! — Щёкин строго посмотрел на Моржова. — Кто деньги заплатил за Троельгу? Американцы? А чего же тогда они не приехали или обратно деньги не потребовали? Нет, Борис. Деньги заплатили инопланетяне. В телефонограмме ведь так и было сказано: обратный адрес — Орион. Инопланетяне заплатили — и приехали

сюда. Точнее, один инопланетянин. Ведь по телефонограмме невозможно было понять, группа существ имеется в виду или одно существо. На самом деле — одно.

— И оно вселилось в наших девок, — довершил историю Моржов.

— Знаешь, не то чтобы вселилось... — скривился Щёкин. — Это ведь не дьявол какой-нибудь из суеверий... Да, инопланетянин вселился. Но очень по-хитрому. Может быть, на Орионе всегда так делается, может быть, так там положено, я не знаю, на Орионе не был... Но мне кажется, что перед вселением произошла авария. И инопланетянин порвался на три куска. И каждый кусок вселился в отдельную девку. Вот такая блуда.

— Руки в Розку, ноги в Милену, а жопа в Сонечку.

— Не утрируй, — строго оборвал Моржова Щёкин. — Идёт серьёзный научный поиск. Мы не одни во вселенной, как ты не можешь этого осознать? Это же великое, эпохальное открытие! Я как это понял, чуть ежа не родил.

Моржов смотрел на светящиеся цепочки пролетающих поездов и вспоминал, как на этом мостике, едва ли не на этом же самом месте он в первый раз взял Сонечку...

— Почему ты не задаёшься вопросом, как же в наших девках проявляется инопланетянин? — ревниво спросил Щёкин.

— Почему не задаюсь? Сижу вот и задаюсь.

— Я тоже задаюсь, — удовлетворённо согласился Щёкин. — Но ведь у инопланетянина расщепились не руки, ноги и, как ты выразился, жопа. У инопланетянина расщепился разум. На три источника, три составные части.

— И каждая из девок получила по частичке, — догадался Моржов.

— Вот именно! Как мыслитель, тяготеющий к планетарному масштабу, ибо только из космоса можно увидеть нашу голубую планету целиком, я задумался: а какие же

три части, три свойства составляют разум? Не только наш, человеческий, а любой? Скажу честно, мне пришлось формулировать основные постулаты ксенологии в одиночку.

— Не, я твой подвиг никогда не повторю, — сразу отпёрся Моржов. Он знал, что в безумии ему со Щёкиным состязаться не по силам. — Давай уж сам говори.

— Первое свойство разума, — важно сказал Щёкин, — это способность добиваться естественной цели неестественным путём. Эта часть инопланетянина, судя по всему, попала в Розку.

— Гм, — заинтересовался Моржов. — То есть?..

— Очень просто. Какая у Розки цель? Собственное благополучие. Цель очень естественная. Но путь к этой цели Розка избрала абсурдный, неестественный — через брак с сутенёром. Искать золото Чингисхана в мусорке за шоссе Жиркомбината — и то более естественный путь к благополучию.

Моржов словно включился и наострил уши. Теперь бред Щёкина становился ему интересен и понятен.

— Ясно, — сказал он. — А вторая часть инопланетянина попала в Милену, да? Выворачивая твою формулу наизнанку, я делаю вывод, что Милену добивается неестественной цели естественным путём. Верно?

— Верно, — кивнул Щёкин. — Чего Милене надо?

— Быть успешной женщиной.

— Это что, естественная цель? — с сарказмом риторически спросил Щёкин. — Успешный человек — это какая-то модель человека, а не реальное существо. Таких не бывает. Это гомункулусы. Их выращивают в телевизорах.

— Н-да, — после раздумья согласился Моржов. — Зато у Милены способ достичь этой цели — самый тривиальный, даже тривиальнейший. И весьма естественный. Лечь под Манжетова.

— Ну, не суди уж так жёстко, — помиловал Милену Щёкин. — Он сам её под себя положил. А она решила

воспользоваться ситуацией, если уж так вышло. Она добивалась своей цели честным трудом — давала платные уроки. Милена ещё не гомункулус.

— Скоро огомункулится... — пробормотал Моржов. — Ну а что Сонечка твоя? Она вроде вообще никакой цели не добивается. Сидит и ждёт у моря погоды. Верит, что приедет к ней Шумахер на болиде и привезёт в подарок надувной бассейн.

— То-то и оно! — воскликнул Щёкин. — Сонечка надеется, что всё получится само собой! А ведь не получится! Сам собой получается только Сергач. Сонечка пребывает в совершенно неестественных условиях — бездействия на тонущем пароходе. Но душа у Сонечки пластичная, как кошка. Приспособится ко всему. Вот ты же сам мне говорил, что Сонечка меня хочет. А как можно меня хотеть? Я ведь не для обыденной земной жизни создан! Я весь — познание, устремлённость в пучины метagalактики, где мой дух шагает по Млечному Пути! А Сонечке охота попросту с меня труссы содрать.

— Бывает, — осторожно заметил несколько ошарашенный Моржов.

— О чём это говорит? О том, что в Сонечку вселилась третья часть инопланетянина. То есть способность разума естественным путём приспособливаться к неестественным условиям.

— А наоборот? — ехидно спросил Моржов. — Неестественным путём приспособливаться к естественным условиям?

— А это уже способность не разума, а безумия.

Моржов лукаво посмотрел на Щёкина поверх очков: понимает ли Щёкин, что сейчас охарактеризовал сам себя?

— Ну что, — гордо выпрямился Щёкин, — убедил я тебя, что инопланетяне прилетели?

— На все сто, — заверил Моржов. — В моём лице ты обрёл первого апостола.

Глава 6

БЛУДА

— Давай поговорим правильно, — веско и с аффектацией предложила Моржову Алиса. — Я ведь психолог.

— Ну давай, — с сомнением согласился Моржов.

Психологом Алиска Питугина стала после трёхмесячных курсов в педтехникуме. С Алиской Моржова познакомил Дианка, бывшая жена, а уж Алиска свела Моржова с Дашенькой, к которой Моржов катапультировался, когда был изгнан из Дианкиных чертогов. Как потом понял Моржов, Дашенькина постель была для Алиски чем-то вроде гаража. Питугина отправляла туда мужиков, которые в данный момент ей были не нужны, но потом могли пригодиться, поэтому их следовало держать поблизости. Например, при лучшей подруге. Моржов разогнал всех мужиков, что имелись на момент его появления. Лично ему они ничем не мешали, но досаждало их присутствие на горизонте.

— Кстати, я скоро стану твоей коллегой, — добавила Алиска с многозначительной улыбкой.

— Это каким же образом? — удивился Моржов.

— Когда осенью МУДО преобразуют в Антикризисный центр, я там возглавлю психологическую службу. Личное приглашение Манжетова, между прочим.

— Поздравляю, — буркнул Моржов.

Он прикатил в Ковязин к Дашеньке чичить сертификаты. Дашенька работала школьной медсестрой. Конечно, прямого доступа к сертификатам у неё не было, но были учительки-подружки, которые могли пособить, если бы Дашенька попросила их об этом.

Однако по пути в Ковязин Моржов совершил две ошибки: а) он сожрал виагру, не дожидаясь встречи с Дашенькой; б) он позвонил Дашеньке по сотовому, чтобы

узнать, где она находится, дома или на работе. Выяснилось, что дома. И вот теперь Дашенька сидела в квартире Алиски Питугиной и рыдала, а Моржов, распираемый виагрой, подвергался сеансу провинциального психоанализа в квартире Дашеньки, но с Алиской.

Дашенька рыдала всегда и от всего. Она была девушкой такой впечатлительности, что Моржов не мог уразуметь: как же она до сих пор избежала инфаркта, если ей в школе приходится ставить детям уколы и мазать зелёной ссадины. Звонок Моржова тоже вверх Дашеньку в слёзы. Алиска увела Дашеньку к себе (они жили в одном подъезде) и встретила Моржова сама. Как психолог, она взялась подготовить Дашеньку и Моржова к свиданию. Увернуться от Алиски Моржов оказался не в силах — иначе ему не добиться от Дашеньки ни одного разумного действия. А запас любовниц в школах Ковязина у Моржова постепенно иссякал. Сертификатов же как не было, так и не появилось.

— Расслабься и говори искренне, — мягко посоветовала Алиска и в виде примера расслабилась сама.

Она полулежала в изголовье кровати Дашеньки, напихав себе под спину подушек. Моржов сидел на этой же кровати с другого края и спиной навалился на торец шкафа. Ноги Моржова и Алиски, пересекаясь, соприкасались. Алиска сказала, что такой безобидный телесный контакт поспособствует раскрепощению. Лучше, конечно, в полумраке лежать рядом, держа друг друга за руку, но у Дашеньки кровать была односпальная, непригодная для психотренинга, да и за окном над бараками Прокламационной улицы сиял полдень. Алиска была рыжая, как олимпийский огонь, и в янтаре июня Моржов не сразу понял, что Алиска ждала его в виде законченного мерцоида. Всё это было просто здорово (учитывая виагру), но Моржов приехал к Дашеньке.

— Ты что, замуж вышла? — спросил Моржов Алиску.

— Где?.. — растерялась Алиска. — То есть?..

— Кольцо вон на пальце, — кивнул Моржов.

— А-а, это... — Алиска повертела кольцо и, трепетно мерцающая, загадочно пояснила: — Это подарок.

— Дай посмотреть, — попросил Моржов.

— Не дам, — кокетливо ответила Алиска, туманясь нежным пламенем, и закрыла кольцо ладонью. — Оно с гравировкой.

— Да плевать мне на твоих любовников. Дай заце-
нить... Я всегда хочу подарить девчонкам колечко, или
серёжки, или цепочку какую-нибудь и никогда не могу
сообразить, чего надо, — если даже вспомню вовремя,
конечно...

— Ох, мужики, — страдальчески сказала Алиска,
свинчивая кольцо. — Дарите хоть чего, главное — дари-
те... На, смотри.

Моржов взял колечко, покрутил перед глазами, раз-
глядывая камешек, и, разумеется, прочёл на внутренней
стороне кольца надпись: «Лисе Алисе от АЛМ».

— Что за камень?

— Александрит.

— От Александра, что ли? — ехидно спросил Мор-
жов. — От Львовича нашего?

Алиска, пылая, выпрямилась, отобрала кольцо, на-
крутила его на палец и легла на подушки обратно.

— Под юбку мне будешь заглядывать, когда такие же
кольца будешь дарить, — заявила она.

— Я не так богат, как Манжетов, — хмыкнул Моржов.

— Мне-то не ври, — утомлённо одёрнула его Алис-
ка. — Я всё знаю про твои картины. И хватит, понял? Мы
не обо мне разговаривать собрались, а о тебе и Дашутке.

Моржов послушно сделал одухотворённое лицо.

— Скажи, ты действительно хочешь восстановить от-
ношения с Дашуткой? — особым психологическим голо-
сом спросила Алиска.

— Действительно, — согласился Моржов.

— Ты подумай сначала.

— Я и подумал.

Все отношения с Дашенькой у Моржова строились только на том, что он с Дашенькой трахался. Моржов и сейчас был не против переспать с Дашенькой пару раз, если Дашенька принесёт сертификаты. И другого отношения к Дашеньке у Моржова не существовало. Другое отношение существовало у самой Дашеньки — к Моржову: замуж там, фата, дети, Турция... То есть Моржов говорил правду.

— А ваш разрыв — случайность или закономерность?

— Закономерность.

Моржов поселился у Дашеньки вовсе не на всю жизнь. Он просто перекантовался у Дашеньки, когда его выгнала Дианка. Как только появилась возможность переехать от Дашеньки в общагу педтехникума, так Моржов сразу и переехал.

— То есть для разрыва имеется причина, да? — уточняла Алиска. — Она в тебе? Или в Дашутке?

«Она в тебе, дура!» — хотел сказать Моржов, но не сказал.

Дашенька и Алиска дружили так плотно, что между ними невозможно было просунуть лезвие ножа — как между каменных блоков, из которых старательные египетские рабы сложили пирамиды. И в этой дружбе Алиска была абсолютным лидером. Все мнения Дашеньки проистекали от Алиски, все планы. Алиска принимала все решения и разве что сама не спала с Дашенькой. А Моржов всегда находился во втором, вспомогательном эшелоне. Алиска считала, что жёлтые обои в Дашуткиной комнате — это пошло, и Дашенька припахивала Моржова переклеить. Алиска считала, что концерт Газманова во Дворце спорта в областном центре — это круто, и Моржов нёсся в областной центр за билетами. Алиска считала, что приём гормональных таблеток вре-

ден для Дашуткиного здоровья, и Моржов отсиживал очередь к гинекологу, пока Дашенька и Алиска обозревали соседний универсам. Постепенно Моржов начал терять чувство реальности. С кем он, в конце концов: с Дашенькой или с Алиской? Если с Дашенькой, то какого чёрта Дашенька транслирует ему одну лишь Алиску, словно деревенский телевизор, что ловит только ОРТ? Если же Моржов с Алиской, то какого чёрта он спит с Дашенькой?

Желай Моржов жениться на Дашеньке, он немедленно отвадил бы Алиску. Он и без того неоднократно спрашивал у Дашеньки, долго ли ещё его будет колебать эта рыжая блядь? (Дашенька в ответ рыдала.) Но Моржов не желал жениться на Дашеньке, а потому отвадился сам. Иначе бы он не удержался и трахнулся с Алиской. Моржов видел, что это не проблема. Да и Алиска была ему весьма симпатична.

Рыжая, длинноногая, самоуверенная дура, Алиска была не то чтобы залапана мужиками, а как-то обмята и обтёрта, будто старые фирменные джинсы. От этого качество Алиски не пострадало — только новизна ушла. Зато Алиска Питугина производила впечатление чего-то удобного, привычного, проверенного, опробованного и гарантированно-надёжного. С ней как-то легко и естественно соскальзывалось во блуд — то-то и соскользнул туда щепетильный и осторожный Манжетов. Кстати, Алиска работала при департаменте образования в отделе кадров. Манжетов, похоже, устраивался основательно: жену — директрисой Антикризисного центра, любовницу — начальницей отдела.

А Моржов не связался с Алиской лишь из-за того, что ему стало жалко Дашеньку. Лучше уйти самому и одному, чем быть изгнанным за измену, да ещё и кражу лучшей подруги, без которой Дашенька не представляла себе жизни.

— Причина нашего разрыва не во мне и не в Даше, — официально заявил Моржов Алиске.

Его официальность проистекала из желания поставить точку в разговоре и отправиться к Дашеньке. Моржов прислушивался к своему организму, отслеживая состояние виагры. Он не мог себе позволить рассусоливать с Алиской до вечера, потому что второй таблетки у него не было.

— А ты можешь назвать мне причину вашего разрыва?

— Не могу, — отказался Моржов.

— Мы же договорились... — укоризненно заметила Алиска.

— Ну и что.

Он с досадой смотрел в окно на тополя вдоль Прокламационной улицы. Жизнь с Дашенькой Моржову представлялась такой же, как этот район Ковязина — Прокол. Когда-то Прокол был застроен двухэтажными бараками — временным жильём. А потом стало ясно, что ничего здесь не изменится уже никогда. И временный район потихоньку начал перелицовываться в постоянный. Бараки разуплотнили и превратили в квартирные дома. Стены из бруса обшили тёсом. Воздвигли штaketники, разбили клумбы, заасфальтировали тротуары. Дали улице пафосное название. Пожарные переписали, пронумеровали и внесли на план города все сараи и дровяники; обязали обитателей Прокола купить огнетушители и багры. Коммунальщики построили в домах трубообразные печи-голландки. Электрики вкопали столбы с перекладинами. Милиция для своих патрулей разведала тайные и безопасные тропы. Гайшники повесили на углы домов аншлаги «Скот на проезжую часть не выпускать!», а козы привыкли пастись на берегу Талки. Прокол превратился в тихую заводь престарелых стахановцев и дворовых стакановцев. Даже шпана заявлялась сюда только тогда, когда на Пролёте,

на Чулане и на Багдаде становилось совсем уж скучно, а в Ковыряловке угрожающе умножались в числе безработные дембеля.

Моржову не хотелось, чтобы его временная связь с Дашенькой постепенно обросла признаками стабильности, которые рано или поздно подменят собою всё настоящее. А связь с Питугиной тоже была таким признаком.

— Тогда зайдём с другой стороны, — бодро предложила Алиска Моржову. — Скажи, тебя не устраивал социальный статус Дашутки?

— А что случилось с её статусом? — забеспокоился Моржов.

— Он слишком низок для тебя. Ты — известный художник, популярный в Москве. Сейчас ты уже неплохо обеспечен материально. А Дашутка — простая медсестра в школе, у неё даже высшего образования нету.. Наверно, тебе нужна женщина с более значительным статусом?

Алиска скромно опустила ресницы; её мерцонид переливался всеми оттенками соблазнительного тепла.

— Для стилистической точности тебе надо было сказать не «наверно», а «возможно», — поправил Моржов Алиску. — А какой статус женщины ты мне предложишь? Статус начальницы психологической службы Антикризисного центра города Ковязина?

— Не надо так говорить, — с достоинством ответила Алиска, ничуть не сбавляя интенсивность теплоизлучения. — И моя личность здесь ни при чём. Мы с тобой всего лишь пытаемся разобраться в твоей ситуации, чтобы моя лучшая подруга больше не страдала.

— Мне плевать на все статусы, — сказал Моржов. — Без трусов у всех статус одинаковый.

— Но не собираешься же ты всю жизнь прожить без трусов.

Моржов, в общем-то, не возражал бы.

— Если для тебя сексуальные отношения важнее статуса партнёра, может быть, причина твоего разрыва с Дашуткой в них?

— А ты уверена, что заехала в свою епархию? — доброжелательно поинтересовался Моржов.

— Я же психолог.

«Сучка ты, а не психолог», — подумал Моржов. Вся психология Алиске была нужна лишь для того, чтобы манипулировать людьми. Но делать это Алиска умела и без трёхмесячных курсов в педтехникуме. Во всяком случае, для Манжетова хватило обычной мини-юбки. Видимо, своим лисьим носом Питугина унюхала, что Моржов почему-то очень спешит к Дашеньке, а потому и держала его при себе, раскаляя до градуса своего мерцоида.

— В Дашеньке меня всё устраивало, — отрубил Моржов.

То, что ему не хватало в Дашеньке (и в любой иной отдельно взятой девчонке), он всегда добирал с другими подружками, а потому был доволен каждой своей партнёршей.

— Насколько могу судить я, — вкрадчиво произнесла Алиска, — Дашутка достаточно закомплексована в интимном плане...

Моржов мысленно торопливо поплодировал Алиске. Теперь Алиска сделала всё гораздо изящнее. «Насколько она может судить...» То есть она — не Дашутка, уж она-то не закомплексована, она даст гари так, что чертям тошно станет. Н-да, баба растёт на глазах, на ходу подмётки рвёт. Супер!

— Ну, значит, я этих комплексов не заметил, — отбрыкнулся Моржов, еле удерживая себя, чтобы не вскопичить и не убежать.

Алиска с лукавым сомнением осмотрела его с головы до ног.

— Сомнева-аюсь... — протянула она.

Моржов промолчал, нервно шевеля пальцами ног.

— Скажи, а Дашутка никого не напоминала тебе из твоей прошлой жизни?

Ничего нового Моржов в Дашеньке не находил, но это не означало, что он видел в Дашеньке какую-то свою прежнюю пассию.

— Никого, — сказал Моржов.

— То есть ты не использовал Дашутку как компенсацию былой неудачи, да? В том числе и как компенсацию неудачного брака?

Если Моржов и использовал Дашеньку, то лишь как владелицу жилплощади. Но он считал, что всё отработал. Хотя бы тем, что не убил Питугину.

— У меня был очень удачный брак, — возразил Моржов. — Я получил всё, чего хотел, и ухитрился смыться до расплаты.

— Может быть, у тебя появилась другая женщина, которая затмила, вытеснила Дашутку из твоего сознания?

— Нет. Меня женщины не любят. Я некрасивый.

— А возможно, вступая в связь с Дашуткой, ты пытался что-то доказать — не себе, а кому-то другому? Например, бывшей жене. Или друзьям.

— Нет, я одинок в этом мире, — сквозь зубы процедил Моржов.

Какого чёрта он сожрал виагру так рано? Какого чёрта он не взял вторую таблетку?.. К-хретин!..

Алиска Питугина подняла свои длинные ноги и положила их на кровать между Моржовым и стенкой, рукой придерживая юбку на коленях. Ну типа как ноги у неё устали. Потом она задрала глаза в потолок и сделала вид, что думает.

— Знаешь, — сердечно произнёс Алискин мерцоид дымно-алыми губами, — выходит, действительно, что твоя связь с Дашуткой совершенно случайна. Ей нет мотивировок. И разрыву тоже нет мотивировок, кроме одной... Не совсем для тебя лестной...

— Что я наелся, да? — подсказал Моржов.

Алиска с улыбкой кивнула, расточая по комнате сияние.

В поисках объяснений она шарила вокруг события, как слепой шарит вокруг себя руками. В пределах досягаемости своих рук она нашла все объяснения-пиксели. Она составила их в картинку и превратила картинку в новый пиксель: «всё вышло случайно».

Моржову такое объяснение не подходило. Это всё равно, если бы он шёл по Красной площади в Москве и случайно встретил Кремль. В его жизни Дашенька не была случайностью. Она была неизбежным и ограниченным во времени этапом. Правда, понимание закономерности этого этапа находилось гораздо дальше пределов Алискиной досягаемости. И в формате Пиксельного Мышления это понимание было невозможно.

Зато вот Алиске такое объяснение подходило на все сто. «Вышло случайно» — значит, никто не виноват, а Моржов свободен и пригоден для дальнейшего употребления. Употребить же Моржова нынче Алиска могла с большой для себя выгодой.

— Ты уверена, что всё объяснила правильно? — ухмыльнулся Моржов в торжествующее лицо мерцоида.

Мерцоид ответил покровительственной усмешкой.

— Есть же методики. Это — наука. А я — психолог.

«Третье свойство Пиксельного Мышления — абсолютная уверенность в своей правоте, — подумал Моржов. — Просто какая-то презумпция своей правоты».

— Тебе не надо больше встречаться с Дашуткой, — сказала Алиска. — Ты только напрасно разбередишь её раны.

Тут Питугина была права. Снова раскочегаривать любовь Дашеньки, чтобы взять сертификаты и опять уйти, было бы слишком уж низко и жестоко. Вариант Дашеньки для чичинья отпадал. Но Алиске-то на Дашенькины страдания было плевать. Алиска выгадывала своё — под

видом заботы о душевном покое подруги уводила от подруги мужика с деньгами. Даром, что ли, в комнате даже воздух багровел от жара мерцоида? И Алиске ничуть не было совестно, потому что ПМ авторитетно убеждало: так надо. Так будет лучше всем.

И Моржов согласился. Что поделаться: хочешь поиметь женщину — переключай мозги на ПМ. Да и виагры было жалко. Да и Питугина, дрянь такая, блин, в воображении Моржова давно уже была его любовницей: ещё с тех времён, когда Моржов не мог понять, с Дашенькой он живёт или с Алиской. А Питугина напрашивалась сама. Не хотела бы она Моржова — сразу бы и послала его к рыдающей Дашеньке. Или нафиг.

Моржов распрямился, взял Алиску за щиколотки и подтащил к себе. Алиска улыбалась. Она победила. Она сманипулировала Моржовым так, как ей было надо. Юбка на ней задралась до бёдер — будто улыбка разъехалась до ушей. Моржов нагло улёгся на Алиску сверху, положив ладони Алиске на плечи.

— Дрожащие руки Родриго блуждали по её обнажённой трепещущей груди, — страстно прошептал Моржов в ухо Алиске.

Розка подкараулила Моржова за углом спального корпуса и прижала к стене.

— Ты куда это с Чунжиной намылился? — агрессивно спросила она, едва не касаясь Моржова грудью.

— В Колымагино, в аптеку.

— А зачем Чунжиной в аптеку?

— Откуда я знаю? — рассердился Моржов. — Да и какая мне разница? Надо — и всё. Что за слезка, Роза?

Костёрыч и Щёкин сопровождать Милену в Сухоназово не могли — они ушли с детьми на очередную кудыкину гору. Годным для сопровождения в деревню остался один лишь Моржов.

— А в одиночку Чунжиной сходить запаadlo? — язвительно спросила Роза. — Ей теперь везде почётный караул нужен?

— Я Милену в деревню и сам одну не отпущу. Или ты не помнишь наших недавних деревенских гостей? Задорные такие парни приезжали, весельчаки, чуть тебя не изнасиловали.

Розка негодуяще засопела.

— Шибко уж ты добрый, — с подозрением хмыкнула она.

— Я ограниченно добрый. Не волнуйся.

Розка поднесла к носу Моржова кулак:

— Смотри у меня! Если ты, мо...

Моржов прижал Розкины губы пальцем.

— Моржатина в курсе, — сказал он.

...Вдвоём с Миленой, они пересекли Талку по подвесному мосту и пошагали к деревне по засохшей полевой дороге. Талка осталась справа, за кустами — журчала там птичьим щебетом. Слева на полях маленькими лобзиками на фигурные пазлы тишину распиливала бесчисленная армия кузнечиков. Милену была в джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами. На её широкой панаме бантом сидели чёрные, блестящие от солнца очки — будто радужная бабочка-махаон. Долину небрежно подметал горячий ветерок, а солнце еле отсвечивало сквозь раскалённую синеву, словно лежало в горячей и мутной воде.

— Как ваши успехи с сертификатами, Боря? — лукаво спросила Милену, поглядывая на Моржова из тени под панамой.

— Победа близка, — туманно ответил Моржов. — Только вот я засомневался в её необходимости. Зачем нужны эти сертификаты, если в своей жалобе вы уже написали, что детей в Троельге нет? Наша тайна раскрыта.

Милену снисходительно улыбнулась.

— Вы человек малодушный, да? — поинтересовалась она. — Чуть что — и сразу отказываетесь от своих намерений?

— Отказываюсь, — подтвердил Моржов. — Отказываюсь, если намерения нелепые... — он со значением осмотрел Милену с головы до ног, — или если нереальные.

— Не надо отказываться, — многообещающе и даже двусмысленно посоветовала Милена.

Моржов пригляделся к ней внимательнее. Загар не превращал Милену в негритоску, как Розу, или в варёную редиску, как Сонечку. Лёгкая калмыцкая смуглота Милены от солнца благородно густела, не стирая черт и выражения лица. Милена и бровью не повела, пока Моржов её рассматривал. В глазах Моржова не дрогнула ни единая линия облика Милены: если мерцонид и был, то Милена выдрессировала его, как породистого дворецкого, и без звонка хозяйки он не появлялся.

— А что мне светит? — столь же двусмысленно спросил Моржов.

Милена опять улыбнулась — теперь уже загадочно.

— Что вам светит — зависит от вас. Но вот сертификаты нам пригодятся. Ведь до конца смены осталось всего девять дней. Областное начальство попросту не успеет среагировать вовремя. Разбирательство по нашей жалобе неизбежно начнётся постфактум. А там уже будет видно, актуализировать нам тему отсутствия детей — или же затушевать её. Однако Галина Николаевна не должна никого увольнять, и для этого нам всё равно нужны сертификаты.

— Милена, а зачем вам соблюдать такие хитрые условности? — осторожно спросил Моржов. — Не всё ли равно, когда всех уволят: в июле — за Троельгу или в августе — из-за реформы?

Милена обеими руками поправила панаму.

— Во-первых, Боря, из-за реформы никого увольнять не будут. Об этом ещё Александр Львович говорил. Пе-

дагогов переведут на базы школ, а это не увольнение. А во-вторых, я люблю справедливость. Увольнять педагогов за то, что им не дали возможности сделать своё дело хорошо, — это несправедливо. Да, мне не нравится Соня, но я понимаю, что она не могла набрать детей для лагеря, потому что всего неделю как устроилась сюда на работу. Чтобы набрать группу, этой недели не хватило даже таким опытным педагогам, как Дмитрий Александрович и Константин Егорович. Несправедливо увольнять их за то, что им не предоставили необходимое время. И далее... Да, мне не нравится хамство и бесцеремонность Розы, но я согласна: в том, что иностранцы не приехали, Роза не виновата. А Розу уволят — потому что она скрыла этот факт. И вас, кстати, тоже уволят, Боря.

— А это было бы справедливо, — провокационно заявил Моржов.

— Формально — так, — согласилась Милена. — Но ведь вы, насколько я понимаю, решили промолчать про отсутствие иностранцев, потому что не хотели подвести других, да? Если бы вы сообщили про иностранцев Галине Николаевне, то неминуемо бы вскрылось, что у прочих педагогов огромная нехватка детей. Вы с Розой, конечно, остались бы на работе, но всех остальных Галина Николаевна уволила бы за срыв летней программы. И вы вместе со всеми устроили заговор молчания.

— Всё верно, — кивнул Моржов. — У нас круговая порука. Мы все повязаны. Но провал стрясётся только в том случае, если иностранцы потребуют деньги обратно. То есть уведомят наше начальство, что они сюда не приезжали.

— Не потребуют, — успокоила Моржова Милена. — По договору срок финансового протеста — месяц. И он уже истёк.

— Значит, мы выиграли, — подытожил Моржов.

Он закурил и потрогал свою макушку — не напекло ли? С полей тонко пахло сенной пылью и дурманом.

— Вся эта ситуация с Троельгой — крайне глупая, — сказала Милена. — И она объясняется страхом Галины Николаевны признать свою ошибку в размещении рекламы в Интернете.

— Это не ошибка, а халтура, — поправил Моржов. — Шкиляиха даже не удосужилась посмотреть текст рекламы. Какой текст был три года назад — такой и пихнула. А мы эту кашу расхлебали.

— Поскольку не педагоги первопричина, то и увольнять их несправедливо, — качнула панамой Милена. — А вину за эту несправедливость молва припишет мне. Потому что якобы мне выгодно увольнение педагогов, чтобы никто не выступал против реформирования Дома пионеров в Антикризисный центр. И по отношению ко мне молва тоже будет несправедлива.

— Да уж... — вздохнул Моржов. — Куда ни повернись, везде тебе по морде дадут... Как говаривал Шекспир, по справедливости-то мы все достойны кнута. Поэтому должны относиться друг к другу по милости.

— А это уже не ко мне. Это к нему. — Милена указала глазами в бешеное небо. — Я удовлетворюсь справедливостью. Для милости у меня слишком ограниченные возможности.

— Жёсткая вы женщина, Милена, — жёстко заметил Моржов.

— Я не жёсткая, Боря, — мягко ответила Милена. — Но мне приходится быть жёсткой. Не забывайте — у меня ребёнок. И чтобы он вырос успешным человеком, я сама не должна жить на чужую милость.

— А разве... — Моржов запнулся, не решаясь намекнуть на милости Манжетова.

Милена молчала. Моржов не продолжал.

— Я понимаю, чего вы хотите сказать. — Милена сорвала с обочины колосок дикой гречихи и начала шелушить незрелые зёрна. — Уверяю вас, Боря, это не так. У меня с Сашей действительно очень хорошие отношения, человеческие, но я не делаю карьеры через постель. Наш Дом пионеров — анахронизм, и он должен быть реформирован. Но кого Александру Львовичу назначать директором нового Антикризисного центра? Простите, Боря, но среди наших сотрудников вряд ли кто разбирается в современных педагогических технологиях лучше, чем я. Пусть это звучит и нескромно. Но ведь я дополнительно обучалась на курсах — кстати, за свой счёт. Я компетентнее всех прочих.

«Алиска Питугина тоже обучалась на курсах, — подумал Моржов. — И тоже считает, что познала все тайны бытия. Уверенность в своей безусловной правоте — признак ПМ».

— Выбор Александра Львовича понятен. К личным симпатиям он отношения не имеет, — добавила Милена.

«У тебя — не имеет, а у него — имеет», — подумал Моржов.

Блин, зря он попёрся с Миленой. Мерцоидом и не пахнет. «Интимизировать общение» сейчас не к месту — есть риск вообще всё испортить. А спорить с Миленой невозможно.

— Милена, дело ведь не в персоне директора Антикриза, — миролюбиво сказал Моржов. — Дело в том, что Антикриз выдавит многих людей с любимой или единственно возможной работы.

— У меня эта работа тоже любимая и единственно возможная, — ревниво возразила Милена. — Но почему я должна сама уступать свой шанс, если я его заслужила? Пусть эти люди станут успешнее меня и тогда сделают всё так, как удобнее им, а не мне. Мы живём в конкурентном мире.

«Проблема не в том, что получит победитель, — подумал Моржов, — а в том, что будет с побеждённым. В случае своего поражения Милена останется «при своих» — на работе в МУДО, по-прежнему молодая и красивая. А Костёрыч, Щёкин, Розка и Сонечка в случае своего поражения останутся в куче дерьма и без лопаты».

— Надо жить по гамбургскому счёту, — с сочувствием, но наставительно заключила Милена.

— А получается по гамбургерскому, — пробурчал Моржов.

— Я вот поражаюсь нашим людям... — не заметив моржовского бурчания, продолжала Милена. — Все недовольны, все бурчат, но никто ничего не хочет делать. Все предпочитают оставаться на своих местах. Инициатива только из-под палки. Эта неамбициозность губит любое начинание. А какой в жизни может быть успех без здоровых амбиций?

— Амбициозность, — сорвался Моржов, — это активный конформизм. Амбиция — претензия на более высокое место для себя. Но это место — в той же системе. Тем самым амбициозность — это легитимизация системы.

— А я не хочу ломать никаких систем! — Милена с вызовом посмотрела на Моржова. — Я хочу лишь сохранить и приумножить свой успех. И всё.

Моржов снова закурил, оглядываясь по сторонам. Зброшенные поля, зарастающие бурьяном, терялись в дальнем знойном мнении. Пустынное небо было наэлектризовано солнцем, как заряженный под завязку аккумулятор. Вокруг ни души. И никаких границ — ни растаявшего в дымке горизонта, ни даже черты самолётного следа. Буйная свобода сорняков искушала жизнелюбием и безнаказанностью. Сейчас лучше всего было бы заниматься сексом в гречихе, а не разговаривать умные разговоры. Но своего мерцоида Милена держала взаперти — как угрозу успеху.

Блуда и МУДО

— Успех — это для вас что? — спросил Моржов.

— Вообще? Или в бытовом смысле?

— Вообще.

— Н-ну... — замаялась Милена и сформулировала не особенно оригинально: — Реализация амбиций.

— А какие у вас амбиции?

— Всё в пределах разумного, — обиженно сказала Милена. — Просто жить на достойном уровне. Это плохо, да?

Моржов пожал плечами. Узнавать, какой уровень Милена считает достойным, Моржову было не важно. Какая разница, какой уровень: двухкомнатная хрущёвка, загородный коттедж или средневековый замок под Тулузой? Милена сдавала сама себя. Успех для неё был просто богатством, и ничем иным. В интонациях Милены понятие «успех» звучало как нечто объёмное, значительное, многообразное, но в понимании Милены «успех» оказался просто пикселем с единственным и конкретным смыслом.

— Боря, а почему вы спрашиваете? — Милена искоса глянула на Моржова. — Разве вы сами не знаете? Ведь вы — успешный человек, не так ли? Хоть и делаете вид, что разгильдяй. Но ваши картины стоят очень дорого.

— Да что вы! — отмахнулся Моржов. — Я всё равно всего лишь нищий, который, правда, может позволить себе не воровать и не просить милостыню. Кроме этой возможности, у меня ничего нет.

У него была единственная амбиция — рисовать. В реализации этой амбиции помешать ему можно было только каким-нибудь чересчур ужасным способом: посадить в тюрьму, отрубить руки, выколоть глаза. На такое решилась бы далеко не каждая система, да и нафиг это ей? Ведь он даже не иконы и не голых баб рисовал, а так — городские углы, еловые стволы, рельсы и шпалы... Реализация амбиции приводила Моржова к успеху мгновенно, едва только он брал в руки кисть или карандаш. И ему

повезло — пластины продались. А могли и не продаться. Но он не перестал бы их закрашивать, как спокойно закрашивал их и до продажи, и без продажи. Хотя без продаж вряд ли кто посчитал бы его успешным художником. Значит, успех — это вовсе не реализация амбиций. Это бабло. Успех становится реализацией амбиций только в том случае, когда амбиции — нарубить бабла.

Суть успеха Моржов сформулировал бы иначе. Успех — это конвертация своего ресурса в житейские блага. Ресурсом Моржова была живопись. Продажи на «Староарбатской биеннале» стали конвертацией ресурса в деньги, в эквивалент житейских благ. В гостинице «Украина» Моржов снял на всю ночь двух проституток и трахался с видом на Дом Правительства Российской Федерации, и все вокруг вдруг сразу поняли, что Моржов — очень успешный художник. А вот Милена хотела благ. Успех для неё был тождествен благам. Блага же она получит только из-под Манжетова. Чтобы попасть под Манжетова, Милена задействовала свой ресурс — молодость и красоту. В общем, ничего особенно аморального — спят друг с другом, ну и пускай спят. Она не замужем, он не женат. Кому мешают-то? Никому. Но для Милены это всё равно выглядит как карьера через постель. И никак по-другому. Конечно, обидно. И на помощь приходит Пиксельное Мышление.

Его очки преломляют светопередачу. И всё уже становится красиво: ресурс Милены — её компетентность; успех — пост директора Антикризисного центра. А чтобы не мучили сомнения в правильности светопередачи очков, надо просто убедить себя в том, что она правильная. Без доказательств. Надо поверить, как в бога, в эту правильность — то есть в свою правоту. Так что причиной ПМ всегда и является установка на успешность.

И хрен бы с ним, с этим ПМ. Пусть каждый верит в то, во что хочет. Моржов как атеист не возражал. Но в ипо-

стаси идеологии Пиксельное Мышление превращалось в гламур, а в гламуре его любимое занятие — изображение обнажённых женщин — выглядело банальной эротикой, если даже не порнографией. Моржову это было неприятно, но он бы стерпел, перемогся, ограничился бы циклом «Изгибы» и обошёл без цикла «Ветер и юбки». Хуже было то, что при Пиксельном Мышлении вообще весь порядок жизни превращался в порнографию. В ДП(ПНН). Короче, в сплошную блуду.

Милена молчала, и Моржов тоже молчал.

А что он должен был сказать Милене? «Позор!» — и раскрыть ей глаза? У него, у Моржова, не получится. В желании благ он не видел ничего предосудительного, а выбор своего мужчины, вопреки всем гендерам, Моржов считал главным выбором в жизни женщины. И жаль, что Милена сделала ставку на Манжетова, а не на него. Если бы Милена мыслила не пиксельно и по-настоящему выбирала между ним и Манжетовым, Моржов на её глазах распотрошил бы Манжетова на восемь чебурашек. Но в пиксельном мире, желая взять Милену, Моржову придётся выстраивать свою пиксельную иерархию, чтобы в её ценностях Манжетов оказался хуже него.

С Сонечкой всё было просто. Моржов сказал ей: «Нельзя!» — и Сонечка послушалась. С Розкой получилось посложнее: пришлось поиграть с Сергачом в поддавки. Но Милена — не Сонечка и не Розка. На Милену не цыкнешь, как на Сонечку, и не ткнёшь её носом в дерьмо, как Розку. Зато Милену можно спровоцировать. Сыграть на её тяге к пиксельной справедливости. Не зверь же Милена. Хороший и порядочный человек. И даже ведь не дура, хоть и рассуждает только в формате ПМ. Пиксели — это всего лишь форма организации мышления, а не его содержание. В пиксель можно обратить и очень умную мысль, и давно захватанную банальность (правда, в виде пикселя умная мысль через

какое-то время тоже станет захватанной банальностью, но это уже другая проблема). А Милена — всем хороша. Одна беда — мозги набекрень.

Дорога подошла к заброшенной ферме. Несколько длинных одноэтажных зданий из белого кирпича стояли посреди заросших бурьяном мусорных куч. Выбитые окна казались ввалившимися от страсти глазами, а разруха — свидетельством непонятого исступления, когда окружающий мир безразличен. Дорога проскользнула между котлованом, на дне которого пылала лужа, и остовом комбайна с торчащими ржавыми бивнями. Казалось, что это не комбайн, а скелет древнего мамонта, которого упыри хотели выкопать в карьере у деревни Цепочкино.

— Давайте передохнём, — предложил Моржов Милене. — Вон там, на плите, наверное, можно посидеть.

Они подошли и уселись на бетонную плиту напротив одного из строений. Сквозь дыры в крышах и сквозь пустые окна носились какие-то птички, всполошившиеся от появления людей. Моржов придвинулся поближе к Милене.

— Давно хотел это сделать, — сказал он, наклонился и нежно поцеловал Милену в щёку.

Милена опустила голову, скрывая довольную улыбку понимания.

— Боря, у вас же там с Розой какие-то отношения, — игриво и укоризненно напомнила она.

— А у вас там с Сашей какие-то отношения, — в тон ей ответил Моржов.

Милена вздохнула и виновато посмотрела на Моржова.

— Ведь вы всё уже знаете, Боря, — сказала она виновато и с сожалением.

— И вы теперь всё знаете, — ответил Моржов.

— Тем не менее... Не надо ничего. Хорошо?

— Не хорошо, — тотчас насмешливо возразил Моржов, вытащил сигареты и принялся закуривать.

Милена ждала.

— А почему у нас решения принимают женщины? — наконец спросил Моржов, шурясь от дыма и солнца.

— Потому что очень немногие мужчины способны на это, — спокойно пояснила Милена.

Нагло улыбаясь, Моржов пожал плечами.

— Достаточно одного. И я могу указать на него пальцем прямо сейчас.

— Третий раз встречаемся, а как зовут тебя — не говоришь, — Алёнушка хмыкнула. — Шпион ты, что ли?

— Борис, — представился Моржов.

Сейчас он заказал Сергачу именно Алёнушку, а не любую девчонку, какая подвернётся. Чёрт его знает почему. Хотелось увидеть её, и всё. Не надо никаких новых знакомств. Так, наверное, человеку, имеющему свой дом, иногда хочется просто отключить телефон, запереть дверь и задёрнуть шторы.

Несмотря на то что в Троельге прямо при Моржове Сергач не по-детски облажался, Алёнушку он всё равно привёз сам. Для него деньги были — одно, а самолюбие — совсем другое, и одно с другим не пересекалось. Правда, забирая деньги за Алёнушку, Сергач гримасничал и подмигивал больше обычного, словно всеми своими ужимками намекал: «Ну, Борян, мы и намудили тогда... Я потом уссался — не могу!»

— А куда мы пойдём? — спросила Алёнушка, оглядываясь.

Они стояли на набережной Пряжского пруда.

— Суббота, все блядские места заняты, — сказал Моржов.

— Опять, что ли, на велике кататься будем?

— Нет. Сегодня — на лодке.

— Ты чего? — испугалась Алёнушка. — Какая лодка? Я плавать не умею! Я на лодке трахаться не буду!

— Можно подумать, ты на велике трахалась, — буркнул Моржов. — Мы просто так поплаваем, без траханья. Я же импотент-извращенец, ты забыла?..

Моржов чуть не шлёпнул сам себя по затылку — ну кто его за язык-то тянет?..

— А-а, — с облегчением припомнила Алёнушка, — точно. Я забыла. Чо, всех-то не запомнишь ведь.

Моржов приобнял Алёнушку за талию и повёл вдоль чугунной ограды к будке лодочной станции. Город Ковязин погружался в вечер, как «Титаник» в Атлантику. Темнота заливала низины и лощины, а сверху, на Семиколоколенной горе и на Чуланской горе, громоздились дома, пока ещё празднично освещённые закатом.

Солнце спустилось, и небо без него казалось просторным, как скошенное поле. Где-то на его опушке золотились два облачных стога. Математическая безжизненность расчищенного неба навевала мысли о баллистике и полигонах. От асфальта пахло нефтяным теплом, как от танка, остывающего после марш-броска. По набережной в ряд стояли шатры летних кафе, словно армейские палатки на полевых учениях. Надрывался шансон: «Мы с братвой на всех делили пайку, ты летала с кумом на Ямайку...» Обилие бритых молодых людей призывного возраста вкупе с общей военизированной обречённостью на увеселения, которые ничем хорошим не кончатся.

В городе Ковязине лодочной станцией заведовал вечно пьяный тип по фамилии Сенокосов. Сенокосова всегда раздирали пополам непримиримые противоречия. Если он не сдавал в прокат лодки, надувные матрасы и пляжные лежаки, то у него не было денег бухать. Но если он сдавал в прокат и получал деньги, то сразу впадал в запой и забывал забрать инвентарь. Поэтому вокруг Сенокосова паслись разнообразные соратники — как для дела запоя, так и для дела запоминания.

Моржов открыл дверку будки и заглянул, слегка пригнув голову под слой сигаретного дыма. Сенокосов и соратники плотной кучей сидели вокруг столика с бутылками — они уже оприходовали моржовские деньги за прокат.

— Сенокосов, какую лодку мне взять? — спросил Моржов.

— Любую, — отмахнулся Сенокосов. — Их и так всего одна.

Моржов молча забрал с полки матрас, а из угла — вёсла.

Лодка плавала возле дощатого причала, флегматично привязанная верёвкой. Моржов осторожно спустился в лодку, уложил матрас и, одобряюще улыбаясь, протянул руку Алёнушке.

— Будет удобно, как в карете, — пообещал он.

Алёнушка мрачно осмотрела судно.

— Извращенец, — убеждённо сказала она, повернулась и полезла в лодку, как в подпол — попой вперёд. — Щас перед всем городом раком встану... — ворчала она, нащупывая ногой опору.

Моржов поймал её ноги одну за другой и поставил на дно лодки. Он с удовольствием смотрел, как на карабкающейся Алёнушке задралась короткая проститутская юбчонка, оголяя задок, не прикрытый, а просто подхваченный стрингами. Сопя от неудовольствия, Алёнушка уселась в носу лодки на матрас и обхватила колени руками. Но Моржов уже отвернулся от Алёнушки и несколькими сильными гребками послал лодку к середине пруда.

— И не качай, а то заору, — сердито предупредила Алёнушка.

Моржов молча грёб. Казалось, что берег пруда и лодочная станция уменьшаются быстрее, чем отдаляются, — это лодка вплывала под купол прохлады, нависающий

над прудом, а тень Чуланской горы покрыла набережную и погасила её мельгешение.

— Я и не думала, что наш пруд такой большой, — удивлённо призналась Алёнушка. — Даже страшно. А чего мы сюда поплыли?

— Да так просто, — сказал Моржов. — Заколебало меня всё.

— А ты забухай, — просто предложила Алёнушка.

— И бухать заколебало...

Его всё заколебало так, что он умышленно оставил виагру в Троельге. Иначе начнёт колебать искушение заняться с Алёнушкой сексом. А без виагры он на это не осмелится — чтобы потом, в случае краха, не колебали сомнения в собственной молодости.

— Решил отдохнуть, значит? — сделала вывод Алёнушка.

Это её как-то успокоило, она расцепила руки, расслабилась, а потом и вовсе легла на матрас, закинув руки за голову.

Моржов подумал, поднял вёсла, перебрался в нос лодки и прилёг рядом с Алёнушкой, рассматривая её. Здесь, посреди пруда, было тихо, и лишь изредка ветерок доносил до всхлип шансона, то кваканье автомобильного гудка. Тишину оттеняло еле слышное кардиологическое тархтение водозабора, что укрылся где-то за изгибом дальнего берега. Алёнушка закурила.

— Я тоже отдохну, — согласилась она. — Сегодня весь день работала, суббота же. А ночью вообще херня начнётся, одни пьяные будут...

Моржов грустно усмехнулся. Для кого-нибудь — например, для Щёкина — секс с Алёнушкой был бы праздником, радостью, сбывшейся мечтой. А вот для Алёнушки, которую сама природа словно изваяла как раз для такого счастья, всё это было скучной обыденностью, надоевшей рутинной.

— Ты, конечно, с клиентами не кончаешь? — спросил Моржов.

— Я вообще ни разу ни с кем не кончала, — возмущённо фыркнула Алёнушка. — Позориться-то. Вам, мужикам, жирно будет.

«Сколько Алёнушке лет? — подумал Моржов. — Лет семнадцать?..» Поневоле вспоминалась набоковская Лолита. Лолита отдавалась мужчине — и ничего, не умирала со стыда, но вот поцелуи считала чем-то непристойным. Похоже, что и для Алёнушки «не кончать» было главным залогом независимости.

— Я так-то всем об этом не говорю, — созналась Алёнушка. — Но тебе можно. Тебе же девчонки пофиг, да? Поэтому с тобой хорошо, спокойно. Ясно, что не полезешь. А как ты называешься?.. Ты ведь гей, да?.. Ну, пидор.

— И ещё какой, — угрюмо сказал Моржов.

— И где же ты себе таких же находишь-то? — наивно недоумевала Алёнушка.

— Пидоров полон город, — честно сказал Моржов.

— Слушай, туда же ведь больно... — размышляла Алёнушка, стряхивая пепел за борт. — Мне один раз туда сделали, я чуть не сдохла. Какое удовольствие-то?

И Моржов как-то сразу, без усилий понял, почему это вдруг в глазах Алёнушки он сделался извращенцем. Тогда, в первый раз, она не хотела ни-че-го, а чтобы набраться сил на отпор, возбуждала в себе ненависть к клиенту — то есть к нему, к Моржову. И для того, чтобы возненавидеть клиента, она сама себя убедила, будто клиент хочет сделать с ней самое неприятное. В её памяти так и зафиксировалось: Моржов хотел её сделать так-то и туда-то. А уж затем сознание дорисовало картинку, избрело объяснение — и Моржов оказался извращенцем. Лишь потому, что перед первой встречей Алёнушка сама же перетрахалась и перепилась.

— Давай сменим тему, — не выдержав, поморщился Моржов.

Алёнушка посмотрела на Моржова с жалостью.

— Понятно, — вздохнула она. — Да ладно, чо ты. Геи тоже люди. Ты вот вообще нормальный.

— Спасибоочки, — сказал Моржов.

Он разглядывал Алёнушку и снова поражался мастерству природы: как тонко, точно, нежно прорисованы черты, как гипнотически-сладостны эти движения губ, ресниц, кистей рук, как завершённые и гармоничны жесты, позы, изгибы... Зачем создана эта изысканная красота? Какая тайна зашифрована в этой гибкой пластике, в напряжении этих линий, в сочетании этих объёмов, в переливе этих отсветов?.. А главное — для чего?

— Как ты вообще поживаешь? — спросил Моржов.

— Да нормально... А что? — удивилась вопросу Алёнушка.

— Работа нравится?

— Работа как работа, — без всякого вызова ответила Алёнушка и в недоумении пожала плечиками. — Бывают и похуже.

«Работа как работа» — это пиксель, — подумал Моржов. Ясная, конкретная, плоская мысль, которая всё объясняет и оправдывает.

— Но бывают работы и получше, — возразил Моржов.

— Какие? — искренне спросила Алёнушка.

— Н-ну... — замялся растерявшийся Моржов.

— Сиськи мне, — отрезала Алёнушка. — Я и так больше всех получаю. Хоть жить могу по-человечески. Вот ты на зарплату свою проживёшь, а? Я ведь в курсе, где ты работаешь. Мне знаешь кто сказал? Клиент. Его Саша зовут.

— Что за Саша? — удивился Моржов. — Почему он меня знает?

— Он начальник твой.

— Мой начальник?.. — ещё больше удивился Моржов.

И вдруг у него забрезжила догадка: уж не Манжетов ли?.. Там, в Троельге, на посиделках перед открытием смены Манжетов как-то странно отреагировал на появление Сергача... Ну, теперь понятно...

— Лёнька мне сказал по секрету, что ты в Доме пионеров картины продаёшь, — продолжала Алёнушка. — Вот откуда деньги у тебя. Ты-то с этими картинами вообще здорово устроился. Но другие-то не смогут. Вот к вам туда одна моя знакомая работать пришла, мы с ней в одном доме жили, — Сонька Опёнкина. Ну и сколько она у вас получает, а? У неё и трусов-то нормальных нет. Она даже купаться на пруд не ходит — не в чем. А на дикий пляж стесняется. А у меня и купальник есть, и без купальника я никого уже не стесняюсь. Вот так. Плохо, что ли?

Алёнушка лупила Моржова пикселями, как козырями.

— Так за это под мужиков приходится ложиться...

— А так никто не ложится, да? — засмеялась Алёнушка. — Так мы все монашки, да? Если всё равно ложишься, уж лучше за деньги.

— Кто у тебя первый был? — спросил Моржов, надеясь, что разболтавшаяся Алёнушка с разгона ответит и на этот вопрос.

— Да Лёнька и был, — с разгона ответила Алёнушка. — Он меня сначала напоил, а потом оттрахал. И Соньку, кстати, тоже так же. Но я на него не злюсь. Он же знаешь какой бабник. Девки на нём так и виснут. Лёнька вообще классный, хоть и паразит, конечно.

Моржов подумал, что Алёнушка не была развратницей, порченной девкой. В ней и портить-то было нечего. Где-то на заре девичества в каком-нибудь ковязинском Багдаде вечный Лёнчик Каликин по неизбежной пьянке трахнул девочку Алёнушку, а девичья любовь оправдала Лёнчика — так, что трахнутыми оказались и мозги Алёнушки тоже. В голове Алёнушки похозяйничало уже

Пиксельное Мышление: снесло нафиг все запреты и все табу, вывернуло все тайны, всё оправдало и всё объяснило. И получился человечек ДП(ПНН). Пустой, как кувшин, в котором изнутри нет никаких перегородок. А уж потом блуд обжѐг этот кувшин в своей печке.

— Замуж за Лёньку ты пошла бы? — спросил Моржов.

— Ну щас!.. — сразу открестилась Алёнушка. — Ты чо, мне такого блядуна в мужья не надо. Я вообще замуж не хочу ни за кого.

— Как же ты соскочишь со своего дела не через замужество?

— А чего мне с него соскакивать?

— Ну, не вечно же ты будешь молодой и красивой. Когда Сергач тебя выставит — что делать будешь? Лучший вариант — это успеть за какого-нибудь подходящего клиента замуж выскочить.

— Такое только в кино бывает, — пренебрежительно бросила Алёнушка. Она сладко потянулась, выпятив животик, и гордо заявила: — Мне вообще цыганка нагадала, что я молодая умру.

— А если не умрёшь?

— Не умру — вот тогда и буду думать, — начала злиться Алёнушка. — Сейчас-то нафиг? Чего ты до меня докапываешься?

ПМ работало как часы. Первый признак был налицо: какого хрена Алёнушке думать? Стимула нет. Алёнушка уже набрала для своей картины мира три-четыре пикселя и прекратила этот процесс на удобном пикселе «умру молодой». Собранного — хватит.

Н-да, импрессионистская ситуация «поэт и проститутка» у Моржова никак не складывалась. Поэт из него получился хреновый, потому что разбогатевший. И проститутка тоже не оказалась жертвой беспощадного мира. Жертвой она была бы, если бы не стала проституткой. А так — наоборот: в своём Багдаде она даже поднялась

над средой. Она трудится за хорошие деньги в более-менее чистых саунах с относительно приличными клиентами, а не с кем попало на пьянках, лишь бы налили на халяву. И не у чёрных на рынке, и не с дальнобойщиками на трассе. Она не алкоголичка, не наркоманка, не воровка. Она не родила сдуру в десятом классе от призвника, который, став дембелем, уйдёт к другой девке. Она не в огороде с лопатой, не со шваброй в конторе, не за партой в учаге — чтобы потом угробить молодость в подпольном цеху по пошиву контрафакта... У неё всё нормально.

— А парень у тебя есть? — спросил Моржов.

— Конечно. Лёнька. Я же тебе говорила, что он — мой первый. Первый — это святое.

— Ты — любишь Каликина? — не веря, переспросил Моржов.

— А что такого? — встопорщилась Алёнушка. Похоже, каждая реакция Моржова приводила её в замешательство.

— Он же тебя по клиентам возит...

— Ну и что? Это работа. Я, между прочим, сама к Сергачу пришла. Захотела — и пришла. Лёньке назло. Он с Сонькой трахался, а я к Сергачу пошла.

— А Лёнька чо? — глупо спросил Моржов.

— Да ничо.

— Он-то тебя любит?

— Конечно любит. Стала бы я связываться с парнем, который меня не любит. Что, мне парней не хватает?

Потихоньку начинало темнеть. Всё вокруг засинело: небо — блёкло и размыто, а пруд — концентрированно, как сироп. Чуланская гора, покрашенная синевой в несколько слоёв, стала почти чёрной. Её гребень, заслоняя закат, горел страшным, извилистым, кровавым порезом. Пробившийся по ложине отблеск растёкся на пруду лужей крови. Дальний берег окутался бирюзовым туманом,

в котором неясно клубились неоновые облака фонарей на проспекте Конармии. Над Семиколоколенной горой морковкой торчала колокольня Спасского собора.

Моржов подумал и осторожно спросил Алёнушку:

— А с Лёнькой ты кончаешь?

— Ты какой-то тупой, — с досадой ответила Алёнушка. — Я же тебе сказала: ни с кем никогда не кончала.

Алёнушка не кончала ни с кем — ни с поганцем с каким, ни с любимым человеком. Видно, для Алёнушки — согласно пиксельной логике — это как-то уравнивало всех людей. Алёнушке один хрен — что сутенёр Сергач, что подонок Лёнчик, что он, Моржов, извращенец. А любовь... Любовь Алёнушки никого не могла спасти, и даже саму Алёнушку не могла, потому что была оторвана от реального человека, как парашют от парашютиста. Под бесовской звездой купца Забиякина любовь, конечно, никуда не делась. Никто не мог сказать, что мир ДП(ПНН), люди этого мира и их пиксельная логика абсолютно бессердечны. Нет, любовь была — но она ничего не меняла. Она была лишь роскошью для оправдания.

— Лёнька же подонок, — сказал Моржов Алёнушке. — Сама подумай... Он работает у сутенёра, трахает других девчонок, возит тебя к клиентам, забирает у тебя деньги...

Тут Алёнушка обиделась по-настоящему.

— И ничего он не подонок! Мало ли кто где работает! Другие вообще воруют или бухают. К Сергачу я сама пришла, я тебе уже говорила. Если денег нет, я тоже у Лёньки беру, что такого? А с девками другими — так он молодой, потом перебесится. С Лёнькой всегда весело. Его все пацаны уважают. Если он чего хочет — всегда добьётся. Лёнька настоящий человек, не то что все остальные.

«Настоящий человек» — это тоже был пиксель. Настоящий — это тот, с которым считаются. С Лёнчиком,

конечно, считались. И Моржов считался. Затевая что-нибудь с Лёнчиком, он всегда принимал в расчёт, что это за человек — Лёнчик. Например, он купил у Лёнчика пистолет. Он знал, что Лёнчик подонок, поэтому много денег не дал, пистолет проверил (Лёнчик мог продать и нерабочий ствол) и всегда прятал, чтобы Лёнчик не украл.

Из пикселей, как из пазлов, Алёнушка сложила портрет Лёнчика. Пиксели были следующие: «мой первый», «непьющий», «весёлый», «щедрый», «уважаемый», «работающий». Но они оказывались плоскими, потому что для объёма им не хватало противопоставления. К «мой первый» надо было добавить — «который меня изнасиловал», к «непьющий» — «за свой счёт», к «весёлый» — «от удовольствия», к «щедрый» — «когда подфартит», к «уважаемый» — «среди ублюдков», к «работающий» — «у сутенёра». Из плоских пикселей получился плоский портрет. Но и его Алёнушка не раздула до объёмного образа, а предпочла механически суммировать в новый плоский пиксель — «настоящий человек». Это действовал второй механизм ПМ, когда количество не способно было превратиться в качество. Правда, в виде пикселя второй степени Лёнчик был ещё более далёк от себя истинного, чем когда был представлен в виде набора пикселей первого порядка.

«Бог троицу любит», — пророчески подумал Моржов.

— Твой настоящий человек имеет тебя и кидает, — сказал он Алёнушке.

Алёнушка покровительственно засмеялась, повернулась на бок лицом к борту и опустила в воду ладонь, тихонько подгребая.

— Ты так говоришь, потому что ревнуешь. Я же знаю, почему ты третий раз меня заказываешь. Потому что я тебе нравлюсь. Вот поэтому ты и на Лёньку наезжаешь. Уж про свою-то жизнь я понимаю больше, чем ты. И про Лёньку тоже.

«Вот и третий механизм ПМ, — тотчас подумал Моржов, — охранительный. Презумпция собственной правоты».

Алёнушка перевалилась на другой бок, лицом к Моржову, подползла поближе, положила узенькую ладошку Моржову на скулу и ласково погладила.

— Что ты понтуешься, — сказала она. — Обосрал Лёньку, как пацан... Я же от тебя не отказываюсь. Всегда приеду, если вызовешь. Могу и других клиентов отодвинуть — с тобой лучше. Честно говорю. Ты мне нравишься. Бросай свои заморочки и давай со мной, как мужик с девчонкой... Мне хочется, правда.

И Моржов, глядя на Алёнушку, понял, почему его вдруг так тянуло к ней. Вовсе не потому, что Алёнушка являлась эталонным носителем ПМ и оттого интересовала Моржова, как любой идеал. Нет. Она тянула Моржова к себе потому, что сама была как его пластины — прекрасной формой без всякого содержания.

— Сними очки, — попросила Алёнушка.

Моржов послушно снял очки.

Алёнушка наклонилась и неловко поцеловала его в губы. Моржов мгновение поколебался — и ответил поцелуем.

— Ну, вот так и надо, — отрываясь, удовлетворённо сказала Алёнушка. — А теперь поплыли к берегу, пора уже. И заказывай меня ещё. Я тебя отучу от твоих извращений.

Моржов на велосипеде опять колесил по Ковязину от школы к школе. В Троельге он уже отвык от привычки сотового телефона оживать в самый неподходящий момент в самом неожиданном месте, и теперь, когда этот адский аппаратик вдруг затрезвонил в сумке у него за спиной, Моржов врезался в мусорную урну.

Блуда и МУДО

— Борис Данилович, извините за беспокойство, — пропищал телефон. — Это Милена Чунжина... Узнали меня?

— Драгоценная Милена, конечно, я узнал вас, — ласково ответил Моржов, ногой поднимая урну. — Уже по голосу узнал.

Своего телефона он Милене не давал. Значит, она сама где-то его раздобыла. Это показалось Моржову очень обнадеживающим, а потому приятным знаком.

— Вы сейчас в городе?

— Скажем так, что через пять минут я буду там, где вы пожелаете, — проворковал Моржов.

— Боря, с вами хотел бы поговорить Александр Львович Манжетов, — несколько затруднённо сообщила Милена, старательно не поддаваясь фривольному тону Моржова. — Где бы вы назначили встречу?

Моржов озадачился. Встреча на троих — он, Манжетов и Милена — это забавно... Только вот для чего им встречаться?

— Давайте тогда в каком-нибудь кафе на площади у Гостиного двора, — обычным, будничным голосом предложил Моржов.

— Хорошо. Через четверть часа сможете?

— Смогу. Я всё смогу.

Он смог. На Крестопоклонную площадь он вырулил уже через двенадцать минут и сразу увидел Манжетова с Миленой. Они пробирались через парковку между машин. Моржов махнул им рукой, указывая на шатёр, где привык пить кофе по утрам.

Видимо, у таджиков, хозяев этого шатра, дела шли хорошо. Теперь под шатром стояли красивые столики, а само кафе было обнесено деревянной оградой. Моржов прислонил велосипед к этому заборчику как раз напротив стола, за который уселись Милена и Манжетов, перелез ограду и поздоровался с Манжетовым за руку.

К их столику уже спешила девушка-официантка, тоже таджичка. Она была так же красива, как и прежний юноша, экономивший сахар, да и похожа на него, словно близнец.

— Нам только кофе, любезная, — по-деловому распорядился Манжетов за всех, давая понять, что разговор будет хоть и неформальный, но серьёзный.

Моржов закурил, рассматривая Милену и Манжетова. Манжетов выглядел устало, а Милена не поднимала глаз. Казалось, что они недавно поссорились, но не хотят выносить свою ссору на моржовское обозрение. Моржова кольнули ревность и зависть.

— Может, дорогая, тебе лучше было заказать мороженое? — негромко спросил Манжетов у Милены.

— Благодарю, — нейтрально отказалась Милена, словно не желала ни мороженого, ни предстоящего разговора.

Моржов насторожился, ожидая чего-то явно неприятного.

— Как ваши дела, Борис? — дежурно поинтересовался Манжетов.

— В порядке. А как ваши дела, Александр? — тотчас ответил Моржов, будто для проверки толкнул Манжетова в бок.

Манжетов чуть вздрогнул, словно сморгнул своё отупение. Нарушение субординации уравнивало его с Моржовым, а Моржов это сделал сознательно. Моржов решил атаковать первым. Манжетов, понимаешь, весь такой начальник, на тачке прикатил с красивой бабой, а Моржов — педали вращает. Значит, Моржову выгоднее воевать на благоустроенной территории соперника. Соперник побоится разрушать своё благоустройство, надеясь одолеть малой кровью, а Моржову плевать на благоустройство Манжетова, и для него на территории соперника оперативный простор шире.

Блуда и МУДО

Манжетов не спасовал, а ответил фланговой контратакой с выходом по моржовским тылам к моржовскому штабу:

— Всё ли нормально у вас в лагере?

— Вроде бы всё, — осторожно ответил Моржов.

Манжетов тоже закурил, протянул руку над столиком и передвинул пепельницу, которую Моржов подтянул к себе, ровно на середину. Это выглядело каким-то шахматным предложением компромисса. Но Моржову была нужна Милена, а не компромисс.

— До меня дошли слухи, что у вас проблемы с наполняемостью. — Манжетов поглядел на площадь, где разъезжались машины и сновали люди. — Что детей не хватает...

— Хватает, — непроницаемо сказал Моржов. — Погрешность в пределах нормы. А от кого вы узнали подобное?

Милена сидела с таким видом, словно внутри себя от всего отвернулась и ничего не слышала. На её высоких скулах тёплой тенью проступил неровный румянец — то ли от смущения, то ли от возмущения.

— Для вас это не важно, — хладнокровно пресёк тему Манжетов, давая понять, что есть вещи, в которые Моржову лезть запрещено.

Моржов мысленно похвалил Манжетова: тот легко восстановил субординацию, определив, кто здесь запрещает, а кто подчиняется.

— Я ведь не начальник лагеря, — по-иезуитски мягко сказал Моржов. — Почему же вы спрашиваете о лагере у меня?

Моржову пришлось играть на проценты. Его вовлечённость в дела Троельги была куда выше его полномочий, а вот вовлечённость Манжетова — куда ниже. В таком ракурсе официальная субординация теряла своё значение.

Девушка-таджичка принесла на подносике три чашки кофе. Моржов широко улыбнулся девушке и спросил:

— Сахар н-н-т?

Девушка тоже ответила ему ослепительной улыбкой — точно старому, всё понимающему другу.

— Н-н-т сахар, — сказала она.

Всё верно: это был прежний юноша, но трансвестировавшийся в девушку. На сахаре скопил денег для операции по смене пола.

— С вами интересно беседовать, Борис, — задумчиво произнёс Манжетов, помешивая в чашке пластмассовой ложечкой.

— Взаимно, взаимно, — закивал Моржов то ли услужливо, а то ли по-барски.

— Многие вещи вы понимаете априори, и не надо лукавить.

— Не надо, — согласился Моржов.

«Хрен чего ты сделаешь без лукавства, — подумал Моржов. — Даже эта фраза — заговаривание зубов».

— Я подозреваю... Нет, я уверен, что центр мозговой деятельности Троельги — это вы, — заявил Манжетов. — Поэтому и хочу поговорить с вами, а не с Галиной Николаевной и не с Михаилом Петровичем.

Манжетов имел в виду Шкиляиху и Каравайского.

— У нас в Троельге обнаружена мозговая деятельность? — дебилно обрадовался Моржов. — Наконец-то! Вот это да!

— Я хотел сказать, что вы — инициатор и вдохновитель всей активности лагеря, — поправился Манжетов.

— Наверное, вы намекаете на нашу жалобу в областной департамент образования? — предположил Моржов.

Он посмотрел на Милену. Ведь не он же был инициатором и вдохновителем кляузы, которую девки накатали на Шкиляиху. Милена напряглась, демонстративно откинула с лица прядку волос, словно ничего не собиралась

скрывать и не желала перекладывать вину на Моржова, но глаза её потемнели. Значит, не всё она рассказывает Манжетову, если тот заподозрил Моржова. А если она чего-то не говорит, значит, есть о чём молчать. Это ободряет.

— Да, — корректно подтвердил Манжетов. — Из областного департамента мне по телефону сообщили суть претензий. Вы могли бы, и я в своё время всем предлагал, сразу обратиться ко мне.

«Суки», — подумал Моржов про областной департамент.

— Вы должны понимать, — рассудительно заметил он, — что жаловаться на Галину Николаевну вам, Александр Львович, — это бессмысленно. Ведь она — проводник ваших идей.

— Следовательно, причина вашего недовольства — мои идеи?

— Да. А Троельга — повод. Для нас Троельга — повод пожаловаться, чтобы для вас Троельга не стала поводом реализовать ваши идеи без проволочек.

— Чем же вас не устраивают мои идеи? — усмехнулся Манжетов.

— Тем, что ради собственной выгоды вы приносите в жертву и без того жалкий достаток многих других людей.

Моржов сказал всё открыто. И Манжетов этот удар выдержал.

— Вы, я гляжу, альтруист? — саркастически осведомился он.

— Нет, — согласился Моржов и напоказ Манжетову посмотрел на Милену. Милена словно окаменела, не зная, куда себя девать. Она походила на невесту меж двумя женихами. — Я не альтруист. Но мне выгоднее жить на общих основаниях.

— Кажется, вы обвиняете Александра Львовича в коррупции? — неуверенно спросила Милена, зыбко определившись с женихом, и косо глянула куда-то на локоть Моржова.

— Я не думаю, что Антикриз — это непременно банальный откат, — сказал Моржов, наваливаясь на спинку стула. — Антикриз — это финансовый поток, на управлении которым можно жить хорошо и незаметно. Это долгоиграющий ресурс. Наконец, с него можно получить и политические дивиденды. Может быть, Александр Львович рассчитывает баллотироваться в депутаты, а? Центр — отличный козырь.

— В Антикризисном центре, и я даже склоняюсь к мысли о тривиальной зависти, вы находите для меня просто вотчину для наживы, — аккуратно заметил Манжетов.

— Я вам не завидую, — спокойно парировал Моржов. — У меня есть другой ресурс. И его никому, кроме меня, не приватизировать.

— Важна ещё и востребованность ресурса, — дипломатично подкорректировал Манжетов.

И Моржов с радостью нанёс Манжетову удар его же приёмом:

— А это уже не относится к теме нашей беседы.

Вот теперь они квиты. Не надо мериться статусами, как тайменями. Из разных иерархий статусы несопоставимы. Только в детском саду всерьёз решают задачку, кто кого победит: кит слона или слон кита.

— Центр — не блажь и не способ обогащения, — ломким голосом громко сказала Милена. — Это ответ на требования времени!

Моржов и Манжетов одинаково недоумённо посмотрели на Милену. Кого Милена пытается убедить? Себя, что ли?

Моржов перевёл взгляд на Манжетова. Манжетов успокаивающе погладил Милену по коленке. «Вот кто мне главный враг! — внезапно понял Моржов. — Манжетов!» Он нащупался под перинами быта, как горошина принцессы. И Моржов согласился со своим откры-

тием. Манжетов был ему параллелен. Только у Моржова главной целью были женщины, а у Манжетова — деньги. Точнее (применительно к Милене), Моржову были нужны деньги для женщины, а Манжетову — женщина для денег.

— Милена, дорогая, — вкрадчиво сказал Моржов, умышленно употребляя это манжетовское обращение, — у нашего времени очень много разных требований. Но исполняются они избирательно. Причём всякий раз это исполнение доставляет кому-то очень большое удовольствие. Простите, но я не поверю, что наша ситуация — исключение. За меня — опыт и здравый смысл.

Милена молчала и нервно мяла в пальцах салфетку.

— Борис, а чего вы сами-то хотите? — вдруг спросил Манжетов как-то совсем по-дружески.

«Трахаться с твоей женщиной», — подумал Моржов.

— У меня нет никаких амбиций, — улыбнулся он.

— В Антикризисном центре найдётся хорошее место для модного художника. Мы не можем разбрасываться такими кадрами.

— Вы и сейчас начальник. Чего же тогда у вас ценный кадр прозябает в Троельге?

— Мы исправим это положение, — пообещал Манжетов.

— Это называется подкуп оппозиции, — нежно сообщил Моржов.

— Проблема в морали или в цене?

— Конечно, в цене. Мораль нынче стоит дорого.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду то, что людям не должно стать хуже. — Моржов вспомнил: Милену надо брать «на справедливость». — По карману ли вам такая благотворительность?

Манжетов задумался, вращая в пальцах блестящую зажималку.

— Вы хотите, чтобы в новую структуру перешли прежние педагоги?

— Обобщённо говоря — да.

Моржов ни фига этого не хотел. Но он был уверен, что Манжетов на такое не согласится, и ему было интересно, чем Манжетов всё замотивирует.

— Подумайте сами, Борис... Соня Опёнкина не имеет стажа работы. Да и способностей тоже не имеет. Константин Иванович...

— Егорович.

— Да, Егорович... Константин Егорович, и у него будет хроническая ненаполняемость, беспомощен как ребёнок. Да и предмет его — абсолютно неактуален. Дмитрий Александрович, если признаться честно, — алкоголик. Роза Дамировна будет компрометировать нас своим... э-э... семейным положением.

«Всё-то ты знаешь про Сергача», — подумал Моржов.

— И ещё. Если мы возьмём этих педагогов, остальные, и это логично, спросят: почему только их, а не всех? И вообще, приняв к себе кадры МУДО, чем мы будем отличаться от МУДО? В чём тогда реформа?

— Значит, место есть только для меня? — уточнил Моржов.

— Не только для вас. Но для этих педагогов — нет.

— А для кого есть? — Моржов ухмыльнулся. — Для Шкиляевой — понятно, это её награда за развал МУДО. Каравайскому тоже понятно — чтобы не орал. Про Милену я не говорю...

— Борис Данилович, ну что за намёки! — обиженно и с сердцем воскликнула Милена. — Сколько можно! Я ведь уже объясняла!..

— Кандидатура Милены будет рассматриваться Комиссией департамента наравне с прочими, — подтвердил Манжетов.

— И Милену могут не взять директором? — усомнился Моржов.

— На пост директора — конкурс, — зло сказала Милена. — И моя кандидатура не единственная!

— А чьи там ещё есть? — тотчас полюбопытствовал Моржов.

Его интересовало, кто ещё подпал под ОПГ Манжетова. Шкиляиха, Каравайский — это понятно. Милена — разумеется. Да-а, есть ведь и Алиска Питугина. Так сказать, запасная Милена.

— Я не вдавался в эти подробности, — уклонился Манжетов.

— Неужели такую должность может получить человек со стороны, откуда-нибудь из отдела кадров? — насмешливо спросил Моржов, намекая на Алиску.

Манжетов намёк понял. Он помолчал, внимательно глядя на Моржова, и потом даже чуть заметно кивнул. Вызов принят.

— Совсем уж со стороны — нет, — сказал он. — Директор — не девочка по вызову, не сестрица Алёнушка.

Ответ был ясен. И Манжетов тоже знал о Моржове то, чего не следовало знать Милене. Секретные ракеты были у обоих. Но их запуск означал тотальное поражение всех интересов соперничающих сторон. Лучше взаимно оставить ракеты в покое. В этом компромиссе Моржов был единодушен с Манжетовым.

— Если вы сейчас не прекратите, я уйду, — тихо сказала Милена.

— Да, дорогая, конечно... Это, и ты извини нас, совершенно бессовестный спор. Боря, я правильно сказал — «нас»?

— Правильно, Саша, — кивнул Моржов.

Манжетов, едва не засопев от досады, снова вытащил сигареты, зажигалку и прикурил, пряча лицо.

— Значит, подкуп вам не по карману, — беспощадно подвёл итог Моржов. — Справедливость для вас слишком дорога.

Манжетов вдруг спрятал зажигалку в кулак.

— Справедливость не дорога, — веско произнёс он. — Если вы хотите справедливости, то вы её, можно сказать, себе уже обеспечили. С июня, и это в связи с введением сертификации школьников, у нас в департаменте принята новая форма отчётности — по результатам. К вам в Троельгу тоже приедет комиссия, чтобы посмотреть результаты вашей деятельности. По новым программам педагогов. Боюсь, что в эту комиссию, и это реакция на вашу жалобу в департамент, войдут и проверяющие из области. Так что справедливость восторжествует.

— А это уже угроза, — мгновенно дешифровал Моржов.

— Вам сложно угодить, — хмыкнул Манжетов.

Моржов не смог удержаться от ехидства:

— А если по результатам проверки этой комиссии Милена будет уволена из МУДО за профнепригодность, неужели её всё равно возьмут директором Антикризисного центра?

Милена решительно встала, но Манжетов вдруг обжёг её таким взглядом, что она не осмелилась уйти.

— Сядь, дорогая, — тяжело сказал он. — Это ведь и твоя судьба решается... Давай придержим пока самолюбие.

Милена села и отвернулась.

Манжетов потёр лоб и вдруг улыбнулся.

— Борис, хотите, открою вам страшную бюрократическую тайну? — спросил он. — У нас время течёт наоборот. И любое сегодняшнее решение зависит не от вчерашнего, а от завтрашнего.

— А вы железно уверены, что ваш центр завтра всё-таки будет?

— А вы железно уверены, что вы один сможете этому помешать?

«Почему же один? — подумал Моржов. — Я буду не один».

— Боря, — Манжетов вдруг перешёл на сердечный тон, — вы мне очень симпатичны, честное слово. Зачем нам с вами действовать порознь? Давайте объединим усилия. Да, на одной чаше весов — Дом пионеров, на другой — Антикризисный центр. Но вам, художнику, так ли важно всё это? Ерунда ведь.

«На одной чаше весов — мои бабы, а на другой — твои деньги, — подумал Моржов. — И на самом деле всё это очень важно».

— Я скажу точнее. — Моржов посмотрел Манжетову в глаза. Да, хороший у него враг. Качественный. Всем другим врагам на зависть. — На одной чаше весов — я, на другой, Саша, — вы. А весы держит Милена. И при ней я облегчаться не собираюсь.

Казалось, что Милена пошла красными пятнами, но это было не так. Моржов впервые увидел мерцоида, разорванного на клочья.

— Комиссию вашу встретим, — деловито сказал Моржов, вставая и отодвигая стул. — В лагере всё у нас будет в порядке. А вы, Александр Львович, не стесняйтесь. Чего с быдлом стесняться, когда такие респекты светят?

Моржов улыбнулся потрясённо молчавшей Милене и легко перешагнул деревянную ограду кафе — словно применил способ «ножницы», как при прыжке через перекладину.

Погода выдалась не ахти, но Моржов, рассекая по Багдаду на велике, надеялся, что не попадёт под дождь. Тучи шли над ржавыми железными крышами и над вышербленными кирпичными карнизами, словно вражеские бомбардировщики. Сквозь сумрачный прищур они будто бы разглядывали битые улочки Багдада. Складывалось

ощущение, что Багдад они долбали уже не раз, а теперь лишь высматривают, что здесь сумело уцелеть.

Моржов курил и ждал Женьку. На школьном стадионе у воспитанников летнего городского спортивного лагеря Женька вела утреннюю тренировку. Воспитанники были вполне дозревшими парнями. Ухмыляясь, они механически повторяли за Женькой движения рук, ног и торса, а сами не сводили с Женьки ожидающих глаз. Женька была в чёрном купальнике — обтягивающем тело настолько, что Женька казалась голой, но покрашенной в чёрное. И Моржов тоже смотрел на Женьку.

Он сидел на скамеечке, с одного края изрезанной ножом, а с другого края подпалённой. Ряды таких скамеек окружали стадион, символизируя трибуны и — косвенно — здоровый образ жизни болельщиков. Но под скамейками валялись бутылки и банки, смятые сигаретные пачки, вывернутые наизнанку пакетики из-под чипсов, фисташек, сухариков и прочей пивной дребедени. Моржов боялся проколоть колесо о какое-нибудь стекло, а потому его велосипед лежал на соседних скамейках, как застреленный олень.

Женька была совсем не во вкусе Моржова: невысокая, с маленькой, спортивной грудью амазонки, с талией как шарнир — гибкой и стальной, с компактной попкой, с мускулистыми ногами и с животиком плоским и твёрдым, точно скромное надгробие. Косматая, как гризли, свои чёрные еврейские кудри Женька собрала в хвост, а сейчас ещё, словно лучница на состязаниях, перевязала голову широкой лентой с иностранным словом.

Моржов смотрел на Женьку, учительку физкультуры в багдадской школе, и думал о своём плебейском вкусе. Ну и что, что он плебейский? Моржов считал, что именно плебейский вкус на рубеже XX века сломил ход мировой истории. Это деяние совершили не банкиры, тычущие сигарой в глобус, и не народовольцы, мечущие

бомбы в царские кареты. Это сделали пьяные и нищие импрессионисты со своими гризетками — голыми парижаночками с недоразвитыми грудками и рыжеватым пухом между ног. (Волосатые хиппи, долбившие друг друга на замусоренных газонах Вудстока, и не подозревали, что билеты в этот театр у них были только на галёрку.) Художники и гризетки изменили сознание человечества, дали новый образ счастья, а всё остальное было лишь войной живописи и пикселей. И в этой войне с одной стороны изобретали ПЗС и виагру как преодоление первородного греха, а с другой стороны — межконтинентальную ракету как фаллическую кару за отказ признавать себя виноватыми и обязанными. А без вины и обязанностей подданных — какое же государство?

Мрачным мемориалом этой войны в перспективе улицы за кирпичным брандмауэром школы вздымалась багдадская церковь. Она была обнесена дощатым забором с колючей проволокой. Куполов у церкви не было. В здании размещалась кочегарка. Кучи угля, оставшиеся с зимы, подпирали некогда белые стены. Из верхушки обезглавленной колокольни торчала чёрная труба — словно душа казнённого грешника.

Похоже, что война пикселей и живописи бушевала как раз в Багдаде. Райончик казённых и частных доходных домов для сознательного пролетариата построили перед Первой мировой. В то время кровавое самодержавие задумало превратить город Ковязин в узловой центр Транссибирской и Северной железных дорог. Здесь возвели вокзал, паровозоремонтные мастерские и посёлок для железнодорожников. Посёлок со временем и превратился в Багдад.

Он всегда словно бы пребывал в глухой осаде, в глубокой обороне, а потому и вид имел соответствующий. Водопроводчики — как вражеские диверсанты — взрыли его горбатые улицы на склонах Семиколоколенной

горы. Всюду были ямы — как воронки после авианалёта и канавы — как окопы, траншеи и ходы сообщения. Краснокирпичные дома облупились, будто по ним жарили шрапнелью. Чердаки зияли выбитыми окнами, точно там таились пулемётные гнёзда. Баррикадами, дзотами и бомбоубежищами громоздились сараи, гаражи, пристройки, заборы. Дымились печки. Даже машины, что катались по Багдаду — драные «Жигули» или мятые иномарки, — язык не поворачивался назвать «ворованными»; они казались скорее боевыми трофеями.

Нравы тоже были предсказуемы. Моржов не мог утверждать, что всё здесь дышало ублюдочной агрессией, нет. Хотя Щёкин, который в детстве четыре года жил на Багдаде, утверждал, что за каждое лето менял по три черепа. Щёкин, любитель всё переименовывать, назвал Багдад ковязинским графством Дебошир. А Моржов смотрел глубже. На Багдаде, как в действующей (пусть отчасти и партизанской) армии, все обитатели по отношению друг к другу, к местной шпане, к местным бандюкам, к событиям местной истории и к институту русской зоны вообще находились в строго иерархической, субординационной, сложноподчинённой-сложносочинённой системе покруче русского синтаксиса. Чужак был обречён на гибель не потому, что был чужаком, а потому, что слишком трудно и хлопотно было определять его место в сложившемся сочетании авторитетов. Убить — проще. Здесь вообще у жизни был свой ценз, и тяжесть преступления определялась платой за него. Укокошить за сто тысяч — большой грех, не каждый и решится. Прихлопнуть за пятьсот рублей — не проблема; на пятьсот рублей много не нагрестишь. Убить бесплатно — не наказуемо.

Моржов и с Женькой-то познакомился только благодаря нравам Багдада. Это случилось вскоре после того, как Моржов из чертогов Дианки катапультировался

к Дашеньке. Той знаменательной ночью Моржов сошёл с электрички и от вокзала пошагал к Дашеньке напрямую — через Багдад. Сразу за спуском с перрона на него напали три каких-то недоноска. Сначала Моржов сражался, а потом его (разумеется, сзади) отоварили по башке доской, и он упал в лужу. Недоноски принялись было пинать его и прыгать на нём, но вдруг их разогнал какой-то властный женский мат. Моржов вскочил и хотел погнаться за недоносками, чтобы оторвать голову хотя бы одному, но женщина остановила и его тоже. Спасительницей Моржова была Женька. Она деловито осмотрела повреждения Моржова и повела к себе домой на ремонт.

Потом Моржов спрашивал у Женьки:

— А ты что, не боялась под замес попасть?

— Чего мне бояться? — фыркала Женька. — Эти уроды — все из спортсекций, где я гимнастику веду. Я их всех знаю. Если они на меня рыпнутся, мои дерьминаторы их назавтра же и зарюют.

Дерьминаторами Женька презрительно называла своих многочисленных багдадских мужиков.

— А трахаться с человеком, которого ты только что из лужи достала, — это тоже у тебя в порядке вещей?

— Да знала я, кто ты такой. Ты пару раз с моими подонками бухал.

Дома Женька включила титан и нагрела Моржову ванну. Моржов разделся и погрузился в горячую воду, а Женька сунула его мокрую и грязную одежду в стиральную машину. Моржов весь был переполнен адреналином и тестостероном. Когда Женька увидела это, она сама всё сняла и залезла к Моржову. Потом они познакомились.

— Свободны! — объявила Женька своим физкультурникам и пошла к Моржову.

Она чмокнула его в щёку, потрепала по волосам и присела рядом на скамейку.

— Сколько мы не виделись — почти год? — спросила она.

— Примерно, — согласился Моржов. — Я тебя искал. Записки в дверь тебе совал, в школу заходил...

— Я замужем была, — просто объяснила Женька. — Уезжала из Ковязина.

— Я уже в курсе. А сейчас как?

— Развелась.

— По тебе не видно... — хмыкнул Моржов.

Женька всегда говорила ему, что хочет выйти замуж за богача, развестись и по суду получить половину денег. Другого способа всплыть из нищеты, сохранив свободу, она для себя не представляла. Но, судя по тому, что она опять в Багдаде и опять ведёт физкультуру в школе, в этот раз программа не сработала.

— Не за того замуж выскочила, — пояснила Женька. — Он, сука, богатый, да какой-то из блатных. Пообещал мне такое со мной сделать, если я в суд подам, что никакие дерьминаторы не спасут.

— Сочувствую, — сказал Моржов, хотя ни фиги не сочувствовал.

Ему нисколько не жаль было Женьку со всей её откровенно свинской политикой. Да Женька никогда и не нуждалась в жалости. Так орать и колотиться, как она орала и колотилась под Моржовым, никто из моржовских подружек не умел даже хотя бы наполовину. Но столь бурное Женькино наслаждение казалось Моржову вполне достойной компенсацией Женькиной бедности, и соболезновать Женьке Моржов не мог. Своим темпераментом Женька срубила все чувства Моржова, кроме желания трахаться.

— Я думала, этот Петрович нормальный, — рассказала Женька, глядя куда-то в облака за ржавые крыши Багдада. — Такой обычный папик. Часики «Роллекс», пузи-

ко, лысинка... Он был спонсором нашей команды по кёкусин кай. Я из себя ему эдакую золушку состроила, глаза не поднимала...

— Он что, не заметил, что ты не девочка? — усмехнулся Моржов.

— Я сказала, что меня здесь изнасиловали. Чтобы он сопли распустил.

Изнасиловать Женьку, истеричку и каратистку, было труднее, чем голыми руками оторвать башню у танка.

— Думала, всё по плану. Потом ему Олеську подсунула, ну, мою сеструху двоюродную, ты её однажды видел. Застукала их, разрыдалась, подала на развод. А он, пидор, дал мне пятьдесят тыщ и пообещал, что менты у меня мешок с наркотой найдут, если я в суд пойду его бабло отсуживать.

Женька немного подумала и с горечью сказала:

— Знаешь, кто я? Я злая и деятельная неудачница.

— Ты просто спокойно жить не умеешь, — примирительно сказал Моржов и погладил Женьку по колену.

— Да не хочу я в этом говне жить. — Женька строптиво мотнула головой на окружающий Багдад. — Не хочу этих ублюдков тренировать, не хочу с этими быками спать... Я хочу дом на берегу моря, трёх детей, собаку, аквацикл, чтобы никого вокруг и никакой ёбли, кроме как с мужем.

— Может, этот Петрович тебе всё бы и дал?

— Ну ща... Собак он боится, детей у него от прежних жён уже до хера — больше не надо, денег жалко, дом ему нужен лишь бы рядом с губернаторским, а трахается он раз в месяц, да и сам старый. Мне не такой муж нужен. Нужен молодой, чтоб красивый был, не алиментщик, не ботан и не ебучка налево-направо.

Моржов смотрел на Женьку, у которой преддоговой ветер трепал кудри, и думал, что Багдад — какое-то

заколдованное место, где штампуют вот таких девок вроде Женьки, Алёнушки или Сонечки — красивых, развратных и наивных до предела.

— Эй вы!.. — вдруг закричала Женька. — Ну-ка все выбросили сигареты!..

Трое подростков курили за углом школы. Хмуρο поглядывая на Женьку, они зобнули ещё по разику и бросили окурки на газон.

— Спортсмены херовы... — вполголоса добавила Женька.

Спортсменов она ненавидела.

Судя по спортивным достижениям, дополнительное образование города Ковязина достигло небывалых высот. На любых отчётных мероприятиях Манжетов всегда блистал ворохами медалей, кубков и грамот, добытых олимпийцами Багдада. На Багдаде имелось какое-то умопомрачительное количество спортивных секций. Но в четырёх случаях из пяти это были секции каких-либо единоборств: бокса или греко-римской борьбы, ушу или кунг-фу, загадочного джиу-джитсу, полузабытого самбо, карате и бесконечных «до» — дзюдо, айкидо, тхэквондо и кэндо. (Щёкин говорил, что в Олимпийский реестр надо ввести ещё один вид борьбы — подковёрную борьбу му-до.) На педсоветах в МУДО Каравайский регулярно рвал на себе волосы, что у борцов имеется бесчисленное множество различных соревнований: районные, городские, областные, зональные, российские, международные, подростковые, юношеские, в лёгком весе, в среднем весе, в тяжёлом весе, парные, командные, мужские, женские... Не то что в настольном теннисе. Поэтому настольным теннисистам в количестве призов не переплюнуть борцов никогда. Но дело было ещё и в том, что теннисными ракетками на Багдаде никто не дрался, а вот руками, ногами и палками дрались все.

Взращённые Багдадом, а потом увенчанные лаврами, воспитанники спортсекций имели в жизни два пути. Если они выбирали спорт, то уезжали из Ковязина. Если они выбирали Багдад, то бросали спорт. На Багдаде они или устраивались работать куда-нибудь в охрану, где быстро брюзгли и выходили из авторитета, или выбирали криминал. Здесь они поднимались до незначительных высот и превращались в дерьминаторов — быков при каком-нибудь мелкопоместном пахане. Через год-два дерьминаторы отправлялись надолго в зону, садились на стакан или на иглу — и таким образом тоже самоликвидировались, освобождая место новым поколениям чемпионов.

Женька стояла у истоков всех дерьминаторских карьер и всех дерьминаторов знала поимённо ещё чуть ли не с тех пор, когда они являлись на тренировки в семейных трусах. Дерьминаторы были молоды и сексуально прожорливы. Трахнуть тренершу (училку) у них считалось признаком невзъёбенной крутизны. Обалдевшие от успехов, лавров и криминальных горизонтов, дерьминаторы попадали прямо Женьке в лапы. Пока дерьминаторы были в силе и славе, Женька безжалостно и беспощадно доила их. Потом отпускала — на зону, на стакан или на иглу. В иные времена Женьку содержали сразу по три дерьминатора, а однажды пару месяцев Женька жила даже с девчонкой — призёршей российских соревнований по пауэрлифтингу.

Моржов Женьку не осуждал. Он не был филантропом, а потому считал: всё равно дерьминаторы не годятся ни на что, кроме краткосрочной пользы для Женьки. Моржов даже уважал Женьку за её яростное жизнелюбие, за презрение к себе, за бескомпромиссную борьбу с Багдадом. Женька падала, но вставала, гнулась, но не ломалась. Её оголтелый эгоизм был столь совершенен, что казался ненастоящим. Он даже как-то уравнивался с героизмом — во всяком случае, выглядел героически.

— Ну, а у тебя как дела? — со вздохом спросила Женька. — Чего новенького случилось за год?

— Ничего. — Моржов пожал плечами. — Только вот картинки свои я все продал.

«Картинками» Женька пренебрежительно называла пластины.

— И сколько выручил? — насмешливо спросила Женька.

Моржов сказал.

Женька развернулась на него и побледнела.

— Пиздишь, — хрипло сказала она.

— Нет.

— А чего тогда ты до сих пор здесь?

На деньги Староарбатского аукциона, Галери д'Кольж, капеллы Поццо и Бьянко (а также Петролеум-центра и Нанкин-Бизнес-Сити) Моржов вполне мог купить себе небольшую квартиру в Ковязине. Или очень долго снимать квартиру в областном центре. Или достаточно долго — в Москве.

— Меня и здесь всё устраивает, — ответил Моржов. Его интересовали только девки, а девки — они и в Ковязине девки.

Моржов давно догадался, почему Женька связалась с ним. Хороший он парень или плохой — это её не интересовало, потому что взять с него было нечего. Хотя, наверное, он всё ж таки приглянулся Женьке, когда она увидела его на экскурсии в выставочный зал. Секса Женьке хватало, а любви Моржова к ней не было, да и не требовалось. Но Моржов тогда пребывал совершенно ниже ватерлинии жизни. Жена его выгнала, жилья у него нет, денег тоже, он побитый и грязный, он работает в МУДО и рисует картинки... В общем, душераздирающее зрелище. И на фоне Моржова Женька выглядела весьма успешно, даже когда нагибалась перед дерь-

минаторами. Своим ничтожеством (и живописными амбициями) Моржов очень выгодно оттенял Женькин сомнительный успех.

Женька смотрела на Моржова и молчала. Кудри её шевелились под ветром, по лицу словно бежали тени дождевых облаков.

— Надо было за тебя замуж выходить, — сказала Женька.

Теперь молчал Моржов.

Женька вдруг густо покраснела. Моржов ведь не сделал ей ничего плохого — а она цинично вдвинула его в один ряд с презренными дерьминаторами для дойки и папиками для отсуживания бабла. Да ещё и карты свои раскрыла так, что Моржов сразу всё понял.

— Ты козёл! — мгновенно раскаляясь, с ненавистью выдохнула Женька. — И почему бабло только козлам валится? Чего ты припёрся ко мне? Понтоваться, да?

— Нет, не понтоваться, — возразил Моржов, пока что благоразумно не упоминая о сертификатах.

— Ага! — злобно не согласилась Женька. — Скажи ещё, что пришёл, потому что я лучшая баба в твоей жизни!

Собственно, она как раз и провоцировала Моржова сказать это.

Женька никогда не верила, что моржовские пластины можно продать. И не просто не верила, а презирала саму такую возможность. И оказалась сокрушительно права. Самые большие деньги в Ковязине, как выяснилось, получали не за чемпионство по айкидо и не за угнанную иномарку — а за какие-то жалкие картинки!.. У Женьки валилась вся система ценностей. И сейчас Женьке требовалась сатисфакция. А лучшей сатисфакцией было хотя бы частичное возвращение Моржова под ватерлинию, когда он сам признает бесспорное бабское превосходство Женьки.

Но Моржов почувствовал, что ему уже надоело пристраивать себя к чужим сложностям и вечно быть виноватым. Почему никто не пристраивается к нему — только он сам ко всем? Почему Женьке нельзя просто порадоваться за него, просто помочь? Почему всем непременно надо победить его — Милене надо, Розке, Юльке Кониковой, Стелле Рашевской, Леночке, теперь вот — Женьке?..

— Дело не в том, кто лучшая баба, а кто не лучшая, — холодно сказал Моржов, глядя в бешеные глаза Женьки. — Ты не путай мужиков с бабами. Это бабе надо трахнуть лучшего мужика. А мужику надо трахнуть всех баб, лучших и не лучших.

Женька дёрнулась, как от пощёчины.

— Так пиздуй, трахай! — крикнула она. — На свои кровные ты купишь всех шлюх Ковязина и половину прочих баб, которые остались!

— А я не хочу покупать, — спокойно ответил Моржов. — Смотрела кино «Парк юрского периода»?

В этом кино страшный динозаврище Ти-рекс не желал есть козу, привязанную к колышку. Он желал не кормиться, а охотиться. И Моржов тоже желал голливудства.

— Пошёл ты на хер со своим кино! — крикнула Женька.

«Вытри жопу Интернетом!» — вспомнил Моржов слова Щёкина.

— Женька, я не собирался тебя обижать, — осторожно сказал Моржов. — Чего ты на меня наехала?

Его совсем не устраивало потерять такую замечательную любовницу, как Женька. И за что? За внезапные деньги, которые, наоборот, должны были только скрепить их связь?..

— Да нужен ты мне!.. — заорала Женька. — Наезжать ещё на тебя, говна-то!.. Вали отсюда! И не подходи ко

мне ближе чем на километр! Я своим быкам скажу — они тебя твоей жене по частям в посылочках пришлют!

Моржов даже отстранился от Женьки.

— Считаешь, ты приняла правильное решение? — оторопел он.

— Правильнее не примешь! — отрезала Женька, вскочила и пошла прочь.

Лёжа на спине и глядя в небо, Розка размышляла вслух:

— Если мне брать стиральную машину в кредит на полгода, это будет пятнадцать процентов. Придётся почти ползарплаты каждый месяц отдавать. Нифига не потяну. Надо брать на год. Тогда будет десять процентов. Но целый год геморроя — у-у-у...

Опираясь на локоть, Моржов на боку лежал рядом с Розкой и осторожно трогал пальцами Розкины губы.

— Чего ты меня как лошадь за рот хватаешь? — отплёвывалась Розка. — Говорить не даёшь, блин!

Топик она уже одёрнула, но брючки ещё не застегнула.

— Хочешь, куплю тебе стиральную машину? — спросил Моржов.

— Конечно, хочу, — тотчас согласилась Розка. — И ещё мне надо печку микроволновую.

— А я хочу знаешь что?.. — Моржов наклонился и прошептал Розке на ушко.

Розка поджала губы и скосила на него глаза.

— Во-первых, не здесь, не в Троельге, — сурово сказала она. — А во-вторых, ты ещё прежние обещания не выполнил.

— Я же тебе объяснил: у меня в рюкзак влезает только четыре спальных мешка, — терпеливо ответил Моржов. — Я ведь на велике езжу, мне руки нужны свободные. Как снова поеду в Ковязин, так и куплю тебе ещё два спальника. Не вру. Я подл только в великом.

— А сертификаты? — ревниво спросила Розка.

— Добуду, добуду, — пробурчал Моржов.

— Смотри у меня, Моржище! Не добудешь сертификатов — я тебя в тюрьгу упеку за изнасилование. Потому что я тебе только за сертификаты отдалась. Как ты сам говоришь, чисто по работе.

— Это было не изнасилование, а мелкое жульничество.

— Мелкое жульничество у тебя в штанах.

— А по попе а-та-та? — строго спросил Моржов.

Они лежали посреди соснового бора на расстеленном в папоротниках спальном мешке. Сосновая грива тянулась по склону горы вдоль железной дороги, разделяя железку и асфальтовое шоссе. Пока они занимались любовью, по шоссе не проехало ни одной машины, зато по рельсам то и дело длинно грохотали поезда. Их гул создавал ощущение оторванности, уединения от мира, словно бы каждый состав увозил Моржова и Розку ещё чуть подальше от Троельги. В слепящем сиянии неба кроны сосен двоились и расслаивались. За стволами белела мраморная, античная нагота облаков.

— Я тебе, Моржик, поверила, — ласково и серьёзно сказала Розка, глядя на Моржова снизу вверх, и погладила его ладошкой по скуле. — Не добудешь сертификаты — меня вышибут с работы...

— Мы же с тобой американцев пасём... Зачем нам сертификаты?

— Сначала девок вышибут, а потом девки и нас с тобой заложат. Думаешь, Опёнкина будет врать, что мы тут с американцами были?

— Не будет, — согласился Моржов.

— Эта корова и не сумеет, даже если ей денег заплатить. Заревёт и расколется. Из-за таких, как она, начальство нас и дрючит. Развалят всю работу, всех распустят, а потом ты за них всё и делаешь.

— Много ты за Соню делала... — осторожно усомнился Моржов.

— Конкретно за Опёнкину ничего не делала, — согласилась Розка. — Но за таких, как она, — до хрена вкалывала. Например, Шкиляиха прикажет, чтоб на праздник какой педагоги сто детей привели, а такие вот Опёнкины приведут по два-три человека. Остальных хоть сама рожай. Иначе выговор. И рожала, никуда не денешься.

— Рожала, грудью кормила... — Моржов полез ладонью Розке под топик.

— Я думала, ты Опёнкину прикрываешь, потому что она твоя любовница, — призналась Розка.

— Теперь убедилась, что Соня — со Щёкиным? — усмехнулся Моржов. — А я её прикрывал и буду прикрывать. Потому что здесь, в Троельге, мы все в одной лодке. Я, ты, Сонька, Щёкин, Костёрыч и даже Милена.

— В лодке-то в одной, — вздохнула Розка, — только Чунжина в спасжилете.

— А это не важно. Я задницу порву, но лодка не затонет.

— Если Чунжина захочет, то лодка затонет вместе с твоей рваной задницей. Чунжиной-то от этого только лучше.

— Я с Миленой воспитательные беседы буду проводить, — предупредил Моржов. — Она должна всё понять, раскаяться и лодку не топить.

Розка совсем повернулась на Моржова и взяла его за ухо.

— Ты смотри у меня, моржatina, — с угрозой произнесла она. — Я не к Опёнкиной, так к Чунжиной тебя ревновать буду. Добеседуешься у меня. Пристанешь к Чунжиной — убью.

Моржов заухмылялся. Розка его ничуть не испугала. Да он и не верил, что Розка сможет поймать его с личным так, чтобы он не отвертелся.

— Между прочим, морда моржовая, тебе с Чунжиной говорить не о чем, — заявила Розка.

— Это почему же? — удивился Моржов. — Я готов к тысяче тем.

— Не о чем, потому что в доносе мы не написали, что у нас детей нет. Начальство об этом не знает. А если ты сертификаты принесёшь, то никогда и не узнает вовсе.

— Ну вы даёте! — поразился Моржов. — Это же главная вина Шкиляхи — что не дала времени собрать детей. И вы про это не пожаловались? На что тогда вообще вы ябедничали? На комаров?

— Ябедничали, что всё было второпях, без подготовки. Что нас почти силком сюда послали. Что замков не дали. Что аптечки даже нет и всяких там справок для энцефалита с детей не потребовали. Что материальная ответственность на мне, а надбавку за неё получит Каравайский. Что нам оплачивают лишь восемь часов работы, будто мы из дома в МУДО ходим, а мы здесь круглые сутки. Что выходных нет. И вообще!

— Всё это — ерунда, — решительно возразил Моржов. — Главное — что у нас дети не приехали, а прочее — чешуя.

— Тебе ерунда, а мне не ерунда! Я — мать-одиночка! И Чунжина тоже! У меня дома ребёнок остался у бабки семидесятилетней! Меня бы заранее предупредили про лагерь, так я бы ребёнка родителям в деревню отвезла!

— Да-а... — Моржов откинулся на спину. — Гора родила мышь. Струхнули, значит, вы, девки, жаловаться по делу, да?

— А чо, я бы пожаловалась, — непокорно фыркнула Розка. — Это сама Чунжина предложила не писать, что детей нет.

— Почему?

— Потому что она хитрожопая. Я тебе говорила! Чунжина такой донос написала, что по нему можно и вы-

гнать Шкиляиху, если начальство захочет, а можно и вообще как бы ничего не заметить.

Моржов вспомнил свой разговор с Манжетовым и от досады едва не зашипел сквозь зубы.

— Правильно я считаю, что всё надо держать в своих руках! — убеждённо сказал он. — Никто ничего толком сделать не может! Донос написать — и то не могут! Боятся! Сталина на вас не хватает!

— А ты как думал? — согласилась Розка. — С бабами же связался. Мы орём «не надо!», а сами даём. Или даём, а самим неохота.

— И это тоже по-вашему правильно, да? — саркастически спросил Моржов.

— Тоже правильно. Нужно всегда всё так поставить, чтобы как ни выйдет — всё как надо получилось.

— Вам по любой дороге по пути, лишь бы другой вёз, — задумчиво хмыкнул Моржов.

Он понял, что ПМ настигло его и здесь. Впрочем, чему удивляться? Пиксельное Мышление сильно было женщинами, как некогда церковный раскол «бабами держался». Это ведь женщины в основном голосуют и покупают, и рожают тоже в основном женщины.

— Бли-ин!.. — вдруг зашипела Розка, подскакивая, и прикрыла глаза от солнца ладонью. — Ведь это же Сергачёв едет, да?!

Моржов тоже сел, взглядываясь в дорогу.

За соснами и кустами по шоссе катила белая «Волга» с чёрными окнами.

— Он, — согласился Моржов. — Вставай, пойдём в лагерь.

— Нафиг, нафиг! — заупрямилась Розка. — Не хочу я с Сергачёвым встречаться!

Но Моржов уже поднялся на ноги и заправлял майку в джинсы.

— Пойдём, — велел он. — Иначе Сергач тебя в Троельге ждать приземлится. Всех там будет напрягать. Ты что, боишься Сергача?

— Боюсь, — кивнула Розка. — Я же его кинула. Что я ему скажу?

— Ну... — стоя одной босой ногой на спальнике, Моржов другой ногой нашаривал в папоротниках кроссовку, — популярно объяснишь ему разницу между мачо и чмо...

Розка вздохнула и неохотно поднялась, застёгивая брюки.

Они привели себя в порядок, свернули спальный мешок, засунули его в рюкзак и вышли на шоссе. Моржов поправил на плече лямку рюкзака, закурил и положил руку Розке на талию. Розка надела чёрные очки — словно отгородилась ими от мира.

— И не жалко мне его ни шиша, — зло сказала Розка, продолжая думать о Сергаче. — Но вот если и ты, Морж, таким же окажешься, я уж и не знаю, что со мной будет...

Моржов промолчал.

...Похоже, Сергач успел выяснить в Троельге, что Розка куда-то удалилась вместе с Моржовым. Сергач развернул машину, доехал до ворот лагеря и остановился. Когда Розка и Моржов подошли к воротам, то увидели, что Сергач сидит в траве, привалившись спиной к ржавому столбу. Перед ним на газете стояла початая бутылка водки и стаканчик. Это означало, что Сергач с горя забухал. Сергач опять был в полной ментовской форме. Кепку он сдвинул на затылок и смотрел в небо, демонстративно не замечая Розку и Моржова. В небе остро не хватало журавлиного клина, с курлыканьем улетающего на юг. Вид у Сергача был как у солдата, вернувшегося с фронта, а злые люди сожгли его родимый дом.

Розка молча прошла мимо Сергача и даже не поздоровалась. Это тоже было в формате ПМ — не говорить ничего, потому что молчание — очень выразительный

пиксель, который можно истолковать как угодно. А Моржов скинул рюкзак и по-турецки уселся напротив Сергача.

Некоторое время Сергач сохранял прежнюю скорбную позу, а потом заелозил задом и с горечью спросил:

— Что, Борян, отбил у меня бабу?

Моржов опять закурил.

— Она сама дала, — сказал он. — Ты же знаешь, чего бабам надо. Не мне тебя учить. А ты её уже сколько времени не пёр, а? Вот она и дала мне.

— Дак ты бы не брал...

— Чо я, пацан, что ли? — пожал плечами Моржов. — А ты на моём месте отказался бы, а? Тоже нет.

Сергач печально кивнул.

— Так что ты поймёшь меня — как мужик мужика, — сурово и уверенно добавил Моржов.

Логика была такая: если Сергач не согласится с потерей — значит, он пацан, сопляк. И от этого пиксельного разговора Моржов вдруг начал испытывать огромное удовольствие. Оказывается, ПМ — отличный утешитель. ПМ — мышление ложного удовлетворения, потому что картинку какого-либо явления жизни оно обстригает по краям так, что в сетке ПМ картинка отлично укладывается в ячейку с надписью «счастье».

— Эх, бля... — просопел Сергач.

— Ты сам прокололся, — пояснил Моржов. — Хрена ли ты при Розке собирался с Лёнчиком в сауну поехать? Розка сразу просекла, что к девкам.

Сергач обеспокоено уставился на Моржова.

— Ни хера не помню... — сознался он. — Что, правда, что ли?

— Спроси у Каликина. Вы орал на весь лагерь.

— А Розка догадалась, что эти девки — мои?

— Не-а, — Моржов покачал головой, — про это не догадалась. Подумала, что вы просто снимете шлюх, и всё.

— Ладно хоть так... — Сергач закричал, а потом, поразмыслив, хихикнул: — Мудно вышло, а?

— Муднее не намудишь.

Сергач взял свой стаканчик и раздёрнул его на два.

— Бухнёшь со мной? — спросил он.

— Мне ещё с детьми возиться.

— Да хер с ними.

— Не, Валерьян, не могу. Вон тебе компания идёт...

Сергач оглянулся. По дороге к ним шли друиды. Шли они как-то робко, как холопы к барину, и разве что шапки в ладонях не мяли. Видимо, друиды заметили, что в лагерь проехала «Волга» Сергача, и сразу помчались выяснять судьбу своего мотоцикла.

Друиды несмело остановились поодаль и выдержали паузу, словно хотели убедиться, что господа не собираются продолжать разговор, которому они могут помешать.

— Слышь, командир, а с мотоциклом-то нашим как? — осторожно спросил Чазов.

— Каким мотоциклом? — раздражённо удивился Сергач.

— Ну, тебя же тогда отсюда на мотоцикле нашем увезли...

— У вашей «Волги» аккумулятор сел, — подсказал Бяков.

— Ни хера не понимаю! — обозлился Сергач.

— Ну, друган твой, парень-то, он тебя отсюда увёз на нашем мотоцикле... У вас на машине аккумулятор сдох... Друган твой обещал, что на следующий день пригонит нам мотоцикл... А сам приехал на чьей-то тачке, «Волгу» на тресе уташил, а мотоцикл наш не привёз...

— Бля, мужики!.. — рассердился Сергач. — Вы не видите, я тут по делу разговариваю? Какой на хуй мотоцикл? Лёнька брал — у него и спрашивайте! Я тут при чём?

— Дак тебя же везли... — совсем сникли друиды.

Сергач замахал руками, не находя слов.

— Мужики... Валите давайте отсюда, — наконец сообразил он. — Что за поебень? Идите давайте, не ебите мозги.

Сергач в сердцах налил себе водки и выпил. Друиды постояли-постояли и вдруг стали как-то просвечивать, сделались почти прозрачными и тихо исчезли, словно растворились в воздухе.

Сергач выдернул пучок травы и сунул в нос, занюхивая водку.

— И чего из-за шлюх такую байдю разводить?.. — просипел он, продолжая тему Розки. — Чо Розка как девочка...

— А какой бабе понравится, что её мужик шлюх снимает? — философски заметил Моржов.

— Да-а, обосрался я... — Сергач закурил и глубоко задумался. — Борян... — вдруг медленно сказал он, — а что же это выходит... Я — шлюх снял... А она — с тобой сбляднула... Вроде как — квиты. Может, всё устаканится?

Такое развитие сюжета Моржова ничуть не устраивало.

— Не устаканится, — жёстко сказал Моржов. — Я, Валерьян, с Розки не слезу. Без пизды говорю.

— Борян, это как-то по-сучьи...

— А чего ты хочешь? — Моржов выразительно посмотрел на Сергача. — Проебал — значит проебал. Веди себя как мужик.

— Я вроде как привык к Розке-то... — пробормотал Сергач, пряча глаза. — За шлюх я отмажусь... Лишь бы ты не лез больше...

— Мне-то Розка в самый кайф. Даёт умеючи, и всегда рядом — на работе. — Моржов всаживал в Сергача пиксели, как пули в лоб. — Я-то жениться на ней не собираюсь, мне и заебись. Это ты лох — придумал жениться. Бабе под тридцачик, и с ребёнком ещё.

— Дак это... Ну, любовь... — бубнил Сергач.

— Другую любовь найдёшь. Девочек молодых для конторы своей находишь, а для себя не сможешь, что ли?

— Ну... — неуверенно мялся Сергач.

— Ну и не грузись, — отрезал Моржов. — Расклад менять не будем.

Очень не хотелось нагибаться, но Моржову не оставалось иного выхода. У него закончились любовницы по школам. Не так уж и широко, оказывается, оплёл он департамент образования своими сетями разврата. Больше чичить сертификаты ему было не у кого. Видимо, всё-таки придётся идти к Стелле Рашевской и соглашаться на интим вприсядку. Моржову было так противно, что он даже не позвонил Стелле, хотя связь в городе Ковязине, в отличие от Троельги, работала исправно. Моржов явился в гимназию Стеллы собственной персоной и без предупреждения.

Он прошагал по пустым коридорам и завернул в учительскую. Здесь за просторным столом спиной к нему сидела только одна учителька. По распущенным волосам, роскошным, как у Дианки, бывшей жены, Моржов сразу понял, что это не Стелла.

— А не подскажите... — начал было Моржов и осёкся. Учителка оглянулась. Это и была Дианка.

— Ты?.. — удивился Моржов.

Диана ничего не сказала. Моржов прошёл вперёд и неуверенно присел на стул рядом с Дианой.

— Что ты здесь делаешь?

Во времена их супружества Дианка работала музруководительницей в детском садике.

— Я теперь здесь завуч, — тихо ответила Диана.

Она нисколько не удивилась Моржову, будто ждала его.

— Какой завуч? — глупо спросил Моржов, лишь бы не молчать.

— По внеклассной работе.

Диана смотрела на Моржова так отрешённо и устало, словно они и не расстались больше года назад. Диана ничуть не изменилась, а может, даже похорошела. Стала как-то круглее без полноты, точно её изнутри надула неизрасходованная женственность. Только вот лица такого Моржов у Дианки никогда не видел. Лицо было — как остановившиеся часы, и глаза — как у ошеломлённого, не пришедшего в себя человека. Дианка была по-прежнему очень красивой, но теперь уже совершенно нечувственной, как римская копия с греческого подлинника.

Усилием воли Моржов прогнал по своему хребту волну холода.

— Если ты завуч по внеклассной работе, значит в твоём ведении сертификаты на школьников, да? — сухо спросил он.

Диана без слов кивнула.

— Я сейчас в загородном лагере работаю, у нас детей не хватает. Нужно сертификатов штук тридцать. Сможешь дать мне их? Я верну сразу, как закончится смена.

Диана перевела взгляд на свои руки, лежащие на столе, на каких-то бумагах. Сама Диана выглядела очень аристократично, а вот руки были великоваты, грубоваты. Но Моржову, наоборот, нравились грубоватые преувеличения — нравились большие руки Дианы, большие груди, большой зад... Ничего не поделаешь, вкус предметий. Однако сейчас Моржов Диану не хотел. Просто не хотел. Если придётся платить за сертификаты постелью, он заплатит (виагра с собой), но даже Стелла Моржову казалась более предпочтительней.

— Дам, — без эмоций согласилась Диана. — Только сертификаты у меня дома. Я их там заполняю, а потом сюда приношу.

— Во всех школах они в сейфах лежат, а в гимназии — у завуча в спальне под диваном? — саркастически спросил Моржов.

— Не всё ли равно? Кому они нужны до осени?

— И когда мне зайти к тебе? — спросил Моржов.

— Можно и сейчас сходить. Делать здесь мне и так нечего.

Моржов не очень понял расклад намерений. Диана хотела заняться сексом прямо сейчас?.. Диана, пуританка?..

— А твои родители?

— На работе.

Моржов побарабанил пальцами по столу.

— Мы трахнемся? — напрямик спросил он.

Диана опустила голову, словно это не она его, а он её принуждал отдаться.

— Как скажешь... — едва слышно ответила она.

Диана абсолютно не походила на себя такую, какой привык видеть её Моржов. Моржов не понимал, что случилось, как всё расценивать, к чему готовиться. Не понимал, а потому и злился.

— Пойдём, — решительно сказал он, вставая.

Гимназия находилась совсем недалеко от Дианкиного дома — если идти дворами. Диана и повела Моржова дворами. Моржов опять удивлялся: он не мог представить Диану в таких декорациях. Диана всегда выбирала торжественные и богатые пути — улицы с витринами, бульвары, проспекты, аллеи... Поэтому она всегда напоминала Моржову изящную и манерную королевскую карету пышной эпохи рококо.

А сердцевая часть города Ковязина была не в стиле рококо, а в стиле сталинского ампира. Добротные домины по-хозяйски определялись в пространстве своими прочными, рустованными углами. Они не лезли ввысь, где их пафос никто не разглядит. Увешанные декором, с годами они барски обрюзгли. Но, перемещаясь дворами, Моржов и Дианка наблюдали только изнанку этого барства: высокие старые тополя; самодельные деревенские скамейки у подъездов; вздутые тротуары; газоны,

огороженные вкопанными и покрашенными автопокрышками; навеки разрытые траншеи, где чернели трубы, словно эксгумированные покойники; нагромождения ржавых гаражей и дощатых сарайчиков; заросли нестриженных акаций; переполненные мусорные баки, по которым шныряли огромные, голенастые, сюрреалистически ловкие помойные псы.

Некогда Пролёт, Пролетарский район города Ковязина, застраивался вовсе не для пролетариата, а для новой номенклатуры. Но номенклатура недалеко ушла от своего первоисточника. И роскошью она по-прежнему де-факто считала вовсе не трёхметровые потолки квартир, не паркет и не гипсовые барельефы на фронтонах, а запас мануфактуры в крепко-накрепко запертом амбаре, глубокий погреб, полный солений-варений, и хлев, чтобы вмещал не меньше десятка свиноматок.

И получился амфир-сортир — бастардовая, то есть, если по-русски, выблядочная помпезность. Пролёт был переходным этапом от дворцов к хрущобам. Точнее, остановкой на этом пути. Традиционалист и прагматик Черчилль говаривал, дымя сигарой, что нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. А город Ковязин сумел сделать это играючи: одним прыжком перелетел с Крестопоклонной площади в Пролёт, перекурил здесь беломориной и вторым прыжком унёсся в хрущобы.

Хотя, может, всё было и не совсем так. Уже девяносто лет город Ковязин делили меж собой две враждующие криминальные группировки. Одна — ОПГ имени Проклятия Купца Забиякина, которая любое дело превращала в блядство. Другая — ОПГ под руководством Призрака Великой Цели, которая блядство считала вполне пригодным материалом для строительства рая. И здесь, на Пролёте, Забиякин и Призрак устроили сходняк.

Его результатом оказалась не перестрелка, а Кризис Вербальности. Забиякин и Призрак сумели ужиться друг

с другом, но договориться не смогли. Не нашлось слов. Когда номенклатура и быдло, палачи и жертвы, герои и предатели, поясняя свои деяния, произносят одни и те же слова, смысл вытекает из слов, как сырое яйцо из пробитой скорлупы. Попытка создать невербальное общество, где ценности транслируются через своё происхождение, через некую социальную генетику, провалилась. Генетика не удовлетворяла требованиям Призрака. Но и попытка завербализировать всё подряд тоже была растоптана Забиякиным. В городе Ковязине, закодированном боярином Ковязей, наслоилось слишком много различных плацдармов, чтобы для всех них можно было отыскать что-то усреднённо-приятное — разумеется, кроме блядства. Так и получилось ДП(ПНН).

И Моржову тоже нечего было сказать Дианке, поэтому всю дорогу они шли молча.

Они подошли к Дианкиному дому, вошли в подъезд, поднялись на второй этаж — а Моржов ничего не почувствовал. Ни ностальгии, ни сожаления, ни удовлетворения от того, что он вырвался из этой тюрьмы.

В прихожей к Моржову и Дианке кинулся косматый белый кот, напоминающий грязную хризантему. Раньше никакой живности в доме Дианки не водилось. Моржов нагнулся и поднял кота под мышки, посмотрел ему в морду. Кот ответил влюблённым взглядом и, продолжая висеть, затарахтел как трактор.

— Уважаю зверей, — сказал Моржов, опуская кота. — Как его по имени-отчеству?..

Дианка задумалась, словно не ожидала такого вопроса.

— Никак, — удивлённо ответила она.

— Как же ты его подзываешь? — в ответ удивился Моржов.

Дианка пожала плечами.

— Кис-кис, — сказала она. — Пойдём в комнату..

В комнате у Дианки не изменилось почти ничего. Всё здесь будто остекленело. Даже картинка, криво висящая на стене, покосилась, кажется, ещё при Моржове. Впрочем, нет. За шкафом на полу стоял ящичек с песком — отхожее место кота, а за диваном — два блюдечка. И пахло в комнате кошкой, а не сладкой парфюмерией, табаком и масляными красками — как было при Моржове. Моржов вдруг вспомнил, что Дианкина мама терпеть не могла собак и кошек. Это называлось «аллергия на шерсть». Видимо, когда мама была дома, кот сидел запертый в Дианкиной комнате. Здесь же ему приходилось и есть, и пить, и спать, и опорожняться... Короче, жить всю жизнь. Моржов вспомнил свою жизнь — и ему стало страшно жаль бессловесную, глупую животинку, обречённую без имени существовать в этих четырёх стенах. За что Дианка так покарала кота?

На столе у Дианки стопами лежали сертификаты. Рядом — груда классных журналов, из которых Дианка переписывала в сертификаты данные о школьниках.

— Слева уже подписанные, — сказала Дианка. — Бери их.

Моржов вытащил из кармана полиэтиленовый пакет, расправил его и отсчитал тридцать сертификатов.

— Ты не будешь записывать, какие я взял? — спросил он.

— Нет.

— Я не забуду, я правда отдам, — на всякий случай ещё раз уверил Дианку Моржов.

— Хорошо.

Моржов увидел, что на подоконнике лежит смятый алюминиевый тубик масляной краски. Конечно, тубик остался от моржовских времён. Почему Дианка не выбросила его?..

— Как ты поживаешь? — наконец спросил у Дианки Моржов.

Дианка рассеянно посмотрела куда-то в сторону.

— Никак, — сказала она.

Тюбик лежал на подоконнике, картинка висела косо... Эти сертификаты Дианка унесла домой только потому, что дома ей нечего было делать, а в гимназии можно хотя бы поболтать. Кот тёрся о ноги Моржова... Это был не кот. Это была бессловесная Дианкина тоска.

Моржов обнял Дианку, поцеловал, усадил на диван, на котором столько раз имел её, обнажённую, и присел рядом.

— Неужели всё так плохо? — спросил он.

— Да нормально... — заморожено ответила Дианка.

Кот запрыгнул на трюмо, лапой скатил на пол цилиндрик губной помады, в восторге слетел вслед за ним и погнал помаду по комнате. Дианка этого вроде бы и не заметила.

— Прости, моя хорошая... — погладив Диану по голове, сказал Моржов. — У нас не получилось... Никто не виноват.

— Если хочешь, мы можем снять квартиру... — с трудом сказала Дианка. — Там — без мамы, без папы...

— Ты меня так любишь? — недоверчиво спросил Моржов.

Диана, не глядя на него, едва заметно кивнула.

Моржов подумал, что в своей полной женщин жизни он гораздо чаще сам говорил «люблю», чем слышал это по отношению к себе. И — надо же... Диана... Ему всегда казалось, что она не очень-то и отражает, что рядом есть мужчина. Он думал, что для Дианки он — необходимые хлопоты, неизбежный груз, аксессуар. Диана и пластины-то его посмотрела-то не все. Она никогда не просила, как Розка, чтобы Моржов нарисовал её портрет. Когда с неё, голой, он писал свой цикл «Изгибы», она лишь пережидала это, как врачебную процедуру, при которой приходится раздеваться. Никогда она не была

особенно сердечной, и вообще — объективно — по уму сохранилась на уровне восьмиклассницы. А вот на тебе — любит. И не просто любит, а живёт им. Он ушёл — и жизнь ушла. Он явился за своей нуждой — и она безропотно всё ему дала: не торгуясь, без условий, даром... И Моржову вдруг стало страшно за себя. Он всё равно не хотел быть с Дианой. Лучше пожалеть — и уйти, чем остаться — и пожалеть.

И ещё он не хотел Дианку как женщину. Не вожде-лел. И сама она в его глазах уже не превращалась в мерцоида, в Мерциану... Может, в этом отсутствии сексуальности и крылась главная тайна Дианки? Да, Дианка была и глуповата, и простовата. Но, в отличие от почти всех прочих баб Моржова, её как-то стороной обошло Пиксельное Мышление. Она думала совершенно человеческим образом — как могла, конечно. Может, и ПМ не трахнуло её потому же, почему и Моржов не желал сейчас секса с Дианой?..

— Прости, — сказал Моржов, легонько навалил её на спинку дивана, полез рукой под подол её платья и осторожно засунул пальцы под резинку её трусиков. Диана терпела. — Прости, — повторил Моржов, вытаскивая руку. — Но ведь я тебе не нужен...

— Нужен, — тихо возразила Диана. — Это... это не там определяется...

Моржов и сам знал, что не там.

— Понимаешь, — честно сказал Моржов, — в лагере у меня сразу три любовницы... Эти сертификаты — для них. Без сертификатов тех девок выгонят с работы. А они совсем не приспособлены к жизни. У них без этой работы вся судьба поломаётся.

— Три — больше, чем одна, — едва слышно согласилась Дианка.

— Не в том дело... Я хотел просто потрахаться вволюшку, вот и заварил эту кашу. Но заглубился больше,

чем обычно. И теперь я чувствую за них ответственность. Я не могу их бросить.

— А за меня ты ответственности не чувствуешь?

Моржов с жалостью посмотрел на Дианку. Ему было больно за неё, но... Нет, он не чувствовал своей ответственности за неё. Пока они жили вместе, он ухаживал за Дианкой, сопереживал ей, волновался, если она где-нибудь задерживалась, а однажды, когда она до ночи просидела на дне рожденья подружки, вломился к подружке в квартиру и дал в лоб какому-то хмырю, который обнимал Дианку. Но так было положено, это не ответственность... Дианка была ему... как чемодан. Ценная и полезная вещь. Если с ней что-то случится (например — украли), то злишься, что украли, а вовсе не страдаешь от того, что чемодану с новым хозяином стало плохо. Моржов подумал, что после Троельги он мог бы ощутить свою ответственность и перед Дианкой, если бы встретил её сейчас... Но с дороги жизни отворот на Дианку он пробежал уже три года назад.

— Я пойду, — вставая, тяжело сказал Моржов. — Жаль, что у нас так вышло... Закрой за мной.

Он прошёл в прихожую, обулся и привычно отпер дверь. Руки не забыли навыков обращения с Дианкиными замками.

Диана стояла сзади, подойдя неслышно, как привидение.

— Я ещё подожду, ладно? — попросила она.

Драка вспыхнула перед самым выходом в путешествие. Моржов увидел эту вспышку в окно из холла жилого корпуса.

Наташа Ландышева обнаружила, что лямки её рюкзака натянута неровно. Она сбросила рюкзак с плеч в траву прямо у крыльца. Серёжа Васенин присел на корточки, чтобы подтянуть лямки, а Наташа нагнулась, указы-

вая ему, до какого предела нужно подтягивать. В это время с крыльца спускался Ничков.

— Закон гор! — заорал он, увидев склонившуюся Наташу, и сразу пнул её под зад.

Наташа, получив ускорение, прыгнула через рюкзак, как коза. Ничков же не успел даже сойти со ступенек. Серёжа Васенин распрямился и ударил его в челюсть. Удар словно бы распахнул и заклинил ничковскую пасть.

— А-а!.. — заорал Ничков. — Паца, Пектусин борзет!..

Когда Моржов ссыпался с крыльца, Ничков и Гонцов уже метелили Серёжу. Серёжа не сдавался, отбивался сразу от двоих и даже кидался в злобные контратаки. Сзади на него набежал Чечкин и попытался провести нечто вроде удара ногой, как в карате, но поскользнулся на одуванчиках и упал, закинув ногу себе за ухо. От умывалки к драке рвался Гершензон, волочивший какую-то длинную, ржавую трубу. Одного маха этой трубы хватило бы, чтобы отправить к праотцам всех дерущихся и Моржова в придачу.

— Паца, вали Пектузина!.. — орал Гершензон, не замечая, что за трубу уже ухватился Щёкин.

— Сука!.. — рыдал Ничков и молотил кулаками мимо Серёжи.

— Я ему щас почки спущу!.. — визжал Гонцов, подныривая под кулаки Ничкова.

Серёжа Васенин неумело, но ожесточённо бил Ничкова откуда-то снизу, а Гонцова — сбоку.

Моржов вломился в схватку, как ледокол.

— Пустите!.. — захрипел Серёжа, сквозь Моржова пробиваясь к врагу. Юркий Чечкин вертелся сразу со всех сторон. Вдали Гершензон рвал свою трубу из рук Щёкина.

— Вы чо, Дрисаныч, за этого дрища, что ли?.. — орал он Щёкину.

Моржов отодвинул Серёжу пятернёй в грудь, потом исхитрился и одной рукой сгрёб шивороты сразу Гонцова и Чечкина, которые задёргались в его кулаке, как щенки на поводках, а Ничкова коленом в живот прижал к перилам крылечка.

— Отставить! — рявкнул он. — Что за хрень?!

— Он сам начал!.. — задыхался Ничков.

— Это ты первый Наташу пнул! — крикнул Серёжа.

— Пектусин заебал уже!.. — вопил Гонцов.

— Пектусин давно нарывался! — вопил Чечкин.

— Он баба! — издали вопил Гершензон.

— Я?! Первый?! — изумился Ничков. — Она сама нагнулась!.. Положено пинать!.. Закон гор!.. Не нагибайся!..

— Они вообще надоели на Наташу наезжать! — крикнул Серёжа.

— Она крыса! Пектусин девку защищает! Баба! — вопили упыри.

— У паршивой овцы и шерсть паршивая! — издали немного не в тему вопил Гершензон, которого держал Щёкин.

— Ладно, понятно. — Моржов решил не устраивать разборок. — Всё! — он встряхнул Гонцова и Чечкина. — Теперь надевайте рюкзаки и марш!

Он опустил колено, прижимавшее Ничкова.

— Я Пектусина всё равно со скалы скину!.. — пообещал Ничков.

Взъерошенные, ругающиеся упыри разобрали свои рюкзаки, стоявшие у крыльца. Не спрашивая разрешения, они пошагали к выходу из лагеря. Они не оглядывались ни на Моржова со Щёкиным, ни на Серёжу с Наташей, словно бы, оскорблённые, решили уйти отсюда навсегда. Отпущенный Щёкиным Гершензон подбежал к своему рюкзаку и, торопливо вдев плечами в лямки, с угрозой сказал Моржову:

— Мы Пектусина всё равно убуём! Можете следить за ним сколько хотите, — у восьми нянек дитё слепое!

Поправив рюкзак, Гершензон кинулся догонять упырей.

Серёжа, Наташа, Моржов, Щёкин и Милена с Костёрычем вышли в путь немного попозже.

Поход придумал Щёкин, а цель его указал Костёрыч. Целью была Колымагинская скала — единственная скала в холмистых окрестностях Ковязина. От Троельги до неё надо было топать двенадцать километров, поэтому Щёкин решил выйти в путь днём, вечером с упырями ползать по круче, заночевать у костра, а вернуться утром.

Моржову идея понравилась. Всё равно Розка намеревалась на ночь уехать домой к дочке. Главной своей соперницей Розка считала Сонечку, а потому соблазнила её поехать вместе с собой. В Милене же Розка опасности не видела, хотя и попрекала Моржова вниманием к Милене. Розка считала, что такая меркантильная девка, как Чунжина, не станет рисковать богатым Манжетовым ради секса с бедняком Моржовым, а потому, сколько бы Моржов ни прыгал, всё бесполезно. Моржов считал иначе, но своё мнение, разумеется, оставил при себе. Перед отъездом на всякий случай Розка ухватила Моржова за нос и несколько раз сильно дёрнула.

— Дадно-дадно, — сказал Моржов, одной рукой подхватывая очки, а другой рукой отцепляя пальцы Розки. — Я всё понял и перепугался. Уматывай давай скорее, а то в лес тебя потащу.

Розка умотала. Моржов тотчас начал соблазнять Милену пойти в поход. Он сулил прекрасные пейзажи, свежий воздух (будто бы его в Троельге не хватало) и вообще всё. Милена колебалась.

Моржов, конечно, расценил ситуацию в свою пользу. Все сигналы он послал, отношение объяснил, а на-

мерения его и так понятны. Милена же не девочка — сообразит. Сам факт того, что Манжетов позвал Моржова на собеседование, а не растёр подошвой по асфальту, свидетельствовал о том, что Моржов с Манжетовым равновелики друг другу. Выходит, Милена выберет того, в чьих глазах её персона окажется значительнее.

По мнению Моржова, собеседование вскрыло Манжетова, как консервную банку. И Милена должна была увидеть, что для Манжетова она — приятная женщина и лёгкий доступ к ресурсу Антикриза. А вот для Моржова она вроде как стала вызовом манжетовской системе и надеждой на справедливость. Это — и более благородно, и более значимо. Потому Моржов не сомневался, что Милена пойдёт с ним в поход.

— Хочешь, понесу твои вещи в своём рюкзаке? — спросил он.

Тем самым вопрос «идти или не идти?» мягко замещался вопросом «идти, но нести груз самой или отдать его Моржову?». Отдать — следовательно, признать некую близость, уже выходящую за пределы дружбы. Моржов ещё по Стелле понял, что женщин ловят на комфорт. Женщины очень земные, поэтому им и нравится, когда их превозносят до небес. Но всяким там небесам с их сквозняками женщина всегда предпочтёт уют, а вероятно — безусловное. Вероятный риск выхода за пределы дружбы вполне компенсировался безусловным комфортом ходьбы налегке.

— Ну хорошо... — согласилась Милена. — Я сложу вещи в пакет.

Вскоре она принесла Моржову два туго набитых пакета, и Моржов засунул их в свой рюкзак сверху. Всё равно Милене в пути десять раз потребуются куртка, брюки, другая обувь, мазь от комаров, крем от загара, освежающие салфетки, подстилка под попу сидеть на траве,

кружка пить воду, зеркальце, помада, массажная щётка, заколки для волос и ещё многое другое, без чего Милена погибнет раньше, чем упыри убьют Пектусина.

Тропинка повела мимо подвесного мостика по краю луга, а потом, когда Колымагины горы придвинулись к реке, и совсем по крутому бережку. Послеполуденная жара лежала плотно, как намазанная. Узкая Талка текла словно масло и даже не булькала. Сосновая гора вздувалась мягкой и сытой утробой.

Упыри шли авангардом. Щёкин быстро догнал их, и тотчас там начался какой-то ожесточённый и крикливый спор. Дальше, выдержав неприязненную паузу, шагали Серёжа и Наташа. Битва так подняла мужскую самооценку Серёжи, что он забрал у Наташи её рюкзак и нёс его на груди. Костёрыч шёл вслед за Серёжей и каждые три минуты предлагал ему нести Наташин рюкзак вдвоём. За Костёрычем двигалась Милена, которая в трудных местах — в высокой траве или на переправе через ручейки — почему-то бралась обеими руками за свою панаму. Моржов замыкал шествие: курил и любовался задом Милены, обтянутым тонкими шортами.

Чем горячее становилось на солнцепёке, тем ярче раскалялось воображение Моржова. Речка обтекала отмель с двух сторон — словно раздвигала ноги. Напряжённо деревенели вертикали сосен. Дальние горы вздымались как локти закинутых за голову рук горизонта. Небо слепило так, что в глазах плыли тёмные пятна.

На участке, где можно было идти рядом, Моржов поравнялся с Миленой. Милена покосилась на него и негромко призналась:

— Знаете, Боря, идите лучше впереди... У меня ощущение, что вы поджариваете меня взглядом... — И она взялась за поля панамы.

Услышав голоса, Костёрыч торопливо замедлился.

— Что, устали? — обеспокоенно спросил он, близоруко оглядываясь: — Давайте, Милена Дмитриевна, я ваш рюкзак понесу... Я же мужчина.

Сослепу он и не заметил, что Милена без рюкзака.

— Благодарю, — усмехнулась Милена.

В её усмешке было столько пиксельного сомнения в тождестве понятий «Костёрыч» и «мужчина», что Моржов почувствовал, будто ему отвесили пинок. «Закон гор», — подумал Моржов. Он молча шагнул вперёд, обгоняя Милену. Смотреть на её задницу больше не хотелось.

Вскоре Щёкин объявил привал — как раз подвернулась хорошая и чистая полянка под склоном. Жаль только, что не было выхода к реке: поляна заканчивалась невысоким — с полметра — обрывом. Щёкин уселся в траву в самом живописном месте, а упыри расположились вокруг Щёкина. Щёкин для всех достал из своего рюкзака пакет помятых бутербродов с сыром и колбасой. Эти бутерброды утром перед отъездом настрогали Розка и Сонечка.

— Иди, иди отсюда! — ревниво закричали упыри подошедшему Серёже. — Жри с Дерьмовочкой там, а с Дрисанычем наше место!

Серёжа молча взял бутерброды для себя и для Наташи и ушёл под вербу, где Наташа уже расстелила газету и выставила термос.

— И чай твой мы пить не будем! — крикнул Гершензон.

— А вам никто и не предлагал, — буркнул Серёжа.

Моржов пристроился чуть поодаль от Щёкина рядом с Миленой. Сидя на попе, Милена вытянула длинные гладкие ноги и, гимнастически нагибаясь, массировала икры. Чувствуя моржовский взгляд, она как-то загадочно, безадресно улыбалась. Костёрыч бегал по всей поляне и что-то раздавал — то печенины, то йогурты, то варёные яйца.

Блуда и МУДО

— Вы чего сегодня на Пектусина наехали? — чавкая, спросил Щёкин упырей. — Только не надо мне опять про бабу и крысу...

Моржов заметил, что с упырями Щёкин сразу упрощался — начинал чавкать и чесаться, лазал пальцами в еду, облизывал руки. Видимо, это была его методика демократизации.

— А чего он Дерьмовку выше нас ставит? — объяснил Гершензон.

— Вам Ландышева нравится? — спокойно спросил Щёкин.

— Она овца! Затычка! Дом-два! Гайка! Телепузик! — тотчас сказали упыри.

— Вообще скунс, — добавил Гершензон.

— Значит, не нравится, — подвёл итог Щёкин. — А ему нравится. И вас он не слушает, а делает так, как считает правильным. Значит, он правильный пацан. Самостоятельный. Настоящий.

— А мы чо, не настоящие? — оскорбились упыри.

— Конечно, нет, — подтвердил Щёкин. — Вот ты бы, Гонцов, стал драться один с четырьмя пацанами?

— Я чо, псих? Я бы в них бомбочку кинул и убежал.

— А ты, Ничков?

— Да я своих друганов позову! Фигли я один-то буду?

— А ты, Гершензон?

— Один в поле за двумя зайцами не гоняется!

— А я уже дрался! — закричал Чечкин. — Меня на Багдаде...

— погоди, — остановил его Щёкин. — Видите, по своей охоте никто из вас против четырёх драться не станет. А Серёжа дрался против вас. Потому что Ничков обидел его девочку.

— Ну и пусть! — заорали упыри. — Если бы не Брильч, мы бы Пектусина вообще урыли!

— Не в этом дело, — терпеливо пояснял Щёкин. — Дело в том, что он поступил как надо. Поэтому он настоящий. А вы — менты позорные, вчетвером против одного. Да ещё и с железной трубой.

— Мы не менты! — завопили упыри. — Вы чо гоните?!

— А только менты и падлы разные толпой на одного нападают. Ты, Чечкин, вообще сзади налетел, как шакал. Мне на вас смотреть противно было. И на скалу с вами идти совсем не хотелось.

— Дак не ходили бы, — сквозь зубы процедил Гершензон.

— А я, как Васенин, тоже хочу быть настоящим, — пояснил Щёкин. — Если я обещал вам — значит должен сделать. Настоящий пацан всегда делает как надо.

— Много вы делаете как надо... — проворчал Гершензон.

— Ну, сколько уж получается, — согласился Щёкин. — Но я всегда стараюсь. Вот вы меня сегодня достали, и я мог сказать вам: «Поход отменяется, свободны, пацаны, сами виноваты». Но тогда получилось бы, что я не сдержал своего слова. И я пошёл с вами. Хотя наказать вас за разбой было бы правильнее.

Моржов курил, наслаждаясь: Щёкин редко когда допускал посторонних к своим сеансам морали для упырей. Милена с недоверчивой улыбкой заинтересованно слушала Щёкина.

— В чём тогда разница между правильным и настоящим? — угрюмо спросил Гершензон.

— Правильному просто — он всегда всё делает по правилам. Но это и дурак может. А настоящие дураками не бывают. Настоящему всегда надо думать. И он может поступить даже неправильно, если другим от этого по-настоящему станет лучше.

— Например?.. — потребовали упыри.

— Хорошо, вот пример, — согласился Щёкин. — Ты дружил с девочкой, а её изнасиловали, — безмятежно рассказал он. — Ты нашёл того гада и убил его. Это неправильно. Но по-настоящему. Потому что этот гад больше никого не обидит, а другие гады побоятся, что их тоже убьют, если они так сделают.

Моржов поостерёгся бы давать упырям подобные уроки. Но упыри были уличные паца, они и без Щёкина всё знали, видали, чего и Щёкин не видал. Для их раздолбанного мировоззрения требовался пример, абсолютный в своей правоте и своём цинизме.

Уличные паца думали.

— Так тебя потом самого посадят... — сказали они.

— Посадят, — кивнул Щёкин. — Жизнь вообще несправедливая. Но настоящий — это тот, кто живёт правильно и в несправедливой жизни. Он знает, что его кинут, и всё равно делает. Вы сами, наверное, думаете: «Дурак Дрисаныч, на хрена он эту пургу нам гонит, всё равно мы Пектусина зачморим». А я знаю, что должен сказать вам это, потому что так будет правильно, вот и говорю. Хотя всё, что я говорю, вам пофиг.

— Не пофиг нам! — возмущённо загалдели упыри.

Щёкин скептически пожал плечами.

— Значит, Пектусин самый настоящий на свете, да? — с ожесточением спросил Гершензон.

— Ну, не самый... Хотя поступает как пацан.

— Где он как пацан поступал? — заорали упыри. — Только и делает, что за Дерьмовочкой бегаёт!..

— Бегать ему или не бегать — это его дело, а не ваше. Может, и не надо бегать. По-моему, зря он перед Наташей так расстилается. Но вот защищать её — надо. И он вас четверых не побоялся и защитил её. Настоящий пацан не боится делать правильно.

Щёкин замолчал и закурил. Упыри глядели в разные стороны.

— Смотрите, — прошептал Моржов Милене, — идеал продемонстрирован, носитель идеала малость приспущен, чтобы не побили, и всё без принуждения, без ушерба самолюбию...

— Весьма спорная мораль, — холодно ответила Милена.

— Это мораль этического выживания, а не совершенствования...

— Один раз не считается, — через силу сказал Гершензон. — Если один раз поступил как правильно, ещё не значит, что весь такой правильный. Я тоже дрался против троих, когда у меня у брата самокат отняли. Фигня. В карате научат — можно сразу со ста человеками драться. У нас в классе был псих, его доведут, так он и со старшаками дрался.

— Настоящий — это не который против всех дерётся. Настоящий понимает, как чего надо делать, и не боится это делать. Вы, понятно, не боитесь, но вот понимаете ли, как чего надо делать?

— Понимаем! — убеждённо загалдели упыри.

— А почему тогда не слушали, когда Константин Егорович про скалу рассказывал? Зачем мы туда идём? Просто полазать? Полазать и на помойке можно.

— Да чо там слушать-то! — крикнул Ничков. — Скала — и скала!..

— Тебе и ничо... Ты знаешь, как у тебя маму зовут, сколько ей лет, где она родилась? Знаешь?

— Знаю!

— А зачем? Она тебя без этого, что ли, кормить не будет, да? Знаешь — потому что просто надо знать, и всё. Как настоящий человек своё дело делает? Просто делает — и всё, без всяких! Потому что надо. Так и ты про маму знаешь — потому что надо. Вот так и про то, где живёшь, надо знать, и всё! Без причины. Серёжа знает, он Константина Егорыча слушал. А вам один хрен — что скала, что помойка. Это не по-настоящему.

— Да мы спросим, делов-то!.. — возбудились упыри и завертели головами: — Константин Егорыч! Константин Егорыч!..

Моржов тоже огляделся и поразился педагогическому таланту Костёрыча: Костёрыч растаял в воздухе, как Чеширский кот.

— У Серёжи и придётся спросить, — подсказал Щёкин. — А то так дураками и помрёте.

— Пектусин! — заорали упыри. — Иди сюда, козёл!..

Серёжа Васенин в это время стоял на краю обрывчика с кружками в руках — видно, собирался сполоснуть. Он оглянулся на оклик упырей и вдруг исчез.

— А!.. Э!.. — обомлели упыри. — Пек!.. Э-э... Пектусин утонул!..

Серёжа и вправду поскользнулся на траве и солдатиком ушёл в воду вдоль стенки обрыва.

Моржов вскочил и в три длинных шага оказался на месте исчезновения Серёжи. Глубина здесь была всего с метр, не больше. Серёжа шумно вынырнул из воды, держа над головой кружки. Лицо у него было совершенно ошалелое. Моржов наклонился, схватил Серёжу за запястья и выдернул обратно на берег.

Серёжа молчал, потрясённый. С него текла вода. Похоже, его временно парализовало. Кружки он сжимал, как скипетр и державу.

Моржов отнял у него посудыны, отдал Наташе Ландышевой, которая оказалась уже рядом, и потряс Серёжу за плечи.

— Эй, утопленник... — позвал он. — Очнись!

— А?... — спросил Серёжа, тупо уставившись на Моржова.

Упыри клубились вокруг Моржова и Серёжи. Здесь же стояли и прибежавшие Щёкин с Миленой.

— Чо, совсем захлебнулся? — взволнованно спрашивали упыри. — Он дышит?.. Жить-то будет?.. Охренеть — Пектусин утонул!..

— Ляг давай, — сказал Моржов и помог Серёже лечь на траву.

Серёжа вытянулся и закрыл глаза.

— Всё-всё, — сказал Моржов, расталкивая упырей. — Ну, окунулся человек, бывает... Дайте ему отдышаться.

Упыри потолклись ещё немного и, подгоняемые Щёкиным, разочарованно побрели обратно к своим бутербродам. Остались только Милена и Гершензон, который рассматривал Серёжу с каким-то непонятым уважением.

Серёжа вдруг открыл неожиданно большие, практически бездонные глаза, посмотрел на небо, на Милену, на Моржова и едва слышно спросил:

— Борис Данилович... Сколько часов я был без сознания?..

Милена отвернулась и, отступая, прикрыла лицо руками, словно зарыдала. Но ни Серёжа, ни Гершензон этого не заметили.

— Чо, Серёга... — грубым, хриплым голосом заговорил Гершензон, — выжил, да?..

Серёжа едва заметно кивнул.

Гершензон помолчал, смущаясь, и тихо спросил:

— Видел свет в конце туннеля?

Моржова скала не потрясла, а упырей — потрясла.

— Ваше!.. — орали они, мечась у подножия. — Как в кино!..

Колымагинская скала высунулась из крутого склона горы над просёлочной дорогой, будто голая коленка из прорехи в штанине. Дорога вела от села Колымагино к автотрассе в Ковязин. Моржову показалось, что эта дорога, укладываясь в распадок, словно бы тёрлась о склоны холмов, пока на одном из них не протёрла скалу.

Скала была невысокая: может, с трёхэтажный дом, а может, и пониже. Известняк желтовато-костяного цве-

та на закате порыжел. Под скалой валялись отколовшиеся глыбы. Сбоку зияла дыра пещеры — изнутри от копоти костров чёрная, как печная труба.

Для упырей, понятно, скала и пещера были открытием в диких, неизведанных лесах. Но Моржов видел, что нога человека всё вокруг порядочно изгадила и натоптала, как на газоне перед каруселями. За просёлком на поляне имелся очаг, массивные скамейки и намертво врытый в землю ржавый мангал. Маленький ручей перегородивала запруда, чтобы воду можно было набрать сразу ведром, а не черпать кружку за кружкой. За потрёпанными кустами громоздилась слежавшаяся куча мусора. Поляна у Колымагинской скалы служила местом для пикников.

— Дрисаныч, можно в пещеру?.. — волновался Чечкин.

— Погодите, — мрачно тормозил всех Гершензон. — Нам ведь ещё обещали рассказать тут про всё...

— Эй ты!.. — закричал Ничков, вертя головой в поисках Серёжи Васенина. — Давай, рассказывай живо!

Серёжа немного растерялся.

— Ну... — замялся он и оглянулся на Костёрыча. Костёрыч одобритительно кивнул. — Здесь в Гражданскую войну заложников расстреливали... — выдал Серёжа.

— Где? — взвился Чечкин. — Вон там, наверное!..

Упыри посмотрели на выступ скалы, на который указал Чечкин. Чечкин по глыбам кинулся к этому выступу.

— Я пули найду!.. — кричал он.

— Нафиг тут расстреливать? — спросил Гершензон. — И кого?

— Ну... Белые — красных, красные — белых... Они во-зили друг друга из деревни в город, а тут расстреливали.

— Всё, да? — спросил Ничков у Щёкина. — Можно идти?

— Ты бы с начала рассказывал, Серёжа, — мягко посоветовал Костёрыч.

Серёжа уже и сам собрался с мыслями.

— Здесь проходил Колымагинский тракт от села до города, — жестом Костёрыча Серёжа указал на просёлок. — При татарском иге татары захватили город Ковязин, и татарский командир захотел взять княжескую дочь себе в жёны. Он повёз её к себе по этой дороге, а она сбежала, забралась на скалу и сбросилась насмерть.

Упыри задрали головы, проследив былой полёт княжны.

— Гробанулась как бомба, наверное, — со значением сказал Гонцов. — Мозги в мангал улетели.

— Кто упал?.. — издалека страдальчески закричал Чечкин, быстро карабкаясь по глыбам обратно. — Кто?! Пектусин, повтори!.. Я тоже хочу!..

— Про пещеру... — негромко напомнил Костёрыч.

— В пещере тут верующие жили, — продолжил Серёжа. — Когда их солдаты нашли, они укрылись в самой глубине и обрушили проход. Сами себя заживо похоронили.

— Значит, там золото, черепа, да? — спросил Гершензон.

— Гонец, ты петарды взял? — быстро обернулся к Гонцову Ничков. — Надо рвануть пещеру.

— Никаких взрывов, а то сразу домой пойдём, — отрезал Щёкин.

— Тут ещё разбойники жили, — утешил упырей Серёжа. — Они прятались в пещере и грабили купцов. Везде клады закапывали.

— Значит, клад надо откопать, — решил Ничков.

— Клад — всегда пожалуйста, — согласился Щёкин.

— Разбойники-то что, тупые были? — не поверил Серёже Гершензон. — Думали, пещеру тут никто не заметит? А купцы здесь слепошарые ездили?

— Это же народные предания... — извинился за всех Костёрыч.

— Да-а, ни хрена себе скала... — деловито сказал Ничков. — Хорошо, что рассказал, Пектусин. Будешь нам показывать, где черепа, где клады.

— Дрисаныч, а когда верёвки навешивать пойдём? — влез неугомонный Чечкин.

— Сейчас и пойдём. — Щёкин расстегнул свой рюкзак, стоящий на камне, и бросил Чечкину моток верёвки. — Гершензон и Гонцов, вам трассу распутывать. А ты, Чечкин, вместе с Ничковым учи Серёжу и Наташу делать обвязки и пользоваться карабинами.

— И эта, что ли, тоже на скалу ползет? — презрительно спросил Ничков про Наташу.

— Скала не твоя, а общая, — ответила Наташа. — Я тоже имею право лазать по ней.

— Девки же коровы, ничего не умеют... — пробурчал Гершензон.

— От осла и слышу, — ответила Наташа.

— Если вы плохо им объясните, то Серёжа и Наташа упадут и разобьются, — сказал Щёкин Ничкову и Чечкину. — И виноваты будете вы. Серёжа и Наташа на кладбище поедут, а вы — в тюрьму.

— Очень мне надо в тюрьму, — обиделся Ничков. — И без них успею... Эй ты, — он посмотрел на Наташу, — иди сюда, сказал... Буду учить грудную обвязку делать.

Наташа приблизилась на два шага, остановилась, заложив руки за спину, и демонстративно уставилась в небо.

— Учи, — хмыкнула она.

В руках у Ничкова появилась верёвка.

— Ты на меня и на верёвку смотри, — злобно сказал Ничков. — Чего не запомнишь — на небе тебе потом расскажут...

Чечкин уже стремительно опутывал верёвкой Серёжу, стоявшего с разведёнными руками. Щёкин курил и наблюдал.

День отступал за сосновые горы, но в распадке перед Колымагинской скалой оставались тепло и жёлтый вечерний свет — точно лужа после отлива. Моржов развёл огонь, Костёрыч принёс котелок воды. Милена сидела на скамейке, накинув на плечи кофту.

— Устали? — спросил её Моржов, присаживаясь рядом.

— Устала, — призналась Милена. — В городе я как-то уже забыла, что это такое — двенадцать километров...

— Сейчас я вас кофе напою, — пообещал Моржов. — Чтобы вы не жалели, что отправились в это путешествие.

— А я пока и не жалею, — лукаво улыбнулась Милена.

Упыри галдели под скалой, Щёкин что-то орал с верхотуры, огонь щёлкал углями. Костёрыч нашёл палку и задумчиво бродил по полянке, выколупывая из травы всякую дрянь — консервные банки, рваные пакеты. Как в гольфе, Костёрыч палкой откатывал к кустам в мусорную кучу пустые пивные бутылки.

Котелок забулькал. Моржов обернул ладонь своей панамой, взялся за ручку и разлил кипяток по приготовленным кружкам.

— Константин Егорыч, — позвал он, подавая кружку Милене, — пора на ланч.

— Спасибо, Борис Данилович, — пробормотал Костёрыч, вытягивая палкой из травы длинный, чёрный от грязи презерватив.

Молча отшвырнув его за куст, Костёрыч аккуратно прислонил палку к стволу ближайшей сосны и, вытирая руки платком, подошёл к Моржову и Милене, сидевшим на скамейке рядышком.

— Поужинаем, как стемнеет, — сказал Моржов. — Пусть упыри полазают вволю. Заодно и проголодаются.

Костёрыч кивнул, взял кружку и присел на другую скамейку. Милена и Костёрыч молчали, но в этом молчании Моржов чувствовал напряжение созревшего раз-

говора. Моржову всё вокруг было знакомо: и хлопотливая заботливость Костёрыча, и дальняя ругань Щёкина, что-то там делившего между упырями поровну, и лес, и закатный свет за соснами. И Милена была знакома — обычной человеческой усталостью, мягкой улыбкой молодой женщины, которая не гнёт под себя весь мир, озверев, а просто доверяет выбранному мужчине. Милена была знакома своей безличной, но осязаемой близостью, когда тепло уходящего дня лучше всего сохраняется людьми между двух тел, как огонёк спички между ладонями. И Моржову вдруг показалось, что Милена здесь — словно бы его невеста, которую он привёл знакомить со своей семьёй.

— Я не очень люблю это место, — вдруг признался Костёрыч. — Слишком уж здесь замусорено...

— Зачем же водите сюда детей? — осторожно спросила Милена.

— Дети этого не замечают. Это только я замечаю. Дети видят лишь главное. Главное же здесь — лес, горы, скала, пещера, дорога.

— Н-ну, может быть, конечно... — Милена пожала плечами и продолжила, словно заранее извиняясь: — Тем не менее всё это безобразно... как бы дискредитирует идею. Да и стоит ли вообще таскать детей по таким захолустьям? Ведь значения в них — ноль. Никакой роли в мире они не играют. Как-то всё это... ужасно старомодно. Сейчас эпоха Интернета, глобализации, свободного доступа к лучшим образцам культуры... Зачем же нужны эти доморощенные предания? Дети и смысла-то их не понимают. Для знания своей местности достаточно турпоходов и регионального компонента образования. Зачем же тогда это краеведение, свалки?..

Костёрыч кивал, словно с грустью убеждался в полном соответствии выступления Милены заготовленной текстровке.

— Я ведь тоже много думал об этих вещах, Милена Дмитриевна, — сказал он. — Но все такие рассуждения представляются мне картиной мира у слепца, для которого не существует того, чего он не может нащарить вокруг себя...

Моржов подивился такой метафоре. Он ведь сам прибежал к ней, когда Алиска Питугина пыталась объяснить ему, отчего он ушёл от Дашеньки.

— Всё вот это... — Костёрыч обвёл рукой лес, поляну и скалу, — достаточно банально. Обыденно. Туристского потенциала — никакого. Но зато у всего этого есть одно важнейшее качество: оно — настоящее. — Костёрыч посмотрел Милене в глаза так, словно пытался телепортировать ей своё убеждение. — Наши дети видят очень мало настоящих вещей. В основном — копии ширпотреба, поделки масскульта, какие-то искусственные спецэффекты... А в человеческих отношениях — невнятицу повседневности, компромиссы... И у детей не вырабатываются... некие, что ли, витамины ума... От нашего мира дети не получают в пользование важнейший критерий оценки — критерий подлинности. И потому не отличают настоящего от лжи, фальшивки, пустышки, упаковки... Пусть моё занятие старомодно и незрелищно, зато оно даёт эти витамины. Дети приучаются чувствовать подлинность, то есть наличие внутренней сути, смысла.

— Вся эта подлинность есть в музеях, — возразила Милена.

— Есть, — согласился Костёрыч. — Но в музеях она, как сейчас говорят, не интерактивна. Для детей в музее или в кино лично с ними ничего не происходит. А дети плохо усваивают теорию. Они помнят только свой личный опыт. Полазав по Колымагинской скале, они будут лучше представлять себе Гималаи, нежели если посмотрят трёхчасовой фильм.

— Выходит, и учить детей бесполезно? — саркастически усмехнулась Милена. — Если они сами не слетают в космос, то и астрономия в школе не нужна?

— Как-то вы всё сводите очень... — замаялся Костёрыч.

«По-пиксельному», — мысленно подсказал Моржов.

— Нет, конечно, надо учить. Рассказывать словами, показывать в кино... Одно ведь не мешает другому. И даже не противоречит. Не нужно абсолютизировать то, что не абсолютно... Пусть будет всё.

— И тем не менее... — Милена катала между ладонями пустую кружку, словно не решалась высказать Костёрычу то, что хотела. — Эта загаженная Колымагинская скала... Убожество же. Ведь есть... пирамиды, Стоунхендж, Фудзияма... Воспитывайте критерий подлинности на этих примерах.

— Они все далеко.

— Но это уже вопрос денег, а не педагогики.

— Да, конечно, вы правы... — смутился Костёрыч. — Я не это хотел сказать... Критерий подлинности — это не справка эксперта, подтверждающая происхождение артефакта. Это умение самостоятельно отличать настоящее от ненастоящего. Точнее — и важнее — пригодное от непригодного, если мы о прикладном смысле... Культура, особенно сейчас, даёт нам огромное, просто безумное количество образцов, моделей, стратегий... Но в реальных условиях конкретной территории... даже не территории, а локуса... далеко не все из них жизнеспособны или полезны...

— В единстве географии, этноса и культуры всегда можно определить некие общие стилистические свойства, культурный код, — подсказал Моржов, чувствуя, что Костёрыч не может выразить то, что для него является прописной истиной. — То есть набор оправданных решений.

— Да-да!.. — подхватился Костёрыч.

«А пиксели, значит, будут кодом кода, ключом к ключу», — про себя подвёл итог Моржов.

— Мы живём в общем мире, — возразила Милена. — Зачем нужен какой-то собственный культурный код?

— Мир общий, но не одинаковый! — воскликнул Костёрыч. — Ведь в Африке вы не наденете того, что будете носить в Арктике!..

— В Швеции за поцелуй вас в ответ поцелуют, а в Аравии зарежут, — добавил Моржов.

— Это просто обычаи.

— Хорошо. В Полинезии из пожара спасут вас, а дети сгорят, а в России — наоборот. Это уже ценности, а не обычаи. Ценности формируются культурным кодом.

— Подлинное — это то, что соответствует культурному коду, — нашёлся Костёрыч. — Овладевая критерием подлинности, человек может идти в одну сторону — и постигать свой культурный код, идти в другую сторону — и отбирать из огромного ассортимента предлагаемых стратегий те, которые будут здесь работать, потому что органичны.

— А сейчас вы скажете, что демократия — это не для нас и нам нужен царь, — усмехнулась Милена, и Костёрыч в ответ рассмеялся.

— Вопрос про демократию слишком сложен, чтобы решать его с наскака, — сказал он. — Демократия — вещь непростая, нельзя низводить её до однозначного ярлыка...

«Пикселя», — опять подсказал Моржов.

— Да и про демократию — не мой вопрос... Я же говорю о другом. Я говорю о том, что очень многие вещи кажутся нам совершенно разумными, логичными, красивыми... Но проверишь их критерием подлинности и видишь, что они — не для нас. Можно играть с ними сколько угодно, но упаси бог делать их конструктивной основой жизни. Всю жизнь поломаем. Это, простите, как в любви. Люби сколько хочешь, но замуж — не надо.

Моржов смотрел на Милену, задумчиво опустившую голову. Костёрыч вмазал Милене прямо в солнечное сплетение. Если Милена просто спит с Манжетовым — вольному воля; если же станет его женой, то примет участие в большой подлости. Если Милене нравится миф об успешности — хозяин барин; но если Милена сама попытается стать успешной, то ей придётся раздвигать ноги под спонсором.

Брак и успех, по мнению Моржова, были очень хорошими вещами, но не абсолютными. Абсолютизировать их могло только Пиксельное Мышление. А вот реализовать их, поверив в их абсолютность, — то есть испытать критерием подлинности — означало переставить их с полки «гипотеза» на полку «миф». Служить мифам — значит жертвовать жизнью.

— Не слишком ли сложным вещам вы ходите обучить этих глупых детей? — тяжело спросила Милена у Костёрыча.

— Я просто даю им компас, — виновато сказал Костёрыч. — Многие из них так и не научаются им пользоваться. Кое-кто из научившихся всё равно пойдёт не туда... Но компас-то должен быть у каждого.

— Боря, дай мне сигарету, — вдруг попросила Милена.

— А разве... ты... куришь? — удивился Моржов.

— Иногда, — спокойно сказала Милена.

— Как тут не закурить, когда полковое знамя спёрли... — доставая сигареты, пробормотал Моржов фразочку из анекдота.

Упыри покинули скалу, когда уже начало смеркаться, но ужинать у костра на поляне им не понравилось.

— Паца, давайте в пещере! — горячо предложил Гершензон.

— Чо, как эти педики, да? — почему-то скривился Ничков.

— Какие педики? — изумился Гершензон.

— Педики антропы. Про которых Вася рассказывал.

— Педик антроп — это ты, а там были питекантропы, — с презрением разъяснил Гершензон.

— Ты как меня назвал, Геркулес козлиный?! — взвился Ничков.

Но ссоре не дал разгореться Чечкин. Каким-то чудом он стрёб костёр в охапку и побежал с поляны в пещеру. Упыри побежали за ним. На поляне остался только Гонцов, который рылся в своём рюкзаке и бормотал:

— Я, блин, в пещеру без бомбы не пойду, там мертвецы живут...

Когда стемнело, в пещере упырей всю пылал первобытный огонь, и пещера издавала напоминала янтарную раковину. А Моржов, Милена, Щёкин и Костёрыч сидели, в общем, возле углей.

— Во сколько обратно будем выходить, Дмитрий Александрович? — спросил Костёрыч.

— Как рассветёт, чтобы дорогу было видно.

— Если не возражаете, я пока прилягу, — вставая, попросился Костёрыч. — Вы-то молодые, а мне... Я вот тут, на скамейке. У меня и спальный мешок с собой есть...

— О чём речь, Константин Егорыч, — за всех ответил Моржов.

— А может, вы хотите подремать, Милена Дмитриевна? — Костёрыч смущённо затоптался, глядя на Милену, которая куталась в кофту. — Вы не стесняйтесь...

— Спасибо, не надо, — отказалась Милена.

— А я тогда в Ковязин сметаюсь, — вдруг решил Щёкин. — Куплю пару банок пива. Говорил мне утром внутренний голос: «Возьми с собой, не будь идиотом...» Зря я не послушался.

— Как ты собираешься попасть в город? — удивился Моржов. — Пешком, что ли? Или на палочке верхом?

Блуда и МУДО

— Отсюда по просёлку два километра до шоссе, — фыркнул Щёкин. — Там машину тормозну. Обратное — так же. Три часа — и я снова здесь. Бодрый и улыбающийся.

Моржов подумал: а ему самому-то что выгоднее предпринять, дабы остаться с Миленой наедине?

— Может, мы проводим Щёкина до шоссе? — негромко предложил он Милене, избегая обращения и на «ты», и на «вы».

Милену подумала.

— Почему бы и нет? — так же безлично ответила она.

— Тогда давайте чайку попьём на дорожку, — энергично заявил Щёкин, засовывая в угли последние дрова.

Милену и Моржов молчали. Щёкин возился с огнём, с заваркой и бурчал себе под нос самодельную скороговорку:

— Шёл Щёкин по шоссе и сусыл сос... блин... шёл сё... блин... шёл Щёкин по соше... — Он отвернулся, будто сплёвывал, и быстро пробубнил, разминая язык: — Бадри Патаркацишвили, Бадри Патаркацишвили... Шёл Щёкин по шоссе и сушил шёрстку!

Чаю попили и встали, чтобы идти. Щёкин забеспокоился:

— Давайте-ка ещё упырей проведаем...

Втроём в темноте они перебрались через каменные россыпи перед пещерой и встали у входа так, чтобы упыри их не заметили.

Как всегда, упыри выясняли отношения. Голоса их звучали гулко и отчётливо.

— Это из-за тебя Наташа на скале целый час висела! — гневно обвинял кого-то Серёжа Васенин.

— Чо ты гонишь! — орал Ничков. — Я ей сто раз всё объяснил!

— Да хоть двести, если ни разу по-хорошему, — отвечала Наташа.

— А я виноват, что ты тупая?

— Ты мне слева показывал, как узел в карабин проходит, а узел справа был, где зубчики выставлялись.

— У тебя самой шас зубчики выставляться перестанут!

— Она ваще, Вася, из-за тебя висела! — заорал Гершензон.

— Почему из-за меня? — опешил Серёжа.

Моржов оглянулся на Милену.

— У него теперь новое имя — Вася, — прошептал он. — Это как инициация для приёма в племя...

Милену понимающе усмехнулась.

— Ты же, Вася, первый кинулся её спасать! — завопил Чечкин.

— Сам застрял там с ней и трясся, как осиновый кол! — добавлял жару Гершензон.

— У меня верёвка за камень попала! — оправдывался Серёжа.

— Нефиг лазить, если не научился!

— Так вы не лезли! Стояли там как пни!

— Я тебе как полезу, если я снизу ответственный? — ярился Ничков. — Мне Дрисаныч сказал, что убьёт, если я не буду контролировать! Чечену надо было лезть, а не мне!

— А я сверху был! Мне оттуда не видно! Чо мне, башку на палке выставить, чтобы увидеть? Это Гонец должен был мне заорать!

— Я тебе орал, ты, макака глухая!..

— Чо ты орал, блин?! «Ландышка застряла» орал! А чо застряла-то? Она и так на каждом миллиметре застревала!

— Был бы ты не тупой, так всё бы понял!

— А ты не тупой был бы, так сам и слез бы!

— На чём? На соплях твоих? Туда уже Вася дриснул! Меня ваще Дрисаныч наказал у дерева полчаса стоять за то, что я бомбу кинул!

Блуда и МУДО

— Да пофиг это всё! — гнул свою линию Гершензон. — Я говорю, Васе не надо было лезть, из-за него мы все и корячились!

— Так Наташа там... — мямлил Серёжа Васенин.

— Чо Наташа? Не сдохла бы! Подождала бы! Я в прошлом году два часа висел, как сволочь, пока меня Дрисаныч не спас, и ничо!

— Ну, я же не знал...

— Не знаешь, а лезешь! Ты смотри, как паца делают, понял, а не сам всё!.. Герой, блин! Сразу кинулся! А Дрисаныч нам всем по бошкам дал! Лучше бы вообще ты днём утонул! Таких щенков в зародыше топить надо! Если бы я запасную верёвку не взял, вы бы оба там до сих пор висели, пока пожарная машина не придет!

— Не ты один их спасал! — возмутился Ничков. — Верёвку-то хоть кто мог взять! А кто снизу ответственный будет?

— А я чо, ваше ничо не делал, да? — заорал Чечкин. — Всё вы, да? А что я ползал этих двоих отцеплять — не считается?

— Считается, но я тоже верёвку держал! — вступился Гонцов. — Ничков снизу, а я сверху! Сверху ответственным тоже важно быть! Дрисаныч всегда сверху стоит!

— Все спасали, всем спасибо... — обиженно согласился Серёжа.

— Одно хорошее дело сделали, а крику, будто не знаю что, — хладнокровно добавила Наташа.

— В следующий раз не будем вас спасать! — обиделся Ничков. — Висите там и целуйтесь друг с другом!..

— Всё понятно с ними... — прошептал Щёкин, пятась от входа в пещеру и спиной отодвигая Моржова с Миленой. — Холодная война закончилась, остались локальные конфликты...

Подавая Милене руку, Моржов в темноте через валуны вывел её на просёлок. Щёкин выбрался самостоятельно.

— И чего дальше? — спросил он. — Пойдёте провожать меня до шоссе? Вообще-то я и один не боюсь. Человек, который ночью в одиночку идёт по России за пивом, патологически бесстрашен.

— Проводим? — спросил Моржов у Милены.

Милена, улыбаясь, кивнула без слов.

Щёкин зашагал первый.

— Эту дорогу на ларёк проложил знаменитый землепроходец семнадцатого века Степан Чирьев, искавший путь по суше между мысом Бурь и мысом Доброй Надежды, — бубнил Щёкин сам для себя. — В берестяных грамотах местного племени тонтон-макутов Степан Чирьев обнаружил предание о том, как во времена Опоньского царства в окрестной округе бесчинствовал древнерусский богатырь Натуга Силыч...

Милена держала Моржова под руку, и Моржов чувствовал, как Милена, слушая щёкинский бред, беззвучно вздрагивает от смеха.

Дорога ушла за поворот, и отблески костра погасли, а отзвуки упыриных голосов утикли. Остались только ночь и покатые горы.

— Эй, Щекандер, — позвал Моржов Щёкина, чтобы не впасть в лирику. — Как твои успехи в постижении следов инопланетян?

— Каких инопланетян? — тихо спросила Милена.

— Щекандер обнаружил в Троельге следы присутствия инопланетян, — пояснил Моржов. — Точнее, следы их влияния на нас. Теперь мы все под пристальным наблюдением уфолога-профессионала.

— Всё уже иначе, — сказал Щёкин. — Познание не стоит на месте. Идея инопланетян отброшена как фиго-

Блуда и МУДО

вая, и теперь она представляет интерес только для историков и ретроградов.

— Вот как? — удивился Моржов. — Н-да, прогресс есть прогресс... И что же говорит о тех явлениях актуальная наука?

— Актуальная наука объясняет необъяснимые явления в рамках теории информационной вселенной. Вам растолковать?

— Ну, если поймём...

— Это, конечно, вряд ли... — вздохнул Щёкин. — Ну да ладно. В общем, дело такое. Вселенная — это безграничный объём хаотической информации. Я назвал этот объём блудой, потому что более точного термина придумать невозможно. Бывает, что в блуде из коацерватной капли какой-нибудь глупости внезапно самозарождается изолированная структура. То есть появляется некая сущность — смысл. Такую сущность я назвал мудро. Чтобы смысл уцелел, чтобы структура была устойчива, то есть чтобы мудро не растворилось в блуде, необходима некая предохранительная оболочка. Такую оболочку я назвал троельга.

— Всё это мне что-то смутно напоминает, — осторожно заметил Моржов.

— Возможно, — согласился Щёкин. — Я вижу дальше всех, потому что стою на плечах гигантов. Эти гиганты и без меня до хрена всего нахимичили, так что совпадения весьма вероятны.

— Значит, нашему МУДО в информационной вселенной соответствует своё мудро?

— Свинья ты в бисере! — раздосадовался Щёкин. — Перед кем я распинаясь, а?.. Нет, не у каждого МУДО своё мудро, а у всех МУДО на свете — одно-единственное мудро в блуде!

— Это называется архетип, — подсказал Моржов.

— Если знаешь лучше меня, рассказывай сам, — обиделся Щёкин.

— Молчу-молчу, — быстро заверил его Моржов.

— Ну и вот, — продолжал Щёкин, — разные мудро плавают-плавают в блюде и иногда сближаются. Ударяются или трутся друг об друга троельгами. В зоне трения физический мир испытывает напряжение, законы природы деформируются. И происходят разные необъяснимые с точки зрения физики явления. Например, НЛО, Бермудский треугольник или зарплата бюджетников.

— А если троельги протрутятся до дыр?

— Тогда блюда хлынет в мудро и размочит его. Мудро прекратит своё существование.

— А об какую же тогда троельгу другого мудро тёрлось своей троельгой наше мудро, что в мире появились необъяснимые физикой явления? — тщательно сформулировал Моржов.

— Вот на этот вопрос я как раз и ишу ответ, — важно сказал Щёкин. — Следи за мировыми новостями, и ты всё узнаешь.

Моржов вполне улавливал странные намёки Щёкина, но ему как-то неловко было продолжать разговор при Милене — словно на чужом языке обсуждать человека в его присутствии.

— Давайте лучше помолчим, — вдруг тихонько сказала Милена Моржову. — Не надо меня развлекать.

Моржов не стал спрашивать Щёкина дальше, а Щёкин, закурив, и сам, похоже, не желал продолжать.

Просёлок белел в темноте, словно проявлялся, как тайный смысл. Но всё остальное было непонятно: нашли друг на друга, перекрыли, сгрудили и скособочили сами себя просторные тени склонов, мягкие тени лесов, зыбкое, невидимое мерцание птичьего щибета то ли в глубине чащи, а то ли прямо над дорогой. Эта ночная неопределённость жизни была залогом её доступности, по-

тому что, как при любви, определиться в пространстве можно было только на слух, на запах, обострённым и неизбежным осязанием. В этой ночи для Моржова и Милены, как для торопливых любовников в чужом доме, знакомой была только архитектура неба, которое рассыпчато и неярко отсвечивало то справа, то слева. На одном из поворотов просёлка Моржов всё-таки увидел, как над дальней долиной тихонько наклонился гранёный фужер Большой Медведицы.

Постепенно Моржов с Миленой приотстали от Щёкина. Моржов искоса поглядывал на Милену, но лицо её оставалось в тени панамы и волос. Моржов чувствовал на своей руке тепло запястья Милены, и ему хотелось как-то выразить свою нежность, свою благодарность Милене, а точнее — снова назвать её на «ты», точно коснуться чего-то, ещё недавно запретного.

— Ты не мёрзнешь? — заботливо спросил он.

Милена, конечно, уловила в Моржове эту мальчишескую ненасытность всеми образами близости, а потому ответила опять улыбаясь:

— Нет, Боря, не мёрзну.

Моржова всегда безмерно удивляло, что при всём его хитроумии любая неопытная девчонка в любви была всегда мудрее его, подсознательно опытнее, пластичнее и органичнее. Он мог суетиться и дёргаться, а у неё, что бы она ни делала, не было ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова, ни одной улыбки без смысла. Моржову казалось, что в эти минуты в женщине всплывает её древняя природа, которая давно всё знает и понимает. А потому, добиваясь женщины, Моржов всегда ощущал оправданность своего действия, ведь оно через женщину выводило из нави в явь глубинную неопровержимую правоту и чистую подлинность.

Просёлок вдруг быстро выступил из мрака, проявив перспективу, и опять погас. Оказывается, он уже подо-

брался к шоссе, и его осветила фарами проезжавшая мимо машина. Когда Моржов и Милена вышли на хрустящую гравием обочину, Щёкин уже голосовал.

— Я думал, вы вернулись, — удивился он. — Всё, финиш. Сейчас тормозну кого-нибудь, а вы давайте назад идите. Будете тут торчать — никто меня не подвезёт. Трех подбирать побоятся.

— Вон там беседка какая-то, — сказала Милена, указывая на ближайший пригорок. — Наверное, нам лучше там посидеть, чтобы убедиться, что всё нормально...

Беседка была деревянной восьмиугольной ротондой с ребристым куполом, скамейками по кругу и столом в центре. Похоже, её построили для тех, кто по просёлку приходил из Колымагино на трассу и ждал здесь попутку или рейсовый автобус. Милена и Моржов поднялись по тропинке и спрятались в беседке. Щёкин один остался стоять на обочине длинного синего шоссе. Вставляя в рот сигарету, Моржов незаметно проглотил таблетку виагры, а потом закурил и приобнял Милену. Милена не подалась к нему, но и не отстранилась.

Они сидели и одинаково ждали, когда же появится машина, которая увезёт Щёкина. На дальнем конце дороги зажигалась звезда, разгоралась, раздваивалась, потом какой-нибудь грузовик с сиплым воем пролетал мимо — и дальше его словно проглатывала тишина, звуковое небытие, потому что он переставал интересоваться Моржова и вываливался из восприятия. Моржов понял, что волнуется, очень волнуется — он даже дышать начал носом. Каждая проехавшая машина натягивала струны его нервов ещё на один оборот колка. Милена сидела рядом с совершенно неподвижным лицом: Моржов ничего не мог прочесть по её калмыцким чертам. Но ведь не из-за Щёкина же Милена была здесь и тоже ждала...

Длинные фуры проносились вдоль по шоссе словно снаряды, и Моржову показалось, будто Щёкин не уедет

никогда и всё зря... Но вдруг он увидел, что рядом со Щёкиным стоит какая-то мелкая легковушка, точно выпавшая из прорехи. Наклонившись, Щёкин о чём-то переговорил с водителем через открытое окно, а потом дверка машины хлопнула, и с дороги как слизнуло всё, что там было: и огни, и легковушку, и Щёкина. Моржову почудилось, что проёмы меж столбов его беседки задёрнули занавесками созвездий.

Он повернулся на Милену. Вместо Милены с молитвенно закрытыми глазами сидел мерцоид — но не тёплый, солнечный, а холодный, лунный. Подобного Моржов ещё не видел.

Каждое движение Моржова было таким, словно он оскальзывался на склоне. Милена внятно ответила на один поцелуй, слабо — на другой, а потом совсем отвернулась, закинув голову, словно не хотела отвлекаться. Моржов скинул за перила веранды панаму с головы Милены, стянул с плеч Милены и бросил куда-то назад кофту. Он потащил вверх футболку, оголяя маленькую грудь Милены с огненно-жгучими сосками, но Милена не поднимала рук, чтобы освободиться от одежды, — точно застыла. Моржов оставил задранную футболку и принялся растёгивать шорты Милены — так путано, будто у него на руке было десять пальцев. Милена не пошевелилась, не помогла, и спустить с неё шорты Моржов не сумел, боясь порвать, если он дёрнет их на себя из-под её зада.

Моржов не понимал природы этого мерцоида, не понимал, отчего Милена так скована — то ли она боится поддаться ему до самозабвения, а то ли, наоборот, боится сорваться истерикой сопротивления. Моржов жадно всматривался в мерцоида, отыскивая хоть какой-то знак: хочет ли Милена того, к чему он её тянет, или ломает себя, уступая?.. То, что Милена допустила Моржова до себя по доброй воле, ещё ни о чём не говорило. Одно

дело — трезвое решение, а другое дело — внезапное бешеное нежелание, которое могло вспыхнуть, когда руки Моржова коснулись её голого тела.

Моржов замер.левой рукой он держал Милену сзади за плечи, а правую ладонь втиснул Милене между ляжек, и ладонь чувствовала набухающий ионь. Мерцонд дрожал, как отражение луны в речном перекате. Это был миг равновесия, и тогда Моржов качнул весы к себе. Он упёрся бедром в кромку скамейки и мягким рывком поднял Милену в воздух, вставая. Шорты Милены скользнули вниз по её ногам — словно спало наваждение. Милена должна была или опрокинуться назад, или схватиться за Моржова, и она, уже в падении, вскинула руки и сомкнула их на шее Моржова в замок.

Моржов развернулся и посадил Милену на край стола, а потом, целуя, нагнулся над ней, укладывая её спиной на столешницу. Милена поняла, как всё случится, и мерцонд ожил, пропитываясь теплотой: лицо Милены наконец дрогнуло, ослабло и обрело такое выражение, с каким ждуд обряда, — выражение веры и готовности. Моржов знал, что у женщины лица красивей, чем сейчас, не бывает, и это было как начало литургии.

Моржов распрямылся, поднял к куполу беседки длинные, гладкие ноги Милены и развёл их, словно раскрыл книгу на аналое. Он не мог отогнать эти сравнения, и лишь где-то далеко, даже вне его души, светил огонёк оправдания кошунству — любящие мертвы для мира, и, как мёртвые, они сраму не имуд. Милена лежала навзничь, как жертва на алтаре. Её запавший живот был беззащитен, и потому весь грех и всю кару на себя надо было брать Моржову, потому что он стоял на ногах. Моржов сжимал тонкие лодыжки Милены, точно последнюю опору, которая не даёт ему упасть. Узкая тёмная стрелка, стекая по лону Милены, указывала на цель. В стоне Ми-

лены были сразу и рыданье раскаяния, и счастье обрётённого прощения. И в этом единстве бился тот же пульс общей жизни на двоих, что и в подвенечной клятве: «Вместе и в радости, и в горе...»

Глава 7

ФАМИЛЬОН

— Господа! — после ужина сказал Моржов. — Предлагаю загнать детей спать, чтобы я смог беспрепятственно сообщить вам пренеприятнейшее известие!

Детей загоняли в течение часа. Сумерки дышали багровым теплом. За Матушкиной горой ещё шевелилась поздняя заря, внезапно прорываясь в долину — то косым красным лучом по тёмной излучине Талки, то румянцем на проплывающем мимо облаке, то прощальным гудком тепловоза. Казалось, что за горой, как за печкой в деревянной горнице, кто-то украдкой занимается любовью и всё никак не может утаиться: то ноги вылезут из-под лоскутного одеяла, то в зеркале отразится раскрасневшееся лицо, то вдруг донесётся зажатый зубами стон.

Наконец все дети оказались рассованы по спальным мешкам, а все взрослые собрались на веранде за столом. Розка вынесла из кухни большой чайник, а Щёкин водрузил на столешницу литровую стеклянную банку со свечкой внутри. Бабочки заметались над огоньком, как рваная канитель.

— Судя по гоголевскому зачину, Борис Данилович, — обратился Костёрыч, — вы хотите уведомить нас, что к нам едет ревизор. Так?

— Так, — кивнул Моржов. — У нас осталось четыре дня до конца смены. И в один из них должна прибыть проверочная комиссия.

— В какой? — тотчас спросила Розка.

— Сие пока неведомо, но я разведую, — пообещал Моржов и мельком глянул на Милену. Разведать-то можно было только через Манжетова... Милена нервно затынула на горле ворот кофты.

— Я думаю, на этом нашем совете в полях мне надо обозначить диспозицию, — лекторским тоном объявил Моржов. — А диспозиция такова. Сертификаты у нас собраны и сданы... Сдаты... Щёкин, начнёшь каламбурить — убью. Документы и отчётность почти в порядке. Нареканий и претензий со стороны начальства нет. Всё великолепно! Но! — Моржов важно вздёрнул палец. — Проверочная комиссия, которая сюда заявится, может обнаружить один малозначительный промах в нашей блистательной деятельности: отсутствие детей. Мы должны предпринять некие действия, чтобы комиссия ничего не заметила.

— А что тут сделать, если детей нет? — пожал плечами Костёрыч.

— Ты, Морж, сам всю эту кашу заварил! — возмутилась Розка. — Сам и расхлёбывай!

Моржов оглядел присутствующих. Щёкин, Костёрыч, Сонечка, Розка, Милена... Все уже стали ему как родные. Но в общих интересах их странной семьи было призвать её членов к некоторой ответственности. Мобилизовать. Моржов решил держаться несколько пожётче, как и надлежит патриарху.

— Позволю себе не согласиться, — сказал он. — Я, конечно, плут ещё тот, но никто из вас не отказался от плодов заваренной каши. Плоды были съедены со всеобщим удовольствием. Это не беда. Для того плоды и были нам нужны. Но, поедая плоды, товарищи, ряд наших с вами сотрудников почему-то решил жить своим умом, словно бы моего ума им недостаточно. Да-да, милые девушки, я имею в виду вас. Я возражал всеми

способами, но вы не вняли. Вы накатали телегу в областной департамент. И в результате этой телеги к нам едет ревизор. В его приезде — ваша заслуга, а не моя. Без вашей инициативы всё осталось бы шито-крыто. Поэтому давайте не будем искать и расстреливать главного виноватого, а дружно и сообща договоримся, как мы облапошим ревизора.

— Я не умею обманывать, — печально сознался Костёрыч. — Пусть уж лучше накажут...

— Нет, это не лучше, — возразил Моржов. — И никому не надо учиться обманывать. Зачем вам это, если есть я?

Щёкин курил, с аппетитом поглядывал на Сонечку и с удовольствием ожидал развития интриги. Костёрыч переживал, обречённо помешивая гибкой ложечкой чай в одноразовом стаканчике. Сонечка смущалась от взгляда Щёкина и виновато отворачивалась. Милена привалилась спиной к столбу и куталась в кофту; лицо у Милены было отчуждённо-недовольное. Розка агрессивно смотрела на Моржова, выискивая, к чему бы придраться.

— Вообще, Моржов, у меня чувство, что ты нагибаешь нас всё ниже и ниже! — заявила она.

— Нет, ты путаешь, — ласково ответил Моржов. — Мы просто принимаем положение для низкого старта к финалу.

— Борис, — бодро сказал Щёкин, — когда мы отсидим и выйдем, предлагаю тебе как художнику открыть своё модельное бюро. Я налажу производство, а ты разработаешь коллекцию «Троельга-лето». Идентичные настоящим эксклюзивные пластмассовые тараканы для любой головы.

— Я уже всё придумал! — не реагируя на Щёкина, покровительственно сказал Моржов. — Плясать в шоу буду я сам. Константина Егоровича, как не умеющего

врать, я с поля удалю. Тебя, Щёкин, как врушего слишком экстравагантно, я удалю вместе с ним. А девушки останутся на бэк-вокал.

— А мы, значит, способны врать, да? — взъелась Розка.

— Нет, и вы не способны. Врать буду я один, как наиболее талантливый. А вы нейтрализуете ревизоров тем, что откажетесь от своего доноса.

— То есть?.. — не поняла Милена.

— Вы скажете, что написали донос сгоряча, на нервной почве. Теперь, мол, всё устаканилось. Приносим свои извинения.

— Это... воистину нелепо, — сказала Милена.

— Нелепо, согласен. Но зато по-человечески. Девушкам простительно. Нет трупа — нет преступления. Ревизоры поворчат, но успокоятся. А Шкиляева перейдёт на нашу сторону.

— Что, и Шкиляиха прикатит? — разозлилась Розка.

— Думаю, в комиссии будут Манжетов, Шкиляева, Каравайский и двое ревизоров из областного департамента. Один из этих двоих — единомышленник Манжетова.

— Как ты это высчитал? — изумилась Розка.

— Дедукция. Жалоба была на Шкиляиху. Каравайский — официально начальник нашего лагеря. Манжетов же должен контролировать разруливание ситуации, причём контролировать лично. Он повезёт комиссию сюда на своей машине — не на электричке же всем ехать. В машине пять мест. Ревизорам остаются только два места. Для подстраховки Манжетов добьётся, чтобы один из ревизоров был его сторонником. И всё получается не так уж и страшно для нас.

Розка по-Сонечкиному открыла рот, взирая на Моржова.

— Ну и башка у тебя, Моржище! — уважительно сказала она.

— Да, не жалуюсь, — скромно согласился Моржов. — Но давайте далее... Я вот подумал на досуге, что мы недостаточное внимание обратили на факт передачи Троельги железной дороге.

— От социалки везде отказываются, — сказал Костёрч.

— Это не аргумент, — отсёк Моржов. — Я думаю, что передача Троельги, закрытие МУДО и учреждение Антикриза — это звенья единой цепи. Это не энтузиазм реформаторов — их время прошло. И не афера — их время тоже прошло.

— Бесхозяйственность, — предположил Костёрч.

— Для бесхозяйственности в эпоху поиска неразобранных ресурсов это слишком рискованная область. Я думаю, что всё это — солидный бизнес-проект, возглавляемый Александром Львовичем.

Милена совсем ушла в тень.

— И у такого бизнес-проекта наверняка есть лобби в областном департаменте, — продолжал Моржов, для себя подумав, что это лобби — ОПГ Манжетова. — И если это проект, то он осуществляется по плану. А инопланетные американцы в план не входили. Вскрытие нашего преступления — вообще форс-мажор. Если нас разоблачат, то удар придёт и по Шкиляихе. Ушибленная Шкиляиха вывернет все тайны бизнес-проекта наизнанку. Её дружно примутся увольнять. Начнётся непрогнозируемая катавасия с МУДО. И на фоне этой истерики отдавать Троельгу будет попросту невозможно. А Троельга, как я понимаю, — главный ресурс. Он запустит механизм функционирования Антикриза. Без этого ресурса Антикриз — замок на песке.

Щёкин курил и ухмылялся, Розка морщила лоб, а Костёрч задумчиво постукивал пальцами по столешнице. Милена не появлялась из тени, и Моржову показалось, что она кое-что слышала от Манжетова про эту

многоходовку. Или сама догадалась. Сонечка же сидела кукла куклой, ничего не понимая.

— В общем, как ни странно, никто не заинтересован в разоблачении нашего умысла, — завершил пассаж Моржов. — Кроме одного-единственного члена комиссии, на которого мы плюнем все вместе. И потому мы будем врать, а комиссия будет кивать. Все всё понимают, но никто ни в чём не сознается. Так у нас всегда. Если я не прав, съешьте меня живьём.

«А язык, необходимый для изображения такого вранья в виде правды, — это пиксели, — подумал Моржов. — Точнее, даже не так... Формат изложения, при котором все интересы будут соблюдены, — это формат Пиксельного Мышления. Ведь язык не бывает сам по себе. Язык обслуживает коммуникации. А какие коммуникации в разгар КВ? Не обмен ценностями, а товарообмен. В отличие от пиксельной, в формате обычной логики волкам зубов не спрятать».

— Борис... — негромко сказал Костёрыч, — я не перестаю вам удивляться... Может, вам пойти в политику?

— Не могу, — вежливо посожалел Моржов. — Там я проворуюсь неприлично быстро.

Моржов не сказал ещё двух вещей — тоже, в общем, определяющих. Первое — что скандал с разоблачением совсем не в стиле Манжетова. Не в его формате. Его формат — тихая атака из-под ковра, бесшумная кража стульев, молчаливое удушение бумагой, безмолвная административная дематериализация явлений. Манжетов поборется незнакомого формата.

И второе — что Манжетов в любом случае что-нибудь теряет. Моржов это понял интуитивно — во время разговора с Манжетовым в кафе, а потому и обнаглел там. Задача Манжетова — минимизировать потери. Если Манжетов вскроет моржовский трюк с сертификатами и американцами, то потеряет и МУДО, и Антикриз. Ему

придётся подписывать приказ об увольнении педагогов — и Милена не простит ему такой несправедливости. А вот если Манжетов сделает вид, что Троельга полна детей и американцев, то он сохранит все свои замыслы — кроме, опять же, Милены, которую уведёт Моржов. И выбор Манжетова — терять всё плюс Милену или терять одну лишь Милену. Собственно говоря, для Манжетова тут и вовсе нет выбора.

Моржову же терять было нечего. Что бы ни случилось, он сможет, как и прежде, закрашивать свои пластины, работая где попало. Короче, в этой битве побеждает тот, кто без обоза. Македонский, Дарий и Гавгамелы...

— Получается, что мы должны просто организовать для ревизоров возможность реализовать их желание быть обманутыми, — подвёл итог Моржов. — Больше ничего.

— Демагогия! — с отчаяньем прошептал Костёрыч.

— Думаю, теории на сегодня достаточно, — не ответив, деловито переключился Моржов. — Чего нам надо? А надо нам, господа, подготовиться к отчётам. Надо сварганить результаты бурной деятельности. Говоря проще, тебе, Щёкин, и тебе, Розка, вам, Константин Егорович, и вам, Милена, надо съездить в Ковязин и привезти из МУДО всё что можно. Старые стенгазеты, дневники, коллекции, гербарии, поделки... Как будто бы всё это за прошедшую смену смастерили шестьдесят детей.

— Это мешок целый всего! — возмутилась Розка. — Как я дотащу?

— Берите тачки. Я оплачу.

— А если ревизоры увидят, что это старые экспонаты? — предположил Костёрыч.

— Боже мой! — с пафосом ответил Моржов. — Они что, стенгазеты смотреть сюда едут? Или ваших трилобитов? Им же не суть нужна, а форма! Чего-то висит, чего-то валяется — значит, все были при деле!

— Какое жульничество!.. — затосковал Костёрыч.

— И ещё одно жульничество надо совершить, — добавил Моржов. — Заполнить журналы и всякие методические планы. Писанину всю эту отчётно-педагогическую. Причём это жульничество совершать вы должны и без меня. Я просто напоминаю, что надо.

...Спать все расходились какие-то подавленные, заранее уставшие. Но Моржов был доволен. Он остался за столом один, допивал чай, курил, смотрел на луну и думал, кого ему сейчас разбудить и потащить в кусты — Розку или Милену? Или же никого не надо?.. Луна сияла своей откровенной наготой, привычная к наготу, как русалка.

Сзади вдруг очутилась Сонечка, и Моржов даже всполошился.

— Ты чего, Соня? — удивлённо спросил он.

Сонечка мялась, не глядя ему в глаза. Она была бо-сиком.

— Боря... вы... вы обижаетесь на меня?.. Ну... как бы за Диму?..

Моржов еле сообразил, что речь идёт о Щёкине.

— Ну... такие вещи, они... что я не с вами...

— Да с чего ты решила, дитя моё? — с облегчением спросил Моржов, поняв, о чём речь.

— Ну... Вы всем дали задание, а мне... Я без задания...

— Сонечка, господь с тобой. — Моржов встал, приблизился к Соне и погладил её по голове. — Какое тебе задание? Ты же только что устроилась на работу. Тебе и привезти-то нечего. Зачем же тогда гонять тебя в город? Вот и вся причина.

— Поняла... — пролепетала Сонечка, но Моржов был уверен, что поймёт она только часа через полтора. — А то я... Ну, Дима, он...

— Я не обижаюсь на тебя, моя милая, — наклонившись, прошептал Моржов Сонечке в ушко. — Правда.

Честно-честно. Я очень рад за тебя, что ты счастлива. Всё получилось очень хорошо. Иди спать. Простудишься же, горе ты луковое.

— Открой окно, — попросила Милена.

Моржов выбрался из постели, подошёл к окну и отволок сразу всю створку. В комнату дохнуло горячей пылью и запахом лип.

Милена сгребла все подушки с кровати к стене и села, навалившись спиной на мягкую грудку. Одеяло она подтянула до подмышек. Моржов закурил, разглядывая город Ковязин с верхнего этажа гостиницы. Ковязин деликатно отворачивался от зрелища голого Моржова в окне, и Моржов среди зелени скверов видел лишь кирпичные затылки чердаков и красные жестяные лысины крыш. Моржов подумал, что он всё равно любит город Ковязин. Любит за эту соразмерность человеку — и в доброту, и в свинстве.

Моржов дождался Милену в кафе, где его без сахара поил кофе таджикский полуавтоматический трансвестит, а потом повёл Милену в гостиницу. За кофе Моржов заплатил как за сладкий, в гостинице сунул взятку, чтобы ему дали номер (с местной пропиской в гостиницу не селили), потом сунул взятку, чтобы Милену пустили без паспорта (Милена не хотела называть себя), потом ещё дал денег уборщице, чтобы она убралась из номера вон, а не пылесосила ковёр полтора часа в присутствии постояльцев. Моржову страшно надоело переплачивать. Он хотел цены фиксированной и адекватной. Вообще хотел адекватности. То есть соразмерности. В облике города она была. А в поведении людей её не было вовсе.

Моржов выбросил окурочек в окно и вернулся на кровать, стащил с Милены и кинул на пол одеяло. Голая Милена сидела, обхватив колени. Моржов нежно расцепил

её руки и положил вдоль тела, нажал на колени ладонью и заставил Милену вытянуть ноги. Теперь Милена была покорно открыта его взгляду.

— Хочу наглядеться на тебя, — пояснил Моржов.

— Ещё нагодишься много раз, — тихо пообещала Милена.

— А вдруг нет?..

Моржов медленно вёл ладонью по её едва выпуклой груди, по узкому животу. Милена закрыла глаза.

— Ты не имеешь права меня оставить, — сказала она.

Теперь Моржов знал, какова Милена настоящая. В постели не было бизнесвумен, успешной леди, эмансипированной феминистки, страстной и агрессивной женщины-вамп, опытной, жадной, охочей и самоуверенной красавицы. Моржова поразил этот контраст преобразования. Сонечка была послушной, а Милена — покорной. Моржов даже не понял, хочет ли она его. Милена была как зеркало и отражала всё, что было в его желании. Он хотел — и она хотела; у него лопалось сердце — и она задыхалась.

Он понял, что сказала ему Милена. Он не только снял с неё одежду, а словно убедил её ещё и бросить оружие. Мол, вдвоём они и голые сильнее врага. И теперь, покинув Милену, он не просто оставил бы её одну, а оставил бы одну и без возможности самозащиты. А это уже предательство.

— Я ведь совершенно не знаю тебя, Боря, — сказала Милена. — Кто ты такой? Чего тебе надо? Просто секса?

— Мне надо, чтобы не было конца света, — повторил Моржов свою старую шутку, но Милена даже не улыбнулась.

Ветер вломился в комнату, будто бежал по фасаду гостиницы и провалился в открытое окно. Медные волосы Милены кинуло Моржову на лицо.

— Где ты родился? Кто твои родители? Где ты учился? Был ли ты женат? Есть ли у тебя дети? — отстранённо, как-то механически перечисляла вопросы Милена.

Моржов накрыл её лицо ладонью, словно хотел прекратить поток вопросов. Он начал гладить Милену по закрытым глазам, по калмыцким скулам.

— Родился здесь, — сказал он. — Женат был, но развёлся. Детей нет. Учился на заочке в областном. Родители пенсионеры, живы-здоровы, живут в деревне. От Ковязина полтора часа на автобусе. Когда в стране началась эта бодяга, они поменяли квартиру в Ковязине на хороший дом и свалили туда. Они уже пенсы. Им в грядке интереснее. А мне чего в деревне делать? Кур доить?.. Но всё это — лишняя информация, Милена. Она ни о чём не свидетельствует. Человек не выводится из суммы фактов его жизни. Биография нужна только для суда, а психоанализ — для зомби. Фрейдизм — психическая юриспруденция. Все законы — это десять телевизоров пикселей.

— Роза — твоя любовница? — прямо спросила Милена.

— Нет, — твёрдо ответил Моржов.

Сейчас (да и всегда) это был единственный приемлемый ответ.

— Почему-то я тебе не верю...

— А я и не мессия, чтобы мне верить, — мягко сказал Моржов.

Милена чуть вздрогнула, когда ладонь Моржова слишком сильно сжала её грудь.

— Мне кажется, я при тебе как лучшая жена в гареме... — призналась Милена.

— Ты спишь с двумя мужчинами сразу, — осторожно возразил Моржов. — Для жены из гарема этот чересчур... по-модернистски.

— Саша хороший человек... — виновато прошептала Милена.

— Со всеми хорошими не переспишь.

— Я... не уверена, что я тебя люблю...

Моржов усмехнулся:

— А разве это важно?

— Я не хочу быть к Саше несправедливой...

Моржов пожал плечами. Справедливость здесь была ни при чём. На самом деле Милена, успешная и волевая женщина, просто не могла сопротивляться напору Манжетова. И сознаться Моржову в этой своей слабости Милена тоже пока ещё не могла. Как только она сможет хоть что-нибудь, так сразу Моржов и вышибет Манжетова из жизни Милены.

— Саша правда хороший, — повторила Милена. — Нет ничего дурного в том, что человек хочет плату за свои хорошие дела...

— Я не спорю, — согласился Моржов. — Я и сам бесплатно даже не высморкаюсь. Дело не в этом. Он ломает, твой Саша.

— Он создаёт новое... — возразила Милена.

— Нет. Не создаёт. Он был бы рад сделать тебя директором МУДО и не возиться с Антикризом. Но МУДО — это немодно. На МУДО не дадут столько денег, сколько дадут на Антикриз. Поэтому твой Саша создаёт Центр и уничтожает МУДО. Боливар двоих не унесёт.

— И всё равно... Это конфликт старого и нового...

— Не бывает в России такого конфликта. Мы либо в новую форму вливаем старое содержание, либо в старую форму — новое. А в чистом виде у нас никогда не получается. Давно, блин, живём. До хрена всего намастерили, выбрасывать некуда.

— Что же старого будет в Антикризисном центре?

— Бесплезность.

— А что новое ты вносишь в Дом пионеров?

— Щёкин объяснит.

— Я не знаю, Боря, почему я с тобой... — покорно примиряясь с проявившимся ужасом, созналась Милена — словно согласилась быть жертвой.

Моржов слушал Милену, ласкал её и испытывал ощущение странного раздвоения. Одна Милена — обнажённая, раскрытая — вся принадлежала ему. Другая — говорящая слова — была чужой и вообще не здесь.

— Ты жалеешь о том, что мы вместе? — спросил Моржов.

— Жалею... — почти беззвучно сказала Милена.

— Без меня всё было просто?

— Просто...

— Ты хочешь уйти?

Милена отрицательно покачала головой.

Моржов повернулся набок, обнимая Милену и целуя её в висок.

— Я не буду хорошим, как твой Саша, — прошептал он в её волосы. — Но я тебя не сдам, как он сдал тебя мне. Если, конечно, ты не уйдёшь сама.

— Не уйду... — повторила Милена, и Моржов словно поймал её слова, тихонько положив кончики пальцев ей между губ. Другая ладонь Моржова, гладившая Милену по затылку, бережно и настойчиво наклоняла Милену вперёд.

— Когда Манжетов приезжает к нам с проверкой? — спросил Моржов, закрывая глаза.

— Пошлежафтра, — сказала Милена.

Взятым у Розки ключом Моржов отомкнул амбарный замок и потянул на себя скрипучую дверь жилого домика номер два. Упыри, сопя, толклись за спиной Моржова, а потом под локтями Моржова порскнули в корпус. Видимо, они считали, что здесь под запорами хранятся какие-то сокровища, которые от них скрывают. Домик загудел от топота и воплей упырей, всполошённо захлопал дверями, как крыльями.

Моржов вошёл в холл, где стояли два теннисных стола — объект многолетних вожелений Каравайского. В корпусе было затхло, воздух словно окостенел, пахло сухой извёсткой и старыми досками. Свет, проходя сквозь пыльные окна, становился жёлтым, будто на выцветшей фотографии.

— Здесь же нет ничего! — разочарованно орали упыри из дальних комнат. Моржов теребил окаменевшие шпингалеты на окнах.

— Очень неудобное помещение, — важно сказала Наташа Ландышева, возвращаясь в холл.

Потом выбежал Серёжа Васенин.

— Смотрите! Это из прошлого осталось! — восхищённо заявил он, размахивая мятой газетой. — Здесь программа для телевизора! А всё уже давно показали!..

Серёжа развернул газету и с горящими глазами принялся жадно перечитывать программу.

— Во!.. — прошептал он. — Это кино я тогда смотрел!.. Вообще давно было!.. Я только пятый класс закончил!.. Думал, что в том кино всё по-настоящему!

— Борис Данилович, а зачем мы здесь? — несколько брезгливо спросила Наташа.

— Надо поговорить, — объяснил Моржов, с треском открывая окно. — Наташа, собери всех где-нибудь в одной комнате.

Наташа быстро собрала упырей. Упыри ждали Моржова и качались на голых панцирных сетках кроватей с таким упоением, словно в их собственном корпусе голых панцирных сеток не имелось вовсе.

Моржов демонстративно прикрыл дверь.

— Разговор у нас тайный ото всех, — сказал он. — В ближайшие два дня о нём никому рассказывать нельзя.

— Даже Дрисанычу? — удивились упыри.

— Даже ему, — кивнул Моржов и сел на колченогий стул.

Упыри тарашились на Моржова, ожидая страшной тайны.

— Вам нравится Дмитрий Александрович? — спросил Моржов.

— Нравится! — с вызовом заорали упыри.

— Дрисаныч не баба, он всегда за нас, — злобно сказал Гершензон.

— А Константин Егорович?

— Константин Егорович очень много всего знает, — с уважением сообщил Серёжа Васенин.

— Он рассказывал недавно, что по железной дороге ездил бронепоезд и стрелял из пушек по деревне! — выпалил Гонцов. — А до деревни-то целых три километра!

— Он вообще прикольно рассказывает, но старый, — заявили упыри так, словно Костёрыч был полезным и работающим прибором, хотя уже немодной модели.

— Но ведь пользу он приносит? — подсказал Моржов.

— Немного приносит, — признали упыри.

— А Милена Дмитриевна?

— С неё нужно брать пример, — безапелляционно сказала Наташа Ландышева.

— Пусть живёт, если она Ландышке для примера нужна, — помиловал Милену Гершензон.

— А Софья Александровна?

— Её Дрисаныч любит! — гневно завопили упыри.

В их понимании, похоже, Сонечка была чем-то очень нужным, что обеспечивало функционирование Дрисаныча.

— А Роза Дамировна?

— Кормит, — сразу сказал Гершензон.

— Перчатка вчера Чечена избила! — заорал Ничков. — Она его вот так сзади за шею взяла... — Ничков схватил Чечкина за шею и нагнул, — и по жопе ему полотенцем наступала!

— За что? — поразился Моржов.

— Она думала, я конфеты ворую! — снизу крикнул пострадавший Чечкин. — Отпусти, debil, башка же отвалится!.. А я просто полез в её коробку свои мятые конфеты на нормальные обменять! Я лишнего не брал!

— Понятно, — сказал Моржов. — Ну, про себя я не спрашиваю...

— Вы тоже ничего, — сознался Ничков. — Только вас всегда нет.

— Значит, вы довольны? — подводя итог, спросил Моржов.

— Мы ещё хотим! — опять завопили упыри. — Пускай нам лето продлят! На всю смену!..

— Тихо, — помахал руками Моржов. — А вы знаете, что вам нельзя было здесь ночевать? Вы были обязаны каждый день в пять вечера уезжать домой. А в субботу и воскресенье вообще не приезжать сюда.

— А чо нам дома делать? — едва не полопались упыри.

— А то, что американцы должны были приехать, — знаете?

— Они тупые, вот и не приехали!

— А то, что вас должно быть тридцать человек, а не шесть, — знаете? — допытывался Моржов.

— Да все же в поход с Дрисанычем собирались, а не в лагерь! — за себя заорали упыри. — А поход запретили! Кто в лагерь-то поедет, если в поход хотели?

— Я никого не ругаю, — успокаивающе помахал открытыми ладонями Моржов. — Я просто выясняю, в курсе ли вы.

— Мы всегда в курсе! — угрюмо ответил Гершензон.

Моржов, закуривая, подумал, что не надо врать детям, будто педагоги остались в Троельге лишь потому, что хотели устроить школьникам хороший (и обещанный) отдых. Такая причина, конечно, тоже была — но не единственная и не главная.

— А теперь смотрите, что у нас получилось... — Моржов приступил к основному вопросу. — Американцы не приехали. Вас оказалось шестеро вместо тридцати. Но по домам мы вас не разогнали и лагерь закрывать не стали. Виноваты, конечно, мы, а не вы. Но теперь я прошу вас, паца, помочь нам. Я это делаю сам и за себя. Ни Дрисаныч, ни Костёрыч, ни наши женщины об этом вас просить не будут. Они бы и мне запретили, если бы узнали. Но если вы нам не поможете, всем нам теперь будет плохо. Точнее, всех выгонят с работы.

— Дак что, поможем! — взбодрились упыри.

— Но самое противное в том, что вам придётся врать.

— Дрисанычу врать мы не будем, — робко возразили упыри.

— Нет, конечно, не Дрисанычу. Врать надо будет проверке, которая приедет завтра.

— Врать нехорошо... — осторожно заметил Серёжа Васенин.

— Я знаю, — подтвердил Моржов. — И я не должен просить вас об этом. Но нет другого выхода. Мне наплевать на себя, я не пропаду и без этой работы. Но я считаю, что Дрисаныча и Костёрыча, а также всех наших женщин нельзя выгонять с работы за то, что с лагерем вышло так, как вышло. Вы согласны со мной?

Упыри молчали.

— А чо выгонять-то сразу? — пробурчал Ничков.

— Чтобы никого не выгнали, завтра для проверочной комиссии нам надо разыграть спектакль, будто бы вас тридцать человек и будто бы американцы — здесь.

— А как это? — удивились упыри.

— Ну, это не очень сложно. Когда комиссия приедет, вы будете в лагере изображать дежурных. Потом комиссия отправится смотреть на американцев. Американцы типа как будут играть в бейсбол на том берегу Талки. А вы переберётесь через реку и изобразите американцев.

Дальше комиссия поедет смотреть других наших детей, которые на экскурсии. Вы быстро перебежите в нужное место. Там уже будут Дмитрий Александрович и Константин Егорович. С ними вы изобразите детей на экскурсии. Вот и всё.

— А чо, комиссия-то не увидит нас, что ли? — не поверил Гершензон. — Сосчитать же можно... И морды одни и те же.

— Комиссия будет смотреть на вас издалека. За километр. И ничего толком не увидит.

— Дак она подойдёт поближе! — плачуще закричал Ничков.

— Не подойдёт, — заверил Моржов. — Для этого вам сегодня нужно будет на одной дороге выкопать яму, а в другом месте немножко поломать мост.

— Я могу вообще мост взорвать! — тотчас воодушевился пиротехник Гонцов. — А в яму — мину! Там так рванёт!..

— Нет, настолько круто не надо, — осадил его Моржов. — Но всем надо сегодня поработать. Сначала — притащите в этот домик все спальные мешки и свои вещи и разбросайте их по кроватям. Ну, как будто тут живут двадцать или тридцать человек. Затем... Ничков, ты назначаешься ответственным за яму. Самым главным генералом. Серёжа, у тебя ведь есть карта местности?

— Мне Константин Егорович дал, — солидно ответил Серёжа.

— Замечательно. Я покажу тебе на карте, где надо выкопать яму, а Ничков организует работы.

— Я вообще всех тут организую! — охотно согласился Ничков.

— Только не бей никого, — предупредил Моржов.

— Не будут подчиняться — ур-рою!..

Моржов играл на том, что Ничкову и самому хочется быть лидером. А Серёжа, как носитель карты, по-

лучал дополнительный авторитет. Надо было бы и хитроумного Гершензона куда-то пристроить. Моржов подумал.

— Гершензон, — веско сказал он, — только тебе поручить могу... На мосту требуется переложить доски так, чтобы грузовик смог проехать, а легковушка — не смогла. Понимаешь меня?

— Чего тут не понять? — буркнул Гершензон.

— И ты лично проконтролируй, чтобы паца доски правильно переложили. Только тебе доверяю. Ничков — а на тебе дисциплина!

— Да я их самих под доски закатаю, если слушаться не будут!

— А мне работу? — подпрыгивал на месте неистовый Чечкин.

— Чечкину и Гонцову отдельная задача, — продолжал распределение ролей Моржов. — Вы должны сходить на дорогу и выбрать место для засады. Завтра с утра Гонцов идёт в засаду. Как только проедет машина с комиссией, Гонцов запускает ракету.

— Красную или зелёную? — деловито спросил Гонцов. Моржов изобразил тяжёлые размышления.

— А синие есть?

— Синих с собой нету... Но я могу сбежать домой!

— Ладно, не надо. Запускай красную.

— А можно, пока машины нет, я буду запускать зелёные ракеты? — жалобно попросил Гонцов. — Зелёные — значит, всё нормально. Тревога — красная ракета.

— Надо беречь боеприпасы, — хозяйственно распорядился Моржов. — Мало ли чего, сами понимаете.

— А мне-то работу? — страдальчески напомнил Чечкин. — А я?!

— А ты возьми топор и расчисти для Гонцова тропу от этого корпуса до засады. Гонцову же придётся отходить быстро. Нужно, чтобы ему ничего не помешало.

— Я там вообще просеку вырублю! — уже агрессивно пообещал Чечкин. — Можно шас лететь?

— Сначала — яма и мост, — строго определил Моржов.

Всё это ему напоминало совещание командира партизанского отряда с группой пионеров-героев. Упыри уже вдохновились идеей спецоперации, а Серёжа Васенин сидел грустный. Наташа Ландышева морщилась.

— Борис Данилович, — печально сказал Серёжа. — А зачем всё это нужно? Ведь можно объяснить, договориться по-нормальному...

— Нельзя, Серёжа, — вздохнул Моржов. — Нельзя.

— Почему?!

— Да никто слушать не будет! — отрезал Гершензон.

— И это тоже... Но не только. — Моржов снова закурил. — Если хотите, паца, я объясню вам. Надо?

— Ну, объясните, — неохотно согласился Ничков. — Только быстро. У нас же дела.

— Дело в том, — начал объяснять Моржов, глядя на Серёжу, — что сейчас все работники должны зарабатывать деньги для своего начальства. Кто не зарабатывает, тех увольняют.

— У меня маму с фермы уволили, — сказал Серёжа.

— А у меня маму и папу, — буркнул Гершензон.

— А у меня тоже маму!.. — крикнул Ничков, но, видимо, кроме мамы, никого у него больше не было. — И... И у друга тоже маму! И мужика одного из подъезда!..

— А как Дмитрий Александрович должен зарабатывать деньги? — спросил Серёжа. — Он ведь не продавец.

— Очень просто, — пояснил Моржов. — Например, он говорит, что ведёт вас в поход, и ему государство даёт деньги на поход. А он в поход вас не ведёт, а деньги отдаёт своему начальству.

— Нам на поход никаких денег никогда не дают! — возмутился Ничков. — Я знаю! Всегда за свои ходим! Только жратву дают!

Блуда и МУДО

— Я ведь вам, паца, упрощённо рассказываю, — пояснил Моржов. — В жизни всё сложнее. Вам объяснять сложнее?

— Объясняйте.

— Сколько человек, Серёжа, у вас ходит в кружок к Константину Егоровичу?

— Шесть. Ну, иногда меньше. А иногда даже стульев не хватает.

— А сколько в кружке стульев?

— Восемь. И у Константина Егоровича один.

— А по правилам вас должно быть пятнадцать человек. Директриса всем говорит, что у неё пятнадцать человек, и получает зарплату за пятнадцать человек. А если Константин Егорович скажет, что вас всего шесть человек и она получает зарплату нечестно, то она его выгонит с работы, потому что по правилам у него должно быть пятнадцать человек. Но пятнадцать у него не будет никогда, потому что ему дали всего восемь стульев.

— А... з-зачем всё так? — обомлел Серёжа.

— Потому что так можно заработать денег. Если бы у Константина Егоровича было пятнадцать человек, то директрисе надо было бы искать ещё шесть стульев. Тратить деньги на эти стулья. А когда вас всего восемь, эти деньги можно положить себе в карман. И Константин Егорович ничего не сможет возразить, потому что его выгонят за то, что детей у него всего шестеро. И так у всех, не только у Константина Егоровича. У Дмитрия Александровича — по-другому, но то же самое.

— Надо выгнать эту директрису, да и всё, — заявил Гершензон.

— Выгнать её может только её начальник. Но она зарабатывает деньги своему начальнику, и он не будет её выгонять. Перед своим начальником директриса такая же, как Константин Егорович перед ней. И такое со всеми до самого верха.

Моржов говорил так, будто порядок вещей был чьим-то умыслом, хотя на самом деле всем заправлял безличный формат. Но упыри про формат не поняли бы. Упыри сидели потрясённые.

— Но ведь это всё очень плохо, — сказал Серёжа.

— Плохо, но не всем. Вам, Константину Егоровичу, Дмитрию Александровичу плохо... А директорисе уже хорошо. Она ведь не водит вас в походы. Не сидит весь месяц в этом лагере. Если её начнут ругать, она скажет, что виновата не она, а Константин Егорович с Дмитрием Александровичем, и ей ничего не будет.

— А у ментов так же, — вдруг сказал Гершензон. — Бандиты людей грабят, а менты грабят бандитов. Поэтому бандиты их и боятся. А простых людей менты не защищают, чтобы бандиты могли их ещё грабить. У моего брата одни козлы отняли сотовый, менты их нашли и за деньги отпустили, а сотовый себе оставили.

— И так, паца, везде, — сказал Моржов. — Наверное, мне не нужно вам об этом говорить, но вы же не дураки, сами всё видите. Вы знаете, почему в лагере вас так мало. Дрисаныч ли в этом виноват?

— Не Дрисаныч, — согласились упыри.

— Значит, давайте защитим Дрисаныча, как сможем. И не только его, а всех, кто здесь. Если для этого надо кому-то соврать, я совру. Дрисаныч мне дороже, чем директориса, потому что он и вправду с вами ходит в походы, но получает денег меньше, чем она. И пусть я сделаю неправильно. Дрисаныч вам уже говорил — настоящий, это тот, кто может поступить неправильно, если другим от этого по-настоящему станет лучше. Помните?

— Помним, — закивали упыри.

— Всё в жизни, паца, устроено очень неуклюже, — искренне сказал Моржов. — И потому почти никогда не получается поступать красиво. Всегда рожа крива.

Гершензон подумал и осуждающе изрёк:

— Береги честь смолоду, коли рожа крива!

Розка перевернулась на живот, накинула на голову край спальника и сладко сообщила:

— Моржик! Я не хочу уезжать из Троельги!

Моржов лёжа натаскивал штаны и щёлкал ремнём.

— Я даже согласна терпеть здесь Чунжину и Опёнкину, если ты не будешь подходить к ним ближе трёх метров! — добавила Розка.

— Я и так уже на велосипеде их объезжаю, — ответил Моржов и пошлёпал Розку по голому задку. — Вставай, красавица.

— Раком? — сладко спросила Розка.

— Ну, если тебе будет удобно возвращаться в Троельгу раком, то можно и так.

Моржов поднялся на ноги и принялся обуваться, одновременно засовывая пистолет под ремень на поясицу. Был вечер пятницы, еженедельный национальный праздник России. Мало ли, какие пьяные ублюдки могли выбраться на природу и наткнуться на их сладкую парочку... ПМ в пятницу вечером никому не помешает.

— Моржик, а где мы будем встречаться в городе? — натягивая плавки, спросила Розка.

— Розка, смотри!.. — Моржов быстро схватил с земли бинокль и уставился на Талку, блестящую за соснами. Полянка, облюбованная Моржовым, находилась чуть в стороне от реки. — Какие-то туристы плывут! Подростки!

— Ну и что? — удивилась Розка, засовывая груди в уже застёгнутый лифчик. — Когда ты уезжал неделю назад, мимо нас тоже туристы проплывали.

— Это же, блин, шанс! — оживился Моржов. — И упырей не надо будет гонять!.. С этими подростками завтра мы комиссии такую жопу на глаза натянем, что комиссия манду от Катманду не отличит... Розка, одевайся живее! Надо тормознуть туристов!

Моржов спустился на берег и прямо в кроссовках зашёл на мелководье. По узкой Талке из-за поворота

плыли три цветных катамаранчика, каждый с грудой подростков. Передний катамаран был уже совсем рядом с Моржовым.

— Эй, ребята, причальте, пожалуйста! — крикнул Моржов.

— На хуй пошёл, ебосос очкастый! Иди отсюда, чмо! Пидор гнойный! Ебись конём, сука! — весело, зло, бесстрашно и нагло заорали Моржову с катамарана.

Моржов обомлел. Он разнежился с Розкой, а теперь ему как грязной, мокрой тряпкой смазали по роже.

Странно: раньше он бы просто ухмыльнулся, отвернулся и ушёл. Но сейчас у него внутри словно всё перекувыркнулось. Он вдруг почувствовал, что край: он больше не может торчать в этом говнище. Или глухой забор по периметру, чтобы никого вокруг не видеть, или, блядь, всех положить.

Моржов вытащил ПМ и, почти не целясь, шарахнул в борт катамарана. Простреленная гондола вмиг обмякла, лепёхой расплываясь по воде от груза. Эхо выстрела хлестнуло по прибрежным кустам, смахнуло с неба стрижей. Розка завизжала. Катамаран замолк. Подростки замерли, боясь пошевелиться.

— Живо причалили, недоёбки! — рявкнул Моржов. — Ну!

Подростки, невнятно ругаясь, схватили вёсла и загребли к берегу, не сводя с Моржова глаз.

— Боря, не надо! — закричала Розка. — Пусть плывут!..

Расшвыривая ногами воду, Моржов ринулся к катамарану и схватил его за какую-то верёвку.

— Кто у вас тут самый борзый? — рычал Моржов, стволом пистолета обводя притихших подростков. — Кто начальник?

— У нас там начальник... Сзади... — пробурчал один из подростков. — Чо ты, парень, залупился-то...

Два других катамарана спешно гребли к остановленному. С них доносились какие-то угрожающие вопли.

Моржов опять бабахнул из пистолета над головами подростков и крикнул двум подплывающим катамаранам:

— Командира мне надо!

— Боря!.. — умоляла с берега Розка.

С самого дальнего катамарана в воду спрыгнул мужик в тельняшке, в трусах и с армейским ремнём. Он мощно пошагал по воде к Моржову. На его ремне болтался увесистый нож в толстом чехле.

— В чём дело? — угрюмо спросил он издалека.

— Отойдём на берег, — предложил ему Моржов.

— Тут говори, — потребовал мужик, приближаясь.

— Пошли отойдём, — повторил Моржов. — Не бойся, я один.

Он повернулся и направился к берегу. Все три катамарана за его спиной сразу загомонили, обсуждая полувившийся косяк.

— Сидите, блин, прижмитесь, дегенераты! — бросил мужик подросткам, бултыхая вслед за Моржовым.

— Ну чего тебе от них надо?.. — жалобно налетела на Моржова Розка, но Моржов осторожно отодвинул её в сторону.

— И чего ты хотел? — с вызовом спросил Моржова мужик, подошедший сзади.

Моржов повернулся и почувствовал, что утыкается носом в стену. Он уже не хотел ничего. Раньше какие-то там матюки в свой адрес ни за что не остановили бы его, если он затевал важное дело. А сейчас ему было просто противно припахивать этих уродов с катамарана. Чтобы Розка, Милена, Сонечка видели их, слышали их базары?.. Да ну нафиг. Лучше уж обойтись силами упырей...

— Мужик, извини... — Моржов озадаченно почесал в затылке рукоятью пистолета (чтобы мужик не забывал

про ПМ). — Эти гондоны твои... Ничего уже не хочу. Плывите.

Мужик потоптался, явно расслабляясь. Он убедился, что Моржов один (женщина — не человек) и не агрессивен.

— У тебя с головой всё нормально, парень? — участливо спросил он. — А то со шпалером-то при такой голове надо аккуратнее...

— Извини, — повторил Моржов. — Всё, проехали. Иди давай.

Мужик ничего не ответил и пошёл к воде. Он осмотрел простреленный, сдувшийся катамаран, что-то злобно объявил подросткам и уплюхал к своему судёнышку. Катамараны дружно оттолкнулись от мели, выбираясь на стрежень.

Моржов устало присел на пригорок, а Розка уселась рядом. Последний катамаран проплыл мимо, как колесница триумфатора.

— Что с тобой, Моржик? — ласково спросила Розка. — Ты какой-то нервный...

— Да не знаю, Розка... — тяжело ответил Моржов. — Не нервный я... а какой-то ответственный стал. Хотел как лучше... Обломался.

Возрастание моржовского чувства ответственности Розка, конечно, отнесла сугубо на свой счёт и благодарно прижалась грудью к моржовскому локтю.

— Да не бойся ты про завтра, — прошептала Розка и положила ладонь на пряжку моржовского ремня. — Хочешь, сейчас пластинку по второму разу прокрутим?

Хотеть-то Моржов хотел всегда, да не всегда мог. Он прикинул в уме продолжительность действия виагры и решил, что вполне укладывается в смету.

...Через час Розка и Моржов вышли из лесочка и по тропке пошли к Троельге через большую луговину вдоль берега Талки. Розка плелась вся разморённая и, в общем,

уже мало что соображала. На луговине вдали Моржов заметил полотняные пузыри туристических палаток и поднял бинокль.

— Я не я буду, если это не наши знакомые... — проворкотал он.

Действительно, в траве лежали три цветных катамарана и в ряд топырились купола десятка палаток. Вокруг сновали давешние подростки, причём многие — с сигаретами в зубах. Возле кучи дров мужик-руководитель разводил костёр.

Моржов и Розка шли мимо палаток. Подростки, узнавая Моржова, затихали. Моржов с изумлением смотрел на снаряжение этой группы — новенькое, импортное, яркое, удобное. Катамараны бананами, рюкзаки с понтами, палатки двойные и при тамбурах...

— Не разминуться нам сегодня, — сказал Моржов руководителю, который поднялся с корточек и недовольно глядел на него, сунув кулаки в карманы камуфляжных штанов. — Вы чего здесь встали?

— Ты же сам мне катамаран прострелил, — ответил мужик, не опуская настоороженного взгляда. — Мне как дальше на дырявом плыть? Клеиться надо. Чем ты недоволен?

— Вон там за подвесным мостом — мой лагерь, — пояснил Моржов. — У меня там пионеры и женщины. Увижу рядом твоих ублюдков — застрелю.

— Стреляй, — согласился мужик. — А ты что, вожатый, что ли?

— Вроде этого, — кивнул Моржов. — А у тебя что за упиздни?

— От ментовки, — туманно ответил мужик.

— Ментовские дети?

— Не дети. Трудные подростки. Которые на учёте в детской комнате состоят. Их на лето из города вышибают, чтоб не воровали, не хулиганили. Ментура денег даёт на походы.

— А ты кто?

— Да кто?.. — почему-то вдруг рассердился мужик. — Да никто! Взаяся в отпуске подработать. Продержать их на реке три недели. А так при элеваторе в Ковязине инженер-электрик.

— Бли-ин!.. — сказал Моржов. — А я и не понял! Думал, пахан какой... Предлагаю как педагогу с педагогом на «вы» перейти. Борис. — Он протянул мужику руку.

— Аркадий Петрович, — усмехаясь, сказал мужик, пожимая руку.

— А это Роза, — представил Моржов. — Тоже вожатая.

— Очень приятно. — Аркадий Петрович слегка поклонился. — Я уж думал, что вы какие-то новые русские... Думал, мои дегенераты нарвались на отморозка. Обидно, думаю, будет, если меня за дегенератов отморозок застрелит.

Моржов, а потом и сам Аркадий Петрович засмеялись.

— Пойдёмте к нам, чаю попьём, — предложил Моржов.

Аркадий Петрович оглянулся — нету ли поблизости подростков.

— Я этих козлов без присмотра не могу оставить, — сказал он. — Напортачат, сбегут в деревню... А там понятно — своруют чего-нибудь, подерутся или водяры добудут. Вечером сюда из деревни явятся такие же козлы порядок наводить... Плохо, что пришлось встать рядом с деревней. Я обычно километров на пять отплываю.

— Извините, и у самого сорвалось, — покаялся Моржов. — Я не понял сразу, что идиоты плывут. А то бы не сунулся.

— Ладно, прошу прощения, надо лагерь до ума довести. — Аркадий Петрович ещё раз протянул Моржову руку. — Приходите вечером, Борис. Сам-то я от этих ни на шаг..

Моржов и Розка пошли дальше.

Блуда и МУДО

— Да-а, — вздохнул Моржов. — Хорошо живут трудные подростки... В походы их бесплатно отправляют, денег дают на жратву, на снарягу новую... Вот смотри, Розка, это тебе пример действия в логике Антикриза!

Розка не слушала Моржова, а встала на цыпочки, на ходу прильнула к Моржову и жарко, сладко шепнула ему в ухо:

— Я тебя так люблю, Моржище...

В Троельге Моржова сразу окружили упыри.

— Видали, Брилыч, кто приплыл? — гневно орали они. — Шпана всякая! Мы там многих знаем! У них там у одного вообще убийство! А видали, какие у них лодки надувные?..

— Всё видал, — подтвердил Моржов, словно заново разглядывая своих упырей — Гонцова, Ничкова, Чечкина, Гершензона...

Уличные паца, уличные паца... Это были распушенные, невоспитанные, грубые, даже глуповатые, но очень хорошие дети. Они были достойны того, чтобы им устроили этот месяц в Троельге. Но понять это можно было только в сравнении.

— Я у них спальные мешки посмотрел, — мрачно сообщил Гершензон, — так наши мешки ихним в подмышки не годятся!

— А почему нас в поход не пустили за свои же деньги, а эти идут за бесплатно? — негодовал Ничков. — Нам и в этом-то лагере ночевать нельзя, да ещё по двести рублей с каждого содрали, а им всё можно?

— Очень просто, — объяснил Моржов. — Школу бросайте, воруйте, курите и пейте, хорошо бы ещё вам пару лет в тюрьме отсидеть, но это по возможности, конечно, — и тогда вас тоже бесплатно отправят в путешествие на новеньких катамаранах. Вон, к примеру, Розу Дамировну все вместе замочите, и будущим летом пойдёте в поход. И прививки от энцефалита ставить не надо.

— А почему?.. — потрясённо спросил Ничков.

Объяснять упырям про Пиксельное Мышление было рано.

Моржов только пожал плечами.

— Эх, ребята, — сказал он. — Мне ведь надо дальше к комиссии готовиться...

В Троельгу вернулись Милена и Сонечка, которые ездили в Ковязин за разными стенгазетами, гербариями, коллекциями бабочек и девчачьими дневниками из других лагерей. Всё это Моржов и девки развесили в корпусах по стенам. Моржов подумал, надо ли убирать «План эякуляции», но никто в упор не видел нового заголовка, и Моржов этот план оставил. Щёкин и Костёрыч, тяжело вздыхая, заполняли учётные журналы и планы методических мероприятий.

Вечером после ужина Моржов всё-таки решил навесить Аркадия Петровича.

Аркадий Петрович почему-то сидел у костра один, а с десятков трудных просто валялись в траве за лагерем и болтали.

— Добрый вечер, — сказал Моржов. — Можно к огоньку?

Он уселся, закурил, покрутил головой и спросил:

— А чего ваши трудные не с вами?

— Наказаны, — буркнул Аркадий Петрович. — Боже, как они мне надоели, уроды...

— Что, тяжело с ними?

— Нет, не тяжело... — Аркадий Петрович отрицательно покачал головой. — Скучно. Мучительно скучно. Представьте, Борис, что три недели подряд вы должны... скажем, каждые пять минут с выражением читать одно и то же стихотворение. Вы его возненавидите. У этих уродов жизнь вроде бы вольная, интересная, а на самом деле — одно и то же. До бесконечности.

— Украл, выпил, в тюрьму, романтика? — процитировал Моржов.

Блуда и МУДО

— Нет. Просто: украл — выпил. Украл — выпил.

Моржову на миг показалось, что это говорит кукушка из часов.

— Жалеете, что связались? — подсказал Моржов.

— Жалею времени потерянного... Зато — опыт. Я вот раньше даже как-то сочувствовал этой шпане... Трудное детство, в стране неразбериха, нищета, алкоголизм, наркомания, никому они не нужны... Брехня!

— Что, нет нищеты, алкоголизма, наркомании? — искренне удивился Моржов. Ему было интересно поговорить об этом с человеком знающим, но не хотелось оппонировать. А без оппонирования Аркадий Петрович говорить бы, наверное, не стал.

— Почему же, всё есть... Но это не причина, а следствие. А причина — личный выбор. Я смотрю на этих дегенератов и вижу, что они сами выбирают такую жизнь. Как им сочувствовать после этого? Они же счастливы. Счастливее нас.

— Нас ебут, а мы крепчаем, как говорят в армии.

— Крепчают. У всех есть свои дома. У двух из трёх у них есть родители. Половина из этих пацанов — из нормальных, вовсе не нищих семей. Но пацанам просто нравится так жить. Им не помогать надо, а мешать. А я — помогаю. Потому и противно.

— А почему им нравится так жить?

— А вот это загадка... Угостите сигареткой, Боря. Все мои сигареты эти гады или расстреляли, или украли... Я думал, что им так выгоднее. Но эта мысль неправильная. Например, многим из них родители могли бы давать на карманные расходы больше денег, чем они украдут. Тем более у нас в Ковязине. Но ведь родители дадут — и потом спросят: на что потратили? А ни на что хорошее они не потратят. Поэтому воруют, грабят.

Им так проще. Я понял, что люди живут не так, как выгоднее, а так, как проще.

— Откуда ж столько миллионеров? — удивился Моржов. — Неужто заработать... нет, организовать себе капитал — это проще?

— Кому-то — проще, чем жить в нищете. Мне вот проще работать, где работаю, чем воровать. Я своё детство вспоминаю... Тоже ведь шпана малолетняя была. Но тогда почти у всякой шпаны имелся наставник-урка. Пацанам было проще слушаться его, чем своим умом жить, вот и становились шпаной. А этих вот ведь не урки портят. Сами за себя решают жить так, как живут. Идиоты.

— Их жалеть — всё равно что жалеть индюка за то, что ходит, а не летает, так?

— Ну, почти так. Индюк-то и не сможет летать. А эти могут не воровать. В институт поступить не могут, да, но не воровать — могут. Мало ли у нас дураков с трёхклассным образованием живёт просто хорошо, по-человечески? Не богато — а нормально? Да, мухлюют там как-то, бывает. С работы чего уволюют. Грешны — и краденое купят по дешёвке. Но работают худо-бедно. Бомжей на смерть не запинывают ради интереса. Девчонок из своего подъезда не насилуют. Не проламывают головы старухам, чтобы пенсию забрать. Не режут таксистов, чтобы покататься...

— В топку их? — предположил Моржов. — Или перевоспитывать?

— В топку, — горько сказал Аркадий Петрович. — Хоть после этих слов про меня невесть чего и подумают... Перевоспитать их невозможно. Нечего перевоспитывать, если каждый живёт как проще. Надо, чтобы воровать было сложнее, чем зарабатывать. Тогда проще будет жить по-человечески.

— Какие-то утопические вещи вы говорите.

— Если никто не пробовал, то не значит, что это невозможно.

— Почему не пробовали? Пробовали. Не получилось.

— Не пробовали, — повторил Аркадий Петрович. — Охрана или наказание, вот чего пробовали, — а других способов не пробовали. Потому что не пробовать — тоже проще.

— А какие ещё есть способы? — хмыкнул Моржов. — Ничего не иметь? Это пробовали. Тогда тебя самого воруют.

— Значит, в топку, — признал Аркадий Петрович. — Есть же предел. Вот ведь вы с пистолетом ходите...

Моржов подумал, что имеются и ещё варианты, кроме охраны, наказания и неимения. Например, изоляция — чтобы никогда ни с кем не общаться. Или лоботомия — чтобы и мысли украсть в голову не пришло. Или же просто терпеть. Как, собственно, и происходит. Система выбирает то, что проще... если этот выбор не разрушает систему. А он не разрушает, если он — составная часть системы. М-да. Не шибко-то весело.

— А из-за чего эти сволочи у вас от костра отлучены? — спросил Моржов, меняя тему.

— Из-за вас, Борис, — сказал Аркадий Петрович и, подумав, добавил: — Отчасти, конечно... Я там троих отправил дыру от вашей пули заклеивать... Дурак. Дыру-то они заклеили, а потом клея нанюхались. Кривлялись тут, хохотали, облевали палатки и спальники... В общем, понятно. Кстати, Борис, хотел у вас спросить... А зачем вы вообще их остановили?

— А-а!.. — вспомнил Моржов. — Точно! У меня же к вам дело было! В свете вышеизложенных фактов я уж не знаю, уместно ли...

И Моржов вкратце пересказал Аркадию Петровичу ситуацию с комиссией и со своей аферой.

— Вот и хотел вам предложить изобразить американцев, — закончил Моржов. — За речкой на поляне побегать с мячиком, пока комиссия будет смотреть на вас. Только материться громко нельзя. А я скажу, что вы — американцы.

Аркадий Петрович похмыкал и снова стрельнул сигарету.

— А почему бы и нет? — задумчиво произнёс он. — Я помогу вам, Борис. Можете на меня надеяться.

— Это не бесплатно, — пояснил Моржов. — Я заплачу. Могу по пятьсот на подростка и тысячу вам.

Аркадий Петрович замотал головой.

— Деньги мне, конечно, нужны, — сказал он. — За деньги я на эту муку и пошёл... Но всё равно. Этим, — Аркадий Петрович кивнул на трудных, — никаких денег платить не надо. А я — не возьму. Если возьму, то буду чувствовать себя продажной девкой. Есть вещи, которые я делаю или не делаю, но ими не торгую.

Моржов ещё посидел с Аркадием Петровичем, разговаривая о жизни, подробнее обсудил схему завтрашнего представления и попрощался, оставив пачку сигарет.

Он шёл в Троельгу по тёмной дороге и думал о разговоре с Аркадием Петровичем, о самом Аркадии Петровиче. Есть ведь ещё такие мужики... Будь тогда на берегу на его месте настоящий отморозок, Аркадий Петрович рухнул бы в Талку с пулей во лбу. А сейчас — жив-здоров, вытирает жопы долбоёбам...

Бледные как привидения низкорослые тени заступили Моржову дорогу. Теней было, разумеется, три.

— Эй, мужик, погоди, не ссы... — хрипло сказала одна из теней.

Это был подросток лет уже четырнадцати — весь белый, дрожащий и мокрый. Моржов поначалу подумал, что он искупался, а потом догадался, что пацана просто ломает после клея.

— Ну? — спросил Моржов, останавливаясь. Ему было ничуть не страшно — только интересно, как при встрече с инопланетянами или, например, настоящими упырями.

— Ты чо там Аркаше пиздел про деньги? — Пацан ладонью вытирал с лица пот. — Слышь, давай так... Мы не трясём тебя, не думай... Ты нам щас заплати по пятьсот на каждого, а завтра мы тебе хоть в футбол, хоть во что сыграем...

— А если не заплачу? — поинтересовался Моржов.

— Не заплатишь, так мы, блядь, снимемся с утра да упиздячим. Нам хера ли тебе помогать?

— Лёху откумарило ваше не по-детски, — пояснил другой упырь. — Мы в деревню за пивом сгоняем — отольёмся перед завтрашним днём. А то, блядь, не встанем... Лёху пидарасит, как суку, сам видишь, и нас тоже... Помоги, не будь мудаком...

Моржов покашлял в кулак и с выражением сказал:

— Отъебись от меня стоебучим поебом, злоебучая мандахуёвина, охуевшая от своей заебитости!

Потом Моржов тихонько толкнул откумаренного Лёху в грудь костяшками пальцев и пошагал своей дорогой, слыша, как Лёха с матом рушится в куст.

Прямо с раннего утра Розка накормила трудных завтраком, и Аркадий Петрович увёл их за Талку. Кажется, трудные завалились в траву досыпать — во всяком случае, ничего похожего на бейсбол, Моржов в бинокль не увидел. Но предпочёл не дёргаться. Петрович обещал не подкачать, а сигнал к началу бейсбола — ракеты Гонцова.

Гонцов был отправлен на дорогу ровно в девять.

Все, кто оставался в Троельге, сидели вокруг стола под навесом и смотрели на ельник — словно в привокзальном

буфете в ожидании поезда. В десять сорок пять ракета Гонцова взмыла над ёлками, описала дугу и упала в хвойные волны.

— Взлетает красная ракета... — промурлыкал Моржов. — Подъём, господа. Комиссия прибудет через три минуты на первый путь. Прошу всех занять свои места у бойниц и амбразур. Дети и женщины идут в атаку впереди всех.

— Ну, ни пуха... — нахлобучивая панаму, пожелал всем Щёкин.

Щёкин и Костёрыч пошагали вдоль Талки вниз по течению. Розка, Сонечка и Наташа Ландышева пошли в кухню. Упыри направились к козлам, на которых уже лежала приговорённая к распилу шпала. Милена печально посмотрела на Моржова.

— Момент истины, Боря? — тихо спросила она.

— Апофеоз лицемерия, — возразил Моржов, бросил на землю окурок и шаркнул по нему подошвой.

Приплюснутая тёмная «Тойота» Манжетова вкрадчиво вкатилась на волейбольную площадку, словно летающая тарелка. Дверки открылись, и комиссия полезла на свет. Прогноз Моржова сбылся на все сто. Проверять обвиняемых Манжетова, Шкиляеву и Каравайского приехали сами обвиняемые, а также две дамы из областного департамента образования. Одна дама была молодая и подвижная, в больших очках и бейсболке (как раз в тему), а другая — уже в возрасте и грузная, с цветастым платком на плечах.

— Какая прелесть!.. — вертя головой, сразу восхитилась молодая. — Деревья, река, воздух!..

— ...наш лагерь «Троельга»! — продолжала тарыхтеть Шкиляева, не замечая приближающегося Моржова. — Это жилые корпуса, столовая с верандой, умывалка, спортивная площадка, туалет... Борис Данилович, а где дети?

— Здравствуйте, — сказал Моржов.

Манжетов хмуро кивнул и перевёл взгляд на Милену. Пожилая дама поджала губы. Каравайский Моржова не слышал, страстно вперившись в домик, где стояли теннисные столы.

— Здравствуйте! — жизнерадостно отозвалась молодая дама.

Моржов подождал, не представит ли Шкиляева его — комиссии, а комиссию — ему. Но Шкиляева обошлась без церемоний.

— Дети-то где? — напомнила она.

— Гуляют, — хладнокровно ответил Моржов.

— Как?! — поразила Шкиляева, словно вокруг Тролеги расстилались минные поля. — Почему не в лагере?!

— Они здесь уже двадцать восьмой день, — максимально внятно сказал Моржов. — Им здесь уже немного наскучило. Мы развлекаем их прогулками по окрестностям. Под нашим надзором.

— Дети не будут вам сидеть месяц на одном месте, — изнурённо, словно талдычила об этом уже сотню раз, сказала Моржову пожилая дама, зябко кутаясь в платок, и пояснила вдогонку: — Это же дети, а не взрослые! Надо понимать, честное слово!

Моржов не сообразил, что ответить. Он ведь сказал то же самое, но почему-то вдруг почувствовал себя виноватым.

— Какой вы загорелый! — восхищённо заметила ему молодая.

Моржов в признательности слегка поклонился.

— Давайте осмотрим лагерь! — бодро предложила Шкиляева.

— Начнём с того корпуса! — Каравайский тотчас указал на домик, где стояли его любимые теннисные столы.

Пожилая дама устало вздохнула и слегка повернулась к домику; в который рвался Каравайский, но увидела упырей, пиливших шпалу. Даму словно парализовало.

Моржов тревожно посмотрел на упырей в бинокль, но ничего особенного не заметил.

— Это кто?.. — потрясённо спросила гранд-дама.

— Дежурные, — ответил Моржов и на всякий случай ещё раз посмотрел на упырей в бинокль. — Пилят дрова готовить обед.

— Дети?.. Пилят дрова?.. — едва слышно переспросила дама-гранд. — У нас что, рабовладельческий строй?

— Нет, у нас печное отопление, — ответил Моржов.

— Я же привозил два баллона газа! — взвился Каравайский.

— Они закончились, — скромно сказал Моржов.

— Надо было сообщить администрации! — зыркнула на Моржова Шкиляева. — Жалобы в область вы писать можете, а своему начальству сказать не можете!

— Мы бы свозили баллоны на зарядку! — негодовал Каравайский за неиспользованный шанс. — Заодно и столы бы увезли!..

— Я в детстве так любила пилить дрова!.. — мечтательно поделилась со всеми дама-джуниор.

Моржов оглядел её внимательнее. А дама-то была ничего себе. И не дама, а девка, ровесница Моржова, не старше. И без кольца на пальце. И без лифчика под блузкой.

— А я никому ни на что не жаловался, — сказал Моржов.

— Я ничего не понимаю... — тихо и сокрушённо призналась дама-гранд, перекрещивая концы платка на груди.

— А кто жаловался? — тотчас вцепилась в Моржова Шкиляева.

— Письмо было подписано Чунжиной, Идрисовой, Опёнкиной! — весело сообщила джуниорка.

— Это не важно, — тяжело произнёс Манжетов в сторону, продолжая глядеть на Милену.

— Я-а-асненко, — с угрозой заключила Шкиляиха, проигнорировав слова Манжетова.

Блуда и МУДО

— Это не важно! — раздражённо повторил ей Манжетов.

— А это что? — вдруг опять поразились гранд-дама.

Она указывала на шеренгу умывальников. Моржов еле сдержал порыв осмотреть умывальники в бинокль.

— Это умывальники, — неуверенно сказал он.

— Я вижу, что умывальники! — ответила гранд-дама.

Моржов не знал, что ещё сказать. Вся комиссия замолчала, отыскивая в облике умывальников что-нибудь удивительное.

— А... в чём дело? — осторожно спросил Моржов.

— Почему без крыши?

— А... нужно крышу? — уточнил Моржов.

— А если дождь?

Моржов ничего не мог придумать в ответ. Если дождь — значит дождь. Дети промокнут. Впрочем, они ведь и так бы шли умываться... И вообще, не желают — так пусть и не умываются. Ни в дождь, ни в ведро. Грязнее от этого не станут.

— Крыши нет! — сурово и самокритично констатировал Каравайский как самый смелый из членов комиссии.

— Александр Львович! — обратилась гранд-дама к Манжетову. — Областной департамент выделял немалые средства на подготовку летних лагерей к сезону! Почему этот лагерь не готов?

— Он у нас недействующий! — лягнула Шкиляева.

Гранд-дама набросила платок себе на голову и завязала его концы так решительно, словно перерезала себе горло.

— А чего у вас в недействующем лагере уже двадцать восемь дней делают эти несчастные дети? — спросила она и указала рукой на упырей, сидящих вокруг кóзел со шпалой.

— Галина Н-николаевна! — не выдержав, процедил Манжетов, прожигая взглядом дыру в Шкиляихе.

Шкиляиха и вправду задымилась.

— Ну... то есть... — залопотала она.

— Осенью мы планируем передать этот лагерь управлению железной дороги в обмен на спонсорскую помощь Антикризисному центру, — опустив глаза в землю, признался Манжетов. — Поэтому никаких капиталовложений в этот лагерь не осуществлялось.

— А почему областной департамент не в курсе ваших планов?

— В курсе! — жизнерадостно возразила джуниорка.

— Я не вас спрашиваю, Людмила Сергеевна, — обрвала джуниорку гранд-дама. — Мне кажется, этот вопрос вне ведения вашего отдела.

— Пока ещё этот вопрос на согласовании, — совсем мрачно произнёс Манжетов. — Но это мы обсудим позже, Анна Фёдоровна.

Моржов ухмыльнулся. Вот сквозь какую дырку все увидели тусы Манжетова! Железнодорожникам нужна Троельга, а Манжетову нужны деньги. Антикризис окажется удобным соединением для взаимоудовлетворения этих пока что не сообщающихся сосудов. Манжетов оказался не так уж и хитёр, если весь камуфляж его схемы обогащения размыл первый же дождичек над Троельгой.

— В стране проблемы образования объявлены приоритетными, да и проблемы здравоохранения тоже! — объявила гранд-Фёдоровна. — А мы у себя отдаём свои учебно-оздоровительные учреждения другим собственникам?

Манжетов взглядом словно хлестнул по Люсе-джуниорке.

— Анна Фёдоровна, давайте об этом потом! — ласково сказала Люся, подхватывая гранд-Фёдоровну под локоток.

Моржов со значением посмотрел на Милену, всё так же сидевшую на скамеечке у стола под навесом. Милена, конечно, всё видела и про всё догадалась — и про от-

кат железнодорожников за лагерь, и про Манжетова с Люсей-джуниоркой. Ну, что же, правильно. Для Антикриза Манжетову, разумеется, нужны паровозики и в областном департаменте тоже. Милена опустила глаза, нервно поправляя волосы на виске.

— Я ничего не понимаю! — упорствовала гранд-Фёдоровна. — Где безопасность? А если детей затынет и покалечит?

Все молчали, и Моржов молчал.

— Борис Данилович! Вас спрашивают! — рывкнула Шкиляева.

— А?.. — оторопел Моржов. — В чём дело?..

Прокурорским жестом Шкиляева указала на скворечник с электромотором для насоса, который качал воду из скважины.

— А при чём здесь я? — разозлился Моржов. — Я не электрик! Я этот мотор здесь не устанавливал! Я вообще не начальник лагеря! Михаил Петрович начальник!

— Михаил Петрович! — Гранд-Фёдоровна гневно и грозно развернулась на Каравайского, как орудийная башня линкора.

— Да чего у нас готово-то?! — закричал Каравайский, на всякий случай отбежав на пару шагов назад. — Ничего не готово! Я два года столы отсюда вывезти не могу! Всё нету денег на машину!

Комиссия, кстати, ещё и на три метра не отошла от «Тойоты» Манжетова. Упыри уже галдели о чём-то своём, поняв, что никто ими не заинтересовался. За Талкой стучал мяч и невнятно вопили трудные. Розка и Сонечка вынесли из кухни две здоровенные кастрюли с обедом на шестьдесят человек, водрузили их на стол на всеобщее обозрение и присели рядом с Миленой. Наташа Ландышева независимо пошла в корпус.

— По-моему, мне уже всё ясно! — завершила период гранд-Фёдоровна. — Я совершенно согласна с вами,

Михаил Петрович. Лагерь абсолютно не готов к приёму детей. И я совершенно согласна с теми женщинами, которые написали жалобу. — Гранд-Фёдоровна посмотрела на сидящих в ряд Милену, Розку и Сонечку и дружелюбно спросила: — А где они, кстати?

«Кто здесь?..» — по-щёкински подумал Моржов.

— Вот они, — обречённо сказала Шкиляева и ткнула пальцем.

Гранд-Фёдоровна уставилась на Милену, Розку и Сонечку так, словно они сей момент материализовались на этой скамейке из пустоты. А Моржов услышал, как за его спиной Манжетов тихо заговорил с Люсей-джуниоркой:

— Она что, белены объелась?

— Сашенька, она всегда такая.

— На кой чёрт её послали?

— Да не волнуйся ты... У нас давно её всерьёз не воспринимают.

У Моржова даже затылок зачесался — так захотелось оглянуться и увидеть лица Манжетова и Люси-джуниорки. Значит, Люся, как и Алиска, тоже в манжетовском ОПГ... Щупальца Манжетова простирались весьма далеко. Даже в управление железной дороги.

Милена не выдержала накала сочувствия во взгляде гранд-Фёдоровны и отвернулась. Сонечка глупо открыла рот. Розка отважно набрала в грудь воздуха и, покрасневшись, выдала моржовскую заготовку:

— Мы отказываемся от своей жалобы!

— Как? — обескураженно квакнула гранд-Фёдоровна.

Моржов затылком почувствовал мгновенно возросшее напряжение Манжетова, Люси-джуниорки и Шкиляевой.

— А вот так, — ответила Розка. — Мы написали жалобу необдуманно. Не взвесили всех своих возможностей. Мы сожалеем.

Моржов смотрел на Розку восхищёнными, влажными глазами.

— И... это все так считают? — уточнила гранд-Фёдоровна.

— Мы сами изыскали возможности, чтобы исправить недостатки организации, — глядя в землю, тихо сказала Милена.

Сонечка кивнула.

Для Моржова это звучало так, будто девчонки признались ему в любви. Оказывается, он и не очень-то верил в такое счастье. Моржов почувствовал, что рвётся заняться сексом сразу с Миленой и с Розкой одновременно — прямо сейчас и без виагры. Девчонки не подвели! Моржов хотел свернуть небо, как свиток, и развернуть его обратно, бросив девчонкам под ноги.

— Наши педагоги умеют справляться с трудностями! — с презрением и превосходством заявила гранд-Фёдоровне Шкиляиха.

— А как же недостача инвентаря, о которой вы писали? — усомнилась гранд-Фёдоровна.

— Инвентарь завезём, — пообещала Шкиляева.

— А отмена выходных?

— Добавим дни к отпуску.

— Ненормированный рабочий день?

— Доплатим.

— Отсутствие начальника?

— Объявим выговор.

— А!.. А столы?! — жалким шёпотом воскликнул Каравайский.

— Вы писали, что среди вас двое — матери-одиночки с детьми...

«Выдадим замуж», — за Шкиляиху ответил Моржов и порадовался, что Щёкина нет рядом.

— Я хочу увидеть детей, — наконец объявила гранд-Фёдоровна.

— Они же в городе, — строптиво ответил Моржов и подумал: неужели комиссия без предъявления детей не поверит девкам, что они — матери-одиночки?

— Ваших детей, Борис Данилович! — злобно пояснила Шкиляева.

В голове у Моржова, как вагонные сцепки на сортировочной станции, загрохотали перестыковывающиеся мысли.

— Простите, — смешался Моржов. — Да, конечно... Наши дети на экскурсии, а американцы вон за речкой играют в бейсбол.

Комиссия повернулась к Талке, где на противоположном берегу за кустами мелькали трудные подростки.

— Мне очень нравится бейсбол! — восторженно призналась Люся-джуниорка. — Очень мужественная игра!

— А почему все где-то далеко? — с подозрением спросила гранд-Фёдоровна.

— Это не далеко, — возразил Моржов. — До американцев триста метров. Просто на нашем берегу нет подходящего участка для игры. А американцы очень серьёзно относятся к бейсболу. Бейсбол в Америке — национальный культ. Для всех американцев состязания по бейсболу — дело принципа. В домике, где живут наши гости, вы можете посмотреть их таблицу кубка Троельги.

Моржов гнал эту туфту с неподвижным лицом и смотрел на Манжетова. Уж Манжетов-то наверняка знал, что ни американских, ни отечественных детей в Троельге нет. Но Манжетов был опутан опасениями, как Гулливер — ниточками лилипутов, и потому лишь внимательно, удивлённо глядел на Моржова, но молчал.

— А наши дети собирают окаменелости для подарочной коллекции, — продолжал Моржов. — Где-то в километре отсюда дорога проходит по выемке в холме, и там можно найти всякие камни. С нашими детьми Константин Егорович и Дмитрий Александрович. А с американ-

цами — их руководитель... э-э... Бенджамен. Бенни. Мы все зовём его Бенни.

— Как здорово! — искренне восхитилась Люся-джуниорка.

Похоже, Манжетов не счёл нужным посвящать Люсю в обстоятельства жизни Троельги, и Люся всему поверила как дура.

— И всё-таки мы должны узнать, есть ли у детей претензии к организации лагеря! — сурово объявила гранд-Фёдоровна.

— Безусловно, — слегка поклонился Моржов. — К детям можно пешком или на машине. Пешком ближе. Как вы предпочтёте?

Гранд-Фёдоровна не ответила и развернулась к «Тойоте».

— Пускай Борька съездит, покажет, а я пока столы проверю! — шепнул Каравайский Шкиляевой. — Эти американцы что угодно могли со столами сотворить, мозгов-то нету!..

Шкиляева с досадой махнула на Каравайского рукой.

Гранд-Фёдоровна, Люся-джуниорка и Шкиляиха забралась в машину, Моржов полез на сиденье рядом с водителем, а Манжетов ещё копался, поправляя зеркальце. Моржов понял, что Манжетов смотрит на Милену. Из машины Моржов не видел лица Манжетова, но видел, как Милена встала со скамейки, отвернулась и решительно пошла прочь. С побледневшими, обвисшими щеками Манжетов уселся за руль.

— Говорите, куда ехать, — не глядя на Моржова, велел он.

Машина выкатилась из Троельги, взобралась на подъём и на шоссе свернула в сторону села Сухонавозово.

— У нас вообще нет педагогов ниже двенадцатого разряда, а шестеро с высшей категорией! — пела гранд-Фёдоровне Шкиляева. Шкиляева была довольна

разгромным вердиктом начальства, поскольку для неё высказанное порицание означало невысказанное поощрение. О том, что сама же она собирается закрывать МУДО как нерентабельное, она забыла напрочь и по привычке хвасталась успехами: — В прошедшем году двадцать два воспитанника стали призёрами различных всероссийских соревнований! Трижды к нам приезжало телевидение! Были организованы семь тематических выставок!.. Четыре педагога удостоились благодарности!..

Моржов глядел в своё окошко. Вот сейчас он молча едет бок о бок с Манжетовым... Два соперника, два врага... Моржов ухмылялся в злобном воодушевлении. Девчонки выбрали его! Точнее, Милена выбрала его! Манжетов уже проиграл. Но этого мало: сейчас проигравший Манжетов ещё и везёт Моржова к триумфу, а себя — на позор. Не бесплатно, разумеется, но и не за счёт Моржова. И для Моржова всё это было как его гражданская сатисфакция за вечное существование под угрозой чужого, безжалостного интереса.

«Тойота» промчалась над Талкой по новому бетонному мосту, пересекла поле и вкатилась в Колымагино.

— Налево, — возле церкви указал Манжетову Моржов.

«Тойота» проехала через село и вылетела на полевую дорогу. Вдали, почти на горизонте, виднелась заброшенная ферма.

— Какой простор!.. — восхищалась Люся-джуниорка, выглядывая в открытое окошко. Кепи Люся сняла, волосы её растрепал встречный ветер, и Люся оказалась очень милой, симпатичной девушкой.

«Тойота» проехала мимо кирпичных руин фермы, мимо ржавого остова комбайна и остановилась у ямы, откусившей половину дороги.

— Объезд справа, — иезуитски-заботливо подсказал Моржов.

Блуда и МУДО

— Я там не проеду, — после раздумья ответил Манжетов. — У меня же клиренс не как у джипа... Сяду на днище.

— Тогда пешком, — пожал плечами Моржов. — Здесь недалеко, километра два.

— Я так люблю ходить пешком! — воскликнула Люся.

На заднем сиденье яростно засопела гранд-Фёдоровна.

— А есть ли какой-нибудь другой способ? — проскрипела она.

— Боюсь, что нет, — нежно сказал Моржов. — Мы ходим своими ногами. Вброд через речку. Там неглубоко, меньше полуметра. Нас машины не возят. Если желаете, могу предложить вам бинокль.

Блестящая чёрная «Тойота» стояла перед глиняной ямой посреди заброшенной фермы. В бурьяне стрекотали кузнечики. Над развалинами носились стрижи. Солнце горело в небе, как гиперболоид. Манжетов вцепился в руль и глядел на дорогу так, словно мчался со всей возможной скоростью. Никто не дёрнулся выйти из машины. Моржов смотрел в открытое окошко, и ему казалось, что в дрожащем мареве он видит двух полупрозрачных мерцондов, сидящих на бетонной плите возле остова комбайна, — себя и Милену.

— Едем к другой группе! — яростно приказала гранд-Фёдоровна.

Манжетов цыкнул зубом, послушно дал задний ход и тихо спросил у Моржова:

— А там тоже яма на дороге?

— Никак нет, — любезно ответил Моржов. — Я вам покажу, куда ехать. Пока что нужно обратно на шоссе.

— Благодарю, — буркнул Манжетов.

Моржов откинулся на спинку и опустил в окошке стекло. «Кто тебе мешает, кроме тебя самого? — подумал он, обращаясь к Манжетову. — Ты химичишь, и я химичу. Но ты начал первый. И я не могу схватить тебя за руку.

А ты меня можешь. Хватай! Чего же ты послушно крутишь баранку и жмёшь на педали, если знаешь, что тебя поимеют? Выводи меня на чистую воду! Давай-валяй! Кто тебе мешает, кроме тебя самого?»

— А что, Борис Данилович, вы не могли оставить детей в лагере? — яростно прошипела Шкиляиха.

— Нас, Галина Николаевна, никто не предупреждал о вашем приезде, — ласково ответил Моржов, не обращившись. — Если бы мы знали заранее, конечно бы, мы организовали общее построение с выносом знамени. Но сегодня мы живём по нашему обычному расписанию. В правилах лагеря не указано, что детей двадцать восемь дней нельзя выпускать с территории даже под надзором.

«А получайте по заслугам, — спокойно думал Моржов и про Манжетова, и про Шкиляиху, и про комиссию. — Ведь это всё придумали вы, а я только скромно пристроился сбоку. Без вас я ведь даже и украсть ничего не смогу. И поэтому вы мне доверяете. Правильно. Нельзя подозревать в человеке дурное, если человек вам пока не мешает. Думать про человека всякую хрень — плохо, недемократично, не по-христиански. В конце концов, это даже невыгодно! Выгодно думать, что ближний прекрасен, и можно экономить средства на охране от ближнего. Экономному — бонус! Пользуйтесь, господа!»

— А теперь нам направо, — указал Моржов Манжетову.

Манжетов притормозил у съезда на грунтовку.

— Я действительно не застряну? — ещё раз спросил он.

— Вы мне не доверяете! — обиделся Моржов.

Манжетов медленно поехал вниз по просёлку, по которому когда-то Моржов на раме велосипеда лихо свёз Розку, нахально заголив ей груди. Машина сползла со склона и остановилась перед деревянным мостом с дощатыми выкладками поверх бревенчатого настила.

— Ну что там ещё? — недовольно спросила гранд-Фёдоровна.

— Здесь колеи проложены для грузовиков, — пояснил Манжетов. — Если я поеду, то у меня два колеса покажутся прямо по брёвнам. А между брёвнами щели. Я застряну.

Моржов подумал и решил не шадить Манжетова.

— Можно переложить доски так, чтобы получились колеи для легковушки. Но перекладывать надо вдвоём.

Манжетов затравленно молчал, барабаня пальцами по рулю. Шкиляева, гранд-Фёдоровна и Люся-джуниорка ждали.

— Я не стану таскать эти грязные доски, — твёрдо сказал Манжетов.

— Александр Львович не станет таскать эти грязные доски, — повторил Моржов дамам, оборачиваясь в прозор между сидениями.

— Неужели нам и тут не проехать? — спросила гранд-Фёдоровна уже по-настоящему усталым голосом.

— Не проехать, — подтвердил Моржов.

— Какое-то заколдованное место!

— Обычное российское бездорожье, — возразил Моржов. — Нужно пешком.

Гранд-Фёдоровна молчала, теребя кончики платка на груди.

— Если хотите, вы можете отсюда посмотреть на детей в бинокль, — спокойно предложил Моржов. — Их хорошо видно на пригорке. И Константина Егоровича с Дмитрием Александровичем видно. А ещё мы можем вернуться в лагерь и дожидаться детей там.

— Во сколько они придут? — спросила гранд-Фёдоровна.

Моржов, как и любой житель Ковязина, знал, что электричка в областной центр уходит из Ковязина в семь. Следующая и последняя — в одиннадцать.

— Дети вернутся в лагерь часов в семь, — сказал Моржов. — У них ужин, а в восемь — электричка домой.

— Можно подождать... — робко предложила Шкиляева.

— Мы покажем вам собранные коллекции окаменелостей и гербарии. Таблицы спортивных соревнований. Вы посмотрите журналы учёта и дневник лагеря, — пообещал Моржов. — Это ведь важно. Это результаты нашей деятельности. Результативность деятельности педагогов — одно из требований объявленной реформы системы образования.

«Но в этом случае домой вы поедете в одиннадцать, а вернётесь в два часа ночи, — от себя добавил Моржов. — Установление истины требует жертв!»

— Я думаю, ждать не имеет смысла, — решительно сказала гранд-Фёдоровна. — Надо возвращаться в город. И без этого работы невпроворот. С вашим лагерем и так, в общем, всё ясно, хоть мы и не смогли встретиться с детьми.

— А что ясно? — не оборачиваясь, спросил Манжетов.

«Тойота» стояла на зелёном берегу перед старым бревенчатым мостом. Пять человек сидели в тесной машине.

— Ясно, что лагерь был организован плохо, но педагоги сумели справиться, — строго рассказала гранд-Фёдоровна. — Жалоба была обоснованна, но ситуация выровнялась. Не знаю, нужно ли кого-нибудь поощрять за всё это мероприятие, но и наказывать бессмысленно.

Манжетов грузно оглянулся через плечо в проём между сидениями.

— И вы тоже так считаете, Людмила Сергеевна?

— Конечно, — на всю машину улыбнулась Люся-джуниорка.

— Дамы извинят меня, если я выйду и быстро покурю? — спросил Манжетов.

— Сигареты вас погубят, — ответила гранд-Фёдоровна.

Манжетов и Моржов вылезли из машины и закурили у капота. Моржов, отвернувшись, смотрел на дальнюю полянку. Там и сейчас словно горел невидимый костёр любви, в котором таяли очертания других двух мерцоидов — теперь уже его с Розкой. Моржов смотрел на мелкую реку и покатые горы, на высокое небо, расчерченное ласточками, и ему казалось, что он словно бы отстоял Троельгу от врагов. Не в физическом смысле, а в каком-то ментальном. Не дал испоганить счастье.

— Поздравляю, Боря, — сказал Манжетов.

— Благодарствую, Саша.

— У вас интересный метод, — помолчал, сказал Манжетов. — Но он годится только для вас.

— Не обязательно, — возразил Моржов. — Но в целом вы близки к истине. Настоящая наглость встречается реже, чем настоящее равнодушие. Только не путайте наглость с хамством.

— Это не наглость против равнодушия, а просто блеф.

— Это не просто блеф, а системный блеф. Он и есть социальная наглость. Мы же не в карты играем, хотя на кону очень многое.

— Вы считаете, что выиграли?

— Я считаю, что не проиграл. Всем спасибо за лицемерие.

— Время покажет, кто проиграл, а кто выиграл.

— Ничего оно не покажет, — вздохнул Моржов. — Равнодушие сильнее времени. А Каравайского вы кидаете?

— Да хрен с ним, — простецки ответил Манжетов, затапывая окурок в дорожную пыль.

— И я так думаю, — согласился Моржов.

Время будто закольцевалось. «Ничего не меняется, даже дата та же самая!..» — сетовал как-то раз Щёкин. Опять был полдень. Опять Моржов сидел на штабеле шпал за

перроном. Опять рядом были Щёкин и Сонечка. Но появились и дополнения. Поодаль в подростшей за месяц траве лежал Костёрыч, а вокруг него валялись упыри. Рюкзачишки упырей кучкой громоздились на перроне. Там же стояли Милена с Наташей Ландышевой, о чём-то солидно беседуя. Розка, ревнуя Моржова к Сонечке, ходила вдоль путей и вглядывалась в марево железнодорожной перспективы. Дети пришли на электричку, чтобы ехать из Троельги домой. Взрослые пришли их проводить.

— Когда у меня Михаил родился, я вообще крепко погряз, — болтая ногами, рассказывал Сонечке Щёкин. — Как же я буду учить его говорить? Слов-то разных до хрена. Всех не упомнишь сразу-то. А забудешь научить какому-нибудь важному слову — и вырастет у тебя сын дурак дураком. Ну, взял я орфографический словарь. Решил, что самые нужные слова отмечу галочкой. С годовалого возраста начну учить прямо с буквы «А»...

Моржов молча смотрел на долину — уже всю сплошь обжитую им, понятную, знакомую, как нагота любимой женщины. Вниз и вдаль от полустанка двумя широко разнесёнными кулисами простёрлись леса. Между ними под уклон к Талке скатывался цветущий луг. Вон там недавно ещё стояли палатки трудных подростков... В том ельнике упыри затеяли строить, но так и не достроили штаб... На подвесном мосту, как в гамаке, Моржов взял Сонечку... На том перекате как-то ночью купалась голая Розка... В заросшие поля за Талкой Моржов увозил на велике Милену... Село Колымагино опять издалека звонило колоколами церкви. Плыли облака — причудливые, словно инопланетные. Всюду мощно сиял полдень, туго и плотно набивая светом каждую щёлочку, каждый закуток, каждую складку фактуры.

— Сколько времени уже? — сварливо спросила Розка, подходя к Моржову.

Моржову хотелось приобнять её, как Щёкин спокойно обнимал Сонечку, но, понятно, при Милене было нельзя.

— Без пяти, — улыбаясь, сказал Розке Моржов.

— И где эта электричка?

Моржов беспомощно пожал плечами.

...Все они сейчас пришли провожать упырей, и в этом общем деянии для Моржова вдруг проступил главный смысл его личных усилий. Нет, главным смыслом была вовсе не любовь Сонечки и Щёкина, не развод Розки с Сергачом, не перезагрузка подвисших файлов Милены, даже не секс со всеми, кто понравился. Главный смысл заключался в другом... «Продлить лето!» — требовали вчера упыри. Как гордый орёл, Моржов снёс в гнездо Троельги яйцо настоящего упыриного счастья на целый месяц. Кто бы мог подумать, до чего способна довести виагра... И сейчас Моржову казалось, что все они, взрослые, не отправляют упырей по домам, а, наоборот, провожают их в какую-то отлучку из дома. Ведь дальше — без Троельги, без упырей, только с сексом — Моржову будет скучнее... Не потому, что не сладко, а потому, что одной лишь сладости для полноты вкуса мало.

Моржов курил.

— Если ты, Вася, отдашь мне половину камней, тогда я помогу тебе дотащить твой мешок, — тихо торговался с Серёжей Васениным Гершензон. — А если не отдашь, тогда тащи сам.

— Ну зачем они тебе? — упорствовал Серёжа, защищая целостность своей коллекции окаменелостей. Коллекция была сложена в холщовый мешок из-под спагетти, который Серёже дала Розка. — Ты же всё равно их не знаешь, белемнита от мшанки не отличишь...

— Я осенью к вам в кружок запишусь и всё узнаю. Чо ты жадный-то такой? Я вот тебе свой ножик подарил —

и ничего, не жалею. А ножиком, между прочим, вообще человека убить можно.

— Камнем тоже можно, — отстаивал научную значимость своих сокровищ Серёжа.

Сзади раздался хруст гравия. Моржов оглянулся. Это подходили друиды. Моржов не видел их с того дня, как их послал Сергач. Друиды были всё такие же: небритые и загорелые, в пиджаках поверх маек, в трико с тормозами, в обрезанных резиновых сапожках. Такие же — и уже не те.

— Здорово, — сказали друиды, по очереди протягивая Моржову руку. — Сигаретой угости...

Лёнчик забрал у друидов мотоциклетку — и лишил друидов смысла жизни. Зачем им вкалывать, если нельзя сгонять в Колымагино за выпивкой? А идти пешком — здоровье уже не то... Из друидов словно вынули стержень. Точнее, друиды сами вынули его из себя и смиренно отдали Лёнчику, который сдал его в металллом за копейки, а копейки сам и пробухал. Теперь друиды были просто противны Моржову, как раздавленные лягушки. Пожилые, бездарные, глупые мужики — и всё. Не более. Уж никак не хозяева Троельги. Не рукастые, деловущие умельцы. Не лихие и хваткие выпивохи. Просто никто.

— Домой поехали? — спросил Бязов (Чаков).

— Детей провожаем, — пояснил Моржов.

Друиды столько времени вертелись в Троельге, а своими здесь не стали... Почему? Потому что финал их усилий был иным, нежели финал усилий самого Моржова, Щёкина, Костёрыча, Милены, Розки, Сонечки... У друидов финалом была бутылка, а не дети. От обитателей Троельги друиды отличались отдельным базисом, хотя надстройка вроде бы выглядела общей.

— Слышь, командир, ты в городе, если увидишь того парня... — начал было Чаков (Бязов).

Блуда и МУДО

— Скажу, чтобы отдал вам мотоцикл, — сам закончил Моржов.

Друиды скорбно и благодарно закивали.

Моржову совсем не было их жалко. Моржов понял, что, когда Лёнчик забрал мотоциклетку друидов, случился мировой переворот и вселенная превратилась в блуду. Во вселенной добро было субстанционально — то есть вселенная была сделана из добра, а зло только заполняло пустоты, пусть и весьма обширные. Но с потерей мотоциклетки точка тяжести переместилась, и вселенная перекувыркнулась, превратившись в блуду. А в блуде субстанционально было зло. Добро же ютилось только там, куда смогло проникнуть. Во вселенной человеческая глупость была опасна лишь тогда, когда её прибирал к рукам какой-нибудь злой умник. Сама же по себе она была неприятна, но безвредна. А в блуде, отформатированной Пиксельным Мышлением, глупость превратилась в разновидность зла. И теперь отчуждения от глупцов Моржову хотелось столь же яростно, как и отчуждения от разных негодяев. Дураки уже достали Моржова не меньше подонков.

Вдали засвистела электричка, тихий перестук эхом побежал по молчавшим рельсам. Упыри вскочили, кинулись на перрон, схватили свои рюкзаки и загомонили, стараясь успеть сказать то, что не сказали вовремя:

— Дрисаныч, вы Костёрыча тоже в поход с нами берите!..

— Брилыч, до свидания!..

— Брилыч, мы к вам на выставку придём!..

— Роздамир-на!.. Соф-санна!.. Мильмитревна!.. До свидания!..

— До свидания, мальчики... До свидания... — как-то неумело прощалась Милена и растерянно улыбалась.

— Ур-родцы!.. — плакала Розка, жадно целуя любого, попадающегося ей в руки.

Соня спрыгнула со шпал, но стеснялась вклиниться в суету и стояла в стороне, закрыв ладошками рот. Глаза её были такими мокрыми, будто она провожала упырей по меньшей мере в Сибирь.

— Ничего не забыли?.. — метался по перрону Костёрыч. — Отойдите от рельсов!.. В электричке осторожнее!.. Окна не открывайте!.. Если чего-то в лагере оставили, я привезу, не беспокойтесь!..

Наташа Ландышева балетным шагом подошла к Моржову и вежливо сказала:

— До свидания, Борис Данилович! Спасибо за лагерь!

Привстав на цыпочки, она культурно поцеловала Моржова в челюсть куда-то снизу и сбоку.

Банкет в честь закрытия лагеря подразумевал подогретое вино и жаренные на костре сосиски. Моржов развёл огонь, потоптался вокруг, наблюдая, а потом исчез, оставив у костра шумно хлопочущих и смеющихся девок. Моржов искал куда-то запропастившегося Щёкина.

В холле жилого корпуса было уже темно, словно сумерки наступили здесь раньше, чем под небом. Вдоль стен громоздились тюки со спальными мешками и клеёнчатые сумки с неизрасходованными продуктами. Розка уже распределила продукты между всеми поровну. Щёкин сидел у окна и курил, глядя на неяркий закат.

— Чего загрустил? — спросил Моржов, присаживаясь напротив.

— А чего радоваться? — пожал плечами Щёкин. — Вернусь домой — прежняя бодяга начнётся. Город. У Светки в голове опять марсиане приземлились. Тоска зелёная. Здесь хоть Сонька есть...

— Ежели у вас любовь, так Сонечка и в городе никуда от тебя не денется, — заметил Моржов, закуривая.

— А где мне с ней в Ковязине встречаться? На каруселях? — Щёкин ожесточённо сплюнул прямо на пол.

Блуда и МУДО

— Я могу вам свою комнату уступить.

Щёкин подумал, отвёл взгляд и ответил с усталой злостью:

— Не переборщи. Ты и так мне уже до хрена всего уступил.

— Ты это о чём? — серьёзно спросил Моржов.

Щёкин затянулся сигаретой так, что она истлела до половины.

— О Соньке, — честно сказал он. — И спасибо тебе за неё, кстати.

— Не стоит благодарности, — холодно произнёс Моржов.

— Я ведь на тебя не в претензии... — помолчав, сказал Щёкин. — И допытываться ни у тебя, ни у Соньки ни до чего я не буду. Кто с кем трахался — это не важно. А самолюбие и заровнять можно.

— Если хочешь совет от друга, то могу дать, — осторожно произнёс Моржов. — Заводи женщину, чтобы тешить её самолюбие, а не своё. Своё самолюбие всё равно всегда безутешно.

Моржов чувствовал всю горечь Щёкина, но не считал себя виноватым. Он и сам, как Гумберт — Лолиту, взял Сонечку уже распечатанной. Но его это только удивило, а Щёкина — уязвило.

— Дорого бы я заплатил, чтобы узнать, почему Сонька дала... — мрачно и как-то отрешённо заметил Щёкин.

— Этот взнос не в мою сберкассу.

— Чистосердечное признание — кратчайший путь за решётку, — понимающе усмехнулся Щёкин, ввинтил окурочек в консервную банку, служившую пепельницей, и встал.

Моржов подумал, что Щёкин решил оборвать разговор и уйти. Щёкина, конечно, покорила форма моржовской щедрости, но Моржов не мог сердиться на щёкинскую обиду, потому что он действительно всё-таки

немножко отъел от подарочного тортика. Но иначе Щёкину вообще ничего не досталось бы.

Но Щёкин не собирался уходить. Он подошёл к стене, на которой белел планшет «План эвакуации», вытащил из него ватман со схемой жилого корпуса и вернулся обратно. Сев на свой стул, он положил ватман себе на колени чистой стороной вверх, извлёк откуда-то огрызок карандаша и принялся что-то писать и чертить.

— Я у тебя ничего не спрашиваю, — повторил он, разъясняя, — а просто экстраполирую в прошлое ход событий настоящего. Логику «ты трахался с Розкой, трахался с Миленой, значит, и с Сонькой тоже» я отмечаю по причине её отсутствия. Я рассматриваю общий ряд твоих деяний... Весь цикл... Одни и те же ситуации, одна и та же последовательность. Для наглядности я свёл всё в таблицу. Ознакомься с этим сценарием галлюцинаций. Читать в памперсе!

Моржов принял у Щёкина ватман и, сощурившись, уставился в строчки. Щёкин бросил карандаш на подоконник, откинулся на спинку стула, снова закурил и начал комментировать:

— Исходное условие общее. Ни Розка, ни Милена, ни Сонька никого не любили. Завязка конфликта: закрытие МУДО. Оно создало девкам угрозу для их благополучия или статуса.

— Милене ничего не угрожало, — возразил Моржов.

— Угрожало, — не согласился Щёкин. — Антикриз — это журавль в небе. Ухватишь его или нет — кто знает?.. И девки дружно взяли курс на самосохранение. У кого насколько хватило ума. Милена решила согласиться на протекцию Манжетова. Розка решила выйти замуж за Сергача. А Сонька поддалась на уговоры Лёнчика.

— Сонечка ещё не поддалась, — опять возразил Моржов.

— В таблице приводятся только объективные данные. Мало ли, что Соньке было как-то неудобно заняться

проституцией. Лёнчик бы её всё равно дожал. Или ты считаешь иначе?

— Не считаю, — вздохнул Моржов.

— Чтобы заглушить голос здравого смысла, девки подыскали себе оправдания, — продолжил Щёкин. — Эти оправдания по ошибке я принял за порвавшегося на три части инопланетянина. Милена вооружилась самомнением успешной женщины: мол, победителей не судят. Розка вооружилась разочарованием в мужиках: мол, пусть хоть чем занимаются, лишь бы свою печь обезбавили. А Сонька, будучи дурой, просто затупила: мол, не ведаю, чего творю. С такими установками можно было включать зелёный свет Манжетову, Сергачу и Лёнчику.

Моржов уже всё понял в таблице и только молча кивал.

— Но тут появился ты, — Щёкин в сумраке указал на Моржова горячей сигаретой, — и всё поменял. Точнее, параллельно смысловой структуре девок выстроил свою смысловую структуру. А затем вытащил девок из их структуры и встроил в свою. Акт перехода из структуры в структуру — это половой акт. Если он был с Розкой и Миленой и Розка с Миленой далее оказались встроены в твою структуру, то следует считать, что подобный акт был и с Сонькой, так как Сонька тоже встроена в твою структуру.

— Я никакой новой структуры не строил, — сразу отказался Моржов. — Я сохранил прежнюю — МУДО. И девки остались в МУДО, благодаря чему им не пришлось принимать предложения Манжетова, Сергача и Лёнчика. А новую структуру строил Манжетов — Антикризисный центр.

— А вот тут ты концептуально не прав, — заявил Щёкин, забрасывая ногу на ногу. — Манжетов ничего нового не строил. Антикризис и МУДО — в океане блуды одно-единственное, всё то же самое мудо. А ты создал другое мудо. В блюде мудо МУДО и твоё мудо тёрлись друг

о друга троельгами, и от этого появились неопознанные физические явления, которые мы с тобой наблюдали на первой пьянке.

— И какое же мудро я создал? — удивился Моржов.

— Я назвал его фамильон, — важно сообщил Щёкин.

— Батальон, бульон, мильён... Что это такое?

— Долго объяснять.

— А я не тороплюсь.

Щёкин прикурил третью сигарету от второй.

— Фамильон, — со значением произнёс он, — это новая, постмодернистская ячейка общества. В традиционном обществе такой ячейкой была семья. Но общество глобализировалось, то есть разрослось, и семья утратила свой структурный смысл. Семья была кирпичом, а стала молекулой. Но дом строится из кирпичей, а не из молекул. Попросту говоря, семья сделалась нежизнеспособной. Живя семьёй, сейчас не выжить. Одного супруга слишком мало, а одного ребёнка слишком много.

— Bravo! — с чувством сказал Моржов.

— Для уяснения ситуации предлагаю посмотреть по сторонам, — скромно заявил Щёкин. — Много ли среди наших знакомых нормальных семей? Чтобы муж-жена, двое-трое детей и налево ни шагу? Что-то я такого не вижу. А ты?

Моржов быстро перебирал в уме своих подруг. У кого нормальная семья? У Стеллы муж, но детей нет. Юлька мужа вышибла. Женьку саму вышибли за шантаж. Дашенька?.. Алиска?.. Лена?.. Разве что Анна... Да и у неё: один ребёнок и любовник.

— И я не вижу нормальных семей, — подтвердил Моржов.

— Ты с Дианкой разошёлся. Милена — мать-одиночка. Розка — мать-одиночка. У Костёрыча сын от первого брака с отцом не общается. А меня Светка задолбала, и ребёнок всего один, и вообще — Сонька появилась.

Блуда и МУДО

— Стоп! — вдруг нашёлся Моржов. — У Каравайского всё огкей!

— Каравайский — особый случай. — Щёкин предостерегающе потряс пальцем. — Внешне у него семья, да. Но Каравайский берёт в МУДО десять ставок по настольному теннису и устраивает работать своих детей. Тем самым он тоже строит фамильон, только убого, по-дурацки. Дети должны учиться, а не пахать на семью. Вот в твоём фамильоне, в Троельге, дети учились, взрослые работали. Причём и тем и другим было зашибись.

— Значит, все, кто в Троельге, это члены моего фамильона? — понял Моржов.

— Так точно. Ты поехал в Троельгу от фонаря. Хотел приятно провести время с умным человеком — с Костёрычем. Хотел помочь другу обзавестись любовницей. Хотел соблазнить симпатичных девок. На верхосытку — уберечь МУДО от закрытия. Ты всё это и сделал. И тем самым построил свой фамильон.

— Круто! — восхищённо признался Моржов.

— Круто, — согласился Щёкин.

— Назови мне, пожалуйста, исторические аналоги моего деяния, — самовлюблённо попросил Моржов.

— Легко, — согласился Щёкин. — Фамильон строится на лидере. Лидер добивается доступа к ресурсу и устраивает всех, кого сочтёт нужным. Этот коллектив становится фамильоном. Первый пример — Ельцин и его круг. А ресурс — государство Российское.

— А у меня какой ресурс? — сразу спросил Моржов, гадая, сойдётся ли его личное мнение с мнением Щёкина.

— У тебя ресурс, конечно, дохлее, чем у Ельцина. Это твои картины. Но и такого ресурса хватает на небольшой фамильон.

Моржов подумал, что и Манжетов, пожалуй, тоже строит свой фамильон на ресурсе Антикриза. В него,

в свой фамильон, он тянет Шкиляиху, Каравайского, Алиску, Милену — и даже самого Моржова... Да и Сергач вокруг своей конторы построил уродский фамильон с участием Лёнчика и Алёнушки. А в прицеле — Розка и Сонечка. Ресурсом Сергача были шлюшки.

— У Сергача фамильон похож на мафию, а у Манжетьова — на контору, — сказал Моржов.

— Мафия, контора, семья — это побочные смыслы фамильона, подчинённая частность, — сразу объяснил Щёкин. — В идеале же фамильон — это не мафия, потому что в нём нет криминала. И это не клан, потому что между его членами нет родственной связи. И не фирма, потому что не бизнес. И даже не семья, потому что многие члены фамильона даже не догадываются, что они входят в фамильон. Это я, такой умный, догадался. Розка, например, просто жопой чует твой интерес к девкам, но не более. А Сонька, Милена и Костёрыч вообще ничего не замечают. Фамильон — даже не команда, потому что нет единомыслия, нет общей заявленной цели, а между членами фамильона — неприязнь. Скажем, девки наши, в целом, не любят друг друга. Дай им волю — раздерутся.

— Это верно.

— Всей полнотой информации обладает только лидер. Всё замыкается на его персоне. Его все любят или уважают. И лидеру нужна неприязнь внутри фамильона. Без неё члены фамильона смогут договориться между собой и послать лидера куда подальше.

— Я не разжигаю никакой неприязни, — открестился Моржов.

— Но она есть уже потому, что фамильон ты строишь через баб. — Щёкин картинно развёл руками. — И неприязнь здесь равна ревности. Строил бы ты фамильон через мужиков, пришлось бы использовать что-нибудь другое. Например, конкуренцию. Или амбиции. Поэто-

му фамильону всегда необходима внутренняя тайна. Она скрепляет фамильон. Бабы думают, что они просто ревнуют, а на самом деле таким образом ты разделяешь их, чтобы властвовать в фамильоне. Точнее, чтобы фамильон жил и всем в нём, в общем, было хорошо. Это не конспирология, а самосохранение. Без тайны фамильон рухнет.

— А почему бы, Щекандер, тебе самому тоже не построить свой фамильон? — спросил Моржов. — Дружили бы фамильонами, в гости бы ходили, обменивались женщинами...

Моржов думал, что Щёкин заносит про отсутствие ресурса...

— Я не могу, — вздохнул Щёкин. — Я не герой.

— А я — герой?

— А ты герой.

Моржов снял очки, снял панаму, протёр панамой стёкла и, усмехаясь, водрузил очки обратно на нос.

— Знал бы ты, Щекандер, какой я герой... Я же весь картонный. На подпорках. Для социума у меня кодировка от алкоголизма, а для друзей — пластиковая карточка. Для врагов — пистолет, для баб — виагра. Сам по себе я ничто.

Щёкин хмыкнул.

— Недостатки терпимы, — с издёвкой сказал он, — нестерпимы достоинства. Ты ведь сумел прорваться к ресурсу голыми руками? Сумел. Ну и всё. Остальное ты докупил и построил фамильон. Как Чебурашка — Дом Дружбы. И нет порока в своём отечестве.

Щёкин помолчал, решительно шлёпнул ладонями по коленям и поднялся. Под потолком паутиной висели многослойные облака табачного дыма. Закат за окошком превратился в тонкую царапину.

— Ладно, Борька, — заявил Щёкин. — Хорошо поговорили... Пойду я. Нажрюсь, наверное.

В темноте он едва не споткнулся о тюк со спальника-ми, ругнулся матом и вышел из холла, оставив дверь открытой. Проём ещё светлел.

Моржов подобрал с пола ватман со «сценарием галлюцинаций», повернул его таблицей к окошку и принялся перечитывать. А потом взял с подоконника огрызок карандаша и подписал ещё кое-что. Смысл прояснялся всё резче и резче.

	Сонечка	Розка	Миленя
Условия (ДП(ПНН))	Никого не любит	Никого не любит	Никого не любит
Объект усилий (ВТО)	Хоть кто	Сергач	Манжетов
Цель (ПВЦ)	Сохранить статус-кво	Обрести достаток и благополучие	Стать успешной, не растеряв иллюзий
Средство (ТТУ)	Соглашаться на всё	Выйти замуж за Сергача	Стать директором Антикризисного центра
Чего не замечать (ПМ)	Что работает проституткой	Что муж — сутенёр	Что достигла своего через постель
Действия Моржова (ОБЖ)	Отдать Щёкину (вторжение в ВТО)	Сохранить работу (вторжение в ТТУ)	Превзойти Манжетова (вторжение в ПВЦ)

Моржов глядел на таблицу — на план своего творения фамильона — и думал, что Щёкин то ли не понял всего, а то ли умышленно промолчал. В фамильон входили не просто приятные люди, а те, кто попал под ОПГ лидера — в его Охват Поля Гибкости. Моржов был бы не прочь ввести в фамильон, скажем, Лену или Женьку — но они не подгибались. А ломать Моржов не хотел.

Тайна, лежащая в основе фамильяна, была следствием не одного лишь принципа «разделяй и властвуй». Ведь разделять можно было не только с помощью тайны. Скорее даже, что тайна была следствием КВ — Кризиса Вербальности. Ценности фамильяна невозможно было всем его членам растолковать словами. Слово уже не транслировало ценности. Слово превратилось в пиксель, а смыслоёмкость пикселя ничтожна.

Ценности транслировались через ОБЖ — Обмен Биологическими Жидкостями. Если потребовалось бы, Моржов отдал бы свою кровь Костёрычу. Щёкин Моржову был как брат, вскормленный молоком общей матери. А Сонечка, Розка и Милена — все они, прости господи, принимали сперму Моржова. Кровь, молоко и сперма — три жизнетворные жидкости, на обмене которыми Моржов и строил свой фамильян. Моржову много кто нравился, но не со всеми он стал бы трахаться или родниться. Так что симпатии-антипатии здесь имели только вторичное значение.

Вот Щёкин — ведь он оскорблён... Он зажал себя, не дал обиде выплеснуться, но он оскорблён. Его друг трахнул девушку, которая ему нравится... Но из фамильяна Щёкин не ушёл. Не бросил Сонечку. Не уволился из МУДО, чтобы работать сторожем на автостоянке. Моржов поимел его девушку, а Щёкин теперь имеет его самого. Моржов тоже может обидеться. Но случись чего — и он, как брату, отцу или жене, отдаст Щёкину свою кровь. Узы ОБЖ более значимы, чем стяжение через интерес или принципы.

Моржов закурил. Он сидел один в тёмном, пустом холле с листом ватмана на коленях. Издалека, с берега Талки, сквозь раскрытую дверь он слышал смех Розки, бубнёж Щёкина, голоса Милены, Сонечки, Костёрыча. Теперь, похоже, это была его семья, его фамильян, за который можно и убить, и слохнуть.

В дверном проёме вдруг ярко загорелся свет, и Моржов увидел, как мимо медленно проехала белая «Волга» с тонированными стёклами — словно пиратская каравелла зашла в мирную гавань.

Моржов особенно-то и не дёргался, но едва увидел Сергача — сразу быстро и хладнокровно пришёл в бешенство. Сергача следовало гнать из Троельги взашей.

На сей раз Сергач прикатил без Лёнчика. Сергач уселся возле огня на бревно напротив Сонечки, Милены и Розки и что-то весело рассказывал. Рядом с ним стояли две бутылки водки. Тут же на корточках торчал Щёкин и открывал третью бутылку. Душу Моржова, как зубной болью, торкнуло озлоблением. Щёкин только что пел о моржовском фамильоне, а теперь готов бухать с тем, кто явился разрушить этот фамильон и сдать его девушку напрокат. Смирясь с волей Моржова, Щёкин, похоже, заигрался в цинизм.

Моржов подходил и без бинокля видел, что Сергач напряг всех. Сонечка опять затупила, изображая невменяемую. Милена сидела с гримасой усталой брезгливости, готовая в любой момент встать и уйти. Розка, яростно раздирая столбик пластиковых стаканчиков, вся подобралась, собираясь на малейшую претензию Сергача ответить агрессивным наездом. Растерянный Костёрыч за спинами девушек то появлялся в отсветах огня, блестя очками, то исчезал в темноте. И все они — Розка, Милена, Сонечка, Костёрыч и Щёкин, — даже вместе, были слабее Сергача. Дело не в том, что Сергач — мент. Не в том, что он бывший любовник и жених Розки. Какая-то неправая правота Сергача заключалась именно в том, что он лидер фамильона, члены которого сдались Моржову. И без Моржова никакая самозащита никого не убержёт от репатриации.

— А, Борян! — весело закричал Сергач. — Здорово! Садись давай! Накатим водяры?

— Ты на хера приехал? — перешагивая бревно, спросил Моржов.

Не обратив внимания на приглашение сесть, он наклонился, вытащил из костра головню и стал прикуривать.

— Тебя кто звал-то сюда? — углом рта спросил он.

— Я не звала! — возмущённо фыркнула Розка в сторону.

— Дак друзья же!.. — делано изумился Сергач и развёл руками, словно хотел всех обнять.

Сергач был совершенно трезв.

— Кто тебе тут, на хер, друг? — спокойно спросил Моржов, опуская головню.

— погоди, не бросай! — воскликнул Сергач, вскакивая. — Тоже прикурю!..

Моржов поднял головню и ткнул её едва ли не в рот Сергача. Сергач сунул в губы сигарету и, чмокая, будто присосался к головне.

— Пойдём покурим, Борян, — дружелюбно предложил он.

Моржов кинул головню в костёр так, что из углей вышибло фонтан искр. Розка, Милена и Сонечка отшатнулись. Моржов молча перешагнул бревно обратно и пошёл вверх по тропинке к волейбольной площадке — подальше от костра, чтобы никто не услышал его разговора с Сергачом. Сергач топал сзади. Моржов ожидал чего угодно — удара по затылку, пистолетного ствола между лопаток, подножки, — но Сергач просто топал.

Моржов остановился и повернулся к нему.

— И?.. — спросил он.

Сергач мелкими глотками дотягивал сигарету, будто кто-то мешал ему докурить нормально.

— Значит, Борян, дело такое, — озабоченно пояснил он. — Я к тебе как мужик к мужику приехал. Без понтов и выебонов. И не только от себя, а от Саши Манжетова тоже...

— А он-то с тобой как снюхался? — перебил Моржов.

— Он же у Алёнки постоянник. Ты забыл, да?

«Постоянник» — значит постоянный клиент.

— И чего вам с постоянником надо?

Впрочем, Моржов уже понял, чего надо.

— У вас сегодня смена кончается — и всё, — сказал Сергач. — Ну, будто ничего не было. Спускаем на тормозах. Завтра все домой разъезжаетесь. И дальше — как раньше. Соньку, так и быть, я тебе дарю. А Розка обратно под меня уходит. Миленка — к Саше.

— С хуя ли баня-то упала? — холодно удивился Моржов. — Она же новая была.

Сергач даже застеснялся.

— Любовь, — выдавил он и захихикал: — Мудно, а?

— Дрочил я на вашу любовь, — спокойно ответил Моржов.

И тут вдруг в кустах у дальнего домика зашуршало. На лунный свет сквозь ветви продрался Лёнчик. Моржов сперва подумал, что Лёнчик караулил там в засаде, как случилось в детстве, когда какого-нибудь пацана заманивали вроде бы на разговор, чтобы коллективно побить. Но одного Лёнчика не хватило бы, чтобы побить Моржова. И вообще. Лёнчик выглядел так, словно побили его самого.

Прихрамывая, он шёл через волейбольную площадку к Сергачу и Моржову и виновато лыбился. Рукав его рубашки был наполовину оторван, а морда расцарапана.

— Закурить дайте, мужики, — попросил Лёнчик, подходя поближе. — Короче, Валерьян, пиздец...

— Ты о чём? — тревожно спросил Сергач.

Блуда и МУДО

Его рука с сигаретной пачкой остановилась в воздухе.

Лёнчик подтянул руку Сергача за рукав и грязными, трясущимися пальцами выволок из пачки сигарету.

— Короче, там на дороге кирпич валялся, — рассказал он. — Я километров шисят шёл. Въехал на него колесом коляски. Перевернуло, блядь, на хуй, через голову. Меня в кусты кинуло, а Алёнку ёбнуло об асфальт и ещё пронесло метров десять...

Живот Моржова сам собой прилип к позвоночнику, а в плечи словно вбили замороженные гвозди.

— И чего? — тихо спросил Сергач.

— Да ничего, — прикурив, с обидой сказал Лёнчик. — Насмерть её, короче.

— Совсем, что ли?

— Ну, пока ещё жива... Её, блядь, всю вот так... — Лёнчик покрутил руками, изображая, как Алёнушку катило по асфальту. — Я посмотрел — на хуй, в морг. Всё переломало. Кровь изо рта течёт.

— Так, блядь, она жива или нет?! — без звука взвился Сергач.

— Чо ты орёшь? — оскорбился Лёнчик. — Я тебе доктор, что ли? Я уходил — она ещё дышала. Может, час проживёт, может, до утра. Хули я знаю?

Моржов сделал даже шаг назад, словно побоялся упасть. Он понял. Лёнчик на мотоцикле друидов вёз в Троельгу Алёнушку и наехал на кирпич. Перевернулся. Умиравшую Алёнушку он бросил на дороге, а сам побежал к Сергачу.

— Бля-а-а, Каликин, ну ты и пидарас... — простонал Сергач, страдальчески скривившись. Он зажмурился и схватился за лоб.

— А хули я-то пидарас? — возмутился Лёнчик. — Я, что ли, кирпичей там накидал?

— Чо те ни поручи, ты всё через жопу вывернешь!

— Пошёл ты на хуй! — разозлился Лёнчик. — Я из-за тебя вообще чуть пиздой не накрылся!.. Лучше скажи, чего щас делать?

Моржов слушал разговор Лёнчика и Сергача словно оглушённый, словно из наркоза.

— В больничку её бесполезняк, — заявил Лёнчик, сплюнул себе на ладонь и посмотрел на плевок. — Щёку прикусил, бля, кровит... Алёнка всё, Валерьян, трупак. Не вытянут. Надо, короче, её там оставить, типа как она сама ехала и наобнулась. А мы ни при чём.

— Чего ты зассал-то? — озлобился и Сергач. — Нам-то чо? ДТП же. Ты её не убивал. Мотоцикл не крал — те козлы из деревни сами тебе его дали. Борян вон свидетель. Хули Алёнку там бросать?

— Чо мне? Мне ничо! — вспыхнул Лёнчик. — Только менты-то знают, что Алёнка — из твоей конторы девка. Сами её пёрли! Они и так тебя на бабки садят, что нам жить не на что, а теперь вообще за яйца схватят! Обдерут, короче, на хуй всего и контору твою под себя подгребут. Тебе же хуже-то! Менты найдут, до чего доебаться! Тебе гаситься надо, что ты здесь был, а я Алёнку к тебе вёз.

— А как гаситься? — растерялся Сергач. — Кто-то видел, что ты Алёнку увозил?

— Да все, блядь, видели. И Наташка, и другая Наташка, и Надька. Но я никому не говорил, что Алёнку повёз к тебе.

— Хоть на это у тебя ума хватило... — пробормотал Сергач. — Значит, так. Надо, чтобы я оказался не при делах. Чтобы менты меня с Алёнкой не связали. Я щас отсюда снимаюсь и еду в Ковязин. Там с пацанами в отделе засяду бухать. Типа как я ни при чём. А ты типа как взял Алёнку покататься, когда поехал мотоцикл этим козлам возвращать. Ну, и пизданулся. Ты не виноват. Утром приходи в отдел и пиши заяву, вроде как всё только что случилось.

— Разведём ментов, да? — понимающе усмехнулся Лёнчик. — Ну, ясно... Только мне бы водки накатить. Перенервничал, бля, короче.

— Какой водки! — зашипел Сергач. — Ты же из ДТП будешь!..

— Й-о! — сообразил Лёнчик.

— Короче, иди обратно, где ебанулся, — деловито распорядился Сергач. — Мотоцикл стащи куда-нибудь в канаву, чтобы никто с дороги не увидел. Алёнку тоже убери...

— Она и так в канаву укатилась.

— Ну, и не трогай. Сиди в кустах, кури. Через час... нет, через два вставай и ебошь в город, в отделение. Я уже там буду. Понял?

— Бля, всю ночь киснуть, — с досадой пробурчал Лёнчик.

— Пиздуй-пиздуй, хуепутала... — Сергач подтолкнул его к тропинке на шоссе. — И не намуди ничего...

— Сигареты гони, — потребовал Лёнчик.

Он забрал у Сергача пачку и похромал к лесу.

— Заебал он меня, уёбок... — негромко сказал Сергач в спину Лёнчику.

Моржов молчал.

— Дай мне сигарету, Борян, — попросил Сергач. — Видишь, я как мальчик теперича стрелять буду..

Моржову казалось, что он остался без плоти и его тяжёлая шкура просто висит на плечах, как пальто на вешалке. Моржов протянул Сергачу пачку, внимательно разглядывая Сергача, словно видел его после долгой разлуки.

— Я, Сергач, с тобой в Ковязин поеду, — вдруг сказал Моржов.

— Тебе-то на хуй? — удивился Сергач.

— Достало тут всё... — мутно ответил Моржов. — Хочу нажраться.

— Я водку свою здесь оставляю.

— Хочу один, а здесь не дадут.

Сергач понимающе покачал головой.

— Алёнку жалко? Да, хорошая девка была... Судьба.

Вдвоём, Сергач и Моржов, пошли к «Волге». Открыв дверку машины, Моржов оглянулся на далёкий огонь на берегу. Он видел Розку, Милену, Сонечку, Щёкина, Костёрыча... Все они ждали его. Моржов смотрел на них, как в последний раз.

— Садись давай, — поторопил Сергач. — До пятницы прстоишь...

Моржов отвернулся и полез на место рядом с Сергачом.

— Повезло тебе, Борян, — заговорил Сергач, проводя машину под аркой ржавых ворот Троельги. — Если бы не Алёнка, жопа тебе была бы... Блин, как мне этот подъём всегда не нравится...

«Волга» обогнула клин ельника и, завывая, полезла в гору.

— Боюсь, заглохну... — ворчал Сергач, дёргая рычаг. — Менять тачку давно пора... Клапаны, что ли, износились... Да денег, блядь, ни хуя нету...

— А зачем тебе Алёнушка в Троельге была нужна? — спросил Моржов.

— Из-за тебя, зачем же ещё?

— Поясни...

— Ты на хуя Розке и Миленке сказал, что я контору имею, а Саша Манжетов — клиент?

— А разве я сказал такое? — удивился Моржов.

— Думаешь, мы с Манжетовым дураки, да? — хмыкнул Сергач. — С чего это нам обоим наши девки отлуп дали?

— С того, что я им вас со шлюхами запалил?

— Много ума не надо, чтоб про это догадаться. Вообще, Борян, не по-мужски ты поступил... Я понимаю, заради баб многое можно, только зачем уж так-то?

— И вы, значит, решили в ответ спалить меня? Привезти Алёнушку как доказательство для Розки и Милены?

— Угу, — Сергач кивнул.

— Не проще ли было сказать девкам, что я ебу обеих? Они бы обе сразу меня и послали.

— Не факт... Вдруг бы ты им наобещал всего, и они бы тебя простили? Со шлюхой надёжнее. Сифилис, СПИД... Зассут с тобой ебаться и прогонят тебя.

— А-а... — понял Моржов. — Стратегия!

— Хули ты думал? — удовлетворённо хмыкнул Сергач.

«Волга» одолела подъём и вывернула на шоссе, но скорость Сергач не увеличивал.

— Интересно, мотоцикл с дороги видно или нет? — бормотал он, осматривая обочину. — Лёнька-то ещё не подошёл, ему рано... Мандюк, мог бы сразу убрать... Вдруг кто уже мимо проезжал и увидел?.. Хотя тут и днём-то машин не бывает... Но по закону подлости... А! Вот он! Гляди, Борян!

Мотоцикл с коляской валялся на обочине, как беременная олениха. Блестел руль и спицы задранного колеса.

— А теперь тормози, — велел Моржов.

— На хуй? — удивился Сергач. — Э!..

Ствол моржовского ПМ воткнулся ему в ухо.

— Ты на хуя это, Борян?.. — сипло прошептал Сергач, нажимая на тормоз. — Убери... Пальнуть же может...

— Может, — согласился Моржов.

«Волга» встала прямо напротив мотоцикла. Фары освещали всю обочину, однако Алёнушки не было видно.

— Сейчас, сука, ты медленно и скромно вылезешь из машины, — спокойно объяснил Моржов Сергачу, который боялся даже скосить глаза. — А я буду держать тебя на прицеле. Рыпнешься сбежать — уложу.

— Тебя закроют... — без голоса предупредил Сергач.

— А кто меня найдёт? — вкрадчиво спросил Моржов. — Твои менты-долбоёбы? Которых ты девочками пользуешь? Которые тебе этот ствол и продали?.. Не пизди. Выходи давай, а то прямо тут обосрёшься. А нам ещё ехать.

Моржов толкнул голову Сергача пистолетом.

Сергач медленно открыл дверку и осторожно вылез из машины. Моржов переполз на его место и выбрался вслед за Сергачом.

Они стояли на обочине. Луна и фары освещали всю дорогу. Ближайшие сосны казались наклеенными на тьму, как аппликация. Искрил гранями щебень. Над асфальтом висела жемчужная дымка. Было тепло, как в комнате.

— Хули тебе надо, Борян? — спросил Сергач.

— Да ничего особенного. Хочу Алёнушку отвезти в больницу.

— Лёнчик сказал, в больничку без толку...

— Пусть доктор решает, а не Лёнчик.

— Борян, ты ёбнутый.

— Не зли меня, — попросил Моржов и, сощурившись, для пробы прицелился Сергачу в лоб.

— Ладно-ладно, не махай пушкой, — вздрогнул Сергач.

— Пойдём искать, — опуская ПМ, сказал Моржов.

Они прошли всего десяток шагов и сразу увидели ноги Алёнушки. Ноги были босые. Они смешно торчали из канавы.

Моржов и Сергач спустились в кювет по разные стороны от Алёнушки. Алёнушка; примяв бурьян, лежала будто в опрокинутом кресле. Натянутая на бёдрах проститутская юбчонка, узкая и короткая, даже не задралась. От крови у Алёнушки были чёрные, как у ведьмы, губы. Моржову показалось, что глаза Алёнушки открыты, но это было не так. Просто Алёнушка слишком густо, вульгарно-густо намазала веки тенями.

— Да мёртвая она, видно же, — прошептал Сергач.

— Поднимай её и неси в машину.

— Борян, сука буду, мёртвая она... Ну на хуй это тебе? Что изменится-то?.. Не оживишь ведь.

Но Моржов всё ещё пребывал в том отупении чувств, которое нахлобучилось на него при рассказе Лёнчика. Он никак не мог ощутить расслабляющего горя Алёнушкиной смерти, а потому Алёнушка для него оставалась как бы жива. Значит, её надо было везти в больницу. И если бы не этот ступор чувств, Моржов давно бы уже выстрелил в Сергача. А сейчас ему просто требовалось продолжать то дело, которое он начал делать. Так заводной автомобильчик, уткнувшись в преграду, продолжает пустую вращать колёса.

— Поднимай, — повторил Моржов.

— Бля, что за люди... — застонал Сергач, присаживаясь возле Алёнушки на корточки.

Он просунул руки Алёнушке под лопатки и под колени и с кряхтением поднял Алёнушку. Она обвисла на руках Сергача, как резиновая. Оступаясь, Сергач тяжело полез из кювета на дорогу.

Моржов обошёл Сергача и открыл заднюю дверку «Волги».

— Теперь клади на сиденье.

— Она мне кровью чехлы измажет...

— Ай-яй-яй, какая досада, — покачал головой Моржов.

— Борян, давай хоть в багажник...

— Ты у меня сам сейчас такой же в багажник ляжешь.

Пыхтя, Сергач неуклюже впихнул Алёнушку на заднее сиденье. Моржов отступил.

— А теперь садись за руль, и по всем правилам едем в город, — сказал он Сергачу.

— Борян... — завёл своё Сергач.

Моржов с мёртвым лицом перенацелил ПМ Сергачу на промежность.

— Бля-а... — тихо завыл Сергач и полез на водительское место.

— Дверь не закрывать, руки за голову, — велел ему Моржов. — Пукнешь — шамальну. У меня тоже работа нервная.

Сергач вздёрнул руки на затылок. Моржов переложил пистолет в левую ладонь, правой рукой приподнял Алёнушку, втиснулся на сиденье и пристроил голову Алёнушки себе на колени. Алёнушка лежала как скомканная, но Моржов не мог поправить её ноги, не выпустив из виду Сергача. Глаза Сергача отражались в зеркальце заднего обзора. Сергач тоже следил за Моржовым.

Моржов захлопнул свою дверку, просунул ствол пистолета между спинкой водительского кресла и подголовником так, чтобы Сергач чувствовал ствол своей шейей, и приказал:

— Всё. Едем. И едем медленно.

Сергач обречённо хлопнул дверкой и включил зажигание.

«Волга» мягко покатила по ночной дороге.

— Представляю, как Лёнчик охует, когда не увидит Алёнушки, — сказал Моржов. — Подумает, наверное, что встала и...

Моржов осёкся. Он понял, что ему захотелось говорить и говорить. Но нельзя было давать себе воли.

— Борян, зачем ты это делаешь? — тихо завёл Сергач. — Объясни: хули?.. Она умерла... Забирай себе девок, и Розку, и Миленку, ладно... А на хуя меня подставлять с больничкой? Я-то при чём, что Алёнка разбилась? Я даже не за рулём был... Всё равно меня отпустят... Только контору мою менты под себя переведут, потому что если не отдам, они мне Алёнку пришьют... Но тебе-то это зачем? Ты же тоже девочек у меня брал... А Алёнку и мне жалко, что я, зверь, что ли?.. Я её не обижал, силком не держал... Но она всё, умерла...

Голос Сергача гипнотизировал Моржова. Глаза Сергача в зеркальце были как два магнита. Кругом стояла ночь, только огромная луна пылала в перспективе дороги — плоская, словно её раздавили.

Моржов опять перехватил в левую руку пистолет, воткнутый между креслом и подголовником, а правую руку сунул Алёнушке под топик. Ладонь проехала по мягкому, ещё тёплому животу и остановилась под грудью, тоже ещё тёплой и упругой. Моржов слушал — не тукнется ли в ладонь сердце Алёнушки.

— Щекотно... — вдруг услышал он.

Моржов перевёл взгляд с затылка Сергача на испачканное в крови лицо Алёнушки. Мёртвая Алёнушка молчала. Говорил её живой мерцонид, едва различимый в сумраке салона. Мерцонид полусидел, опираясь локтем на моржовское колено.

— А где Лёнька? — спросил он тёмно-красными губами. — Лёнька жив?

— Жив... — почти беззвучно ответил Моржов.

— Точно? — Алёнушка требовательно глядела на Моржова. — Ты мне не пиздишь?

— Нет... — Моржов покачал головой.

Глаза Сергача, отражающиеся в зеркальце, стали просто умоляющими. Сергач видел у себя за спиной вооружённого пистолетом сумасшедшего, который разговаривает с пустотой.

— Он ушибся? — допытывалась Алёнушка. — Сильно?.. Ты не врешь мне, что он ничего не сломал?..

— Не вру...

Алёнушка осмотрела Моржова словно заново.

— Я тебе верю, хотя ты какой-то странный... Значит, всё с ним хорошо?

— Всё...

— А я? — спросила Алёнушка.

— А ты умерла.

Сергач не выдержал этого ужаса и вдавил педаль тормоза. «Волга» завизжала, разворачиваясь на дороге боком. Моржова швырнуло на спинку водительского кресла, но он успел дёрнуть пальцем курок. Выстрела он не слышал.

Через мгновение он пришёл в себя. Оказывается, он уже распахнул дверку и выпадал из машины, выставив колено. Водительское место было пустым, водительская дверь — открыта.

«Волга» стояла поперёк шоссе. Убегающий Сергач мелькал среди сосновых стволов. Опираясь на колено, Моржов прицелился с обеих рук и нажал на курок. ПМ только прыгнул в ладонях и сухо щёлкнул. Патронов больше не было. Их вообще не было. Последний патрон Моржов грохнул ещё для трудных подростков.

Сергач убегал. Горела луна. Машина посередке шоссе растопырила дверки левого борта. Моржов с коленей вхолостую щёлкал по Сергачу. Алёнушка лежала на заднем сиденье на спине. Голова её свешивалась из машины. Мёртвое лицо с мокрыми, окровавленными губами было запрокинуто. Пышный хвост расстелился по асфальту. Июньское созвездие Девы, как «Волга» на дороге, загромоздило полнеба, словно гигантский проволочный каркас.

У Моржова не осталось ничего, чтобы наказать тех, кого он хотел наказать. Ни закона, ни оружия. И ПМ ему больше не стодится. Сгодятся только голые руки и логика гнева.

— Лёнька-а! Лёнька-а!.. — шёпотом орал Моржов и кидал мелкие камешки в окно второго этажа своей общаги.

Моржов стоял в диких кустах заднего двора. В небе над городом Ковязиным только-только расплзались первые пятна рассвета. Всё вокруг было мертвенно-синее и мокрое.

Окно, дрогнув отражением облаков, открылось. Над карнизом показались взлохмаченная голова и голые плечи Лёнчика.

— Ты хули тут?.. — сонно и злобно спросил Лёнчик. — Мать разбудишь!.. Полпятого же!.. Хули надо?

— Выйди перепиздеть, — попросил Моржов.

— Иди на хуй... Я спать хочу... — ответил Лёнчик. — Лёг час назад, а тут ты... Ты чего, бухой, что ли?

Зоркий Лёнчик сразу разглядел, что с Моржовым не всё в порядке. Моржов был в трёхдневной щетине, как партизан. За три этих партизанских дня свои джинсы он явно не снимал ни разу. Мятая зелёная майка светлела откровенно застиранным боком: похоже, здесь её Моржов заблевал и сполоснул. Правая ладонь Моржова была толсто и неумело замотана бурым бинтом.

— С бодуна я, — пояснил Моржов. — У тебя кусачки есть?

— Какие кусачки? — не понял Лёнчик.

— Слесарные, бля, — ответил Моржов. — Чтобы кабель перекусить. А какие ещё кусачки бывают?

— Нету, — подумав, сообщил Лёнчик. — Есть, но я тебе не дам ни хуя. Ты такой их проебёшь.

— Меняю! — предложил Моржов и достал из-за спины пистолет. — Кусачки на ствол, только без патронов.

Это было уже интересное бизнес-предложение.

Лёнчик поскрёб башку.

— Ладно, — согласился он. — Короче, сейчас спущусь.

Лёнчик не торопился. Когда он вывернул из-за угла общаги, Моржов бессильно сидел в сырой траве, скрестив ноги по-турецки, и курил. Рядом с ним стоял полиэтиленовый пакет с банками пива.

— Ёбнешь? — спросил Моржов, снизу вверх подавая Лёнчику банку.

— А чего?.. — задумчиво пробормотал Лёнчик, покрыв банку перед глазами, и присел на корточки, чтобы не мочить штаны. — На. — Он бросил кусачки в траву рядом с коленями Моржова.

Моржов поднял кусачки и осмотрел.

— А покрупнее найдутся?

— Не найдутся.

Моржов вздохнул, сунул кусачки в пакет к банкам и протянул Лёнчику ПМ. Лёнчик проверил пистолет, спрятал за ремень брюк под майку и сразу расслабился.

— Хуёвый обмен — пистолет на кусачки, — заметил он.

Моржов беззаботно махнул рукой.

Лёнчик раскупорил банку.

— Со вчерашнего не проспался, — пояснил он про себя. — Хоть опохмелюсь... А ты с кем бухаешь?

— Да с бабами разными... — туманно ответил Моржов.

Белёсое небо проступило меж тяжёлых фиолетовых облаков кривыми размывами. В кустах чирикали птицы. Этот ранний час принадлежал им, только где-то далеко на мосту через Талку простучал поезд.

— Сергача не видел? — спросил Лёнчик.

— С той ночи — нет.

— Блядь, не могу его найти, — пожаловался Лёнчик. — Черти знакомые сказали, что он где-то третий день квасит. Где — хуй знает. Короче, вообще ничего не понимаю.

— А чего тебе понимать? — усмехнулся Моржов.

— Да чем там, короче, вся эта хуйня закончилась. — Лёнчик хмыкнул. — Я ведь тогда пришёл на дорогу, как Сергач сказал, — а Алёнки уже нет. Кто её забрал? Я покрутился, да в город попиздовал. Сергача тоже нигде нет. До сих пор нет, короче. Куда он делся-то? Кто и куда трупак уволок? И вообще, на хуя всё это?

— Тебе не по хуй ли? — мрачно спросил Моржов.

Блуда и МУДО

— В общем — по хуй, — согласился Лёнчик, допил пиво и швырнул банку за куст. — Чего у тебя с рукой?

Моржов поднял забинтованную руку и покрутил кистью.

— Штопор в ладонь воткнул. Перед бабами выёбывался — винищем угощал... Сейчас не знаю, как с кусачками справлюсь...

— А чего ты собрался перекусывать?

— Провод.

Лёнчик покровительственно засмеялся.

— Чего, обеднел, художник хуев, да? — спросил он. — Картинки больше не продаёшь, провода пиздишь?

— Я, блядь, по пьянке карточку банкоматовскую потерял, — объяснил Моржов. — А деньги-то нужны.

— Где будешь снимать кабель?

— С котельной на Багдаде. Обещали за триста метров восемьсот рублей дать.

— Чего-то больно много, — усомнился Лёнчик.

— Так пацаны-то свои. Не обидят. Только, бля, как я с такой рукой?.. Уроню кусачки — слезай вниз, да? Я ж не Бэтмен...

— Ты их привяжи к руке, — посоветовал Лёнчик.

— Лучше пошли со мной, а? — предложил Моржов. — Деньги пополам.

— Не, на хуй, я боюсь. Током ёбнет.

— Там тока нет. Котельную на лето от сети отрубают. Тока я и сам боюсь.

Лёнчик задумался.

— Четыреста, говоришь? — переспросил он. — Четыреста мало... Резать, значит, буду я, и мне всего четыреста?.. Давай, короче, хоть пятихатку.

— Иди в жопу, — не согласился Моржов. — За пятихатку я сам провод с током зубами перегрызу.

— Ну, четыреста пятьдесят, — сбавил Лёнчик.

— Каликин, торгуйся со своим Сергачом, — сказал Моржов. — Ты и так у меня ствол за гроши берёшь, и ещё тут наебать надо?

— Да ладно, чего ты, — сразу сдался Лёнчик. — Всё нормально, короче. Пошли тогда, что ли, пока все спят. Допьём по дороге.

...Они шагали по пустым улицам города Ковязина, напрямик пересекали дворы, пролезали под трубами теплотрасс. Уже рассвело, и город со всеми своими стенами и деревьями казался вышедшим из катакомб после ядерной зимы. День ещё не измазал его салом и копотью, и в нём можно было жить. Жара не обмяла тротуары и углы кирпичных кладок, солнце не высветило все подворотни и арки, вываливая городские кишки на показ, будто на рыночном прилавке. Мир ещё не успел преобразиться в провинциальный супермаркет и оставался старинным, надёжным, крепким амбаром, запёртым на висячий замок светила, восходящего за Колымагинными горами.

Моржов и Лёнчик добрались до Багдада. Котельная помещалась в старой церкви, где трубу кочегарки пропустили сквозь обезглавленную колокольню.

— А сторож тут как? — спросил Лёнчик, осторожный, как крыса.

— У себя дома, — пояснил Моржов. — Он в семь вечера пост примет — и домой. В семь утра вернётся, пост сдаст, и снова домой. Чего тут воровать-то? Колокольню?

Забор вокруг церкви-кочегарки стоял лишь там, где был виден с улицы. Дальше он только подразумевался. Моржов и Лёнчик перешагнули гнилые доски и брусья, заросшие бурьяном, и вышли на укутанный грузовиками двор. Грязная, облупленная церковь стояла как старый колёсный пароход, который уже никогда никуда не сдвинется. Окна церкви были заложены силикатным кирпичом. Пролом в стене, сквозь который затаскивали

бойлеры, закрывал ржавый щит из сваренных железных листов. Под карнизами из фигурного кирпича рыжие разводья образовали свои причудливые узоры. Возле фундамента, как шпана, рос чертополох.

Моржов сразу прошёл к двери в цоколе колокольни. Щеколда с замком здесь была уже заботливо выбита. Моржов отволок дверь до половины — пока перекося не ограничил движения — и, не оглядываясь, исчез в сумраке. Лёнчик быстро протиснулся вслед за Моржовым.

Труба котельной прошивала колокольню насквозь. Узкая деревянная лесенка с вихлястыми перилами уползала вдоль стен наверх, по угловатой спирали обвивая трубу собою. Иногда Моржову и Лёнчику приходилось подгибаться под железные тяги от трубы к стенам; тяги фиксировали трубу в вертикальном положении.

— Не шаркайся, тут грязь одна, — сверху гулко предупредил Моржов, не замечая, что сам из-под ног осыпает Лёнчика известковым мусором.

— Ты, блядь, лучше себе под копыта смотри... — пробурчал, отряхиваясь, Лёнчик.

Они поднялись на небольшой помост возле окна, в которое уходила мощная коса резиновых кабелей. Снаружи в кладку стены были вбиты кронштейны, державшие фарфоровые изоляторы, хотя кабели и так были в оболочках. Коса в оконном проёме расплеталась на отдельные кабели. Некоторые ныряли вниз, а некоторые, обмотавшись вокруг изоляторов на пару оборотов, по воздуху утягивались к дальнему столбу.

Задрав голову, Лёнчик разглядывал светлое небо в широких щелях потолочного настила. Где-то там, наверху, шелестел ветерок. Обугленная верхушка трубы плыла в облаках, как перископ субмарины в пенных гребнях.

— Ща посмотрю, что тут как... — пробормотал Моржов и на четвереньках пополз в оконный проём. Стены колокольни были толщиной в полметра, не меньше.

Моржов выглянул наружу и с колокольни увидел сразу почти весь город Ковязин. Город ещё не всплыл из затопившей его зелени. Моржов видел Багдад с его чумазыми, обломанными брандмауэрами. За ивняковым валом Банного лога Моржов видел ровные ряды крыш хозяйственной Ковыряловки. Видел в запущенных садах античные профили слегка кривоватых террас Пролёта. Дальнюю и туманную груды горы Пикет. Край тусклой плоскости Пряжского пруда со срезанным боком чуланского соцпосёлка. Колонны элеватора за телеграфными столбами Прокола. Бледные утёсы давних новостроек Пленума... Рыхлый, взрытый, старый, ни в чём не повинный город Ковязин словно бы уже проснулся, но не шевелился, не вылезал из-под ситцевого одеяла тополей и лип и только молча отовсюду смотрел на Моржова. Бледная заря — еле алая, словно замытая молоком кровь, — покорно поворачивалась к Моржову своей недозрелой наготой, как раздевающаяся проституточка.

Моржов пополз из проёма окна назад.

— Хуйня, — пренебрежительно сказал он Лёнчику, отряхивая колени. — Перекуси пару кабелей перед изолятором, и всё. На земле подберём, смотаем и с другой стороны откусим. Ёбли пять минут.

— А ток? — требовательно спросил Лёнчик.

Моржов молча поискал кабель, где старая оболочка порвалась, а жила оголилась, и потрогал провод забинтованной рукой.

— У тебя, может, под бинтом изолента... — не поверил Лёнчик.

— Не пизди, — страдальчески попросил Моржов. — Режь скорее, и уёбываем отсюда. Опохмелиться охота.

Он достал из пакета и подал Лёнчику кусачки.

Лёнчик вздохнул и полез в оконный проём.

Он раскорячился на четвереньках, заслонив свет, и изогнулся, потянувшись кусачками к проводу.

Блуда и МУДО

Моржов огляделся вокруг, попрочнее упёрся в замусоренный пол правой, толчковой ногой, слегка присел, перетряхнув плечами, выставил перед собой ладони, как вратарь, и мощно пихнул Лёнчика в задницу. И вмиг в окне посветлело.

— Бля-а!.. — услышал Моржов удаляющийся крик Лёнчика из пустоты за стеной колокольни, а потом удар, язг кровельного железа и мягкий шлепок.

Моржов снова полез в окно.

Лёнчик упал на край крыши, а оттуда свалился на угольную кучу. Совершенно мёртвый, он лежал на склоне кучи вверх ногами и с открытым ртом. Рядом на солнце искрой зажглись кусачки.

Моржов, стоя в окне на четвереньках, довольно долго ждал, не шевельнётся ли Лёнчик, но Лёнчик не шевельнулся. Моржов вылез из окна, достал из пакета с пивными банками одёжную щётку и тщательно почистил свою майку и джинсы, а потом, не касаясь одеждой стен, почистил и оконный проём тоже. Нагнувшись, он стал пятиться к лесенке, подметая за собой пол.

Задом наперёд он спустился до самого дна колокольни, шаркая щёткой по каждой ступени. Затем вышел из колокольни на двор и задвинул дверь на место. Щётку он сунул в пакет, а пакет повесил на запястье. Смотал с ладони грязный бинт и тоже сунул в пакет. Протёр очки подолом майки и направился к зарослям бурьяна, через которые они с Лёнчиком и пробрались на двор кочегарки.

Две минуты спустя Моржов уже стоял на улице Багдада. Улица была пустынна и направо, и налево. Пакета у Моржова уже не было. Моржов закурил, оглядываясь. На близкой станции перестукивались поезда. В общем-то, идти Моржову было некуда. Но он всё равно куда-то пошёл.

ЭПИЛОГ

Каравайский принадлежал к числу тех нетерпеливых умельцев, которые сначала лезут объяснять то, что и так понятно, а потом, увлѣвшись, всё и делают сами до конца.

— Ты вот тут плоскогубцами папу прихватывай, а маму ключом крути на треть оборота! — кричал Каравайский. — Потихоньку, потихоньку, гайка и снимется. Дальше нажимай на эту хреновину, чтобы зазор получился, и весь уголок двигай вверх!..

Щёкин не слушал, курил, тупо смотрел на энергичный зад Каравайского, торчащий из-под теннисного стола, а затем развернулся и вышел на крыльцо.

Троельга лежала под первым снегом. Возле крыльца остывала грузо-пассажирская «Газель», которую Каравайский наконец-то выбил из Шкиляхи, чтобы увезти теннисные столы. Водитель не интересовался процессами разборки и погрузки столов и флегматично дремал, свалившись в угол кабины.

Щёкин курил, стоя на крыльце, и смотрел на Троельгу. Всё здесь ему казалось каким-то обветшалым, уменьшенным, убогим. Даже не верилось, что летом

сюда смогло вместиться столько всего разного... И ещё чудилось, что вот сейчас из-за угла, застёгивая ширинку, вывернет Моржов и невозмутимо скажет о «Газели», о Каравайском или о теннисных столах что-нибудь ехидное и похабное. Но Моржова не было и быть не могло.

...В ту ночь они все попросту обиделись, что Моржов вдруг влез в «Волгу» Сергача и укатил, никому ничего не объясняя. И наутро он не вернулся. Недоумевая, Щёкин увёз моржовский рюкзак к себе домой. Моржов не явился за шмотками и на второй день, и на третий. А Щёкин Моржова не искал. Щёкин решил, что Моржов сорвался в запой — подобное уже случалось. И Щёкину в то время было не до Моржова. Он забрал Сонечку и уехал с ней в Нижнее-Задолгое. И там, в Нижнем-Задолгом, Щёкин понял, что хочет быть женатым на Сонечке, а не на Светке. Поэтому в город Ковязин Щёкин возвратился уже к Сонечке. А Моржов всё не приходил, и рюкзак его пылился у Светки дома на антресолях. Лишь к августу, разобравшись со своими женщинами, Щёкин вдруг как-то неожиданно для себя осознал, что Моржов и не придёт. Совсем. Моржова никогда уже больше не будет.

Щёкин спустился с крыльца и пошагал по тонкому снегу, оставляя чёрные следы. Ельник за жилыми корпусами будто вылинял. Кусты торчали мётлами и комьями спутанной проволоки. Шеренга железных умывальников тронулась ржавчиной. Стол и навес над ним исчезли. Наверное, их украли друиды.

Щёкин расспрашивал о Моржове общих знакомых — никто ничего не знал. Щёкин поискал Моржова в Интернете, получил кучу ссылок, но ни одной подсказки. И теперь Щёкин озирался по сторонам, словно хотел в окружающем ноябре прочесть то, что в Троельге мог бы прочесть сам Моржов. Возможно, это объяснило бы, почему и куда Моржов провалился.

Щёкин заглянул в кухню, которая сейчас напоминала заброшенную баню. В промороженной конуре кто-то уже успел побухать, накидав бутылок и объедков. И Щёкину не захотелось ностальгировать о том, как здесь на столе он в первый раз овладел Сонечкой. Это было не здесь. Не в этой жизни и не в этом мире.

Щёкин многого не знал, но и без знания почти всё было понятно. Где-то и как-то Моржов тоже брал Сонечку. Щёкин уже не обижался, не ревновал. Моржов теперь казался каким-то удивительным посредником между людьми, а потому, как доктору, ему прощалось. О сеансе ночной хирургии на подвесном мосту Щёкин не догадывался, но был убеждён, что Моржов всё сделал правильно. По-свински, конечно, но правильно. И пациент выздоровел. Так же бесстыже Моржов пристал к Розке, когда вёз её на велосипеде, но в результате оголодавшая девка оказалась накормленной. Так же бесстыже, задрав её ноги к небу, Моржов и Милену обратил в веру, а потом спасение стало её собственным делом, а не вопросом нейролингвистического программирования.

Сонечка рассказала Щёкину, что Моржов, оказывается, питал какие-то чувства ещё и к какой-то шлюшке из конторы Сергача. Щёкин искренне подивился способности Моржова питать чувства ко всем девкам в округе. В нелепой аварии эту девку угробил Лёнчик — а Моржов тотчас угробил Лёнчика. В том, что это сделал Моржов, Щёкин не сомневался. Да, ментовка постановила, что Лёнчик полез за проводами и сорвался, бывает, собаке собачья смерть, аминь. Мало ли в России гибнет идиотов, ворующих провода. Но именно в законченности этой картины, в навязчивом отсутствии автора Щёкин и чуял руку Моржова. Такое же впечатление на Щёкина всегда производили моржовские пластины. И Щёкин верил сто пудов, что Лёнчика в рейс с колокольни запус-

тил именно моржовский пинок. С криком «бля!» и ку-сачками в руках Лёнчик улетел в вечность.

Оскальзываясь, Щёкин по тропинке спустился на берег реки. Чёрная, чужая Талка текла мимо заснеженных, белых отмелей. Тучи лежали за Матушкиной горой и курились пухом, как вспоротые перины. Ноябрь, как ревнивый муж, похоже, искал Моржова, как спрятавшегося героя-любownika. Щёкин подумал, что незримое присутствие Моржова в его жизни похоже на моржовский блуд. Ведь по-настоящему Моржов любил не кого-то конкретно, а лишь какой-то обобщённый идеал женщины. Но каждая отдельная девка чем-то да напоминала этот идеал, а потому и ей перепала доля любви Моржова. Так и у Щёкина в Троельге: куда ни плюнь — попадешь в Моржова.

...С Лёнчиком Щёкину всё было ясно, а вот с Манжетовым и Сергачом — не всё. Может, он счёл Моржова чересчур крутым, но тем не менее Щёкину было интересно: а почему Моржов не угробил и этих двоих? Это ведь они потащили ту шлюшку в Троельгу, а Лёнчик был только извозчиком, но ему достался главный приз — полёт с колокольни. Уж не от того ли Моржов сбежал, что не мог отомстить Сергачу и Манжетову, а жить в Ковязине рядом с ними был не в силах?..

Впрочем, Сергач, видимо, тоже получил сполна. Он как-то неприлично быстро впал в ничтожество, запил. Похоже, он лёг на дно, чтобы Моржов его не нашёл, и его за прогулы вышибли из ДПС. Контору Сергача перевёл под себя какой-то мент Иван, а может, ковязинский райотдел стал руководить сергачовской конторой коллегиально. Сергач же вообще вывалился из поля зрения и Щёкина, и Розки, хотя затеряться в Ковязине было так же сложно, как ужраться с банки пива. При определённом усилии веры можно было решить, что всё это — обдуманная месть Моржова. Но единственным

последствием моржовских деяний Щёкину казалось лишь странное оцепенение Розки, раньше деятельной и весёлой. Похоже, Розка махнула на всё рукой — и на ревность свою, и на бедность, и на уходящую молодость — и просто ждала Моржова обратно. Хоть какого. Хоть когда.

Щёкин развернулся и пошагал назад к корпусу, прикуривая сигарету от сигареты. За ельником грохотал поезд. Его грохот свободно, твёрдо и механично раскатывался по всей промёрзшей долине, а вот летом он запутывался в травах и глож, как пульс в шуме крови и в шёпote близких, румяных, зацелованных губ.

Розка ждала Моржова, негодя и бабника, а Милена обратно сошлась с Манжетовым. Это было странно, потому что звезда Манжетова закатилась. И Щёкин считал, что вовсе не Моржов закатил эту звезду. Манжетов был виноват сам. Он чего-то нахимичил с деньгами департамента, планируя покрыть свои делишки созданием Антикризисного центра. Но на Манжетова уставилось государственное око, привлечённое ябедой девок из Троельги. Аферу с американцами и сертификатами око проигнорировало, но Манжетова, попавшегося оку, приподняли за штаны. Однако опустили его мягко. Всего-то понизили в должности до заместителя директора департамента. Так как директора не назначили, Манжетов получился исполняющим обязанности самого себя с сохранением прежнего оклада. Из этой странной позиции (в сравнении с которой изгибы «Кама Сутры» выглядели наивной архаикой) создавать Антикризисный центр Манжетов уже не мог. И МУДО, подобно битой посуде, живущей два века, продолжило своё безуспешное процветание под бодрым руководством Шкиляевой, неувядающей хризантемы народного образования.

Щёкин думал, что Манжетов и Милена выдавят его с работы за то, что в Троельге он слишком многому оказался свидетель. Но никто Щёкина не тронул. И Щёкин

понял, что его безопасность — прощальный подарок Моржова, не имевшего ничего получше.

Наверное, поначалу Манжетов с Сергачом решили, что Моржов увёл их невест, рассказав об участии женихов в блядском бизнесе. Иного компромата за собой они не видели, а признать превосходство Моржова не хотели. И они оплатили Моржову той же монетой — отправили моржовскую шлюшку на встречу с бывшими невестами. Но Моржов побеждал честно. Он честно ничего не говорил Милене про похождения её суженого. И когда Моржов самоустранился, у Милены не осталось причины отвергать Манжетова. Про шлюх она не знала, а крах Антикриза — это форс-мажор. Манжетов не виноват, что Милена сама, по собственной глупости написала на него кляузу, из-за которой форс-мажор и накликался. Милена простила форс-мажор, потому что Манжетов простил кляузу. И ещё потому, что он любил Милену.

Манжетов не был подонком. На благородство Моржова, промолчавшего, когда было надо, он ответил своим благородством, пощадив моржовского друга. Щёкин остановился посреди волейбольной площадки. Моржов, не раздумывая, срубил Лёнчика, будто на всём скаку саблей снёс врагу голову. И оставил без возмездия Сергача и Манжетова, потому что оба они всё-таки любили девочек, которых Моржов у них отнял. Пусть по-уродски любили, но как уж умели. Через это и спаслись. Щёкин помнил моржовский ПМ. Моржов соблазнил Сонечку, и Сонечки ему вполне хватило бы на летнюю смену, но он не остановился и соблазнил Розку с Миленой. Он же сам повторял себе щёкинское правило: «Брать — так литр!» Моржов убил Лёнчика и не остановился бы, развязав поясok: за свою несчастную шлюшку он убил бы и Сергача, и Манжетова. Но не убил. Отступил, как ледник. Потому что Сергач не нуждался в девках (хотя не

отказался бы от новых) и лип к Розке по любви. Потому что Манжетов не нуждался в деньгах (хотя не отказался бы от больших) и Милену подтягивал к себе тоже по любви. За свою любовь, за свои пиксельные мысли эти идиоты и сгубили неповинную шлюшку. А Моржов ушёл, чтобы их простить. Женщин он найдёт себе везде, а вот способность простить — везде, кроме города Ковязина. Наверное, он говорил себе именно так. А Щёкин сомневался в его правоте. Не «кроме Ковязина», а «кроме Земли». Кроме Земли.

Щёкин, шурясь, посмотрел на низкие облака, за которыми стеклянно желтел ноябрьский закат. Может, Моржов-то как раз и был тем человеком, в которого приземлился инопланетянин с Ориона, оплативший смену в Троельге? Моржов лёгок на подъём, не женат. Взял да и улетел с инопланетянином к нему в другую галактику. Подумал: если он не женат, то никто и не станет по нему скучать... Щёкин вздохнул. Если бы он был богат хотя бы как Манжетов, он купил бы себе снегоход. И на снегах заброшенных полей у деревни Колымагино колеями снегохода он нарисовал бы огромный, как в пустыне Наска, иероглиф. Чтобы видно было с орбиты и даже с Ориона. Моржов бы понял, что означает этот иероглиф. Он означает: «Ладно, так и быть... Ты ни перед кем не виноват. Никто не виноват перед тобой. Но без тебя плохо. Просто найдись».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. МУДО	7
Глава 2. КОВЯЗИН	70
Глава 3. ТРОЕЛЬГА	141
Глава 4. ПИКСЕЛИ	206
Глава 5. ИНОПЛАНЕТЯНЕ	291
Глава 6. БЛУДА	376
Глава 7. ФАМИЛЬОН	481
Эпилог	566

Литературно-художественное издание

Иванов Алексей Викторович

БЛУДА И МУДО

Роман

Главный редактор *Елена Шубина*

Редактор *Алексей Портнов*

Выпускающий редактор *Вероника Дмитриева*

Художественный редактор *Константин Парсаданян*

Технический редактор *Марина Курочкина*

Корректоры *Ирина Волохова, Ольга Грецова*

Компьютерная вёрстка *Юлии Анищенко*



<http://facebook.com/shubinabooks>



<http://vk.com/shubinabooks>

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж

Наш электронный адрес: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.ru

«Беспла Аста» деген ООО

129085, Москва қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 қаб., 7-қабат

Биздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасының импортышы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім

бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының екісі

«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: +8(727) 2515889, 90, 91, 92, факс: +8(727) 2515812, доб. 107

E-mail: RDC-Almaty@ekamo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Содержит нецензурную брань

Подписано в печать 16.01.2019. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.

Новый Алексей Иванов. Доп. тираж 1500 экз. Заказ 0625/19.

Проза Алексея Иванова. Тираж 3000 экз. Заказ 0624/19.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Калининский район, Бурашевское сельское поселение,

промышленная зона Боровлёво-1, комплекс №3 «А».

www.pareto-print.ru

18+



BOOK24.RU

BOOK24.RU

Алексей Иванов

ПИЩЕБЛОК

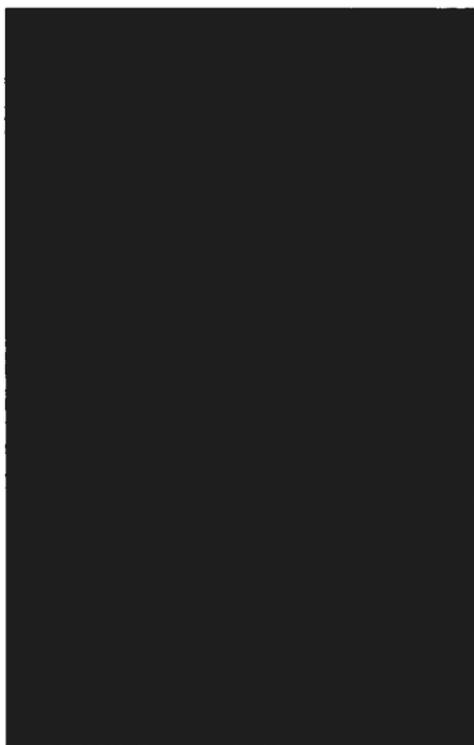


«Жаркое лето 1980 года. Столицу сотрясает Олимпиада, а в небольшом пионерском лагере на берегу Волги всё тихо и спокойно. Пионеры маршируют на линейках, играют в футбол и по ночам рассказывают страшные истории; молодые вожатые влюбляются друг в друга; речной трамвайчик привозит бидоны с молоком, и у пищеблока вертятся деревенские собаки. Но жизнь пионерлагеря, на первый взгляд безмятежная, имеет свою тайную и тёмную сторону. Среди пионеров прячутся вампиры. Их воля и определяет то, что происходит у всех на виду.

“Пищеблок” — простая и весёлая история о сложных и серьёзных вещах. Есть дети как дети — с играми, ссорами, фантазиями и бестолковостью. Есть пионерство, уже никому не нужное и формальное. А есть вампиры, которым надо жить среди людей, но по своим вампирским правилам. Как вампирская мистика внедряется в мёртвые советские ритуалы и переделывает живое и естественное детское поведение? Как любовь и дружба противостоят выморочным законам идеологии и вампиризма? Словом, чей горн трубит для горниста и под чей барабан шагает барабанщик?»

Алексей Иванов

Алексей Иванов
ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ



Алексей Иванов — писатель, сценарист и культуролог. Он работает в самых разных литературных форматах. «Географ глобус пропил», «Блуда и МУДО», «Общага-на-Крови» и «Ненастье» — современная городская проза. «Золото бунта» и «Сердце пармы» — модернистские исторические романы. «Псоглавцы» и «Комьюнити» — интеллектуальные триллеры. «Горнозаводская цивилизация», «Хребет России» и «Увидеть русский бунт» — масштабные фотокниги о национальной и нестоличной истории.

«Это роман вовсе не о том, что весёлый парень Витька не может в своей жизни обрести опору. И не о том, что молодой учитель географии Служкин влюбляется в собственную ученицу. Это роман о стойкости человека в ситуации, когда нравственные ценности не востребованы обществом. Роман о том, как много человеку требуется мужества и смирения, чтобы сохранить «душу живую», не впасть в озлобление или гордыню, а жить по совести и любви» (Алексей Иванов).



АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

БЛУДА И МУДО

«Блуда и МУДО» — современный плутовский роман. В провинциальном городе Ковязин молодые педагоги МУДО, бывшего Дома пионеров, спасая своё учреждение от закрытия, устраивают аферу: изображают, что в их загородном летнем лагере полным-полно отдыхающих школьников. Главный герой, философ и бонвиван Борис Моржов, путешествует по прежним любовницам-училкам, как Чичиков по усадьбам помещиков, и «чичит» сертификаты — «мёртвые души» несуществующих обитателей лагеря. А ещё в романе есть проститутки, продажные менты, коррупционеры-чиновники, деревенские алкаши и много прочего пёстрого народа. Но весёлый роман формулирует очень серьёзный вопрос: что правильнее, быть успешным или быть подлинным?»

Алексей Иванов



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОВА

ISBN 978-5-17-114201-8



9 785171 142018

Содержит
нецензурную
брань